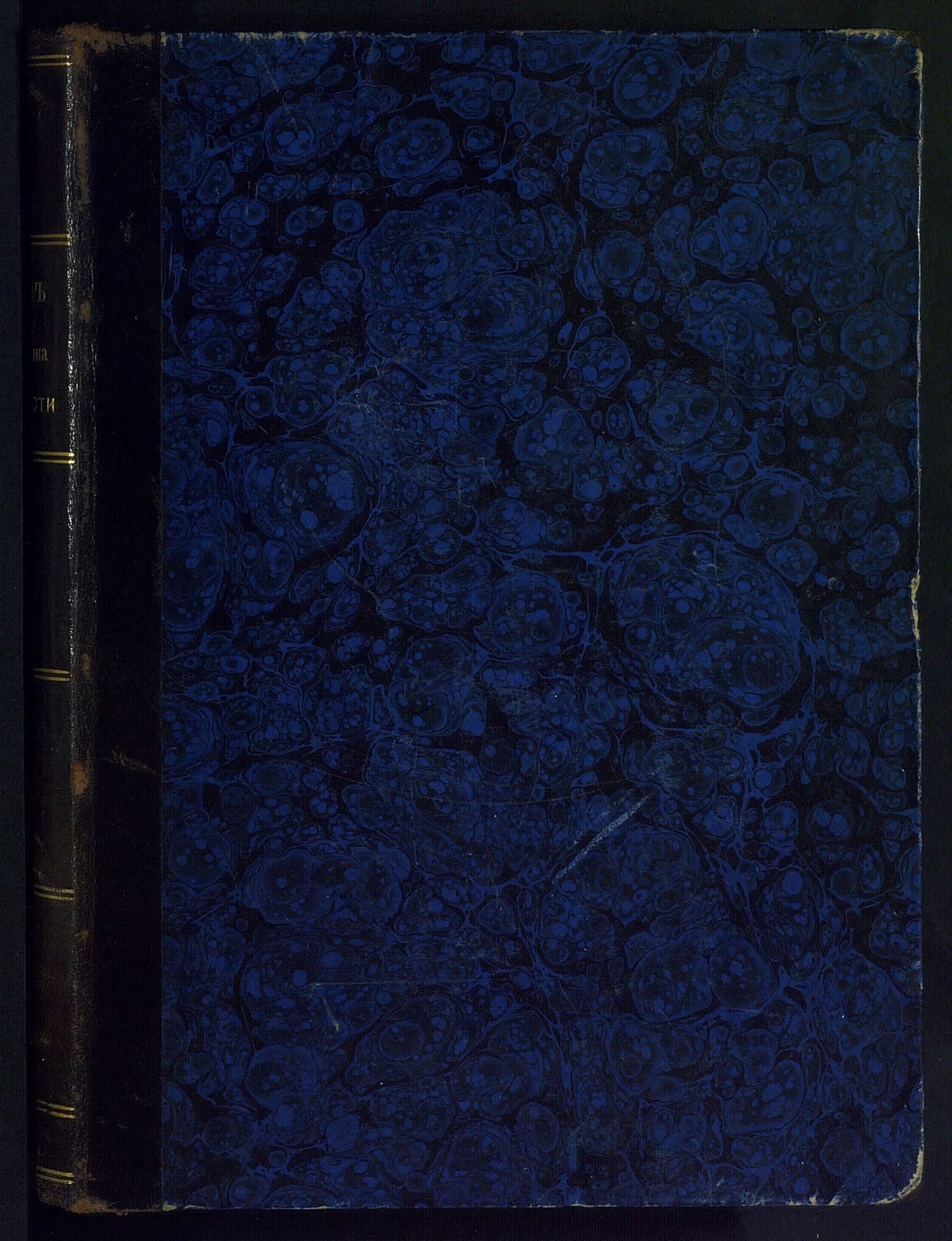
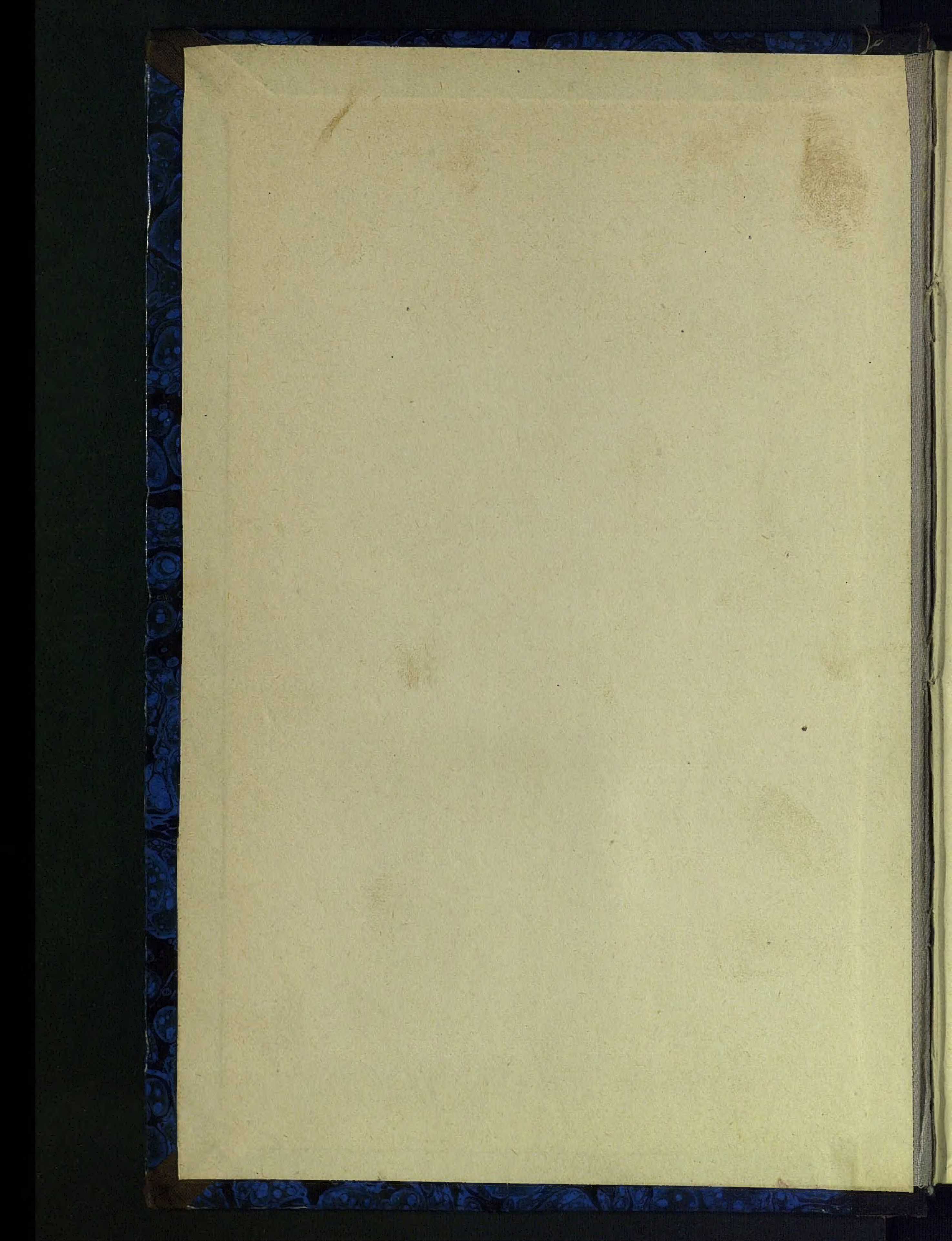
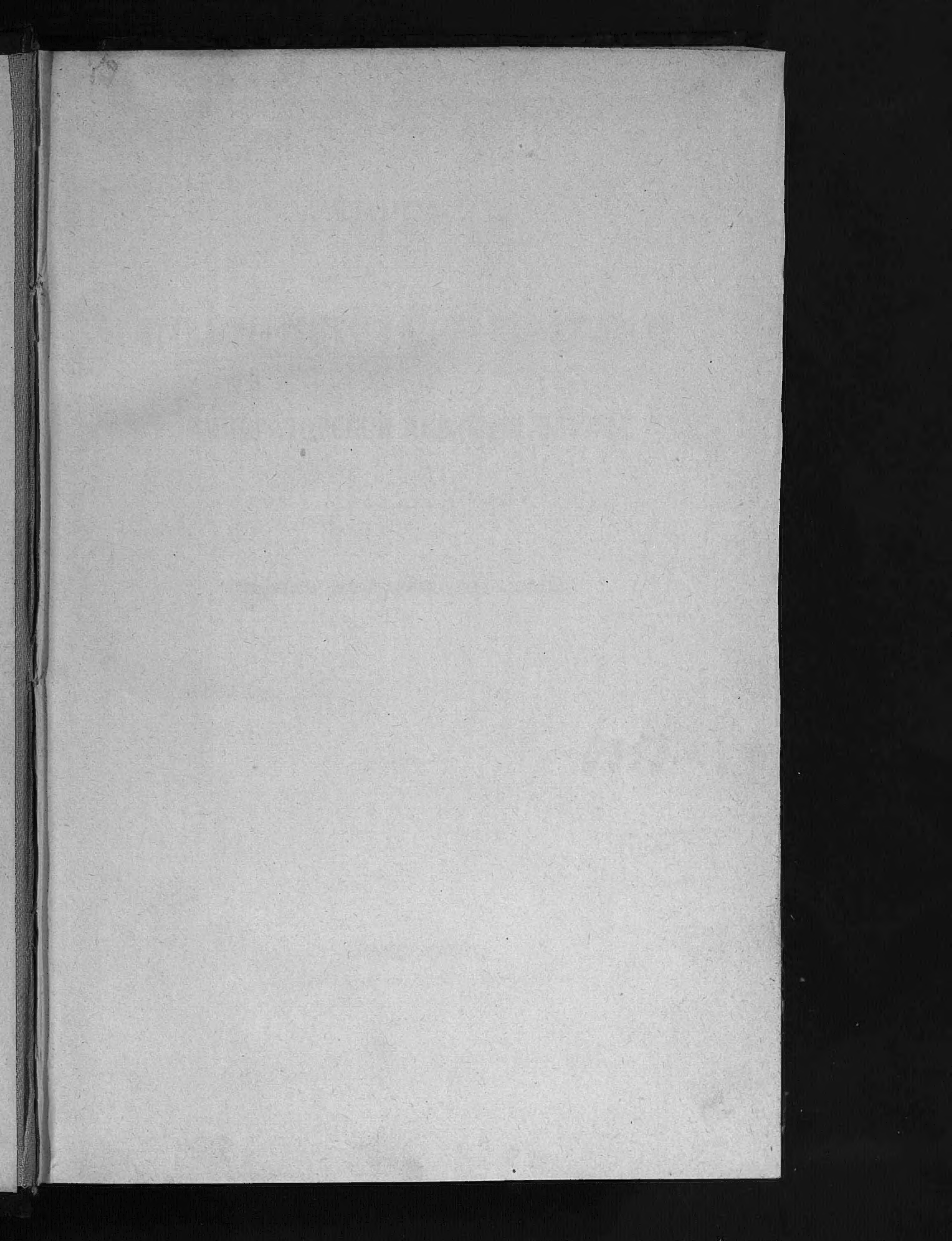

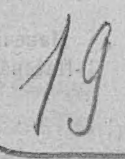

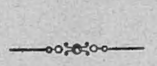
СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9-я лин., № 12.)
1878.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Ноябрь 1878 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XIX, № 1.

ИСТОРІЯ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ.

М. И. Сухомлинова.

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр. 9-я лин., № 12).
1878.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. С.-Петербургъ, Ноября 1878 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИСТОРІЯ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ.

Россійская академія екатерининскаго періода призвала къ участію въ трудахъ своихъ лучшія научныя силы тогдашней Россіи, замѣчательныхъ русскихъ ученыхъ, имѣвшихъ полное и неоспоримое право на пріобрѣтенное ими званіе дѣйствительныхъ членовъ академіи наукъ. Мы останавливаемся съ особенною подробностью на ученыхъ писателяхъ, принадлежавшихъ двумъ нашимъ академіямъ, и дѣлаемъ это по слѣдующимъ причинамъ.

Исторія учрежденія, вызваннаго цѣлями научными и литературными, находится въ тѣсной связи съ судьбами русскаго просвѣщенія, образованности и литературы. Поэтому мы считаемъ необходимымъ обращать вниманіе на всѣ тѣ черты въ дѣятельности членовъ этого учрежденія, которыя проливаютъ свѣтъ на состояніе и движеніе нашей литературы и образованности. Мы смотрѣли и смотримъ на исторію россійской академіи какъ на обширную главу изъ исторіи русской литературы и просвѣщенія въ концѣ восемнадцатаго и въ началѣ девятнадцатаго столѣтія. Каждый изъ членовъ россійской академіи, принимаясь за ту или другую работу по вызову академіи, дѣйствовалъ подъ вліяніемъ окружавшей его не только академической, но и вообще литературной среды, и вліяніе это сказывалось болѣе или менѣе очевиднымъ образомъ. Въ исторіи русской словесности всего менѣе разработана та ея отрасль, которая всего полнѣе выражала движеніе умственной жизни и оказывала несомнѣнное просвѣтитель-

ное дѣйствіе на читающее общество. Научный отдѣлъ нашей словесности, исторія науки въ Россіи — обыкновенно остается въ тѣни при обозрѣніи общаго хода литературы. Старинное понятіе о содержаніи и объемѣ словесности, ограничивающее кругъ ея стихотворствомъ и краснорѣчіемъ, какъ говорили когда-то, или поэзіи и бельлетристики, какъ стали говорить впослѣдствіи, — упорно держалось у насъ втеченіе долгаго и долгаго времени. Вчитываясь и вдумываясь въ то, что высказано русскими учеными восемнадцатаго столѣтія, все болѣе и болѣе убѣждаешься, что дѣятельность ихъ не прошла безслѣдно, что голосъ ихъ не былъ голосомъ вопіющихъ въ пустынѣ, хотя его и заглушали болѣе громкіе звуки торжественныхъ одъ, героическихъ поэмъ и другихъ излюбленныхъ формъ тогдашней литературной теоріи. Дѣятелями науки, вносившими богатые вклады въ исторію русскаго просвѣщенія, были преимущественно лица, принадлежавшія двумъ учрежденіямъ — академіи наукъ и россійской академіи. Тѣмъ болѣе поводовъ подробно излагать дѣятельность академиковъ, что въ литературѣ нашей нѣтъ исторіи академіи наукъ, и превосходный трудъ Пекарскаго не обнимаетъ собою екатерининской эпохи, ознаменованной весьма важными событіями въ академической жизни.

Связующимъ звеномъ въ исторіи академіи наукъ и россійской академіи является учено-литературная дѣятельность Ломоносова. Ученики Ломоносова принадлежали къ первому поколѣнію русскихъ ученыхъ, вступившихъ въ россійскую академію. Румовскій, Котельниковъ, Протасовъ получили свое научное образованіе подъ руководствомъ Ломоносова; Лепехинъ и Иноходцовъ были учениками Румовскаго и Котельникова; Озерецковскій, Соколовъ, Севергинъ образовались подъ благотворнымъ вліяніемъ Лепехина, и т. д. Названныя нами поколѣнія русскихъ ученыхъ, отъ Ломоносова до Севергина, связаны между собою основными началами своей научной дѣятельности и литературнымъ преданіемъ, вытекавшимъ изъ жизненныхъ условій времени и историческаго хода русской образованности.

Всѣ наши ученые, избранные въ екатерининскую эпоху въ члены россійской академіи, принадлежали, подобно Ломоносову, къ математикамъ и натуралистамъ, и, также подобно ему, расширяли кругъ своей дѣятельности, перенося ее въ область чисто литературную. Такое же явленіе замѣчается и у другихъ народовъ, будучи естественнымъ слѣдствіемъ тогдашняго состоянія наукъ и образованности въ Европѣ. Заслуги нашихъ ученыхъ признавались и признаются какъ современными имъ свѣтилами науки, такъ и позднѣйшими судьями, крайне строгими въ отношеніи къ своимъ предшественникамъ и отрицающими историческую точку зрѣнія. Знаменитый Палласъ съ большимъ сочувствіемъ и уваженіемъ отзывался о трудахъ русскаго натуралиста Соколова, а Леонардъ Эйлеръ отстаивалъ русскаго математика Котельникова, рѣшительно предпочитая его иностраннымъ претендентамъ на каѳедру высшей математики въ петербургской академіи наукъ.

Русскимъ ученымъ восемнадцатаго столѣтія приходилось, подобно Ломоносову, прокладывать путь къ водворенію у насъ науки и защищать права ея въ борьбѣ съ невѣжествомъ, равнодушіемъ и предразсудками. Сама жизнь заставляла Ломоносова такъ часто и такъ горячо доказывать, что наука не враждебна религіи; что изученіе законовъ природы не умаляетъ, а возвышаетъ религіозное чувство, и что великій грѣхъ возставать на науку и задерживать ея свободное развитіе. Одинъ изъ учениковъ Ломоносова, Протасовъ, подробно объяснялъ значеніе слова «природа» съ цѣлью опровергнуть обвиненіе, взводимое на науку, что будто бы она приписываетъ природѣ и ея законамъ ту силу и то всемогущество, которыя неотъемлемо и нераздѣльно принадлежатъ божеству. Подобная же мысль проглядываетъ и въ доказательствахъ важности и значенія той или другой науки, приводимыхъ ея представителями. Исчисляя матеріальныя блага, которыя приноситъ наука въ ея примѣненіи, ученые указывали и на то, что свѣтъ наукъ ведетъ къ разумѣнію истины, къ познанію Творца въ его твореніи.

Вторая половина восемнадцатаго столѣтія ознаменована пробужденіемъ въ русскомъ обществѣ самосознанія. Въ литературѣ оно выразилось въ дѣятельности Новикова—въ содержаніи и направленіи его журналовъ, въ изданіи памятниковъ исторической жизни русскаго народа, и т. д. То же стремленіе къ самопознанію обнаруживается и въ ученыхъ путешествіяхъ по Россіи, предпринятыхъ съ цѣлію ознакомиться съ естественными и бытовыми особенностями Россіи. Еще Ломоносовъ доказывалъ необходимость путешествія по Россіи для опредѣленія географическаго положенія мѣстъ, для производства метеорологическихъ наблюденій, вмѣстѣ съ тѣмъ для собиранія лѣтописей, и т. п. Такъ же широко задуманы и достойнымъ образомъ исполнены путешествія по Россіи, совершенныя Лепехинымъ, Иноходцовымъ, Озерецковскимъ, Соколовымъ, обогатившія науку новыми данными и положившими твердое начало всестороннему изученію Россіи.

Русскіе академики, отъ Ломоносова до Севергина, трудились для водворенія знаній въ Россіи, для поднятія умственнаго уровня русскаго общества и для народнаго образованія. Съ этими цѣлями они составляли учебники и руководства на русскомъ языкѣ, читали публичныя лекціи, помѣщали научныя, общедоступныя статьи въ повременныя изданія, и т. д. Членамъ академіи наукъ и россійской академіи принадлежитъ честь созданія и усовершенствованія русской научной терминологіи. Благодаря ихъ усиліямъ наука впервые заговорила у насъ на родномъ языкѣ — событіе въ высшей степени важное не только въ исторіи русскаго литературнаго языка, но и въ исторіи русской образованности вообще. Въ литературѣ всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ считается эпохою введеніе роднаго языка въ область науки, и высоко цѣнятся заслуги лицъ, которыя, подобно Вольфу въ Германіи, начали писать о научныхъ предметахъ на отечественномъ языкѣ.

Трудясь для науки и просвѣщенія, наши ученые, отъ Ломоносова до Севергина, отзывались на требованія общественныя, и

не мало содѣйствовали внесенію въ общество просвѣтительныхъ началъ. То, что написано Озерецковскимъ по поводу университетовъ и цензуры, проникнуто такимъ уваженіемъ къ правамъ разума и къ свободѣ изслѣдованія, такимъ сочувствіемъ къ наукѣ и литературѣ, что должно быть по всей справедливости отнесено къ лучшимъ произведеніямъ тогдашней, не только русской, но и вообще европейской, публицистики.

Разнообразіе и внутреннее достоинство литературной дѣятельности нашихъ ученыхъ возлагало на насъ обязанность изложить ее повозможности полнѣе, не упуская ни одной выдающейся черты, и основываясь на точномъ свидѣтельствѣ первыхъ источниковъ. Необходимо было составить указатель всего написаннаго нашими учеными, отъ многотомныхъ сочиненій до статей и замѣтокъ, разсѣянныхъ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, а частію уцѣлѣвшихъ только въ рукописи. Изъ массы собраннаго нами мы выбирали то, что имѣетъ наиболѣе значенія для характеристики писателя и его времени. Мы полагали, что чѣмъ болѣе данныхъ будетъ приведено, тѣмъ полнѣе и вѣрнѣе можетъ обрисоваться образъ писателя, кругъ его мыслей и преобладаюдающее направленіе его литературной дѣятельности. Необходимо было постоянно обращаться къ собственнымъ свидѣтельствамъ писателей, потому что произведенія ихъ весьма мало извѣстны, а частію и вовсе неизвѣстны. Впервые говоря о трудахъ, нетронутыхъ изслѣдователями нашей литературы, мы не могли ограничиваться намеками и бѣглыми указаніями, и надо было приводить самые факты, на основаніи которыхъ дѣлались тѣ или другіе выводы. Притомъ самый способъ изложенія много значитъ въ отношеніи къ трудамъ писателей, дѣйствовавшихъ въ академіи русскаго языка и словесности: суду ихъ подвергались многія произведенія, оригинальныя и переводныя, появлявшіяся въ русской литературѣ, и потому естественно возникаетъ вопросъ, какъ сами судьи смотрѣли на свою задачу, и какъ велики ихъ собственныя заслуги въ исторіи русскаго языка и слога. Члены россійской академіи и вообще русскіе писатели того времени придавали

*

большую цѣну переводамъ съ иностранныхъ языковъ. Карамзинъ, раздѣляя исторію русскаго слога на нѣсколько періодовъ, первый изъ нихъ начинаетъ съ Кантемира, второй — съ Ломоносова, а третій — съ *переводовъ* Елагина и его многочисленныхъ подражателей. При выборѣ мѣстъ для сличенія переводовъ съ подлинниками мы руководствовались какъ стилистическимъ значеніемъ переводовъ, такъ и содержаніемъ ихъ, служившимъ для русскаго читающаго общества проводникомъ идей, высказанныхъ замѣчательными писателями древняго и новаго міра.

Рядъ предложенныхъ нами очерковъ жизни и трудовъ членовъ россійской академіи, бывшихъ въ то же время членами академіи наукъ, заключается помѣщаемымъ въ настоящемъ выпускѣ обозрѣніемъ учено-литературной дѣятельности академика Севергина.

В. М. СЕВЕРГИНЪ.

Академическая гимназія и университетъ. — Пребываніе заграницею. — Вступленіе въ академію наукъ. — Учено-литературные труды. — Публичныя лекціи. — Путешествіе Севергина по Россіи. — Инструкціи другимъ путешественникамъ. — Участіе въ періодической литературѣ. — Переводъ Плинія. — Переводъ Зульцера. — Переводъ сочиненія Бартелеми. — Похвальныя слова. — Дѣятельность въ россійской академіи.

I.

Василій Михайловичъ Севергинъ (1765—1826) былъ сынъ «вольнаго человѣка» придворнаго музыканта, и, находясь при отцѣ, не только выучился русской грамотѣ, но и пріобрѣлъ начальныя свѣдѣнія въ трехъ иностранныхъ языкахъ [1]). Одиннадцати лѣтъ Севергинъ отданъ въ академическую гимназію, а по окончаніи въ ней курса перешелъ въ академическій университетъ, т. е. получилъ званіе студента. 5 сентября 1776 года онъ принятъ въ

академическую гимназію по опредѣленію коммиссіи академіи наукъ, постановившей: «Представленнаго отъ вольнаго человѣка Михайлы Севергина сына его малолѣтняго Василья, который сверхъ россійской грамоты обученъ уже имъ нѣсколько латинскому, французскому и нѣмецкому языкамъ, такожъ ариѳметикѣ и рисованію, и желаетъ начатое имъ не только далѣе продолжать, но притомъ обучаться такожде и другимъ, по склонности его, преподаваемымъ въ академической гимназіи знаніямъ и наукамъ, на собственномъ отца его содержаніи, отослать въ оную гимназію; и вслѣдствіе того о допущеніи его, Василья Севергина, въ помянутую гимназію для обученія въ вышеупомянутыхъ наукахъ и языкахъ, на основаніи обучающихся при оной вольныхъ на собственномъ содержаніи учениковъ, дать инспектору гимназіи Бакмейстеру съ сей резолюціи копію» [2]).

Академическая гимназія находилась тогда подъ управленіемъ академика Лепехина. На основаніи одобрительнаго отзыва Лепехина о гимназистѣ Севергинѣ онъ принятъ былъ на казенное содержаніе, а черезъ два года произведенъ въ студенты [3]).

Какъ одинъ изъ даровитѣйшихъ питомцевъ академическаго университета Севергинъ избранъ былъ для отправленія заграницу съ цѣлью довершить тамъ свое научное образованіе. Главное участіе въ этомъ дѣлѣ принимали: академикъ Лепехинъ и директоръ академіи наукъ княгиня Дашкова. Замѣтивъ выдающіяся дарованія четырехъ академическихъ студентовъ, и въ числѣ ихъ Севергина, княгиня Дашкова обратилась къ содѣйствію Лепехина и просила его удостовѣриться какъ въ ихъ любознательности и расположеніи къ научнымъ занятіямъ вообще, такъ и въ томъ, для изученія какой отрасли знанія каждый изъ нихъ имѣетъ и болѣе склонности и болѣе предварительной подготовки. Лепехинъ, хорошо знавшій потребности, стремленія и успѣхи молодыхъ людей, долгое время находившихся подъ его руководствомъ, заявилъ, что Севергинъ избираетъ минералогію. Для изученія минералогіи Севергинъ и былъ отправленъ заграницу, именно въ Геттингенъ [4]).

II.

Въ архивѣ академіи наукъ сохранилась, данная студенту Севергину, передъ отъѣздомъ его заграницу, исправленная рукою Лепехина, инструкція или

ПРЕДПИСАНІЕ,

данное изъ императорской академіи наукъ отправленному отъ оныя въ иностранные университеты для довершенія наукъ студенту Севергину, какъ ему себя въ оныхъ весть и чему именно обучаться.

1. Вопервыхъ долженъ ты имѣть страхъ божій, православную грекороссійскую вѣру по крайней возможности содержать всецѣло; и вести благочинное и постоянное житіе.

2. Ея императорскаго величества высокому интересу и чести академіи стараться всякимъ образомъ споспѣшествовать.

3. Но какъ по собственному твоему избранію и по склонности твоей посылаешься ты для изученія минералогіи, то во первыхъ надлежитъ тебѣ прилагать стараніе о нужныхъ и намѣренію твоему способствующихъ знаніяхъ; а именно:

A) Довольное познаніе физики къ дальнѣйшимъ успѣхамъ твоимъ долженъ ты почитать за основаніе.

B) Непремѣнно нужно тебѣ пріобрѣсть основательное знаніе физической географіи.

C) Хотя главный предметъ упражненій твоихъ составляетъ рудословіе, однако долженъ ты стараться снискать знаніе и въ другихъ царствахъ природы.

D) На химію, а особливо металлургію не менѣе долженъ ты употреблять раченія; ибо безъ сей послѣдней не можешь ты достичь твоего намѣренія.

E) Когда допуститъ тебѣ случай видѣть разныя собранія минераловъ, то рѣдкимъ изъ нихъ долженъ ты дѣлать краткія для себя описанія и замѣчанія о мѣстахъ, гдѣ таковыя находятся.

F) Когда прилучится тебѣ быть на рудникахъ или металлическихъ заводахъ, то стараться разсматривать слои земные, покрывающіе рудныя жилы; признаки, по коимъ до рудныхъ жилъ доходятъ; разное жилъ наклоненіе, углубленіе, возвышеніе, пресѣченіе, самое ихъ смѣшеніе, и какой именно камень или земля маткою онымъ служатъ; и всѣ таковыя замѣчанія рачительно тебѣ вносить въ записную книгу.

G) Равнымъ образомъ разсматривать тебѣ прилежно всѣ расположенія и укрѣпленія рудниковъ, махины какъ вододѣйствуемыя, такъ и для подъятія тяжестей служащія; строеніе всѣхъ заводскихъ печей; и вникать во всѣ подробности заводскія, выгоды и недостатки оныхъ.

H) При странствованіяхъ твоихъ не упускать случаевъ испытывать самимъ собою минеральныя воды, осматривать каменоломни, записывать слои крутыхъ осыпей; замѣчать пространства лица земнаго, множествомъ коковаго либо ископаемаго отмѣнитыхъ, какъ-то: песчаныя, глинистыя, мергелевыя и пр.; плоски-ли они или возвышены; наблюдать сложеніе и протяженіе горъ и сліяніе разныхъ породъ ископаемыхъ въ каковой либо горный составъ, ибо таковыя наблюденія болѣе тебѣ современемъ принесутъ пользы, нежели малые куски ископаемыхъ, въ собраніяхъ хранимые.

I) Всѣ таковыя замѣчанія вносить тебѣ въ данную книгу и оную по прошествіи года присылать въ академію, какъ доказательство твоего по предписанію исполненія.

4. Кромѣ выше предписанныхъ тебѣ главныхъ упражненій, долженъ ты стараться усовершить себя въ свободныхъ наукахъ, и тѣхъ языкахъ, коимъ ты здѣсь уже твердое положилъ основаніе.

5. Когда приступать будешъ къ прохожденію каковыхъ либо профессорскихъ наставленій, то объ оныхъ увѣдомлять тебѣ академію заблаговременно; и безъ позволенія академіи изъ Геттинга въ другіе университеты не отъѣзжать, но предоставить сіе попеченію академіи, которая смотря по надобности и успѣхамъ

твоимъ (о коихъ, какъ и о всемъ прочемъ, долженъ ты чрезъ каждые четыре мѣсяца присылать въ академію донесенія и свидѣтельства отъ тамошнихъ господъ профессоровъ) сама сего предписать не оставитъ.

6. Академія за благо разсудила поручить надзираніе за поведеніемъ твоимъ г. доктору Виллиху, коему ты долженъ оказывать благопристойное послушаніе и почтеніе.

7. На все твое содержаніе въ Геттингѣ имѣешь ты получать отъ академіи по 300 рублей въ годъ, которые располагать такъ, чтобы оныхъ на всѣ твои потребности, на покупку нужныхъ книгъ и плаченіе за наставленія г. профессорамъ доставало, и въ долги ни подъ какимъ видомъ не входить, ибо академія оныхъ платить за тебя не будетъ.

8. На опредѣленное тебѣ жалованье по третямъ года будешь ты получать векселя на твое имя, но если академія увѣдомлена будетъ о не бережномъ твоемъ съ деньгами обхожденіи, чему непремѣннымъ слѣдствіемъ бываетъ развратная жизнь и трата невозвратнаго времени (хотя академія сему отъ тебя быть не надѣется), то въ такомъ случаѣ возвращенъ ты будешь обратно безвременно, и подвергнешься строгому взысканію. Точное же исполненіе всего предписаннаго составитъ собственное твое благополучіе [5]).

Севергинъ и его товарищи отправились изъ Петербурга заграницу 8 іюля 1785 года, какъ видно изъ точнаго указанія журнала академіи наукъ. Въ журналѣ 14 іюля 1785 года отмѣчено: «какъ назначенные въ Геттингъ для наукъ студенты: Григорій Павловъ, Алексѣй Кононовъ, Василій Севергинъ и Яковъ Захаровъ сего іюля 8 дня въ помянутый городъ уже отправились и онаго числа казенной пищи не получали, то о семъ здѣсь для вѣдѣнія записано» [6]).

Три съ половиною года Севергинъ пробылъ въ Геттингенѣ, и профессора тамошняго университета: знаменитый Кестнеръ, а также Гмелинъ и Лихтенбергъ, неоднократно извѣщали академію наукъ объ успѣхахъ Севергина и его товарищей, а профессоръ

Виллихъ, принявшій на себя ближайшій надзоръ за молодыми людьми, свидѣтельствовалъ о хорошемъ поведеніи русскихъ студентовъ [7]).

III.

По возвращеніи академическихъ студентовъ изъ Геттингена, въ началѣ 1789 года, они были подвергнуты испытанію въ академіи наукъ. Отзывы академиковъ, участвовавшихъ въ испытаніи, должны были служить приговоромъ, рѣшающимъ, до какой степени молодые люди воспользовались средствами, представленными имъ къ довершенію образованія, и въ какой мѣрѣ приготовлены къ дальнѣйшей, самостоятельной научной дѣятельности. Свѣтила тогдашней академіи, натуралисты Палласъ и Лепехинъ, а равно и другіе ученые выразили убѣжденіе, что Севергинъ употребилъ свое время съ несомнѣнною пользою, и обнаруживаетъ не только основательныя свѣдѣнія, но и положительное призваніе къ ученымъ занятіямъ и изслѣдованіямъ.

Лепехинъ предлагалъ Севергину вопросы объ опредѣленіи пола въ вастеніяхъ; о движеніи въ нихъ соковъ; о системѣ Linнея и объ основахъ дѣленія растеній на семейства, классы, роды и виды. Вопросы, предложенные Палласомъ, касаются пищеварительнаго процесса птицъ, кровообращенія у рыбъ, органическаго видоизмѣненія насѣкомыхъ, а также соотношенія царства минеральнаго съ царствомъ животнымъ и растительнымъ, и т. д.

Въ донесеніи своемъ директору академіи наукъ Лепехинъ говоритъ: «Испытывалъ я успѣхи возвратившагося изъ Геттинга воспитанника академіи г. Севергина въ ботаникѣ, которая побочный предметъ въ его ученіи составляла. Отвѣты его на заданные вопросы доказываютъ ясно, что и на сію часть естественной исторіи время и иждивеніе употреблено имъ съ пользою, и что онъ самъ, безъ руководства другихъ, совершеннаго знанія въ сей части достигнуть можетъ. Почему весьма желательно, чтобы ему доставлены были способы и сдѣлано ободреніе къ усовершенію себя въ наукахъ [8])».

Отвѣты Севергина по минералогіи Палласъ и Георги признали вполнѣ основательными; въ отвѣтахъ на другіе вопросы, чисто зоологическіе, Палласъ видѣлъ доказательство и свѣдѣній Севергина, и его способности къ самостоятельнымъ трудамъ, и его призванія къ ученому поприщу. Академикъ Крафтъ заявилъ, что отвѣты Севергина свидѣтельствуютъ о даровитости Севергина и его познаніяхъ въ физикѣ и химіи [9]).

Независимо отъ устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ по различнымъ отраслямъ естествознанія Севергинъ представилъ двѣ научныя работы: одну по минералогіи — о свойствахъ и образованіи базальта, другую по химіи — о щелочныхъ соляхъ. Разсмотрѣніе первой работы академія поручила Палласу, разсмотрѣніе второй — Горги и Соколову. Палласъ съ большою похвалою отзывается о трудѣ Севергина, и признаетъ за авторомъ неотъемлемое право вступленія въ ученую корпорацію, которую заранѣе привѣтствуетъ съ принятіемъ достойнаго сочлена. Работа Севергина до того хороша, — говоритъ Палласъ — что если бы я не убѣдился въ его свѣдѣніяхъ на устномъ испытаніи, то готовъ былъ бы признать ее произведеніемъ другаго, гораздо болѣе опытнаго ученаго [10]).

Испытаніе Севергина увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: онъ удостоенъ званія дѣйствительнаго члена академіи наукъ. Въ собраніи конференціи академи 18 іюня 1789 года Севергинъ, по предложенію директора академіи Дашковой, единогласно избранъ адъюнктомъ по каѳедрѣ минералогіи. Въ собраніи конференціи 6 мая 1793 года заявлено было о возведеніи Севергина въ званіе академика или профессора минералогіи [11]).

IV.

Съ поступленія своего въ академичаскую гимназію и до самой смерти, слѣдовательно втеченіе полувѣка, Севергинъ принадлежалъ академіи наукъ: тринадцать лѣтъ въ званіи ученика и студента, и тридцать семь лѣтъ въ званіи академика. Существенною стороною и главнымъ содержаніемъ его академической дѣятель-

ности служатъ его учено-литературные труды, рядъ которыхъ, начинаясь съ тѣхъ поръ, когда авторъ былъ еще студентомъ академическаго университета, продолжается непрерывно до послѣднихъ мѣсяцевъ жизни замѣчательнаго русскаго натуралиста. Въ приложеніи къ нашей монографіи мы помѣщаемъ подробный указатель учено-литературныхъ трудовъ Севергина, расположивъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. При составленіи указателя мы пользовались какъ печатными изданіями сочиненій Севергина, такъ и рукописями, сохранившимися въ академическомъ архивѣ, въ числѣ которыхъ весьма много автографовъ. Мы считали нужнымъ обозначить всѣ произведенія нашего ученаго, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, какъ большія, такъ и малыя, отъ изданій въ нѣсколькихъ томахъ до статей въ нѣсколько страницъ и самыхъ краткихъ замѣтокъ, — чтобы сколько возможно полнѣе и съ наибольшею точностью опредѣлить кругъ его разносторонней дѣятельности въ области науки и литературы [12]).

Севергинъ былъ истиннымъ труженикомъ науки, вполнѣ понималъ ея требованія и будучи превосходно знакомъ съ литературою своего предмета, стоялъ на высотѣ современнаго ему развитія естествознанія въ европейскомъ ученомъ мірѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ ученый русскій, любящій свое отечество и знающій его умственныя потребности, Севергинъ постоянно имѣлъ въ виду изученіе Россіи и произведеній ея природы, обогащеніе русской ученой литературы и распространеніе знаній въ русскомъ обществѣ. Въ самомъ началѣ своей дѣятельности молодой ученый, по его собственнымъ словамъ, стремился къ тому, чтобы «научиться познавать россійскіе минералы, россійскіе способы ихъ добыванія, приготовленія и обработыванія, кои всѣ во многомъ разнятся отъ иностранныхъ [13])». Представляя академіи трудъ свой, Севергинъ говоритъ: «единая изъ обязанностей академика есть собранныя въ наукахъ свѣдѣнія распространять въ россійскомъ государствѣ: сіе побудило меня свободное отъ прочихъ моихъ занятій время посвятить на сочиненіе опыта минералогическаго описанія Россіи [14])». Въ другомъ заявленіи ученому собранію ака-

деміи наукъ Севергинъ говоритъ: c'était sur un plan premedité que j'ai donné les differens ouvrages systematiques parus en langue russe, dont le but principal était de fournir à mes compatriotes, tant qu'il dependait de moì, l'ensemble des connaissances minéralogiques, и т. д. [15]).

Главною, существенною задачею минералога и натуралиста вообще Севергинъ считалъ самую строгую точность въ наблюденіяхъ и описаніяхъ съ уклоненіемъ отъ всякихъ произвольныхъ теорій, иногда весьма заманчивыхъ, но въ концѣ концовъ безполезныхъ и даже вредныхъ. Вмѣсто желаемаго свѣта и движенія они вносятъ въ науку непроницаемую тьму и подавляющій застой. Нѣмцы все систематизируютъ, — замѣчаетъ Севергинъ о современныхъ ему минералогахъ — французы и итальянцы обращаютъ особенное, исключительное вліяніе на волканы; только шведскіе, англійскіе и русскіе ученые занимаются изученіемъ каменныхъ породъ. Въ послѣднее время страсть къ теоріямъ одержала верхъ надъ стремленіемъ къ точности наблюденій и изслѣдованій. Посѣщаютъ какую-либо каменоломню, окидываютъ ее бѣглымъ взглядомъ, довольствуются первымъ впечатлѣніемъ, и воротившись домой даютъ полную волю воображенію; оно начинаетъ работать, и въ тиши кабинета создается новая теорія. Но она распадается при первомъ появленіи другихъ лицъ, выносящихъ иное впечатлѣніе. И какая же польза отъ подобной смѣны и столкновенія взглядовъ. Безъ точныхъ наблюденій и изслѣдованій нѣтъ и не можетъ быть науки.... Такова сущность воззрѣній Севергина на науку и на тотъ, единственно вѣрный, путь, который открывался ея служителямъ въ нашемъ отечествѣ [16]).

Точное и подробное описаніе растеній и животныхъ въ различныхъ странахъ Европы—говоритъ Севергинъ—много содѣйствовало развитію науки и принесло несомнѣнную пользу обществу. Такихъ же благотворныхъ плодовъ надо ожидать отъ русской ориктографіи. Русскимъ натуралистамъ предстоитъ изучать свойства естественныхъ произведеній Россіи, ихъ отличительныя особенности, мѣсторожденіе, разнообразные виды и т. п. Отдавая

должную справедливость ученымъ путешественникамъ по Россіи: Палласу, Реновацу, Герману и другимъ, Севергинъ находитъ необходимымъ для русскихъ минералоговъ описывать со всевозможною подробностью и съ соблюденіемъ научныхъ требованій произведенія минеральнаго царства, о которыхъ путешественники-натуралисты упоминаютъ только въ общихъ чертахъ [17]).

Мемуары Севергина писаны большею частью порусски, а нѣкоторые изъ нихъ—полатыни или пофранцузски. Первою научною работою его былъ латинскій мемуаръ о базальтѣ; къ числу послѣднихъ его произведеній принадлежатъ русскіе мемуары: о разумовскитѣ, о пеліомѣ и о цвѣтахъ минераловъ [18]). По содержанію своему мемуары и статьи Севергина представляютъ замѣчательное разнообразіе: въ нихъ излагаются предметы, относящіеся къ области минералогіи, физики, химіи, физики земнаго шара, технологіи, сельскаго хозяйства, и т. д.

Для спеціальныхъ изслѣдованій необходима подготовка и общее знакомство съ кругомъ тѣхъ предметовъ, изученію которыхъ посвящаютъ себя труженики науки. Чтобы принести свою долю пользы молодому поколѣнію русскихъ ученыхъ и облегчить имъ путь къ дальнѣйшей самостоятельной дѣятельности, Севергинъ считалъ необходимымъ предлагать общія обозрѣнія науки въ ея полномъ объемѣ. Нѣкоторые изъ наиболѣе обширныхъ трудовъ Севергина заключаютъ въ себѣ систематическое изложеніе данныхъ, добытыхъ наукою, во всей ихъ совокупности, имѣющее цѣлью служить руководствомъ для учащихся и содѣйствовать распространенію знаній въ русскомъ обществѣ. Что касается внутренняго достоинства произведеній замѣчательнаго русскаго ученаго, то для вѣрной оцѣнки его дѣятельности необходимо перенестись мыслію въ его время и не терять изъ виду тѣхъ условій, въ которыя неизбѣжно поставлены были, въ силу историческаго движенія образованности, русскіе ученые вообще и натуралисты въ особенности. Обладая обширными и разнообразными свѣдѣніями въ области естествознанія, Севергинъ постоянно и дѣятельно трудился надъ разработкою научныхъ вопросовъ, и находясь на

уровнѣ современнаго ему состоянія европейской науки, въ трудахъ своихъ слѣдовалъ такимъ свѣтиламъ тогдашняго ученаго міра, какъ знаменитый Гайю (Haüe) въ минералогіи, Лавоазье въ химіи, и т. д. Усвоивая русской научной литературѣ открытія, совершаемыя первостепенными учеными различныхъ странъ Европы, Севергинъ вносилъ и свои посильные, и для того времени важные, вклады въ русскую науку, изучая и описывая то, что находилъ достопримѣчательнымъ въ научномъ отношеніи. Богатымъ матеріаломъ служили ему собранія, находившіяся въ музеяхъ и кабинетахъ академіи наукъ и другихъ ученыхъ обществъ и учрежденій. Неутомимый труженикъ, авторъ многихъ сочиненій и переводчикъ книгъ съ иностранныхъ языковъ, Севергинъ много содѣйствовалъ образованію и обогащенію русской научной терминологіи — заслуга существенная и неотъемлемая, имѣющая особенное значеніе въ исторіи русской ученой литературы. Нѣкоторые изъ употребляемыхъ Севергинымъ русскихъ терминовъ, какъ напримѣръ *окисленіе* и т. п. также усвоены языкомъ науки, какъ введенное знаменитымъ современникомъ Севергина слово *промышленность* усвоено языкомъ литературнымъ.

Въ концѣ XVIII и въ началѣ и въ первой четверти XIX столѣтія Севергинъ издалъ нѣсколько замѣчательныхъ трудовъ по митералогіи и по химіи. На основаніи данныхъ, сообщаемыхъ во введеніи къ этимъ трудамъ, можно составить понятіе какъ о значеніи ихъ для своего времени, такъ и вообще о научныхъ пріемахъ автора и отличительныхъ свойствахъ его учено-литературной дѣятельности.

«Преподавая неоднократно публичныя въ минералогіи наставленія при академіи наукъ, — говоритъ Севергинъ — находилъ я завсегда необходимымъ начертаніе оной на россійскомъ языкѣ съ присовокупленіемъ всего того, что въ оной вновь изобрѣтено, исправлено, перемѣнено или прибавлено было. Въ семъ намѣреніи съ самаго начала составлены были мною для слушателей моихъ записки, изъ коихъ потомъ, по исправленіи и приведеніи

ихъ въ надлежащій порядокъ, произошли издаваемыя мною нынѣ *первыя основанія минералогіи.* Я раздѣлилъ оныя на двѣ части, изъ коихъ первая заключаетъ въ себѣ вкратцѣ все то, что о минералахъ вообще примѣчать должно, чего ради и отличена оная заглавіемъ: *всеобщія разсужденія о ископаемыхъ тѣлахъ.* Вторая же, наименованная *практическою,* содержитъ систематическое ископаемыхъ тѣлъ расположеніе съ подробнымъ описаніемъ каждаго изъ оныхъ. Въ первой части главное затрудненіе составляли минералогическіе термины, введенные наипаче знаменитымъ нѣмецкимъ минералогомъ Вернеромъ, кои я однакоже, сколько въ силахъ моихъ было, на россійскомъ языкѣ выразить старался съ присовокупленіемъ описанія ихъ различныхъ знаменованій. Сего ради и занимался я здѣсь наипаче наружными признаками ископаемыхъ тѣлъ, помощію помянутыхъ терминовъ способомъ г. Вернера кратко и ясно выражаемыми и составляющими существенную часть ѳеорической минералогіи. При семъ показалъ я также способъ употребленія оныхъ при описаніи ископаемыхъ тѣлъ, который хотя въ существѣ своемъ и сходствуетъ со способомъ г. Вернера, однако предложенъ и употребленъ иначе, ибо таковой онаго перемѣны требовалось по свойству нашего языка. Я принялъ раздѣленіе ископаемыхъ тѣлъ только на *классы, роды, виды, отличія* и дальнѣйшія разности, и почелъ за нужное опредѣлить точнѣе каждое изъ сихъ именованій. Слѣдовательно и отношу я читателей моихъ къ сей части, ежели встрѣтится имъ какое либо сумнѣніе, почему тотъ или другой минералъ отнесенъ къ тому или другому роду или виду и пр. Да и вообще надлежитъ мнѣ замѣтить, что для лучшаго уразумѣнія второй части, необходимо напередъ читать должно сію первую, а особливо первыя оной главы, которыя заключаютъ въ себѣ ключь всей системы минералогіи. Здѣсь найдутъ также начертаніе нужныхъ при изученіи минералогіи пособій; при чемъ старался я употреблять учиненныя по сей части наблюденія знаменитѣйшихъ минералоговъ, приводя завсегда того писателя, изъ коего я почерпалъ. Съ каковымъ все сіе учинено мною успѣ-

хомъ, предлагаю на сужденіе свѣдущимъ въ сей части мужамъ.

Во второй части наблюдалъ я слѣдующій порядокъ. По учиненномъ главномъ ископаемыхъ тѣлъ раздѣленіи, относилъ я къ классамъ ихъ роды, къ родамъ виды, къ видамъ отличія и пр., и старался предпосылать всегда общія понятія, дабы частныя различія тѣмъ явственнѣе были. При описаніи же видовъ и отличій поступалъ слѣдующимъ образомъ. Сперва замѣчалъ составляющія части; потомъ наружные признаки; послѣ оныхъ разныя химическія и другія ихъ свойства; потомъ приводилъ ихъ разности, а наконецъ, пользу и употребленіе съ присовокупленіемъ особыхъ примѣчаній, гдѣ оныя требовались. Систематическій порядокъ мною принятый въ существѣ своемъ также сходствуетъ съ тѣмъ, который предложенъ отъ г. Вернера, исключая, что я о нѣкоторыхъ тѣлахъ упоминалъ прежде или послѣ, нежели какъ въ Вернеровой системѣ показано, какъ то мнѣ по предмету моему казалось нужнымъ. Сверхъ того мѣстами перемѣнены дальнѣйшія его раздѣленія, а индѣ присовокуплены виды россійскихъ минераловъ, въ новѣйшія времена изслѣдованныхъ, напримѣръ, *Вилуйскій гіацинтъ*, *Байкальскій пренитъ*, *малиновый шерлъ*, *мареканскіе камни* и пр. Латинскія систематическія наименованія, кои стараніемъ г. Вернера и его послѣдователей, нынѣ почти съ Линнеевою точностію каждый видъ и отличіе ископаемыхъ тѣлъ опредѣляютъ, приняты мною, такъ какъ они введены новѣйшими минералогами, исключая токмо то, что я наипаче при соляхъ употреблялъ наименованія, относящіяся къ *Лавоазьеровой* химической номенклатурѣ, такъ какъ и вообще сей классъ солей составляетъ паче химическую часть минералогіи, и познается болѣе по химическимъ оныхъ свойствамъ, нежели по наружнымъ признакамъ, кои сего ради здѣсь и не такъ часто употребляются. А какъ предварительныя химическія понятія въ минералогіи необходимо нужны, то и проходилъ я обыкновенно прежде всѣхъ прочихъ сей классъ солей, при коемъ случаѣ старался соединять прежнія химическія понятія съ антифлогистическою *Лавоазьеровою*

химическою ѳеоріею. При нѣкоторыхъ ископаемыхъ тѣлахъ приводилъ я подробно разности наружныхъ видовъ, какъ напр. способомъ славнаго Карстена при *плавикѣ*. Сіе учинилъ я подобно ему для того наипаче, дабы чрезъ то показать, на что обращать должны наиболѣе свое вниманіе тѣ, кои собираютъ себѣ многочисленные минеральные кабинеты, ежели отъ оныхъ пользу имѣть хотятъ. Вообще нужно имѣть въ семъ намѣреніи пять различно расположенныхъ минеральныхъ кабинетовъ:

1) для наружныхъ признаковъ;
2) для систематической минералогіи;
3) для геогнозіи;
4) для минералогическаго землеописанія, и
5) для экономической минералогіи.

Всѣ же вмѣстѣ составляютъ они полный минеральный кабинетъ. А способъ расположенія оныхъ зависитъ отъ основательнаго и подробнаго изученія минералогіи, чего ради и книга сія издается. Наконецъ, присовокуплено мною въ видѣ прибавленій описаніе сложенныхъ породъ и окаменѣлостей, кои въ существѣ своемъ хотя прежде уже и описаны были; но по важности своей и по великому вліянію въ толкованіи ѳеоріи земли особеннаго требовали разсмотрѣнія. И здѣсь признаюсь я искренно, что я много почерпалъ изъ другихъ писателей, и наипаче изъ сочиненій г. профессора Гмелина, славнаго Вернера, Карстена, Видеманна и пр. И не только сіе не скрывалъ, но приводилъ завсегда имена ихъ, коль скоро я гдѣ изслѣдованія ихъ употреблялъ. Часто приводилъ я также и знаменитаго Валлерія, яко мужа, который въ свое время съ отличнымъ раченіемъ описалъ наибольшее число извѣстными бывшихъ тогда минераловъ. Вообще старался я при сочиненіи сей книги не упустить ничего такого, чрезъ что бы оная могла сдѣлаться полезною обучающимся минералогіи, въ коей съ столь великимъ успѣхомъ соотчичи наши въ нынѣшнія времена упражняются»[19].

Нѣсколько лѣтъ спустя Севергинъ издалъ подробный минералогическій словарь, и въ предисловіи къ нему сказано слѣдующее:

«Минералогія, подобно многимъ другимъ физическимъ наукамъ, въ образованіи своемъ шествовала медлительно, возрастала постепенно, чрезъ цѣлые вѣки пребывала въ забвеніи, искажаема была множествомъ баснословныхъ преданій, и наконецъ не прежде, какъ съ осьмагонадесять столѣтія начала достигать до того совершенства, въ коемъ оную нынѣ обрѣтаемъ. Во времена тѣхъ греческихъ философовъ, кои наиболѣе упражнялися въ естественной исторіи, или коихъ преданія наиболѣе до насъ достигли, занимались токмо общими сей науки понятіями. Стихіи и первыя начала тѣлъ, кажется, долгое время были пріятнѣйшимъ предметомъ изслѣдованій. Токмо случай, нужда, и нерѣдко суевѣріе заставляли ихъ входить въ большія подробности, и исчислять ископаемыя тѣла, кои постепенно открываемы были. Нѣсколько металлическихъ существъ, нѣкоторыя земли и соли, малое число камней, составляли тогда всю почти минералогію. Неутомимый Плиній, предавшій намъ въ среднія времена все, что до него извѣстно было, хотя, кажется, несравненно большее число минераловъ противу предшественниковъ своихъ именуетъ, но едва-ли о нѣкоторыхъ точное понятіе намъ оставилъ.

Но таково есть общее изображеніе приращенія знаній человѣческихъ. Плѣнялись цвѣтами, прозрачностію, блескомъ и различнымъ наружнымъ камней образованіемъ; но не входили, либо и не имѣли случая входить въ дальнѣйшіе ихъ виды и разности. Удивлялись мнимой цѣлебной силѣ и другимъ свойствамъ земель; но не знали точнаго ихъ различія и состояній, кои оныя принимать могутъ. Чувствовали великую пользу, отъ металловъ пріобрѣтаемую; но ограничиваясь извѣстнымъ для нихъ числомъ, не могли даже и мнить, чтобы существовали еще подобныя имъ тѣла. Знали нѣкоторыя соли; но не вѣдали въ точности, въ сколь различныя вступаютъ онѣ соединенія. Наводненія ихъ устрашали; но произведенія ихъ оставались закрытыми. Огнедышущія горы ужасали ихъ своими слѣдствіями; но новыя ископаемыхъ породы, отъ того происходящія, предавались забвенію. Столь мало обращаемо было вниманія на сію многочисленность тѣлъ безорудныхъ,

таковымъ и многими другими средствами образуемыхъ! Столь ограничены были знанія минералогическія!

Но когда начали вникать въ существенное каждаго ископаемаго тѣла различіе, когда вообще наблюденія умножились и утвердились правилами зрѣлой философіи, когда постепенно открываемы были вѣрнѣйшіе способы къ настоящему минераловъ распознаванію, когда особливо химія, сія вѣрная путеводительница всѣхъ физическихъ наукъ, новыми озаренная лучами, проліяла свѣтъ свой и на самую минералогію, тогда содѣлалась она наукою твердою, постоянною, основательною, полезною, фабрикамъ, ремесламъ, художествамъ и искусствамъ новые способы къ удовлетворенію нуждъ человѣческихъ открывающею. Систематическое ископаемыхъ тѣлъ расположеніе содѣлалось согласнѣе съ существомъ ихъ, образъ ихъ различенія точнѣе, наблюденія вѣрнѣе, и все вообще подало, наконецъ, поводъ къ открытію многихъ породъ, о коихъ существованіи прежде сего даже и не мнили.

Наипаче въ послѣднія пятнадцать или двадесять лѣтъ сдѣлано столько новыхъ открытій, новыхъ перемѣнъ и поправленій, что необходимо требовалось новаго ихъ обозрѣнія, какъ для утвержденія тѣхъ, кои достовѣрны, такъ и для показанія таковыхъ, кои подвержены сумнѣнію, и вообще показать, въ какомъ состояніи находится нынѣшняя минералогія. Къ сожалѣнію любители и учители минералогіи надѣлали при томъ столь много новыхъ названій, не рѣдко одно и то же тѣло означающихъ, что приведеніе ихъ въ систематическомъ порядкѣ не малую причинить можетъ запутанность.

Дабы познать значеніе оныхъ, казалось мнѣ, подобно нѣкоторымъ другимъ, приличнѣйшимъ способомъ привести и описать ихъ въ азбучномъ порядкѣ, или сочинить минералогическій словарь, въ коемъ бы подробно и съ точностію приведены были всѣ ископаемыя тѣла, доселѣ извѣстныя, по различнымъ ихъ наименованіямъ, съ приличнымъ показаніемъ какъ наружныхъ признаковъ, такъ физическихъ и химическихъ ихъ свойствъ.

Исполняя сію обязанность, почелъ я также нужнымъ показать содержанія ихъ въ нѣдрахъ горъ и другія извѣстнѣйшія ихъ соотношенія. А дабы словарь сей наипаче соотечественникамъ моимъ еще большую могъ принести пользу, приводилъ я, сколько могъ, во всей подробности *мѣста, гдѣ описуемыя тѣла находятся въ Россіи,* также различную ихъ пользу и употребленіе.

А какъ въ нынѣшнія времена два наипаче способа разсматриванія и опредѣленія ископаемыхъ тѣлъ содѣлались, по справедливости, наиболѣе принятыми, то есть способъ г. Вернера въ разсужденіи наружныхъ признаковъ, и г. Гаю въ отношеніи къ кристаллографіи, то для вящшаго удовлетворенія россійской публики соединялъ я при каждомъ болѣе извѣстномъ ископаемомъ тѣлѣ опредѣленія обоихъ сихъ знаменитыхъ минералоговъ.

Мнѣ казалось, по крайней мѣрѣ, что ежели знаменитые въ наукахъ мужи; какъ-то: Макеръ (коего химическій словарь на всѣ почти европейскіе языки преложенъ былъ), Бомаръ, Криницъ, Гелеръ и другіе подобнымъ трудомъ занимались, да и нынѣ искуснѣйшіе естествоиспытатели во Франціи, каковы суть: Шапталь, Саннини, Оливіе, Патрень и пр. таковымъ занимаются, то долгъ мой долженствовалъ быть, чтобъ издать таковой же въ отношеніи къ минералогіи на отечественномъ языкѣ. Я охотно признаюсь, что пользовался здѣсь, великою частію, изслѣдованіями иностранныхъ минералоговъ; но все прилагалъ раченіе мое въ выборѣ ихъ и надлежащемъ соображеніи; нѣкоторыя статьи принадлежатъ къ *собственнымъ моимъ наблюденіемъ.*

Въ прочемъ словарь сей можетъ служить дополненіемъ къ минералогіи, мною въ 1798 году въ двухъ частяхъ изданной; а какъ я въ оной подробно изъяснилъ наружные признаки способомъ г. Вернера, то здѣсь занялся наипаче преложеніемъ и изъясненіемъ словоименованія (номенклатуры) г. Гаю, которое я старался выразить, сколько могъ, приличнѣйшимъ образомъ; съ каковымъ успѣхомъ, предоставляю сужденію почтенной публики, и дальнѣйшему исправленію яко перваго многотруднаго опыта,

каковой и предлагается во вступленіи къ сему словарю съ нужнѣйшими фигурами.

Дабы, наконецъ, желающіе могли по сему словарю познать минералы въ систематическомъ порядкѣ, присовокупилъ я послѣ сего вступленія двѣ системы, одну г. Гаю, а другую г. Карстена, яко наиболѣе принятыя»[20]).

Появленіе замѣчательнаго по мысли опыта минералогическаго описанія Россіи авторъ объясняетъ такимъ образомъ:

«Первыя стези къ точнѣйшему познанію естественныхъ произведеній отечества нашего проложили ученыя путешествія академиковъ и нѣкоторыхъ другихъ въ наукахъ искусныхъ мужей. Но какъ въ запискахъ ихъ описываются предметы по мѣрѣ какъ оные встрѣчались ихъ наблюденіямъ, и разсѣяны по разнымъ мѣстамъ драгоцѣнныхъ ихъ сочиненій, то и не могли оные доходить до свѣдѣнія каждаго, развѣ токмо по многотрудномъ пріискиваніи или по рачительномъ разбираніи многочисленныхъ трудовъ ихъ. Для вящшаго распространенія ихъ пользы, для вящшей удобности въ употребленіи наблюденій ихъ и примѣчаній, надлежало привести ихъ въ такой систематическій порядокъ, по коему бы, такъ сказать, единымъ взглядомъ обозрѣть можно было все то, что доселѣ въ разныхъ странахъ пространной имперіи россійской открыто было; надлежало къ старымъ наблюденіямъ присовокупить новыя, къ извѣстнымъ неизвѣстныя, и все вообще представить въ такой связи, которая бы удовлетворяла и любопытству читателей, и учебному порядку была прилична.

Правда, что покойный академикъ Георгій, мужъ знаніями и трудолюбіемъ извѣстный, не упустилъ уже сего предмета изъ виду изданіемъ географическо-статистическаго описанія Россіи, напечатаннаго въ 1797 году. Но какъ сочиненіе сіе объемлетъ слишкомъ много предметовъ, а въ теченіе времени послѣ того сдѣлано много новыхъ открытій и изслѣдованій, сверхъ того писано на иностранномъ языкѣ, то и не могло оно въ отечествѣ нашемъ принести всей той пользы, которой отъ онаго по справедливости ожидать должно было.

По поводу сему, но ограничиваясь единственно предметами ископаемаго царства, принялъ я намѣреніе, съ позволенія академіи наукъ, издать на россійскомъ языкѣ предлагаемое здѣсь сочиненіе. *Матеріалы* для второй части *собираемы были мною въ теченіи многихъ лѣтъ, и не малою частію основываются на моихъ собственныхъ наблюденіяхъ, либо на мѣстѣ, либо по доставляемымъ штуфамъ.* Въ первой части послѣдовалъ я кромѣ другихъ помянутому академику Георгію, такъ какъ сей послѣдовалъ наблюденіямъ ученыхъ путешественниковъ.

Чувствовалъ я трудность сего предпріятія; но вѣдая, сколь пріятно любителю отечества знаніе естественныхъ онаго произведеній; сколь оное нужно при новыхъ заведеніяхъ и обработываніяхъ, таковыя тѣла предметомъ имѣющихъ; сколь особливо обучающемуся юношеству полезно по усовершенствованіи себя въ минералогіи, знать мѣста, гдѣ оныя въ Россіи дѣйствительно обрѣтаются; вѣдая вообще, сколь много любителей сея науки открывается при распространеніи просвѣщенія въ нѣдрахъ отечества, долгомъ моимъ почелъ собрать нужнѣйшія и вѣрнѣйшія въ семъ отношеніи свѣдѣнія, и приведя ихъ въ надлежащій порядокъ, издать на россійскомъ языкѣ въ пользу моихъ соотечественниковъ подъ именемъ: Опытъ минералогическаго землеописанія Россіи.

По крайней мѣрѣ обучающіе минералогіи могутъ имѣть чрезъ то способъ къ пріятному оной повторенію обучающимся, показывая на картахъ географическихъ сперва горные кряжи, сцѣпленіе ихъ и другія достопамятности, потомъ какими каждая губернія и въ какихъ именно мѣстахъ отличается произведеніями.

Въ прочемъ при всемъ раченіи употребленномъ на трудъ сей, не можетъ оный изъятъ быть отъ погрѣшностей и недостатковъ, коихъ исправленія отъ времени и дальнѣйшихъ наблюденій ожидать должно, почему и предлагается сочиненіе сіе только такъ какъ *опытъ*»[21]).

Севергинъ неоднократно выказывалъ мысль о тѣсной связи

минералогіи съ химіею. Руководствуясь убѣжденіемъ въ необходимости и важности изученія химіи для развитія минералогіи, какъ науки, Севергинъ составилъ руководство къ химическому испытанію ископаемыхъ тѣлъ; издалъ химическій словарь, и т. п.

«Химія въ послѣдней половинѣ нынѣ истекшаго столѣтія— писалъ онъ въ 1801 году—получила совершенно новый видъ, а вмѣстѣ съ нею и другія, въ неразрывной связи съ оною находящіяся науки. Изобрѣтенія Пристлея и изслѣдованія Лавоазьера возвели оную на ту степень совершенства, въ коей мы оную нынѣ обрѣтаемъ. Умозрѣнія химическія содѣлались явственнѣе и достигли гораздо высшей степени вѣроятія, нежели каковое имѣли тѣ, кои прежде сего существовали. Оныя болѣе подтверждаются опытами, нежели сіи послѣднія. Посему не удивительно, что наибольшая часть химиковъ сдѣлались послѣдователями оныхъ, и что толкованія наибольшей части физическихъ наукъ перемѣнили видъ свой. Да и большая часть открытій въ сихъ наукахъ, въ послѣдніе годы сего столѣтія учиненныхъ, произтекли отъ сего же источника. *Физикъ* гораздо явственнѣе изъясняетъ дѣйствія воздуха, воды, огня и пр. *Физіологъ* достовѣрнѣе опредѣляетъ причину краснаго цвѣта крови и естественной теплоты животныхъ и пр. *Медикъ* помощію сего открываетъ новые способы къ излѣченію различныхъ болѣзненныхъ припадковъ. *Технологъ* находитъ надежнѣйшія средства къ размноженію и усовершенствованію обработываемыхъ имъ произведеній какъ то: селитры, вина, уксуса и пр. *Экономъ* основательнѣе судитъ о удобряющихъ нивы средствахъ. Найдены способы къ произведенію различныхъ полезныхъ газовъ и къ поправленію тѣхъ, кои вредны; найдены способы разлагать ихъ, и составляющія ихъ части употреблять въ нашу пользу. *Металлургія* и *пробирное искуство*, содѣлывающія часть прикладной химіи, должны были неминуемо возъимѣть ту же счастливую перемѣну. Или ежели сіи науки не были еще во всѣхъ своихъ частяхъ объяснены по сему самому умозрѣнію, то сіе происходило только отъ того, что знаменитые химики, старавшіеся утвердить опытами своими самую ѳеорію,

не имѣли довольно времени, чтобы заняться особенно симъ отдѣленнымъ предметомъ. Въ совершенномъ убѣжденіи о большей вѣроятности и явственности сей новой, такъ называемой антифлогистической, или справедливѣе Лавоазьеровой ѳеоріи, принялъ я намѣреніе учинить прикладъ оной къ пробирному искуству.

Въ прочемъ стараніе мое при сочиненіи сей книги клонилось къ тому, чтобъ, елико возможно, объяснить все то, что до сего искуства принадлежитъ; чтобъ избрать начертаніе, могущее служить лучшимъ руководствомъ въ изученіи онаго; чтобъ показать лучшія орудія, въ семъ искуствѣ употребительныя; чтобъ назначить надежнѣйшія, вѣрнѣйшія и легчайшія средства къ испытанію рудъ, и вообще ничего не упустить изъ тѣхъ открытій, кои въ новѣйшія времена искуснѣйшими химиками учинены были. Я не намѣренъ былъ наполнять сію книгу многимъ излишнимъ приведеніемъ писателей, коихъ я употреблялъ, а упомяну только вкратцѣ здѣсь, что главные изъ оныхъ суть Крамеръ, Леманъ, Валлерій, Клапротъ, Веструмбъ, Гмелинъ, Геттлингъ, Шереръ, Гренъ, Фуркроа, Жакенъ, Вокеленъ и пр. Впрочемъ многіе опыты повторяемы были мною самимъ въ разныхъ моихъ преподаваніяхъ. И потому, ежели я преимущественно избралъ для объясненій Лавоазьерову ѳеорію, то сіе я учинилъ по убѣжденію, коего достигнулъ чрезъ таковые опыты».... [22]).

«Каждая наука тѣмъ болѣе распространяется, и тѣмъ скорѣе приноситъ ожидаемую отъ нея пользу, чѣмъ болѣе облегчаются способы къ пріобрѣтенію основательныхъ въ оной познаній. Химія, учинившая, наипаче съ половины прошедшаго столѣтія, быстрые въ усовершенствованіи своемъ успѣхи, принадлежитъ къ числу тѣхъ наукъ, кои наиболѣе вниманія и прилежанія нашего требуютъ. Всякому извѣстно великое ея вліяніе во всѣ прочія физическія науки и близкое ея соотношеніе со многочисленными фабриками, заводами, искуствами и ремеслами. Конечно, самый ближайшій способъ къ облегченію пріобрѣтенія познаній въ оной, состоитъ въ преподаваніи ея правилъ на самыхъ опытахъ, съ

приличнымъ оныхъ объясненіемъ. Но всякій-ли и во всякомъ ли мѣстѣ можетъ пользоваться оными? Между тѣмъ безчисленные есть случаи, въ коихъ знаніе оныхъ необходимо нужно, и завсегда полезно. Систематическія по сему предмету творенія имѣютъ всю свою важность и цѣну тогда наипаче, когда наука по онымъ преподается или изъясняется мужемъ свѣдущимъ, основательнымъ и искуснымъ. Иначе могутъ оныя затруднить несвѣдущихъ, особливо желающихъ пріобрѣсти познанія только въ нѣкоторыхъ частныхъ предметахъ. Тѣмъ паче, что въ таковыхъ твореніяхъ не всегда приводятся всѣ нужныя подробности, а разсматривается болѣе связь истинъ и умозрѣніе науки. Если напротивъ того потребно облегчить для всякаго любителя науки способы пріобрѣтенія познаній въ оной, то приличнѣйшій порядокъ есть азбучный, по коему всякій, по желанію, пріискиваетъ то слово, коего изъясненіе ему знать потребно. Польза будетъ еще существеннѣе, если потомъ всѣ статьи приведены будутъ въ порядокъ систематическій. Сверхъ того надлежитъ прежде утвердить слова, а потомъ уже преподавать правила науки.

Съ такою, конечно, цѣлью, многіе основательнѣйшіе и знаменитѣйшіе химики предпринимали трудъ частію къ сочиненію, частію къ преложенію химическихъ словарей. Такимъ образомъ давно уже извѣстенъ химическій словарь Макера, содѣлавшійся классическимъ твореніемъ, которое Кейръ преложилъ на англійскій языкъ, Скополи на итальянскій, Пернеръ и Леонгарди на нѣмецкій; такимъ образомъ Бургетъ, и въ новѣйшія времена знаменитый Клапротъ издали подобные на нѣмецкомъ языкѣ.

Вѣроятно даже, что и химическія фабрики въ Англіи, во Франціи, Германіи и пр. въ большее противъ другихъ государствъ пришли совершенство по той же причинѣ, то есть что облегчены для всякаго способы къ пріобрѣтенію познаній въ химіи.

Желая споспѣшествовать пользѣ моихъ соотечественниковъ въ такомъ же отношеніи, предпринялъ я издать химическій словарь на россійскомъ языкѣ.

Я избралъ для сего основаніемъ химическій словарь Шарль-Луи-Кадета, профессора химіи, члена фармацевтической коллегіи и свободнаго общества фармацевтиковъ въ Парижѣ, медицинскаго совѣта при префектурѣ полиціи, врачебнаго общества соревнованія, общества одобренія народной промышленности, общества наукъ и художествъ, и атенея въ Парижѣ, корресподента атенея тулузскаго, общества медико-хирургическаго и фармацевтическаго въ Брикселѣ, и другихъ ученыхъ обществъ члена. Къ сему побудили меня многочисленность и разнообразность описанныхъ въономъ предметовъ, всегдашній прикладъ химическихъ основаній и правилъ къ естественной исторіи, и особливо къ фабрикамъ, ремесламъ, искуствамъ и ко всѣмъ почти частямъ промышленности человѣческой, сверхъ того основательность сужденій, пріятность слога и приличное употребленіе всѣхъ новѣйшихъ по химіи открытій, опытовъ и изслѣдованій. Я бы желалъ токмо, чтобъ переводъ мой соотвѣтствовалъ нѣкоторымъ образомъ достоинству подлинника. Впрочемъ предагая статьи, въономъ заключающіяся, не слѣдовалъ я слѣпо каждому предложенію, но гдѣ мнѣ нужно казалось, иное ограничивалъ, иное сокращалъ, иное дополнялъ; вообще, наблюдая смыслъ, принаровлялъ къ россійскому образу выраженія.

Главное затрудненіе въ изданіи сего труда состояло въ химическихъ терминахъ, кои во всей обширности на россійскомъ языкѣ столь слабо опредѣлены, что всякій почти употребляетъ свою номенклатуру, а многія слова вновь сочинять должно.

Между тѣмъ разсудивъ, что изъ многихъ извѣстныхъ можно принять средину то есть нѣкоторыя совсѣмъ оставить, другія ограничить, иныя исправить, а многія дополнить, наблюдая, сколько можно, чтобъ таковыя перемѣны согласны были со свойствомъ языка, приступилъ я къ сему труду слѣдующимъ образомъ:

1) Нѣкоторыя слова, по поводу другихъ, сократилъ; какъ то вмѣсто *кислотворное вещество*, *водотворное вещество*, сократилъ на *водотворъ*, *кислотворъ* и пр. *Глинистую землю*, *извест-*

ную землю—на *глину*, *известь*, такъ какъ и иностранцы не обинуясь именуютъ ихъ *alumine*, *chaux*, *thon*, *kalk* и пр. Также *oxide* называю *окись*, *oxidule окисль; щелочную соль* называю *щелочь*.

2) Нѣкоторымъ словамъ или названіямъ сдѣлалъ новый оборотъ. Такимъ образомъ поступилъ я наипаче вразсужденіи такъ называемыхъ среднихъ солей, переводя

sulfate,	на	*сѣрнокислыя*,
nitrate,		*селитрокислыя*,
muriate,		*солекислыя*,
carbonate и пр.		*углекислыя соли*;
sulfate de soude,		*сѣрнокислая сода*,
nitrate de potasse,		*селитрокислый поташъ*,
muriate de chaux,		*солекислая известь*,
carbonate de magnesie		*углекислая магнезія*.

Удобство сихъ названій состоитъ въ томъ, что самое названіе показываетъ составъ тѣла, а именно, когда мы говоримъ *сѣрнокислая соль*, то изъ названія тотчасъ видимъ, что сія соль содержитъ въ себѣ *кислоту*, что кислота сія есть *сѣрная*, а когда говоримъ *сѣрнокислый поташъ*, то видимъ что въ сей соли сѣрная кислота соединена съ поташемъ и т. д.

Французскія слова:

sulfites,
acetites,
phosphites и пр.
перевожу
сѣрнокисловатыя,
уксусокисловатыя,
фосфорнокисловатыя соли,

что ни слуху не противно, и самую вещь довольно выражаетъ, то есть что сіи соли содержатъ такую кислоту, коей основаніе недовольно насыщено кислотворомъ.

Нѣкоторыя употребляютъ для сего названіе *недокислыя*, что въ существѣ составитъ почти то же.

3) Нѣкоторыя слова оставилъ такъ, какъ оныя другими были приняты, какъ-то:

сѣрныя,
угольныя,
фосфорныя смѣси и пр. —
sulfures,
carbures,
phosphures.

Сіи названія означаютъ тотчасъ, что въ составахъ содержится *сѣра, уголь, фосфоръ*; если бы сіи тѣла находились въ нихъ въ состояніи кислоты, то названія перемѣнились бы въ *сѣрнокислыя, углекислыя, фосфорнокислыя соли* и пр. Если бы основанія сихъ кислотъ недовольно были насыщены кислотворомъ, то бы назывались *сѣрнокисловатыя, фосфорнокисловатыя соли* и пр. Такимъ образомъ кажется мнѣ, что названія по существу состава, легко, понятно, и такъ сказать, сами собою одно въ другое переходятъ.

4) Нѣкоторыя слова перевелъ вновь, какъ-то:

кислецъ — oxidule;
окисленіе окислотвореніе — oxidation, oxigenation;
раскислять, раскисленіе — debruler, desoxidation;
отплавливаніе, прожиганіе — liquation, ressuage и пр.

Нѣкоторыя токмо предложилъ какъ-то:

кремнеземъ, тяжелоземъ — silice, barite;
извинъ — alcohol;
гранникъ — cristal и пр.; но совсѣмъ ихъ не вводилъ, въ ожиданіи одобренія оныхъ или опроверженія.

5) Многія слова оставлялъ такъ, какъ оныя приняты учеными мужами всѣхъ почти народовъ, какъ-то: *поташъ, сода, магнезія, титанъ, теллуръ, хромъ* и пр., хотя въ замѣну нѣкоторыхъ и предлагалъ иногда также россійскія названія.

Прочія, учиненныя мною перемѣны и новыя преложенія словъ

усмотрятъ изъ самаго труда, коего первая часть при семъ издается.

Но я возвращаюсь паки къ самому словарю. Читатель при каждой статьѣ получитъ достаточное понятіе о описуемомъ въ оной предметѣ; но ежели желаетъ пріобрѣсти подробнѣйшее и полное о немъ свѣдѣніе, то потребно читать тѣ статьи, кои съ оною въ связи находятся. Напримѣръ: въ статьѣ *горшечная работа, горшечныя издѣлія*, описано довольно подробно все, что къ онымъ отношеніе имѣетъ, но для дальнѣйшаго о упоминаемыхъ предметахъ соображенія, будутъ читать статьи: *глина, теплотворъ, печи, уголь, окиси желѣзная, свинцовая* и пр. Тогда понятіе болѣе и болѣе распространяется, и наконецъ приводитъ къ полному познанію предмета для употребленія описуемыхъ правилъ въ пользу.

Въ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ казалось нужнымъ, присовокуплены фигуры для объясненія; а для дальнѣйшаго удовлетворенія читателей прибавилъ я къ французскимъ названіямъ нѣмецкія, когда сіи отъ тѣхъ примѣтно отличаются и составляютъ коренныя наименованія. Желалъ бы я токмо, чтобъ успѣхъ труда соотвѣтствовалъ раченію, на оный употребленному. При всемъ томъ не можетъ оный изъятъ быть отъ погрѣшностей, кои по многообразію описуемыхъ предметовъ почти неизбѣжны, и со временемъ исправлены быть могутъ.

Наконецъ, есть въ семъ словарѣ также много названій минераловъ; но какъ описанія оныхъ не всѣ удовлетворительны, то вразсужденіи ихъ, для избѣжанія повтореній, отношу читателей къ изданному мною словарю минералогическому [23])».

Химическій словарь, обработанный Севергинымъ, заключаетъ въ себѣ, какъ сказано въ заглавіи, теорію и практику химіи, съ приложеніемъ ея къ естественной исторіи и искусствамъ. Дополненіемъ къ этому обширному труду служатъ краткіе химическіе словари: латинско-русскій, французско-русскій и нѣмецко-русскій.

«По изданіи химическаго словаря, въ коемъ изъясняются самыя вещи, — говоритъ Севергинъ — нѣкоторые любители

химіи, мужи съ отличнымъ успѣхомъ упражняющіеся по разнымъ оной частямъ и отраслямъ, убѣдили меня къ изданію химическихъ словарей съ иностранныхъ языковъ, съ преложеніемъ словъ на языкъ россійскій.

Чувствуя пользу, могущую произойти отъ такого труда, особливо для тѣхъ, кои хотя химіею въ особенности и не занимаются; но не рѣдко при другихъ своихъ упражненіяхъ имѣютъ надобность въ знаніи точнаго значенія химическихъ словъ и реченій, принялся я за оный, дабы проложить къ тому нѣкоторыя стези.

При разсматриваніи сихъ издаваемыхъ мною словарей читатель удивится великому множеству названій, означающихъ одну и ту же вещь, а потому затемняющихъ самое дѣло. Не довольно упражнявшіеся въ химіи удобно могли бы подумать, что разныя названія означаютъ и разныя существа или составы; но въ томъ бы весьма ошиблись, особливо въ истолкованіяхъ и преложеніяхъ.

И такъ надлежало каждое названіе привести къ настоящему онаго значенію; и о семъ то было здѣсь главное мое тщаніе.

Всѣ химическія названія суть: либо

1) принятыя отъ алхимиковъ;

2) произвольныя;

3) простонародныя;

4) основывающіяся на системѣ флогистической, или Сталія;

5) основывающіяся на системѣ Лавоазьера;

6) на позднѣйшихъ послѣ того изслѣдованіяхъ.

Поелику многія изъ оныхъ означаютъ одно и тоже, а между тѣмъ великое имѣютъ вліяніе на точность понятій химическихъ; то надлежало разобрать каждое изъ оныхъ, и гдѣ возможно преложить въ настоящемъ значеніи, а индѣ истолковать объясненіемъ; что и побудило меня наименовать сей трудъ *Руководствомъ къ удобнѣйшему разумѣнію химическихъ книгъ иностранныхъ.*

Въ семъ отношеніи собралъ я здѣсь, сколько возможно было, всѣ химическія слова какъ древнія, такъ и новѣйшія, а особливо

извѣстнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ химиковъ, кои о изобрѣтеніи названій особенное попеченіе имѣли, какъ то Лавоазье, Де-Морво, Бертоллета, Фуркроа, Бергмана, Гиртаннера, Леонгардія, Грена, Гермштедта, Жакеня, Вейгеля и многихъ другихъ. Дабы трудъ сей содѣлать еще болѣе полнымъ, употребилъ я въ ономъ также всѣ тѣ названія химическія, кои находилъ сверхъ того у Маккера, у Луи-Кадета у Клапрота, у Шапталя и другихъ. Много вспомоществовалъ мнѣ въ семъ химическій словарь г. Ремлера. Наконецъ, въ отношеніи къ новѣйшимъ открытіямъ, помѣстилъ также и тѣ слова, кои введены Пирсомъ, Деви, Томсономъ и вообще эдинбургскими химиками. А дабы ничего не упустить полезнаго, присовокупилъ также названія, до заводовъ, фабрикъ, мануфактуръ, и до разныхъ химическихъ ремеслъ касающіяся. Найдутся здѣсь также слова весьма обыкновенныя; но оныя помѣщены потому, что тѣла, оными означаемыя, составляли предметъ важныхъ изслѣдованій химическихъ.

Такимъ образомъ казалось мнѣ, что все, сколько могъ, совершилъ по сему предмету; но нынѣ открывается вновь пространное поле къ новымъ наименованіямъ. Таковы суть, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ, предлагаемыя названія единымъ изъ знаменитѣйшихъ химиковъ нынѣшняго вѣка, г. Берцеліусомъ.

А именно сей знаменитый химикъ, справедливую заслужившій довѣренность точными своими химическими изслѣдованіями, вопервыхъ пріемля минералогію за необходимую часть химіи, вовторыхъ по особенному своему умозрѣнію, полагая, что въ каждомъ сложенномъ тѣлѣ одна или болѣе электроположительныхъ частей находится въ соединеніи съ одною или болѣе электроотрицательныхъ частей — или что когда соединенія состоятъ изъ окисей, то каждой составляющей части, находящейся въ соединеніи, яко основаніе, соотвѣтствуетъ другая, занимающая мѣсто яко бы кислоты; полагая далѣе, что каждое соединеніе изъ большаго или меньшаго числа таковыхъ окисей имѣетъ естество соли, составилъ по симъ и подобнымъ понятіямъ особыя наиме-

нованія, чему приведемъ мы здѣсь нѣкоторые примѣры. Замѣтимъ при семъ токмо еще то, что при сихъ названіяхъ разумѣются обыкновенно суммы количествъ кислотвора смѣшанныхъ существъ.

arsenietum ferri — мышьячный колчеданъ.

bisilicias calcicus — таблицеобразный шпатъ, известь магнезіальная.

bisilicias aluminicus, cum quadrisilicias beryllicus — изумрудъ.

bisulfuretum ferri — магнитный колчеданъ.

oxidum ferricum — красный желѣзный камень.

oxidum ferroso-ferricum — магнитный желѣзный камень.

quadrisulfuretum ferri — сѣрный колчеданъ.

silicias zincicus — цинковое стекло.

silicias ferroso-magnesicus — хрисолитъ.

silicias aluminico-beryllicus — бериллъ.

subhydras ferricus — желтый желѣзный камень.

subsulphas quadriferricus — смоляная желѣзная руда.

supersilicias ferricus — охрустолованный бурокрасный желѣзный камень.

supercarburetum ferri — графитъ или черный карандашъ.

supertelluretum ferri — самородный теллурій.

trisilicias aluminico-calcicus — мучнистый цеолитъ, и пр.

Слова суть, конечно, выраженія понятій, а чѣмъ болѣе понятій, тѣмъ болѣе распространяется языкъ; и въ семъ отношеніи вводимыя вновь подобныя вышепоказаннымъ названія могутъ иногда быть допускаемы, яко объясненія; но тщаніе придавать новыя наименованія вещамъ или составамъ, имѣющимъ уже приличное названіе, есть злоупотребленіе науки.

Мы нынѣ, къ сожалѣнію, должны учиться болѣе словамъ, нежели самому дѣлу. Можно достовѣрно сказать, и читатель самъ сіе усмотритъ, что на приведенныхъ здѣсь трехъ языкахъ одна и таже вещь имѣетъ иногда даже до тридцати особыхъ названій.

Что подумаетъ учащійся? Куда ни устремитъ вниманіе, вездѣ задерживаютъ его названія; вездѣ останавливается; вездѣ учитъ слова вмѣсто самой вещи! Учащійся теряетъ время, наука — цѣль свою, а общество — пользу отъ оной ожидаемую!

Неоспоримо, что буде открыли новое тѣло, новый составъ, то имѣемъ полное право и должны дать ему новое имя. Но когда названія заимствуются только отъ новаго образа мыслей, отъ постороннихъ обстоятельствъ, случайныхъ, перемѣнѣ подлежащихъ, то не могутъ они не запутать самого дѣла. Блистать изобрѣтеніемъ новыхъ названій въ наукѣ есть блескъ для изобрѣтателя лестный, но для наукъ вредный!

Ежели употребленное названіе основывается на существѣ вещи; ежели выражаетъ оную просто, кратко и ясно; ежели не заключаетъ въ себѣ постороннихъ понятій; ежели согласно со свойствомъ языка, не странно, не дико, не двусмысленно; то имѣя таковыя, можно оставить попеченіе о изобрѣтеніи новыхъ, безъ важной побудительной къ тому причины.

Съ каковымъ успѣхомъ избраны мною названія на россійскомъ языкѣ; о семъ предоставляю судить свѣдущимъ мужамъ»[24]).

V.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Севергинъ принадлежалъ къ числу просвѣщеннѣйшихъ русскихъ людей своего времени, и усердно дѣлился съ своими соотечественниками плодами своихъ изысканій и многосторонней начитанности. Дѣятельность Севергина на пользу русскаго общества выразилась какъ въ учено-литературныхъ трудахъ, такъ и въ чтеніи публичныхъ лекцій, учрежденныхъ при академіи наукъ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ Севергинъ читалъ ежегодно, въ лѣтніе мѣсяцы, публичныя лекціи по минералогіи. Въ 1797 году, онъ читалъ общую минералогію, основанную на химіи; въ 1798 году — курсъ орнитографіи. О лекціяхъ своихъ 1800 года, продолжавшихся до конца сентября, Север-

гинъ говоритъ: «Занимался я въ семъ лѣтѣ преподаваніемъ общихъ минералогическихъ правилъ, а потомъ прошелъ со всею нужною подробностію и приличными для пользы слушателей объясненіями особенно о платинѣ, золотѣ, серебрѣ, мѣди, желѣзѣ, свинцѣ, оловѣ и ртути, изобразивъ какъ качество ихъ въ чистомъ видѣ, такъ и тѣ различныя состоянія, въ коихъ они въ природѣ находятся»[25]).

Вступительная лекція, читанная Севергинымъ при открытіи курса минералогіи, заключаетъ въ себѣ, и должна была заключать по духу того времени, доказательства пользы и значенія минералогіи. Для вѣрнаго и безпристрастнаго вывода о достоинствѣ вступительной лекціи и цѣлаго курса надо руководствоваться тѣмъ безусловно правдивымъ началомъ, на основаніи котораго должны обсуживаться всѣ произведенія науки и литературы, отъ великаго до малаго. Начало это, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что и содержаніе и форма литературныхъ памятниковъ находится въ неразрывной связи съ состояніемъ образованности, съ господствующимъ направленіемъ и умственными потребностями общества современной авторамъ эпохи. Многое изъ того, что для читателей позднѣйшихъ поколѣній кажется общимъ мѣстомъ, безсодержательною фразою, совершенно иначе говорило уму и чувству предшествовавшихъ поколѣній. Для того, чтобы пріохотить къ занятіямъ *подробностями*, считали нужнымъ представить общій очеркъ *цѣлаго* и возбудить къ нему вниманіе и сочувствіе.

Наши ученые, на долю которыхъ выпало содѣйствовать просвѣщенію русскаго общества во времена, отдаленныя отъ насъ чуть не на цѣлое столѣтіе, должны были касаться самыхъ общихъ вопросовъ науки и ея примѣненія и разъяснять ихъ иногда самымъ элементарнымъ образомъ. Суть всѣхъ доводовъ, разсужденій, указаній и примѣровъ сводилась обыкновенно къ двумъ основнымъ идеямъ. Важное значеніе той или другой науки, изъ области естествознанія, доказывалось вопервыхъ тѣмъ, что изученіе этой науки приноситъ несомнѣнную пользу въ мате-

ріальномъ отношеніи, вовторыхъ тѣмъ, что она возвышаетъ духъ, приводя къ единству стремленія разума и религіи посредствомъ познанія Творца въ его твореніяхъ. Въ рѣчи своей о пользѣ минералогіи Севергинъ говоритъ, что существенныя потребности физическаго благосостоянія заключаются въ пищѣ, одеждѣ и жилищѣ, и средства для удовлетворенія этихъ потребностей даютъ науки въ ихъ примѣненіи къ жизни. Зоологія и ботаника, занимаясь міромъ животныхъ и растеній, доставляютъ человѣку одежду и пищу. Что же касается минералогіи, то она даетъ «спокойное убѣжище» т. е. возможность вести жизнь не только безопасную и обставленную всѣми физическими удобствами, но и вполнѣ достойную разумнаго существа. Минералогіи человѣчество обязано не только монетою и другими внѣшними благами, но и «божественными» изобрѣтеніями — письменами и книгопечатаніемъ.

«Пища, одежда и спокойное убѣжище — говоритъ Севергинъ — составляютъ главнѣйшія нужды человѣка. Онѣ удовлетворяются окружающими насъ со всѣхъ сторонъ *естественными тѣлами.* Сіи суть троякаго рода, то есть, либо имѣютъ онѣ жизнь, чувство и произвольное движеніе, и называются *животными;* либо одну токмо жизнь и нѣкоторыя примѣты чувства, то есть *растенія;* либо не имѣютъ онѣ ни котораго изъ сихъ свойствъ, возрастаютъ не отъ внутренняго побужденія, но отъ внѣшняго скопленія малѣйшихъ частицъ; не одарены никакою внутреннею стройностію, помощію коей бы порядочно переходили и разливались соки, и словомъ, лежатъ неподвижны и мертвы. Таковы суть *ископаемыя тѣла* или *минералы,* коими мы въ нашемъ открытомъ прохожденіи минералогіи заниматься будемъ. Отъ первыхъ двухъ получаемъ мы наипаче нашу пищу и одѣяніе; сколь же велика польза отъ ископаемыхъ тѣлъ, разсмотримъ мы теперь подробнѣе.

Ежели бы и не сталъ я исчислять всѣ примѣры, въ коихъ минералы столь очевидную и столь важную приносятъ пользу, то бы единой древности, въ которой они употребляемы были, довольно было къ показанію всей ихъ важности для человѣка; ибо

изъ священнаго дѣеписанія явствуетъ, что уже въ пятомъ рожденіи послѣ Каина *Ѳовелъ*, коего язычники подъ именемъ *Вулкана* прославляютъ, въ обработываніи мѣди и желѣза упражнялся; и изъ другихъ мѣстъ священнаго писанія видно, что золото и серебро тогда уже не только прінскивали, но и выплавляли.

Самые дикіе народы, не вѣдающіе не только порядочнаго общества, но даже и одѣянія пристойнаго для человѣка, и ниже малѣйшихъ удобствъ, кои они отъ употребленія естественныхъ вещей имѣть могутъ, не могли безъ минераловъ обойтися. Такъ свидѣтельствуютъ, что новые зеландцы употребляютъ на топоры родъ камня, именуемый *почечнымъ камнемъ*; а новые каледонцы рѣжутъ вмѣсто ножа камнемъ, называемымъ *кварцъ*. Такъ видимъ мы, что въ самой грубѣйшей дикости нашей мы уже необходимость оныхъ чувствуемъ.

Но человѣкъ не долго пребываетъ въ сей посрамляющей его дикости и безпечности; по нѣкоторому природному побужденію ищетъ онъ всегда средствъ къ облегченію работъ своихъ и къ снисканію спокойнѣйшаго убѣжища отъ наглостей звѣрей и суровости непогодъ. Ему нужна хижина; но едва-ли онъ ее безъ помощи минерала нѣсколько удобною содѣлать можетъ. Онъ гоняется за звѣрьми и птицами; но можетъ-ли обойтись безъ стрѣлъ? ходитъ на рыбную ловлю; но можетъ ли не имѣть уды, невода или простаго челнока, и можетъ-ли соорудить ихъ совершенно безъ помощи минерала? А если въ томъ и предуспѣетъ, то тьмы другихъ неудобствъ темному его уму ежечасно недостатокъ ихъ свидѣтельствуютъ.

Но коль паче чувствуетъ онъ сію нужду, когда учинитъ первый шагъ къ просвѣщенію, когда почувствуетъ отличность свою отъ прочихъ животныхъ; почувствуетъ, что, родяся слабъ и нагъ, имѣетъ нужду въ сообщеніи съ подобными ему людьми. Тутъ произойдутъ общества, нѣсколько людей соединятся вмѣстѣ; имъ нужно пространнѣйшее жилище, лучшая пища, пристойнѣйшая одежда, и паче всего нужны сильнѣйшія средства къ охраненію себя отъ нападеній, нужны разныя орудія; и тутъ то начинаютъ

чувствовать всю пользу, или лучше сказать, необходимость въ минералахъ къ построенію хижинъ, къ добыванію пищи, къ приготовленію одежды и къ охраненію себя отъ враговъ. Минералы суть средства къ содѣланію прочихъ вещей употребительнѣйшими. Но сіи первоначальныя понятія о пользѣ ихъ весьма темны, и можетъ быть единый какой-нибудь минералъ удовлетворяетъ ихъ нуждамъ.

Мало по малу общества становятся многолюднѣе, нужды многочисленнѣе, недостатки очевиднѣе, и надлежитъ помышлятъ о лучшихъ средствахъ къ отвращенію оныхъ. Простыя хижины претворяются въ порядочные домы; требуемое большее количество пищи заставляетъ помышлять о легчайшихъ способахъ къ добыванію оной; рождающіеся младенцы требуютъ спокойнѣйшей одежды. На сіе нужны разныя орудія; лучшія же орудія доставляютъ минералы.

Такова есть польза оныхъ и въ то самое время, когда человѣкъ едва самъ себѣ подобенъ, когда онъ еще съ совершенною безпечностію, безъ малѣйшаго просвѣщенія, единою естественною необходимою нуждою побуждаемъ, живетъ подобно прочимъ животнымъ, не вѣдая ни приличности, ни порядка, ниже малѣйшихъ правилъ благоразумія.

Но когда сіи малыя общества превратятся въ большія государства, когда свѣтъ разума откроетъ завѣсу, помрачавшую зрѣніе человѣка, когда общее досужество утвердитъ свое владычество, то тутъ польза минераловъ является во всей той силѣ, которая творитъ ихъ необходимыми. Съ одной стороны земледѣльство, пасство и ловитва, процвѣтая, должны питать и согрѣвать пріумноженное общество соединенныхъ вмѣстѣ человѣковъ; съ другой—ремесла и купечество, спабжая свою страну всѣми нужными вещами, и сообщая свои собственные избытки въ иностранныя земли, распространяютъ сіе общее изобиліе, которое составляетъ блаженство народа, подкрѣпляемое и охраняемое наконецъ дѣйствіемъ оружій. Но можетъ-ли хотя единое изъ сихъ дѣлъ произведено быть въ дѣйство безъ помощи минераловъ. Земледѣль-

цу нуженъ серпъ и соха; ремесленнику—разныя орудія; купцу—корабли для мореплаванія; воину—оружіе. Къ сооруженію и приготовленію всѣхъ ихъ необходимо нужны металлы. Зданія наши созидаются изъ камней; хранилища ѣствъ нашихъ приготовляются изъ минераловъ; и многія даже лѣкарства составляются изъ тѣхъ же минераловъ, и сохраняются въ оныхъ. Но что я говорю? Самымъ симъ божественнымъ средствомъ, помощію коего мы столь удобно мысли наши въ отдаленнѣйшія мѣста сообщаемъ, я разумѣю письмомъ и тисненіемъ, одолжены мы минераламъ.

Нынѣ считаютъ, что со времени перваго открытія мѣди и желѣза въ Россіи протекло сто шестьдесятъ четыре года; но кто можетъ токмо помыслить, чтобъ и въ древнѣйшія отечества нашего времена не вѣдали употребленія минераловъ, когда извѣстно, что въ самыя Рюриковы времена, имѣя съ сосѣдями брани, вооружались копьями и нерѣдко облекались въ броню; когда на отличенныхъ подвигами вельможей надѣвали *златую гривну*,—тогдашній знакъ отмѣнитости, состоявшій въ медали, повѣшенной на златой цѣпи. Кто можетъ сумнѣваться о древности употребленія минераловъ въ Россіи, когда самый градъ Кіевъ, древнѣйшая столица россійская, за тысячу слишкомъ лѣтъ былъ уже построенъ, на построеніе коего непремѣнно требовались орудія и другія вспоможенія отъ ископаемаго царства. И ежели тогда металлы и другія нужныя вещи заимствовались отъ чужихъ земель, то симъ свидѣтельствуется тѣмъ наче необходимость оныхъ.

Но разсмотримъ теперь сію пользу ископаемыхъ тѣлъ по главнымъ статьямъ, на кои они вообще раздѣляются, и кои суть:

1) земли и камни;
2) соли;
3) горючія тѣла, и
4) металлическія существа.

Многія *земли* служатъ къ исправленію пашенъ; а сколь хлѣбопашество для насъ нужно, всякій самъ разсудить можетъ. Нѣко-

торыя изъ оныхъ употребляются для жженія извести, извѣстнаго полезнаго припаса для каменныхъ строеній; изъ другихъ приготовляются краски; иныя служатъ къ полированію крѣпкихъ тѣлъ; иныя исправляютъ доброту сукна; изъ нѣкоторыхъ приготовляется разнаго рода посуда; песокъ употребляется на дѣланіе стекла, коего польза и превосходство столь всеобще доказаны.

Изъ *камней* созидаются наши зданія, приготовляются многіе прочные сосуды; многіе служатъ къ украшенію. Извѣстно, сколь великій блескъ и красу имѣетъ алмазъ и другіе драгоцѣнные и полудрагоцѣнные камни.

Изъ *солей* многія служатъ къ приготовленію лѣкарствъ, безъ коихъ человѣкъ въ жизни сей едва-ли всегда пробыть можетъ, и что можетъ для него быть драгоцѣннѣе здравія, которое укрѣпляется и возстановляется употребленіемъ лѣкарства. Нѣкоторыя соли входятъ въ составъ столь всеобще употребительнаго и полезнаго мыла; нѣкоторыя въ соединеніи съ пескомъ составляютъ стекло; другія употребляются къ утвержденію красокъ; нѣкоторыя даютъ острыя кислоты, употребляемыя въ разныхъ ремеслахъ, художествахъ и фабрикахъ; иныя служатъ къ сохраненію и поправленію нашихъ яствъ. Такова есть поваренная соль, которая во всѣхъ государствахъ и во всѣхъ малѣйшихъ деревушкахъ, богатому и нищему, необходимою содѣлалась приправою пищи, и которой сколь велико употребленіе, можно видѣть изъ того, что изъ одного Елтонскаго озера въ Россіи продается оной ежегодно гораздо болѣе четырехъ миліоновъ пудовъ.

Изъ *горючихъ минераловъ* стóитъ мнѣ только упомянуть сѣру и каменныя уголья, дабы показать всю ихъ важность въ ремеслахъ, художествахъ, фабрикахъ и заводахъ; ибо съ одной стороны подаютъ полезный и выгодный матеріалъ для жженія; съ другой—доставляютъ разныя произведенія, въ разныхъ искусствахъ весьма полезныя. Сѣра входитъ въ составъ пороха; каменныя уголья даютъ масло и деготь, въ разныхъ случаяхъ весьма употребительные. Другіе горючіе минералы полезны либо для наведенія лаковъ, либо для куренія, либо для украшеній, либо

наконецъ съ различными другими примѣсями составляютъ такъ же полезныя и цѣлебныя лѣкарства.

Наконецъ *металлическія существа* столь всеобще полезны и въ столь многоразличныхъ случаяхъ употребительны, что я исчисленіемъ всѣхъ оныхъ утрудилъ бы только вниманіе ваше, наипаче же, что сіи случаи, такъ сказать, безпрестанно предъ глазами нашими обрѣтаются. Гдѣ требуются острыя, крѣпкія, тяжелыя, упругія, гибкія, огнепостоянныя, разные виды принимать способныя тѣла, тутъ служатъ металлы. Металлами мы укрѣпляемъ, хранимъ, защищаемъ и всюду дѣйствуемъ; они подаютъ орудія къ сооруженію, исправленію и возвышенію всѣхъ прочихъ вещей; отъ нихъ получаемъ все жизненное удобство и охраненіе отъ враговъ. Самая монета, сія душа торговли и общаго благосостоянія, выгоднѣе, удобнѣе и прочнѣе дѣлается изъ металловъ. Но только ли пользы отъ нихъ, и возможно ли будетъ краткими словами изобразить всю ея обширность? Многіе изъ нихъ употребляются въ лѣкарствахъ, для красокъ, для разныхъ стеколъ, для фейерверковъ, для разныхъ блестящихъ украшеній.

Такъ видимъ мы, что куда бы ни обратили взоръ свой, всюду находимъ каковой либо минералъ; и что бы дѣлать ни предпріяли, всюду нужно содѣйствіе минерала. Но если столь они полезны, то всякій видитъ, сколь нужно для насъ познаніе оныхъ, и сколь великой важности должна быть наука, которая объ нихъ систематически, правильно и ясно толкуетъ, и сколь пріятны долженствуютъ быть малѣйшія пріобрѣтенныя въ ней свѣдѣнія, наипаче, поелику нѣтъ ни единаго человѣка, который бы не имѣлъ у себя минерала, и онымъ когда либо не дѣйствовалъ.

Самыя прочія науки великія отъ ней имѣютъ вспоможенія, и многими открытіями одолжены единственно минераламъ. Физика ими усовершается; химія безъ нихъ быть не можетъ; математика получаетъ отъ нихъ нужныя орудія; магнитная сила, сіе важное открытіе, толико облегчившее мореплаваніе, учинено надъ минераломъ; первое открытіе электрической силы сдѣлано надъ янтаремъ. Нѣкоторые гигрометры и пирометры дѣлаются изъ глины;

барометры и термометры наполняются ртутью. Разные искусственные воздухи, въ новѣйшія времена толикій свѣтъ въ физикѣ и химіи распространившіе, извлекаются изъ произведеній ископаемаго царства.

Но минералогія, научая познавать ископаемыя тѣла, открываетъ въ нихъ всегда новыя свойства, коими они для насъ болѣе и болѣе полезны становятся. Кто умѣетъ сравнивать выгоды и недостатки, тотъ старается дѣлать изъ нихъ полезное употребленіе, либо для замѣненія другихъ матеріаловъ, коихъ привозъ или добываніе стóитъ дороже; либо для доставленія такихъ, кои прежнихъ добротою превосходнѣе; либо для составленія новой отрасли торговли, которая для государства не иначе, какъ весьма полезна быть можетъ. Такъ есть многіе минералы, коихъ пріискиваніе и добываніе не малую бы можетъ быть пользу въ Россіи принести могли. Единые каменные уголья (если мы разсудимъ, сколь нужны для насъ хорошіе лѣса, и съ другой стороны отъ коль безчисленныхъ причинъ они повреждаются и истощаются) заслуживаютъ вниманіе и раченіе къ пріискиванію и употребленію оныхъ. Сверхъ того валяльная земля для исправленія нашихъ суконъ, кобольтовая краска для крашенія фарфора, купоросы для нашихъ фабрикъ, олово для луженія и другихъ дѣлъ, суть предметы, кои мы доселѣ заимствуемъ отъ иностранныхъ земель, и кои потому рачительнаго пріискиванія и добыванія въ нѣдрахъ нашего государства заслуживаютъ; а способы къ тому подаетъ минералогія. Безъ нее всѣ наши понятія о ископаемыхъ тѣлахъ зыблемы и неясны.

И таковымъ образомъ минералогія, коея предметъ составляютъ минералы, способствуетъ къ распространенію того общаго благосостоянія, происходящаго отъ благоразумнаго употребленія всѣхъ естественныхъ вещей, которое при надлежащемъ внутреннемъ порядкѣ и при благоразумномъ огражденіи отъ внѣшнихъ нападеній, составляетъ истинное блаженство каждаго благоустроеннаго общества. Но многіе изъ сихъ минераловъ могутъ отъ безразсуднаго ихъ употребленія содѣлаться вредными

и въ дѣйствительный обратиться ядъ. Таковы суть мышьякъ, сюрьма, ртуть, мѣдь, свинецъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ серебро. Для избѣжанія сего, для познанія вредныхъ ихъ качествъ, и вообще для пристойнаго ихъ употребленія, нужна паки минералогія; она научаетъ познавать ихъ, и руководствуетъ во всѣхъ до нихъ относящихся предпріятіяхъ.

Доселѣ разсматривалъ я токмо необходимыя выгоды, происходящія отъ ископаемыхъ тѣлъ въ житіи человѣческомъ; но душа человѣка, живущая и питающаяся едиными умственными упражненіями, ищетъ себѣ наслажденій, удовлетворяющихъ ея любопытство, распространяющихъ ея понятія, объясняющихъ ея сумнѣнія, и приводящихъ пріятнымъ образомъ въ дѣйство силы ея и способности. Въ надлежащемъ прилежномъ созерцаніи ископаемыхъ тѣлъ обрящемъ мы и сіе души нашея высшее наслажденіе. Всюду мы видимъ разные цвѣты, разныя образованія, разныя сложности, разныя мѣстоположенія, и при дальнѣйшемъ сравненіи и испытаніи всюду обрѣтаемъ разныя отношенія, объясняющія намъ ихъ рожденіе, перемѣны и перехожденіе. Всѣ доставляютъ пріятное уму нашему упражненіе, и совершенно удовлетворяютъ любопытство. Подтверждается сіе множествомъ минеральныхъ собраній, хранящихся и собираемыхъ нынѣ нашими соотчичами; но коль удовольствіе для нихъ будетъ больше, когда познаютъ имя, мѣсторожденіе, свойства, пользу и разныя отношенія своихъ минераловъ, и послѣ сихъ первоначальныхъ познаній устремятъ вниманіе свое къ мѣсту ихъ пребыванія въ горахъ, въ коихъ нѣдрѣ они скрываются. Тамъ узрятъ они утесистыя, до облакъ досязающія вершины, всѣ знаки отдаленнѣйшей древности на себѣ являющія; индѣ лежатъ высоко наплывшіе слои разныхъ породъ, пестротою и положеніемъ око и умъ плѣняющихъ, и свидѣтельствующихъ составомъ своимъ младшее происхожденіе. Тамъ обнажаются разнымъ образомъ искривленныя, сплетенныя, пересѣкаемыя или прямыя, чрезъ внутренность камня пролегающія жилы, подобно вѣтьвямъ огромнаго дерева распространяющіяся. Индѣ отверсты подземные ходы, самою

природою многими рядами столбовъ изукрашенные. Тамъ лежатъ среди слоевъ погребенные остатки жившихъ нѣкогда на земли тварей. Индѣ свирѣпствуютъ подземные пожары, и горъ вершины, куряся, изрыгаютъ пепелъ, пламя и расплавленные камни. Таковы суть виды, кои намъ природа представитъ, когда мы къ оной обратимъ наше вниманіе. Какой просвѣщенный умъ сіе удовольствія преисполненное созерцаніе и упражненіе души не почтетъ выше всѣхъ тѣлесныхъ наслажденій! И кто не скажетъ: *коль любезно зрѣти творенія твоя, Господи!* ибо и самое сіе познаніе владычествующаго надъ всѣми божества открывается чрезъ прилежное, предразсудкомъ незанятое, разсматриваніе его твореній: открывается его благость, премудрость и величіе»[26]).

Успѣхъ публичныхъ лекцій послужилъ однимъ изъ главныхъ поводовъ къ академическому повышенію Севергина: изъ адъюнктовъ онъ былъ произведенъ въ профессора минералогіи. Директоръ академіи наукъ, княгиня Дашкова прислала въ академію отношеніе слѣдующаго содержанія: «Въ прошломъ 1792 году адъюнктъ Василій Севергинъ читалъ публичныя лекціи въ минералогіи, и доказалъ знанія свои въ сей наукѣ, такъ что вся публика, которая пользовалась его наставленіями, отдаетъ справедливость въ его знаніяхъ, къ чести академіи служащія (sic). Лично же съ удовольствіемъ симъ свидѣтельствую, что я поведеніемъ, прилежностью и знаніемъ его довольна. Почему для одобренія сего адъюнкта, по извѣстнымъ его достоинствамъ, признаю я его профессоромъ минералогіи, о чемъ и даю знать ученому собранію»[27]).

Содержаніе публичныхъ лекцій Севергина изложено въ рядѣ статей, появлявшихся въ печати подъ названіемъ всеобщихъ разсужденій о минералогіи. Опи помѣщались въ періодическомъ изданіи академіи наукъ — въ новыхъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ.

Подобно лекціямъ по минералогіи, читаннымъ въ академіи наукъ, Севергинъ сдѣлалъ достояніемъ литературы и лекціи свои по химіи, читанныя имъ въ медико-хирургической академіи. Опи послужили матеріаломъ для сочиненія о способѣ испытывать чи-

стоту и неподложность лѣкарственныхъ химическихъ произведеній. «Сочиненіе сіе—говоритъ Севергинъ—произошло изъ записокъ, кои необходимо долженъ я былъ дѣлать при преподаваніи химическихъ наставленій въ медико-хирургической академіи, дабы купно обращать вниманіе слушателей на прикладъ ѳеоріи къ самой практикѣ» [28]).

Какъ въ сочиненіяхъ своихъ, такъ и въ лекціяхъ, Севергинъ постоянно обращалъ вниманіе на естественныя богатства Россіи, ожидающія дѣлателей,—на произведенія русской природы, которыя могли бы замѣнить собою предметы, получаемые изъ чужихъ странъ и наполняющіе русскіе рынки и аптеки. Въ росписи лѣкарственнымъ припасамъ, приготовляемымъ изъ произведеній минеральнаго царства, Севергинъ говоритъ: «пространное государство россійское столь изобилуетъ различными природы произведеніями, что требуетъ токмо поощренія и рукъ трудолюбивыхъ для доставленія ихъ въ достаточномъ количествѣ въ замѣну иностранныхъ» [29]).

VI.

Учено-литературная дѣятельность Севергина относится къ тому періоду, когда путешествія по Россіи, прославившія нашу академію въ восемнадцатомъ столѣтіи, были уже преданіемъ, но преданіемъ живымъ и свѣжимъ, вызывавшимъ новыя силы къ изученію открытой для науки области. Развитію ихъ не мало содѣйствовали ученые предшествовавшаго поколѣнія: Палласъ, Лепехинъ, и ихъ достойные ученики и спутники Соколовъ и Озерецковскій. Подобно названнымъ нами академикамъ, Севергинъ подѣлился съ читателями описаніемъ своихъ путешествій, которое хотя и не можетъ быть сравниваемо съ знаменитыми произведеніями Лепехина и Палласа, тѣмъ не менѣе заслуживаетъ полнаго вниманія по точности сообщаемыхъ свѣдѣній и по ихъ разнообразію.

Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія Севергинъ совершилъ три путешествія по Россіи. Одно изъ нихъ предпринято для осмотра

и пріема натуральнаго кабинета; другое — для обозрѣнія училищъ, и третье — съ чисто-научною цѣлію. Не ограничиваясь предѣлами возлагавшихся на него порученій, Севергинъ вносилъ въ свои путевыя записки разнаго рода наблюденія, относящіяся къ наукамъ естественнымъ, отчасти къ быту и образованности народа, и т. п.

Севергину поручено было осмотрѣть и отправить въ московскій университетъ минеральный кабинетъ княгини Яблоновской, рожденной Сапеги, жены бывшаго брацлавскаго воеводы. Кабинетъ расположенъ былъ въ замкѣ княгини, находившемся въ мѣстечкѣ Семятичь, въ прусской Польшѣ. Выѣхавши изъ Петербурга 15 февраля 1802 года, Севергинъ возвратился въ Петербуръ 5 іюня того же года. На пути своемъ онъ посѣтилъ Ямбургъ, Нарву, Дерптъ, Ригу, Митаву, Ковно, Вильну, Гродно, Минскъ, Смоленскъ, Дорогобужъ и другія мѣста преимущественно западнаго края Россіи, и описалъ ихъ въ изданныхъ имъ запискахъ путешествія по западнымъ провинціямъ россійскаго государства.

Въ 1803 году президентъ академіи наукъ и попечитель петербургскаго учебнаго округа Новосильцовъ далъ Севергину порученіе осмотрѣть училища новгородской и псковской губерніи. Въ тоже самое время, попечитель виленскаго учебнаго округа, князь Чарторижскій просилъ Севергина осмотрѣть училища въ губерніяхъ витебской и могилевской. Новосильцовъ прислалъ въ академію наукъ предложеніе слѣдующаго содержанія: «Имѣя обязанность распространять просвѣщеніе и соблюдать благонравіе юношества въ училищахъ, попеченію моему ввѣренныхъ, нахожу за нужное, на основаніи 17 статьи предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія, предложить ученому собранію препоручить господамъ академикамъ Севергину и Захарову обозрѣть всѣ ввѣренныя мнѣ училища санктпетербургскаго округа, а именно первому въ новогородской и псковской, а второму въ въ санктпетербургской, олонецкой и архангельской губерніяхъ, и испытать въ оныхъ порядокъ ученія, способность учителей,

успѣхи учениковъ и проч., давъ господину академику Севергину въ помощь студента Волкова. Если при семъ случаѣ академія заблагоразсудитъ снабдить ихъ инструкціями и по ихъ частямъ, то сіе будетъ для меня тѣмъ пріятнѣе, поелику я надѣюсь, что они не пропустятъ сдѣлать во время проѣзда свои замѣчанія и для пользы академіи» [30]). Наблюденія свои въ отношеніи къ ориктогнозіи, физическому и хозяйственному состоянію и т. д. губерній новгородской, псковской, могилевской и витебской, Севергинъ издалъ подъ именемъ Продолженія записокъ путешествія по западнымъ провинціямъ россійскаго государства.

Въ 1804 году Севергинъ совершилъ путешествіе по Финляндіи, также по вызову Новосильцова, для обозрѣнія страны въ минералогическомъ отношеніи. Весьма исправно присылалъ онъ свои отчеты о путешествіи, сохранившіеся въ рукописи въ академическомъ архивѣ. Они читаны были въ собраніяхъ академіи наукъ, и изданы въ 1805 году, съ значительными дополненіями, подъ названіемъ: Обозрѣніе россійской Финляндіи или минералогическія и другія примѣчанія, учиненныя во время путешествія по оной академикомъ Севергинымъ.

Во всѣхъ путевыхъ запискахъ Севергина на первомъ планѣ являются предметы, относящіеся къ области наукъ естественныхъ, преимущественно минераголіи. Къ описанію путешествія по Финляндіи приложена финляндская ориктографія или систематическое показаніе ископаемыхъ тѣлъ, найденныхъ Севергинымъ въ Финляндіи. Къ запискамъ путешествія по западнымъ провинціямъ приложена занимающая почти четвертую часть книги роспись растеніямъ, собраннымъ въ окрестностяхъ города Гродно — flora grodnensis. Во время путешествія по Финляндіи — говоритъ Севергинъ — «минералогическія мои наблюденія дѣлалъ я въ трояком отношеніи:

1) въ отношеніи къ геогнозіи;

2) въ отношеніи къ ориктогнозіи; и

3) въ отношеніи къ пользѣ, которую Финляндія минеральными своими произведеніями доставить можетъ.

Въ первомъ отношеніи разсматривалъ я качества, порядокъ и сцѣпленіе главныхъ горныхъ кряжей, и наблюденіями моими нашелъ:

1) Кряжъ горъ, простирающійся съ половины дороги отъ С.-Петербурга до Выборга, и отъ Выборга до Ситолы, песчанаго свойства и преисполненъ огромныхъ валуновъ наиболѣе краснобураго гранита.

2) Кряжъ горъ отъ Ситолы до деревни Тюрьи, откуда начинается прямая нейшлотская дорога, и отсюда до Игандолы и нѣсколько далѣе къ сѣверо-востоку, состоитъ изъ сѣраго гранита съ венисами.

3) Между Тюрьею и Игандолою, по тому же направленію, встрѣчаются сверхъ того болота и болотистые овраги.

4) Отъ Игандолы до Якимвары опять сѣрый гранитъ съ венисами.

5) Отъ Якимварской слободы до города Сердоболя сѣрые граниты становятся мягче и болѣе слюдисты.

6) Отъ Сердоболя до Каделя кругомъ Ладожскаго озера кряжъ горъ состоитъ изъ тальковаго шифера съ венисами.

7) На половинѣ дороги отъ Сердоболя къ Киделю идетъ на сѣверъ отрогъ горъ, состоящихъ изъ глинистаго шифера и далѣе изъ оселочнаго камня.

8) По мѣстамъ же въ разныхъ направленіяхъ проходитъ первородный известной камень или солинскій мраморъ, какъ-то въ Іоенсу, въ Рускалѣ и пр.

9) Почва къ Нейшлоту, такъ какъ и къ Вильманстранду, весьма желѣзистая.

10) Вдоль береговъ Финскаго залива, отъ Фридрихсгама до Выборга, находится тотъ вывѣтривающійся краснобурый гранитъ, который называется рапакиви.

11) Между Фридрихсгамомъ и Роченсальмомъ красивые граниты плотнозернистаго смѣшенія.

12) Во всей сей части Финляндіи окаменѣлостей нѣтъ никакого слѣда.

13) Горы здѣшнія суть напротивъ того первородныя (montes primarii) и втораго происхожденія (montes secundarii). Первыя находятся въ странахъ, къ сѣверо-западу лежащихъ, а вторыя въ странахъ юговосточныхъ.

14) Пески и гранитные здѣшніе валуны суть двоякаго рода: намывные и чрезъ разрушеніе горъ на мѣстѣ происшедшіе.

15) Всѣ здѣшнія горы вообще ясно показываютъ, что онѣ вскорѣ послѣ своего образованія великую претерпѣли перемѣну отъ насилія водъ, кои здѣсь нѣкогда дѣйствовали, такъ что породы, составляющія сіи горы, изъ первобытнаго своего положенія выбиты; иныя совсѣмъ ниспровержены, а другія угрожаютъ паденіемъ еще и нынѣ. Нѣкоторыя, въ видѣ огромныхъ валуновъ или мелкихъ кругляковъ на высотахъ горъ и въ долинахъ лежащія, свидѣтельствуютъ, что бывъ оторваны и влекомы водою, наконецъ ею же самою, послѣ ея стеченія, въ нынѣшнемъ ихъ положеніи оставлены.

16) Наконецъ, совершенное отсутствіе окаменѣлостей въ сей части Финляндіи доказываетъ, что почва ея не могла служить долговременнымъ дномъ морскимъ, но что изъ первобытнаго своего состоянія исторгнута она насильнымъ дѣйствіемъ водъ, изъ другихъ мѣстъ, и какъ кажется, отъ сѣвера притекшихъ, и во многочисленныхъ здѣшнихъ углубленіяхъ въ видѣ озеръ слѣды своего пребыванія оставившихъ.

Въ отношеніи къ ориктогнозіи хотя нашелъ я множество различныхъ каменныхъ и металлическихъ породъ, но также разсѣянно, и рѣдко въ правильномъ, постоянномъ положеніи. Нѣкоторыя изъ нихъ достопамятны вразсужденіи внутренняго своего смѣшенія.

Наконецъ, въ отношеніи къ пользѣ финляндскихъ минераловъ нахожу я наиболѣе для добыванія выгодными, такъ какъ сіе отчасти и производится: тамошніе граниты, мраморы, шиферы и оселочные камни, печные камни, известь вильманстрандскую, гранаты для украшеній, глину кирпичную и горшечную, бѣлый кварцъ для дѣланія стекла, красныя земли, карандашъ, мѣстами

болотную желѣзную руду, изрѣдка турфъ. Свинцовый блескъ и мѣдные калчеданы хотя въ разныхъ мѣстахъ находятся; но о выгодѣ ихъ судить можно по вышеписанному состоянію здѣшнихъ горъ, прерывающихся сверхъ того безпрестанно озерами» [31]).

Производя научныя наблюденія въ различныхъ мѣстностяхъ, путешественникъ нашъ имѣлъ въ виду и общія соображенія, касающіяся образованія земной коры и т. п., провѣрялъ свидѣтельства ученыхъ, и указывалъ на явленія новыя, впервые имъ замѣченныя, и имѣвшія свое значеніе при тогдашнемъ состояніи науки.

«Отъ Новагорода до Бронницъ — говоритъ Севергинъ въ своихъ путевыхъ запискахъ — идутъ съ начала почти ровныя поля; почва мѣстами болотистая, мѣстами состоитъ она изъ ила и песку; лѣсъ былъ въ разныхъ мѣстахъ смѣшанный, какъ то мелкая сосна, береза, ель, ольха и ива. Дорога сія достопамятна начинающимися здѣсь земляными курганами, кои попадаются потомъ въ разныхъ мѣстахъ до города Валдай и далѣе. Сіи курганы имѣютъ видъ небольшихъ, круглыхъ, къ верху съуживающихся холмовъ; обыкновенно состоятъ они изъ желтаго песку съ мелкими кремешками и гранитными кругляками; снаружи покрыты на одинъ дюймъ и болѣе дерномъ, а на вершинѣ имѣютъ по одной и болѣе довольно высокихъ сосенъ. Они называются здѣсь *сопками*; каковыхъ близъ деревни *Мшаги*, нѣсколько верстъ отъ Новагорода, находится четыре. Сначала почиталъ я ихъ остатками обмываемыхъ песчаныхъ холмовъ; но жители соглашаются въ томъ, что они суть дѣйствительно курганы, руками человѣческими воздвинутые, въ коихъ погребены тѣла умершихъ, и что они суть остатки отъ древняго нашествія Литвы на Россію. Нельзя оспорить впрочемъ, чтобы также и дѣйствіемъ воды не могли образоваться подобныя сопки изъ большихъ песчаныхъ холмовъ, ибо какъ прежде сего близъ Риги, такъ здѣсь и въ разныхъ другихъ мѣстахъ ясно могъ я видѣть, что когда большія песчаныя возвышенія болѣе и болѣе обмываются, и стекающія съ верху воды, отъ дождей и тающихъ снѣ-

говъ происходящія, смываютъ песокъ, то остаются наконецъ отъ оныхъ небольшія коническія острея. Прочій же песокъ сравнивается съ плоскою землею. А сіе разсужденіе ведетъ еще къ дальнѣйшимъ заключеніямъ. Утверждаютъ нѣкоторые физики, яко бы поверхность земнаго шара вначалѣ была ровная, и что неровности на оной произошли въ позднѣйшія времена; но помянутыя и подобныя имъ наблюденія доказываютъ паче, что въ самомъ началѣ имѣла она наиболѣе неровностей, а ровныя обширныя плоскости происходили уже послѣ перваго ея образованія постепенно чрезъ разрушеніе и обмываніе горъ и наполненіе глубинъ большими или меньшими обломками, кои съ нихъ водою увлекаемы были. Горы вообще не имѣютъ нынѣ той высоты, которую древлѣ имѣть долженствовали, а многія долины составляютъ нынѣ возвышенныя плоскости. Тако песчаныя страны хотя скудны въ отношеніи къ ориктогнозіи, но весьма напротивъ того поучительны для основательнаго сужденія о многихъ перемѣнахъ, на земной поверхности происходившихъ» [32]).

Посѣтивъ Иматру, Севергинъ говоритъ о водопадѣ, привлекавшемъ и привлекающемъ общее вниманіе путешественниковъ: «31 августа былъ я на иматрскихъ порогахъ, находящихся на рѣкѣ Воксѣ въ четырехъ верстахъ отъ Ситолы; гранитные утесы, промежду которыми бьютъ сіи пороги, имѣютъ главною составляющею частію темнокрасный полевой шпатъ съ сѣрымъ кварцомъ и чорною слюдою. Черный же ихъ цвѣтъ снаружи происходитъ отъ ила, который намывается волнующеюся здѣсь водою. Я не буду описывать видъ, каковой представляютъ здѣшніе пороги, ибо сіе бы составило болѣе картину стихотворческаго вображенія, нежели что-либо особенно къ минералогіи отношеніе имѣющее, а примѣчу токмо, что здѣсь нашелъ я въ первый разъ справедливымъ извѣстное Бугерово примѣчаніе, что въ глубокихъ долинахъ выдавшійся уголъ одного кряжа утесовъ равенъ впадшему углу другаго напротивъ находящагося, и что слѣдовательно весьма многія долины начало свое имѣютъ отъ водяныхъ протоковъ или и настоящихъ рѣкъ» [33]).

Пребываніе въ Mon repos, имѣніи барона Николаи, близъ Выборга,—разсказываетъ Севергинъ—«подало мнѣ случай къ немаловажному въ минералогіи открытію. Взлѣзая и спускаясь до утомленія по гранитнымъ скаламъ, отъ природы здѣсь оставшимся, дошли мы до одной почти перпендикулярной стѣны гранитнаго утеса въ нѣсколько саженъ вышиною. Онъ имѣетъ краснобурый цвѣтъ; составляющія его части суть полевой шпатъ, бурый кварцъ и черная слюда. Смѣшеніе его весьма крупное, и онъ переходитъ въ вывѣтривающееся состояніе. Смотря издали кажется какъ бы въ немъ вколочены были гвозди, подобно какъ видимы бываютъ деревянные гвозди въ барочныхъ доскахъ. Мы подходимъ ближе, разсматриваемъ во всей подробности, и находимъ, что это суть точки полеваго шпата, включенные въ первобытномъ гранитѣ, подобно какъ венисы включены бываютъ въ тальковомъ шиферѣ. Нѣкоторые изъ нихъ выпадаютъ сами собою и оставляютъ ямины глинистыя, лоснящіяся, тогоже краснобураго цвѣта, какой имѣютъ и почки полеваго шпата. Нѣсколько таковыхъ почекъ выбрали мы на мѣстѣ изъ сего гранита, и я доставилъ образцы оныхъ въ императорскую академію наукъ. Надлежитъ впрочемъ знать, что сей гранитъ принадлежитъ къ той разности, которая въ вывѣтривающемся состояніи у финновъ, и по поводу сему у знаменитаго минералога Валлерія, называется рапакиви. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ въ диссертаціи моей, напечатанной на французскомъ языкѣ въ новыхъ дѣяніяхъ академіи наукъ, старался я уже обратить вниманіе минералоговъ на круглыя фельдшпатовыя пятна, примѣчаемыя въ гранитахъ, употребленныхъ на разныя въ столицахъ украшенія. Здѣсь находится развязка причины, отчего сіе происходитъ. Я долженъ однакожъ примѣтить, что пока гранитъ находится еще совсѣмъ въ неразрушенномъ состояніи, до тѣхъ поръ фельдшпатъ показывается только въ видѣ круглыхъ пятенъ, безъ всякаго цемента соединенный съ прочими составляющими частями гранита; но отдѣляется онъ въ видѣ почекъ, когда гранитъ начинаетъ вывѣтриваться. Дальнѣйшія наблюденія научили меня, что прежде

нежели онъ въ сіе состояніе приходитъ, фельдшпатовыя пятна получаютъ кругомъ бѣлый, сѣрый или зеленоватый ободъ. Въ справедливости сего достопамятнаго случая всякій здѣсь на мѣстѣ удостовѣриться можетъ». [34])

Но какъ ни желательны открытія въ наукѣ, какъ ни привлекательна новизна, Севергинъ не поддавался увлеченію, отъ котораго предостерегалъ и въ своихъ мемуарахъ. Онъ описываетъ разочарованіе, испытанное имъ на пути изъ Валдая въ Боровичи. «Въ крутомъ берегу Валдайки находятся двѣ каменоломни, около полуторыхъ саженъ глубиною, гдѣ добываютъ известной камень, имѣющій весьма странное положеніе. А именно сперва подъ небольшимъ слоемъ чернозема находятся разнаго цвѣта кремни и агаты, потомъ слѣдуютъ наклонные слои глины, потомъ обломки плитнаго сѣрнаго известнаго камня, прерывающіеся кремнями и агатами, а наконецъ толстые слои сѣраго известнаго камня. Между достопамятнѣйшими породами нашелъ я здѣсь красный агатъ съ окаменѣлостію митулита, и известные камни съ остреитами и тубулитами.

Мнѣ должно предварить здѣсь читателя, что сіе мѣсто принадлежитъ къ числу тѣхъ, кои могутъ привести въ немалое заблужденіе при недовольно внимательномъ наблюденіи. А именно въ бокахъ сихъ каменоломней, даже на нѣсколько вершковъ внутрь, проходитъ кирпичнаго цвѣта глина, бѣлосѣрые, рыхлые, удобно крошащіеся кремни, весьма похожіе на извѣстную въ минералогіи фарфоровую яшму, и наконецъ настоящіе огарки, такъ же къ бокамъ каменоломни столь плотно приросшіе, что не малаго требуется труда для выламыванія ихъ оттуда. Вблизи не видно никакого слѣда дровъ или угля, такъ что все сіе мѣсто, а особливо по причинѣ неправильнаго и какъ бы разрушеннаго положенія каменныхъ породъ, можно бы было почесть яко бы преобразованнымъ дѣйствіемъ подземнаго огня, а вышепомянутые огарки за лаву. Но здѣшніе жители всю таковую мечту внезапно разрушаютъ, увѣряя, что въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ или въ тѣхъ самыхъ каменоломняхъ, гдѣ добываютъ известной ка-

мень, имѣли также обыкновеніе и обжигать оный, такъ что обожженые камни и огарки суть не иное что, какъ произведенія, произшедшія отъ сего обжиганія. Увѣряли меня также, что известь на построеніе монастыря, на Валдайскомъ озерѣ находящагося, привозима была изъ сего мѣста» [35]).

Содержаніе путевыхъ записокъ Севергина отличается разнообразіемъ. Многое занесено въ нихъ на основаніи бесѣдъ съ мѣстными жителями и личныхъ наблюденій путешественника. Иное заимствовано изъ офиціальныхъ источниковъ, какъ напримѣръ: въ такомъ-то городѣ столько-то жителей, и при этомъ указано число ихъ по сословіямъ; столько-то дворовъ дворянскихъ, купеческихъ и мѣщанскихъ; столько-то кожевенныхъ заводовъ и торговыхъ лавокъ и т. п. Обозначена съ мелочными подробностями цѣна съѣстныхъ припасовъ и т. д. Въ такой-то мѣстности водятся рыбы: сомы, лещи, щука, судаки, окуни, плотва, лини, уклейки и въ нѣкоторыхъ озерахъ селява. Обыкновеннѣйшія животныя: лоси, медвѣди, серна, волкъ, рысь, барсукъ, лисица и заяцъ. Изъ птицъ извѣстнѣйшія: воробей, щегленокъ, чижъ, чечетъ, сойка, ремезъ, потатуйка, ястребъ, сова, сычъ. Между деревьями и кустарниками болѣе свойственны странѣ: сосна, ель, береза, вязъ, грабъ, ясень, кленъ, плимъ, рябина, калина, крушина, жимолость, липа, букъ, дубъ, орѣшникъ, черемуха, барбарисъ, и т. п.

Рядомъ съ подобными перечнями находятся описанія болѣе или менѣе подробныя, дающія понятія о правахъ жителей, о степени ихъ умственнаго развитія, объ образѣ дѣйствій вліятельнѣйшей части населенія, и т. п.

По замѣчанію Севергина, изъ живущихъ въ Россіи инородцовъ финны или чухны составляютъ рѣзкую и невыгодную для нихъ противоположность съ сосѣдями своими латышами и карелами. По дорогѣ отъ Риги въ Дерптъ «никакихъ почти фабричныхъ заведеній примѣтить не можно было, исключая винокурни. Можетъ быть, что лифляндскіе экономы не менѣе для сего бороться должны и съ качествомъ самаго простаго здѣшняго на-

рода, который къ тому употребленъ быть долженъ. Ибо путешественникъ съ сожалѣніемъ примѣчаетъ въ семъ простомъ народѣ, такъ называемыхъ *чухнахъ*, людей грубыхъ, невеселыхъ, недѣятельныхъ, неповоротливыхъ, притомъ упрямыхъ, лѣнивыхъ и неопрятныхъ, а потому часто весьма бѣдныхъ. Особливо можно было примѣтить таковыя ихъ качества при очисткѣ *Черной рѣчки* отъ льда для переправы на плотахъ, гдѣ шестьдесятъ чухонъ въ шесть часовъ едва могли сдѣлать то, чтобы десять россійскихъ крестьянъ въ одинъ часъ совершить могли. Недомышленность есть также качество, ихъ отличающее. И самые угрозы не могли ихъ привести къ большей дѣятельности. Польза помѣщика и польза самого отечества требовала бы употребленія всего раченія къ исправленію сего народа. Кажется, что доставленіе имъ надежной собственности и ясное изображеніе выгодъ, кои они отъ трудовъ своихъ себѣ и своему семейству пріобрѣсти могутъ, уже достаточны бы были сначала къ исправленію сихъ природныхъ погрѣшностей; а ласки, ободренія, добрые примѣры и наставленія, и наконецъ облегченіе отъ нѣкоторыхъ повинностей сіе еще бы болѣе довершить могли. Сколь различенъ отъ нихъ другой простой народъ по сей дорогѣ встрѣчающійся и подъ именемъ *латышей* извѣстный! Живность и веселость духа есть то, что ихъ съ перваго взгляду предъ всѣми прочими отличаетъ; проворство, услужливость, откровенность и нѣкоторая наружная пріятность въ лицѣ, привлекаетъ къ нимъ каждаго, кому они служатъ. Но къ сожалѣнію латышей въ сихъ краяхъ немного [36])... Въ неопрятномъ своемъ видѣ, съ нечесаными, дыбомъ стоящими волосами, выглядывая изъ закоптѣлыхъ своихъ избъ, *финны* нерѣдко похожи бываютъ на дикарей, едва первыми лучами разума просвѣтившихся. Они довольны настоящимъ наслажденіемъ; будущее ихъ мало безпокоитъ. Недомышленность ихъ столь велика, что у нихъ иногда одна и таже самая рѣчка, по различію тѣхъ деревень, близъ коихъ протекаетъ, три или четыре названія имѣетъ» [37]).

О жителяхъ города Торопца Севергинъ замѣчаетъ:

«Нынѣшніе жители сего города росту средняго, и крѣпкаго сложенія, обходительны, учтивы, притомъ говорливы, и промышленны, любятъ также праздность и забаву, къ чему и довольно выдумано способовъ. Женскій полъ лицемъ пріятенъ, но блѣденъ, отмѣнно любитъ чистоту и опрятность какъ домашнюю, такъ и въ одеждѣ; пьянство имѣютъ въ великомъ презрѣніи, чему напротивъ того болѣе подвержены жители великолуцкіе; одѣваются въ русское платье. Головной ихъ уборъ высокій, къ верху заостряющійся, и обыкновенно украшенный жемчугомъ, которое украшеніе стоитъ у нѣкоторыхъ до 4000 рублей; съ сего убора спускается книзу бѣлая фата. Дѣвицы же, когда выходятъ изъ дому, закрываютъ лице покрываломъ. Но многіе жители, по причинѣ нынѣшняго упадка торговли, переселились отсюда по другимъ городамъ. Купечество противу прежняго бѣднѣе, и весь торгъ его производится нынѣ почти токмо табакомъ и масломъ, изъ Украины получаемымъ. О воспитаніи дѣтей мало прилагаютъ попеченія. Въ бѣдномъ здѣшнемъ народномъ училищѣ было 96 учениковъ и притомъ только мужескаго пола; дѣвицъ же, по какому то предубѣжденію, отнюдь въ оное отдавать не соглашаются»[38]).

Замѣтки о дворянскихъ съѣздахъ въ Порховѣ не лишены ироніи: «Я прехожу молчаніемъ о бывающихъ здѣсь въ зимнее время клубахъ, на кои съѣзжается много дворянства, и о веселыхъ собраніяхъ хворыхъ особъ или таковыми себя иногда воображающихъ, кои пріѣзжаютъ сюда лѣчиться изъ разныхъ и даже довольно отдаленныхъ мѣстъ, ибо сіе къ предмету моему не принадлежитъ. А упомяну токмо, что отъ усердія многочисленныхъ особъ сюда съѣзжающихся ожидать можно, что они непреминутъ способствовать къ приведенію здѣшняго народнаго училища въ цвѣтущее состояніе. Нынѣ нашелъ я въ ономъ тридцать учениковъ, да и то дѣтей бѣдныхъ токмо родителей»[39]).

Истиннымъ несчастіемъ для народа были поселившіеся въ западномъ краѣ евреи, угнетавшіе крестьянъ и доводившіе ихъ

до разоренія и нищеты. Мѣсто Семятичъ — говоритъ Севергинъ — «составляетъ владѣніе въ пятнадцать миль окружности. Главные жители и купно промышленники суть жиды, коихъ въ одномъ маломъ семъ мѣстечкѣ или городкѣ считаютъ до семи сотъ. Взявъ на откупъ всѣ почти ремеслы, художества и торги, посредствомъ коихъ доставляются нужнѣйшія вещи въ жизни человѣческой, живутъ они здѣсь, какъ и во многихъ мѣстахъ Польши и Литвы, къ угнетенію христіанъ. Соединяясь между собою связью почти неразрывною, отнимаютъ они у сихъ послѣднихъ всѣ способы къ пріобрѣтеніямъ посредствомъ трудовъ и раченія. Въ Семятичѣ были они почти причиною усилившейся эпидемической болѣзни, бывшей здѣсь годъ тому назадъ послѣ пожару, отъ коего выгорѣлъ тогда почти весь сей городокъ. Я говорю причиною, потому что они жили здѣсь въ величайшей тѣснотѣ, къ чему присовокупить должно величайшую нечистоту, которую обыкновенно въ жилищахъ ихъ находятъ»[40]).

Въ общемъ характерѣ отзывовъ о крестьянахъ проглядываетъ вліяніе мѣстнаго дворянства и духовенства. Встрѣчается даже названіе схизматикъ, употребляемое безъ всякой оговорки и напоминающее застарѣлые предразсудки фанатическаго меньшинства. Въ городѣ Друичинѣ, монашествующіе ордена были: «шисматики, базиліане и піары. Первые имѣли только двѣ бѣдныя, деревянныя церкви, да и монашествующихъ особъ было только двое: одинъ престарѣлый игуменъ, и другой моложе. Извѣстно, что шисматики отличаются отъ унеятовъ тѣмъ, что сіи послѣдніе повинуются папѣ, а первые патріарху цареградскому. Одѣяніе шисматиковъ подобно одѣянію грекороссійскихъ монашествующихъ особъ. Также расположеніе церкви и обряды при богослуженіи во всемъ почти подобны россійскимъ. Находясь въ прусской части Польши, и не умѣя впрочемъ ни слова по российски, совершаютъ они богослуженіе по россійскимъ церковнымъ книгамъ. Обыкновенное греко-россіянъ привѣтствіе въ праздникъ Христова Воскресенія: *Христосъ воскресе* и отвѣтъ на сіе: *воистину воскресе* также и у нихъ въ употребленіи. О

семъ обстоятельствѣ упоминаю я потому, что слышалъ сіе отъ нихъ самъ, находясь здѣсь въ самую недѣлю Святыя Пасхи.

Говоря о шисматикахъ не льзя не упомянуть мнѣ также о унеятахъ. Исповѣданіе и особливо богослуженіе унеятовъ во всемъ сходно съ богослуженіемъ шисматиковъ. Какъ въ прусской, такъ и въ россійской части Польши называютъ они себя россіянами. Церкви ихъ ихъ суть обыкновенно бѣдныя деревянныя, а священники отличаются отъ шисматиковъ тѣмъ, что не имѣютъ монашескаго ихъ одѣянія. При семъ примѣтить должно, что бѣдный простой народъ большею частію унеяты, а богатые и дворяне суть чистые католики. Унеяты называются также базиліанами. Нѣтъ почти села какъ въ прусской, такъ и въ россійской Польшѣ, гдѣ бы не было унеятской церкви.... Простой народъ большею частію юродливъ и грубъ, исповѣдуетъ уніатскую вѣру, и весьма склоненъ къ невѣжеству»[41]).

Севергинъ путешествовалъ по западному краю въ эпоху самую неблагопріятную для русскаго населенія. Лица вліятельныя дѣйствовали враждебно въ отношеніи къ русской народности; польское дворянство и католическое духовенство неутомимо трудились надъ матеріальнымъ и нравственнымъ закрѣпощеніемъ русскихъ крестьянъ, истощая всѣ усилія для подавленія въ массахъ чувства вѣры и народности. Могучимъ проводникомъ враждебнаго русскому народу начала въ дѣлѣ образованія былъ князь Чарторижскій, членъ главнаго правленія училищъ и попечитель виленскаго учебнаго округа, вельможа, пользовавшійся тогда огромнымъ вліяніемъ. Обозрѣвая, по его вызову, училища въ западномъ краѣ, Севергинъ неожиданно очутился въ средѣ іезуитовъ и ихъ единомышленниковъ, и на многое посмотрѣлъ сквозь призму, приготовленную ихъ искусными руками. Посѣтивъ край съ цѣлями самыми чистыми и безхитростными, и оставаясь тамъ очень недолго, Севергинъ не могъ разглядѣть истины и оцѣнить по достоинству воспитателей юношества, назойливо хлопотавшихъ о чужомъ спасеніи, какъ замѣтилъ еще Ѳеофанъ Прокоповичъ въ своей художественной характеристикѣ ихъ предше-

ственниковъ. Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія іезуиты были тѣже, что и въ началѣ восемнадцатаго. Но Севергинъ зналъ ихъ гораздо менѣе, нежели Ѳеофанъ Прокоповичъ, и потому говорилъ съ нѣкоторымъ умиленіемъ о почтенной дѣятельности отцовъ іезуитовъ, и съ полнѣйшимъ довѣріемъ относился къ свѣдѣніямъ, которыя они сообщали ему съ обычною своею предупредительностью. Образцомъ наивности можетъ служить слѣдующее описаніе, показывающее съ какою ловкостью отводились глаза людямъ, неподозрѣвавшимъ настоящей сути дѣла: «Я видѣлъ подлинно во многихъ мѣстахъ благотворное дѣйствіе просвѣщенія надъ умами и сердцами. Поразительно было оно въ одномъ изъ духовныхъ училищъ, гдѣ, по окончаніи испытанія, благочестивые отцы цѣлымъ соборомъ совершили благодарственный молебенъ въ монастырскомъ своемъ храмѣ за ободреніе, дарованное имъ *назначеніемъ свидѣтелей достойныхъ трудовъ ихъ*. Дѣти, числомъ до шестидесяти, стояли рядами на колѣняхъ во время сего богослуженія. Младыя сердца ихъ обращались мысленно то къ Богу, то ко всемилостивѣйшему нашему государю. Въ слезахъ радости каждаго изъ предстоящихъ блистали свѣтлыя искры благоговѣнія, благодарности, преданности за новое благо, отечеству даруемое. Зрѣлище достойное златаго вѣка!» [42])

Дѣти, съ колѣнопреклоненіемъ благодарящіе небо за присылку къ нимъ визитатора—какъ это трогательно, восхитительно и правдоподобно, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ разсчитано на слабыя стороны человѣческаго сердца. . . .

Но подобнаго рода картины составляютъ эпизодъ въ путевыхъ запискахъ нашего ученаго. Онъ искалъ не блестящей декораціи, а дѣйствительной любви къ наукѣ и просвѣщенію. Во время пребыванія своего въ различныхъ мѣстностяхъ онъ особенно дорожилъ сношеніями съ лицами, посвятившими себя научнымъ занятіямъ. Съ сочувствіемъ упоминаетъ онъ о своемъ временномъ спутникѣ, русскомъ купцѣ, замѣчательномъ по своей любознательности: «с.-петербургскій купецъ Дмитрій Гавриловъ сынъ Серебряковъ, жительствующій на мызѣ Кирколепелаксъ, и съ

отличными успѣхами упражняющійся въ минералогіи, сопровождалъ насъ во многія изъ мѣстъ для показанія рудъ. Отъ свѣдѣнія и раченія его ожидать можно, что онъ не преминетъ, сколько дозволятъ ему обстоятельства, съ пользою производить въ здѣшнихъ горахъ свои дальнѣйшія разысканія» [43]).

Въ путевыхъ запискахъ Севергина встрѣчаются и замѣтки, относящіяся къ языку, отчасти также къ этнографіи и археологіи и т. п. О степени дѣльности подобныхъ замѣтокъ можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ:

«Финны говорятъ собственнымъ своимъ финскимъ языкомъ, который въ устахъ образованныхъ людей слуху пріятенъ; пишутъ они нѣмецкими буквами. Карелы говорятъ языкомъ, испорченнымъ изъ финскаго и россійскаго.

Слово *финны* на финскомъ языкѣ значитъ жители болотныхъ мѣстъ.

Есть старинныя пѣсни у финновъ, въ коихъ воспѣваютъ о разныхъ родахъ желѣза, о стали, о ихъ рожденіи и пр. Примѣтить должно, что ударенія у финновъ большею частію бываютъ на первомъ слогѣ» [44]).

Происхожденіе пословицы: *и гусь цѣлъ, и волкъ пойманъ* объясняется такимъ образомъ: «Въ разныхъ мѣстахъ лѣса (близъ Новогрудка) попадаются ямы въ землѣ, около одной сажени или болѣе глубиною, и нѣсколько того поменьше шириною вверху, а книзу суживающіяся. Они дѣлаются произвольной величины. Бока сихъ ямъ забраны колышками; въ серединѣ же укрѣпленъ въ землѣ большой колъ. Сію яму покрываютъ на зиму сверху слабо прутьями и соломою, и когда сія покрышка занесется снѣгомъ, то привязываютъ къ верхнему концу кола живаго гуся или утку. Сіи птицы крикомъ своимъ приманиваютъ волка, который набѣгая хочетъ схватить ихъ, но въ тоже мгновеніе, не могши сдѣлать имъ никакого вреда, упадаетъ въ яму. Отчего и произошла здѣсь пословица: и гусь цѣлъ и волкъ пойманъ» [45]).

Описывая городъ Валдай и его населеніе, Севергинъ говоритъ:

«Я умалчиваю о ласковомъ обращеніи здѣшняго женскаго пола, о коемъ упоминаютъ столь многіе путешественники, а присовокупляю токмо мою догадку, что особый ихъ нарядъ, опрятное одѣяніе, родъ упражненія, образъ житія и самое поведеніе показываютъ, кажется, что многія изъ нихъ суть остатки плѣненныхъ и населенныхъ здѣсь литовцовъ, коихъ бывшему нѣкогда нашествію на сіи края мы столь много слѣдовъ въ вышеприведенныхъ курганахъ находимъ. Болѣе еще, кажется, сіе мнѣніе подтверждается тѣмъ, что есть также здѣсь улица, называющаяся еще и нынѣ съ польскаго *панскою улицею*, въ коей впрочемъ живетъ бѣднѣйшая часть здѣшнихъ обывателей, то есть вышепомянутые каменщики, у коихъ пекутъ и продаютъ валдайскія баранки и пр.» [46]).

Ближайшею и преобладающею цѣлью Севергина во время втораго путешествія его по Россіи было обозрѣніе училищъ. Главное правленіе училищъ, выработавшее общій планъ или такъ называемыя предварительныя правила народнаго просвѣщенія, вмѣняло университетамъ въ обязанность посылать ежегодно одного или нѣсколькихъ своихъ членовъ для личнаго обозрѣнія училищъ своего вѣдомства и изслѣдованія ихъ успѣховъ [47]). Севергинъ открывалъ собою рядъ визитаторовъ, посылаемыхъ для обозрѣнія училищъ. Впервые отправляя ученаго съ подобною цѣлью, министерство народнаго просвѣщенія снабдило его инструкціею или наставленіемъ которымъ требовалось «во всякомъ училищѣ обозрѣть порядокъ ученія, способность и раченіе учителей, прилежаніе и успѣхи учениковъ, и вообще все, что споспѣшествуетъ распространенію народнаго просвѣщенія и утвержденію благонравія и добродѣтели; равнымъ образомъ представить затрудненія, всему оному препятствующія. А дабы онъ (визитаторъ) въ исполненіи препорученнаго ему обозрѣнія соображался съ предписаніями, къ предмету сему относящимися, то наблюдаетъ наипаче нижеслѣдующее:

1.

Визитаторъ обязанъ по полученіи сего наставленія немедленно отправиться въ путь, ему предназначенный, для обозрѣнія училищъ.

2.

Обозрѣніе его распространяется на всѣ училища губернскія и уѣздныя, также на содержимыя дворянствомъ и купечествомъ, и пансіоны.

3.

Визитаторъ во всякомъ училищѣ начинаетъ исполненіе препорученнаго ему дѣла приглашеніемъ учителей и начальниковъ ихъ къ засѣданію, въ коемъ прочитавъ данное отъ попечителя наставленіе, дѣлаетъ каждому пристойные вопросы о внутреннемъ порядкѣ, должности всякаго чиновника, о наукахъ, какія именно изъ означенныхъ въ уставѣ о народныхъ училищахъ преподаются, о прилежаніи и особливой способности учениковъ, и получаетъ отъ нихъ, такъ какъ и на всякія другія до сего предмета относящіяся предложенія, письменные отвѣты.

4.

Онъ на всякомъ мѣстѣ обращаетъ вниманіе свое, какому училища послѣдуютъ методу, согласенъ ли оный съ предназначенными въ уставѣ о народныхъ училищахъ и въ руководствѣ данномъ учителямъ правилами, и буде въ чемъ отъ нихъ уклоняется, то по какимъ причинамъ.

5.

Испытываетъ учениковъ въ преподаваемыхъ имъ наукахъ, языкахъ, рисованіи, чистописаніи и прочемъ, въ каждомъ классѣ особенно; замѣчаетъ изъ вопросовъ учителей, ученикамъ дѣлаемыхъ, способность и образъ ихъ ученія, также остроту и знаніе самыхъ учениковъ и успѣхъ одного противу другаго; наблюдаетъ, показываютъ-ли отвѣты ихъ точное понятіе того, о чемъ спрашиваютъ, и не затверживаютъ ли они на память одни слова,

которыми отвѣчаютъ на приуготовленные и выученные ими вопросы, въ чемъ онъ лучше всего удостовѣриться можетъ изъ собственнаго учениковъ испытанія.

6.

Существенный и важнѣйшій долгъ визитатора состоитъ въ томъ, чтобъ узнать истинную цѣну способностей и прилежаніе учителей и начальниковъ, также брать нужныя мѣры для удостовѣренія въ поведеніи каждаго изъ оныхъ. Въ донесеніи своемъ обязанъ онъ помѣщать имена заслуживающихъ одобреніе, имѣющихъ особенное дарованіе, ревность къ общественной службѣ и отличное раченіе въ исполненіи своихъ обязанностей, а напаче отмѣчать таковыхъ, которые окажутся мало способными къ отправленію ихъ должностей.

7.

Ежели кто изъ учителей при преподаваніи, сверхъ данныхъ имъ учебныхъ книгъ, употребляетъ свои записки или собственныя примѣчанія (что должно вмѣнить имъ въ особую заслугу), то таковый обязанъ показать ихъ визитатору, который разсмотрѣвъ сообщаетъ свои мысли о семъ въ донесеніи попечителю.

8.

Визитаторъ неупускаетъ изъ виду и того, во всякомъ ли училищѣ находятся учебныя книги, откуда оныя заимствуются, удобно ли ихъ доставленіе и сходно ли продаются. Ежели гдѣ есть какія библіотеки, собраніе естественныхъ или искуственныхъ произведеній, физическія орудія, модели и прочее, то истребовавъ онымъ вещамъ роспись, въ знакъ учиненнаго имъ свидѣтельства, подписываетъ каталогъ оныхъ, о качествѣ же ихъ увѣдомляетъ и попечителя.

9.

Осматриваетъ состояніе домовъ, находящихся подъ вѣдѣніемъ приказа общественнаго призрѣнія, въ коихъ живутъ казенные воспитанники, также положеніе мѣста для построенія училищъ и самыя строенія для оныхъ назначаемыя; смотритъ, соразмѣрно ли

обширности оныхъ число учащихся и не тѣсны ли самыя воспитанниковъ жилища.

10.

Что же касается до училищъ, содержимыхъ дворянскимъ или купеческимъ обществомъ, визитаторъ осматриваетъ, какимъ образомъ оныя содержатся; какую даетъ на содержаніе онаго общество сумму; для того ли предмета она употребляется; имѣютъ ли училища сверхъ положенной суммы доходъ, какое у нихъ внутреннее распоряженіе, и освѣдомясь вообще о всемъ, что касается до преподаванія и воспитанія, доноситъ обстоятельно попечителю.

11.

Предъ окончаніемъ обозрѣнія визитаторъ призываетъ къ себѣ тѣхъ, коимъ за нужное почитаетъ дать частныя наставленія; о непорядкахъ же касающихся до всего училища дѣлаетъ замѣчаніе директору или смотрителю, и внеся все сіе въ дневныя свои записки, увѣдомляетъ попечителя.

12.

Освѣдомляется, дѣлаютъ ли надлежащимъ образомъ и въ свое время установленныя частныя и открытыя испытанія въ наукахъ и языкахъ; когда и съ какими обрядами бываетъ на всякомъ мѣстѣ открытіе училищъ и испытаніе учениковъ; сказываются ли при сихъ случаяхъ рѣчи, и записываются ли оныя въ книги училищныхъ дѣлъ; собираются ли посторонніе особы при таковыхъ испытаніяхъ; сколь долго продолжается учебный роздыхъ (вакація), и есть ли обыкновеніе увольнять тогда учащихся въ домы.

13.

Производству всего обозрѣнія ведетъ одинъ изъ учителей дневную записку, и читаетъ оную въ полномъ собраніи, которую подписываетъ визитаторъ, и взявъ изъ оной выпись за подписаніемъ начальника и всѣхъ учителей, представляетъ попечителю при своемъ донесеніи. Кромѣ сего долженъ визитаторъ въ доне-

сеніи своемъ описать состояніе каждаго училища особенно, съ пріобщеніемъ къ нему своего мнѣнія.

14.

Ежели визитаторъ по удобности мѣста признаетъ за нужное учредить новое училище, то снесясь съ губернскимъ и дворянскимъ (sic) предводителями, о сей надобности представляетъ свое мнѣніе попечителю.

15.

Наконецъ, для облегченія издержекъ родителей при воспитаніи ихъ дѣтей, обязанъ онъ стараться ввести въ употребленіе и такіе пансіоны, въ коихъ бы пеклись только о содержаніи и поведеніи дѣтей, поелику они будутъ пользоваться ученіемъ въ общественныхъ училищахъ, совѣтуя при томъ, дабы въ нихъ не только сохраненъ былъ хорошій порядокъ и рачительное за успѣхами въ наукахъ наблюденіе, но особливо и за всѣмъ тѣмъ, что касается до нравственности и добраго поведенія. Также объ учрежденіи и сихъ пансіоновъ, ежели потребуетъ надобность, долженъ визитаторъ сноситься съ губернскими и дворянскими (sic) предводителями [48]).

Относительно училищъ новгородской и псковской губерніи Севергинъ приводитъ слѣдующія данныя и соображенія:

«Въ псковской губерніи находится шесть народныхъ училищъ, какъ то: главное во Псковѣ, и малыя—въ Порховѣ, въ Островѣ, въ Опочкѣ, въ Великихъ-Лукахъ и Торопцѣ.—Во Псковѣ 90 учениковъ; въ Порховѣ 30; въ Островѣ 30; въ Опочкѣ 26; въ Великихъ-Лукахъ 77; въ Торопцѣ 96; итого во всей губерніи 349 учениковъ.

Въ новогородской губерніи находится семь народныхъ училищъ, какъ то: главное въ Новѣгородѣ, и малыя—въ Валдаѣ, въ Старой Русѣ, въ Боровичахъ, въ Тихвинѣ, Бѣлозерскѣ и Устюжнѣ.—Въ Новѣгородѣ 85 учениковъ; въ Валдаѣ 39; въ Старой Русѣ 55; въ Боровичахъ 110; въ Тихвинѣ 67; въ Бѣло-

зерскѣ 37; въ Устюжнѣ 27; итого во всей губерніи 420 учениковъ. А въ обѣихъ 769. Частныхъ пансіоновъ нѣтъ.

Смотрители малыхъ народныхъ училищъ были до сихъ поръ выбираемы изъ купцовъ или мѣщанъ, кои часто едва имя свое подписать умѣютъ. Полезнѣе было бы избирать ихъ впредь изъ числа заслуженныхъ учителей.

Ученики, отдаваемые въ сіи училища, суть большею частію дѣти купеческія и мѣщанскія, либо разночинцовъ, либо солдатскія, либо наконецъ господскіе слуги. Многіе изъ нихъ весьма бѣдны и отвлекаются родителями отъ хожденія въ училище различною домашнею работою, отъ чего разстраивается у учителей порядокъ ученія, а ученики показываютъ мало успѣховъ. Лучшихъ изъ таковыхъ полезно бы было содержать на казенномъ иждивеніи. Помѣщики же по какому то предразсужденію или по другимъ причинамъ не отдаютъ дѣтей своихъ въ сіи училища.

Инаго рода препятствіе въ распространеніи просвѣщенія содѣлываютъ старовѣры. По какому то предубѣжденію отнюдь не хотятъ они отдавать въ училище дѣтей своихъ, а обучаютъ ихъ дома. Учителями же ихъ бываютъ обыкновенно старыя или молодыя женщины, такъ что у иной учится ихъ по трое, пятеро и болѣе; а ученіе простирается не далѣе знанія читать псалтырь и часовникъ. Отъ сего происходитъ, что въ которомъ городѣ болѣе находится старовѣровъ, тамъ менѣе и учениковъ въ училищѣ, а гдѣ ихъ менѣе, напр. въ Боровичахъ, тамъ болѣе и учениковъ. Кажется впрочемъ, что сіе отвратить можно совершеннымъ запрещеніемъ обучать таковымъ дѣтей своихъ дома, а отдавать ихъ въ училище. Просвѣщеніе было бы тогда совершеннѣе, и духъ раскола не столь бы быстрыми шагами распространялся.

Училищные домы вездѣ почти въ худомъ состояніи, ветхи, тѣсны и неопрятны. Сіе какъ здравію учениковъ вредно, такъ и отвращаетъ многихъ достаточныхъ людей отдавать дѣтей въ училища. Поелику нынѣ училищные домы, особливо въ уѣздныхъ городахъ, суть большею частію наемные, то весьма нужно

предписать, чтобы впредь наймомъ или постоемъ избираемы были домы для училища порядочные, а покои были бы пространны, чисты, сухи и свѣтлы.

Малыя народныя училища содержатся большею частію отъ думъ. Но думы городскія, по собственному ли недостатку или по небреженію о семъ предметѣ, неохотно даютъ всего нужнаго для содержанія учителей и училищъ. Часто учители, при всемъ своемъ стараніи, получаютъ не болѣе 120 рублей жалованья въ годъ, а помощникъ учительскій во Псковѣ получаетъ только 50 рублей въ годъ. Помѣщики же вспоможеній не дѣлаютъ. Что касается до купечества, то они и въ самомъ дѣлѣ не всегда по желанію своему могутъ доставлять всѣхъ пособій, ибо часто записываются въ купцы только для того, чтобъ избѣжать рекрутства, а доходы думы бываютъ скудны.

Для достиженія цѣли вящшаго распространенія просвѣщенія въ отечествѣ нужно, чтобы всѣ члены онаго тому способствовали. Такимъ образомъ и училища тогда достигнутъ цвѣтущаго состоянія, когда г. губернаторы, г. городничіе, директоры и смотрители будутъ къ самимъ училищамъ оказывать болѣе уваженія, то есть ободреніемъ учителей и учениковъ, ласковымъ съ ними обхожденіемъ, доставленіемъ имъ въ случаѣ нужды полной помощи, отличеніемъ ихъ предъ невѣжами, убѣжденіемъ чиновныхъ, богатыхъ и помѣщиковъ либо къ посѣщенію училища, либо къ отдаванію дѣтей своихъ въ оное. Учительская должность многотрудная, а находясь въ презрѣніи влечетъ за собою вѣчное уныніе.

Съ другой стороны нужно стараться впредь, чтобы и учители въ предуготовленіи ихъ къ сему званію были болѣе образованы, нежели нынѣ; чтобы они нѣсколько болѣе имѣли свѣдѣній, нежели сколько обыкновенно преподаютъ, и особливо, чтобъ каждый изъ нихъ зналъ сверхъ природнаго языка по крайней мѣрѣ еще нѣмецкій языкъ. Разумѣется, что они должны быть притомъ поведенія добропорядочнаго и скромнаго.

Вообще для большаго успѣха нужно впредь снабдить, какъ директоровъ, такъ смотрителей и учителей, особыми инструкціями

въ разсужденіи ихъ должностей, а г. городничихъ въ разсужденіи образа поведенія въ отношеніи къ учителямъ и училищу. Главная же цѣль ихъ должна быть общее всѣхъ споспѣшествованіе пользѣ ученія.

Что касается до учебнаго состоянія нынѣшнихъ училищъ, то надлежитъ признаться, что оно требуетъ поправленія. Ибо ученики вездѣ почти учатъ уроки свои наизусть безо всякаго понятія о томъ, что учатъ, и отвѣчаютъ на предлагаемые вопросы на распѣвъ, даже въ ариѳметикѣ и въ дѣлаемыхъ ими на доскѣ задачахъ. Учители и ученики столь привыкли къ сему распѣву, что и тѣ и другіе мѣшаются, коль скоро голосъ или образъ вопроса и отвѣта перемѣнятся. Къ вящшему сожалѣнію нигдѣ почти россійской грамматики правильно не знаютъ, и большею частію пишутъ безъ всякой орѳографіи. Какъ отличенъ отъ сего образъ ученія г. Данилова въ Псковѣ: онъ простъ, дѣтямъ приличенъ, дѣлаетъ ихъ свободными въ отвѣтахъ, пріобучаетъ ихъ къ разсужденію. Онъ умѣетъ возбуждать въ нихъ духъ соревнованія къ достиженію вящшихъ успѣховъ въ наукахъ. Способъ сей состоитъ во внятномъ истолкованіи преподаваемаго предмета, въ нѣкоторыхъ классныхъ ободреніяхъ, и обученіемъ (sic) ихъ иногда разговорами, подобно какъ въ извѣстной дѣтской книгѣ de madame de Beaumont.

Во многихъ малыхъ народныхъ училищахъ находится токмо по одному учителю: полезнѣе было бы имѣть ихъ по двое, изъ коихъ старшій могъ бы притомъ занимать должность смотрителя.

Училищныя пособія какъ то: книги, ландкарты, глобусы, физическіе и натуральные кабинеты и пр. должны быть вездѣ исправлены и пріумножены.

Для вящшаго распространенія просвѣщенія полезно бы было завести малыя народныя училища въ Бронницахъ, Крестцахъ, въ Холму, въ Сольцахъ; а въ Новоржевѣ желаютъ того сами жители»[49]).

Существенный недостатокъ, замѣченный Севергинымъ въ училищахъ западнаго края, заключался въ отсутствіи учебниковъ на русскомъ языкѣ. Это обстоятельство побудило Севергина составить для народныхъ училищъ руководство къ минералогіи. Въ представленіи своемъ въ академію наукъ онъ говоритъ:

«Усмотря во время обозрѣнія училищъ, что хотя въ главныхъ народныхъ училищахъ, такъ какъ и въ езуитскихъ и базиліанскихъ, и обучаютъ минералогіи, но свѣдѣнія въ сей наукѣ, учениками пріобрѣтаемыя, не только недостаточны, но даже и не основательны, что происходитъ отъ недостатка въ исправномъ къ тому руководствѣ на россійскомъ языкѣ,—долгомъ моимъ почелъ сочинить въ пользу народныхъ училищъ краткое минералогіи начертаніе, въ коемъ бы ясно, кратко и вѣрно описаны были ископаемыя тѣла съ показаніемъ употребленія ихъ въ общежитіи. Я трудился уже предъ симъ нѣсколько лѣтъ надъ таковымъ начертаніемъ, а теперь, приведя принадлежащія къ тому записки въ порядокъ, имѣю честь представить оное при семъ императорской академіи наукъ, покорнѣйше оную прося доставить сіе сочиненіе въ силу регламента § 8 въ главное училищъ правленіе съ тѣмъ, что не соблаговолитъ ли оно, ежели найдетъ того достойнымъ, сію минералогію приказать напечатать и ввести въ дѣйствительное употребленіе»[50]).

Признавая, что для успѣшнаго преподаванія недостаточно одного теоретическаго изложенія предмета, а необходимы наглядныя пособія, Севергинъ принесъ въ даръ педагогическому институту свое замѣчательное собраніе минераловъ. «Въ полезномъ и преизящномъ заведеніи подъ именемъ педагогическаго института — писалъ Севергинъ попечителю округа Новосильцеву — преподается между прочими частями естественной исторіи также и минералогія.

Ободренный особеннымъ покровительствомъ, которое вы столь дѣятельно на науки и знанія человѣческія вообще обращать изволите, сочинилъ я краткую минералогію для народныхъ училищъ, которая, какъ я извѣстился, удостоена одобренія отъ

разсматривавшаго оную. Но извѣстно, что необходимо нужно также имѣть для показанія учащимся и самыя тѣла, кои въ такой книгѣ описуются, изъ коихъ многія притомъ столь рѣдки, что ихъ получить весьма трудно.

Посему, побуждаясь усердіемъ и преданностью къ пользѣ распространенія и усовершенія минералогическихъ знаній въ отечествѣ, жертвую для педагогическаго института, подъ вѣдѣніемъ вашего превосходительства находящагося, собственнымъ моимъ минеральнымъ кабинетомъ, содержащимъ въ себѣ болѣе 400 штуфовъ, который расположу по системѣ, съ присовокупленіемъ номенклатуры знаменитаго Гои.

Ежели ваше превосходительство удостоите сію добровольную и безмездную мою жертву вашего вниманія, то благоволите приказать прислать ко мнѣ обучающаго въ ономъ институтѣ натуральной исторіи г. Теряева для принятія отъ меня сего собранія по описи, которое, поелику всѣ почти виды ископаемыхъ тѣлъ въ себѣ заключаетъ, можетъ служить образцовымъ минеральнымъ кабинетомъ для прочихъ народныхъ училищъ» [51]).

Такое же стремленіе принести посильную пользу обнаруживалъ Севергинъ и на другихъ поприщахъ своей дѣятельности — въ различныхъ учрежденіяхъ и ученыхъ обществахъ. Особенно выдаются труды его въ вольномъ экономическомъ обществѣ. Онъ подвергалъ изслѣдованію присылаемыя въ общество руды; самъ доставлялъ ихъ; принесъ обществу въ даръ собранные имъ въ шести губерніяхъ образцы пахатныхъ земель, съ указаніемъ мѣста ихъ нахожденія, главныхъ признаковъ и составныхъ частей, и т. д. Онъ привелъ въ систему минералогическія собранія общества, распредѣливъ ихъ на пятнадцать отдѣленій:

1) золото,
2) серебро,
3) желѣзо,
4) мѣдь,
5) свинецъ,

6) полуметаллы,
7) кремнистыя породы,
8) глинистыя породы,
9) тальковыя породы,
10) тяжелыя породы,
11) известковыя породы,
12) сложныя породы,
13) горючія тѣла,
14) соли, и
15) окаменѣлости.

Втеченіе нѣкотораго времени Севергинъ былъ секретаремъ вольнаго экономическаго общества и хранителемъ минеральнаго кабинета [52]).

VII.

Какое бы путешествіе, большое или малое, ни предпринималъ Севергинъ, и съ какою-бы то ни было цѣлію, онъ постоянно имѣлъ въ виду ту отрасль знанія, изученію которой посвящены были лучшіе годы его жизни, именно—минералогію. Отправившись въ 1809 году въ тверскую губернію для изслѣдованія минеральныхъ водъ, онъ писалъ непремѣнному секретарю академіи наукъ изъ села Андреяполя, осташевскаго уѣзда:

«Въ пути моемъ, а особливо когда въѣхалъ въ тверскую губернію, не преминулъ я заняться минералогическими наблюденіями. Съ самаго начала старался я различать наносные минералы отъ постоянно гдѣ либо находящихся. Первые замѣчалъ я только въ своемъ журналѣ, а вторые собиралъ для минеральнаго кабинета академіи наукъ.

Между первыми достойны примѣчанія кругляки на берегахъ озера Селигера, кои всѣ почти принадлежатъ къ числу сложныхъ горныхъ породъ: оныя суть граниты сѣрые и красные, кварцъ сѣрый съ сребристою слюдою, красный полевой шпатъ съ кварцомъ, сіенитъ, также роговой камень, кремни бѣлые и затвердѣлая глина; всего же достопамятнѣе то, что я находилъ также кругляки того гранита, который въ Финляндіи извѣстенъ

подъ именемъ *рапакива*, и гранита краснаго, подобнаго *гекфорскому* въ Финляндіи.

Къ собственнымъ произведеніямъ тверской губерніи, и именно въ осташевскомъ уѣздѣ въ погостѣ Дубнахъ, принадлежатъ: известный камень сѣрый, и охряный, плитный; бурая горшечная глина; охряные желѣзные камни; красный карандашъ или мягкій кровавикъ, и сѣрные колчеданы вывѣтривающіеся, коихъ находится много въ помянутой глинѣ» [53]).

По возвращеніи изъ своего путешествія Севергинъ представилъ въ академію и читалъ въ ученомъ собраніи о минералогическихъ наблюденіяхъ, произведенныхъ въ тверской губерніи [54]).

Научная требовательность Севергина выражается не только въ описаніи его собственныхъ путешествій, но и въ тѣхъ указаніяхъ, которыя онъ предлагалъ другимъ лицамъ, предпринимавшимъ путешествіе по Россіи или отправлявшимся съ научною цѣлью заграницу. Такого рода путешествій совершено немало въ первую четверть девятнадцатаго столѣтія, и планы для минералогическихъ изслѣдованій въ различныхъ мѣстностяхъ, привлекавшихъ вниманіе естествоиспытателей, составляемы были большею частію Севергинымъ.

Для путешественника, отправлявшагося въ Бухарію, Севергинъ долженъ былъ написать инструкцію въ самый короткій срокъ, втеченіе трехъ дней. «Краткость времени — говоритъ онъ — не позволила мнѣ войти во всѣ подробности, до сей страны касающіяся; между тѣмъ за нужное почитаю представить слѣдующее:

1) Ежели господинъ путешественникъ разумѣетъ ту Бухарію *), которая лежитъ къ востоку отъ Каспійскаго моря и Араль-

---

*) Ибо Россія имѣетъ также и въ Сибири большія селенія бухарцовъ въ городахъ Тобольскѣ, Туринскѣ, Тюменѣ, Тарѣ, Томскѣ, и въ нѣкоторыхъ близь лежащихъ слободахъ; также и въ Оренбургѣ, о коихъ г. путешественникъ можетъ справиться въ путешествіяхъ знаменитаго Палласа и нѣкоторыхъ другихъ сей академіи г. академиковъ, бывшихъ въ путешествіи въ Сибири.

скаго озера, и окружена Персіею, полунощною Индіею и разными малыми татарскими владѣніями, гдѣ главный городъ Бухара, отдаленъ отъ Оренбурга около 1500 верстъ, то послѣднее отдѣленіе примѣчаній, сообщенныхъ мною сему собранію для его сіятельства графа Аполлоса Аполлосовича Муссина-Пушкина, при первомъ его путешествіи въ Грузію, можетъ быть полезно и для сего путешественника.

2) Для геологіи вообще весьма бы полезно было замѣчать вездѣ, гдѣ къ тому встрѣтится случай, различныя странъ углубленія и возвышенія, направленія сихъ послѣднихъ, такъ какъ и направленія рѣкъ и рѣчекъ, и различное ихъ сцѣпленіе; ежели гдѣ случатся рытвины, провалы, осыпи, и тому подобное, то замѣчаетъ качество, количество и смѣшеніе слоевъ, ихъ составляющихъ, и вообще качество кряжа, по коему онъ проѣзжаетъ, состоитъ ли оный изъ гранита (и какое есть онаго точное смѣшеніе) или глинистаго шифера, или известнаго или песчанаго камня, съ окаменѣлостями или безъ оныхъ; а сіи послѣднія въ какой глубинѣ или вышинѣ; примѣтить также высоту горъ, гдѣ оныя встрѣтятся, и идутъ ли они цѣлою цѣпью или стоятъ отдѣльно. Нѣтъ ли гдѣ признаковъ произведеній подземнаго огня, и какого свойства или рода кругляки, на поляхъ бывающіе.

3) Поелику весьма вѣроятно, что въ сихъ странахъ встрѣтятся разнаго рода соляныя озера, то замѣтить, какого качества есть соль въ оныхъ находящаяся, то есть поваренная ли то соль, или минеральная щелочная, или Глауберова, или горькая соль и пр. Осаждаются ли они изъ таковыхъ водъ сами собою и въ какомъ количествѣ. Сколь обширны озера и сколь велика глубина ихъ.

4) Особливо примѣтить, не найдется ли гдѣ въ озерахъ или ключахъ нечистой буры или тинкала. Надобно притомъ знать, что въ Индіи попадается сія соль въ глинистыхъ мѣстахъ.

5) Не откроется ли гдѣ полезныхъ минеральныхъ ключей, купоросныхъ, горькихъ, щелочныхъ, сѣрныхъ или другихъ; причемъ замѣтить, холодные они или горячіе; какое изобиліе прите-

кающей воды, напр. въ одинъ часъ, и по какому кряжу она течетъ.

6) Нѣтъ ли гдѣ въ щеляхъ горъ, или въ слояхъ земныхъ настоящей селитры, въ какомъ она встрѣчается количествѣ и въ какомъ видѣ, то есть слоями, примазкою или навѣтривающаяся.

7) Металлическія руды въ горахъ, ежели гдѣ встрѣтятся, съ точностію наблюдать, какія онѣ, въ какомъ чаятельномъ изобиліи, и въ слоевыхъ ли горахъ или жилахъ попадаются; при чемъ однако же крайне остерегаться, чтобъ простые колчеданы или золотистаго цвѣта слюду не почесть за золото, а серебристаго цвѣта слюду за серебро, ибо сіе часто случается.

8) Нѣтъ ли гдѣ уже въ дѣйствіи находящихся заводовъ, металлическихъ, квасцовыхъ, купоросныхъ, кирпичныхъ и тому подобное, кои со всею подробностію описать.

9) Ежели гдѣ встрѣтится сѣра самородная, горныя смолы или нефтяные ключи, то все имъ положеніе показать съ точностію.

10) Не безполезно также собирать и пахатныя земли въ каждыхъ по крайней мѣрѣ 50 верстахъ, но въ отдаленіи отъ жилищъ и большихъ дорогъ, дабы чрезъ то узнать также качество почвы различныхъ странъ въ отношеніи къ землепашеству.

11) Есть надежда думать, что въ помянутомъ краю находятся армянскіе камни и лазурики, бирюза, колчеданы, сердолики, перемѣняющіеся камни или окониты и другіе кремни, также каменная соль, разныхъ цвѣтовъ нашатырь, цинковыя, мѣдныя и золотыя руды, къ коимъ особенное обратитъ вниманіе.

12) Сказываютъ, что названіе камня *кахолонга* происходитъ отъ бухарской рѣки *Каха*, и татарскаго слова *холонга* — *камень*: изыскать справедливо ли сіе нѣкоторыхъ писателей примѣчаніе.

13) Наконецъ г. путешественникъ благоволилъ бы небольшіе образцы достопамятныхъ, рѣдкихъ или сумнительныхъ ископаемыхъ породъ присылать въ академію наукъ для изслѣдованія»[55]).

Въ апрѣлѣ 1805 года Севергинъ представилъ въ ученое со-

браніе академіи наукъ обширную «инструкцію для отправляющагося въ Китай по минералогической части:

Предполагая отправляющагося въ Китай мужа для минералогическихъ наблюденій совершенно въ минералогіи свѣдущимъ, не нужно мнѣ вступать здѣсь въ подробности, заимствуемыя отъ началъ или основаній сей науки. Разумѣется, что онъ нигдѣ (ежели дозволитъ случай) не упуститъ наблюдать различное качество почвы и слоевъ земныхъ, разныя на поверхности земной возвышенія и углубленія, порядокъ ихъ и сцѣпленіе, внутреннее ихъ сложеніе, и вообще различныя ископаемыхъ тѣлъ породы, въ нихъ попадающіяся, разное ихъ въ нѣдрахъ земли положеніе, виды, и наконецъ всѣ измѣненія, ими какъ въ общей массѣ, такъ и въ частныхъ отдѣленіяхъ представляемыя. Первыя къ таковымъ наблюденіямъ руководства можно выбрать изъ всякой нѣсколько подробной и основательной минералогіи *). Посему и обращусь я непосредственно къ той странѣ, откуда желательно имѣть точнѣйшія свѣдѣнія о различныхъ тамошнихъ ископаемыхъ произведеніяхъ, или паче сообщу краткое обозрѣніе того, что въ разсужденіи ихъ доселѣ извѣстно было, изъ чего представятся сами собою вопросы, дальнѣйшаго объясненія требующіе.

Китай доставляетъ европейцамъ торговлею своею съ ними, какъ существенные и полезные товары, такъ и множество мелочныхъ вещей, кои доказываютъ однакоже великую ихъ промышленность и многочисленность ихъ фабрикъ, которыя слѣдовательно въ числѣ первыхъ заслуживаютъ вниманіе путешественника, ежели не всегда для заимствованія отъ нихъ лучшаго предъ европейскими обработыванія, то по крайней мѣрѣ для сличенія съ употребительными въ Европѣ, тѣмъ паче, что при точномъ и прилежномъ наблюденіи могутъ намъ открыться породы, кои намъ либо вовсе неизвѣстны, либо неизвѣстны по особенному какому либо употребленію и обработыванію.

---

*) Сверхъ сего руководство къ таковымъ общимъ наблюденіямъ во всей ихъ подробности можно читать въ путешествіи г. Соссюра по альпійскимъ горамъ. Томъ VIII, стр. 244 до 348.

Между многочисленными китайскими товарами доставляются въ Европу чрезъ Кяхту золотые и серебряные слитки, разныя изъ красной и желтой мѣди издѣлія, фарфоровые и глиняные чайники, чашки и многочисленныя игрушки, костяныя, перламутовыя и черепаховыя вещи, и шпектейновыя рѣзныя и окрашенныя подѣлки, прозрачныя для фонарей годныя кожи, стеклянные бусы, красные, упругіе, изъ глины дѣлаемые, корольки, бумага, тушъ, бѣлила, сурикъ, цинковая известь и пр. и пр. Но какъ всѣ сіи вещи требуютъ разнаго способа приготовленія и обработыванія разныхъ заведеній и матеріаловъ, то совершенное сего познаніе не иначе какъ бы весьма для насъ полезно было.

Послѣ сихъ двухъ общихъ примѣчаній перехожу я къ частнымъ, дабы показать состояніе минералогическихъ свѣдѣній о Китаѣ, которое заключается въ слѣдующихъ статьяхъ.

I. Камни и Земли.

1) *Мраморъ*—Marmor. Marbre. Увѣряютъ, что въ Китаѣ находится онаго великое множество. Даже многіе мосты выложены изъ сего камня. *Бѣлый мраморъ* видѣнъ во многихъ тамошнихъ домахъ. Много попадается онаго въ провинціи *Чантонгъ*; также въ 12 или 15 миляхъ отъ *Пекина*, гдѣ добываютъ огромные кабаны бѣлаго мрамора, изъ коего выдѣланы высокіе и толстые столбы для императорскаго дворца. Приводятъ притомъ, что китайцы не знаютъ столь совершенно обработывать оный, какъ европейцы. Ломки сего камня какъ въ сихъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ Китая, могутъ доставить минералогу много предметовъ къ изслѣдованію.

2) *Алебастръ*— Alabaster. Albâtre. Поелику китайцы выдѣлываютъ изъ него разныя вещицы, то вѣроятно находится оный у нихъ въ немаломъ количествѣ, почему и нужно знать, гдѣ именно и при какихъ обстоятельствахъ.

3) *Гипсовый шпатъ*—Gyps-Spath. Gypse spatheux. Приводятъ нѣкоторые, яко бы китайцы употребляютъ его для примѣси къ

фарфору, почему требуетъ сіе на самомъ мѣстѣ подтвержденія или опроверженія.

4) *Тяжелый шпатъ*—Schwerspath. Baryte, Spath pésant. Думаютъ, что китайцы также и сію породу камней для примѣси къ фарфору употребляютъ, и что разность онаго, именуемая у нихъ *Чекао*, имѣетъ видъ *Болонскаго камня* — Bologneser Stein.

5) *Горный ленъ* — Bergflachs. Lin fossile. Китайцы умѣютъ приготовлять изъ него несгараемое полотно, изъ коего сдѣланныя ими салфетки, полотенцы и пр. дѣйствительно привозимы были въ Европу. Но откуда они получаютъ сіе вещество, и какъ оное обдѣлываютъ, сіе достовѣрно не извѣстно.

6) *Жировикъ*—Speckstein. Steatite. Всякому извѣстны разныя вещицы, изъ сего камня у китайцовъ выдѣлываемыя и привозимыя въ Европу. Но гдѣ именно находится сей камень, и при какихъ обстоятельствахъ, и наконецъ какимъ образомъ оный обдѣлывается и окрашивается, сіе требуетъ дальнѣйшаго изслѣдованія.

7) *Почечный камень* — Nierenstein. Вышеприведенное (№ 6) разумѣть должно также и о семъ камнѣ.

8) *Драгоцѣнные камни*. Говорятъ, что они извѣстны у китайцовъ подъ общимъ именемъ *ïo*. Но какого они суть свойства, и откуда получаются, сіе требуетъ изслѣдованія.

9) *Алмазный шпатъ*—Diamanth Spath. Corindon. Извѣстно, что кромѣ Индіи находится оный также и въ Китаѣ. Китайцы употребляютъ его на шлифованіе крѣпкихъ камней и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, для примѣси къ фарфору.

10) *Полевой шпатъ* — Feldspath. Spath des champs. Увѣряютъ, что у китайцовъ извѣстно двѣ разности онаго, одна подъ именемъ *Петунзе*, которая есть полевой шпатъ бѣлый и листоватый, а другая подъ именемъ *Каолинъ*, которая есть полевой шпатъ разрушенный глинистый. Оба сіи вещества употребляютъ они на дѣланіе фарфора. Ежели бы сіе нашлося справедливымъ, то имѣя въ Финляндіи оба сіи тѣла въ великомъ изобиліи, могли бы мы употреблять ихъ съ равною пользою на дѣланіе фарфора.

11) *Синеватый халцедонъ*, похожій на сапфиръ — Blauer

Chalcedon. Calceedoine bleue. Говорять, что таковой находится въ сѣверномъ концѣ провинціи *Осью* въ Японіи, насупротивъ земли *Iecо*.

12) *Яшма* — Jaspis. Jaspe. По-китайски *Тузъ*. Въ великомъ уваженіи и превосходной доброты у китайцовъ, изъ коего выдѣлываютъ вазы и другія вещи. Они различаютъ два рода онаго, изъ коихъ одинъ почитается драгоцѣннымъ и находится въ видѣ большихъ кругляковъ, собираемыхъ на рѣкѣ *Котау*, близъ города Кашгара. Другой добывается изъ каменоломней для выдѣлки кусковъ около двухъ дюймовъ толщиною. Горы Дзензаръ, лежащія на одномъ изъ сѣверныхъ концовъ Японіи, доставляютъ сердоликъ и яшму.

13) *Бѣлый болюсъ*, или *бѣлая земля изъ Патны*. Изъ сей земли дѣлаютъ сосуды весьма легкіе, съ карту толщиною, въ коихъ прохлаждаютъ воду, которая сверхъ того принимаетъ отъ нихъ пріятный вкусъ. Сказываютъ, что когда такой сосудъ намокнетъ, то тамошніе жители, выпивъ изъ него воду, съ великою жадностію съѣдаютъ самый сосудъ; а особливо любятъ сію глину беременныя женщины.

II. Соли.

14) *Поваренная соль* — Koch-Salz. Западныя части Китая, сопредѣльныя съ Татаріею, весьма ею изобилуютъ несмотря на отдаленность отъ моря. Сверхъ того попадается здѣсь родъ сѣрой земли, которая даетъ чрезвычайно много соли, и по вываркѣ и выложеніи на воздухъ опять ею напитывается. Сказываютъ однакоже, что способъ вывариванія соли недостаточный.

15) *Селитра* — Salpeter. Увѣряютъ, но по извѣстіямъ 1775 года, яко бы китайская селитра была чище европейской, хотя по способу вывариванія у нихъ употребительнаго сего заключать и не можно. Между тѣмъ сіе заслуживаетъ дальнѣйшаго изслѣдованія.

16) *Бура* — Borax. Обыкновенно получается изъ восточной

Индіи. Между тѣмъ слѣдующее достойно великаго вниманія, а именно: *Фуркроа* и нѣкоторые другіе пишутъ, якобы въ Китаѣ приготовлялась она искуствомъ, и что для сего складываютъ вмѣстѣ въ яму куски сала, глину и навозъ, кои смачиваютъ водою, и даютъ имъ лежать въ оной нѣсколько лѣтъ. Если бы сіе нашлось справедливымъ, и сообщено было подробное описаніе, то бы Европа великія пріобрѣла выгоды собственнымъ приготовленіемъ сей, въ фабрикахъ и художествамъ столь полезной, соли.

17) *Купоросъ* и *Квасцы*. Первый называется у китайцовъ *Кинъ*. Но далѣе о сихъ соляхъ ничего точнаго не извѣстно.

III. Горючія тѣла.

18) *Горное масло* — Bergöl. Употребляется у нѣкоторыхъ на жженіе вмѣсто свѣчъ.

19) *Каменный уголь* — Stein Kohle. Въ Пекинѣ называется *Муи*. Въ Китаѣ оный столь же извѣстенъ и въ такомъ же (sic) находится какъ и въ Европѣ. Китайцы употребляли оный всегда во множествѣ, потому что лѣсъ у нихъ вездѣ почти недостаточенъ. Примѣчаютъ даже, что Китай всѣхъ земель изобильнѣе симъ горючимъ веществомъ. Особливо въ великомъ множествѣ находится оный въ провинціяхъ *Чензи*, *Чами*, и *Печели*. Въ Пекинѣ жгутъ уголь, получаемый изъ горъ въ двухъ миляхъ отъ сего города. Уже болѣе 4000 лѣтъ доставляется оный оттуда городу и наибольшей части провинціи, гдѣ употребляютъ его бѣдные люди для топленія печей. Цвѣтъ его черный. Нѣкоторые, особливо изъ простаго народа, растираютъ его, смачиваютъ водою и дѣлаютъ изъ него колья. Сей уголь трудно загарается, но даетъ сильный и продолжительный жаръ. Паръ отъ него бываетъ столь противный, что могъ бы задушить тѣхъ, кои спятъ возлѣ печей, если бы не имѣли предосторожности ставить возлѣ нихъ сосуды наполненные водою, которая поглащаетъ дымъ и весьма уменьшаетъ дурной запахъ. Употребляютъ его также при плавкѣ мѣди; но о желѣзѣ думаютъ, что дѣлается отъ него ломкимъ.

20) *Амбра* — Ambra. Ambre gris. Употребляется въ Китаѣ

для куренія, а какъ она часто бываетъ подмѣшена, то китайцы имѣютъ слѣдующій способъ испытанія ея доброты, то есть, наскабливаютъ небольшое оной количество въ кипящую чайную воду, въ коемъ случаѣ, если она не подмѣшана, то распускается и разводится въ ней равномѣрно. Впрочемъ извѣстно, что китайцы для куренія болѣе любятъ употреблять янтарь, нежели амбру.

21) *Сѣра* — Schwefel. Soufre. Увѣряютъ, что въ Китаѣ находится оной много, особливо въ провинціи *Чан-си*; но въ какихъ видахъ, и при какихъ обстоятельствахъ, неизвѣстно.

22) *Красный мышьякъ*—Realgar. Китайцы кромѣ другихъ вещей дѣлаютъ изъ него сосуды для слѣдующаго употребленія: когда хотятъ очистить желудокъ, то даютъ стоять въ нихъ нѣсколько часовъ уксусу или лимоннаго соку, который потомъ выпиваютъ.

IV. Металлы.

23) *Золото.* Многія рѣки въ Китаѣ намываютъ золото; но оно низкаго содержанія, напр. въ провинціи *Коконоръ*, рѣка называемая могольски *Алтанъ-Колъ*; рѣка *Чи-ча-Кіангъ* и пр. находится оно также и въ горахъ, въ провинціяхъ *Се-чненъ* и *Юнънанъ* въ западной сторонѣ Китая. Послѣдняя изъ сихъ провинцій онымъ изобильнѣе. Она получаетъ золото отъ народа, называемаго *Лоло* и находящагося въ сосѣдствѣ съ Авою, Пегу и Лоаромъ; но оно не изъ лучшихъ. Самое лучшее золото находится въ областяхъ *Ли-Кіангъ-фу*. Сверхъ того получаютъ китайцы золото изъ Тибета и Аземы, но оно почитается ниже китайскаго.

По сему краткому перечню какъ здѣсь, такъ и при другихъ статьяхъ путешественникъ найдетъ множество предметовъ къ замѣчанію, исправленію и дополненію ориктографіи китайской.

Примѣч. Увѣряютъ также, что китайцы привозятъ въ Манилью золото весьма бѣлое и весьма мягкое, которое должно мѣшать съ пятою частью красной мѣди для сообщенія ему при-

личнаго цвѣта и состоянія, нужнаго для обработки въ разныхъ искуствахъ и художества(хъ). Желательно знать, какого бы рода былъ сей металлъ или какое его естественное или искуствомъ произведенное смѣшеніе?

24) *Серебро.* Говорятъ, что въ Китаѣ находятся различныя онаго руды, особливо въ провинціяхъ *Юнъ-нанъ* и *Сечуенъ.* Но въ Азіи извѣстно наипаче японское серебро, которое сверхъ того почитается за наилучшее въ свѣтѣ, и вымѣнивалось прежде въ Китаѣ вѣсъ на вѣсъ на золото.

25) *Мѣдь.* Наибольшее оной количество находится въ провинціи Юнъ-нанъ, гдѣ съ весьма давнихъ временъ добывалась. Китайцы различаютъ три рода мѣди, кои якобы находятся естественно:

1) *Красная Мѣдь.*

2) *Бѣлая*, которая сего цвѣта получается изъ рудника, и которую яко бы трудно отличить отъ серебра; она ломка и вѣроятно состоитъ изъ мѣди и серебра.

3) *Томбакъ*, который содержитъ въ себѣ довольно золота; сей послѣдній весьма изобиленъ въ провинціи *Гю-Кюангъ.* Изъ него дѣлаются весьма красивыя вещи. Вообще въ Китаѣ много употребляется мѣди на пушки, колокола, разныя орудія, въ монету и пр. Но въ Японіи болѣе мѣди, нежели въ Китаѣ, кромѣ желтой, коей тамъ мало.

26) *Олово.* Въ Китаѣ его столь много, что продается за малую цѣну. Прежде сего добывали оное близь города *У-чи.* Въ Индіи попадается родъ металла, называемаго *Утунакъ*, подходящаго къ олову, но гораздо красивѣе и нѣжнѣе онаго, и часто почитается за серебро. Говорятъ, что оно привозится изъ Китая.

27) *Желѣзо.* Говорятъ, что оно въ Китаѣ дешевлѣ, нежели въ Японіи; но настоящія онаго руды и качество не извѣстно. Путешественникъ не оставитъ также обратить своего вниманія на *самородное желѣзо*, знаменитымъ Палласомъ на Енисеѣ найденное, о коемъ онъ приводитъ (Томъ III Путеш., стр. 413), что тамошніе татары мнятъ, яко бы оно было сокровище, съ неба на

землю низпадшее. Весьма бы полезно было для исторіи аэролитовъ и для точнѣйшаго опредѣленія настоящаго естества сихъ достопамятныхъ тѣлъ, еслибы путешественникъ со всею строгостію навѣдался, какъ о паденіи сего самороднаго желѣза, такъ и о томъ, не запомнятъ ли гдѣ либо еще о подобныхъ случаяхъ.

Примѣчаніе. Также и магнитъ попадается въ разныхъ провинціяхъ Китая, гдѣ оный употребляется даже во врачебномъ искуствѣ.

28) *Ртуть.* Въ Азіи упоминается токмо о ртути китайской. Слово *чача* означаетъ вѣроятно киноварь; лучшая получается изъ провинціи *Гоу-Куангъ;* она преисполнена самородной ртути, и увѣряютъ, что изъ фунта киновари даетъ полфунта жидкой ртути. Сія киноварь на воздухѣ цвѣту не теряетъ, и продается весьма дорого. Слѣдующее есть, конечно, басня; но я приведу объ оной для любопытства, такъ какъ сіе нѣкоторые писатели приводятъ, то есть замѣчаютъ, яко бы въ Китаѣ извлекаютъ также ртуть изъ нѣкоторыхъ растеній; особливо изъ дикаго портулака (pourpier sauvage); что она даже чище добываемой изъ горъ, и что въ Китаѣ различаютъ ртуть, сими двумя способами добываемую, двумя особыми именами. Путешественникъ найдетъ самъ, до какой мѣры сіе справедливо быть можетъ.

29) *Кобольтъ.* Пріятный синій цвѣтъ на китайскомъ фарфорѣ доказываетъ, что весьма давно знали и обрабатывали сей минералъ въ Китаѣ; но гдѣ оный именно находится, сіе не извѣстно. Нѣкоторые думаютъ, правда, яко бы китайцы наводили синій цвѣтъ на фарфоръ посредствомъ лазурика или ультрамариномъ; но сіе опровергается тѣмъ, что сей послѣдній при остеклованіи цвѣту своего не удерживаетъ.

30) *Никкель.* Увѣряютъ, что китайцы много сего металла на различныя металлическія смѣшенія употребляютъ, но сіе требуетъ подтвержденія.

Наконецъ, думать можно, что въ Китаѣ находится также много цинку, но гдѣ именно и въ какихъ видахъ, сіе неизвѣстно. Тоже самое примѣтить и о свинцовыхъ рудахъ.

Такимъ образомъ желательно, чтобы путешественникъ сообщилъ:

1) сколько возможно вѣрную и подробную ориктографію китайскую;

2) точное понятіе о настоящемъ тамошнемъ ископаемыхъ тѣлъ употребленіи въ заводахъ, фабрикахъ и искуствахъ;

3) чтобы доставилъ академіи самые образцы достопамятнѣйшимъ изъ ископаемыхъ тѣлъ;

4) не оставилъ бы также безъ вниманія и тѣ минералы, съ описаніемъ ихъ мѣстоположенія, кои находятся въ пограничныхъ Китаю мѣстахъ, особливо по рѣкѣ Амуру, Аргуну и пр.;

5) сообщилъ бы подробное и вѣрное описаніе всѣхъ разборовъ китайскаго фарфора, матеріаловъ на то употребляемыхъ и способа его приготовленія»[56]).

Въ инструкціи или «руководствѣ» корреспонденту академіи наукъ Эттеру, отправлявшемуся въ Англію, Севергинъ ограничивается краткими указаніями:

«Поелику г. Эттеръ все путешествіе свое располагаетъ не болѣе какъ на шесть мѣсяцевъ, и какъ потому и наблюденія его не могутъ быть ни довольно подробны, ни многочисленны, то желательно, по крайней мѣрѣ, чтобъ г. Эттеръ сообщилъ академіи точныя показанія о нижеслѣдующихъ предметахъ, частію въ описаніи, частію въ образцахъ, а именно:

I. *Въ отношеніи къ минералогическому землеописанію Россіи:* доставилъ бы академіи, сколько можетъ, образцы минераловъ, въ новопріобрѣтенной Финляндіи находимыхъ, кои столь мало еще извѣстны, и о коихъ, вѣроятно, получить онъ можетъ свѣдѣнія, находясь въ городѣ Або,—свѣдѣнія, весьма нужныя къ сужденію о связи и сцѣпленіи кряжей горъ, по всей Финляндіи и далѣе на сѣверъ и сѣверовостокъ простирающихся.

II. *Въ отношеніи къ физическому описанію странъ сопредѣльныхъ Россіи:* не оставилъ бы замѣтить на Балтійскомъ морѣ качество острововъ, подводныхъ камней, береговъ, къ коимъ

приставать будетъ; особливо также какого суть качества супротивные берега Швеціи и Финляндіи въ Ботническомъ заливѣ; наконецъ, собрать, сколько можетъ, морскія произведенія сего моря, кои немалымъ послужатъ пособіемъ къ вящшему объясненіи ѳеоріи окаменѣлостей, на островахъ онаго и въ нѣкоторыхъ прилежащихъ полосахъ земли обрѣтаемыхъ.

III. *Въ отношеніи къ фабрикамъ и заводамъ:* стараться получить подробныя свѣдѣнія въ Англіи:

1) О фабрикѣ каменной посуды и другихъ глиняныхъ издѣлій славнаго Веджевуда, и, буде можно, доставить нѣкоторые образцы ея произведеній: *Terra-Cotta*, *Basaltes*, *White China*, *Jasper*, *Bamboo*, *Бисквитовый Фарфоръ*, и другихъ, а особливо *глинъ*, также примѣсей, на фабрикѣ употребляемыхъ.

2) Стараться познать точные признаки, горные и посторонніе, кои показываютъ существованіе оловянныхъ рудъ въ горахъ, и доставить, буде можно, всѣ ихъ горныя, жиловыя и другія сопровождающія ихъ породы, также горъ окружныхъ.

3) Описать ломки каменныхъ углей со всѣми ихъ обстоятельствами, хозяйствомъ и побочными работами.

Прочее предоставляется домышленности самого г. путешественника.

Само собою разумѣется, что здѣсь означены предметы только въ отношеніи къ тѣмъ странамъ, чрезъ кои г. Эттеръ проѣзжать располагаетъ, то есть, Финляндіи, Швеціи и оттуда въ Англію. Если же случится ему быть также въ Норвегіи, то не оставитъ безъ замѣчанія и тамошнихъ минераловъ, и между прочими лобрадоровъ, дѣйствительно ли они тамъ находятся въ горахъ, а не въ круглякахъ, какъ доселѣ было примѣчено.

Но во всѣхъ таковыхъ показаніяхъ должна быть наблюдаема всевозможная точность и вѣрность, безъ чего оныя истинной пользы принести не могутъ» [57]).

Въ иныхъ случаяхъ Севергинъ намѣренно избѣгалъ подробностей, предоставляя ихъ, по его собственнымъ словамъ, *домыслу* самого путешественника. Въ отвѣтъ на предложеніе со-

ставить инструкцію для лейтенанта Теремина, отправлявшагося въ Иркутскъ, Севергинъ писалъ слѣдующее:

«Внимательный путешественникъ, и притомъ предуготовленный науками, замѣчаетъ въ пути своемъ все достойное любопытства по предмету его занятій, и таковому особенной инструкціи почти не нужно. Его руководствуетъ собственный его домыслъ. Онъ дѣлаетъ самъ собою новыя наблюденія, новыя открытія, каковыхъ иногда предвидѣть не можно, и тѣмъ нечувствительно способствуетъ къ усовершенствованію наукъ.

Таковымъ предполагая г. Теремина—лейтенанта, служащаго въ корпусѣ путей сообщенія, нынѣ отправляющагося на нѣсколько лѣтъ въ Иркутскъ, и притомъ принявъ во уваженіе особенное усердіе, изъявляемое имъ на пользу академіи, ничего на сей разъ не нахожу приличнѣйшимъ какъ истребовавъ изъ книжнаго магазина академіи сочиненія моего книгу подъ заглавіемъ: *Опытъ минералогическаго землеописанія россійскаго государства*, въ двухъ частяхъ, С.-Петербургъ 1809, выдать ему одинъ экземпляръ въ переплетѣ, какъ для дальнѣйшаго соображенія, такъ и дополненія, чего въ ней недостаетъ. Между тѣмъ желательно, чтобы г. Теремин доставлялъ въ академію по временамъ при донесеніяхъ своихъ какъ образцы вновь отысканныхъ имъ минераловъ, такъ и точныя показанія о ихъ мѣсторожденіи и положеніи въ мѣстахъ нахожденія»[58]).

Одновременно съ замѣчаніемъ касательно инструкціи Теремину Севергинъ представилъ въ академію наукъ свой отзывъ по поводу письма Кастнера, профессора эрлангенскаго университета. Кастнеръ, желая помѣстить въ своемъ журналѣ извѣстіе о трудахъ русскихъ натуралистовъ, обратился въ академію наукъ съ просьбою доставить ему эти свѣдѣнія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ разъяснить нѣкоторыя недоумѣнія, возникшія у него при чтеніи нѣмецкаго перевода путешествія Тимковскаго въ Китай[59]). Отвѣтъ Севергина отличается лаконизмомъ и написанъ въ ироническомъ тонѣ: «Изъ письма г. Кастнера явствуетъ, что онъ желаетъ имѣть отъ академіи извѣстія о но-

вѣйшихъ физико-химическихъ трудахъ россійскихъ испытателей природы, въ пользу издаваемаго имъ архива. По моему мнѣнію отвѣчать ему на сіе нечего, потому что академія трудится по долгу службы своей въ пользу распространенія и усовершенствованія наукъ въ отечествѣ, а не въ угоду частнымъ журналистамъ.

Г. Кастнеръ желаетъ имѣть изъ академическаго архива ненапечатанныхъ какихъ то записокъ путешествія г. Тилковскаго въ Китай для повѣрки съ нѣмецкимъ переводомъ. Но и на сіе отвѣчать ему нечего, потому что почтенный г. Тилковскій путешествовалъ не отъ академіи, и академія рукописей его по сему предмету не имѣетъ.

Наконецъ, по запросу его, имѣется ли въ Россіи самородный никкель, и гдѣ бы могъ находиться купферъ никкель, можетъ онъ найти себѣ удовлетвореніе въ каждой минералогіи, а потому и на сіе отвѣчать ему нечего» [60]).

VIII.

Севергинъ принималъ видное участіе и въ нашей періодической литературѣ, помѣщая свои статьи въ такихъ изданіяхъ, какъ новыя ежемѣсячныя сочиненія и труды вольнаго экономическаго общества. Онъ былъ не только дѣятельнымъ сотрудникомъ, но главнымъ и постояннымъ редакторомъ замѣчательнаго повременнаго изданія академіи наукъ, получившей новый уставъ въ началѣ XIX столѣтія. Въ регламентѣ академіи наукъ, утвержденномъ 25 іюля 1803 года, въ главѣ «о должности академіи» говорится: «Академія продолжаетъ, по примѣру другихъ ученыхъ обществъ, ежегодно издавать одинъ томъ умозрительныхъ изслѣдованій своихъ какъ на россійскомъ, такъ и на латинскомъ или другомъ изъ извѣстнѣйшихъ европейскихъ языковъ. Равнымъ образомъ она должна ежегодно издавать на россійскомъ языкѣ одинъ томъ записокъ, достойныхъ примѣчанія по своей практической пользѣ, подъ именемъ «*Технологическаго Журнала*» [61]). Ре-

дакцію Технологическаго Журнала, съ самаго его основанія, академія возложила на Севергина.

Технологическій Журналъ сталъ выходить съ 1804 года. Онъ открывается статьею Севергина: Краткое обозрѣніе начала, успѣховъ и пользы технологіи. Основная мысль статьи выражена въ словахъ автора: «исторія человѣка есть исторія промышленности человѣческой». Содержаніе напоминаетъ вступительную лекцію Севергина о пользѣ минералогіи; въ первыхъ строкахъ — дословное сходство: «пища, одежда и спокойное убѣжище составляли во всякое время первыя нужды человѣческія».

Журналъ Севергина хотя и посвященъ былъ главнымъ образомъ технологіи въ обширномъ смыслѣ слова, но заключалъ въ себѣ много статей по различнымъ отраслямъ естествознанія: по физикѣ, химіи, ботаникѣ, зоологіи, минералогіи и т. д.

«Успѣхи ремеслъ и заводовъ — говоритъ издатель — въ необходимой находятся связи съ успѣхами наукъ. Работникъ, обдѣлывающій различныя естественныя или искусствомъ приготовленныя тѣла, никогда не найдетъ способовъ къ доставленію ихъ въ большемъ совершенствѣ, ежели не просвѣтится правилами основательнаго умозрѣнія. Простымъ навыкомъ пріобыкши обращаться съ ними, слѣдуетъ онъ слѣпо дошедшимъ до него преданіямъ, и не вѣдая ни причинъ дѣйствія вообще, ни средствъ къ замѣнѣ одной вещи другою, ниже способовъ, коими бы могъ работу свою облегчить и сберечь издержки или выгоднѣйшимъ образомъ распространить и улучшить свои произведенія, не приноситъ онъ ни себѣ, ни отечеству всѣхъ тѣхъ выгодъ, коихъ бы отъ трудовъ его ожидать можно было. И мы видимъ въ исторіи всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, что всѣ тѣ заведенія, кои извѣстны подъ именемъ фабрикъ, мануфактуръ, заводовъ и проч. тогда наиболѣе процвѣтали, когда либо самые художники, оставя быть простыми работниками, вникали въ ѳеорію работъ своихъ и старались пріобрѣтать основательныя знанія въ тѣхъ наукахъ, кои находятся въ связи съ ихъ работами; либо когда ученые мужи, по поданнымъ къ тому случаямъ, преподавали имъ нужныя правила. Кому не из-

вѣстно нынѣ, какъ быстрыя и выгодныя произошли перемѣны и поправленія во всѣхъ почти родахъ промышленности человѣческой отъ приложенія къ нимъ математическихъ, физическихъ и химическихъ знаній, и сколь великое число доставляется нынѣ новыхъ полезныхъ произведеній отъ точнѣйшаго познанія естественныхъ тѣлъ изъ трехъ царствъ природы. И ежели подобныя помянутымъ заведенія въ Россіи наибольшаго достигли совершенства отъ временъ Петра Великаго, то сіе ничему иному приписать можно, какъ постепенному съ тѣхъ поръ приращенію наукъ въ нашемъ отечествѣ подъ покровительствомъ великихъ онаго монарховъ, достойныхъ по сему самому наименованія благотворителей рода человѣческаго.

Императорская академія наукъ всегда усматривала необходимую нужду приложенія теоретическихъ знаній къ практикѣ, и во всѣ времена старалась учинить тому настоящее исполненіе. Многочисленныя ея на россійскомъ языкѣ изданія сіе доказываютъ.

Нынѣ одобренная высочайшимъ утвержденіемъ новаго ея регламента, даровавшаго ей отъ высокомонаршихъ щедротъ всемилостивѣйшаго государя императора Александра Павловича новые, лучшіе способы къ усовершенію и распространенію наукъ въ отечествѣ, и поощряемая дѣятельностію и любовію къ наукамъ почтеннаго своего президента его превосходительства Николая Николаевича Новосильцова, будетъ она, въ силу главы 1-й § 9-го помянутаго регламента, сверхъ прочихъ трудовъ своихъ, издавать ежегодно на россійскомъ языкѣ одинъ томъ собранія сочиненій и извѣстій, относящихся до технологіи и приложенія учиненныхъ въ наукахъ открытій къ практическому употребленію, подъ именемъ *Технологическаго журнала*, на слѣдующихъ основаніяхъ:

I. Какъ технологія вообще, яко знаніе, научающее основательному обработыванію въ пользу человѣческую естественныхъ тѣлъ, съ изъясненіемъ и употребленіемъ бывающихъ при томъ явленій, можетъ взята и въ ограниченномъ и обширнѣйшемъ смыслѣ, такъ особливо и сіе изданіе не посвящается со всею

строгостію одним только прямым прикладам наук к собственным ремеслам, заводам и искусствам (что однакоже составит главный онаго предмет); но будет заключать в себѣ и разнаго рода другія полезныя сочиненія, опыты, наблюденія и примѣчанія, по механикѣ, гидравликѣ, физикѣ, химіи, минералогіи, батаникѣ и зоологіи — наук, кои во всякое время составляли предмет изслѣдований академіи.

II. Чрез каждые три мѣсяца или $^1/_4$ года, а именно к 1-му апрѣля, к 1-му іюля, к 1-му октября и к 1-му генваря мѣсяцов выходить будет сего журнала по одной части, заключающей в себѣ от девяти до двѣнадцати печатных листов, так что сіи четыре части составят в цѣлый год один том, содержащій от 40 до 48 листов в 8-ю долю.

III. В каждой части содержаться будет:

1) Сочиненія, представленныя академіи от ея гг. академиков, адъюнктов, почетных членов и корресподентов.

2) Технологическія сочиненія, наиболѣе вниманія достойныя для Россіи, выбранныя из лучших иностранных журналов, и переведенныя на россійскій язык.

3) Изслѣдованія и выписки из лучших систематических сочиненій, вышедших о технологіи или по какой либо ея части, у просвѣщенных и наиболѣе промышленных народов в Европѣ.

4) Краткія, ясныя и точныя описанія новых махин, орудій, новых способов обработыванія и приготовленій, относящихся до ремесл и художеств.

5) Краткія извѣстія о новых наблюденіях, опытах и открытіях во всѣх науках вообще, могущих служить полезным занятіем публикѣ.

6) Ученыя новости, как то извѣстія о нововышедших важнѣйших книгах; о предложенных вновь вопросах, и сочиненіях, удостоенных награжденія; о новых предпріятіях в пользу наук и художеств; о постановленіях в отношеніи к

фабрикамъ и мануфактурамъ, торговли и народной промышленности.

7) Въ каждой части (когда тому встрѣтится надобность) приложены будутъ нужныя фигуры для изъясненія и лучшаго понятія махинъ, орудій, приборовъ и другихъ предметовъ, коимъ сообщено будетъ описаніе и изъясненіе ихъ употребленія. Къ каждой части присовокуплено будетъ оглавленіе, а при концѣ четвертой роспись, азбучнымъ порядкомъ расположенная, о главнѣйшихъ предметахъ, описанныхъ въ цѣломъ томѣ» [62]).

Въ 1815 году въ изданіи Технологическаго Журнала послѣдовала нѣкоторая перемѣна. Она вызвана настойчивымъ желаніемъ министра, и послужила поводомъ любопытной переписки между комитетомъ правленія академіи наукъ и министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Алексѣемъ Кирилловичемъ Разумовскимъ. Графъ Разумовскій находилъ, что академическія вѣдомости сдѣлались крайне неинтересными, содержа въ себѣ одни политическія извѣстія, да и тѣ гораздо ранѣе появляются въ другихъ повременныхъ изданіяхъ. Чтобы придать вѣдомостямъ болѣе занимательности, Разумовскій предлагалъ помѣщать въ нихъ статьи историческаго, физическаго, технологическаго и т. д. содержанія. Комитетъ правленія академіи наукъ возражалъ, что подобныя статьи не оживятъ академической газеты и не увеличатъ круга ея читаталей, и что для ея дѣйствительнаго возрожденія и успѣха необходимо возстановить давнее право академіи печатать въ своемъ изданіи какъ политическія новости, такъ и извѣстія, относящіяся ко внутренней жизни Россіи, государственной и общественной.

На требованіе министра комитетъ правленія академіи наукъ, членами котораго были академики Фуссъ и Севергинъ, представилъ слѣдующія соображенія: «Статьи, касающіяся до наукъ или такъ называемыя ученыя извѣстія, могущія занимать нѣкоторую часть публики, помѣщаются по временамъ какъ въ россійскихъ, такъ и въ нѣмецкихъ вѣдомостяхъ, академіею издаваемыхъ. Прежде сего академія неоднократно принималась издавать при

вѣдомостяхъ своихъ многія и подробнѣйшія ученыя статьи особыми прибавленіями (печатаніе оныхъ между обыкновенными политическими статьями по многоразличнымъ причинамъ было бы безполезно); но многолѣтній опытъ показалъ, что припечатываніе таковыхъ извѣстій никогда и нимало не умножало числа подписчиковъ, а напротивъ того, казна, по возвысившимся цѣнамъ на всѣ типографскія потребности и бумагу, всегда терпѣла отъ того явный и довольно ощутительный ущербъ. Политическія статьи, которыя болѣе всего обращаютъ любопытство и вниманіе многочисленныхъ читателей всякаго состоянія, выходятъ въ нѣмецкихъ вѣдомостяхъ тотчасъ по полученіи иностранныхъ газетъ, а потомъ изъ нѣмецкихъ академическихъ вѣдомостей, такъ какъ уже утвержденныхъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, извлекаются любопытнѣйшія и новѣйшія политическія извѣстія, и немедленно по переводѣ помѣщаются въ вѣдомости россійскія. Ежели издатели частныхъ газетъ (коимъ, не взирая на высочайше дарованную академіи въ § 115 ея регламента привиллегію, въ которомъ сказано: «подтверждается симъ право академіи, коимъ она *исключительно* пользуется, печатать С.-Петербургскія политическія вѣдомости») выдаютъ извѣстія о политическихъ произшествіяхъ ранѣе, нежели академія, то сіе происходитъ отъ того, что частные газетчики, можетъ быть, имѣютъ особый случай получать иностранные журналы или извѣстія отъ своихъ корреспондентовъ гораздо ранѣе академіи; а получивъ оныя, и неограничиваясь ни какимъ опредѣленнымъ временемъ, тотчасъ печатаютъ дополнительные листы, и посылаютъ ихъ когда имъ угодно по улицамъ на продажу. Напротивъ того академія ограничена извѣстными вѣдомостными днями, а сверхъ сего изданіе вѣдомостей замедливается и отъ того, что редакторъ г. статскій совѣтникъ Шубертъ долженъ сначала свои извлеченія изъ иностранныхъ газетъ подвергать цензурѣ члена коллегіи иностранныхъ дѣлъ и ожидать его согласія.

Чтожъ касается до просвѣщенной публики, могущей и желающей читать статьи, до наукъ касающіяся, академія, какъ уже

извѣстно, нѣсколько лѣтъ сряду издавала и нынѣ издаетъ для нея особый ученый журналъ. Но превесьма малый расходъ на оный служитъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ малочисленности людей, занимающихся чтеніемъ таковыхъ сочиненій, и сколь мало помѣщеніе ученыхъ извѣстій въ академическихъ вѣдомостяхъ можетъ способствовать большему ихъ расходу, котораго комитетъ напротивъ того несомнѣнно ожидать можетъ, когда академія, которая удовлетворяетъ нуждамъ своимъ большею частію отъ суммы, получаемой ею отъ изданія вѣдомостей, будетъ имѣть когда либо счастіе пріобрѣсти защиту и огражденіе отъ нарушенія дарованнаго ей исключительнаго права, и когда ей позволено будетъ помѣщать въ вѣдомостяхъ своихъ по прежнему высочайшіе указы, рескрипты и проч.; также заимствовать изъ другихъ газетъ любопытныя и для всей публики нужныя и полезныя свѣдѣнія о внутреннихъ происшествіяхъ» [63]).

На заявленіе академіи Разумовскій отвѣчалъ:

«Рапорта комитета не нахожу удовлетворительнымъ. Конечно, изъясненныхъ въ ономъ причинъ, почему въ журналахъ, здѣсь выходящихъ, помѣщаются политическія извѣстія ранѣе, нежели въ академическихъ вѣдомостяхъ, опровергнуть нельзя; журналы же сіи, коихъ изданіе впрочемъ не нарушаетъ прямо данной академіи привиллегіи, въ коей говорится токмо объ исключительномъ правѣ на изданіе *Санктпетербургскихъ вѣдомостей*, печатаются по большей части съ высочайшаго соизволенія, и потому не могутъ быть запрещены. Но главная цѣль даннаго мною комитету 25-го августа предложенія состояла въ томъ, чтобы приняты были мѣры къ помѣщенію въ вѣдомостяхъ ученыхъ статей. Комитетъ изъясняетъ, что таковыя статьи были припечатываемы и прежде, а число подписчиковъ не умножалось, между тѣмъ какъ употреблялись на то значительныя издержки; также, что технологическій журналъ, содержащій въ себѣ однѣ ученыя статьи, весьма мало имѣетъ читателей, въ чемъ я впрочемъ могъ увѣриться при разсмотрѣніи представленной мнѣ описи книжнаго

магазина. Что число подписчиковъ на сей журналъ весьма незначительно, тому конечно причиною малое число читателей, занимающихся учеными предметами. Однакожъ, какъ я имѣлъ въ виду не только умноженіе доходовъ академіи, но и честь ея и пользу, приносимую публикѣ чрезъ приведеніе вѣдомостей въ такой видъ, какой приличенъ былъ бы мѣсту, издавающему оныя, то помѣщеніе въ оныхъ ученыхъ статей, могущихъ служить къ общей пользѣ, безъ сомнѣнія исполнитъ таковое мое намѣреніе: тотъ, кто не читаетъ журнала единственнаго ученаго содержанія, прочтетъ въ вѣдомостяхъ, получаемыхъ имъ для другихъ предметовъ, и ученыя статьи, а ежели при выборѣ оныхъ издатели будутъ имѣть въ виду, чтобы статьи сіи были дѣйствительно полезны, и при томъ написаны простымъ, для всякаго понятнымъ слогомъ, то нѣтъ сомнѣнія, что современемъ и число подписчиковъ отъ того умножится. Для избѣжанія же излишнихъ издержекъ, предлагаю комитету слѣдующее средство: еслибъ при каждомъ номерѣ вѣдомостей издавать по одному листку Прибавленій технологическаго, химическаго, историческаго или иного ученаго содержанія, ведя на оныхъ особое численіе страницъ, и притомъ печатать всегда экземпляровъ до 300 особо, а къ нимъ ежемѣсячно заглавіе, то можно бы вовсе оставить изданіе Технологическаго журнала. Издержки на печатаніе сихъ прибавленій были бы замѣнены сбереженіемъ значительныхъ расходовъ, употребляемыхъ нынѣ на печатаніе экземпляровъ технологическаго журнала, кои остаются въ академческомъ книжномъ магазинѣ. Академія исполнила бы возложенную на нее регламентомъ обязанность, а труды академиковъ, сдѣлавшись болѣе извѣстными публикѣ, приносили бы безъ сомнѣнія бо́льшую пользу. О семъ предметѣ предоставляю комитету снестись съ конференціею академіи, и буду ожидать общаго мнѣнія о правилахъ, на коихъ можно бы привести сіе предположеніе въ дѣйствіе» [64]).

Въ свою очередь комитетъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы отклонить предложенную мѣру. Въ новомъ представленіи министру сказано: «Комитетъ долгомъ своимъ поставляетъ донести

слѣдующее: считая по одному только листу ученыхъ извѣстій, прибавляемыхъ къ каждому № вѣдомостей, потребно бумаги на 5575 руб. въ годъ. За наборъ и печатаніе считать должно 1300 руб. Итакъ комитетъ потерпѣлъ бы отъ сихъ прибавленій убытку почти 6900 руб. въ годъ. На толикое умноженіе издержекъ въ пользу весьма малаго числа охотниковъ до ученыхъ статей, при нынѣшнемъ положеніи своихъ финансовъ, комитетъ рѣшиться не можетъ, и видѣлъ бы себя принужденнымъ, для сомнительнаго впрочемъ возвращенія сего расхода, возвысить вновь цѣну вѣдомостей, отъ чего непремѣнно произойдетъ уменьшеніе числа подписчиковъ, кои уже чувствительно уменьшились при послѣднемъ повышеніи цѣны вѣдомостей, которое однакожъ было неизбѣжно. Уменьшить же политическія статьи, болѣе привлекательныя для большой части публики, нежели ученыя, было бы средство уменьшить еще болѣе число подписчиковъ, и слѣдовательно принесло бы только пользу частнымъ газетчикамъ, умножая количество изъ пренумерантовъ, и причинило бы вредъ приходу, получаемому нынѣ академіею отъ изданія своихъ вѣдомостей. Что же касается до Технологическаго журнала, коимъ академія по возможности старается съ своей стороны быть полезною просвѣщенной публикѣ, то изданіе онаго оставить нельзя, потому что сіе изданіе высочайше повелѣно въ силу § 9 регламента, а обходится же оное въ годъ не свыше 600 руб.»[65]).

Но Разумовскій, какъ истый малороссъ, настаивалъ насвоемъ. «На рапортъ комитета — писалъ онъ — отвѣтствую слѣдующее:

1) Въ предложеніи моемъ сказано было, чтобы при каждомъ номерѣ С.-Петербургскихъ вѣдомостей издаваемъ былъ одинъ *листокъ* прибавленій технологическаго, химическаго, историческаго или подобнаго содержанія. Подъ симъ я не могъ разумѣть полнаго листа такого формата, въ какомъ издаются вѣдомости, что было бы и слишкомъ много, судя по большому количеству номеровъ, ежегодно выходящихъ; слѣдственно, учиненная на сей предметъ комитетомъ издержка значительно уменьшится.

2) Цѣль таковаго учрежденія преимущественно состоитъ въ томъ, чтобы распространить полезныя познанія и сдѣлать труды академиковъ болѣе извѣстными публикѣ; оно клонится явнымъ образомъ къ чести академіи, и относится къ существенной ея цѣли, а потому полезно произвести оное въ дѣйство, хотя бы оно нѣсколько и возвысило расходы академіи.

3) Нельзя не предполагать, что припечатаніе при вѣдомостяхъ означенныхъ прибавленій не только не уменьшитъ, но еще и умножитъ число подписчиковъ, если только выборъ статей будетъ соотвѣтствовать своей цѣли, въ чемъ можно удостовѣриться изъ того обстоятельства, что номера технологическаго журнала, въ коихъ помѣщены были общеполезнѣйшія статьи, имѣли весьма значительный расходъ, между тѣмъ какъ другихъ номеровъ остались почты цѣлые заводы въ книжномъ магазинѣ академіи.

4) Ежели наложить на настоящую цѣну вѣдомостей не болѣе, какъ дѣйствительно потребуется для печатанія прибавленій, то она будетъ все еще гораздо ниже, нежели цѣна другихъ періодическихъ изданій, и слѣдственно, нельзя опасаться, чтобы по сей причинѣ уменьшилось число подписчиковъ, особливо когда комитетомъ объявлена будетъ причина таковой прибавки.

5) Прекращеніемъ изданія технологическаго журнала въ настоящемъ его видѣ вовсе не нарушается § 9 академическаго регламента, коимъ не предписано, въ какіе сроки и какимъ порядкомъ издавать сей журналъ; а въ предложеніи моемъ отъ 17-го сентября сказано, что прибавленій къ вѣдомостямъ можно печатать особо по 300 экземпляровъ, и къ нимъ ежемѣсячно заглавіе, чѣмъ исполнится сила вышеозначеннаго параграфа.

По симъ уваженіямъ подтверждаю комитету снестись съ академическою конференціею, дабы она начертала планъ, по коему должно будетъ издавать предполагаемыя прибавленія, и доставила мнѣ оный на утвержденіе»[66]).

Сознавая невозможность противодѣйствовать волѣ министра,

заявляемой такъ настойчиво, академія должна была приступить къ изданію ученыхъ извѣстій.

Планъ ученыхъ извѣстій составленъ Севергинымъ, и ему же поручена редакція новаго изданія на томъ основаніи, что онъ «впродолженіе двѣнадцати лѣтъ, къ удовольствію конференціи, занимался изданіемъ технологическаго журнала»[67]). Начертаніе или програма, представленная Севергинымъ въ академію и одобренная ученымъ собраніемъ, заключается въ слѣдующемъ:

«Приступая къ начертанію предполагаемаго издаванія ученыхъ извѣстій при вѣдомостяхъ академическихъ, предварительно замѣтить надлежитъ, что какъ оныя, по существу своему, служить могутъ не столько къ истинному поученію, сколько паче къ удовлетворенію любопытства публики по части наукъ; то въ оныя не могутъ входить собственныя академиковъ сочиненія и разсужденія, которыя на россійскомъ языкѣ печатаются въ умозрительныхъ изслѣдованіяхъ академіи; а наполняемы оныя быть могутъ токмо краткими примѣчаніями и статьями изъ разныхъ иностранныхъ ученыхъ журналовъ о предметахъ, каковые при чтеніи найдены будутъ особенно полезными или достойными вниманія.

Но какъ таковыя статьи требуютъ также приличнаго выбора, предварительнаго разсмотрѣнія, преложенія на языкъ россійскій и одобренія ученаго собранія; то не могутъ оныя издаваемы быть наравнѣ съ нумерами политическихъ вѣдомостей, потому наипаче, что выборъ оныхъ требуетъ особенной внимательности, дабы не помѣстить, вмѣстѣ съ важнымъ предметомъ, что либо слишкомъ обыкновенное, сумнительное или же доказательства требующее.

И такъ, ученыя извѣстія при вѣдомостяхъ академическихъ могутъ издаваться по нижеслѣдующему начертанію:

1) Не при каждыхъ вѣдомостяхъ, а когда что либо представится привлекательное, достойное вниманія публики, и ученымъ академіи собраніемъ одобрится.

2) Извѣстія сіи будутъ имѣть свои нумера и страницы, отдѣльно отъ листовъ политическихъ вѣдомостей.

3) Извѣстія сіи будутъ раздаваться публикѣ при томъ нумерѣ политическихъ вѣдомостей, къ коему принадлежатъ, въ видѣ прибавленій.

4) Собраніе таковыхъ листковъ въ цѣлый годъ составитъ *томъ*, который и будетъ имѣть свой особый заглавный листъ; каждая же четверть года будетъ составлять *часть* онаго; всего же четыре части, а именно:

1) съ 1-го генваря по 1-е апрѣля.
2) съ 1-го апрѣля по 1-е іюля.
3) съ 1-го іюля по 1-е октября.
4) съ 1-го октября по 1-е генваря.

5) При концѣ послѣдней части присовокуплена будетъ роспись, азбучнымъ порядкомъ расположенная, главнымъ предметамъ, въ цѣломъ томѣ описаннымъ.

6) Для изданія оныхъ извѣстій потребенъ редакторъ, изъ членовъ ученаго собранія, котораго обязанность будетъ пещись: a) о предварительномъ выборѣ статей, и представленіи ихъ ученому собранію на одобреніе; b) о приличномъ употребленіи тѣхъ, кои одобрены будутъ собраніемъ; c) наблюденіе за исправностію корректуры, и вообще за всѣмъ порядкомъ изданія» [68]).

Графъ Разумовскій также одобрилъ планъ Севергина, но счелъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія, а именно:

1) Нѣтъ никакой причины ограничиваться одними переводами и выписками изъ иностранныхъ ученыхъ журналовъ, а можно помѣщать въ предполагаемыхъ листкахъ и сочиненія академиковъ, если они только общеполезнаго содержанія, каковыя и доселѣ помѣщаемы были въ Технологическомъ журналѣ.

2) Нѣтъ также надобности помѣщать въ сихъ листахъ однѣ короткія статьи, а можно, по примѣру другихъ періодическихъ изданій, раздѣлить большія статьи на нѣсколько номеровъ и озна-

чать въ каждомъ, что продолженіе будетъ впредь; сіе самое представитъ средство издавать листки сіи если не при всякомъ номерѣ вѣдомостей, то по крайней мѣрѣ при большей части оныхъ.

Наконецъ 3) не нахожу нужнымъ перемѣнить заглавіе *Технологическаго журнала*, упомянутое въ § 9 академическаго регламента, ибо предписаніемъ объ изданіи сихъ листковъ не имѣлъ я намѣреніе отмѣнить обязанность, возложенную на академію регламентомъ ея, а только сдѣлать исполненіе оной полезнѣйшимъ для публики и тѣмъ самымъ привести труды академиковъ въ большую извѣстность [69]).

Академія наукъ заявила, что по предложенію министра народнаго просвѣщенія она предприняла издавать при вѣдомостяхъ ученыя извѣстія «для вящшаго распространенія полезныхъ знаній въ Россіи». А какъ эти извѣстія составляли, по существу своему, *продолженіе Технологическаго журнала*, то и выходили подъ такимъ заглавіемъ:

Продолженіе технологическаго журнала, состоящее изъ ученыхъ извѣстій, имѣющихъ предметомъ приложеніе учиненныхъ въ наукахъ открытій къ практическому употребленію. «Чтобы оцѣнить важность этого изданія для своего времени — говоритъ академикъ Куникъ — припомнимъ только, что естественныя науки тогда еще не такъ обширно преподавались, какъ нынѣ, въ учебныхъ заведеніяхъ; что спеціальныхъ по этой части училищъ, подобныхъ нынѣшнему технологическому институту, также еще не существовало, и что министерства не издавали своихъ спеціальныхи журналовъ, подобныхъ Мануфактурнымъ Извѣстіямъ, и др.» [70]).

Въ іюнѣ 1824 г. Севергинъ сдѣлалъ ученому собранію слѣдующее заявленіе, имѣющее прямую связь съ его редакторскою дѣятельностью: «Имѣю честь приложить при семъ обратно въ оное собраніе книги и журналы, кои, согласно опредѣленіямъ онаго, ввѣряемы были мнѣ для употребленія въ пользу изданія технологическаго журнала. Вмѣстѣ съ симъ имѣю честь донести ученому собранію, что въ семъ 1824 году совершилось *двадцатилѣтіе*

изданія технологическаго журнала, заключающее въ себѣ *двадцать* томовъ, то есть, 12 томовъ первоначальнаго изданія и 8 томовъ продолженія онаго; а какъ каждый томъ заключаетъ въ себѣ по четыре части, то всѣ вмѣстѣ составляютъ *восемьдесятъ* частей» [71]).

Въ спискѣ книгъ, которыми пользовался Севергинъ при изданіи своего журнала, названы:

Mineralogische tabellen von Karsten.
Minéralogie appliquée aux arts, par Brard.
Archives des découvertes et inventions nouvelles.
Annales de l'industrie nationale et étrangère.
Dingler's Polytechnisches journal.

Изъ этихъ источниковъ дѣлались обильныя заимствованія. Вся третья часть одиннадцатаго тома, съ іюля по октябрь 1826 года, извлечена главнымъ образомъ изъ Archives des découvertes и отчасти изъ Dingler's Polytechnisches journal, и т. д.

IX.

Севергину обязана русская литература многими переводами съ иностранныхъ языковъ: латинскаго, французскаго и нѣмецкаго. Онъ перевелъ на русскій языкъ, съ весьма значительными измѣненіями и дополненіями:

Химическій словарь Луи-Каде — четыре тома.
Ботанику Жилибера — три тома [72]).
Минералогію Кирвана — два тома.
Гмелина: Химическія основанія ремеслъ и заводовъ — два тома.
Кузена: Начальныя основанія физики.
Жансана: Наставленіе о плавленіи рудъ посредствомъ каменныхъ углей, и т. д. [73]).

Переводы Севергина имѣютъ безспорное значеніе въ нашей научной литературѣ какъ по времени своего появленія и по своему содержанію, такъ и по способу, какимъ изложено въ нихъ то, что считалось особенно важнымъ и пригоднымъ при тогдашнемъ состояніи естественныхъ наукъ въ Европѣ. Существенныя заслуги Севергина, какъ ученаго переводчика, заключаются въ слѣдующемъ.

Онъ постоянно шелъ въ уровень съ вѣкомъ, и переводя то или другое сочиненіе, привлекавшее вниманіе европейскаго ученаго міра, дѣлалъ различныя добавленія на основаніи новѣйшихъ открытій и своего обширнаго знакомства съ литературою предмета.

Самостоятельную часть трудовъ Севергина составляютъ свѣдѣнія, относящіяся собственно къ Россіи, къ ея естественнымъ силамъ и произведеніямъ ея природы; онъ тщательно обозначалъ мѣста, гдѣ описываемые минералы и растенія находятся въ Россіи, и т. п.

О заслугахъ Севергина въ отношеніи къ русской научной терминологіи мы уже упоминали. Приступая къ переводу иностранныхъ книгъ онъ имѣлъ въ виду, говоря его собственными словами, «утвердить и гдѣ можно изобрѣсть на отечественномъ языкѣ» термины науки [74]).

Наконецъ, труды Севергина представляютъ еще ту особенность, что въ нихъ выражается его критическая способность и его стремленіе къ самостоятельности, весьма замѣчательное при его обширной начитанности и при тогдашнемъ состояніи науки въ Россіи. Вмѣсто полнаго подчиненія авторитетамъ, обычнаго для людей необладающихъ сильными дарованіями и привыкшихъ ходить по торной и избитой дорогѣ, мы встрѣчаемъ у Севергина научный скептицизмъ, необходимый для изслѣдователя, и критическую оцѣнку трудовъ и воззрѣній иностранныхъ ученыхъ.

Начала, которыми руководствовался Севергинъ въ переводахъ съ иностранныхъ языковъ, выражаются довольно ясно и опредѣленно въ слѣдующемъ объясненіи его по поводу перевода

или точнѣе сказать переработки извѣстной въ свое время книги Кирвана:

«Въ изданіи сей минералогіи послѣдовалъ я г. Кирвану, дабы показать наилучшее донынѣ извѣстное систематическое ископаемыхъ тѣлъ расположеніе. Г. Кирванъ написалъ ее на англинскомъ языкѣ; въ скоромъ послѣ того времени перевелъ ее г. Крелль на нѣмецкій языкъ съ приложеніемъ многихъ примѣчаній, кои я помѣщалъ и въ моемъ переводѣ. Но какъ съ тѣхъ поръ сдѣланы еще многія достопамятныя открытія, и поелику минералогія его заключаетъ въ себѣ большею частію химическіе признаки; то я какъ чрезъ прибавленіе первыхъ, такъ и чрезъ приложеніе внѣшнихъ признаковъ онымъ недостаткамъ въ особенныхъ примѣчаніяхъ по силамъ моимъ пособить старался.

Признаться долженъ, что никакъ не могъ я быть во всѣхъ случаяхъ одинакого съ нѣкоторыми иностранными минералогами мнѣнія; ибо

1) многословныя опредѣленія внѣшнихъ признаковъ, введенныя недавно г. Вернеромъ и его послѣдователями, кажется мнѣ, не только понятію нашему о ископаемыхъ тѣлахъ не придаютъ ясности; но болѣе еще запутываютъ, да и совсѣмъ не нужны, если мы токмо химическіе признаки со внѣшними соединять будемъ, а послѣдніе безъ первыхъ точнаго и совершеннаго о ископаемыхъ тѣлахъ понятія дѣйствительно подать не могутъ. Противъ таковыхъ многословій въ ботаникѣ возражалъ уже славный и основательный Линней; да я и не знаю, кчему затруднять такое дѣло, которое гораздо легче совершить можно.

2) Признаки отъ мѣстоположенія и *вѣроятнаго* происхожденія взятые, весьма не надежны; въ первомъ случаѣ потому, что мѣстоположеніе отъ разныхъ обстоятельствъ весьма перемѣняется, а происхожденіе есть токмо вѣроятно; признаки же дѣйствительно подлинны и точны быть должны. Ничто такъ не зыблемо какъ вѣроятіе; а какое же наше зданіе, которое утверждено на зыблющемся основаніи?

3) Приложеніе новыхъ названій къ тѣламъ, кои имена уже имѣли, чему также нѣкоторые минералоги многіе подаютъ примѣры, къ великому поводъ подаетъ заблужденію; ибо кромѣ того, что вмѣсто одного надобно учить теперь многія тоже означающія имена, заставляютъ они даже смѣшивать и разныя породы между собою, потому что люди привыкли уже къ правилу, что всякое тѣло имѣетъ свое особенное имя, и слыша два разныя имена, привыкли разсуждать, что тутъ должны быть и двѣ разныя вещи и т. д.

4) Перемѣненіе понятій, кои прежде подъ извѣстнымъ какимъ нибудь были названіемъ, есть новый способъ къ совершенному замѣшательству: я думаю, что сіе даже и доказательствъ не требуетъ, и вопрошаю только, что наконецъ выдетъ, если мы безпрестанно вмѣсто бывшихъ принятыхъ уже понятій о тѣлахъ, начнемъ вводить свои, частію недостаточныя, къ коимъ притомъ снова привыкать надобно?

5) Самое исключеніе латинскаго языка въ названіяхъ кажется мнѣ не весьма полезнымъ; латинскій языкъ есть такого свойства, что наипаче въ ученомъ дѣлѣ великія дѣлаетъ пособія, какъ то изъ Линнеевой же ботаники явствуетъ.

6) Роды доселѣ слабо утверждены, и того еще слабѣе породы. Нынѣ столь много занимаются химическимъ разложеніемъ на составляющія части: оно полезно и нужно, ибо увѣряетъ насъ совершенно о естествѣ ископаемыхъ тѣлъ; но я сумнѣваюсь, всегда ли только онѣ достаточны къ различенію тѣлъ между собою; и вопрошаю, не бываютъ ли иногда въ тѣлахъ свойства, не совсѣмъ отъ числа и количества сихъ составляющихъ частей зависящія. Нѣтъ ли другихъ обстоятельствъ, кои, образуя тѣло, съ оными не соображаются? Ибо есть напр. зернистый известнякъ, есть зернистый гипсъ и зернистый песчаникъ, кои составляющими частицами весьма между собою разнятся. Если моя догадка справедлива, то не лучше ли опредѣлять роды по симъ различающимъ ихъ свойствамъ, а другія въ разсужденіи сихъ сходныя, но въ прочихъ признакахъ разнствующія тѣла помѣ-

щать такъ какъ виды или породы? Ежели бы притомъ родъ означивъ существительнымъ, породы отмѣчали прилагательнымъ именемъ, не выдумывая для породъ особливыхъ существительныхъ именъ, то по моему мнѣнію минералогія гораздо бы болѣе ясности получила.

Я раздѣляю минералоговъ на систематиковъ, технологовъ и философовъ въ пространномъ смыслѣ. Первые, приводя ископаемыя тѣла въ надлежащій порядокъ, научаютъ оныя познавать; вторые—употреблять ихъ въ пользу, а послѣдніе, созерцая различныя ихъ отношенія, свойства и разныя ихъ явленія, доискиваются причинъ оныхъ. Того, кто всѣ сіи предметы надлежащимъ объемлетъ образомъ, называемъ мы совершеннымъ минералогомъ. Но прежде, нежели онъ того достигнетъ, долженъ удаляться наипаче отъ четырехъ погрѣшностей:

1) Отъ необузданной пылкости воображенія; ибо ежели оно основательностію не обуздается, то не только его и другихъ введетъ въ многочисленныя заблужденія, но даже и оскорбительно быть можетъ; чему нѣкоторые писатели въ Германіи не весьма похвальные подаютъ примѣры.

2) Отъ излишней къ себѣ довѣренности, которая, какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и здѣсь, весьма вредна быть можетъ.

3) Отъ столь же вредной излишней довѣренности къ другимъ: *всегда лучше сумнѣваться;* ибо какъ бы кто великъ и важенъ ни былъ, всякъ есть человѣкъ, всякъ погрѣшить и ошибиться можетъ; и наконецъ

4) Отъ упорства или нехотѣнія слѣдовать очевидно правильнымъ другихъ замѣчаніямъ. Сія погрѣшность хуже всѣхъ; но и она нынѣ немало усилилась; каждый хочетъ быть правъ, каждый хочетъ показать что нибудь новенькое, споритъ и даже правдѣ не уступаетъ, отъ чего чудные и вздорные происходили споры между нѣкоторыми иностранными минералогами.

Но я обращаюсь опять къ моей минералогіи; въ подлинникѣ писана она была весьма кратко, и, какъ кажется, болѣе для ученыхъ; а какъ я желалъ сдѣлать ее для моихъ соотчичей сколько

возможно полезною, то распространилъ ее слѣдующими предметами:

1) Прибавлялъ я вездѣ внѣшніе признаки, и для сей же причины точнѣе опредѣлялъ хрустали, а для ясности приложилъ изображенія оныхъ, — что̀ большею частію взялъ изъ *Валлеріевой*, покойнымъ г. *Леске* передѣланной, минералогіи.

2) Присовокуплялъ, какъ выше упомянуто, новѣйшія открытія.

3) Упоминалъ всегда о пользѣ и употребленіи.

4) Помѣщалъ мѣста, гдѣ какія минералы въ Россіи попадаются.

5) Мѣстами приводилъ также и полезныя книги.

6) Для лучшаго уразумѣнія другихъ книгъ ставилъ имена ископаемыхъ тѣлъ на пяти языкахъ, помѣщая аглинскія названія токмо тогда, когда они примѣтно отъ другихъ языковъ отходили.

Чрезъ все сіе увеличилась сія минералогія такъ, что она сдѣлалась около половины больше подлинника. Всѣ статьи словами *Примѣч.* или *Примѣчаніе* отмѣченныя, суть мои собственныя, и продолжаются обыкновенно до слѣдующаго вида или разности, — о чемъ упоминаю паппаче для того, дабы мои погрѣшности не были причтены препзящному подлиннику.

Еще остается мнѣ истолковать нѣкоторыя употребляемыя въ ней выраженія, кои не всѣмъ можетъ быть ясны покажутся; и во первыхъ *постоянный воздухъ* (aër fixus) и *воздушная кислота* (acidum aëreum) значатъ одно и тоже существо. Слово *слабый*, напр. слабая известь, или магнезія, значитъ то, что они воздушную кислоту въ себѣ содержатъ, ибо напр. известь въ соединеніи съ нею дѣйствительно слабѣе, т. е. не такъ ѣдка. Слова *флогистическій*, *полуфлогистическій* и *дефлогистическій* значатъ горючимъ веществомъ насыщенный, полунасыщенный, и совсѣмъ его лишенный. Изломъ *занозистый* есть такой, когда плотный камень въ разломѣ показываетъ пленки, акибы занозы; *раковистымъ* называется онъ, когда камень въ разломѣ имѣетъ продолговатыя ямины съ поперечными полосами какъ у раковины. Прочіе тер-

мины имѣютъ такое знаменованіе, въ какомъ они поставлены въ Эркслебеновой, г. академикомъ *Соколовымъ* преложенной, химіи».

Примѣчанія, составленныя Севергинымъ, относятся главнымъ образомъ къ мѣстонахожденію различныхъ породъ въ Россіи, какъ напримѣръ:

«Мраморовъ и известныхъ камней имѣетъ Россія превеликое множество, такъ какъ и вообще врядъ ли гдѣ найдется цѣлая цѣпь горъ, въ коей бы между прочимъ и известняку не имѣлось. Часто бываютъ они весьма великолѣпны, какъ то доказываютъ заводы г. Турчаниновыхъ и Походяшиныхъ, а въ Алтаѣ Чакирскій рудникъ, кои въ великомъ изобиліи разныя металлическія существа, а наипаче мѣдь во всѣхъ видахъ содержатъ. Да и вообще примѣчено, что самыя благородныя руды у насъ въ отдѣленіяхъ между известнякомъ и глинистымъ сланцомъ попадаются. Часто содержатъ окаменѣлости, какъ то изъ описанія Таврической области видно. Часто содержатъ и пещеры, какъ то на Волгѣ при устьѣ Сока, у Печерской слободы, на бѣлой рѣкѣ пониже Уфы, на Симѣ, Аю, Катау, Юрьюзенѣ, на Колвѣ и пр.

Мраморовъ большую часть получаемъ мы изъ Кареліи, и наипаче изъ Рускаля, и другихъ мѣстъ Финляндіи. Великая часть приходитъ также изъ Сибири, и наипаче восточный Уралъ около Екатеринбурга оныимъ изобилуетъ, откуда мы и получаемъ наши становскіе, валютовскіе и горнощитскіе большею частію бѣлые или сѣрые мраморы. Нерѣдко бываютъ они весьма красивы; такъ напр. у дверей и оконъ мраморнаго дворца на Невѣ рѣкѣ, и на столбы въ замкѣ, что въ Гатчинѣ, употребленъ красивый сѣрый мраморъ съ желтыми и зеленоватыми полосами; такъ и столбъ въ память одержанной при Чесмѣ надъ турецкимъ флотомъ побѣды сдѣланъ изъ мрамора тѣлеснаго цвѣта, также бѣловатаго и темнофіолетоваго цвѣта, оба изъ Кареліи...

Алебастръ есть у насъ на западномъ берегу возлѣ Онежскаго озера противъ города Повѣнца, на Волгѣ при Кузмодеміанскѣ, при Сѣрномъ городкѣ, на Сокѣ и Самарѣ рѣкѣ съ самородною сѣрою, на берегу Оки, на Пьанѣ, на Дону, на Чусовой, Тесмѣ

и Сильвѣ, въ Илецкой каменосольной горѣ въ Киргизской степи, при Гурьевѣ, въ Колыванскомъ хребтѣ и пр....

Громъ камень, употребленный на подножіе изваяннаго образа императора Петра Великаго есть такъ же гранитъ. Онъ взятъ въ 10 верстахъ отъ Санктпетербурга изъ болота, и не смотря на вѣсъ свой до трехъ миліоновъ фунтовъ простирающійся, сюда былъ перевезенъ. Это есть самая огромная тяжесть, которая когда либо человѣческими руками подвигнута была, говоритъ г. професс. Блуменбахъ. Огромный ватиканскій обелискъ, который поставилъ Фонтана, содержитъ токмо третью часть противъ его, т. е. 973,537$^{35}/_{40}$ фунтовъ. Зри: Графа Карбури Monument élevé à la gloire de Pierre le grand. Paris 1777 fol. Сей гранитъ состоитъ изъ полеваго шпата тѣлеснаго цвѣта, бураго кварца, и частію темносребристаго глиммера.

Россія онымъ преизобилуетъ: финляндскія, уральскія, алтайскія, вблизи олонецкія горы, такъ какъ и острова Восточнаго моря, множество онаго содержатъ. Въ Санктпетербургъ привозится онъ изъ Финляндіи, и употребляется здѣсь на строеніе, мостовыя и пр. Фундаменты мраморнаго дворца, и множество другихъ великолѣпныхъ зданій состоятъ изъ него, да и берега рѣкъ: Невы, Екатерининскаго канала и Фонтанки выложены имъ же. Употребляемые здѣсь на мостовыя и забучиваніе болотныхъ мѣстъ гранитовые кругляки привозятся, какъ извѣстно, изъ Ладожскаго канала подъ именемъ булыжника, щебня и дресвяника»...

Въ нѣкоторыхъ примѣчаніяхъ Севергинъ опровергаетъ доводы иностранныхъ ученыхъ, доказывая ихъ несостоятельность въ томъ или другомъ отношеніи. Особенно «достопамятны — говоритъ онъ — тѣ прехожденія глины въ кремень, какія замѣчаетъ Палласъ, ибо частію находилъ онъ подлинно куски, кои и одномъ краю были мягки какъ глина, другимъ же высѣкали искры изъ стали; либо содержала глина, какъ то на Москвѣ рѣкѣ, точно такія же червоточины, какъ и возлѣ лежащій кремень, такъ что подлино казалось бы, что глина перемѣняется мало по малу

въ кремень. Подобные примѣры прехожденія глины и въ агатъ замѣчаетъ также Лепехинъ. Иностранные же минералоги доказываютъ напротивъ того обратно, т. е. прехожденіе самыхъ кремнистыхъ породъ въ глину. Но глинистая земля есть совсѣмъ особая, и по нынѣшнему состоянію нашихъ свѣдѣній такая жъ простая, первоначальная земля, какъ и кремнистая. Истинныя же превращенія въ естествѣ еще не доказаны; посему думаю я, не можно ли уяснить оные случаи слѣдующимъ образомъ, а именно: я полагаю, что оная глина въ то время, когда червоточины получила, весьма связана была съ кремнистою землею; мало по малу могла излишняя глина смыться, а заключавшаяся въ ней кремнистая земля болѣе и болѣе чрезъ то сжималась, и наконецъ чрезъ повторенное сіе дѣйствіе и долготою времени окрѣпнувъ, могла она получить твердость кремня и имѣть на себѣ тѣже фигуры, какія прежде были видны. Такъ же разсуждаю я и объ агатѣ, ибо какъ кремень такъ и агатъ, сверхъ кремнистой земли, содержатъ и глину въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Такимъ же образомъ можно, думаю я, изъяснить и утверждаемое иностранными минералогами прехожденіе кремнистыхъ породъ въ глинистыя....

По внѣшнимъ признакамъ глинистый сланецъ внутри большею частію тусклъ бываетъ, въ изломѣ слоистъ, но случается также, что плотный или листоватый видъ имѣетъ; слои его либо прямы, либо волнисты; ломается вообще пластинками, или неправильными кубами, либо длиннозанозистыми кусками; въ произведенной чертѣ имѣетъ всегда бѣловатый, сѣрый, рѣдко красноватый цвѣтъ; а весьма смолистый сланецъ черенъ и мягокъ.

Нѣкоторые раздѣляютъ глинистые сланцы по времени ихъ происхожденія; но о такомъ раздѣленіи утвердительно сказать можно, что оно совсѣмъ не годится въ систематической минералогіи, коей главный предметъ есть научать познавать ископаемыя тѣла. Таковое опредѣленіе времени происхожденія часто зависитъ отъ единаго умствованія и не рѣдко отъ заблужденій, а хотя бы и дѣйствительно оно основано было на наблюденіяхъ,

однако и тутъ не могло бы служить полезнымъ основаніемъ къ раздѣленію ископаемыхъ тѣлъ. Раздѣленія въ естественной исторіи дѣлаются по признакамъ; а сіи должны находиться въ самыхъ тѣлахъ, кои мы раздѣляемъ и описываемъ: иначе все наше познаніе о нихъ будетъ пустая химера. Коль бы посмѣянія достойно было, ежели бы мы рыбы отъ прочихъ животныхъ отличать вздумали тѣмъ, что онѣ въ водѣ живутъ? Но почти тоже самое сдѣлаютъ минералоги и въ семъ случаѣ» [75]).

Севергинъ перевелъ на русскій языкъ классическое произведеніе римской литературы, естественную исторію Плинія — ту ея часть, въ которой говорится объ ископаемыхъ тѣлахъ. Естественная исторія Плинія высоко цѣнилась въ томъ избранномъ кругу просвѣщенныхъ русскихъ людей восьмнадцатаго столѣтія, который усердно заботился о народномъ образованіи въ Россіи. Коммиссія объ учрежденіи училищъ, выработавшая во времена Екатерины планъ русскихъ университетовъ, признавала важное образовательное вліяніе труда Плинія на молодые умы какъ въ отношеніи ихъ эстетическаго развитія, такъ и въ отношеніи знакомства съ явленіями природы. Для послѣдней цѣли находили весьма полезнымъ читать Плинія въ томъ отдѣленіи, гдѣ физика занимала первое мѣсто [76]). Благодаря переводу Севергина, книга Плинія сдѣлалась вполнѣ доступною для русскихъ читателей и могла служить для нихъ какъ бы историческимъ введеніемъ въ обширную область естествознанія [77]).

X.

При выборѣ сочиненій для перевода съ иностранныхъ языковъ на русскій Севергинъ не ограничивался кругомъ естественныхъ наукъ, и весьма охотно расширялъ предѣлы своей литературной дѣятельности. По вызову россійской академіи онъ принялъ на себя переводъ книги Зульцера, считавшейся втеченіе долгаго времени образцовымъ произведеніемъ въ области эстетики и теоріи словесности. Зульцеръ (1720—1779) принадле-

жалъ къ первому поколѣнію нѣмецкихъ эстетиковъ, рядъ которыхъ открывается Баумгартеномъ (1714—1767), основателемъ науки, которой онъ и далъ названіе эстетики. Книга Зульцера вышла въ 1771 году подъ именемъ всеобщей теоріи изящныхъ искусствъ — allgemeine theorie der schönen künste [78]). Она расположена въ видѣ словаря, въ азбучномъ порядкѣ, по образцу словаря изящныхъ искусствъ — dictionnaire portatif des beaux-arts, изданнаго французскимъ писателемъ Лакомбомъ (Jacques Lacombe, 1724—1811) [79]).

Теорія Зульцера основывается на тожественности художественнаго начала съ нравственнымъ, вслѣдствіе которой эстетическое достоинство каждаго произведенія находится въ неразрывной связи съ достоинствомъ нравственнымъ. По теоріи Зульцера, только такое произведеніе можетъ быть признано художественнымъ, которое одинаково сильно и благотворно дѣйствуетъ на чувство, на умъ и на сердце. Человѣкъ — говоритъ онъ — обладаетъ двумя, независимыми одна отъ другой, силами, на которыхъ зиждется прочность общественнаго союза и народное благо. Эти двѣ силы — разумъ и нравственное чувство. Разумъ привелъ людей къ образованію обществъ, далъ имъ законъ и просвѣтилъ ихъ науками; но только развитіе нравственнаго чувства дѣлаетъ общественную жизнь дѣйствительнымъ благомъ. Высокое призваніе изящныхъ искусствъ заключается въ томъ, чтобы питать и развивать нравственное чувство, поселяя въ сердца любовь къ добру и ненависть къ злу. Такова основная мысль, послѣдовательно проведенная авторомъ въ его обширномъ трудѣ. Мысль эта какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала тогдашнему состоянію литературныхъ идей въ русскомъ образованномъ обществѣ, и въ литературномъ ареопагѣ того времени рѣшено было приступить къ переводу книги Зульцера на русскій языкъ.

Въ собраніи россійской академіи 22 апрѣля 1811 года президентъ академіи Нартовъ, заявивши, что, по его мнѣнію, переводъ на русскій языкъ Зульцерова словаря изящныхъ искусствъ принесетъ великую пользу упражняющимся въ россійской сло-

весности, предложилъ, не согласится-ли кто-либо изъ сочленовъ, свѣдущихъ въ нѣмецкомъ языкѣ, потрудиться надъ этимъ переводомъ, придерживаясь на первый случай слѣдующихъ правилъ:

1) Сперва надлежитъ выбрать всѣ слова и статьи, относящіяся собственно къ словеснымъ наукамъ, потому что описаніе искусствъ и художествъ не составляетъ цѣли упражненій россійской академіи.

2) Выбранныя нѣмецкія слова или названія перевести на русскій языкъ и расположить азбучнымъ порядкомъ.

3) Статьи нужно будетъ переводить также по азбучному порядку и представлять ихъ въ академію, чтобы она могла ихъ не только помѣщать въ своихъ періодическихъ изданіяхъ, но и выпустить отдѣльною книгою въ видѣ словаря.

Въ переводѣ книги Зульцера изъявили желаніе участвовать четыре члена россійской академіи: Н. Я. Озерецковскій, Я. Д. Захаровъ, А. Ѳ. Севастьяновъ и В. М. Севергинъ[80]). Севергинъ принялъ на себя самую значительную долю труда, какъ можно судить изъ того, что втеченіе трехъ лѣтъ онъ представилъ рядъ статей на буквы: К, Л, М, Н, О, П, Р, Ц, Ч, Э и Я, какъ напримѣръ: *кантата*, *картина*, *классическій*, *комедія*, *конецъ*, *краски*, *красноръчіе*, *краткость*, *критикъ*, *легкость*, *лицедъйство*, *лирически*, *любовь*, *любовникъ*, *прилично*, *прилежаніе*, *примъръ*, *принужденіе*, *природа*, *присловіе*, *пріятное*, *прологъ*, *проза*, *просодія*, *прованскіе стихотворцы*, *простота*, *противоположеніе*, *пъснь*, и т. д. Окончаніе труда своего Севергинъ представилъ въ россійскую академію 28 ноября 1814 года[81]).

Мы считаемъ нужнымъ привести нѣсколько мѣстъ изъ книги Зульцера, знакомящихъ какъ съ идеями автора, такъ и съ изложеніемъ ихъ въ русскомъ переводѣ Севергина. Это послѣднее обстоятельство тѣмъ болѣе имѣетъ значеніе, что тогдашніе критики обнаруживали особенную требовательность въ отношеніи способа изложенія, и на переводы смотрѣли преимущественно какъ на средство къ обогащенію русскаго литературнаго языка.

Статьи о краснорѣчіи и о критикѣ, переведенныя Севергинымъ изъ словаря Зульцера, появились въ повременномъ изданіи россійской академіи — къ шестой части сборника сочиненій и переводовъ. Въ той же самой книжкѣ академическаго журнала помѣщена статья одного изъ замѣчательныхъ писателей того времени, въ которой между прочимъ говорится: «Понынѣ еще рѣдкій иностранецъ вѣритъ, что Россія не одними оружіемъ достойна уваженія; лучшіе писатели наши или вовсе имъ неизвѣстны или извѣстны токмо по имени. Отчегожъ сіе происходитъ? Не говоря о другихъ причинахъ, къ числу оныхъ причесть можно и то, что мы сами худо печемся объ усовершенствованіи своего языка и обогащеніи словесности. Неспорно, что нашъ языкъ богатъ, исполненъ словъ къ выраженію величественныхъ и всякихъ другихъ чувствованій и предметовъ. Но литераторы наши большею частію только *переводятъ, и притомъ не всегда сноснымъ слогомъ, рѣдко имѣютъ терпѣніе отличать свойство россійскаго языка отъ того, съ котораго переводятъ.* А тѣ, кои сочиняютъ на своемъ языкѣ, рѣдко имѣютъ терпѣніе повиноваться правиламъ здраваго вкуса и образцамъ, могущимъ руководить ихъ въ чистотѣ языка» [82]).

Man kann der beredsamkeit den ersten rang unter den schönen künsten nicht absprechen. Sie ist offenbar das vollkommenste mittel, die menschen verständiger, gesitteter, besser und glücklicher zu machen. Durch sie haben die ersten weisen die zerstreueten menschen zum gesellschaftlichen leben versammelt, ihnen sitten und gesetze beliebt; durch sie sind Plato, Xenophon, Cicero, Rous-	Краснорѣчіе, неоспоримо, занимаетъ первое мѣсто между изящными искуствами. Оно есть наилучшее средство къ содѣланію людей разсудительными, благонравными, лучшими и благополучнѣйшими. Помощію онаго первые мудрецы соединили разсѣянные народы въ единое общество, внушили въ нихъ добрые нравы, и ввели законы; отъ онаго Платонъ, Ксенофонтъ, Цицеронъ, Руссо содѣлались наста-

seau, zu lehrern der menschen worden. Sie unterrichtet einzele menschen und ganze gesellschaften von ihrem wahren interesse; durch sie werden die empfindungen der ehre, der menschlichkeit und der liebe des vaterlandes in den gemüthern rege gemacht.

Männer von vorzüglichen gemüthsgaben, die überall das wahre und gute sehen, von demselben lebhaft gerührt werden; die dabei die gabe haben, alles, was sie erkennen und empfinden, auch andern fühlbar zu machen, die die kunst besitzen, von der man mit wahrheit sagt, dass sie die sinnen der menschen lenkt und die gemüther besänftiget; können solche männer nicht als geschenke des himmels angesehen werden? als lehrer und vorsteher der menschen, bestimmt jede gemeinnützige kenntniss, jede gute gessinnung unter einem ganzen volk auszubreiten?

In der beredsamkeit findet die ächte politik das wichtigste mittel den staat glücklich zu machen. Aeusserlicher zwang macht keine gute bürger: durch ihn ist der staat eine leblose

вниками человѣковъ. Оно научаетъ каждаго частнаго человѣка и цѣлыя общества истинной ихъ пользѣ; помощію онаго возбуждаются въ сердцахъ чувствованія чести, человѣчества и любви къ отечеству.

Мужи отличныхъ дарованій, усматривающіе вездѣ истинное и доброе, и сими качествами сильно поражаемые; мужи, имѣющіе притомъ способность вперять въ другихъ все то, что они познаютъ и чувствуютъ; имѣющіе то искуство, о коемъ говорятъ по справедливости, что оно управляетъ нравами человѣковъ и сердца укращаетъ; такіе мужи не могутъ ли почтены быть дарами неба, наставниками и правителями людей? такими, коимъ опредѣлено каждое общеполезное познаніе, каждое благое намѣреніе распространять между цѣлымъ народомъ?

Истинная политика находитъ въ краснорѣчіи важнѣйшее средство къ приведенію государства въ благополучное состояніе. Наружное принужденіе не содѣлываетъ добрыхъ гражданъ; съ

maschine, die nicht länger geht, als so lang eine fremde kraft auf sie drückt; durch die beredsamkeit bekommt sie eine innere lebendige kraft, wodurch sie unaufhaltbar fortgeht. In den händen eines weisen regenten ist sie ein zauberstab, der eine wüste gegend in ein paradies verwandelt, ein träges volk arbeitsam, ein feiges beherzt, ein unverständiges verständig macht. Steht sie dem philosophen bei, so breitet sich vernunft und einsicht über ein ganzes volk aus; leistet sie ihre hülfe dem moralisten, so nehmen gesinnungen der rechtschaffenheit, der redlichkeit und der grossmuth, die stelle der unsittlichkeit, des eigennutzes und aller verderblichen leidenschaften ein: durch sie wird alsdenn ein wildes, ruchloses, frevelhaftes volk gesittet und tugendhaft. Durch sie unterstüzt konnte der unsterbliche Tullius einen wilden, äusserst aufgebrachten pöbel besänftigen. Durch sie brachte dieser patriot das römische volk dahin, dass es eine sache, die es seit jahrhunderten gewünscht und für das grösste glück an-

онымъ государство есть бездушная махина, которая движется не долѣе, какъ пока посторонняя сила оную побуждаетъ; но отъ краснорѣчія пріобрѣтаетъ она внутреннюю одушевленную силу, посредствомъ коей имѣетъ она движеніе безпрепятственное. Помощію краснорѣчія мудрый правитель дѣйствуетъ аки бы жезломъ волшебнымъ, коимъ дикую страну превращаетъ въ рай, лѣнивый народъ содѣлываетъ трудолюбивымъ, робкій смѣлымъ, невѣжественный просвѣщеннымъ. Когда управляетъ оно мудрецомъ, то распространяются умъ и знанія въ цѣломъ народѣ; а если вспомоществуетъ нравоучителю (моралисту), то чувствованія справедливости, честности и великодушія занимаютъ мѣсто злонравія, корыстолюбія и всѣхъ вредныхъ страстей; посредствомъ онаго народъ дикій, строптивый и необузданный садѣлывается благонравнымъ и добродѣтельнымъ. Помощію краснорѣчія безсмертный Туллій могъ укротить дикую и крайне ожесточенную чернь. Симъ средствомъ привелъ онъ римскій народъ къ тому, что оный добровольно отвергнулъ то, чего же-

gesehen hatte, freiwillig verwarf. Und hätte nicht das schicksal Roms untergang beschlossen, so wär es durch die beredsamkeit dieses einzigen mannes gerettet worden.

Nach der gegenwärtigen lage der sachen sind nur wenige staaten, die zu den geschäfften der regierung öffentlich auftretende redner nöthig hätten. Aber welcher gesetzgeber hat nicht nöthig, bisweilen durch schriften mit seinem volke zu reden. Wo ist ein gesittetes volk, bei dem nicht wenigstens in sittlichen angelegenheiten öffentliche redner aus beruf auftreten, oder öffentliche schriftsteller ohne beruf erscheinen? Dem gesetzgeber, der nicht ein tiran ist, muss daran gelegen sein, dass sein volk von der nothwendigkeit und dem nutzen seiner verordnungen, seiner befehle, seiner veranstaltungen, seiner foderungen überzeuget werde. Auch die unumschränkteste gewalt kann durch erwekung der furcht nicht allemal zn ihrem zwek kommen, der in vielen fällen nur durch den freien willen des volks erreicht

лалъ нѣсколько столѣтій, и что величайшимъ почиталъ благополучіемъ, и если бы судьбы не опредѣлили паденія Риму, то бы оный краснорѣчіемъ сего единаго мужа спасенъ быть могъ.

По нынѣшнему положенію вещей мало есть государствъ, кои бы имѣли надобность въ публичныхъ ораторахъ по дѣламъ правленія. Но есть ли такой законодатель, который бы не имѣлъ надобности говорить иногда съ своимъ народомъ письменно? Есть ли такой народъ, у коего бы, по крайней мѣрѣ по нравственнымъ дѣламъ, не представали публичные ораторы по должности, или бы не являлись публичные писатели не по должности? Для законодателя, ежели онъ не тиранъ, должно быть важно, чтобъ народъ его убѣжденъ былъ въ необходимости и пользѣ его уставовъ, повелѣній, учрежденій и требованій. Самая неограниченнѣйшая власть не всегда можетъ достигнуть своей цѣли возбужденіемъ страха; цѣли, которая напротивъ того во многихъ случаяхъ достигается единою доброю волею народа, а сія пріобрѣтается только чрезъ убѣж-

wird. Dieser kann blos durch überredung erhalten werden. Dem regenten aber, der nach dem glänzenden ruhm, ein vater und wolthäter der völker zu sein strebt, ist auch daran gelegen, dass alle öffentliche, berufene und unberufene lehrer des volks, von der wahren beredsamkeit unterstützt werden. Nur alsdenn können sie den vortheilhaftesten einfluss auf den charakter des ganzen volks haben. Eigentlich sind sie es nur, durch die die vernunft ausgebreitet, die finsterniss der unwissenheit vertrieben, der unflat des aberglaubens vertilget, und das sittliche gefühl von jedem guten in den gemüthern rege gemacht wird.

денiе. Но для правителя, желающаго снискать себѣ блистательное имя отца и благотворителя народовъ, должно быть важно также и то, чтобъ всѣ публичные наставники народа были подкрѣпляемы истиннымъ краснорѣчiемъ. Тогда токмо могутъ они имѣть полезнѣйшее влiянiе въ свойство цѣлаго народа. Они суть собственно тѣ мужи, посредствомъ коихъ распространяется разсудокъ, прогоняется мракъ невѣжества, истребляется мерзость суевѣрiя, и возбуждается въ сердцахъ нравственное чувствованiе всего добраго.

Kunstrichter.

Dieser name kommt eigentlich nur demjenigen zu, der ausser den talenten und kenntnissen des kenners, wovon an seinem orte gesprochen worden, auch noch alle kenntnisse des künstlers besitzet, dem es also, um ein künstler zu sein, nur

О Критикѣ.

Названiе *критика* прилично собственно только тому, кто, сверхъ дарованiй и свѣдѣнiй *знатока*, имѣетъ также всѣ познанiя *искусника*, коему, чтобъ быть таковымъ, не достаетъ только навыка въ упражненiи. Подобно *знатоку* судитъ онъ

an der fertigkeit der ausübung fehlet. Wie der kenner beurtheilet er den werth eines kunstwerks; aber überdem weiss er noch wie der künstler zum zwek gekommen ist: er kennet alle mittel ein werk vollkommen zu machen und endecket die nächsten ursachen der unvollkommenheit desselben. Sein urtheil geht nicht blos auf die erfindung, anlage und die würkung eines werks, sondern auf alles was zum mechanischen der kunst gehört, und er kennet auch die schwierigkeiten der ausübung.

Darum ist er der eigentliche richter über alles, was zur vollkommenheit eines kunstwerks gehöret, und der beste rathgeber des künstlers; da der kenner bloss dem liebhaber zum lehrer dienet. Wer mit ehren öffentlich als ein kunstrichter auftreten will, muss sowohl den kenner als den künstler zurechte weisen können. Wenn jener mehr verlanget, als von der kunst su erwarten ist, muss er ihm sagen, warum seine erwartung nicht kann befriediget werden, und wann dieser gefehlet hat, muss er

о достаинствѣ произведенія искуства; но сверхъ того знаетъ также и то, какимъ образомъ *искусникъ* достигъ до своей цѣли; онъ вѣдаетъ всѣ средства, коими твореніе содѣлывается совершеннымъ, и открываетъ ближайшія причины его несовершенства. Сужденіе его относится не только къ изобрѣтенію, расположенію и дѣйствію творенія, но и къ механической части искуства; онъ знаетъ купно трудности выполненія.

Сего ради онъ есть истинный судія всему тому, что принадлежитъ къ произведенію искуства, и лучшій совѣтодатель *искуснику*; между тѣмъ какъ *знатокъ* поучаетъ только любителя искуствъ. Кто желаетъ съ честію явно ступить на поприще *критика*, тотъ долженъ умѣть наставить не только *знатока*, но и *искусника*. Когда *знатокъ* требуетъ болѣе, нежели сколько отъ искуства ожидать можно, то долженъ онъ ему сказать, почему ожиданіе его не можетъ быть удовлетворено; а когда погрѣшилъ *искусникъ*,

ihm zeigen, wo der mangel liegt und durch was für mittel ihm hätte können abgeholfen werden. Wenn man bedenkt, wie viel talente und kenntnisse zu einem wahren kunstrichter gehören, so wird man leicht begreifen, dass er eben so selten als ein guter künstler sein müsse.

то долженъ онъ ему показать, въ чемъ состоитъ погрѣшность, и какимъ средствомъ оную исправить можно. Ежели разсудятъ, сколько дарованій и познаній для истиннаго *критика* потребно, то удобно поймутъ, что оный долженъ быть столь же рѣдокъ, какъ и хорошій *искусникъ*.

Es ist wahr, die künste sind ohne hülfe der kunstrichter zu einem hohen grad der vollkommenheit gestiegen. Aber dieses beweiset nicht, dass im reiche der künste, der kunstrichter eine überflüssige person sei. Der geist des menschen hat von der natur einen keine gränzen kennenden trieb nach immer höher steigender vollkommenheit zum geschenke bekommen. Wer wird sich also unterstehen ihm schranken zu setzen? So lange die critik einen höhern grad der vollkommenheit sieht, kann niemand sagen, dass er über kräfte der kunst reiche.

Правда, что искуства безъ помощи критика достигли до высокой степени совершенства, однакоже сіе не доказываетъ, чтобъ критикъ составлялъ излишнее лице въ царствѣ искуствъ. Духъ человѣческій надѣленъ отъ природы безпредѣльнымъ стремленіемъ къ снисканію высшаго совершенства, и такъ кто дерзнетъ положить оному предѣлы? Доколѣ критика видитъ высшую степень совершенства, дотолѣ никто не можетъ сказать, чтобъ оная превосходила силы искуства.

Freilich kann eine falsche und spitzfündige critik den künsten selbst sehr schädlich werden, wie eine spitzfündige moral einen sehr schlimmen

Ложная критика можетъ конечно весьма быть вредна для самыхъ искуствъ, такъ какъ хитросплетенное нравоученіе можетъ имѣть весьма худое влія-

einfluss auf die sitten haben kann. Es ist tausendmahl besser dass die menschen von gutem sittlichen gefühl nach ihren natürlichen und unverdorbenen empfindungen, als nach grundsätzen und lehren einer sophistischen sittenlehre handeln. Und in diesem falle sind auch künstler von gutem natürlichen genie in beziehung auf eine spitzfündige critik. Nur so lange als sie aus ächten grundsätzen, ohne zwang und sophisterei natürliche folgen zieht, wird sie unfehlbar dem genie der künstler nützlich werden.

Aber sie ist der gefahr auszuarten, und den künsten zu schaden, ausgesezt; so bald sie zu einem gewissen grad des flors und äusserlichen ansehens gestiegen ist. Die ersten kunstrichter widmeten ihr nachdenken der theorie der künste, weil die natur ihnen das besondere genie zu untersuchungen dieser art gegeben hatte: was sie bemerkten und entdekten, hatte das gepräg der gründlichkeit, ob es gleich noch nicht allgemein und vollständig genug war. Nachdem einmal die critik durch derglei-

ніе во нравы. Несравненно лучше, когда люди, имѣющіе хорошую нравственность, поступаютъ по своимъ врожденнымъ и неиспорченнымъ чувствованіямъ, нежели по правиламъ и наставленіямъ суемудрствующей нравственной науки. Искусники, имѣющіе хорошій природный геній, въ такомъ же находятся отношеніи къ хитросплетенной критикѣ. Пока критика извлекаетъ естественныя слѣдствія изъ истинныхъ правилъ безъ принужденія и суемудрія, до тѣхъ поръ будетъ она неминуемо полезна генію искусника. Но отъ нея можно опасаться, что она въ видѣ своемъ измѣнится, и вредить будетъ искуствамъ, коль скоро достигнетъ до извѣстной степени цвѣтущаго состоянія и наружнаго блеска. Первые критики посвящали размышленія свои ѳеоріи искуствъ, потому что природа одарила ихъ особеннымъ геніемъ, способнымъ къ изслѣдованіямъ сего рода. То, что они примѣчали и открывали, имѣло печать основательности, хотя вначалѣ и не составляло довольно общаго и полнаго ученія; когда же критика посредствомъ такихъ примѣча-

chen bemerkungen mit säzen so weit bereichert worden, dass es der mühe werth war, sie in ein sistem zu sammeln; so wurd sie zu einer wissenschaft, die nun auch mittelmässigen und seichten köpfen in die augen leuchtete. Nicht nur männer von genie, sondern auch blosse liebhaber ohne talente wiedmeten ihr ihre zeit. Diese bildeten sich ein, man könne sie lernen, weil die kunstsprache, und die einmal in die wissenschaft aufgenommenen säze sich leicht ins gedächtnis fassen lassen. Was also im anfang die frucht des wahren genies war, wurd nun zur modewissenschaft, auf welche sich leute ohne genie und talente legten. Jeder seichte kopf, der sie ohne verstand blos durch das gedächtnis gefaszt hatte, versuchte sie mit seinen eigenen säzen, mit neuen wörtern, an denen das genie keinen antheil hatte, zu bereichern; und so wurd die critik zulezt zu einem gewäsche, in welchem man nur mit grosser mühe, die von den wahren kunstrichtern gemachten entdekungen noch wahrnehmen konnte. Wenn nun zugleich

ній столь обогатилась правилами, что стоило труда собрать ихъ въ систему; то содѣлалась она наукою, которая явственна была даже для посредственныхъ и пустыхъ головъ. Тогда не только мужи съ дарованіями, но и простые любители безъ дарованій посвящали ей свое время. Сіи послѣдніе вообразили себѣ, что можно обучаться оной потому, что техническія слова и правила или основанія, въ наукѣ принятыя, удобно въ памяти запечатлѣваются. И такъ, что сначала было плодомъ истиннаго генія, то содѣлалось потомъ модною наукою, коей предавалися люди безъ всякихъ дарованій и способностей. Каждая пустая голова, объявшая оную только въ памяти безъ разума, покушалась обогащать оную своими собственными правилами и новыми словами, въ коихъ геній никакого не имѣлъ участія, и такимъ образомъ критика содѣлалась наконецъ такимъ пустословіемъ, въ коемъ съ великимъ только трудомъ разобрать можно было открытія, учиненныя истинными критиками. Если сверхъ того люди безъ врожденной склонности предаются иску-

auch menschen ohne natürlichen beruf sich auf die künste legen; so glauben sie dieselben aus den theorien erlernen zu können: und so werden künste und critik zugleich verdorben. Dieses schiksal haben unter den griechen die rhetorik und zugleich die beredsamkeit gehabt. Aristoteles, der als ein mann von genie über diese kunst geschrieben hatte, bekam tausend nachfolger ohne genie, welche nach und nach die theorie der kunst in einen beinahe leeren wortkram verwandelten: so dass man zulezt in einem einzigen worte aus der Ilias acht verschiedene rhetorische figuren entdekte, deren jede ihren besondern namen hatte. Und nun gab es auch schwache köpfe, die aus den rhetoriken die beredsamkeit erlernen wollten. Auf diese weise musste die kunst durch die critik zu grunde gehen. Dieses schiksal haben die schönen künste mit den wissenschaften gemein: so ist es der logik, der metaphisik, der sittenlehre, und überhaupt der ganzen philosophie gegangen. Die schäzbaresten erfindun-

ствамъ, то мнятъ они, что можно научиться онымъ изъ ѳеоріи; и такимъ образомъ и искуства и критики вмѣстѣ искажаются. Такую участь имѣла у грековъ риторика и вмѣстѣ съ нею краснорѣчіе. Аристотель, писавшій о семъ искуствѣ такъ какъ мужъ съ геніемъ, имѣлъ тысячу послѣдователей безъ дарованій, кои мало по малу ѳеорію искуства превратили почти въ пустое словотолкованіе, такъ что наконецъ въ единственномъ словѣ изъ Иліады открывали восемь различныхъ риторическихъ фигуръ, изъ коихъ каждая имѣла свое особое названіе. Были также такія слабыя головы, кои хотѣли учиться краснорѣчію изъ риторикъ. Симъ образомъ искуство должно было притти въ упадокъ отъ критики. Такую участь имѣли какъ изящныя искуства, такъ и науки: логика, метафизика, нравственное ученіе и вообще вся философія. Превосходнѣйшія изобрѣтенія человѣческаго генія искажаются мало по малу, когда они достигнутъ до того, что внѣшнимъ своимъ блескомъ возбуждаютъ тщеславіе слабыхъ головъ. Сіи хотятъ также и съ своей сторо-

gen des menschlichen genies werden allmählig verdorben, nachdem sie so weit gekommen sind, dass sie durch ihren äusserlichen glanz die eitele ehrsucht schwacher köpfe reizen. Diese wollen denn das ihrige auch dazu beitragen; da es ihnen aber an genie fehlt, so besteht ihr beitrag in einem leeren wortgepräng und einer menge willkührlicher und sophistischer säze, die sie für wahrheiten ausgeben; und so fällt die ganze erfindung in eine finstere barbarei. Der, welcher zuerst auf die gedanken gekommen ist, einen wilden baume durch verpflanzung in bessern boden, durch wartung und durch beschneiden zu verbessern, war ein mann von genie, der erfinder der pflanzkunst; der aber, der endlich, um auch etwas neues in dieser kunst zu erfinden, den kindischen einfall gehabt, dem baume durch beschneiden die form einer säule, oder eines thieres zu geben, hat den ruhm, der kunst den letzten tödlichen streich versezet zu haben.

ны нѣчто къ тому добавить; но какъ въ нихъ не достаетъ генія, то дополненіе ихъ состоитъ въ пустомъ наборѣ словъ и во множествѣ произвольныхъ и суемудрыхъ положеній, кои выдаютъ они за истину; и такимъ образомъ все изобрѣтеніе покрывается мракомъ невѣжества. Кому сперва пришло на мысль исправлять дикое дерево пересаживаніемъ онаго въ лучшую почву, хожденіемъ за онымъ и подрѣзываніемъ, тотъ былъ мужъ съ геніемъ, изобрѣтатель садоводства; но кто, чтобъ въ семъ искуствѣ наконецъ также что нибудь новое придумать, возъимѣлъ ребяческую мысль обрѣзывать дерево въ видѣ столба или животнаго, тотъ имѣетъ токмо ту славу, что нанесъ искуству послѣдній смертный ударъ.

Man muss es deswegen nicht der critik selbst, nicht den

Итакъ не самой критикѣ, не критикамъ съ геніемъ, но со-

kunstrichtern von genie, sondern den sophisten, die aus dieser wissenschaft ein handwerk gemacht haben, zuschreiben, wenn die schönen künste durch theorien verdorben werden. Den ächten kunstrichter wollen wir als den lehrer des künstlers ansehen, und diesem rathen auf seine stimme zu horchen. Zwar scheinet es, dass der künstler auch der beste richter über die kunst seyn sollte. Wenn man aber bedenkt, wie viel zeit, nachdenken und fleisz die ausübung erfodert; so läszt sich begreifen, das ein zur kunst gebohrnes genie, (und ein solches muss der kunstrichter sein) das sich selbst mit der ausübung nicht beschäftiget, in gar vielen zur kunst gehörigen dingen noch weiter sehen muss, als der künstler selbst [83]).

фистамъ, составившимъ изъ сей науки ремесло, приписать должно то, что изящныя искуства отъ ѳеорій испортились. Истиннаго критика будемъ мы почитать какъ поучителя искусниковъ, коимъ совѣтуемъ внимать его гласу. Хотя и кажется, что искусникъ долженъ быть и лучшій судія искуства; но, когда разсудятъ, сколько выполненіе онаго требуетъ времени, размышленія и прилежанія; то удобно понять можно, что геній, имѣющій врожденный даръ искуства (таковымъ долженъ быть критикъ), но самъ въ ономъ не упражняющійся, во многихъ къ искуству принадлежащихъ предметахъ гораздо еще далѣе видѣть долженъ, нежели самый искусникъ [84]).

XI

Крупнымъ явленіемъ нашей переводной литературы начала девятнадцатаго столѣтія было изданіе на русскомъ языкѣ обширнаго труда Бартелеми — Путешествія Анахарсиса по Греціи. Севергинъ, также по вызову россійской академіи, участвовалъ въ переводѣ на русскій языкъ этого сочиненія, пользовавшагося

такою громкою и вполнѣ заслуженною извѣстностью въ европейскомъ литературномъ мірѣ.

Бартелеми (1716—1795) принадлежалъ къ числу просвѣщеннѣйшихъ писателей Франціи восемнадцатаго столѣтія и первостепенныхъ знатоковъ классической древности. Получивъ въ отечествѣ своемъ основательное научное образованіе, Бартелеми довершилъ его ученымъ путешествіемъ по Италіи, гдѣ занимался преимущественно нумизматикой и археологіей. Находясь въ Италіи, онъ всецѣло отдавался ученымъ занятіямъ, жилъ не настоящимъ, а прошедшимъ. Особенно привлекала его эпоха возрожденія, прошедшая такою яркою полосою въ исторіи европейской образованности и такъ много содѣйствовавшая дальнѣйшему движенію умственной жизни Европы. У него родилась мысль воспроизвести достопамятную эпоху въ живыхъ образахъ, въ видѣ описанія путешествія по Италіи, приблизительно во времена папы Льва X. Авторъ задумалъ ввести своего идеальнаго путешественника въ общество знаменитыхъ представителей литературнаго и художественнаго міра: Тассо, Аріосто, Микель-Анджело, Макіавели, и т. д., нисколько не стѣсняясь хронологическими условіями. Несмотря на то, что Петрарка (1304—1374) умеръ ровно за сто лѣтъ до рожденія Аріосто (1474—1533), они являются въ фантазіи автора современниками Льва X (1475—1521) единственно на томъ основаніи, что произведенія Петрарки, забытыя вскорѣ послѣ своего появленія, сдѣлались общеизвѣстными во времена Льва X, благодаря множеству явившихся тогда изданій съ различными комментаріями и объясненіями. Но скоро Бартелеми долженъ былъ разстаться съ своею любимою мыслію или по-крайней-мѣрѣ видоизмѣнить ее. Главнымъ предметомъ его занятій постоянно была *Греція*, ея историческія и литературныя судьбы, и если эпоха возрожденія дѣйствовала на него такъ обаятельно, то преимущественно потому, что въ ней отражалась древняя *греческая* жизнь, которую онъ изучалъ съ такою любовью въ твореніяхъ писателей и въ памятникахъ искусства. Для осуществленія задуманнаго плана нужна была бы новая ра-

бота, и предстояло бы избрать путь не прямой, а окольный. Вслѣдствіе этого Бартелеми предпочелъ непосредственно обратиться къ міру греческому, и описать идеальное путешествіе не по Италіи, а по Греціи. Героемъ своего учено-литературнаго произведенія авторъ избралъ молодаго скиѳа Анахарсиса. Съ неустанною энергіею работалъ Бартелеми втеченіе тридцати трехъ лѣтъ: онъ началъ свое сочиненіе въ 1757 году, а окончилъ въ 1788. Оно вышло подъ названіемъ: Путешествіе молодаго Анахарсиса по Греціи, около половины четвертаго столѣтія до Рождества Христова [85]).

Для вѣрной оцѣнки этого сочиненія необходимо отличать его содержаніе отъ той формы, въ которую оно облечено. Содержаніе служитъ безспорнымъ доказательствомъ самаго строгаго, внимательнаго и добросовѣстнаго изученія разнообразныхъ источниковъ. Ученый труженикъ читалъ и перечитывалъ древнихъ писателей; извлекалъ изъ нихъ все, что сколько-нибудь могло способствовать разъясненію древняго быта, отмѣчая каждую черту, знакомящую съ умственнымъ, нравственнымъ и общественнымъ состояніемъ древней Греціи. Главною основою служили для автора свидѣтельства первыхъ источниковъ, много разъ сличаемыя имъ одни съ другими и въ цѣломъ и въ подробностяхъ. Выводы свои, добытые изъ первыхъ источниковъ, онъ провѣрялъ изслѣдованіями другихъ ученыхъ, посвятившихъ себя изученію древняго міра; но относился къ нимъ скептически, и отвергалъ все то, что не выдерживало строгой критики и не опиралось на несомнѣнныя доказательства. Ссылки на источники, находящіяся на каждой страницѣ обширнаго труда, удостовѣряютъ, съ какою настойчивостью работалъ ученый авторъ, и до какой степени онъ дорожилъ правдивостью и точностью сообщаемыхъ имъ свѣдѣній. Я долго обдумывалъ—говоритъ онъ—каждый предметъ, которому давалъ мѣсто въ своемъ сочиненіи; въ случаѣ недоумѣній и противорѣчій я сравнивалъ свидѣтельства древнихъ писателей съ мнѣніями позднѣйшихъ критиковъ и комментаторовъ, и т. п. Но я скрылъ свой трудъ, чтобы сдѣлать

его более полезнымъ, и предпочелъ дѣйствительную точность кажущемуся глубокомыслію; не вдаваясь въ догадки и предположенія, я старался дать читателю возможность самому дѣлать выводы и заключенія изъ моего правдиваго разсказа.

При всѣхъ научныхъ достоинствахъ сочиненія авторъ не предназначалъ его исключительно для спеціалистовъ, а желалъ сдѣлать его по возможности общедоступнымъ. Съ этою цѣлью онъ избралъ форму, бывшую тогда въ литературномъ обычаѣ: писатели восемнадцатаго столѣтія для изображенія современнаго имъ общества передавали роль наблюдателей идеальнымъ лицамъ, измышляемымъ съ большимъ или меньшимъ остроуміемъ; обличителями общественныхъ пороковъ и недостатковъ являлись персы, китайцы, философы и поэты, умершіе за двѣ тысячи лѣтъ, безплотные духи, и т. п. Наблюдателемъ нравовъ и обычаевъ древняго міра является у Бартелеми скиѳъ Анахарсисъ. Этотъ скиѳъ поселился въ Аѳинахъ, незадолго до рожденія Александра Македонскаго, и изъ Аѳинъ весьма часто отправлялся въ различныя мѣста Греціи для изученія быта тамошнихъ жителей, ихъ понятій и вѣрованій, образа правленія, степени умственнаго развитія, и т. д. Анахарсисъ бесѣдовалъ и переписывался съ Платономъ, Аристотелемъ, Демосѳеномъ, Эпаминондомъ и многими другими, большими и малыми, свѣтилами тогдашняго времени, частію дѣйствительно существовавшими, частію придуманными для большей живости и занимательности разсказа. Впрочемъ ученый авторъ умѣлъ положить предѣлъ своей изобрѣтательности и своему желанію сдѣлать археологическія розысканія общедоступными и занимательными. Въ этомъ легко удостовѣриться при сравненіи книги Бартелеми съ другими произведеніями французской литературы. Даже отрицательная сторона въ способѣ изображенія древняго міра обнаруживается у Бартелеми не до такой степени рѣзко, какъ у другихъ писателей, имѣвшихъ цѣлію ознакомить общество съ жизнію древнихъ народовъ.

Общую черту цѣлаго ряда произведеній французской литера-

туры, заимствовавшихъ свое содержаніе изъ міра классической древности, составляетъ то, что изображенію древняго быта придавали, умышленно или неумышленно, чисто-французскій колоритъ. Такое стремленіе, постоянно обнаруживавшееся въ литературномъ мірѣ Франціи, заставило одного изъ лучшихъ критиковъ этой страны сказать, что нельзя себѣ представить большей противоположности какъ та, которая неизбѣжно существуетъ между пьесою греческою и пьесою французскою, написанною въ греческомъ духѣ. Искаженіе древняго міра французскими драматурами составляетъ общеизвѣстный фактъ. Но не только въ драмахъ, эпопеяхъ и одахъ, но и въ трудахъ представителей строгой науки ярко выступаетъ стремленіе внести въ изображаемый міръ греко-римской древности такія черты, которыя составляютъ прямое достояніе позднѣйшаго и притомъ *французскаго* общества. Довольно указать на ученыхъ Port-royal, съ такимъ достоинствомъ державшихъ знамя науки во времена тайныхъ и явныхъ нападеній на нее со стороны іезуитовъ. Въ особенную заслугу ученымъ Port-royal ставятъ то, что они придали воспитанію французскаго юношества характеръ національный. Усиливаясь сблизить въ сознаніи учащихся два міра: греко-римскій и французскій, передѣлывали древнихъ писателей на новый ладъ. Слова Цицерона въ письмѣ Сульпицію: Postumia tua me convenit, et Servius noster; his placuit ut tu in Cumanum venires, quod etiam, ut ad te scriberem, egerunt.... переводились такимъ образомъ: *madame votre femme m'ayant fait l'honneur* de me venir voir *monsieur votre fils*, ils on jugé à propos que vous *prissiez la peine* de venir ici et m'ont obligé de vous en écrire...

Изображая сцены греческой жизни, Бартелеми заплатилъ также день литературному обычаю своего времени. По замѣчанію Вильмена, величайшею заслугою въ глазахъ Бартелеми было сближеніе міра греческаго съ французскимъ. Въ путешествіи Анахарсиса описанъ одинъ вечеръ, прямо переносящій въ парижскую гостиную: когда въ числѣ гостей появляется ощиканный поэтъ, и хозяйка встрѣчаетъ его съ лукавою любезностью, вамъ

такъ и кажется что вы у госпожи Жофренъ, принимающей Мармонтеля, пріѣхавшаго съ представленія своей злополучной Клеопатры. Заимствуя разсказъ у Ксенофонта, Бартелеми дѣлаетъ такого рода измѣненія: вмѣсто *онъ плачетъ — глаза его наполняются слезами*; вмѣсто: *когда она умретъ — съ той минуты, когда глаза ея закроются*; вмѣсто: *кормилица — женщина, воспитавшая его юность*; употребляетъ романическія выраженія: *жгучія поцалуи*, и т. п. [86]).

Книга Бартелеми вышла въ свѣтъ въ самую тревожную пору политической жизни Франціи, когда созваны были états généraux, и разгоралось революціонное движеніе. Время, казалось, было самое неблагопріятное для литературной производительности. Тѣмъ не менѣе успѣхъ книги превзошелъ всѣ ожиданія, и съ перваго появленія своего она вызвала общее вниманіе и сочувствіе образованныхъ читателей. Помимо другихъ достоинствъ, въ ней были и такія черты, которыя болѣе или менѣе совпадали съ тогдашнимъ настроеніемъ умовъ: очерки, хотя и самые легкіе, свободной и могучей демократіи древней Греціи указывали на тѣ идеалы, которые смутно носились въ воображеніи многихъ, стремившихся пересоздать современное имъ общество.

Сочиненіе Бартелеми переведено на всѣ европейскіе языки. Въ русской литературѣ оно извѣстно въ нѣсколькихъ переводахъ, появлявшихся въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія. Въ 1798 году вышла въ русскомъ переводѣ глава изъ путешествія Анахарсиса, указывающая на литературный вкусъ того времени: она заключаетъ въ себѣ пространныя разсужденія о счастіи или благополучіи на тему: человѣкъ весь существуетъ въ своемъ сердцѣ; въ немъ одномъ долженъ онъ искать и своего спокойствія и своего счастія [87]). Въ первые года нашего столѣтія появились два русскіе перевода, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ профессору московскаго университета Страхову, а другой—членамъ россійской академіи. Сверхъ того издано путешествіе Анахарсиса въ сокращенномъ видѣ, съ жизнеописаніемъ автора [88]).

Страховъ (1757—1813) былъ отправленъ заграницу кураторами: Шуваловымъ, Мелиссино и Херасковымъ, для обозрѣнія иностранныхъ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній. Ему вмѣнено было въ обязанность «тщательно примѣтить сдѣланныя отъ мужей просвѣщенныхъ и ученостію знаменитыхъ къ преспѣянію наукъ установленія», которыя могли бы принести пользу и въ примѣненіи къ московскому университету. Предназначавшій себя на каѳедру краснорѣчія, и убѣжденный, что лучшею для него школою должно служить изученіе классическихъ образцовъ древняго міра, Страховъ искалъ знакомства съ извѣстнѣйшими въ Европѣ знатоками древности, къ числу которыхъ принадлежалъ тогда Бартелеми. Во время пребыванія своего въ Парижѣ Страховъ познакомился съ Бартелеми, видѣлъ его сочиненіе въ рукописи и обѣщалъ перевести на русскій языкъ какъ только появится въ печати подлинникъ. Обѣщаніе свое Страховъ исполнилъ весьма точно и вполнѣ добросовѣстно. Онъ принялся за переводъ немедленно по выходѣ въ свѣтъ подлинника, и работу свою велъ, какъ подобаетъ ученому, провѣряя по лучшимъ изданіямъ каждую ссылку на древнихъ авторовъ, а ссылокъ этихъ безчисленное множество. «Весь переводъ — говоритъ біографъ Страхова — былъ оконченъ, повѣренъ, справленъ; слѣдовавшій къ нему географическій атласъ Греціи выгравированъ на мѣдныхъ листахъ; пять томовъ напечатаны; шестой, напечатанный же, но еще невыпущенный изъ типографіи, сгорѣлъ въ московскомъ пожарѣ; тогда же сгорѣли и прочіе томы въ рукописяхъ. Тогда же погибла его обширная библіотека и собраніе рѣдкихъ и любопытныхъ русскихъ лѣтописей, грамотъ, писемъ, монетъ и другихъ вещей. Безъ малѣйшей тѣни преувеличенія можно сказать, что въ покояхъ профессора Страхова погибло столько же рѣдкое и неоцѣненное сокровище, какое истреблено въ музеумахъ, кабинетахъ и библіотекѣ цѣлаго университета»[89]). Тогдашніе библіографы не знали вѣроятно о судьбѣ, постигшей рукопись Страхова. По крайней мѣрѣ Сопиковъ, говоря, что переводъ Страхова изданъ въ пяти частяхъ, прибавляетъ: «Сіи пять

частей составляютъ только съ небольшимъ половину французскаго подлинника. Обѣщано было всего девять частей и особый къ онымъ атласъ. Хотя переводъ и весь окончанъ, но понынѣ (писано въ 1816 году) болѣе еще не издано, не взирая на собранную значительную сумму отъ подписавшихся на сію полезную книгу. У насъ такіе примѣры нерѣдки»[90]). Появившіеся въ печати пять томовъ перевода Страхова заключаютъ въ себѣ пятьдесятъ семь главъ подлинника. Первый и второй томы вышли въ 1803 году; третій и четвертый въ 1804 году; пятый въ 1809 году. Въ видѣ продолженія труда Страхова появились впослѣдствіи, въ 1818 и 1819 годахъ, остальныя двадцать пять главъ въ переводѣ Андрея Рудольскаго, изданномъ въ четырехъ томахъ.

Въ собраніи россійской академіи 26 іюля 1802 года президентъ академіи Нартовъ, участвовавшій во всѣхъ предпріятіяхъ ея «на пользу и распространеніе словесныхъ наукъ», объявилъ сочленамъ, что онъ принимаетъ на себя перевести съ французскаго языка на русскій первымъ томъ путешествія Анахарсиса по Греціи — произведенія, достойнаго «быть переложеннымъ на отечественный нашъ языкъ, какъ по содержанію своему, такъ и по изящности слога». Перевести остальные шесть томовъ французскаго подлинника изъявили согласіе слѣдующіе члены россійской академіи:

второй томъ — Александръ Сергѣевичъ Никольскій;
третій томъ — графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ;
четвертый томъ — Николай Петровичъ Свистуновъ;
пятый томъ — *Василій Михайловичъ Севергинъ*;
шестой томъ — Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитріевскій;
седьмой томъ — Александръ Ѳедоровичъ Севастьяновъ.

Но Свистуновъ возвратилъ въ академію четвертый томъ подлинника безъ перевода, и потому въ распредѣленіи труда послѣдовала перемѣна: переводъ четвертой главы принялъ на себя А. Ѳ. Севастьяновъ, а переводъ седьмой — членъ россійской ака-

деміи Яковъ Александровичъ Дружининъ, имя котораго связано съ открытіемъ знаменитаго остромирова евангелія[91]).

Начало труда своего Севергинъ представилъ въ россійскую академію 31 октября 1803 года, а окончаніе — 16 марта 1807 года[92]). Онъ перевелъ десять главъ подлинника, заключающихъ въ себѣ: путешествіе въ Аттику; обзоръ достопамятныхъ происшествій въ Греціи и Сициліи въ половинѣ пятаго вѣка до Р. Х.; описаніе элевзинскихъ таинствъ; изложеніе идей Платона, Аристотеля и другихъ философовъ о происхожденіи міра, о различныхъ образахъ правленія, и т. д.

Переведенный Севергинымъ пятый томъ русскаго изданія вполнѣ соотвѣтствуетъ, по своему содержанію, пятому тому подлинника по изданію, вышедшему въ Парижѣ въ седьмомъ году революціонной эры. Единственное и весьма знаменательное различіе заключается въ пропускѣ въ русскомъ переводѣ всей второй части шестьдесятъ второй главы, въ которой идетъ рѣчь о различныхъ формахъ правленія. Такое уклоненіе отъ подлинника вызвано не литературными или стилистическими соображеніями, а требованіями цензуры, которымъ добровольно подчинились не въ мѣру осторожные члены россійской академіи. Для разсмотрѣнія переводовъ, издаваемыхъ россійскою академіею, члены ея составили изъ среды своей особый комитетъ; въ случаѣ же какихъ-либо недоразумѣній сомнительныя мѣста читались въ общемъ собраніи академиковъ. Такъ было и съ трудомъ Севергина. По предложенію президента прочитана въ общемъ собраніи вся шестьдесятъ вторая глава, состоящая изъ двухъ частей и академики пришли къ такому заключенію. Въ первой части найдено неудобнымъ слѣдующее мѣсто: l'autorité la plus absolue devient légitime, si les sujets *consentent* à l'établir ou à la supporter — «власть самая неограниченная содѣлывается законною, ежели подданные *согласятся* оную утвердить или сносить» (переводъ Севергина, стр. 240), и положено измѣнить его такимъ образомъ: «власть самая неограниченная содѣлывается законною, ежели подданные *безмолвнымъ повиновеніемъ какъ бы соглашаются* оную

утвердить или сносить». Вопреки мнѣнію сочленовъ, Севергинъ удержалъ въ печатномъ изданіи свою прежнюю редакцію. При чтеніи же второй части собраніе замѣтило, что многія мѣста надо будетъ измѣнить, а другія и вовсе исключить, отчего неминуемо нарушились бы связь и порядокъ мыслей автора, а потому рѣшено было исключить всю вторую часть и не печатать ее въ русскомъ переводѣ. Севергинъ долженъ былъ подчиниться приговору академіи[93]. А между тѣмъ исключенная часть вовсе не заслуживала постигшаго ея осужденія. Въ ней защищается идея закона, говорится о необходимости религіи, о важномъ значеніи воспитанія, и приводятся доводы въ пользу монархическаго начала въ государственной жизни. По убѣжденію автора, ни что такъ не обуздываетъ своеволія, какъ свобода; всегда и всюду, во всѣхъ человѣческихъ обществахъ существуетъ зависимость, и разница только въ томъ, что въ однихъ мѣстахъ повинуются лицамъ, а въ другихъ законамъ. Свобода не состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать все по своей волѣ, а въ томъ, чтобы дѣйствовать такъ, какъ повелѣваютъ законы, охраняющіе независимость всѣхъ и каждаго: въ этомъ отношеніи всѣ граждане могутъ быть свободными. Лучше повиноваться плохимъ законамъ, нежели нарушать хорошіе; всего опаснѣе часто перемѣнять законы; у италійскихъ локровъ тотъ, кто предлагаетъ отмѣну какого-либо закона, долженъ имѣть на шеѣ петлю, отъ которой и погибаетъ, если предложеніе его не принимается. Всѣ граждане должны быть увѣрены въ бытіи боговъ. Порядокъ и красота вселенной доказываютъ, что она — не созданіе случая, не дѣло рукъ человѣческихъ. Должно покланяться богамъ, какъ виновникамъ истиннаго блага, но для этого необходимо приготовить и очистить душу. Божество не внемлетъ молитвѣ злодѣя, оно не требуетъ роскошныхъ жертвъ и великолѣпныхъ празднествъ; ему угодны одни добрыя дѣла, одна твердая рѣшимость предпочитать правду и нищету кривдѣ и безчестію. Воспитаніе образуетъ и возвышаетъ душу гражданъ; въ немъ заключается самое твердое основаніе общественнаго спокойствія и блага народовъ. Упоминается о

раздѣленіи власти на законодательную, исполнительную и судебную, и о томъ, что въ республикахъ законодательная власть принадлежитъ народнымъ собраніямъ. Аристотель и многіе другіе философы признавали единодержавіе лучшею формою правленія. Они утверждали, что для счастья гражданъ необходимо, чтобы власть, сосредоточенная въ одномъ лицѣ, дѣйствовала на твердомъ основаніи закона, и чтобы правитель, возвышаясь надъ подданными своею мудростью и своимъ нравственнымъ достоинствомъ, былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что онъ существуетъ для блага народа. Единодержавіе — говорили эти философы — служитъ отраженіемъ единства, господствующаго во всей вселенной, созданной и управляемой единымъ творцомъ; земные правители въ дѣйствіяхъ своихъ въ отношеніи подданныхъ должны уподобляться божеству, соединяя кротость отца съ заботливостью пастыря и безпристрастіемъ закона, и т. д.

Независимо отъ содержанія книги Бартелеми академическіе критики придавали большое значеніе ея слогу, изящество котораго старались сохранить и въ русскомъ переводѣ. Чтобы судить до какой степени Севергинъ удовлетворилъ стилистическимъ требованьямъ своихъ сочленовъ, прилагаемъ нѣсколько мѣстъ, какъ въ переводѣ, такъ и въ подлинникѣ. Относительно языка и слога перевода Севергина можно замѣтить слѣдующее. Устарѣлыя черты состоятъ преимущественно въ славянизмахъ, употребленіе которыхъ объясняется отчасти желаніемъ передать возвышенныя мысли соотвѣтствующимъ, т. е. высокимъ слогомъ, отчасти же господствовавшими въ академической средѣ понятіями объ отношеніи русскаго языка къ церковно-славянскому. Встрѣчаются особенности въ образованіи словъ, въ ихъ согласованіи и значеніи; изрѣдка попадаются болѣе или менѣе явные галлицизмы, но вообще видно стремленіе замѣнять иностранныя слова и обороты русскими, хотя бы и вопреки господствовавшему въ литературномъ языкѣ обычаю, и т. п.

— Творецъ вселенной *рекъ*, и внезапно изливъ въ чашу, въ коей растворялъ душу міра, остатки сей души, дотолѣ хранив-

шіеся, составилъ изъ оныхъ души особенныя, и присоединивъ къ душамъ *человѣковъ* частицу божественнаго существа, положилъ имъ судьбы непреложныя (стр. 49).

— Ефоръ *мнилъ*, что не можетъ угодить имъ лучше, какъ стараясь успѣть въ обоихъ родахъ (стр. 378).

— Ѳукидидъ сказалъ токмо одно слово о своемъ изгнаніи, и представилъ Бразида, *яко* великаго мужа, коего слава затмила его собственную славу (стр. 371).

— Слогъ Ктезія имѣетъ много пріятностей, и *паче* отличается величайшею ясностію (стр. 373).

— Исторія есть позорище, на коемъ дѣйствуютъ политика и нравственность. Молодые люди получаютъ *тамъ* тѣ первыя впечатлѣнія, кои рѣшатъ иногда ихъ судьбу. Государи и народы могутъ почерпать *тамо* важныя наставленія (стр. 388).

— Проходя землю по слѣдамъ Прозерпины, *похищенныя* Плутономъ, Церера прибыла въ долину элевсійскую (стр. 460).

— Иродотъ повсюду видитъ *ревнительное* божество, ожидающее возвышенія человѣковъ и царствъ, дабы низринуть ихъ въ бездну (стр. 372) — Hérodote voit partout une divinité *jalouse*, qui attend les hommes et les empires au point de leur élévation pour les précipiter dans l'abyme. Ср. Словарь академіи россійской, часть V, стр. 109, 108: *ревнительный* — исполненный ревнованія; ревнованіе — дѣйствіе того, кто ревнуетъ.

— Въ соотношеніи *орудняго* ихъ *образованія* съ обязанностями, кои оныя исполнять должны (стр. 337) — dans les rapports de leur *organisation* avec les fonctions qu'ils ont à remplir.

— Съ одной стороны *простой народъ* вознамѣрился никому иному не быть обязаннымъ своею свободою, какъ себѣ самому (стр. 69—70) — d'un côté *le peuple* avait résolu de ne devoir sa liberté qu'à lui-même.

— Они управляютъ дѣлами государствъ и частныхъ людей, изслѣдованіями мудрыхъ и мнѣніями *простаго народа* (стр. 352) — elles dirigent les intérêts des étas et ceux des particuliers, les recherches des sages et les opinions de *la multitude*.

— Предоставимъ сіи пустыя преданія *простому народу* (стр. 461) — laisson au *vulgaire* de si vaines traditions.

— Внушаемо было единое отвращеніе къ ложному *иройству* (стр. 388).

— Источникъ *промышленности* (стр. 348) — la source de l'industrie.

— Онъ *человѣкъ искусный въ словесности* (стр. 386) — c'etait un *homme de lettres*.

— Другіе попускаютъ неумолимую *Немезису* устремиться противу злодѣяній (стр. 354) — les autres détachent contre les forfaits l'implacamble *Nemesis*.

— Онъ сообщилъ намъ то, что нашелъ въ *письменохранилищахъ* государства (стр. 372) — il nous a communiqué ce qu'il avoit trouvé dans les *archives* de l'empire.

— Ободренный своими войсками, кои раздѣляли съ нимъ горесть его: «воины пелопонисскіе, вѣщалъ онъ, вамъ принадлежитъ совѣтовать» (стр. 68) — encouragé par ses troupes qui partageaient sa douleur: «guerriers de Péloponèse, dit-il, c'est à vous de délibérer».

— Климатъ великое имѣетъ *вліяніе въ* ихъ нравы (стр. 342).

— Повсюду гдѣ бѣдные имѣютъ великое *вліяніе въ* общія разсужденія (стр. 262).

— Хотя бы то было и *ни къ чему годный* пень (стр. 12—13) — quand même ce ne serait qu'un tronc inutil.

— Платонъ, *надъ коимъ* великіе предметы всегда сильное *дѣлали впечатлѣніе*, (стр. 39) — Platon, sur qui les grands objets faisaient toujours une forte impression.

On est frappé, quad on voyage dans l'Attique, du contraste que présentent les deux classes d'ouvriers qui travaillent à la terre. Les uns, sans crainte et sans dangers, recueillent sur sa sur-	Поразительна, когда путешествуютъ по Аттикѣ, противуположность, которую представляютъ два рода работниковъ, разработывающихъ землю. Одни безъ страха и безъ опасенія со-

face le blé, le vin, l'huile, et les autres fruits auxquels il leur est permis de participer; ils sont en général bien nourris, bien vêtus; ils ont des moments de plaisir, et, au milieu de leurs peines, ils respirent un air libre, et jouissent de la clarté des cieux. Les autres, enfouis dans les carrières de marbre ou dans les mines d'argent, toujours près de voir la tombe se fermer sur leurs têtes, ne sont éclairés que par des clartés funèbres, et n'ont autour d'eux qu'une atmosphère grossière et souvent mortelle. Ombres infortunées, à qui il ne reste de sentiments que pour souffrir, et de forces que pour augmenter le faste des maîtres qui les tyrannisent! Qu'on juge, d'après ce rapprochement, quelles sont les vraies richesses que la nature destinait à l'homme....

бираютъ на поверхности ея хлѣбъ, вино, масло и другіе плоды, въ коихъ имъ участвовать позволено; они вообще хорошо бываютъ накормлены, и хорошо одѣты; бываютъ у нихъ радостныя минуты, и посреди работъ своихъ дышутъ они свободнымъ воздухомъ, и наслаждаются ясностію неба. Другіе, заключенные въ мраморныхъ ломняхъ, или въ серебреныхъ рудникахъ, безпрестанно почти видящіе обрушивающіеся надъ главами ихъ своды, освѣщаются токмо погребальнымъ свѣтомъ, и имѣютъ около себя единую грубую и часто смертоносную атмосферу. Несчастныя тѣни у которыхъ остаются чувствія только для страданія, и силы токмо для умноженія великолѣпія господъ, кои ихъ мучатъ! Пусть нослѣ сего сравненія судятъ, которыя суть истинныя богатства, опредѣленныя природою человѣку....

Cependant l'horizon se chargeait au loin de vapeurs ardentes et sombres; le soleil commençait à pâlir; la surface des eaux, unie et sans mouvement, se couvrait de couleurs lugubres, dont les teintes variaient

Между тѣмъ горизонтъ наполнялся вдали горящими и мрачными парами; солнце начинало блѣднѣть; поверхность водъ, которая была гладка и безъ движенія, покрывалась печальными красками, коихъ многообразный

sans cesse. Déja le ciel, tendu et fermé de toutes parts, n'offrait à nos yeux qu une voûte ténébreuse que la flamme pénétrait, et qui s'appesantissait sur la terre. Toute la nature était dans le silence, dans l'attente, dans un état d'inquiétude qui se communiquait jusqu'au fond de nos ames. Nous cherchâmes un asyle dans le vestibule du temple, et bientôt nous vîmes la foudre briser à coups redoublés cette barrière de ténèbres et de feux suspendue sur nos têtes; des nuages épais rouler par masses dans les airs, et tomber en torrents sur la terre; les vents déchainés fondre sur la mer, et la bouleverser dans ses abîmes. Tout grondait, le tonnerre, les vents, les flots, les antres, les montagnes; et de tous ces bruits réunis, il se formait un bruit épouvantable qui semblait annoncer la dissolution de l'univers. L'aquilon ayant redoublé ses efforts, l'orage alla porter ses fureurs dans les climats brûlants de l'Afrique. Nous le suivîmes des yeux, nous l'entendîmes mugir dans le lointain; le ciel brilla d'une clarté plus pure; et cette mer, dont les va-

цвѣтъ въ отттѣнкахъ своихъ безпрестанно перемѣнялся. Уже небо, покрытое и запертое со всѣхъ сторонъ, представляло глазамъ нашимъ токмо мрачный сводъ, проникаемый пламенемъ и опускавшійся на землю. Вся природа была въ молчаніи, въ ожиданіи, въ безпокойствіи, которое сообщалось во глубину душъ нашихъ. Мы искали убѣжища въ преддверіи храма; и вскорѣ увидѣли мы, что громъ повторенными ударами разрушилъ мрачное и огненное покрывало, надъ головами нашими висящее; густыя тучи катились глыбами по воздуху, и падали ручьями на землю; вѣтры, разторгшіе свои заклепы, устремлялись на море, и низпровергали оное въ пучины. Все было разъяренно, громъ, вѣтры, валы, пещеры и горы; и отъ всего онаго соединеннаго шума составился шумъ ужаснѣйшій, который, казалось, возвѣщалъ разрушеніе вселенной. Когда Борей усугубилъ свои усилія, то буря понесла свои свирѣпства въ знойные климаты африканскіе. Мы слѣдовали за нею глазами, слышали ревъ ея въ дали; и море, коего пѣня-

gues écumantes s'étaient élevées jusqu'aux cieux, traînait à peine ses flots jusque sur le rivage.

A l'aspect de tant de changements inopinés et rapides, nous restâmes quelque temps immobiles et muets. Mais bientôt ils nous rappelèrent ces questions sur lesquelles la curiosité des hommes s'exerce depuis tant de siècles: Pourquoi ces écarts et ces revolutions dans la natnre? Faut-il les attribuer au hasard? mais d'où vient que, sur le point de se briser mille fois, la chaîne intime des êtres se conserve toujours? Est-ce une cause intelligente qui excite et appaise les tempêtes? mais quel but se propose-t-elle? D'où vient qu'elle foudroie les déserts, et qu'elle épargne les nations coupables? De là nous remontions à l'existence des dieux, au de brouillement du chaos, à l'origine de l'univers. Nous nous égarions dans nos idées, et nous conjurions Platon de les rectifier. Il était dans un recueillement profond; ont eût dit que la voix terrible et majestueuse de la nature retentissait encore autour de lui. A la fin, pressé par nos prières, et par les véri-

щіеся валы воздымались до небесъ, едва влекло струи до берега.

Видя столько нечаянныхъ и быстрыхъ перемѣнъ, пробыли мы нѣсколько времени не подвижны и безмолвны. Но вскорѣ напомнили онѣ намъ тѣ вопросы, которые столько вѣковъ занимали любопытство человѣческое. Для чего бываютъ отступленія сіи и перемѣны въ природѣ? Надлежитъ ли ихъ приписывать случаю? Но отъ чего происходитъ, что неразрывная цѣпь существъ сохраняется всегда, не смотря на то, что она тысячу разъ готова разрушиться? Или есть разумная причина, которая возбуждаетъ и укрощаетъ бури? Но для какой цѣли она сіе производитъ? Для чего поражаетъ она пустыни, и щадитъ виновные народы. Оттуда перешли мы къ существу боговъ, къ разрушенію хаоса, къ началу вселенной. Мы заблуждались въ нашихъ мысляхъ, и просили Платона привести ихъ на истинный путь. Онъ былъ въ глубокой задумчивости; казалось, что страшный и величественный гласъ природы раздавался еще вокругъ него. Наконецъ понуж-

tés qui l'agitaient intérieurement, il s'assit sur un siége rustique, et, nous ayant fait placer à ses côtés, il commença par ces mots:

Faibles mortels que nous sommes! est-ce à nous de pénétrer les secrets de la divinité, nous dont les sages ne sont auprès d'elle, que ce qu'un singe est auprès de nous? Prosterné à ses pieds, je lui demande de mettre dans ma bouche des discours qui lui soient agréables, et qui vous paraissent conformes à la raison.

Si j'étais obligé de m'expliquer en présence de la multitude, sur le premier auteur de toutes choses, sur l'origine de l'univers et sur la cause du mal, je serais forcé de parler par énigmes; mais dans ces lieux solitaires, n'ayant que Dieu et mes amis pour témoins, je pourrai sans crainte rendre hommage à la vérité.

Le Dieu que je vous annonce est un Dieu unique, immuable, infini. Centre de toutes les perfections, source intarissable de l'intelligence et de l'être, avant qu'il eût fait l'univers, avant qu'il eût déployé sa puissance

даемый нашими прозьбами и истинами, кои его внутренно колебали, сѣлъ онъ на сельскую скамью, и посадивъ насъ подлѣ себя, началъ сими словами:

Слабые мы смертные! намъ ли проницать въ тайны божества, намъ, коихъ мудрые суть предъ нимъ не болѣе, какъ обезьяна предъ нами? Повергаясь съ стопамъ его, молю, да вложитъ въ уста мои такія рѣчи, которыя были бы ему пріятны, и показались бы вамъ согласными съ разсудкомъ.

Ежели бы я обязанъ былъ изъясняться въ присутствіи многочисленнаго собранія, о первомъ творцѣ всѣхъ вещей, о началѣ вселенной и о причинѣ зла, то бы принужденъ былъ говорить загадками; но въ сихъ уединенныхъ мѣстахъ, имѣя свидѣтелями только Бога и друзей моихъ, могу я безъ опасенія отдать долгъ истинѣ.

Богъ, коего я вамъ извѣщаю, есть Богъ единственный, непремѣнный и безконечный. Заключая въ себѣ средоточіе всѣхъ совершенствъ, не изсыхаемый источникъ разума и бытія, прежде созданія вселенной, прежде

au dehors, il était; car il n'a point eu de commencement: il était en lui-même; il existait dans les profondeurs de l'éternité. Non, mes expressions ne repondent pas à la grandeur de mes idées, ni mes idées à la grandeur de mon sujet.....

разкрытія своего могущества извнѣ, онъ былъ; ибо не имѣлъ начала. Онъ былъ самъ въ себѣ; существовалъ въ глубинахъ вѣчности. Нѣтъ, мои выраженія не соотвѣтствуютъ великости моихъ мыслей, ни мои мысли великости моего предмета....

La liberté ne peut se trouver que dans la démocratie, disent les fanatiques partisans du pouvoir populaire: elle est le principe de ce gouvernement; elle donne à chaque citoyen la volonté d'obéir, le pouvoir de commander; elle le rend maître de lui-même, égal aux autres, et précieux à l'état dont il fait partie.

Вольность можетъ существовать только въ народномъ правленіи, говорятъ ослѣпленные защитники народной власти: она есть основаніе сего правленія; она даетъ каждому гражданину свободу повиноваться и власть повелѣвать; она дѣлаетъ его владыкою надъ самимъ собою, равнымъ другимъ, и драгоцѣннымъ государству, коего составляетъ онъ часть.

Il est donc essentiel à ce gouvernement, que toutes les magistratures, ou du moins la plupart, puissent être conférées, par la voie du sort, à chaque particulier; que les emplois, à l'exception des militaires, soient très rarement accordés a celui qui les a déjà remplis une fois; que tous les citoyens soient alternativement distribués dans les cours de justice; qu'on établisse un sénat pour préparer les affaires qui doivent se terminer dans

Итакъ необходимо нужно, чтобы въ семъ правленіи всѣ градоначальства или по крайней мѣрѣ большая оныхъ часть, препоручаемы были по жребію всякому частному человѣку; чтобы должности, исключая военныя, весьма рѣдко возлагаемы были на того, кто уже ихъ единожды исправлялъ; чтобы всѣ граждане попеременно разпредѣлялись по разнымъ судилищамъ; чтобъ учрежденъ былъ сенатъ для разбирательствъ дѣлъ, кои должны

l'assemblée nationale et souveraine, où tous les citoyens puissent assister; qu'on accorde un droit de présence à ceux qui se rendent assidus à cette assembleé, ainsi qu'au sénat et aux tribunaux de justice.

рѣшиться въ народномъ собраніи, въ которомъ бы могъ присутствовать всякій гражданинъ; чтобъ предоставлено было право присутствовать тѣмъ, кои неопустительно бываютъ въ семъ собраніи, такъ какъ и въ сенатѣ и въ другихъ судилищахъ.

Cette forme de gouvernemeut est sujette aux mêmes révolutions que l'aristocratie. Elle est tempérée dans les lieux où, pour écarter une populace ignorante et inquiète, on exige un cens modique de la part de ceux qui veulent participer à l'administration; dans les lieux où, par de sages réglements, la première classe des citoyens n'est pas victime de la haine et de la jalousie des dernières classes; dans tous les lieux enfin où, au milieu des mouvements les plus tumultueux, les lois ont la force de parler et de se faire entendre. Mais elle est tyrannique, partout où les pauvres influent trop dans les délibérations publiques.

Таковый образъ правленія подверженъ тѣмъ же перемѣнамъ, какъ и аристократія. Оный бываетъ умѣренъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, для отдаленія невѣжественной и безпокойной черни, требуется средственнаго имущества отъ тѣхъ граждань, кои желаютъ участвовать въ управленіи; въ мѣстахъ, гдѣ по благоразумнымъ уставамъ первое отдѣленіе гражданъ не бываетъ жертвою ненависти и зависти послѣднихъ отдѣленій; наконецъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ среди самыхъ шумныхъ волненій, законы говорятъ сильно и убѣдительно. Но правленіе сіе содѣлывается тиранническимъ повсюду, гдѣ бѣдные имѣютъ великое вліяніе въ общія разсужденія.

Plusieurs causes leur ont valu cet excès de pouvoir. La première est la suppression du cens suivant lequel on devait régler

По многимъ причинамъ они присвоили себѣ сію излишнюю власть. Первая есть уничтоженіе показанія капитала, по кое-

la distribution des charges; par-là, les moindres citoyens ont obtenu le droit de se mêler des affaires publiques. La seconde est la gratification accordée aux pauvres, et refusée aux riches qui portent leurs suffrages, soit dans les assemblées générales, soit dans les tribunaux de justice: trop légère pour engager les seconds à une sorte d'assiduité, elle suffit pour dédommager les premiers de l'interruption de leurs travaux; et de là cette foule d'ouvriers et de mercenaires qui élèvent une voix impérieuse dans les lieux augustes où se discutent les intérêts de la patrie. La troisième est le pouvoir que les orateurs de l'état ont acquis sur la multitude.

му надлежало разпредѣлять должности; отъ того и послѣдніе граждане получили право вмѣшиваться въ общія дѣла. Вторая, награжденіе, которое опредѣлялось бѣднымъ, и въ коемъ отказывалось богатымъ, хотя сіи подавали свои голоса какъ въ общихъ собраніяхъ, такъ и въ судебныхъ мѣстахъ; оно для побужденія вторыхъ къ нѣкоему роду прилежанія, было весьма недостаточно, а для вознагражденія первыхъ въ разсужденіи отвлеченія ихъ отъ собственныхъ трудовъ было довольно; и отъ того-то произошло множество ремесленниковъ и наемниковъ, подающихъ повелительный голосъ въ мѣстахъ священныхъ, въ коихъ разсуждается о пользахъ отечества. Третія причина есть сила, которую государственные ораторы пріобрѣли надъ простыхъ народомъ.

Elle était autrefois conduite par des militaires qui abusèrent plus d'une fois de sa confiance pour la subjuguer; et comme son destin est d'être asservie, il s'est élevé, dans ces derniers temps, des hommes ambitieux qui emploient leurs talents à

Прежде сего руководствовали имъ военные, кои неоднократно употребляли довѣренность его во зло для его порабощенія; и какъ жребій его есть быть порабощеннымъ, то въ сіи послѣднія времена возстали любочестивые люди, употребляющіе дарованія свои

flatter ses passions et ses vices, à l'enivrer de l'opinion de son pouvoir et de sa gloire, à ranimer sa haine contre les riches, son mépris pour les règles, son amour de l'indépendance. Leur triomphe est celui de l'éloquence, qui semble ne s'être perfectionnée de nos jours, que pour introduire le despotisme dans le sein de la liberté même. Les républiques sagement administrées ne se livrent point à ces hommes dangereux; mais partout où ils ont du crédit, le gouvernement parvient avce rapidité au plus haut point de la corruption, et le peuple contracte les vices et la férocité des tyrans.

на ласкательство его страстямъ и порокамъ, на внушеніе въ него высокаго мнѣнія о его могуществѣ и славѣ, на возбужденіе ненависти къ богатымъ, презрѣніе къ правиламъ, и любови къ независимости. Торжество ихъ есть торжество краснорѣчія, которое кажется для того только въ наши времена и усовершилось, чтобы ввести деспотизмъ въ нѣдра самой вольности. Республики, благоразумно управляемыя, никогда не предаются симъ опаснымъ людямъ; но вездѣ, гдѣ они имѣютъ силу, правленіе скоро доходитъ до высочайшей степени поврежденія, и народъ присвояетъ себѣ пороки и жестокость, свойственные тиранамъ.

Presque tous nos gouvernements, sous quelque forme qu'ils soient établis, portent en eux-mêmes plusieurs germes de destruction. Comme la plupart des républiques grecques sont renfermées dans l'enceinte étroite d'une ville ou d'un canton, les divisions des particuliers devenues divisions de l'état, les malheures d'une guerre qui semble ne laisser aucune ressource, la jalousie invétérée et toujours renaissante des diver-

Почти всѣ наши правленія, въ какомъ бы видѣ оныя основаны ни были, имѣютъ въ самихъ себѣ многія начала разрушенія. Поелику большая часть греческихъ республикъ заключается только въ одномъ городѣ или единомъ округѣ, то несогласія частныхъ людей, содѣлавшіяся несогласіями цѣлаго государства, бѣдствія войны, кои кажется истребляютъ всѣ средства къ пособію, закоренѣлая и всегда возраждающаяся зависть въ

ses classes de citoyens, une succession rapide d'événements imprévus, y peuvent, dans un instant, ébranler ou renverser la constitution....

Les anciens philosophes voulaient savoir comment les choses avaient été faites, avant que de savoir comment elles sont. Le livre de la nature était ouvert devant leurs yeux; au lieu de le lire, ils entreprirent de le commenter. Après de longs et unitiles détours, on comprit enfin que pour connaître les animaux, les plantes et les différentes productions de la nature, il fallait les étudier avec une constance opiniâtre. Il est résulté de là un corps d'observations, une nouvelle science, plus curieuse, plus féconde, plus intéressante que l'ancienne physique. Si celui qui s'en occupe veut me faire part de ses veilles longtemps consacrées à l'étude des animaux, il doit remplir deux devoirs essentiels; d'abord celui d'historien, ensuite celui d'interprète.

Comme historien, il traitera de leur génération, de leur grandeur, de leur forme, de leur

различныхъ отдѣленіяхъ гражданъ, быстрое послѣдованіе непредвидимыхъ приключеній, могутъ тамо въ единое мгновеніе поколебать или разрушить порядокъ правленія....

Древніе философы сперва старались знать, какимъ образомъ вещи составились, а потомъ уже познавать, каковы онѣ. Книга природы отверзта была предъ ихъ глазами; вмѣсто того, чтобы читать оную, начали ее толковать. Послѣ долговременныхъ и безполезныхъ околичностей поняли наконецъ, что, дабы познать животныхъ, растенія и различныя произведенія природы, надлежитъ разсматривать ихъ съ упорнымъ постоянствомъ. Отъ сего произошло собраніе наблюденій, новая наука, любопытнѣйшая, полезнѣйшая древней физики. Ежели занимающійся оною хочетъ сообщить мнѣ свои долговременныя изслѣдованія о свойствѣ животныхъ, то онъ обязанъ исполнить двѣ существенныя должности: сперва должность историка, а потомъ истолкователя.

Яко историкъ, будетъ онъ говорить о ихъ рожденіи, величинѣ, видѣ, цвѣтѣ, пищѣ, свой-

couleur, de leur nourriture, de leur caractère, de leurs moeurs. Il aura soin de donner l'exposition anatomique de leurs corps, dont les parties lui seront connues par la voie de la dissection.

ствѣ, нравахъ. Онъ постарается представить изложеніе внутренности тѣлъ ихъ, коихъ части будутъ ему извѣстны посредствомъ трупоразъятія.

Comme interprète, il doit me faire admirer la sagesse de la nature dans les raports de leur organisation avec les fonctions qu'ils ont à remplir, avec l'élément où ils doivent subsister, avec le principe de vie qui les anime; il doit me la montrer dans le jeu des divers ressorts qui produisent le mouvement, ainsi que dans les moyens employés pour conserver et perpetuer chaque espèce.

Яко истолкователь, долженъ онъ заставить меня удивляться премудрости природы въ соотношеніи орудиаго ихъ образованія съ обязанностями, кои оныя исполнять должны, съ стихіею, въ коей должны существовать, съ началомъ ихъ жизни; онъ долженъ мнѣ показать оную въ дѣйствіи различныхъ ея пружинъ, производящихъ движеніе, такъ какъ и въ средствахъ, употребляемыхъ для сохраненія и продолженія каждой породы.

Quelque bornée que soit l'étude des corps célestes et éternels, elle excite plus nos transports que celle des substances terrestres et perissables. On dirait que le spectacle des cieux fait sur un physicien la même impression que ferait la beauté sur un homme qui, pour avoir l'objet dont il est épris, consentirait à fermer les yeux sur le reste du monde. Mais si la phy-

Сколь ни ограничено ученіе о тѣлахъ небесныхъ и вѣчныхъ, однако оно приводитъ ихъ въ большій восторгъ нежели ученіе о существахъ земныхъ и тлѣнныхъ. Можно сказать, что зрѣлище небесъ дѣлаетъ надъ физикомъ тоже впечатлѣніе, какое дѣлаетъ красота надъ человѣкомъ, который, дабы имѣть предметъ, коимъ онъ плѣненъ, согласился бы не смо-

sique, en montant dans les régions supérieures, nous étonne par la sublimité de ses découvertes, du moins en restant sur la terre elle nous attire par l'abondance des lumières qu'elle nous procure, et nous dédommage avec usure des peines qu'elle nous coûte. Quels charmes en effet la nature ne répand-elle pas sur les travaux du philosophe qui, persuadé qu'elle ne fait rien en vain, parvient à surprendre le secret de ses opérations, trouve partout l'empreinte de sa grandeur, et n'imite pas ces esprits puérilement superbes, qui n'osent abaisser leurs regards sur un insecte. Des étrangers étaient venus pour consulter Héraclite; ils le trouvèrent assis auprès d'un four, où la rigueur de la saison l'avait obligé de se réfugier. Comme une sorte de honte les arrêtait sur le seuil de la porte: «entrez, leur dit-il; les dieux immortels ne dédaignent pas d'honorer ces lieux de leur présence». La majesté de la nature ennoblit de même les êtres les plus vils à nos yeux; partout cette mère commune agit avec une sagesse profonde, et par

трѣть на всѣ прочія части міра. Но ежели физика, восходя въ высшія страны, удивляетъ насъ величіемъ своихъ открытій; то по крайней мѣрѣ оставаясь на земли, привлекаетъ она насъ множествомъ доставляемыхъ намъ познаній, и съ избыткомъ вознаграждаетъ труды, намъ ею причиняемые.

Въ самомъ дѣлѣ какихъ пріятностей не разливаетъ природа на труды философа, который увѣренъ будучи, что она ничего тщетно не дѣлаетъ, проникаетъ въ таинства ея дѣйствій; повсюду находитъ печать ея величія, и не подражаетъ тѣмъ безразсудно гордымъ умамъ, кои почитаютъ за низость обращать взоры свои на насѣкомое. Нѣкоторые иностранцы пришли просить совѣта у Ираклита; они нашли его грѣющагося предъ печью, потому что погода была тогда холодная. Они какъ бы отъ стыда остановились въ дверяхъ. «Войдите, сказалъ онъ имъ, сами безсмертные боги удостоиваютъ сіи мѣста своимъ присутствіемъ». Величество природы такимъ же образомъ возвышаетъ цѣну существъ самыхъ презрѣнныхъ въ нашихъ гла-

des voies sûres qui la conduisent à ses fins....

захъ; сія общая матерь дѣйствуетъ повсюду съ глубокою мудростію, и шествуетъ надежными путями, приводящими оную въ предположенной цѣли....

Courage, amis! point de repos;
Aux champs qu'on se disperse;
Sous la faux de Cérès que l'épis se renverse.
Déesse des moissons, préside à nos travaux!
Veux-tu grossir le grain de tes épis nouveaux?
Rassemble tes moissons dans la plaine étalées,
Et des gerbes amoncelées
Présente à l'aquilon les frêles chalumeaux.
Travaillons, le jour luit, l'alouette s'éveille:
Il est temps de dormir alors qu'elle sommeille[94].

Живѣй, друзья, не до покою,
Разсыптесь по полямъ;
Валите колосы Цереріной косою;
Богиня жатвъ! подай успѣхъ въ работѣ намъ.
Хотите ль новыхъ зернъ скопить какъ можно болѣ?
Сберите все жнитво, разставленное въ полѣ,
И въ кучи складенныхъ споповъ
Солому легкую пусть вѣтеръ развѣваетъ.
Начнемъ работать, — разсвѣтаетъ,
И жаворонокъ пѣть готовъ:
Тогда пора уснуть, какъ онъ ужъ засыпаетъ[95].

XII.

Въ обзорѣ литературной дѣятельности Севергина нельзя оставить безъ вниманія одного изъ видовъ словесности, имѣвшаго особенно важное значеніе для тогдашнихъ теоретиковъ, и возбуждавшаго соревнованіе и соперничество между многочисленными въ то время любителями краснорѣчія. Я говорю о такъ называемыхъ похвальныхъ словахъ, появлявшихся въ чрезвычайномъ изобиліи, какъ у насъ, такъ и въ западной Европѣ.

Французскій писатель Тома (Thomas, 1732—1785) пріобрѣлъ громкую извѣстность своимъ опытомъ о похвальныхъ словахъ— essai sur les éloges, переведеннымъ и на русскій языкъ, какъ твореніе въ своемъ родѣ классическое. Въ теоріи прозы похвальныя слова занимали такое же почетное мѣсто, какое принадлежало одамъ въ теоріи поэзіи.

Героями похвальныхъ словъ, какъ и торжественныхъ одъ, избирались преимущественно лица, прославляемыя за воинскіе подвиги, за побѣдоносную борьбу съ врагами отечества. Россія въ восемнадцатомъ столѣтіи поставлена была, силою исторической судьбы, въ такое положеніе, что должна была долго не влагать меча въ ножны, созидая свое государственное могущество, и упрочивая внѣшнюю безопасность, безъ которой, по замѣчанію Карамзина, никакое внутреннее благо ненадежно. Связь литературы съ жизнію выразилась отчасти и въ преобладающемъ содержаніи главныхъ видовъ прозы и поэзіи восемнадцатаго столѣтія. Ломоносовъ говоритъ: «Чѣмъ военныя сердца вящше къ мужественному противъ враговъ дѣйствію и къ храброму защищенію отечества побуждаются, какъ славными примѣрами великихъ героевъ? Сіи приводятъ на память исторія и стихотворство (т. е. другими словами: *похвальныя слова* и *торжественныя оды*), которое прошедшія дѣянія живо описуя, какъ настоящія представляетъ; обоими прехвальныя дѣла великихъ государей изъ мрачныхъ челюстей ѣдкія древности исторгаются»[96]). Поэты-мыслители видѣли въ войнѣ не одно только разрушительное начало; они полагали, что въ иныхъ случаяхъ война можетъ производить освѣжающее дѣйствіе на общество, пробуждая его отъ спячки, и спасая общественную жизнь отъ застоя и плѣсени[97]):

Необходимая судьба
Во всѣхъ народахъ положила,
Дабы военная труба
Унылыхъ къ бодрости будила,
Чтобъ въ нѣдрахъ мягкой тишины
Не зацвѣли, водамъ равны,

Что, вкругъ защищены горами,
Дубровой, неподвижны спятъ,
И подъ лѣнивыми листами
Презрѣнный производятъ гадъ...

Высоко цѣня воинскія доблести храбрыхъ защитниковъ отечества, писатели наши, оставаясь вѣрными своему призванію, не могли относиться равнодушно къ подвигамъ другаго рода — къ мирнымъ завоеваніямъ въ области наукъ и словесности. Рядомъ съ похвальными словами Димитрію Донскому, Суворову, Кутузову, являлись похвальныя слова Ломоносову, Сумарокову, Лепехину, и т. д.

Первое мѣсто между авторами похвальныхъ словъ, являвшихся въ нашей литературѣ, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ столѣтіи, принадлежитъ знаменитымъ представителямъ двухъ литературныхъ поколѣній — Ломоносову и Карамзину.

Ломоносовъ заплатилъ самую щедрую дань своему времени. Онъ воспользовался всѣми украшеніями, всею риторическою мишурою, которой придавали такую несоразмѣрную цѣну. Вооруженный всѣми пособіями, которыя представляла тогда теорія и практика краснорѣчія, Ломоносовъ извлекалъ изъ нихъ все, что могло придать его замысламъ наиболѣе великолѣпія и блеска. Геніальный писатель очутился въ нѣсколько странномъ положеніи. Надѣвая на себя древнюю тогу, передѣланную французскими и нѣмецкими мастерами, онъ какъ будто не замѣчалъ, что она сшита не по его мѣркѣ, и истощивъ весь запасъ искусственнаго краснорѣчія, притворялся, что принимаетъ ораторскія мечты за правдивую быль. И все это дѣлалось ради эффекта, изъ одного усердія, какъ самъ онъ говоритъ, и «рабской искренности» въ выраженіи своихъ чувствъ. У Ломоносова были излюбленные пріемы; онъ иногда повторяется, употребляя и въ одахъ и въ похвальныхъ словахъ одни и тѣже фигуры и тропы — сравненія, противоположенія, гиперболы, и т. п. Воспѣваемые герои или героини являются вмѣстилищемъ всевозможныхъ совершенствъ, составляющихъ противоположность съ недостатками, неизбѣж-

ными для всѣхъ другихъ людей безъ исключенія: «Иной завоевалъ многія государства; но свое отечество безъ призрѣнія оставилъ. Иной многими добродѣтельми украшенъ; но вмѣсто, чтобъ воздвигнуть, не могъ удержать тягости падающаго государства. Иной былъ на землѣ воинъ, однако боялся моря. Иной на морѣ господствовалъ, но къ земли пристать страшился. Иной любилъ науки, но боялся обнаженной шпаги. Иной ни желѣза, ни воды, ни огня не боялся, однако человѣческаго достоянія и наслѣдства не имѣлъ — разума [98]).

Тотъ крѣпкое имѣетъ тѣло,
Но слабъ въ немъ духъ и умъ незрѣлъ;
Въ другомъ блистаетъ умъ небесный,
Но домъ себѣ имѣетъ тѣсный,
И духу силъ не достаетъ.
Иной прославился войною,
Но жизнью миръ порочитъ злаю,
И самъ съ собой войну ведетъ [99])...

Несмотря на всю тяжесть риторическаго груза, Ломоносовъ умѣлъ придать ему такую живость и движеніе, что критика чувствовала себя совершенно обезоруженною, и ограничивалась восклицаніями удивленія и восторга. Смѣлые образы, рѣзкія до последней степени сближенія и т. п. поражали своею новизною и яркостію красокъ. Среди громкихъ и витіеватыхъ похвалъ встрѣчаются и живые намеки на дѣйствительность, ненуждавшіеся въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ для тогдашнихъ читателей. Замѣчанія о томъ, что русское общество страдало отъ внутреннихъ золъ еще болѣе, нежели отъ внѣшнихъ; что русскій народъ подвергали утѣсненію и — что еще хуже — презрѣнію и т. п. не вычитаны изъ книжекъ, а взяты прямо изъ жизни. Притомъ русскому писателю, восхвалявшему геніальнаго русскаго человѣка — Петра Великаго, незачѣмъ было прибѣгать къ натяжкамъ и лжи, и многое могло быть сказано отъ чистаго сердца. Даже похвалы Елисаветѣ Петровнѣ, хотя и преувеличенныя, вызывались нерѣдко тѣмъ, что она была дочь Петра Великаго, любившая Россію и нежелавшая подвер-

гать русскій народъ внутреннему игу большихъ и малыхъ Бироновъ. Представляя «чудное и прекрасное видѣніе» — дѣвушку, съ крестомъ въ рукахъ идущую во главѣ войска, Ломоносовъ открыто и прямо изображалъ воцареніе дочери Петра Великаго, принимающей въ руки свои власть на радость русскому народу и къ ужасу «вѣроломныхъ балтійскихъ береговъ» и т. д.

Мы съ намѣреніемъ остановились на Ломоносовѣ, потому что произведенія его послужили образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ писателей, и степенью приближенія къ этому идеалу опредѣлялось относительное достоинство литературныхъ трудовъ, представляемыхъ на судъ россійской академіи.

Другимъ образцомъ ораторскаго краснорѣчія считалось, и вполнѣ заслуженно, похвальное слово Екатеринѣ II, написанное Карамзинымъ. Слово это не было заказнымъ панегирикомъ; въ немъ выразились убѣжденія автора, принимавшаго къ сердцу все, что совершалось въ общественной жизни. Ораторъ дѣлится съ читателями тѣмъ, что̀ приходилось ему передумать и перечувствовать, и что̀ добыто имъ изъ многихъ матеріаловъ, которыми онъ пользовался. Его похвальное слово, по существу своему, можетъ быть признано не только блестящимъ ораторскимъ произведеніемъ, но замѣчательнымъ для своего времени историческимъ этюдомъ. Оно богато *мыслями* въ дѣйствительномъ значеніи этого слова, а не въ томъ, какое имѣло оно иногда у старинныхъ нашихъ критиковъ, называвшихъ *мыслями* болѣе или менѣе удачные образы и обороты рѣчи, состоявшіе всего чаще въ остроумномъ подборѣ различныхъ риторическихъ фигуръ. Историческое похвальное слово Екатеринѣ II достойнымъ образомъ начинаетъ собою рядъ произведеній знаменитаго впослѣдствіи историка-писателя.

Выступивъ на ораторское поприще, Севергинъ, какъ и многіе изъ современныхъ ему литераторовъ, находился подъ вліяніемъ преимущественно Ломоносова и отчасти Карамзина. Въ печати появилось два похвальныя слова Севергина: одно изъ нихъ посвящено Ломоносову, другое — Минину и Пожарскому.

Во многомъ замѣтно подражаніе Ломоносову: оно обнаруживается и въ общемъ тонѣ, и въ пріемахъ, и въ отдѣльныхъ чертахъ, представляющихъ близкое сходство если не въ словахъ, то въ образахъ и ихъ сопоставленіи. Подобно Карамзину, Севергинъ держится исторической основы, выдвигая на первый планъ изложеніе событій; подобно Карамзину, онъ раздѣляетъ похвальное слово Пожарскому и Минину на нѣсколько частей, и т. д.

Въ похвальномъ словѣ Петру Великому Ломоносовъ говоритъ: «Откуду начну мое слово? Отъ тѣлесныхъ ли его дарованій; отъ крѣпости ли силъ? Но оныя явствуютъ въ преодолѣніи трудовъ тяжкихъ, трудовъ неисчетныхъ, и въ разрушеніи ужасныхъ препятствій. Отъ геройскаго ли вида и возраста, съ величественною красотою соединеннаго? Но кромѣ многихъ, которые начертанное въ памяти его изображеніе живо представляютъ, удостовѣряютъ разныя государства и городы, которые, славою его движимы, во срѣтеніе стекались, и дѣламъ его соотвѣтствующему и великимъ монархамъ приличному взору чудились. Отъ бодрости ли духа приму начало? Но доказываетъ его неусыпное бдѣніе, безъ котораго невозможно было произвести дѣлъ столь многихъ и великихъ» [100]).

Такой же ораторскій оборотъ употребляетъ Севергинъ въ похвальномъ словѣ Ломоносову: «Откуду начну я исчислять подвиги сего великаго мужа! Отъ красотъ ли и возвышенности его стихотвореній? Но онымъ дивится цѣлая просвѣщенная Россія и иноплеменные народы. Отъ чистоты ли слога, правильности и силы выраженій въ похвальныхъ его словахъ и другихъ рѣчахъ? Но гласъ оныхъ, кажется, каждое мгновеніе между нами раздается, привлекая къ подражанію онымъ. Отъ тѣхъ ли твердыхъ и купно новыхъ правилъ и основаній, кои преподалъ онъ къ изученію россійскаго слова? Но юноши и мужи безпрестанно твердятъ ихъ для достиженія лучшихъ въ ономъ познаній. Отъ изысканій ли историческихъ и древности россійскаго народа? Но сильный и купно пріятный слогъ его влечетъ насъ и понынѣ къ чтенію оставленныхъ имъ отрывковъ сихъ изслѣдованій. Отъ

наблюденій ли и опытовъ, въ физикѣ и химіи учиненныхъ? Но свидѣтельствуетъ о нихъ польза, которую онъ ими принесъ отечеству. Наконецъ отъ похвалъ ли достойныхъ его твореній, раченія и дарованій? Но хвалятъ его науки, прославляетъ отечество, и благословляютъ всѣ, отличную отъ трудовъ его пользу пріобрѣтшіе» [101]).

Ломоносовъ: «Не Амфіонъ ли сладкимъ мирнымъ играніемъ подвигнулъ разновидныя части къ сложенію чудныхъ крѣпостей, летающихъ чрезъ волны? Таковымъ бы истинно вымысломъ чудная поспѣшность Петрова въ сооруженіи флота приписалась, если бы такое невѣроятное и выше силъ человѣческихъ быть являющееся дѣло въ отдаленной древности приключилось, и не было бъ въ твердой памяти у многихъ очевидныхъ свидѣтелей и въ письменныхъ безъ всякаго изъятія достовѣрныхъ извѣстіяхъ» и т. д. [102]).

Севергинъ: «Древнихъ и баснословныхъ временъ народы, взиравшіе съ удивленіемъ, съ восторгомъ и съ нѣкоторымъ священнымъ благоговѣніемъ на великихъ мужей и первыхъ изобрѣтателей полезныхъ искуствъ, не преминули бы возвысить славу сего піиты множествомъ вымысловъ, подобныхъ тѣмъ, коими они возвеличили нѣкогда сладость пѣнія Орфея и подвиги своихъ ироевъ, помѣстивъ ихъ въ число боговъ, коимъ поклонялись. Но мы довольствоваться будемъ единою истиною событія, которая чѣмъ менѣе обременена баснословными преданіями, чѣмъ яснѣе представлена въ точномъ своемъ видѣ, тѣмъ она тверже, тѣмъ блистательнѣе, и ни вѣки, ни зависть истребить оныя не возмогутъ. Согласно истинѣ должны мы признаться, что мужъ сей (т. е. Ломоносовъ) едва ли не превзошелъ Пиндара и другихъ величайшихъ лирическихъ піитовъ или по крайней мѣрѣ съ оными сравнялся. Но первое вѣроятнѣе послѣдняго. Ибо паренія его въ стихотворствѣ усовершены науками, украшены чувствіями добродѣтели, усилены любовію къ отечеству, обогащены сердечною преданностію къ монархамъ, коихъ воспѣвалъ, и возвышены благоговѣніемъ къ святой религіи» [103]).

Приступая къ исчисленію прекрасныхъ качествъ Елисаветы,

Ломоносовъ говоритъ: «въ пріятномъ и великолѣпномъ раю разумъ мой нынѣ обращается, и отъ одной цвѣтущей добродѣтели отвлекается красотою другія: всѣ преславны, всѣ прелюбезны», и вдается въ подробное описаніе свойствъ героини своего похвальнаго слова, представляя ихъ въ самомъ сіяющемъ свѣтѣ, и не видя нигдѣ и ни въ чемъ ни малѣйшаго облачка или тѣни.

Такъ же безоблачно и умилительно до наивности описываются добродѣтели Ломоносова въ похвальномъ словѣ Севергина:

«Изобразивъ главнѣйшія дѣянія сего мужа, обратимъ наконецъ мысленный взоръ нашъ на его добродѣтели, на сіи драгоцѣнныя качества, довершающія славу каждаго великаго человѣка. Коль прекрасное поле представляется паки разсужденію нашему, почтенные слушатели! Мы видимъ здѣсь мужа, повсюду для пользы отечества дѣятельнаго, къ благодѣтелямъ и друзьямъ своимъ усердія и преданности исполненнаго, покровительствующаго упражняющимся въ наукахъ, мужа сострадательнаго въ несчастіи ближняго. Ибо съ какимъ благороднымъ праводушіемъ отдаетъ онъ справедливость дарованіямъ и знаніямъ современника своего Поповскаго, извѣстнаго преложеніемъ творенія: опытъ о человѣкѣ. Съ какимъ ревностнымъ жаромъ предстательствуетъ о немъ предъ своимъ Меценатомъ! И особливо съ какою отеческою горячностію пріемлетъ въ защиту свою сиротъ, оставшихся по смерти сотрудника своего Рихмана! Съ какимъ сердечнымъ о злоключеніи ихъ болѣзнованіемъ, съ какою сильною чувствительностію умоляетъ о нихъ паки своего Мецената въ слѣдующихъ словахъ: «Между тѣмъ умеръ господинъ Рихманъ прекрасною смертію, исполняя по своей профессіи должность. Память его никогда не умолкнетъ; но бѣдная вдова, сынъ пяти лѣтъ, который добрую показывалъ надежду, и двѣ дочери, одна двухъ лѣтъ, другая около полугода, какъ объ немъ, такъ о своемъ крайнемъ несчастіи плачутъ. Того ради, какъ истинный наукъ любитель и покровитель, будьте имъ милостивый помощникъ, чтобы бѣдная вдова лучшаго профессора до смерти своей пропитаніе имѣла, и сына своего маленькаго Рихмана могла воспитать, чтобы онъ

такой же былъ наукъ любитель, какъ его отецъ и пр. Но гласъ мой умолкаетъ; единое токмо сердце можетъ чувствовать всю цѣну благодѣтельнаго сего подвига. Ежели то правда, что ласковость и снисхожденіе предшествуютъ благотвореніямъ, подобно какъ цвѣты предшествуютъ плодамъ, то таковыя обѣщевалъ Ломоносовъ всегда обращеніемъ своимъ съ нижшими себя, а веселость нрава и откровенность содѣлывали оное каждому пріятнымъ и драгоцѣннымъ. Любилъ также Ломоносовъ употреблять въ разговорахъ острыя шутки, но никогда небылъ вреднымъ Зопломъ. Онъ видѣлъ въ людяхъ одни токмо ихъ добрыя качества, а мы видимъ въ твореніяхъ его одни токмо изліянія души чувствительной о благодарной.

Возлагаемъ ли былъ на него какой трудъ? совершалъ оный со тщаніемъ и неутомимостію. Требовалось ли отъ него совѣтовъ и наставленій? подавалъ ихъ съ прозорливостью, дѣлу приличною; предпринималъ ли самъ какое дѣло? оканчивалъ съ успѣхомъ и всегда для пользы и славы отечества. Ободряемъ ли былъ высокомонаршимъ благоволеніемъ? сіе поощряло его къ новымъ трудамъ. Облекаемъ ли былъ вышшими званіями и государственными почестями? никогда оными не кичился, и сохранялъ ихъ по достоинству. Награждаемъ ли былъ вообще милостями? съ душевною благодарностію принималъ ихъ, и памятовалъ до гроба. Испытывалъ ли когда противности счастія? сносилъ терпѣливо; впадалъ ли въ какія не придвидимыя опасности? преодолѣвалъ мужественно. Сіе доказалъ Ломоносовъ въ 1741 году, когда по причинѣ долговъ послѣ своего бракосочетанія въ Германіи, принужденъ былъ бѣжать тайно изъ Марбурга, и когда потомъ сдѣлался было рекрутомъ прусскимъ, и посаженъ былъ въ крѣпость Вессель, откуда, дабы избѣжать иностранной службы, ушелъ тайно, съ преодолѣніемъ величайшихъ трудностей и опасности. Ибо россъ ли оставитъ отечество? и россъ подобный Ломоносову» [104]).

Главное содержаніе слова, написаннаго Севергинымъ въ память Ломоносова, заключается въ изложеніи данныхъ, относя-

щихся къ жизни и учено-литературнымъ трудамъ Ломоносова. Въ краткомъ біографическомъ очеркѣ Севергинъ руководствовался жизнеописаніемъ Ломоносова, приложеннымъ къ первому тому полнаго собранія его сочиненій, изданному при академіи наукъ въ 1803 году. Обзоръ сочиненій Ломосова начинается съ одъ. Особенно высоко ставитъ Севергинъ слѣдующія двѣнадцать одъ:

1) На взятіе Хотина, 1739 года.

2) На прибытіе Елисаветы Петровны изъ Москвы въ Петербургъ въ 1742 году, послѣ коронаціи.

3) На прибытіе изъ Голштиніи и на день рожденія великаго князя Петра Θедоровича, 10 февраля 1742 года.

4) На день тезоименитства великаго князя Петра Θедоровича, 1743 года.

5) На день бракосочетанія великаго князя Петра Θедоровича и великой княгини Екатерины Алексѣевны, 1745 года.

6) На день возшествія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, 1746 года.

7) На день рожденія императрицы Елисаветы Петровны, 1746 года.

8) На день возшествія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, 1747 года.

9) На день возшествія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, 1748 года.

10) Благодареніе за милость, оказанную въ Сарскомъ селѣ 27 августа 1750 года.

11) На рожденіе великаго князя Павла Петровича, 20 сентября 1754 года.

12) На день тезоименитства императрицы Елисаветы Петровны, 5 сентября 1759 года, и на побѣды, одержанныя въ этомъ году надъ прусскимъ королемъ.

Приводится длинный рядъ примѣровъ изъ торжественныхъ одъ, а также изъ вечерняго размышленія о Божіемъ величествѣ и изъ отвѣта Анакреону, и всѣ эти выписки сопровождаются такого

рода замѣчаніями: какія поразительныя картины! какая пылкость въ воображеніи! какое изобиліе идей! какая твердость въ слогѣ! какія выспреннія мысли! какая красота и живность (sic) изображенія и т. д.

Отъ одъ Ломоносова ораторъ переходитъ къ прозаическимъ произведеніямъ, упоминая прежде всего о грамматикѣ и риторикѣ. Севергинъ говоритъ:

«Прежде еще грамматики издано имъ было руководство къ краснорѣчію или риторика. И вѣроятно сія послѣдняя послужила ему поводомъ къ сочиненію первой, ибо какъ можно украшать и распространять слово, не знавъ правилъ сочиненія оныхъ. Правда, что правила изобрѣтенія идей, украшенія и разположенія слова у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ почти одинаковыя. Но Ломоносовъ былъ первый, который и въ семъ поприщѣ лучшія проложилъ стези на россійскомъ языкѣ. И хотя послѣ него многія изданы подобныя руководства, но твореніе Ломоносова служило имъ всегда основаніемъ; и не взирая на оныя, любители словесности не престаютъ донынѣ читать его риторику и образовать себя по оной. Ибо никто почти не былъ столь счатливъ въ выборѣ примѣровъ, особливо въ наполненіи періодовъ и распространеніи слова, въ возбужденіи страстей, въ вымыслахъ, и вообще въ украшеніи и разположеніи. Здѣсь должны мы наипаче удивляться изяществу его вкуса, ибо всѣ его примѣры сильны, ясны и привлекательны, а нѣкоторые неподражаемы. Таково есть изображеніе пѣнія соловья, которое единое доказываетъ тонкость его въ различеніи знаменованія словъ и искуство употреблять ихъ и управлять изобиліемъ оныхъ по волѣ своей и прилично. «Коль великаго, говоритъ онъ, удивленія сіе достойно! Въ толь маленькомъ горлышкѣ нѣжной птички толикое напряженіе и сила голоса! Ибо когда взыскапъ теплотою весенняго дня взлетаетъ на вѣтвь высокаго дерева, внезапно то голосъ безъ отдыху напрягаетъ, то различно перебѣгаетъ, то ударяетъ съ отрывомъ, то крутитъ къ верху и къ низу, то вдругъ пріятную

пѣснь произноситъ, и между сильнымъ возвышеніемъ урчитъ нѣжно, свиститъ, щелкаетъ, поводитъ, хрипитъ, дробитъ, стонетъ, утомленно, стремительно, густо, топко, рѣзко, тупо, гладко, кудряво, жалко, порывно». Многіе не безъ основанія утверждаютъ, что сіе есть переводъ изъ нѣкоего мѣста Плиніевой натуральной исторіи. Я сличалъ оный съ подлинникомъ, и нахожу, что сей переводъ собственнымъ искуствомъ Ломоносова дополненъ и разпространенъ [105]).

Правила, изложенныя въ риторикѣ, примѣнены Ломоносовымъ съ изумительнымъ искусствомъ въ его похвальныхъ словахъ, достоинство которыхъ заключается въ томъ, что «мысли въ нихъ высоки, выраженія сильны, расположенія правильны, украшенія пріятны, распространенія неподражаемы». Затѣмъ приводятся выписки изъ похвальныхъ словъ Петру Великому и Елисаветѣ Петровнѣ, прерываемыя обычными восклицаніями: какая величественная картина могущества и любви народной! какое изобиліе мыслей! какое плавное словъ теченіе, и т. д.

Болѣе содержательны отзывы Севергина о трудахъ Ломоносова въ области естествознанія. «Распространить въ наукахъ новый свѣтъ, открыть пути, ведущіе ихъ къ вящшему совершенству и проложить къ тому первые твердыя стези: сіи суть такіе подвиги, кои предоставлены токмо мужамъ рѣдкимъ, великими способностями одареннымъ... Слово Ломоносова о пользѣ химіи сколько преисполнено витійственныхъ красотъ, столько показываетъ обширныя его въ сей наукѣ знанія. Слово о воздушныхъ явленіяхъ, отъ электрической силы происходящихъ, гдѣ находимъ вѣрное изображеніе неутомимости его въ подобныхъ изслѣдованіяхъ, справедливости заключеній, по тогдашнимъ въ физикѣ и химіи понятіямъ, и даже неустрашимость въ опытахъ, которая была причиною внезапной и плачевной смерти сотоварищу его въ оныхъ, знаменитому Рихману. Слово о произхожденіи свѣта, новую ѳеорію о цвѣтахъ представляющее, которая хотя не совсѣмъ согласна съ нынѣшними о семъ предметѣ понятіями; но

доказываетъ его остроту и духъ, къ изслѣдованію стремящійся. Слово о рожденіи металловъ отъ трясенія земли, изъ коего явствуетъ, сколь ему тогда уже извѣстны были различные горъ виды, сложеніе ихъ и перемѣны, ими претерпѣваемыя, и хотя положенія его о семъ предметѣ не совсѣмъ приняты, но уважаются знаменитѣйшими во всеобщей химіи, металлургіи и минералогіи писателями. Разсужденіе о большей точности морскаго пути, гдѣ Ломоносовъ показалъ свѣдѣнія свои не только въ физикѣ, но и въ маѳематикѣ. Наконецъ и самое явленіе венеры на солнцѣ, въ тѣ времена бывшее, не оставило обратить на себя вниманіе сего мужа; и между тѣмъ какъ отправлены были для наблюденія онаго въ отдаленные сибирскіе края нѣкоторые изъ тогдашнихъ академіи наукъ членовъ, Ломоносовъ приложилъ тщаніе къ наблюденію сего явленія въ С.-Петербургѣ. Тако былъ мужъ сей повсюду дѣятеленъ, повсюду отечеству полезенъ, повсюду великихъ похвалъ достоинъ.

И дѣйствительно, всѣ прежде упомянутые подвиги достаточны бы были для составленія всей славы сего мужа. Но собственная его дѣятельность на оныхъ не останавливалась. Въ тѣ времена едва ли существовало систематическое на россійскомъ языкѣ сочиненіе, въ коемъ бы основательно предложены были правила горнаго и плавиленнаго искуства. Ломоносовъ принялъ на себя трудъ сей, и издалъ руководство къ тому подъ заглавіемъ: первыя основанія металлургіи или рудныхъ дѣлъ. Начальныя правила, какія въ семъ искусствѣ нужны, изложены въ ономъ ясно и въ такомъ порядкѣ, кои доказываютъ паки обширность его знаній и основательность сужденія. Ломоносовъ начинаетъ общими понятіями о металлахъ, соляхъ, горючихъ тѣлахъ и камняхъ; потомъ представляетъ различное ихъ въ нѣдрахъ земли положеніе, изъясняетъ способъ копанія и укрѣпленія рудниковъ, поучаетъ измѣренію оныхъ, и наконецъ предлагаетъ способъ испытанія рудъ металлическихъ и обработыванія металловъ для доставленія ихъ въ надлежащей чистотѣ. Мужъ сей тогда уже почувствовалъ, что польза добыванія рудъ изъ нѣдра земли существеннѣе, пріискъ

оныхъ надежнѣе и учрежденіе заводовъ безопаснѣе, когда мы точнѣе познаемъ сложеніе и качество слоевъ земныхъ, или паче ѳеорію горъ и земли вообще. И для того въ прибавленіи къ сему сочиненію предложилъ также и ту часть всеобщей минералогіи, которая нынѣ подъ именемъ геогнозіи извѣстна. Конечно, нѣкоторыя его мнѣнія и заключенія о сихъ предметахъ не во всемъ согласны съ тѣми вѣрнѣйшими понятіями, кои о нихъ нынѣ имѣемъ. Но сего не можно приписать въ вину сего мужа, ибо таково было тогдашнее наукъ состояніе. Мы должны паче удивляться, какъ единый человѣкъ возмогъ объять столь многія и многоразличныя познанія. Мы заключимъ, что Ломоносовъ былъ не только первый изъ россіянъ, но при томъ искусный химикъ и металлургъ.

Два рода несовершенствъ примѣчаемъ мы не рѣдко въ ученыхъ мужахъ, въ физическихъ наукахъ упражняющихся. Иной хорошій ѳеоретикъ, но худой практикъ; другой хорошій практикъ, но худой ѳеоретикъ. Ломоносовъ напротивъ того прозорливъ былъ въ умозрѣніяхъ, и работалъ съ успѣхомъ собственными руками. Кто не возпомянетъ теперь о тѣхъ разноцвѣтныхъ стеклахъ, кои онъ приготовлялъ для мозаическихъ своихъ работъ, и коихъ составленіе сколь трудно, извѣстно наиболѣе тѣмъ, кои сіе дѣло основательно знаютъ, и въ ономъ дѣйствительно упражнялись. Кто бы подумалъ, чтобы Ломоносовъ, великій ораторъ и піита, основатель чистоты россійскаго языка, безпрестанно разсуждающій, безпрестанно занимающійся вышшими науками, наконецъ собственными руками сталъ составлять мозаическія картины и приготовлять нужныя къ тому вещи? Единому только его великому и дѣятельному духу сіе свойственно быть могло»[106]).

Похвальное слово Ломоносову предназначалось для періодическаго изданія предпринятаго россійскою академіею съ цѣлію содѣйствовать успѣхамъ отечественной словесности, развитію стихотворства и краснорѣчія. Душою предпріятія былъ президентъ академіи Нартовъ. Онъ предложилъ сочленамъ принять на себя трудъ сочинить что-либо въ прозѣ или въ стихахъ для помѣще-

нія въ новомъ изданіи. На призывъ призидента откликнулись многіе изъ членовъ россійской академіи; одни изъявили желаніе заняться переводами преимущественно изъ древнихъ писателей; другіе взяли на себя сочиненіе похвальныхъ словъ. И. А. Дмитревскій вызвался сочинить похвальное слово не одному лицу, а нѣсколькимъ — въ прославленіе россійскимъ государямъ, которые милостями, щедротами, благодѣяніями и подвигами наиболѣе способствовали возвышенію и просвѣщенію Россіи. Академики Севастьянъ и Севергинъ ограничились болѣе скромными задачами: первый изъ нихъ взявъ на себя написать похвальное слово Лепехину, а второй — похвальное слово Ломоносову.

Въ началѣ 1805 года Севергинъ представилъ въ россійскую академію похвальное слово, написанное по ея вызову. Оно читано было въ академическихъ собраніяхъ, и авторъ сдѣлалъ нѣкоторыя добавленія. Академики вполнѣ одобрили ораторское произведеніе Севергина, положили напечатать его въ повременномъ изданіи академіи, выразили автору свое удовольствіе и благодарность; Херасковъ находилъ, что оно дѣлаетъ честь россійской словесности и нашему парнасу [107]). Въ знакъ особеннаго уваженія къ заслугамъ Ломоносова предполагали было устроить для чтенія похвальнаго слова чрезвычайное собраніе, на которое пригласить какъ членовъ академіи, такъ и постороннихъ любителей словесности. Но потомъ нашли, что гораздо приличнѣе произнести слово въ день учрежденія россійской академіи. Оно произнесено было Севергинымъ въ торжественномъ собраніи академіи 25 ноября 1805 года въ присутствіи многихъ посѣтителей, въ числѣ которыхъ были: Державинъ, Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, первый министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій, и другіе [108]).

Другой опытъ Севергина въ области краснорѣчія состоитъ изъ довольно подробнаго описанія патріотическихъ подвиговъ Минина и Пожарскаго. Немногія отступленія въ родѣ тирады о сладости добродѣтели служатъ признаками того періода, когда въ литературѣ нашей совершался переходъ отъ ложноклассическаго

направленія къ сентиментальному. Есть основаніе предполагать, что похвальное слово Минину и Пожарскому, написанное Севергинымъ, не удовлетворяло требованіямъ даже и тогдашней критики. Но при всѣхъ своихъ недостаткахъ оно все-таки выше многихъ попытокъ литераторовъ того времени, смѣло вступавшихъ, говоря словами Батюшкова, въ бурное море краснорѣчія, въ которомъ погибала слава новѣйшихъ и древнихъ говоруновъ. Стоитъ только сравнить опытъ Севергина съ напыщеннымъ и безсодержательнымъ панегирикомъ, явившимся въ томъ же году и написаннымъ на туже тему. Въ приложеніяхъ мы помѣщаемъ похвальное слово Севергина, составляющее большую библіографическую рѣдкость; здѣсь же ограничиваемся исторіею этого слова, рисующею до нѣкоторой степени тогдашніе литературные нравы[109]).

Россійская академія, въ собраніи своемъ 12 іюля 1804 года, предложила для соисканія наградъ нѣсколько задачъ, и въ числѣ ихъ: — сочинить похвальное слово Минину и Пожарскому[110]). Первая награда состояла въ золотой медали въ пятьдесятъ червонныхъ; вторая — въ серебряной медали такой-же величины, какъ и золотая. Предложенная тема, повторенная и въ слѣдующемъ году, вызвала соревнованіе въ пишущей братіи; даже два академика приняли участіе въ соисканіи: одинъ весьма таинственно; другой, напротивъ, — черезчуръ открыто. Въ 1805 году представлено въ академію два сочиненія на заданную тему, въ 1806 году — три. Для разсмотрѣнія всѣхъ присылаемыхъ въ академію сочиненій на предложенныя ею задачи, образованъ былъ комитетъ, въ составъ котораго входили, въ 1805 году, слѣдующіе десять членовъ россійской академіи.

Михаилъ Никитичъ Муравьевъ.
Степанъ Яковлевичъ Румовскій.
Александръ Семеновичъ Шишковъ.
Василій Михайловичъ Севергинъ.
Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій.
Александръ Семеновичъ Хвостовъ.
Тимоѳей Семеновичъ Мальгинъ.

Иванъ Семеновичъ Захаровъ.
Петръ Матвѣевичъ Карабановъ.
Петръ Ивановичъ Соколовъ.

Не такъ многочисленъ былъ комитетъ, составленный въ 1806 году для разсмотрѣнія отвѣтныхъ сочиненій. Членами комитета были:

Михаилъ Никитичъ Муравьевъ.
Александръ Семеновичъ Шишковъ.
Александръ Семеновичъ Хвостовъ.
Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій.
Петръ Матвѣевичъ Карабановъ.

Въ 1805 году прислано въ россійскую академію два похвальныя слова Минину и Пожарскому: одно, съ девизомъ: *опытъ*, неизвѣстнаго автора; другое — члена россійской академіи Львова[111]).

Злосчастное слово съ девизомъ: *опытъ* подверглось безпощадному осужденію со стороны Шишкова, а за нимъ и всего комитета. «Въ словѣ семъ краткомъ и весьма худомъ — писалъ Шишковъ въ своемъ отзывѣ — нѣтъ ничего примѣчанія достойнаго, кромѣ недозволительной дерзости; ибо сочинитель начинаетъ оное сплетенными худымъ слогомъ ругательствами отечеству своему; говоритъ: утѣшительно въ такомъ варварскомъ народѣ, каковы были тогда россіяне, найти двухъ человѣкъ съ чувствами Пожарскаго и Минина. Мысль сія есть вмѣстѣ злоязычіе и ложное разсужденіе; ибо въ исторіи Пожарскаго и Минина не столько они двое удивительны, сколько весь народъ, который по единому предложенію отъ Минина тотчасъ и добровольно согласился не только все свое имѣніе отдать, не только собственную жизнь свою положить, но и женами и дѣтьми своими пожертвовать для спасенія отечества. Сей-то народъ сочинитель называетъ варварскимъ и непросвѣщеннымъ! Таковыя сочиненія, иностранными писателями въ насъ вдохновенныя, не почестями академіи увѣнчаваться, но совсѣмъ иную награду получать бы дол-

женствовали»[112]). Въ приговорѣ комитета, подписанномъ Муравьевымъ, Румовскимъ, Шишковымъ, Дмитревскимъ, Хвостовымъ, Мальгинымъ, Карабановымъ и Соколовымъ, сказано: «Слово сіе не токмо написано весьма худымъ слогомъ, но и наполнено ложными разсужденіями и даже злоязычіемъ. Въ доказательство сего довольно привести одинъ только приступъ, коего существенная мысль есть слѣдующая: Утѣшительно въ такомъ варварскомъ народѣ, каковы были тогда россіяне, найти двухъ человѣковъ съ чувствованіями князя Пожарскаго и Кузьмы Минина»[113]).

Членъ россійской академіи Павелъ Юрьевичъ Львовъ, авторъ Нумы Помпилія, храма славы россійскихъ героевъ, видѣнія Сезостриса, царя египетскаго, и другихъ сочиненій въ такомъ же родѣ, увѣдомилъ президента россійской академіи, письмомъ изъ Вытегры 9 іюля 1805 года, что онъ написалъ *слово о достохвальномъ подвигѣ избавителей отечества: князя Пожарскаго и Кузьмы Минина*, но не знаетъ, можетъ ли прислать его въ академію, такъ какъ срокъ для представленія сочиненій уже миновалъ. Въ отвѣтъ на это письмо академія сообщила Львову, что сочиненіе его не можетъ быть принято по двумъ причинамъ: во первыхъ потому, что оно пришлется въ академію послѣ назначеннаго ею срока; во вторыхъ потому, что авторъ слова открылъ свое имя. Но Львовъ все-таки прислалъ въ академію свое произведеніе, и въ письмѣ на имя секретаря академіи между прочимъ говоритъ: «Я зналъ, что слово сіе, за пропущеніемъ положеннаго срока, не можетъ войти въ череду съ прочими, и потому-то особенно относился объ ономъ къ его превосходительству господину президенту академіи, не сокрывъ своего имени. А поелику весьма не много перешло времени за срокъ, и полагая, что сочиненія, могущія быть присланы къ оному, не успѣли еще быть разсмотрѣны, я поспѣшилъ отношеніемъ моимъ къ его превосходительству на тотъ конецъ, дабы могъ и я имѣть право на обѣщанное награжденіе, ежели трудъ мой будетъ принятъ къ разсмотрѣнію съ прочими, и если удостоенъ будетъ одобренія ака-

деміи. Коль же скоро слово мое не заслужитъ сего *толь лестнаго каждому писателю* награжденія, то желаю, чтобы оно было мнѣ возвращено. Впрочемъ же, если кто изъ господъ членовъ при разсмотрѣніи моего сочиненія соблаговолитъ что поправить или на что либо сдѣлать свое особое замѣчаніе, и мнѣ позволено будетъ по оному что перемѣнить или исправить, такое снисхожденіе приму я съ самою чувствительною благодарностію». Но академическое собраніе осталось при своемъ прежнемъ рѣшеніи, и возвратило Львову присланное имъ сочиненіе, не считая возможнымъ разсматривать его вмѣстѣ съ другими, доставленными во время и безъ имени авторовъ [114]).

Въ 1806 году присланы въ россійскую академію, въ отвѣтъ на предложенную ей задачу, три слѣдующія сочиненія:

1) *Слово похвальное князю Димитрію Михайловичу Пожарскому и купцу нижегородскому Кузьмѣ Минину*, *прозваніемъ Сухорукому*, съ девизомъ изъ Фелицы Державина:

Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какова Крезъ не обрѣталъ.

2) Похвальное слово князю Пожарскому и Кузьмѣ Минину, съ девизомъ изъ стихотворенія Державина «Мой истуканъ»:

Священъ мнѣ паче зракъ героевъ,
Моихъ любезныхъ согражданъ,
Предъ трономъ, на судѣ, средь боевъ
Душой великихъ россіянъ.

3) Похвальное слово Пожарскому и Минину, съ девизомъ:

Живущій на холму Алтына-Агирнака
Возвысить грубый гласъ дерзну ли изъ подъ мрака.

При разсмотрѣніи этихъ похвальныхъ словъ академическое собраніе обращало главное вниманіе на расположеніе ихъ и на слогъ. Трое изъ пяти членовъ разсматривательнаго комитета сообщили свои письменныя мнѣнія.

Шишковъ прислалъ такую замѣтку:

«1-е, подъ надписью: *священъ мнѣ паче зракъ героевъ*, и проч.

Слово сіе не можетъ быть одобрено по причинѣ стариннаго слога, столько же удаленнаго отъ истиннаго краснорѣчія, сколько и отъ свойствъ нашего языка.

2-е, подъ надписью: *почувствовалъ* (*sic*) *добра пріятство*, и проч.

Хотя языкъ въ семъ словѣ довольно хорошъ и слогъ ненадутъ; однакожъ мысли несвязны, мало соображенія, нѣтъ искусства объясняться прилично, важно и сильно: а потому и одобрить онаго не можно.

3-е, подъ надписью: *живущій на холму Алтына-Агирнака* и проч.

Слово сіе, написанное слогомъ простыхъ повѣствованій, не содержитъ въ себѣ ничего важнаго.

Во всѣхъ сихъ словахъ, Пожарскаго и Минина не видно, а видѣнъ только сочинитель, который объ нихъ чаще худо, нежели хорошо разсказываетъ».

Къ отзыву Шишкова А. С. Хвостовъ прибавилъ слѣдующее: «Хотя три слова Пожарскому и Минину не исправляютъ неудачу академіи въ полученіи піесъ, *заслуживающихъ награду* или, такъ сказать, *вырывающихъ ее;* но необходимо кажется должно нынѣ одну одобрить, и именно № 6, читанный въ академіи 22-е число сентября, съ тѣмъ, чтобъ по узнаніи имени сочинителя предложить ему исправить по замѣчаніямъ академіи или въ случаѣ настоянія его, чтобъ печаталась піеса какъ есть, напечатавъ съ именемъ автора, тутъ же и примѣчанія академическія прибавить. Надобно посмотрѣть, не пріохотитъ ли снисхожденіе съ стороны нашей приняться за перо такихъ, которые несомнѣнно награду заслуживать будутъ».

Муравьевъ писалъ въ академію: «Сочинители трехъ похвальныхъ словъ князю Пожарскому и Космѣ Минину положили все свое тщаніе и искусство въ прославленіи сихъ избавителей отечества, и хотя опыты ихъ далеки еще отъ желаемаго совершен-

ства, но имъ не можно отказать нѣкотораго успѣха и знанія въ краснорѣчіи.

Въ словѣ подъ № 1 можно примѣтить нѣкоторую неровность слога, иногда унижающуюся къ простому разговору, иногда превраждающуюся въ возглашеніе.

Въ словѣ подъ № 7 недостаетъ нужнаго пространства и основательности въ понятіяхъ, приличнаго благородства въ выраженіи, и вообще менѣе другихъ достигаетъ оно цѣли своей.

Что касается до слова подъ № 6, то оно бы заслуживало быть увѣнчаннымъ, еслибы сочинитель болѣе прилежалъ къ чистотѣ языка, ежели бы онъ не былъ чрезвычайнымъ любителемъ сіянія и ложныхъ украшеній. Вообще показываетъ онъ счастливѣйшее дарованіе, пространныя знанія и возвышенный образъ размышленія; но образцами себѣ избралъ новѣйшихъ риторовъ, не примѣняяся ко свойству россійскаго языка, и присвоилъ ему обороты и выраженіе иностранные. Повсюду реченія, заимствованныя безъ пользы изъ наукъ и искусствъ. Индѣ слова низкія и неупотребительныя приложены къ важнымъ предметамъ; индѣ необычайныя понятія соединены съ намѣреніемъ, и смѣло начертанныя картины обременены подробностями. Впрочемъ сочиненіе само собою весьма привлекательно и заслуживаетъ отличеніе. По моему мнѣнію можно удостоить слово сіе половиннаго награжденія, такъ какъ неудовлетворяющее совершенно всѣмъ требованіямъ превосходнаго творенія».

Всѣ эти три похвальныя слова академическое собраніе признало неудовлетворительными, и положило снова повторить предложенную задачу [115]). Членами комитета для разсмотрѣнія и оцѣнки отвѣтныхъ сочиненій избраны:

Иванъ Аоанасьевичъ Дмитревскій.
Тимоѳей Семеновичъ Мальгинъ.
Василій Михайловичъ Севергинъ.
Петръ Матвѣевичъ Карабановъ.
Петръ Ивановичъ Соколовъ.
Александръ Сергѣевичъ Никольскій.
Иванъ Григорьевичъ Долинскій.

Въ 1807 году прислано въ россійскую академію одно только похвальное слово Минину и Пожарскому, съ девизомъ изъ Горація:

Si quid novisti rectius istis,
Candidus imperti....

Комитетъ далъ такой отзывъ: «Сочиненіе сіе заключаетъ въ себѣ не похвальное слово, но произвольный вымыслъ въ образѣ неосновательной повѣсти съ нѣкоторымъ, весьма слабымъ, нравоученіемъ. Нѣтъ въ немъ ни порядочнаго теченія словъ, правиламъ витійства свойственнаго, т. е. надлежащаго приступа, потребнаго содержанія существа дѣла и пристойнаго заключенія; ни должнаго соображенія мыслей съ истинами бытописанія, какъ, когда и что происходило; ниже желаемаго описанія достопамятныхъ подвиговъ и высокихъ добродѣтелей; но даже заключать можно, что сочинитель не знаетъ имени, отечества, состоянія и склонностей хвалимыхъ героевъ. Словомъ, оно есть простое повѣствованіе въ видѣ разговора, разсказываемаго никому неизвѣстнымъ лицомъ, Здравомысломъ, дѣтямъ его и прочимъ предстоявшимъ. Оно есть нелѣпое подражаніе похвальному слову Томаса Марку Аврелію» [116]).

До присылки въ академію этого сочиненія появились въ печати, въ томъ же 1807 году, два похвальныя слова Минину и Пожарскому [117]). Одно изъ нихъ вышло подъ заглавіемъ: *Похвальное слово князю Пожарскому и Кузьмѣ Минину.* Оно посвящено Петру Филиповичу Галляховскому. Имени автора не обозначено; нѣтъ также ни девиза, ни эпиграфа. Источниками служили: восьмая часть русской лѣтописи по Никонову списку; двѣнадцатый томъ исторіи князя Щербатова; грамата князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго и грамата объ избраніи царя Михаила Өедоровича, напечатанныя въ россійской вивліоөикѣ, и разсужденіе барона Шафирова о причинахъ войны противъ Швеціи [118]).

Судя по нѣкоторымъ признакамъ можно думать, что сочине-

ніе это было представляемо въ рукописи на судъ россійской академіи.

Касательно похвальнаго слова Севергина возникаетъ также вопросъ, не было ли и оно представлено въ академію, и не относится ли къ нему какой-либо изъ приведенныхъ нами, болѣе или менѣе неблагопріятныхъ, отзывовъ. Въ печатномъ изданіи нѣтъ ни девиза, ни эпиграфа, ни другаго подобнаго указанія на участіе автора въ соисканіи награды, которой такъ усердно добивался одинъ изъ его сочленовъ по академіи. Намекомъ, но не болѣе какъ намекомъ, можетъ служить развѣ высокопарное заявленіе о томъ, что россійская академія торжественно приглашаетъ россійскихъ музъ принести жертву хваленія Минину и Пожарскому.

Трудно допустить, чтобы сочиненіе Севергина было представлено на конкурсъ 1805 года. Вопервыхъ, Севергинъ участвовалъ въ разсмотрѣніи всѣхъ представленныхъ въ этомъ году сочиненій и въ опредѣленіи ихъ сравнительнаго достоинства, а едва ли бы онъ принялъ на себя эту обязанность, если бы являлся въ одно и тоже время и судьею и подсудимымъ. Во вторыхъ въ сочиненіи Севергина, по крайней мѣрѣ въ печатномъ изданіи, нѣтъ того мѣста, которое такъ оскорбило народное чувство Шишкова, и дословно указано въ приговорѣ россійской академіи.

Что Севергинъ не участвовалъ въ конкурсѣ 1807 года, доказывается точными хронологически данными: единственное сочиненіе, представленное на этотъ конкурсъ, получено въ россійскую академію въ рукописи, во время самаго ея засѣданія, 27 іюля 1807 года, а сочиненіе Севергина вышло въ свѣтъ 2 іюля того же года.

Остается возможность предполагать, что Севергину принадлежитъ одно изъ похвальныхъ словъ, осужденныхъ академіею въ 1806 году. Но какое именно? Ни одинъ изъ приведенныхъ отзывовъ не примѣняется вполнѣ къ сочиненію Севергина. Если у нашего оратора и замѣтна нѣкоторая наклонность къ «возглашенію»; то съ другой стороны онъ «не унижается до простаго разговора» и не обнаруживаетъ пристрастія къ иностраннымъ сло-

вамъ и оборотамъ. Несмотря на возглашенія и славянизмы, слогъ Севергина могъ показаться Шишкову довольно хорошимъ и вовсе ненадутымъ. Можно бы замѣтить, что лирическое воззваніе къ добродѣтели: «подвиги твои превыше всѣхъ подвиговъ; ты въ счастіи рай на земли, въ злополучіи отрада и утѣшеніе; ты вѣрное незыблемое достоинство и честь каждаго человѣка и цѣлыхъ государствъ» и т. д., находится въ связи съ эпиграфомъ изъ Державина: «почувствовать добра пріятство такое есть души богатство» и т. д. Но это было бы только предположеніемъ, нуждающимся въ другихъ, болѣе вѣскихъ доказательствахъ. Несомнѣннымъ является тотъ фактъ, что сочиненіе Севергина издано буквально подъ тѣмъ же заглавіемъ, какое дано рукописному сочиненію, представленному съ девизомъ изъ Фелицы Державина на конкурсъ 1806 года, именно: *Слово похвальное князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому и купцу нижегородскому Козьмѣ Минину, прозваніемъ Сухорукому*. Сочиненіе съ такимъ же точно заглавіемъ представлено въ академію 25 мая 1806 года, и было читано и разбираемо въ академическихъ собраніяхъ *въ присутствіи Севергина*.

XIII.

Изъ предложеннаго очерка литературной дѣятельности Севергина можно видѣть, до какой степени находилась она въ связи съ цѣлями и стремленіями россійской академіи какъ по выбору предметовъ, такъ и по способу выполненія предпринятыхъ работъ. Съ молодыхъ лѣтъ Севергинъ принадлежалъ россійской академіи — три года въ званіи «пріобщника» и тридцать одинъ годъ въ званіи дѣйствительнаго члена академіи. Пріобщники россійской академіи, подобно элевамъ академіи наукъ, составляли первую степень въ академической іерархіи; участвовали въ собраніяхъ академиковъ и совѣщаніяхъ по научнымъ вопросамъ, но безъ права голоса при выборѣ новыхъ членовъ; въ собраніяхъ сидѣли за общимъ столомъ съ академиками, но ниже ихъ и не смѣ-

шиваясь съ ними. Мы уже упоминали, что Дашковой принадлежитъ учрежденіе этого разсадника будущихъ академиковъ и научно образованныхъ литераторовъ.

30 октября 1792 года Севергинъ назначенъ пріобщникомъ россійской академіи. Первое академическое собраніе, въ которое приглашенъ былъ Севергинъ, происходило 6 ноября 1792 года[119]). Такъ какъ имена пріобщниковъ не вносились въ журналы академическихъ собраній, то и неизвѣстно, въ какой мѣрѣ пользовался Севергинъ предоставленнымъ ему правомъ посѣщенія этихъ собраній. Въ одномъ изъ нихъ (1 сентября 1795 года) академикъ Лепехинъ, отъ имени президента академіи княгини Дашковой, предложилъ на вакантное мѣсто въ россійской академіи «члена академіи наукъ и вольнаго экономическаго общества» Василія Михайловича Севергина; по причинѣ малаго числа присутствовавшихъ выборъ отложенъ до слѣдующаго собранія, именно до 15 сентября 1795 года[120]).

Въ званіи дѣйствительнаго члена россійской академіи Севергинъ присутствовалъ въ академическомъ собраніи въ первый разъ 13 октября 1795 года, въ послѣдній разъ—10 ноября 1823 года. Вообще онъ принадлежалъ къ числу весьма усердныхъ посѣтителей академіи до 1818 года, начиная съ котораго и до своей смерти онъ бывалъ въ академіи, и то довольно рѣдко, только въ 1821 и 1823 годахъ. Причина отсутствія Севергина заключалась главнымъ образомъ въ накопленіи занятій. Въ архивѣ комитета правленія академіи наукъ сохранилось письмо Севергина, 28 сентября 1818 года, къ непремѣнному секретарю россійской академіи Петру Ивановичу Соколову по поводу избранія въ члены академіи Жуковскаго и Филарета, впослѣдствіи митрополита московскаго. «Голосъ мой — пишетъ Севергинъ — вразсужденіи выбора въ дѣйствительные члены россійской академіи: преосвященнаго Филарета, епископа ревельскаго, и г. коллежскаго ассесора Жуковскаго изволите вы найти въ запечатанной запискѣ, вложенной въ семъ письмѣ моемъ къ вамъ. Прошу васъ также и на сей разъ извинить отсутствіе мое въ собраніи академіи. Лишь только

хотя мало удосужусь отъ прочихъ возложенныхъ на меня занятій, не премину продолжать быть, по долгу моему, въ числѣ прилежныхъ ея посѣтителей. Между тѣмъ съ ревностнымъ усердіемъ во всякое время готовъ исполнять ея порученія». Особенно часто посѣщалъ Севергинъ академію въ 1795, 1796, 1800, 1801, 1815, 1808, 1814 и 1816 годахъ. Число засѣданій, въ которыхъ онъ участвовалъ составляетъ около трети (424 изъ 1346) всего количества собраній, происходившихъ втеченіе длиннаго періода его академической дѣятельности.

Предметы совѣщаній академическихъ въ этомъ періодѣ были довольно разнообразны. Академики занимались чтеніемъ и исправленіемъ русской грамматики, риторики, піитики и логики; дѣлали замѣчанія на статьи, представляемыя для помѣщенія въ повременныя изданія академіи; разсуждали о замѣнѣ иностранныхъ словъ русскими и т. п. Шишковъ читалъ свои изслѣдованія о корнесловіи, свой переводъ краледворской рукописи, свой переводъ Освобожденнаго Іерусалима, и весьма многое другое; Мартыновъ читалъ резсужденіе о грамматикѣ, Никольскій — переводъ сочиненія Бросса о механическомъ составѣ языковъ, и т. д. Читаны были: поэма Томаса «Петръ Великій» въ прозаическомъ переводѣ Филатова съ примѣчаніями переводчика; новый способъ спряженія русскихъ глаголовъ, Полеваго, и многія другія сочиненія и переводы.

Севергинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ членовъ россійской академіи, которые принимали наибольшее участіе во всѣхъ трудахъ ея и занятіяхъ. На этомъ основаніи Севергину присуждена была одна изъ золотыхъ медалей, выбитыхъ по случаю коронаціи императора Александра I и присланныхъ въ россійскую академію для раздачи «отлично трудящимся» ея членамъ[121]).

Литературными памятниками дѣятельности Севергина, какъ члена россійской академіи, служатъ сочиненія и переводы, предпринятые имъ по вызову академіи:

Переводъ путешествія Анахарсиса по Греціи Бартелеми.

Переводъ теоріи изящныхъ искусствъ Зульцера.

Переводъ Описанія народовъ обитающихъ въ Россіи — изъ сочиненія Тука (Tooke).

Похвальное слово Ломоносову.

Похвальное слово Минину и Пожарскому.

Въ россійской академіи былъ обычай назначать изъ среды своей особые комитеты для предварительнаго обсужденія и разработки вопросовъ, относящихся къ важнѣйшимъ предпріятіямъ академіи. Выборъ въ члены подобныхъ комитетовъ падалъ обыкновенно на лица, извѣстныя своими познаніями и своимъ трудолюбіемъ. Севергинъ былъ членомъ комитета для изданія словаря; членомъ комитета для изданія ежемѣсячныхъ сочиненій; членомъ комитета для разсмотрѣнія отвѣтныхъ сочиненій, и т. д.

Въ 1801 году, въ разгарѣ работъ по второму академическому словарю, учрежденъ былъ комитетъ съ цѣлію разсматривать матеріалы, доставляемые въ академію для словаря, исправлять невѣрныя опредѣленія, и дополнять пропущенныя слова, выраженія и пословицы. Въ члены этого комитета избраны:

Степанъ Яковлевичъ Румовскій.
Николай Яковлевичъ Озерецковскій.
Василій Михайловичъ Севергинъ.
Яковъ Дмитріевичъ Захаровъ.
Тимоѳей Семеновичъ Мальгинъ.
Дмитрій Михайловичъ Соколовъ.
Петръ Ивановичъ Соколовъ [122]).

Въ 1817 году для изданія трехъ послѣднихъ частей академическаго словаря составленъ комитетъ, которому вмѣнено въ обязанность: внимательно пересмотрѣть листы, прочитанные въ собраніяхъ россійской академіи; передѣлать, гдѣ будетъ нужно, опредѣленія; дополнить пропущенныя слова; приводить примѣры съ крайнею разборчивостію; пересмотрѣть съ особеннымъ вниманіемъ первыя три части и сдѣлать въ нихъ необходимыя поправки и дополненія, и т. п. [123]). Членами комитета были:

Василій Михайловичъ Севергинъ.
Александръ Ѳедоровичъ Севастьяновъ.

Князь Сергѣй Александровичъ Ширинскій — Шихматовъ.
Дмитрій Михайловичъ Соколовъ.
Петръ Ивановичъ Соколовъ.

Труды Севергина много содѣйствовали, по заявленію Нартова, успѣшному окончанію важнѣйшаго академическаго предпріятія конца восемнадцатаго и начала девятнадцатаго столѣтія— словаря, расположеннаго по азбучному порядку[124]).

Приводя въ систему, исправляя и дополняя многочисленные матеріалы для словаря, Севергинъ вносилъ въ словарь и свои собственные вклады — данныя, имъ самимъ собранныя и извлеченныя изъ разныхъ источниковъ.

Онъ сообщилъ для академическаго словаря буквы Д и К, т. е. собраніе начинающихся этими звуками словъ, приведенное въ азбучный порядокъ, исправленное и дополненное. Многія опредѣленія словъ весьма подробны и обстоятельны[125]).

Севергинъ собиралъ также синонимы, и представилъ въ академію «собраніе нѣсколькихъ словъ съ сословами ихъ и приличными прилагательными»[126]).

Онъ сообщилъ въ академію слѣдующія химическія слова съ ихъ объясненіями:

— *Окисленіе* — oxidation. Соединеніе горючаго тѣла съ извѣстнымъ количествомъ кислотвора, отъ коего дѣлается оно кислотою, либо окисью, напримѣръ: *окисленіе* сѣры.

— *Окислотвореніе* — oxigénation. Способность тѣлъ вообще соединяться съ кислотворомъ или общее явленіе окисленія.

— *Окись* — oxide. Тѣло, соединенное съ такимъ количествомъ кислотвора, что неимѣетъ еще свойства кислоты: *окись мѣдная, желѣзная, цинковая.*

— *Окислъ* — oxidule. Когда соединеніе металла съ кислотворомъ не лишило его всѣхъ металлическихъ его свойствъ, и когда количество кислотвора не довольно еще велико, чтобы сообщить ему свойства окиси. Такъ названо напримѣръ окисленное желѣзо, но притягивающееся еще магнитомъ; *окислъ желѣз-*

ный — oxidule de fer; просто *зеркальная желѣзная руда*, какъ-то съ острова Эльбы.

— *Окисленный* — oxidulé; fer oxidulé — *окисленное желѣзо*, въ томъ же знаменованіи.

— *Откисленіе* — désoxidation. Дѣйствіе, коимъ какое-либо существо лишаютъ содержащагося въ немъ кислотвора: *откисленіе сѣрной кислоты*, то есть отнятіе у ней кислотвора, превращеніе ея въ сѣру.

— *Откислять* — désoxider, debruler, въ томъ же знаменованіи.

По выслушаніи этихъ объясненій собраніе разсудило помѣстить ихъ въ словарь, издаваемый академіею [127]).

Для пополненія академическаго словаря Севергинъ представилъ въ россійскую академію собранныя имъ слова, числомъ 418, съ объясненіями и примѣрами и съ указаніемъ источниковъ, изъ которыхъ они почерпнуты. Принявъ съ благодарностью трудъ Севергина, академія опредѣлила помѣстить въ прибавленіе къ словарю слѣдующія слова:

Арало.

Баба каменная (истуканъ камчадальскій). *Бабка* (у лошадей). *Барская сныть. Баюнъ. Бродовщикъ. Бубенчикъ. Булыга. Буръ. Бѣлильня. Бѣлки. Бѣлолиственникъ. Бѣлохвостикъ. Бѣлкй.*

Вербейникъ. Весновальный. Веснованье. Ветютинъ. Вешнякъ. Взъемъ. Водяникъ. Волкодавъ. Волкъ (морское животное). *Волосень. Вощикъ. Выводъ. Вывязывать. Выкатка. Выпускъ. Выпушивать. Вырѣзубъ. Вѣтьви* (у оленьихъ роговъ). *Вязеница. Вязка* (ремень у камчадаловъ). *Вязка* (пукъ).

Галка (голышъ камень).

Гарпунъ (орудіе рыболовное).

Голецъ. Голованъ. Горохотка.

Горная дрема (трава). *Глубникъ. Гробокопатель* (Sylpha).

Гряда (мѣль въ рѣкахъ).

Дерненіе — обкладываніе дерномъ,

Діавольское укушеніе, трава, — scabiosa succisa.

Дурачокъ, птичка.

Душной мѣхъ — двойной раздувальный мѣхъ.

Желтокорень, трава, — statice tatarica.

Жигалка, насѣкомое, — ichneumon corpore nigro.

Жигалка, насѣкомое, — conops.

Жукъ — слитокъ чугуна.

Журавлиный Горохъ — vicia sativa.

Западинка — ямпнка надъ глазами у лошадей.

Заплечикъ (у доменной печи).

Запья трава. Запускъ, речен. рыболовн.

Заступить (переступить).

Засыпать, Засыпъ, Засыпщикъ (реч. на сибир. зав. употребляемыя).

Земленая сметана. Зерновое мѣсто. Зыбунъ.

Изголовь. Изгонъ.

Казенка. Кайко, родъ рыбы.

Камга. Калмыцкій ладанъ. Каменоломъ или *Каменоломная трава. Камлея. Клячуга. Колоша. Котляный.*

Кошка (мѣль).

Красикъ. Кровавникъ. Крутецъ.

Крутикъ (кладеный быкъ).

Крутъ. Кумызъ. Курень.

Лапки (родъ лыжъ).

Ласточка, рыба.

Ластица. Левикъ. Ломщикъ. Лѣсованье.

Мальма, рыба.

Махавка, мѣдница.

Морская пѣнка.

Набойка. Назубница. Напеженъ. Недоборъ. Недоростъ. Нерпа.

Носокъ (орудіе рыболовное).

Нѣмка, птица.

Обметъ, родъ сѣти.

Обманка, бленда.

Обминки — мелкій уголь.

Обыденышъ. Обѣрникъ. Объярь итальянская.

Объѣхать, речен. охотничье.

Овсянка, трава.

Оленный. Опушень. Отблескъ.

Отдавать, речен. кожевническое.

Отнога, подпора.

Отминое мыло. Отцвѣтъ.

Парха, платье казацкое.

Паркетный. Паровать.

Пеледь, рыба.

Перегресъ. Передникъ. Перепелятникъ. Перерубъ.

Перетяжка, расковка стали.

Пермянка, соль.

Пирушка, родъ чаекъ.

Плашка, ловушка на глухарей.

Пловъ. Повѣсмо. Поголубить. Подбашивать. Подлапный. Подрудокъ. Подходка. Покатъ. Покрутъ. Полуголь. Полицы. Полукормщикъ. Порѣчино. Походчикъ.

Похожій (говорится о товарахъ, во множествѣ раскупаемыхъ).

Поторчина. Прикрытъ. Прилукъ. Примочная оправа. Припрягъ. Присадистъ. Пріямокъ. Проварка. Провареный. Пропрѣвать. Протолчка. Пуповникъ. Пуховникъ. Путовая кость. Птичье гнѣздо. Пчелякъ.

Разводка рудъ. Раздѣльщикъ. Разносъ. Разсоша и *Разсошина. Разсворить. Разы. Раушка. Рослопесцы.*

Рябинка (растеніе).

Саба. Свѣтовое. Сезёмистый. Селеника. Серпуха. Селенитъ. Сиводушка. Сидячій. Сима. Скерда. Скрыпунъ, трава. *Сланецъ. Слань. Сладкая трава. Слѣпокурникъ. Слѣпокуръ. Слѣпышъ. Смѣтить. Совникъ. Сохатой звѣрь. Сполохи. Степушка. Степь. Степной хлѣбъ. Сурьма. Сухоцвѣтъ. Сушеница. Съѣздъ. Сѣровики. Сѣжа. Сѣрка. Сыротопъ.*

Талыкъ. Тарантулъ. Ѳевякъ. Торасъ. Тузлукъ. Турсукъ. Тырлыкъ. Тысячелистникъ.

Увѣчная трава. Угорокъ. Угористый. Уйка. Укрюкъ. Упромышленный. Устатокъ. Ухоронить.

Хиженіе. Хмелевать. Хохлуша.

Чавыча рыба.

Чай болотный. Чащина. Чеграва.

Чеканчикъ, птица. *Чеканъ. Чилижникъ*, ястребокъ.

Чинаръ.

Шняка, гребное судно.

Шуя.

Щелкунъ, насѣкомое.

Юкола, рыба.

Юрово, стадо сѣрокъ.

Ягель, трава.

Ястребина, трава.

Ѳомка, птица [128]).

По предложенію президента россійской академіи Нартова, желавшаго сколько возможно скорѣе приступить къ изданію ежемѣсячныхъ сочиненій учрежденъ (въ 1801 году) комитетъ, каждый членъ котораго долженъ былъ прочитывать у себя на дому съ строгою разборчивостью всѣ доставляемые въ академію сочиненія и переводы и представлять о нихъ письменныя замѣчанія [129]). Комитетъ составляли слѣдующіе члены россійской академіи:

Степанъ Яковлевичъ Румовскій.
Николай Яковлевичъ Озерецкій.
Василій Михайловичъ Севергинъ.
ГрафъДмитрій Ивановичъ Хвостовъ.
Иванъ Степановичъ Рижскій.
Александръ Сергѣевичъ Никольскій.
Дмитрій Михайловичъ Соколовъ.
Петръ Ивановичъ Соколовъ.

Севергинъ участвовалъ, какъ мы видѣли, въ разсмотрѣніи сочиненій, ежегодно поступавшихъ въ академію въ отвѣтъ на предлагаемыя ею задачи, а равно и представляемыхъ въ ученое собраніе по другому какому-либо поводу. Онъ разсматривалъ: по-

хвальныя слова: Петру Великому, Ивану IV, Минину и Пожарскому — неизвѣстныхъ авторовъ; пространное поле — всеобщій историческій оригинальный словарь, Алексѣева; рѣчь Мальгина о необходимомъ союзѣ разума и природныхъ дарованій съ науками, и т. д. [130]).

Неудачная попытка Алексѣева, составить энциклопедическій словарь вызвала со стороны Севергина такого рода замѣчанія:

«Отдавая всю справедливость трудолюбію г. сочинителя, старавшагося описать азбучнымъ порядкомъ различные предметы естественной исторіи, физики, химіи, математики, исторіи, географіи и пр., признаться должно, что г. сочинитель трудомъ своимъ болѣе можетъ привести въ заблужденіе, нежели доставить настоящее поученіе и пользу. Ибо сочиненіе его не только написано неяснымъ и невразумительнымъ слогомъ; но и содержитъ въ себѣ неполныя и даже ложныя понятія о тѣхъ вещахъ, кои описываетъ, чему можетъ служитъ доказательствомъ слѣдующее.

Авантуринъ. стр. 37. Авантурины натуральные полагаемы быть должны между *блестящими* (chatoyans) камнями—вмѣсто: *отливающими*.

Агатъ. стр. 74. Агаты — прекрасные полупрозрачные дорогіе каменья, которые тверже и глаже ясписовъ или яшмы — такихъ камней много.

Ихъ (агаты) всегда находятъ въ *уединеныхъ* кускахъ — вмѣсто: *отдѣльныхъ*.

стр. 75. Восточный агатъ бѣлесоватъ или лучше сказать не имѣетъ никакаго цвѣту, *поелику* когда онъ испещренъ какимъ либо цвѣтомъ, то не удерживаетъ болѣе имени агата — не явное ли противорѣчіе?

стр. 76. Если онъ (агатъ) цвѣту померанцоваго или нѣсколько темнаго розоваго, то называется *сердоликомъ* — сердоликъ и агатъ суть два камня разнаго рода.

стр. 80. Главный цвѣтъ зависитъ отъ виду агата — сіе непонятно; развѣ отъ разнаго смѣшенія каменныхъ породъ, его составляющихъ.

стр. 82. Если хотѣлъ начертить на агатѣ пристойную *округлость*, (что ето значитъ?) правильныя изображенія, то всего лучше взять его въ растворѣ съ серебромъ, и перомъ проводить чертежи, сдѣланные булавкою. — Кто ето пойметъ? — вмѣсто: проводить по немъ черты или писать перомъ, обмоченнымъ въ растворъ серебра въ селитряной кислотѣ.

стр. 84. Агатъ *ростомъ* столь великъ. — вмѣсто: агатъ бываетъ такой величины, что и пр.

Англинская соль. стр. 125. Изобрѣлъ составленіе ея сначала докторъ Ганкевичъ, одинъ аглинской врачъ, изъ остатковъ при дистиляціи купароснаго масла и *муріи*, т. е. поваренной соли — но изъ сего выдетъ не аглинская, а извѣстная Глауберова соль.

Аквамариновой хрусталь (стр. 207). Опредѣленіе: изящной доброты попадается въ россійскомъ государствѣ на рѣкѣ Ононѣ. — Кто изъ сего пойметъ, что ето за камень, ибо на рѣкѣ Ононѣ много попадается камней изящной доброты. Кажется, что извѣстной сей камень могъ бы быть точнѣе описанъ.

Аконтіясъ (стр. 211) есть змѣя, которая называется также змѣя, которая на людей бросается, и летучая змѣя, по причинѣ проворства и пр. — что ето значитъ?

Алебастръ. стр. 226. Алебастръ, который почитаютъ за видъ капельника, не столько способенъ принимать политуру, какъ тотъ, которой изъ роду мраморовъ. — Нѣтъ алебастра изъ роду мраморовъ, а капельники алебастровые бываютъ.

стр. 227. Его (алебастръ) употребляютъ для дѣланія изразцовъ для печей. — Гдѣ ето слыхано? Алебастръ отъ жару превращается въ рыхлой порошокъ.

стр. 229. Алебастръ имѣетъ свои виды: гипсъ, селенитъ, колотичной или амазонской камень, и фосфорической алебастръ. — Въ первыхъ двухъ самъ себѣ противурѣчитъ, называя алебастръ родомъ мрамора, а послѣдніе два камня совсѣмъ особаго рода. — Можно ли въ 1793 году такъ ошибаться?

Алкалическая соль. стр. 254. Г. Бернардъ де Жусье открылъ,

что соляная сія матерія есть превосходное лѣкарство отъ угрызенія змѣи ехидны, излѣченіемъ совершенно сія опоснѣйшія раны у одного изъ его друзей при помощи Лукійской воды. — Есть ли ето опредѣленіе? вмѣсто: Алкалическая соль есть соль собственнаго рода, имѣющая щелочной вкусъ, окрашивающая синіе соки растеній зеленымъ цвѣтомъ, съ кислотами удобно соединяющаяся и составляющая съ ними среднія соли и пр.

Алмазъ стр. 271. восточные алмазы гораздо крѣпче и *игривѣе* западныхъ — вмѣсто: имѣютъ болѣе блеску.

Алхимія (стр. 289) есть въ высочайшемъ степени химія — что ето значитъ?

Амальгама, стр. 298. Всякая амальгама дѣлается отъ растоплятельнаго огня мягка, а какъ простынетъ, то дѣлается опять тверда — не всякой ли металлъ отъ растоплятельнаго огня дѣлается мягкимъ, а какъ простынетъ, то бываетъ твердъ?

Аміантъ. стр. 331. Г. Соссюръ имѣетъ нитку хрусталя весьма достаточну; въ ней видна нить аміанта — никогда неслыхано, чтобъ горной хрусталь (которой здѣсь разумѣется) попадался въ видѣ нитки.

Анбары (стр. 406) раздѣляются обыкновенно, судя по тѣмъ предметамъ или вещамъ, которыя для сохраненія въ оныя полагаются: (читатель будетъ ожидать здѣсь систематическаго ихъ раздѣленія, но вмѣсто того слѣдуетъ): 1., первые пеньковые были анбары на выборгской сторонѣ, которые сгорѣли; 2., подлѣ сихъ анбаровъ были другіе анбары, которые сгорѣли, и пр. и пр.

Антикваріусъ. стр. 470. Сей чинъ придворный отвѣчаетъ противъ статскихъ чиновъ и военныхъ въ 14-мъ классѣ состоящихъ — откуда сіе почерпнуто, не извѣстно.

Армянской камень. стр. 640. Такъ называется камень весьма хорошій лазуревый, которой находится въ горахъ около Байкала. — Лазуревыхъ камней много; а около Байкала находится полевой шпатъ съ кварцомъ лазуреваго цвѣта.

Аврипигментъ стр. 769. Подъ симъ именемъ разумѣется краска самородная, которая въ Россію приходитъ моремъ изъ

Гамбурга и Амстердама. — Можно ли изъ сего угадать, что ето за краска? вмѣсто: аврипигментъ есть желтая краска, составляемая изъ 10 частей мышьяку и одной части сѣры.

Таковыя и подобныя замѣчанія полезнѣе бы были, нежели слѣдующее объ *андронахъ* (стр. 455) что система ихъ заблужденія состоитъ въ томъ, что женскаго пола вышшая часть есть будто бы твореніе Божіе, а нижшая твореніе діявольское!!!

Вмѣсто слова *антраша*, полезнѣе бы было опредѣлить слова: *атмосфера*, *амоновъ рогъ* и подобные, а коихъ здѣсь совсемъ не упомянуто.

Науки никогда не принесутъ пользы въ отечествѣ, и никогда не будутъ въ должномъ уваженіи, ежели позволено будетъ подобнымъ творцамъ приниматься не за свое дѣло» [131]).

О сочиненіяхъ, представленныхъ въ академію для соисканія наградъ Севергинъ далъ слѣдующій отзывъ:

— 1. Похвальное слово Іоанну IV подъ № 4 незаслуживаетъ опредѣленнаго награжденія, какъ для находящихся въ немъ неприличныхъ похвальному слову выраженій, такъ и для множества, и притомъ безъ нужды употребленныхъ иностранныхъ словъ, каковы суть: Коммерція, Дисциплина, Декорація, Дипломатической корпусъ, Фанатизмъ, Когорты, Границы, Референдарій, Екипажъ, Продукты, Нація, Свита, Интересные акты, Артикулы, Операція. и пр. Къ неприличнымъ же для похвальнаго слова выраженіямъ принадлежатъ:

природа скупа. —
привязалъ къ себѣ. —
займется обязанностію. —
открылъ Россіанамъ глаза. —
знакомитъ съ иностранцами. —
оставитъ въ нерѣшимости. —
былъ въ особенной милости у государя. —
озаботило Іоанна чрезмѣрно. —
наживаться въ Россіи. —
удержать въ границахъ почтенія. — Также:

при овладѣніи уже Казани и Астрахани сіи враги по алчности единственно корыстей и пр. и пр.

2. Похвальное слово ему же, царю Іоанну Васильевичу IV, подъ № 8, также не заслуживаетъ опредѣленнаго награжденія, потому что хотя не содержитъ въ себѣ иностранныхъ словъ, подобно первому, но заключаетъ въ себѣ выраженія, похвальному слову неприличныя, часто низкія, безъ краснорѣчія, безъ всякой важности слога. Самое начало онаго показываетъ, что оно писано безъ вкуса, а именно:

«Ежели кому другимъ, то намъ наипаче ощутительнѣйшимъ образомъ можно понимать, какъ то слава царей есть слава и блаженство ихъ царствъ и пр.

Наконецъ содержитъ оно въ себѣ также излишнее накопленіе словъ, какъ то государства и имперіи, государь и государыня, и пр.; сверхъ того слова: сынове россіистіи, и тому подобныя, дѣлаютъ оное мѣстами болѣе похожимъ на проповѣди, нежели на похвальное слово.

3. Похвальное слово Петру Великому, подъ № 5, также не заслуживаетъ опредѣленнаго награжденія, потому что хотя не содержитъ въ себѣ иностранныхъ словъ; но слогъ его не соотвѣтствуетъ важности слога, похвальному слову приличнаго, часто низокъ, а самое расположеніе слова не довольно имѣетъ порядка, величайшія дѣла Петровы изображены слабо и едва упомянуты. Въ доказательство всему вышеписанному послужатъ слѣдующія мѣста:

позволительно сказать. —

окинемъ взоромъ. —

предъ прочими тутъ же имперіями и государствами. —

непомышляли, что слабый барабанщикъ сдѣлался вождемъ непобѣдимымъ. —

преображенское уединеніе. —

знакомиться. —

толико незначуще умозрѣніе маститой старости предъ мудростію и проницаніемъ юнаго государя. — При концѣ:

Мы упомянули здѣсь о *кратковременномъ царствованіи* Петра Великаго и уповаемъ, что уже оправдали мнѣніе наше, поелику *въ слѣдъ за тѣмъ* упомянули о неисчетномъ множествѣ неусыпныхъ и геройскихъ подвиговъ государя сего, совершенныхъ въ царствованіи только *сорока трехъ лѣтъ*.

Сочинитель начинаетъ слово свое сими словами: «Самое высокое краснорѣчіе было бы ниже того предмета, о коемъ съ вами бесѣдовать намѣренъ».

Мысль сія кажется мнѣ несправедлива, ибо истинное высокое краснорѣчіе не можетъ быть ниже того предмета, о коемъ вѣщаетъ, а паче цвѣтами своими предаетъ потомству въ большемъ блескѣ подвиги великихъ ироевъ.

4) О похвальномъ словѣ Минину и Пожарскому, подъ № 3, ничего сказать не смѣю. Видно, что оно есть подражаніе похвальному слову Томаса Марку Аврелію, и что писано въ драматическомъ родѣ, о коемъ прочіе г. члены комитета лучше меня судить могутъ [132]).

Длинный рядъ засѣданій академія посвящала, въ разные періоды, чтенію трудовъ Севергина, его сочиненій и переводовъ, а также и матеріаловъ, сообщаемыхъ имъ для академическаго словаря. Собранія, посвященныя разсмотрѣнію массы словъ, доставленныхъ Севергинымъ, въ 1823 году, были послѣдними, въ которыхъ онъ принималъ участіе. Съ тѣхъ поръ не встрѣчается въ запискахъ академіи этого почтеннаго имени. Только разъ упоминается оно, но не въ извѣстіи о трудахъ, какъ бывало обыкновенно втеченіе многихъ лѣтъ, а въ печальномъ заявленіи о кончинѣ труженика, ревностно послужившаго наукѣ, внесшаго весьма важные вклады въ русскую научную литературу, и много сдѣлавшаго для распространенія знаній въ Россіи. Въ собраніи россійской академіи 4 декабря 1826 года заявлено о смерти двухъ за-

мѣчательныхъ людей своего времени: академика В. М. Севергина и митрополита римско-католическихъ церквей въ Россіи Сестренцевича-Богуша, автора исторіи о Тавріи; изслѣдованія о происхожденіи русскаго народа, и другихъ сочиненій[133]). Севергинъ умеръ 18 ноября 1826 года. Онъ похороненъ на смоленскомъ кладбищѣ[134]).

При жизни своей Севергинъ видѣлъ много доказательствъ сочувствія и уваженія къ своей просвѣщенной, неутомимой и общеполезной дѣятельности. Университеты и ученыя общества, русскія и иностранныя, признавали научныя заслуги Севергина; имя его встрѣчается въ числѣ членовъ различныхъ ученыхъ обществъ въ Россіи, Германіи, Швеціи, Англіи, Шотландіи.

Первые учено-литературные труды Севергина обратили на молодаго автора вниманіе образованнѣйшей части русскаго общества. Начальныя основанія естественной исторіи, переведенныя Севериным и изданныя въ 1791 году, представлены были княгинею Дашковою Екатеринѣ II, и Севергинъ получилъ въ награду золотую табакерку и сто червонныхъ. Награда, дарованная императрицею адъюнкту академіи Севергину, должна была служить поощреніемъ и для другихъ академическихъ питомцевъ,— чтобы каждый изъ нихъ, стараясь достигать дальнѣйшихъ успѣховъ, усердно трудился въ похвалу себѣ и для чести академіи[135]).

Севергинъ былъ членомъ пятнадцати ученыхъ обществъ и учрежденій, русскихъ и иностранныхъ, а именно: минералогическаго общества въ Петербургѣ; физико-медицинскаго общества въ Москвѣ; общества естествоиспытателей въ Москвѣ; фармацевтическаго общества въ Петербургѣ; вольнаго экономическаго общества; медико-хирургической академіи; московскаго и виленскаго университетовъ; академіи наукъ и россійской академіи; минералогическаго общества въ Іенѣ; общества естественныхъ наукъ въ Ганау; стокгольмской академіи; общества земледѣлія въ Лондонѣ и общества натуральной исторіи въ Эдинбургѣ.

А. А. БАРСОВЪ.

Первоначальная судьба.—Академическій университетъ.—Дѣятельность въ московскомъ университетѣ.—Избраніе въ члены россійской академіи.—Литературные труды.—Рѣчи.—Русская грамматика.

I.

Къ старѣйшему поколѣнію русскихъ ученыхъ, избранныхъ въ члены россійской академіи, принадлежитъ профессоръ московскаго университета Антонъ Алексѣевичъ Барсовъ (1730—1791), питомецъ академіи наукъ, ученикъ Ломоносова и Тредьяковскаго, и товарищъ Румовскаго по академическому университету [136]).

Въ самомъ раннемъ дѣтствѣ Барсовъ лишился отца, павшаго жертвою того порядка вещей, который надѣлалъ столько бѣдъ Россіи и русскому народу въ печальныя времена бироновщины. Отецъ Барсова, Алексѣй Кириловичъ, былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, принималъ участіе въ литературѣ, и трудился на педагогическомъ поприщѣ. Онъ былъ преемникомъ ученаго Скіады въ преподаваніи еллино-греческаго языка въ греческой школѣ спасскаго училищнаго монастыря. Весьма почетною и «ученою» считалась тогда должность директора московской синодальной типографіи, и она возложена была на ученаго Барсова. Выборъ этотъ объясняется въ современномъ избранію офиціальномъ актѣ такимъ образомъ: «Барсовъ—человѣкъ состоянія по усмотрѣнію видится добраго, и подозрѣнія на него и понынѣ никакого не является, и дѣло по типографіи, къ директорскому управленію принадлежащее, понести можетъ». На этомъ основаніи учитель еллиногреческой школы Барсовъ опредѣленъ директоромъ типографіи на мѣсто умершаго Ѳедора Поликарпова [137]). Барсову, какъ человѣку ученому и преподавателю греческаго языка, поручали переводить на русскій языкъ патріаршія грамоты и другія дѣла по сношенію Россіи съ Греціей. Онъ участвовалъ въ трудѣ чрезвычайно важномъ, требовавшемъ большаго умѣнья и основательнаго знанія—въ исправленіи

славянскаго перевода библіи. По волѣ и по личному указанію Петра Великаго, Барсовъ перевелъ съ греческаго языка на русскій книгу Аполлодора о родословіи языческихъ боговъ.

Недолго пришлось Барсову управлять синодальною типографіею. Его потребовали въ тайную разыскныхъ дѣлъ канцелярію, и справщики московской типографіи заявили передъ синодальнымъ собраніемъ, что въ августѣ 1732 года директоръ типографіи Барсовъ взятъ изъ тайной канцеляріи подъ карауломъ въ Петербургъ[188]). Какая же причина такого несчастія, постигшаго скромнаго труженика, непринимавшаго никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ? Вся вина его состояла, какъ оказалась, въ томъ, что онъ далъ изъ типографіи шрифтъ для набора книги религіознаго содержанія; прочиталъ нѣсколько страницъ рукописной біографіи Ѳеофана, и имѣлъ у себѣ повѣсть объ иконѣ Спасителя, бывшей у царя Мануила. Въ рукописной біографіи свойства Ѳеофана Прокоповича изображались въ непривлекательномъ свѣтѣ; въ повѣсти описывался гнѣвъ Божій, постигшій царя Мануила за присвоеніе имъ права судить и казнить духовныхъ. На вопросъ, откуда и для чего Барсовъ взялъ эту повѣсть, онъ отвѣчалъ, что откуда получилъ не помнитъ, а «имѣлъ ее запросто». Тетради о жизни Ѳеофана взялъ у знакомаго, полагая, что въ нихъ находится какая-нибудь курьезная исторія; но начавши читать, замѣтилъ, что дѣло неладно, что тетради написаны въ поношеніе Ѳеофану, и сейчасъ же изодралъ ихъ «спроста» въ мелкіе куски, и выбросилъ. Шрифтъ выданъ Барсовымъ изъ типографіи для напечатанія книги Рибейры противъ Буддея и въ защиту Стефана Яворскаго. Буддей, извѣстный протестантскій богословъ, которому особенно сочувствовалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, написалъ книгу противъ знаменитаго произведенія Стефана Яворскаго, изданнаго подъ названіемъ: «Камень вѣры»; Рибейра, доминиканецъ при испанскомъ послѣ въ Петербургѣ, написалъ сочиненіе противъ книги Будея и въ защиту Камня вѣры Стефана Яворскаго. Подозрѣвали, что и Буддей и Рибейра — псевдонимы, за которыми скрывались русскіе авторы, представители двухъ враж-

дебныхъ направленій. Во главѣ одного изъ нихъ стоялъ Өеофанъ Прокоповичъ. Нельзя не сожалѣть, что Өеофанъ Прокоповичъ, человѣкъ поистинѣ геніальный, запятналъ себя участіемъ въ дѣйствіяхъ тайной разыскной канцеляріи, направляя ея преслѣдованія на своихъ литературныхъ враговъ и на ихъ приверженцевъ и единомышленниковъ. Оставаясь, въ былыя времена, непоколебимымъ и недоступнымъ для приманокъ римской куріи, смѣло разорвавши сѣти, необыкновенно искусно сплетенныя іезуитами, Өеофанъ не обнаружилъ такой же твердости впослѣдствіи. Увлеченный злобою и отчасти примѣровъ того, что творилось тогда въ средѣ временщиковъ, враждебныхъ Россіи и по происхожденію и по стремленіямъ, онъ умышленно придавалъ литературной и богословской полемикѣ самый острый характеръ, задѣвая заживо людей, руководившихъ розысками тайной канцеляріи. То̀, что̀ говорилось въ защиту православія противъ протестантскихъ, чисто богословскихъ, понятій, выдавалось противною партіею за оскорбленіе властей, за тяжкую обиду иностранцамъ, занимавшимъ въ русской администраціи самыя видныя мѣста. Неслыханною дерзостью со стороны русскаго автора считали то, что онъ назвалъ иностранцевъ въ русской службѣ *человѣчками* или *людишками*, забывая, что эти людишки почтены высокими рангами. При такомъ положеніи вещей весьма понятно, что взятые въ тайную канцелярію Барсовъ и его товарищи «тужили, что не хорошо имъ будетъ». И долго тужилъ и томился Барсовъ въ своей тяжкой неволѣ; его держали въ заточеніи, допрашивали накрѣпко, дѣлали очныя ставки, и т. п. Конецъ испытаньямъ положила только смерть Барсова, послѣдовавшая четыре года спустя послѣ взятія его въ тайную канцелярію. Находившійся на караулѣ при канцеляріи подпоручикъ лейбгвардіи преображенскаго полка Бехтѣевъ донесъ тайной канцеляріи, что 22 мая 1736 года «волею Божіею колодникъ Алексѣй Барсовъ умре»[139]).

Осиротѣвшій, благодаря тайной канцеляріи, еще при жизни отца, восьмилѣтній Антонъ Барсовъ отданъ былъ, въ 1738 го-

ду, въ славяно-греко-латинскую академію, въ низшую школу. Академія состояла тогда изъ цѣлаго ряда школъ или классовъ, вслѣдствіе чего нерѣдко бывали примѣры, что оканчивали курсъ чуть не сорока лѣтъ отъ роду. Въ 1745 году Барсовъ былъ въ школѣ піитики, и въ отчетѣ академіи говорится о немъ: «обученъ синтаксимы; обучается піитики; понятенъ». Въ отчетѣ за 1747 годъ сказано: школы риторики—Антонъ Барсовъ, московской типографіи умершаго директора Алексѣя Барсова сынъ; опредѣленъ въ школу 1738 года; обучился піитикѣ; обучается риторикѣ; понятенъ [140]).

Въ 1748 году, по волѣ императрицы Елисаветы Петровны, потребованы были въ академію наукъ изъ разныхъ училищъ тридцать учениковъ, способныхъ и знающихъ латинскій языкъ. На долю московской славяно-греко-латинской академіи приходилось десять учениковъ, для выбора которыхъ пріѣзжалъ въ Москву академикъ Тредьяковскій. Въ числѣ выбранныхъ Тредьяковскимъ находился и студентъ школы философіи Антонъ Барсовъ. Въ донесеніи Тредьяковскаго въ канцелярію академіи наукъ 24 марта 1748 года и въ собственноручной росписи его выбраннымъ въ Москвѣ студентамъ перваго отпуска значится: «Изъ философіи — Антонъ Алексѣевъ сынъ Барсовъ, москвитинъ, московскія типографіи справщиковъ сынъ; отроду ему девятнадцать лѣтъ. Сей уволенъ остаться въ Москвѣ для крайнія его нужды, а долженъ онъ явиться въ академію на срокъ, именно жъ апрѣля 30 сего 1748 года, на своихъ подводахъ.... Далъ мнѣ подписку, чтобъ явиться на срокъ въ академіи. А живетъ онъ въ Москвѣ, въ домѣ преосвященнаго крутицкаго, и имѣетъ быть отправленъ къ сроку имъ самимъ». Приводимъ сохранившуюся въ архивѣ подписку, данную Барсовымъ Тредьяковскому: «1748 году марта 23. Понеже я, ниже имянованый, ѡтъ прочихъ, изъ московской академіи въ санктпетербургскую академію выбранныхъ студентовъ, ѡстаться въ Москвѣ имѣю благословную вину, а имяннѡ, что сестра моя родная ѡбрѣтается нынѣ въ тяжкой болѣзни при смерти, которая ежели усмотритъ мой такъ скорый и нечаянный ѡтъѣздъ,

ѿтъ великой болѣзни и большой печали прежде времене умереть принуждена будетъ. Тогѡ ради: санктпетербургской императорской академіи наукъ господину профессору елоквенціи Василію Кѵрілловичу егѡ благородію Тредіаковскому далъ я сію подписку въ томъ: что явится мнѣ въ ѡзначенной санктпетербургской академіи наукъ сегѡ же 1748 году апрѣля 30 д., и то на собственныхъ подводахъ. А подъемныхъ восемь рублевъ ѿтъ его благородія господина Тредіаковскаго принялъ га сего марта 22 д. Къ сей подпискѣ Антоній Барсовъ руку приложилъ». Сверхъ болѣзни сестры, болѣзнь самого Барсова не позволила ему явиться въ назначенный срокъ, и онъ прибылъ въ Петербургъ нѣсколько позднѣе, именно 14 мая 1748 года. О пріѣздѣ своемъ онъ въ тотъ же день донесъ канцеляріи академіи наукъ [141]).

II.

Съ 1748 года по 1753 годъ Барсовъ былъ студентомъ академическаго университета, и, по единодушному отзыву всѣхъ профессоровъ за все это время, вполнѣ оправдалъ счастливый выборъ Тредіаковскаго. Математикъ Рихманъ свидѣтельствовалъ, что Барсовъ оказываетъ блестящіе успѣхи, и представляетъ рѣдкій образецъ математическаго дарованія и трудолюбія. Профессоръ исторіи Фишеръ и профессоръ древностей Крузіусъ говорятъ о Барсовѣ съ такою же похвалою и въ такихъ же почти выраженіяхъ, какъ и Рихманъ. Тредіаковскій считалъ Барсова первымъ изъ первыхъ между своими слушателями, составлявшихъ образцовую роту (ordo primipilorum) мирныхъ воиновъ на научномъ поприщѣ—по затѣйливому измышленію профессора элоквенціи [142]). Наблюдавшій за поведеніемъ учащихся инспекторъ студентовъ, академикъ Фишеръ замѣчаетъ: «Антонъ Барсовъ ведетъ себя честно; добрыхъ совѣтовъ слушается». Академикъ Миллеръ, въ представленіи своемъ въ канцелярію академіи наукъ, говоритъ: «Антонъ Барсовъ ходилъ на всѣ лекціи, и равномѣрно прилежалъ ко всѣмъ наукамъ, какъ къ математическимъ и философическимъ,

такъ и къ гуманіорамъ. На большую часть вопросовъ онъ довольно отвѣчалъ. Понятіе преизрядное. Въ прилежаніи своемъ никому не уступаетъ. Ежели онъ уволенъ будетъ отъ обученія въ гимназіи учениковъ, то онъ большее радѣніе къ наукамъ обѣщаетъ»[143]).

Но оказалось, что преподаваніе въ гимназіи вовсе не было такою помѣхою для научныхъ занятій, и суть дѣла заключалось собственно въ томъ, что студентамъ приходилось трудиться безъ вознагражденія. По крайней мѣрѣ съ устраненіемъ этого обстоятельства измѣнили свой взглядъ и студенты-преподаватели, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго прошенія, поданнаго Барсовымъ академику Фишеру: «Благородный господинъ профессоръ и гимназіи ректоръ. Сего 1750 года просилъ я канцелярію академіи наукъ, такожъ и ваше благородіе, о увольненіи меня отъ должности учительской въ гимназіи. Однакожъ, понеже я нынѣ правило соединенія и правило фальшивое, которыя главнымъ препятствіемъ въ собственномъ моемъ ученіи были, и меня къ оному прошенію принудили, съ нѣкоторыми учениками прошелъ, а впредь оныхъ правилъ обучать за непотребно разсуждено, для того что оныя въ алгебрѣ способнѣе и лучше предавать можно. Того ради я оную должность за отягченіе себѣ болѣе не признаваю. Наипаче же для того отрещися отъ оной не хочу, что нѣкоторыхъ учениковъ я уже почти къ самому концу ариѳметики привелъ, такъ что ихъ очень не въ долгомъ времени можно будетъ въ геометрическій классъ перевесть. И такъ, по отреченіи моемъ, иной кто плодами трудовъ моихъ напрасно будетъ пользоваться. Къ томужъ, какъ нынѣ канцелярія академіи наукъ обучать желающимъ въ гимназіи учениковъ студентамъ обѣщала награжденіе учинить прибавкою жалованья, и впредь милостію своею особливо обнадежить изволила: то я, отрицаясь отъ должности, уже въ рукахъ моихъ обрѣтающейся, отвергалъ бы милость канцеляріи академіи наукъ, чего безъ порока учинить не можно. И такъ оную должность на себя примаю добровольно. Вашего благородія всепокорный слуга Антонъ Барсовъ. 1750 году, мая 21 дня»[144]).

По свидѣтельству Ломоносова, Рихмана и другихъ академиковъ, производившихъ испытаніе студентамъ въ 1751 году, Антонъ Барсовъ «въ физикѣ и математикѣ оказалъ непостыдные успѣхи; въ словесныхъ наукахъ и въ философіи изъ самыхъ лучшихъ; охоту имѣетъ къ словеснымъ и философскимъ наукамъ, въ которыхъ должно ему упражняться такимъ образомъ, чтобъ главное его дѣло была философія». Барсову велѣно было слушать философію у академика Брауна, и словесныя науки у академика Фишера. Нѣсколько лѣтъ Барсовъ слушалъ эти предметы, и наставники его съ большою похвалою отзывались о его философскихъ диспутахъ и литературныхъ занятіяхъ, предсказывая, что изъ него выйдетъ замѣчательный ораторъ и мыслитель. Академикъ-профессоръ Фишеръ говоритъ: «Студентамъ: Барсову, Поповскому и Яремскому не могу отказать въ справедливомъ аттестатѣ, что они сочиненіемъ своихъ піэсовъ много меня удовольствовали, и во всѣхъ (in allen ştücken) добрая прозорливость, выборъ, разбираніе (discernement), порядокъ и здравая разсудительная сила явствуетъ, такъ что изъ нынѣшнихъ успѣховъ справедливо заключить можно, что будутъ они впредь хорошіе ораторы и философы. Также и штиль ихъ не презрѣтеленъ (nicht zu verachten), ибо они, выключая немногіе пассажи, предложенному автору по большой части счастливо подражали, и мысли свои пристойными словами изображали. Вообще они въ латинскомъ языкѣ нарочито сильны, и о всѣхъ дѣлахъ, имъ знаемыхъ, могутъ свободно и хорошо говорить, и каждаго автора (выключая нѣкоторыя трудныя мѣста, къ изъясненію которыхъ требуются другіе способы) нарочито разумѣютъ. Сверхъ того вышеозначенные три студента говорили при случаѣ своего сочиненія рѣчи съ доброю похвалою. Наконецъ они и въ латинскомъ стихотворствѣ хорошо упражнялись, и знаютъ всѣ роды стиховъ, чему и имѣютъ пробу своего сочиненія. Но ежели между студентами учинить сравненіе, то объявляю, что Барсовъ очень остроуменъ, и легко нѣчто примѣтить, понять и выдумать можетъ. Онъ какъ въ словесныхъ наукахъ, такъ и въ философіи съ равною добротою упражнялся,

и думаю, что онъ въ каждой другой наукѣ, а именно къ которой онъ охоту имѣетъ, современемъ превзойти можетъ, и т. д. [145]).

Въ декабрѣ 1753 года Барсовъ произведенъ въ магистры. Въ званіи магистра онъ обязанъ былъ слушать лекціи философіи, обучаться живымъ языкамъ, и заниматься переводомъ ученыхъ сочиненій, которыхъ на русскомъ языкѣ немного [146]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ читалъ лекціи математики въ академическомъ университетѣ. Барсовъ оставался при академіи наукъ до начала 1755 года, т. е. до того времени, когда онъ покинулъ Петербургъ, и переселился навсегда въ Москву.

Дальнѣйшая судьба Барсова тѣсно связана съ исторіею московскаго университета. При самомъ учрежденіи университета Ив. Ив. Шуваловъ обратился къ президенту академіи наукъ графу Разумовскому съ просьбою прислать трехъ магистровъ: Поповскаго, Барсова и Яремскаго, для занятія учительскихъ мѣстъ въ гимназіи. Лица эти названы Шуваловымъ по указанію Теплова. Разумовскій считалъ потерею для академіи наукъ уступку трехъ лучшихъ ея питомцовъ, но полагая, что для новаго университета они еще нужнѣе, нежели для академіи, онъ отправилъ ихъ къ Шувалову въ надеждѣ, что московскій университетъ рано или поздно отблагодаритъ академію наукъ, и въ свою очередь дастъ ей живыя силы для выполненія ея ученыхъ и просвѣтительныхъ цѣлей [147]).

III.

Со времени основанія московскаго университета и до 1761 года Барсовъ преподавалъ математику. Изъ обширной области наукъ математическихъ на долю его приходилось преподаваніе чистой математики, и преимущественно алгебры. Для приготовленія студентовъ къ изученію физики и медицины признано было необходимымъ чтеніе лекцій по механикѣ и по другимъ отраслямъ прикладной математики. Конференція университета избрала для чтенія этихъ лекцій Барсова, какъ молодаго ученаго, заслужившаго общее

вниманіе своими умственными и нравственными свойствами—sujet très recommandable à cause de son savoir, de sa modestie, de sa sobriété, de sa sagesse et de mille autres bonnes qualités. Впрочемъ Барсовъ не принялъ на себя преподаванія прикладной математики. Тогда же конференція ходатайствовала о назначеніи его экстраординарнымъ или даже ординарнымъ профессоромъ математики. Черезъ нѣсколько времени конференція снова просила возвести Барсова въ званіе профессора; но просьба ея была исполнена очень нескоро — при переходѣ Барсова на новую каѳедру [148]).

Въ 1761 году Барсовъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ русской словесности или, какъ называли тогда, краснорѣчія. Названіе это, данное уставомъ 1755 года, удержано и уставомъ русскихъ университетовъ 1804 года, по которому въ отдѣленіи словесныхъ наукъ полагалась каѳедра краснорѣчія, стихотворства и россійскаго языка. Только въ уставѣ 1835 года она названа каѳедрою россійской словесности и исторіи русской литературы.

Во времена Барсова вступленіе въ должность профессора происходило съ особенною торжественностью. Кураторы университета объявляли во всеобщее свѣдѣніе о днѣ и часѣ открытія курса, и на вступительную лекцію или рѣчь приглашали «всѣхъ жителей пространнаго града, начальниковъ и членовъ университетскихъ и прочихъ чиновъ наукъ и ученыхъ людей патроновъ и благодѣтелей» [149]). На первую лекцію Барсова разослано было, въ январѣ 1761 года, приглашеніе слѣдующаго содержанія: «Когда его превосходительство, ея императорскаго величества генералъ-маіоръ, императорскаго московскаго университета кураторъ Ѳеодоръ Павловичъ Веселовскій, начатіе сея своея при императорскомъ университетѣ должности учинить оказаніемъ разныхъ благодѣяній, и между прочими на оставшее послѣ покойнаго профессора *элоквенціи* господина Поповскаго праздное мѣсто *публичнымъ и ординарнымъ профессоромъ* опредѣлить за благо разсудилъ обрѣтающагося при ономъ университетѣ *философіи и сво-*

бодныхъ наукъ магистра Антона Барсова, ко вступленію котораго въ сей новопожалованный ему чинъ публичнымъ образомъ назначено сего генваря 31 число: то императорскій московскій университетъ за должность свою почитаетъ чрезъ сіе всѣхъ любителей наукъ и усердствователей ученія просить и приглашать къ слушанію рѣчи, которую при семъ случаѣ помянутый профессоръ Барсовъ, въ большой университетской аудиторіи, на россійскомъ языкѣ имѣть будетъ,— *о употребленіи краснорѣчія въ россійской имперіи»*[150]).

Втеченіе тридцати лѣтъ, до самой смерти своей, Барсовъ занималъ каѳедру словесности въ московскомъ университетѣ. По тогдашнимъ литературнымъ понятіямъ средоточіемъ словесныхъ наукъ считалась риторика, и въ кругъ преподаванія Барсова ежегодно входила риторика, которую онъ излагалъ постоянно по одному и тому же образцу, именно по руководству Эрнести. При открытіи своего курса, въ 1761 году, Барсовъ заявилъ, что будетъ читать риторику по Эрнести — tradet praecepta rhetorica ad ductum Ernesti. Въ послѣднемъ, вышедшемъ при жизни Барсова, объявленіи о лекціяхъ, въ 1791 году, сказано, что онъ въ преподаваніи риторики попрежнему слѣдовать будетъ Эрнесту. Тотъ же неизбѣжный Эрнестъ или Эрнестій упоминается во всѣхъ уцѣлѣвшихъ извѣстіяхъ о лекціяхъ московскаго университета съ 1761 по 1791 годъ. Только однажды упоминается другое руководство, избранное впрочемъ по случайному обстоятельству. Руководство это — весьма извѣстная въ свое время риторика *Вратиславская*, т. е. изданная въ *Бреславлѣ* — elementa oratoria, *Wratislaviae* edita; Барсовъ объявилъ, что будетъ излагать риторику, слѣдуя «Бреславскимъ основаніямъ краснорѣчія» — ad ductum Elementorum Wratislaviensium.

Эрнести (Joh. Aug. Ernesti, 1707—1781), профессоръ древней литературы, краснорѣчія и богословія въ лейпцигскомъ университетѣ, славился въ ученомъ мірѣ своими обширными знаніями въ древней классической литературѣ, своими изданіями греческихъ и римскихъ писателей и своею чисто-цицероновскою латынью.

Большою извѣстностью пользовалось его сочиненіе: Initia doctrinae solidioris, выдержавшее много изданій въ восемнадцатомъ столѣтіи. Также высоко цѣнились нѣкогда и его Initia rhetorica [151]).

Initia rhetorica Эрнести написаны подъ преобладающимъ вліяніемъ классическихъ образцовъ; примѣры приводятся исключительно изъ древнихъ писателей; уклоненіе отъ нихъ считается нарушеніемъ существенныхъ требованій языка, слога и вкуса. Вся масса правилъ сводится къ тому, чтобы образовать отличнаго латинскаго стилиста во вкусѣ римскихъ писателей золотаго вѣка. Одно и тоже понятіе выражалось въ древности различнымъ образомъ, смотря по различію лицъ, къ которымъ оно относились; говорили: *dicere* dictatorem, *creare* consulem, *legere* senatorem, *cooptare* pontificem, и т. д. Поэтому хорошій стилистъ въ наше время не скажетъ: *hominem* fortem, bonum, clarum, а скажетъ: *virum* fortem, bonum, clarum; не скажетъ: *virum* jucundum, а скажетъ: *hominem* jucundum, и т. д. Только изрѣдка, словно обмолвка, попадаются бѣглыя замѣтки, касающіяся позднѣйшей, современной автору, нѣмецкой или французской литературы. Указывается, напримѣръ, на то, что изобиліе сентенцій составляетъ крупный недостатокъ Сенеки, Вольтера и Фонтенеля; осуждается неразборчиваеть нѣмецкихъ писателей, употребляющихъ въ простомъ слогѣ такія слова и выраженія какъ *wesen*, *wesentlich*, *vorstellung*, *begriff*, *gründe*, и многія подобныя.

Эрнести раздѣляетъ риторику на двѣ части: ученіе объ изобрѣтеніи (de inventione) и ученіе о *выраженіи* (de elocutione). Въ первой части говорится о всеобщей матеріи изобрѣтенія, о страстяхъ, о нравахъ, о сентенціяхъ; о расположеніи изобрѣтеннаго матеріала, о приступѣ, повѣствованіи и заключеніи; о письмахъ и рѣчахъ, и т. д. Во второй части — о тропахъ, о фигурахъ, о слогѣ вообще, и пр.

Многочисленные тропы и фигуры считаются необходимымъ условіемъ изящной рѣчи, но требуется соблюдать должную мѣру и приличіе выраженія. На этомъ основаніи нашъ авторъ считаетъ

неумѣстнымъ называтъ горы *бородавками земли* или назвать *солнцемъ* лицо незначительное по своему общественному положенію. Страстей, на которыя дѣйствуютъ ораторы, Эрнести насчитываетъ тринадцать; главныхъ качествъ, нужныхъ оратору—четыре. Страсти: любовь, кротость, сострадание, благодарность, стыдъ, безстыдство, надежда, гнѣвъ, ненависть, негодованіе, зависть, ревность, страхъ. Качества оратора, дающія его слову особенную силу: благоразуміе, честность, скромность и доброжелательство... Если поздравляемъ со днемъ рожденія, надо имѣть въ виду, въ первый ли разъ это дѣлаемъ или нѣтъ; если въ первый разъ, то положеніе оратора гораздо выгоднѣе, и онъ можетъ безпрепятственно распространиться о разныхъ разностяхъ въ похвалу высокопоставленному лицу... Сказавши, что письма пишутся съ двумя цѣлями: или чтобы извѣстить о чемъ-либо случившемся или же чтобы открывать отсутствующимъ свои мысли и чувства, авторъ предлагаетъ подробныя правила для писемъ, заключающихъ въ себѣ выраженіе различныхъ мыслей, чувствъ и желаній....

Ученіе о *слогѣ* находится въ связи, недостаточно впрочемъ выясненной, со всеобщею матеріею изобрѣтенія — materia inventionis universa[152]). Эрнести принимаетъ три рода слога (genus dicendi): простой (tenue, subtile), средній (mediocre) и высокій (sublime). Простымъ слогомъ пишутся научныя руководства, лѣтописи и мемуары, письма къ пріятелямъ, и т. п.; среднимъ слогомъ — разсужденія философскія и историческія, письма о важныхъ предметахъ и къ важнымъ особамъ, и т. п.; высокимъ слогомъ—похвальныя слова, и т. д.

Нѣкоторыя изъ сочиненія Эрнести появлялись и въ русскомъ переводѣ въ восемнадцатомъ и въ девятнадцатомъ столѣтіяхъ. Такъ въ 1791 году изданы въ Петербургѣ — Начальныя философическія статьи, касающіяся до существа и свойствъ души человѣческой, сочиненныя во вкусѣ древнихъ писателей, и расположенныя по образу, математическимъ наукамъ свойственному, иначе, составляющія науку, психологіею называемую. Перевод-

чикъ этихъ статей, Левъ Родіоновъ, говоритъ: «Довольно будетъ той похвалы, которую ученые мужья сочинителю ихъ *Ернестію*, какъ по искусству его въ латинскомъ языкѣ, такъ и по превосходству философическія его системы — initia doctrinae solidioris — приписываютъ». Initia rhetorica Эрнести переведены на русскій языкъ Ивашковскимъ (+1850), профессоромъ греческаго языка и древностей въ московскомъ университетѣ, и изданы въ 1828 году, въ Москвѣ, подъ заглавіемъ: Начала риторика Іоан. Августа Эрнеста, на россійскій переложенныя пр. С. Ивашковскимъ. Русскій переводчикъ опускаетъ нѣкоторыя подробности, относящіяся къ языку и слогу римскихъ писателей, и въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ приводитъ примѣры и изъ русскихъ писателей. Замѣчаніе Эрнести о пріятности метафоръ, облекающихъ въ плоть предметы безтѣлесные — quae rebus incorporeis quasi corpus tribuunt, подкрѣплено словами Державина, обращенными къ «Ключу» въ стихотвореніи этого имени:

Гора въ день стадомъ покровенну
Себя въ тебѣ, любуясь, зритъ.

Къ словамъ Эрнести: *чистота* въ латинскомъ языкѣ называется latinitas, въ греческомъ ἑλληνισμός, прибавлено: «а въ россійскомъ — *рутенизмомъ*». *Sententia* переводится *значительная* (*опытная*) *мысль*. Любопытно употребленіе слова *простонародный* въ различныхъ значеніяхъ: оно относится то къ простому народу, къ черни, то къ образованному обществу и къ его языку въ противоположность съ спеціальнымъ языкомъ науки, и т. п.

Нѣкоторыя слова суть *простонародныя* и низкія не только по своему смыслу, но и по употребленію... Впрочемъ ихъ употреблять имѣетъ мѣсто въ одномъ кругу *простаго народа*.	Verba quaedam sunt *plebeia* et sordida, neque modo significatione, sed etiam usu... Ceterum ab *infima* tantum *plebe* dicuntur....
Противно изящности употреблять въ рѣчи *простонародной* слова по-	Alienum esse ab elegantia in oratione *populari* uti verbis in usum

во-вводнмыя для школъ. Такъ вообще погрѣшаютъ тѣ, кои слова, собственно принадлежащія философамъ или вообще сектамъ, переносятъ къ *простонародному* употребленію.

scholarum novatis; sic universe sunt in vitio, qui philosophis aut omnino scholis propria verba ad usum *vulgarem* transferunt.

Къ собственности выраженія можно отнести *простонародность*; она состоитъ въ употребленіи словъ, кои имѣютъ ходъ въ общежитіи, и въ томъ значеніи, въ какомъ они тамъ берутся, при соблюденіи однакожъ изящества.

Proprietati adjunxerim *popularitatem* orationis, cujus haec vis est, ut verbis utamur non nisi iis, quae in usu vitae quotidianae versantur, eoque sensu, quo consuetudo communis usurpat, sed ita tamen, ut elegantia conservetur.

По свѣдѣніямъ, относящихся къ послѣднимъ годамъ преподаванія Барсова, онъ пользовался, при изложеніи теоріи словесности, не только риторикою Эрнести, но и піитикою Жуванси. Французскій гуманистъ, іезуитъ Жуванси (Joseph *Jouvancy* или *Jouvency*, 1643—1719) пріобрѣлъ громкую извѣстность трудами своими: Ratio discendi et docendi и Appendix de diis et heroibus poeticis. Первое сочиненіе вызвало сочувственные отзывы Вольтера, Роллена и многихъ другихъ писателей; оно выдержало множество изданій втеченіе около полутороста лѣтъ, съ конца семнадцатаго и до первой половины девятнадцатаго столѣтія. Исторія о богахъ языческихъ, служащая пособіемъ для пониманія древнихъ поэтовъ, извѣстна была и русскимъ читателямъ по переводамъ, относящимся къ концу восемнадцатаго и къ началу девятнадцатаго вѣка. Въ исторіи педагогической литературы Жуванси памятенъ такого рода предпріятіемъ: онъ сталъ издавать древнихъ писателей съ пропусками и урѣзками, выбрасывая все то, чего, по его мнѣнію, не слѣдовало читать благовоспитаннымъ юношамъ. Творенія классическихъ писатель подверглись неожиданно цензурѣ, и въ назиданіе юношества появились изданныя Жуванси: Juvenalis satyrae ab omni obscenitate expurgatae; Terentii comoediae ab omni obscenitate expurgatae; Horatii carmina ab omni obscenitate expurgata, и т. д.

Для iезуитскихъ училищъ Жуванси написалъ пiитику, которая была издана въ Венецiи, въ 1718 году, подъ заглавiемъ: Institutiones poeticae ad usum collegiorum societatis Jesu[153]). Составленныя Жуванси institutiones poeticae служили пособiемъ и для Барсова. Въ объявленiи о лекцiяхъ 1789—1790 года сказано, что Барсовъ въ преподаванiи правилъ риторики наиболыше слѣдовать будемъ Эрнестiю, а въ поэзiи *Жувансу*; въ объявленiи о лекцiяхъ 1790—1791 года: будетъ занимать слушателей своихъ сочиненiями, по руководству начатковъ риторическихъ Эрнеста и *наставленiй пiитическихъ Жувансiя* — ad ductum celeberrimi Ernestii in suis initiis rhetoricis et *Juvencii in institutionibus poeticis*, и т. д.

Пiитика Жуванси, небольшая по объему, раздѣлена на пять книгъ. Въ первой сообщаются общiя понятiя о поэзiи, ея матерiи и формѣ, ея цѣли, и т. д. Вся вторая книга посвящена эпопеѣ; вся третья — поэзiи драматической. Въ четвертой говорится о различныхъ видахъ поэзiи: элегiи, сатирѣ, одѣ, гимнѣ, и пр. Въ пятой — о стихосложенiи, о разныхъ родахъ стиха, о стихотворныхъ игрушкахъ и т. п.; въ началѣ этой книги помѣщены краткiя свѣдѣнiя о римскихъ писателяхъ. Книги подраздѣляются на главы, и каждая глава состоитъ изъ ряда вопросовъ и отвѣтовъ, какъ напримѣръ:

Quae est materia poeseos?

— Est id omne, de quo tractat poesis.

Quotuplex est illa materia?

— Duplex, una remota, altera proxima.

Quaenam est materia remota?

— Tam longe lateque diffusam poeticae, quam oratoriae facultati materiam assignat Tullius, cui poeta cum oratore in hoc idem est, nullis ut terminis uterque circumscribat, aut definiat jus suum, adeoque possit uterque de rebus omnibus disputare.

Quaenam est materia proxima poeseos?

— Sunt actiones humanae, prout potuere, vel debuere geri...

При опредѣленiи каждаго вида поэзiи этимологически объя-

сняется его названіе, и затѣмъ предлагаются правила, касающіяся содержанія и отчасти формы. Объ эстетическихъ и литературныхъ понятіяхъ автора можно судить по слѣдующимъ чертамъ.

Сущность поэзіи заключается въ *подражаніи* человѣческимъ дѣйствіямъ посредствомъ *вымысла*: безъ вымысла невозможна поэзія; кто пишетъ стихи безъ вымысла, тотъ — версификаторъ, а не поэтъ. Но должно вымышлять правдо-подобно (verisimile), т. е. сообразно съ естественнымъ ходомъ вещей, и вносить въ свои произведенія только то, что весьма легко могло бы случиться при данныхъ условіяхъ или чему безусловно вѣрили въ тѣ или другія времена.

Цѣль поэзіи — наставлять, забавляя; поучать и нравиться. Въ подтвержденіе приводятся стихи Горація, служившіе втеченіе нѣсколькихъ столѣтій краеугольнымъ камнемъ литературной теоріи въ ученіи о цѣли поэзіи и призваніи поэта:

Aut prodesse volunt, aut delectare poetae,
Aut simul et jucunda, et idonea dicere vitae...
Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci,
Lectorem delectando, pariterque monendo.

Поэзія, какъ искусство подражательное, раздѣляется на три рода по троякому роду подражанія. Поэтъ или самъ выступаетъ въ своихъ произведеніяхъ, и говоритъ все отъ себя; или же вовсе стушевывается и заставляетъ говорить и дѣйствовать выведенныя имъ лица; или наконецъ допускаетъ и то и другое: частью говоритъ онъ самъ, частью говорятъ дѣйствующія лица. Первый родъ поэзіи называется *повѣствовательнымъ*, второй — *драматическимъ*, третій — *смѣшаннымъ*. Къ первому роду принадлежатъ георгики Виргилія (три первыя книги и часть четвертой); ко второму — трагедіи, комедіи, а также эклоги; къ третьему — иліада и одиссея Гомера, энеида Виргилія и др. Обыкновенно раздѣляютъ поэзію на множество видовъ, какъ-то: эпопея, трагедія, комедія, сатира, элегія, ода, эпиграмма, и проч.; отсюда и названіе поэтовъ: эпическіе, трагическіе, элегическіе, лирическіе,

и т. д. *Лирическая* поэзія, подъ именемъ которой понимается исключительно *ода*, составляетъ такой же *видъ*, а не *родъ*, какъ и *epithalamium*, *genethliacum*, *silvae*, *dirae*, и т. д. [154]).

Первое мѣсто между всѣми формами и видами поэзіи принадлежитъ безспорно эпопеѣ. Тоже утверждалъ и первый наставникъ Барсова въ словесности Тредьяковскій, говоря: «Эпическая поэзія, инако *эпопеическая* и героическая, есть самый высокій родъ изъ всѣхъ поэмъ. Никакая поистинѣ другая поэма не могла еще понынѣ прославить толико писателей. Сія одна, ежели по надлежащему сочинится, довольна къ пріобрѣтенію громкія славы вѣчно и піиту и всему тому народу, изъ котораго піитъ. Она есть, которая знатныя дѣянія знаменитыхъ людей, предвоспріявшихъ нѣчто одно исполнить, вѣроятнымъ повѣствованіемъ предлагаетъ для возбужденія любви къ добродѣтели» [155]). По опредѣленію Жуванси, эпическая поэзія или *эпопея* есть подражаніе дѣйствію единому, цѣльному, истинному, правдоподобному, блистательному и счастливому, совершенному высокими особами, и возбуждающему и другихъ высокихъ особъ къ совершенію подобныхъ подвиговъ. Эпопеи пишутся непремѣнно гекзаметрами.

Трагедія, вызывая соболѣзнованіе и ужасъ, очищаетъ внутреннее чувство и укрощаетъ страсти, въ которыхъ кроется источникъ всѣхъ человѣческихъ бѣдствій. Комедія изображаетъ событія изъ частной жизни съ цѣлію содѣйствовать исправленію нравовъ. Съ такою же исправительною цѣлью пишутся и сатиры.

Какъ эпопеѣ пристала важность, комедіи — шутливость, такъ лирической поэзіи — нѣжность и пріятность (suavitas). Поэтому въ лирикѣ слѣдуетъ употреблять выраженія цвѣтистыя, тщательно подобранныя, избѣгая словъ съ грубыми и жесткими звуками и т. п.

Авторъ вдается въ подробное обсужденіе вопроса, можетъ ли женщина быть предметомъ эпопеи, и имѣютъ ли поэты право изображать не только героевъ, но и героинь. Мнѣнія объ этомъ раздѣлились надвое. Одни находили, что женщины обладаютъ достаточною силою духа и крѣпостію тѣла для совершенія вели-

кихъ дѣлъ и трудныхъ подвиговъ; притомъ, въ случаѣ надобности, они могутъ быть вдохновляемы свыше. Отстаивая свой взглядъ, указывали на примѣръ Виргилія и Торквато Тассо, выводившихъ женщинъ въ своихъ поэмахъ, а также и на то, что дѣйствія женщинъ изображаются во многихъ трагедіяхъ: отчего же не изобразить ихъ и въ эпопеяхъ... Другіе возражали на это, что женщины самою природою призваны не для героическихъ подвиговъ, а для домашней жизни, и въ доказательство ссылались на авторитетъ Аристотеля, утверждавшаго тоже самое. Говорили, что если женщины и являются въ трагедіяхъ, то вѣдь цѣль трагедіи совершенно иная, нежели эпопеи: возбуждать и очищать страсти можетъ кто угодно, хоть мужчина, хоть женщина; но призывать высокихъ особъ, доблестныхъ героевъ, къ важнымъ и многотруднымъ подвигамъ рѣшительно не подъ стать, да и не въ моготу женщинамъ: это значило бы наложить на нихъ непосильное бремя...

Для ознакомленія съ представителями римской литературы и для указанія ихъ относительнаго достоинства Жуванси приложилъ къ своей піитикѣ перечень римскихъ писателей. Въ этомъ краткомъ очеркѣ ярко обнаружились пріемы изобрѣтателя пресловутыхъ «очищенныхъ» изданій. По мнѣнію Жуванси, нѣкоторыхъ изъ древнихъ писателей слѣдуетъ читать и перечитывать; другихъ просматривать наскоро и мимоходомъ, а иныхъ вовсе не брать въ руки. Въ перечнѣ названы двадцать два писателя, а именно: Плавтъ, Теренцій, Лукрецій, Катуллъ, Виргилій, Горацій, Тибуллъ, Проперцій, Овидій, Манилій, Федръ, Сенека, Луканъ, Петроній, Персій, Силій Италикъ, Стацій, Валерій Флаккъ, Марціалъ, Ювеналъ, Клавдіанъ и Аврелій Пруденцій. Къ указанію времени, когда жилъ каждый писатель, прибавлены замѣтки въ такомъ родѣ. О Плавтѣ: надо читать осторожно, потому что комедіи его наполнены плоскими шутками, и рисуютъ картины разврата и порочной любви. О Ювеналѣ: берегись его, и читай только въ очищенномъ видѣ — cave illum, nisi expurgatum legas. О Марціалѣ: чтеніе его можетъ принести пользу для ума и для

нравственности, если вычеркнуть непристойныя эпиграммы, и т. д.

Сверхъ руководства къ піитикѣ Жуванси написалъ и учебникъ риторики—institutiones rhetoricae. И тому и другому учебнику посчастливилось въ педагогической литературѣ; они нѣсколько разъ издавались и вмѣстѣ и порознь. То обстоятельство, что авторъ принадлежалъ къ ордену іезуитовъ, немало содѣйствовало распространенію его произведеній: заботясь о расширеніи круга своей дѣятельности и вліянія, іезуиты забирали въ свои руки воспитаніе юношества, и вводили свои книги въ различныя учебныя заведенія. Но и сами по себѣ institutiones Жуванси выгодно отличались отъ массы другихъ учебниковъ: сжатость и послѣдовательность изложенія, краткость и ясность правилъ, и меньшее, сравнительно съ другими, количество схоластическаго груза заставляли преподавателей обращаться къ трудамъ Жуванси. Громкая европейская извѣстность автора сочиненія: Ratio discendi et docendi и нѣкоторыя хорошія стороны составленнаго имъ учебника: Institutiones poeticae въ сравненіи съ разными путеводителями къ Парнасу, олимпійскими ристалищами и другими произведеніями отживавшей свой вѣкъ схоластики, могли расположить Барсова къ выбору книги Жуванси, какъ подспорья при изложеніи теоріи словесности.

Въ лекціяхъ своихъ Барсовъ не ограничивался одною *теоріею* словесности, и постоянно соединялъ ее съ разборомъ и объясненіемъ писателей. Приступая къ разбору того или другаго писателя, профессоръ сообщалъ своимъ слушателямъ свѣдѣнія какъ о самомъ писателѣ, такъ и о времени, къ которому относится его литературная дѣятельность. Барсовъ не былъ защитникомъ отвлеченнаго догматизма въ правилахъ и требованіяхъ словесныхъ наукъ, и теорію цѣнилъ настолько, насколько видѣлъ въ ней необходимый философскій выводъ изъ цѣлой массы фактовъ, заключающихся въ разнообразныхъ произведеніяхъ литературы. Въ одной изъ своихъ рѣчей онъ такимъ образомъ опредѣляетъ тео-

рію: Риторика есть собраніе правилъ, примѣровъ и долговременныхъ, отъ начала вѣка, наблюденій о разныхъ способахъ, пріемахъ и оборотахъ рѣчи, посредствомъ которыхъ ораторъ всего успѣшнѣе дѣйствуетъ на умъ и волю слушателей; опыты и наблюденія сводятся къ общимъ началамъ, оправдываются путемъ умозрѣнія, и становятся правилами, значеніе которыхъ опредѣляется уже тѣмъ, что они основаны на данныхъ опыта и на естественномъ ходѣ и связи вещей[156]).

Всего подробнѣе разсматривалъ Барсовъ произведенія древнихъ, преимущественно римскихъ писателей. Неисчерпаемымъ источникомъ при объясненіи свойствъ и требованій краснорѣчія служили рѣчи Цицерона, къ которымъ присоединялись, по выбору профессора, оды Горація, его ars poetica, энеида Виргилія, комедіи Плавта и Теренція, и т. п. Изъ греческихъ писателей объяснялъ Ксенофонта, и т. д.

Излагая общую теорію словесности, и приводя примѣры изъ древнихъ писателей, Барсовъ постоянно имѣлъ въ виду и отечественный языкъ и словесность. Онъ обращалъ особенное вниманіе на то, что изъ риторическихъ правилъ всего болѣе примѣнимо къ свойствамъ русскаго языка и слога. Перлами русской литературы онъ считалъ произведенія Ломоносова, и ежегодно посвящалъ значительное число лекцій разбору его похвальныхъ словъ и нѣкоторыхъ изъ его одъ. Къ курсу общей риторики онъ присоединялъ краткія наставленія *поэзіи россійской* съ примѣрами изъ Ломоносова и другихъ нашихъ стихотворцевъ, и въ кругъ своего университетскаго преподаванія вводилъ иногда и *россійскую грамматику*[157]).

Какъ на выдающуюся особенность въ преподаваніи Барсова можно и должно указать на то, что онъ обращалъ вниманіе на взаимную связь литературныхъ произведеній, и при объясненіи какого либо писателя сравнивалъ его съ другими писателями. Весьма замѣчательно также, что основы для своихъ выводовъ искалъ онъ въ произведеніяхъ и понятіяхъ самихъ писателей. Такимъ образомъ онъ объяснялъ ораторскія произведенія Ломоно-

сова на основаніи его собственной риторики и грамматики — научный пріемъ, который находимъ у одного изъ первостепенныхъ ученыхъ нашего времени, профессора Буслаева, въ его превосходномъ трудѣ о преподаваніи отечественнаго языка.

Существенною принадлежностью курса Барсова были практическія занятія студентовъ, состоявшія изъ переводовъ и сочиненій. По университетскому уставу, въ философическомъ факультетѣ полагался профессоръ краснорѣчія *для обученія ораторіи и стихотворства*, обязанный обучать своихъ слушателей переводамъ и *штилю*. Переводы дѣлались съ латинскаго языка, а иногда и съ греческаго, на русскій, и съ русскаго на латинскій. Сочиненія писались на русскомъ и на латинскомъ языкахъ, какъ прозою, такъ и стихами. Профессоръ разсматривалъ ихъ «по правиламъ искусства», показывая, что, по его мнѣнію, надо измѣнить и исправить сообразно съ этими правилами.

Университетскіе слушатели Барсова съ большимъ сочувствіемъ отзывались о его лекціяхъ и разборахъ литературныхъ произведеній, говорили, что онъ «влюбленъ въ изящество» и въ изложеніи своемъ согласуется съ духомъ и настроеніемъ разбираемаго писателя.

Дѣятельность Барсова по университету не ограничивалась однимъ преподаваніемъ. По выбору ученой корпораціи на Барсова возлагаемы были — и иногда весьма на долго, чуть не на десятки лѣтъ — различныя обязанности, требовавшія и большаго умѣнья и большихъ заботъ. Онъ былъ издателемъ московскихъ вѣдомостей; цензоромъ книгъ, печатавшихся въ университетской типографіи; инспекторомъ студентовъ, и т. п. По дѣламъ цензуры онъ вступалъ въ сношенія съ представителями власти и администраціи; должность инспектора студентовъ ставила его лицомъ къ лицу, сближала съ молодымъ поколѣніемъ.

Какъ ни скромны были предѣлы литературной производительности вообще, какъ ни чисты были стремленія лучшихъ людей того времени, бравшихся за перо съ благимъ желаніемъ

содѣйствовать умственному и нравственному просвѣщенію общества, блюстители общественнаго благонравія находили поводы обвинять писателей въ излишней свободѣ слова и вредномъ вольномысліи. Даже въ такихъ, по самому существу своему, благонамѣренныхъ вещахъ, какъ офиціальныя рѣчи, произносимыя въ высокоторжественные дни, усматривали разнаго рода продерзости и непристойности. Конференція московскаго университета получила отъ Хераскова, бывшаго на ту пору директоромъ университета, слѣдующее предложеніе: «Въ послѣднихъ рѣчахъ, говоренныхъ во время высочайшаго торжества апрѣля 22 сего 1768 года, оказались многія *сумнительства* и *дерзновенныя выраженія*, о которыхъ при семъ случаѣ умалчиваю, и оныя рѣчи, по причинѣ моей болѣзни, безъ моего разсмотрѣнія напечатаны: того ради симъ предлагаю университетской конференціи, дабы впредь въ отвращеніе подобныхъ непорядковъ всякія рѣчи, приготовляемыя для публичнаго чтенія, вносимы были въ общее собраніе университетской конференціи, гдѣ бы они прочтены и разсмотрѣны, дабы не вошло чего противнаго благопристойности, и кѣмъ надлежитъ подписаны и конфирмованы были, а потомъ уже печатать»[158]).

Въ торжественномъ собраніи московскаго университета въ день рожденія императрицы, 22 апрѣля 1768 года, произнесены были рѣчи: профессоромъ Эразмусомъ — о нынѣшнемъ состояніи врачебной науки въ Россіи, и магистромъ свободныхъ наукъ и докторомъ юриспруденціи Третьяковымъ — о началѣ и учрежденіи университетовъ въ Европѣ.

Съ нѣкотораго времени — говоритъ Эразмусъ — въ Россіи всѣ разсуждаютъ о законахъ, а потому и я рѣшаюсь повести рѣчь о законѣ, но только не о юридическомъ, а о медицинскомъ — о тѣхъ основныхъ началахъ, которыя высказаны патріархомъ врачебной науки Иппократомъ. По его убѣжденію, для врача необходимы: природная способность, призваніе и любовь къ своему дѣлу, научная образованность и добросовѣстность. Врачъ по призванію всецѣло отдается своей наукѣ, работая неутомимо и плодо-

творно на избранномъ имъ поприщѣ. Совсѣмъ иное происходитъ, если за медицину принимаются только съ цѣлью получить мѣсто съ нѣсколькими стами рублей жалованья или слыша, что за посѣщенія больныхъ платятъ по два рубля. Объяснивши главнѣйшія требованія отъ врача по понятіямъ Иппократа, ораторъ предоставляетъ самимъ слушателямъ сдѣлать выводы и примѣнить ихъ къ состоянію врачебной науки въ Россіи. Мое дѣло — говоритъ онъ — состояло въ томъ, чтобы заявить о существующихъ недостаткахъ, а отвращать ихъ предоставляю тѣмъ, у кого руки длиннѣе моихъ... [159]).

Въ рѣчи Третьякова всего подробнѣе изложены причины, почему въ древности не было университетовъ, и только въ концѣ говорится о томъ, что университеты возникли во времена преобладанія католическаго духовенства, видѣвшаго въ учрежденіи училищъ новое и сильное орудіе своего вліянія. «Всякое пріумноженіе наукъ — говоритъ онъ — умножало духовныхъ власть и доходы. Они, зная свой вѣрный прибытокъ въ томъ, учили и юриспруденцію по своему вкусу, доказывая, что оная съ небесъ ниспослана была, и что оной училась и Богоматерь. Соплетая свои ко всему доказательства, они силились привесть всю вселенную въ замѣшательство, заставляя государей поднимать оружіе и пламень за свой софизмъ и за честь своего силлогизма, сдѣланнаго на Serio или Barbara. Истинно удивленія достойно, что Цицеронъ и Демосфенъ съ неподражаемымъ краснорѣчіемъ не могли столько слушателей въ свою сторону склонить, сколько гугнивый и косноязычный капуцинъ съ безосновательнымъ ученіемъ въ своихъ школахъ успѣлъ». Но злоупотребленіе вызвало противодѣйствіе, и католическіе монахи изгнаны были изъ школъ. Исторія европейскихъ университетовъ показываетъ, какъ иногда и вредныя обществу человѣческія намѣренія обращаются во благо всему свѣту. Для достиженія высокой цѣли университетовъ, представители науки должны показывать ревностно, въ чемъ заключается святость нравъ, въ чемъ сила и благосостояніе отечества, въ чемъ истинное исповѣданіе вѣры, и въ чемъ общее всѣхъ благополучіе [160]).

Не за честь ли оскорбленнаго капуцина или за ученость и добросовѣстность русскихъ врачей вступился добродушный Херасковъ, отъ котораго, какъ отъ писателя, можно было бы ожидать яснаго пониманія какъ свободы слова, такъ и отношеній литературы къ обществу.

По свидѣтельству современниковъ, Барсовъ умѣлъ защищать печатное слово отъ враждебныхъ на него посягательствъ. Своими благоразумными объясненіями онъ неоднократно сдерживалъ порывы непрошеныхъ опекуновъ науки и литературы.

Барсовъ пользовался большимъ и вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ какъ со стороны общества, такъ и со стороны студентовъ, знавшихъ по опыту прямой, открытый и честный образъ дѣйствій своего профессора и инспектора. Сознаніе внутреннихъ достоинствъ мирило съ суровостью внѣшней оболочки, составлявшею природную особенность Барсова, которой онъ не измѣнялъ и не хотѣлъ измѣнять ни передъ низшими, ни передъ высшими. Нелюбезенъ былъ его отвѣтъ всемогущему тогда Потемкину, напомнившему о выходѣ своемъ изъ университета; никогда не расточалъ онъ любезностей и передъ студентами. При тогдашнихъ нравахъ, въ сношеніяхъ профессоровъ со студентами было много простоты, и наставники высказывали своимъ слушателямъ горькія истины, не особенно стѣсняясь въ выборѣ выраженій. Замѣчанія въ шутливомъ тонѣ, приправленныя разными прибаутками, были въ большомъ употребленіи. По словамъ бывшаго слушателя Барсова, онъ обращался къ студентамъ съ такого рода привѣтами и вопросами: «добро пожаловать! что, сударь, на именинахъ гуляли или по можжевельничку плясали? что, сударь, на васъ голова али чайникъ», и т. п. . . . Съ слабыми сторонами студенческой жизни, съ проступками и увлеченіями молодежи приходилось вѣдаться прежде всего инспектору; при дальнѣйшемъ движеніи дѣла, обвиняемые подлежали суду университетской кон-

ференціи; признанныхъ виновными подвергали тому или другому наказанію: одѣвали въ крестьянское платье, дѣлали вычетъ изъ жалованья, и т. п. Какъ на выдающіеся, хотя и рѣдкіе, случаи можно указать на побѣги студентовъ изъ университета вслѣдствіе кутежа и боязни явиться съ повинной головою передъ университетскимъ начальствомъ. Къ куратору московскаго университета Адодурову, во время пребыванія его въ Петербургѣ, доставленъ былъ московскій студентъ вотъ по какому случаю. Студентъ этотъ пошелъ въ подмосковныя слободы гулять, и зайдя къ знакомымъ ему людямъ, напился пьянъ, почему и не былъ въ состояніи воротиться въ университетъ, а легъ спать на дорогѣ, и съ него, съ соннаго, сняты незнаемо кѣмъ казенный кафтанъ и камзолъ, шляпа и шпага. Боясь наказанія, въ университетъ не явился, а пошелъ въ Петербургъ! Но такъ какъ тамъ никто не пускалъ жить безъ паспорта, то онъ отправился въ единственное прибѣжище — на съѣзжій дворъ, объявивъ о себѣ, что бѣжалъ изъ Москвы. Бѣглаго студента привели къ Адодурову, который отослалъ его обратно въ Москву, обязавъ его реверсомъ явиться непремѣнно въ срокъ, указанный генеральнымъ регламентомъ, и давши денегъ пятьдесятъ копѣекъ для пропитанія въ дорогѣ изъ Петербурга въ Москву. Вмѣстѣ съ тѣмъ Адодуровъ предложилъ директору разсмотрѣть съ профессорами все дѣло о побѣгѣ, и виновнаго подвергнуть установленному въ законахъ наказанію, если въ немъ не окажется надежды къ исправленію.

На студентовъ падали иногда обвиненія, напоминающія тяжкія времена бироновщины, не вдругъ исчезнувшія съ лица русской земли. Одного студента привели въ полицію, и обвиняли въ томъ, что онъ закричалъ *слово и дѣло;* но при допросѣ выяснилось, что студентъ, при взятіи его подъ стражу, сказалъ не *слово и дѣло*, а — *я вамъ говорю дѣло*. Но такъ какъ студентъ ушелъ изъ университета безъ разрѣшенія, то и былъ посаженъ на четыре дня въ карцеръ на хлѣбъ и на воду, и затѣмъ нѣсколько дней пробылъ подъ домашнимъ арестомъ въ своей комнатѣ, имѣя право выходить только на лекціи[161]).

При вступленіи въ университетъ, студенты давали подписку исполнять требованія устава, въ которомъ излагались обязанности студентовъ, какъ христіанъ, какъ подданныхъ россійской имперіи и какъ студентовъ. Какъ христіанинъ, студентъ обязывался жить въ страхѣ Господнемъ; чрезъ ежедневное поученіе себя въ законѣ Господнемъ, т. е. чрезъ прилежное чтеніе книгъ ветхаго и новаго завѣта, просвѣщать и освящать сердце свое спасительными истинами евангельскаго ученія, и т. д. Какъ подданный россійской имперіи, студентъ обязанъ былъ свято хранить вѣрность ея императорскому величеству; любить свое отечество; считать наилучшимъ введенный въ немъ образъ правленія, и т. д. Какъ студентъ, или «питомецъ музъ, который любоохотно поработавъ въ плодотворномъ саду учености, желаетъ посвятить себя на служеніе отечеству и ближнему своему», долженъ предварительно успѣть въ словесныхъ наукахъ, т. е. въ знаніи языковъ: латинскаго, греческаго и русскаго, присовокупя нѣмецкій или французскій, также исторіи, географіи, древностей, миѳологіи, чистой математики, физики и логики. Доказавъ успѣхи свои во всѣхъ этихъ предметахъ, избрать по склонности своей и способности извѣстный отдѣлъ наукъ, и не переходить изъ факультета въ факультетъ до окончанія полнаго, трехлѣтняго курса; уклоненіе отъ этого требованія дозволялось только въ случаѣ особенной даровитости студента, засвидѣтельствованной профессорами. Касательно поведенія предписывалось студентамъ: быть опрятными въ платьѣ, одѣваться и чесаться пристойнымъ образомъ, избѣгая цинической гнусности, такъ какъ и излишняго щегольства; паче всего хранить тѣлесную чистоту, памятуя слова апостола Павла, что тѣло есть храмъ духа Божія, живущаго въ немъ, и что тѣла ваши суть члены Христовы; отниму ли члены у Христа, чтобы сдѣлать ихъ членами блудницы (I Кор. VI, 15). Студентъ обязывался любить труды, жить тихо, благонравно и трезво, уклоняясь отъ пьянства, ссоръ и дракъ, и ненавидя всякую нѣгу; строго исполнять всѣ издаваемыя университетомъ узаконенія, и т. п. Форма подписки: «Я, нижеподписавшійся, обѣща-

юсь, какъ христіанинъ и честный человѣкъ, во всемъ поступать по точной силѣ даннаго мнѣ сего устава для университетскихъ студентовъ. Въ случаѣ жъ нарушенія онаго подвергаю себя суду и наказанію отъ г. директора и конференціи университета, подъ опасеніемъ исключенія изъ университета и лишенія всѣхъ выгодъ, всемилостивѣйше обѣщанныхъ университетскимъ питомцамъ» [162]).

Кругъ университетской дѣятельности Барсова постепенно расширялся съ учрежденіемъ литературныхъ обществъ при университетѣ и съ появленіемъ различныхъ литературныхъ предпріятій, въ которыхъ участвовали кураторы, профессоры и студенты московскаго университета. Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, Херасковъ издавалъ *Полезное увеселеніе* и *Свободные часы*; студентъ Санковскій издавалъ *Доброе намѣреніе*; Богдановичъ — *Невинное упражненіе*, и т. п. Для университетскихъ изданій студенты доставляли свои переводы съ иностранныхъ языковъ, и «все бремя исправленія переводовъ тяготѣло на одномъ профессорѣ Барсовѣ, который и безъ того былъ занятъ редакціею Вѣдомостей» [163]). Выборъ Барсова въ члены литературныхъ обществъ не былъ однимъ только почетомъ и формальностью. Барсовъ являлся дѣйствительнымъ участникомъ въ трудахъ и предпріятіяхъ обществъ, вносилъ цѣнные вклады въ изданія, и принималъ на себя хлопотливыя обязанности издателя.

IV.

Почетная извѣстность, которою пользовался Барсовъ въ литературномъ мірѣ, служила правомъ и причиною къ избранію его въ члены различныхъ литературныхъ обществъ, не только въ Москвѣ, гдѣ онъ жилъ и дѣйствовалъ, но и въ Петербургѣ, а отчасти и заграницею. Барсовъ былъ членомъ вольнаго россійскаго собранія; общества любителей учености; россійской

академіи, и т. д. Имя его извѣстно было и внѣ предѣловъ Россіи, въ ученыхъ кругахъ Германіи, какъ видно изъ того, что онъ былъ избранъ членомъ латинскаго общества въ Іенѣ.

Въ 1771 году учреждено при московскомъ университетѣ литературное общество, подъ названіемъ: *Вольное россійское собраніе,* съ цѣлью исправленья и обогащенья русскаго языка посредствомъ изданія полезныхъ сочиненій и переводовъ. Составленіе русскаго словаря признано одною изъ главнѣйшихъ задачъ новаго общества. При самомъ основаніи этого общества Барсовъ избранъ его *безсмѣннымъ секретаремъ.* Оно имѣло свой литературный органъ, выходившій подъ названіемъ: *Опытъ трудовъ вольнаго россійскаго собранія при императорскомъ московскомъ университетѣ.* Втеченіе девяти лѣтъ, съ 1774 по 1783 годъ, издано шесть частей. Всѣ шесть частей вышли подъ редакціею Барсова, бывшаго и издателемъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ журнала. Въ Опытѣ трудовъ вольнаго россійскаго собранія помѣщены: рѣчь Барсова при открытіи московскаго университета; отвѣтъ Барсова на письмо англоманово, и нѣсколько доставленныхъ Барсовымъ памятниковъ русской старины, а именно:

Свадьба великаго князя Василія Ивановича;

Отпускъ великія княжны Елены Ивановны въ супружество за великаго князя Александра литовскаго, и

Разрядъ свадьбы князя Ивана Дмитріевича Бѣльскаго.

Дѣятельность вольнаго россійскаго собранія постепенно ослабѣвала, и наконецъ совершенно прекратилась въ періодъ съ учрежденія россійской академіи и до открытія общества любителей учености.

Въ 1789 году основано въ Москвѣ Общество любителей учености, и Барсовъ избранъ былъ предсѣдателемъ. Цѣль общества заключалась въ распространеніи въ Россіи такихъ знаній, которыя всего болѣе могутъ содѣйствовать просвѣщенію разума, исправленію сердца, образованію вкуса и доставленію каждому вѣрнѣйшихъ способовъ къ его счастію[1].

Латинское общество въ Іенѣ (societas latina jenensis) основано

въ 1734 году профессоромъ философіи, исторіи и римскаго права Герцогомъ (Georg Ludwig Herzog). Цѣлью общества было очищеніе и усовершенствованіе латинскаго языка, возстановленіе его золотаго вѣка, когда въ древнемъ Римѣ процвѣтали науки и искусства, языкъ и литература. Въ собраніяхъ общества читались прозаическія статьи и стихотворенія, написанныя полатыни, и присутствующіе члены обязаны были разбирать прочитанное главнымъ образомъ въ отношеніи чистоты языка и слога. Писать безукоризненною, чистѣйшею латынью было завѣтнымъ стремленьемъ усердныхъ поклонниковъ древности, мечтавшихъ о ея возрожденіи если не въ жизни, то въ литературѣ. Въ почетные члены принимались и иностранцы, извѣстные по своимъ свѣдѣніямъ въ классической древности, и имѣющіе ученыя степени (allezeit graduirte personen)[164]). Въ сохранившихся извѣстіяхъ нѣтъ точнаго указанія времени, когда Барсовъ избранъ былъ въ почетные члены іенскаго общества. По всей вѣроятности, избраніе это послѣдовало не ранѣе августа 1780 года и не позже августа 1782 года[165]).

Въ члены россійской академіи Барсовъ избранъ при самомъ ея учрежденіи, какъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей русской литературы и науки. Въ день торжественнаго открытія академіи, 21 октября 1783 года, провозглашенъ, вслѣдъ за поэтомъ Державинымъ, членомъ россійской академіи профессоръ краснорѣчія и университетскій цензоръ Антонъ Алексѣевичъ Барсовъ[166]). Получивъ извѣщеніе о своемъ избраніи, Барсовъ послалъ непремѣнному секретарю россійской академіи, Лепехину, слѣдующій отвѣтъ[167]):

Милостивый государь мой

Письмо ваше, милостиваго государя моего, отъ 30 октября имѣлъ честь я получить сего ноября 6 дня, и при немъ письмо жъ къ отцу протоіерею Алексіеву, которое, за случившимся въ среду храмовымъ его праздникомъ, не прежде какъ въ суботу отдано

ему быть могло, и отдано мною по усмотреніи напередъ его склонности, по вашему требованію. Онъ обѣщалъ сегодня жъ отвѣтствовать ея сіятельству съ должнымъ благодареніемъ. Мнѣ жъ остается благодарить васъ, милостивый государь мой, за поздравленіе ваше съ принятіемъ меня въ члены новоучрежденной императорской россійской академіи, какъ симъ и свидѣтельствую мою благодарность, и взаимно тѣмъ же васъ, въ разсужденіи присоединеннаго *секретарскаго званія*, сугубо поздравляя, особенно успѣха вамъ желаю въ сей не безтрудной должности, какъ то я *въ четверократныхъ подобныхъ сему заведеніяхъ опытомъ узнать имѣлъ случай*. Впрочемъ со особливѣйшимъ почтеніемъ моимъ къ вамъ, имѣю честь быть,

милостивый государь мой,

покорнѣйшій слуга вашъ

Антонъ Барсовъ.

Барсовъ принималъ участіе въ трудахъ и предпріятіяхъ россійской академіи; но къ сожалѣнію участіе это не могло быть значительнымъ. Съ избраніемъ Барсова въ члены россійской академіи совпало порученіе составить руководство по русской грамматикѣ. Трудъ этотъ возложенъ на Барсова комиссіею народныхъ училищъ, и совершенно соотвѣтствовалъ и его роду занятій и его любви къ отечественному языку. Комиссія настаивала на скорѣйшемъ изданіи учебника, а научная пытливость и добросовѣстность Барсова не позволяла ему вести дѣло поверхностно, и работа по русской грамматикѣ поглощала все его время, не оставляя досуга для другихъ литературныхъ работъ. Тѣмъ не менѣе Барсовъ вносилъ свои вклады и въ россійскую академію, сообщая и критически разсматривая матеріалы для двухъ главнѣйшихъ предпріятій академіи — для словаря и для грамматики.

Въ собраніи россійской академіи 12 марта 1784 года читано было Лепехинымъ представленіе Барсова, касающееся до правописанія относительно къ буквамъ *е* и *ѣ*. Собраніе опредѣлило от-

дать это представленіе въ отдѣлъ грамматикальный. Въ апрѣлѣ 1784 года Барсовъ сообщилъ академіи свои замѣчанія и дополненія на первые два листа словаря, на букву *А*[168]. Въ январѣ 1785 года Барсовъ писалъ Лепехину[169]):

Милостивый государь мой Иванъ Ивановичь

Чрезъ сіе имѣю честь поздравить васъ наступившимъ новымъ годомъ, при желаніи вамъ всякаго благополучія, а при томъ увѣдомить васъ, что *вторичная посылка собранія словъ для россійскаго словаря, надписанная отъ васъ на мое имя, мною получена, и, кому надлежало, составляющіе оную листы отъ меня розданы; такъ какъ то учинено было и съ первою таковою жъ посылкою,* о чемъ увѣдомить васъ тогда жъ я не оставилъ бы, естьли бъ удобнѣйшій сыскалъ случай нежели чрезъ почту. Не нашедши жъ таковаго и теперь принужденъ къ сему прибѣгнуть. А впрочемъ ежели бъ вы могли открыть мнѣ какой безтягостной къ тому способъ, на примѣръ чрезъ академію, или иначе: то я не преминулъ бы немедленно отвѣтствовать всегда на дѣлаемую мнѣ честь вашими письмами: ибо особливо свѣдѣнія объ академическихъ и прочихъ ученыхъ дѣлахъ, естьли бы вы меня когда нибудь оными удостоили, принималъ бы съ удовольствіемъ и благодарностію. Впрочемъ съ истиннымъ моимъ почтеніемъ къ вамъ имѣю честь быть

милостивый государь мой,

покорнѣйшій вашъ слуга

Антонъ Барсовъ.

Въ августѣ 1786 года Лепехинъ представилъ академіи присланную Барсовымъ рѣчь его, произнесенную имъ въ торжественномъ собраніи московскаго университета 30 іюня 1786 года. Въ письмѣ своемъ Барсовъ извѣщалъ, что, по случаю отлучки членовъ россійской академіи изъ Москвы, онъ не можетъ, до ихъ

возвращенія, отвѣчать на присланные ему изъ академіи вопросы; но что самъ онъ уже началъ дѣлать свои примѣчанія на полученные имъ семь листовъ академическаго словаря [170]).

Съ этого времени не встрѣчается болѣе извѣстій о сношеніяхъ Барсова съ академіей, хотя и есть основаніе полагать, что они не прерывались и впослѣдствіи. Не сохранилось въ академическихъ архивахъ и тѣхъ матеріаловъ, которые Барсовъ доставлялъ въ академію. Изъ письма куратора московскаго университета Мелиссино видно, что Барсовъ доставлялъ свои замѣчанія не прямо въ россійскую академію, а передавалъ ихъ Мелиссино, который и отсылалъ ихъ княгинѣ Дашковой. Этимъ объясняется до нѣкоторой степени отсутствіе ихъ въ архивахъ и библіотекѣ академіи.

Въ собраніи россійской академіи 10 января 1792 года княгиня Дашкова объявила о потерѣ, понесенной академіею — о кончинѣ члена ея, профессора московскаго университета Антона Алексѣевича Барсова. Незадолго передъ тѣмъ академія лишилась другаго члена — Потемкина-Таврическаго, бывшаго большимъ почитателемъ Барсова. Въ томъ же собраніи 10 января 1792 года избраны въ члены россійской академіи: на мѣсто Потемкина Николай Петровичъ Николевъ, а на мѣсто Барсова — священникъ Василій Семеновичъ Данковъ [171]).

Барсовъ умеръ 21 декабря 1791 года, и погребенъ въ Андроніевомъ монастырѣ. Въ метрическихъ книгахъ Никитскаго сорока церкви Рождества Христова, что въ Палашахъ, за 1791 годъ, записано: «тогожъ (декабря) мѣсяца 21 числа московскаго университета профессоръ Антонъ Алексѣевъ умеръ; отъ роду ему было 60 лѣтъ; и погребенъ по христіанской должности въ Андроньевѣ монастырѣ» [172]).

Добрую память о себѣ оставилъ Барсовъ и въ литературѣ, и

въ обществѣ — въ кругу лицъ, дорожившихъ успѣхами русской литературы и науки. Дѣятельность Барсова много содѣйствовала распространенію знаній въ Россіи, и вызывала искреннее сочувствіе и уваженіе образованнѣйшихъ людей тогдашняго русскаго общества. Карамзинъ высоко цѣнилъ бесѣды съ Барсовымъ, говорилъ, что онъ всегда возвращался отъ Барсова «съ обиліемъ мыслей».

И современники Барсова, и представители послѣдующихъ поколѣній отзывались о Барсовѣ подобнымъ образомъ: «Память его почтенна не по одной обширной учености, которою ознаменованы всѣ сочиненія его, но и по возвышенной душѣ, исполненной честности и добродѣтели, которыя таились надъ суровою наружностью, свойственною твердымъ характерамъ. Онъ столько любилъ науки, занимаясь ими всю жизнь свою, что не хотѣлъ никогда разстаться съ ними; не хотѣлъ промѣнять ихъ на блистательныя почести, и доказалъ это на самомъ опытѣ. Знаменитый Потемкинъ, въ бытность свою въ Москвѣ, вспомнилъ о Барсовѣ, наставникѣ своемъ, и спѣшилъ оказать ему признательность. И чего не въ состояніи былъ сдѣлать Потемкинъ дла Барсова, извѣстнаго самой императрицѣ! Но почтенный профессоръ удивилъ Потемкина, сказавъ ему: я въ своемъ состояніи счастливъ» и т. д.[173]).

Въ бумагахъ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ представителей умственной жизни Россіи, Михаила Никитича Муравьева, находится слѣдующая замѣтка: Ученые и писатели имѣютъ полное право на сердце наше, потому что ихъ идеи и сужденія составляютъ благо общества; «душою привязываются къ тѣмъ, которые душѣ нашей благодѣтельствуютъ: кто помрачитъ въ глазахъ моихъ благодѣянія *Барсова*» и другихъ русскихъ писателей[174]). Въ этихъ словахъ искренно и живо высказано то значеніе, какое имѣлъ Барсовъ для своихъ современниковъ. Право на вниманіе потомства Барсовъ пріобрѣлъ своими трудами, имѣющими несомнѣнное значеніе въ исторіи русской литературы и образованности.

V.

Не всѣ изъ литературныхъ трудовъ Барсова появились въ печати; нѣкоторые, и притомъ важнѣйшіе, остаются въ рукописи или же извѣстны только по указаніямъ, требующимъ повѣрки, и до сихъ поръ еще не отысканы. Не обошлось безъ того, что, на основаніи случайныхъ признаковъ, Барсову приписывались и такія вещи, которыя въ дѣйствительности принадлежатъ другимъ авторамъ.

Пользуясь какъ изданными, такъ и рукописными матеріалами, предлагаемъ подробный обзоръ литературной дѣятельности Барсова. Начинаемъ нашъ очеркъ исчисленіемъ трудовъ Барсова:

1) Рѣчь о пользѣ учрежденія московскаго университета, говоренная при открытіи университета 26 апрѣля 1755 года.

2) Рѣчь, говоренная въ московскомъ университетѣ 6 сентября 1760 года.

3) Рѣчь о употребленіи краснорѣчія въ россійской имперіи, читанная при открытіи курса словесности, 31 января 1761 года.

4) Краткая латинская грамматика, сочиненная Целларіемъ. Переводъ съ нѣмецкаго, 1762 года.

5) Слово, говоренное въ публичномъ собраніи московскаго университета по совершеніи коронованія императрицы Екатерины II, 3 октября 1762 года.

6) Генеральный планъ московскаго воспитательнаго дома, 1763 года.

7) Предначертанія по статьѣ о дворянствѣ, сообщенныя въ комиссію, собранную въ 1767 году для составленія проэкта новаго уложенія.

8) De brachygraphia, 1768 года.

9) Азбука церковная и гражданская съ краткими примѣчаніями о правописаніи, 1768 года.

10) Слово на предпріятое съ благополучнымъ успѣхомъ прививаніе оспы ея императорскимъ величествомъ, — говорено въ

чрезвычайномъ собраніи московскаго университета 10 ноября 1768 года.

11) Собраніе 4291 древнихъ русскихъ пословицъ. М. 1770.

12) Краткія правила россійской грамматики, 1771.

13) Слово на высокоторжественный день восшествія на престолъ императрицы Екатерины Алексѣевны, говоренное въ собраніи московскаго университета 2 іюля 1771 года.

14) Отвѣтъ на письмо англомоново — въ Опытѣ трудовъ вольнаго россійскаго собранія. Часть вторая, 1775.

15) Слово въ публичномъ собраніи московскаго университета по случаю торжества о заключенномъ съ оттоманскою портою мирѣ, говоренное 25 іюля 1775 года.

16) Политическія наставленія барона Бильфельда. Переводъ съ французскаго. Часть вторая, 1775.

17) Слово на бракосочетаніе цесаревича Павла Петровича съ великою княгинею Маріею Ѳедоровною, говоренное въ чрезвычайномъ и торжественномъ собраніи московскаго университета 15 октября 1776 года.

18) Слово на рожденіе великаго князя Александра Павловича, говоренное въ чрезвычайномъ и торжественномъ собраніи московскаго университета 23 января 1778 года.

19) Первое седмилѣтіе счастливо нынѣ продолжающаго и вѣчно желаемаго мира, представленное въ торжественномъ собраніи московскаго университета 23 сентября 1781 года.

20) Матеріалы для записокъ касательно россійской исторіи.

21) Сводъ бытій россійскихъ.

22) Слово, предложенное въ торжественномъ собраніи московскаго университета 30 іюня 1786 года.

23) Рѣчи на латинскомъ языкѣ.

24) Грамматика россійская, составленная по порученіи комиссіи о народныхъ училищахъ, 1785—1788.

25) Собственноручныя записки — шесть томовъ.

Изъ предложеннаго перечня трудовъ Барсова видно, что нѣкоторые изъ нихъ находятся въ связи съ общественною жизнію

того времени. Барсовъ является въ нихъ представителемъ идей и стремленій просвѣщеннѣйшей части русскаго общества, сотрудникомъ Бецкаго и депутатовъ законодательной коммиссіи. Другія произведенія Барсова относятся преимущественно къ его научной спеціальности — къ русскому языку и словесности. Есть основаніе полагать, что много любопытныхъ и важныхъ данныхъ заключаютъ въ себѣ собственноручныя записки Барсова. Попытки отыскать ихъ до сихъ поръ не увѣнчались успѣхомъ; но надежда еще не потеряна. Существованіе замѣчательныхъ записокъ подтверждается положительнымъ свидѣтельствомъ митрополита Евгенія, имѣвшаго ихъ въ своихъ рукахъ; но свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ ихъ оказываются неточными. 30 марта 1805 года митрополитъ Евгеній писалъ графу Хвостову изъ Новгорода: «Барсовыхъ собственноручныхъ записокъ получилъ я изъ Москвы шесть большихъ книгъ; если Страховъ и полѣнится дать намъ послужной его списокъ, то я дополню статью о немъ изъ помянутыхъ книгъ [175])». По словамъ издателя словаря русскихъ свѣтскихъ писателей, Снегирева, бумаги и книги Барсова куплены послѣ его смерти графомъ Алексѣемъ Ивановичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ, который нашелъ между ними много рѣдкихъ книгъ и лѣтописей, а двѣ книги собственноручныхъ его записокъ отдалъ въ московскій архивъ иностранныхъ дѣлъ [176]). Но въ московскомъ архивѣ нѣтъ ихъ въ настоящее время, да и нѣтъ слѣдовъ, чтобы они когда-нибудь туда поступали. Въ біографическомъ же извѣстіи о графѣ Мусинѣ-Пушкинѣ, которое явилось при жизни графа, но послѣ московскаго пожара, сказано: «Послѣ профессора Барсова купилъ онъ всѣ его книги и бумаги, въ коихъ нашелъ множество лѣтописей и рѣдкихъ книгъ. Сожалѣнія достойно, что онъ извѣстнаго и похвальнаго намѣренія своего отдать собраніе свое въ архивъ иностранной коллегіи, въ вѣдомствѣ пріятеля своего г. Бантышъ-Каменскаго состоящій, не успѣлъ исполнить [177])».

По мысли Бецкаго и на основаніи доставленныхъ имъ матеріаловъ Барсовъ составилъ планъ или уставъ московскаго воспитательнаго дома для приносныхъ младенцовъ. Въ планѣ Бецкаго и Барсова не только излагаются подробности, касающіяся устройства и управленія воспитательнаго дома, но и развиваются начала, проливающія свѣтъ на цѣль и смыслъ учрежденія, которое занимаетъ такое видное мѣсто въ исторіи нашей общественной жизни. Не своекорыстнымъ разсчетамъ и замысламъ, а уваженію къ достоинству человѣка и къ правамъ несчастія обязанъ воспитательный домъ своимъ существованіемъ. Если дому этому — сказано въ планѣ — приключится убытокъ, который однакоже послужитъ въ пользу *несчастнымъ* или *бѣднымъ*, то его надо считать не убыткомъ, а выигрышемъ. По замѣчанію составителей плана, питомцамъ воспитательнаго дома предстояло внести новую живую силу въ русское общество, образовать особое, третье сословіе въ государствѣ, въ которомъ до того времени было собственно только два сословія: дворяне и крестьяне. Много невзгодъ ожидало питомцевъ при вступленіи ихъ въ общественную жизнь, при встрѣчѣ съ такими условіями и требованіями, которыя шли въ разрѣзъ съ просвѣтительными стремленіями вѣка. Въ планѣ говорится: «Когда разсудимъ, что люди, единымъ между собою сопряженные обществомъ, рѣдко ведутъ себя *по разуму*, но почти всегда *по воображенію* и прихотямъ, а особливо купцы и фабриканты (*брадоносцы*, ложною честію и мнимымъ правовѣріемъ ослѣпленные); когда разсмотримъ обыкновенія и нравы сихъ людей, найдемъ великія трудности. Большая часть по ненависти уже одной пренебрегутъ и отвергнутъ отъ нѣдръ своихъ *новыя* сіи *растенія*». Но время, опытъ и здравый смыслъ сдѣлаютъ свое дѣло: «Фабрики и купечество мало по малу почувствуютъ, сколь нужны имъ будутъ наши выходцы».

Прямымъ назначеніемъ воспитательнаго дома было приготовлять людей, способныхъ служить отечеству дѣлами рукъ своихъ въ различныхъ искусствахъ и ремеслахъ. Тѣмъ же изъ питомцевъ, которые отличались особенною даровитостью и любовью

къ умственному труду, предстояла иная будущность: ихъ отсылали для дальнѣйшаго образованія или въ университетъ или въ академію художествъ.

На вопросъ: надобно ли дѣвочекъ учить томуже, что и мальчиковъ, — въ планѣ находится такого рода отвѣтъ: «За первое предводительство, оказанное намъ, какъ на свѣтъ вышли, за первую помощь, за первое пропитаніе, за первыя наставленія и за первую дружбу, которою въ жизни своей пользуемся, кому одолжены? Одному *женскому полу*. Но мы, *человѣки*, столь тщеславимся превосходствомъ въ крѣпости силъ своихъ, столь горды, столь упрямы и неправосудны, что и въ пріобрѣтеніи наставленій, къ просвѣщенію разума потребныхъ, препятствуемъ такому полу, которому мы за все одолжены», и т. д. За этимъ слѣдуетъ обличеніе высокомѣрныхъ господъ, смотрящихъ съ высоты величія на своихъ крѣпостныхъ, и забывающихъ, какое огромное вліяніе эти крѣпостные имѣютъ на барскихъ дѣтей, окружая ихъ съ самой ихъ колыбели. Чѣмъ хуже рабовладѣлецъ поступаетъ съ подвластными ему рабами, тѣмъ горшее зло готовитъ онъ своему собственному дѣтищу... [178]).

По свѣдѣніямъ, заимствованнымъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, Барсовъ написалъ для комиссіи, созванной для составленія проэкта новаго уложенія, *многія предначертанія по статьѣ о дворянствѣ* [179]). Въ огромной массѣ мнѣній, записокъ, примѣчаній, и т. п., поступавшихъ въ законадательную комиссію, трудно указать, что́ именно принадлежитъ Барсову, такъ какъ въ бумагахъ комиссіи нѣтъ указаній на лица, участвовавшія въ предварительныхъ работахъ, и названы по именамъ одни только депутаты. Законодательная комиссія развѣтвлялась, какъ извѣстно, на нѣсколько частныхъ комиссій, и все, что̀ писано было о дворянствѣ, поступало въ комиссію о государственныхъ родахъ.

Туда же должны были поступить и предначертанія Барсова. Члены комиссіи о государственныхъ родахъ раздѣлили свои работы такимъ образомъ. Общій планъ составилъ графъ Ѳедоръ Орловъ. Всѣ жители государства раздѣлены на три рода: 1) благородные, 2) мѣщане и 3) всѣ, отъ земледѣлія, скотоводства и всякихъ ловитвъ питающіеся люди; благородные раздѣлены на четыре степени: князья, графы, бароны и дворяне. Составленіе проэкта о дворянствѣ взялъ на себя графъ Яковъ Брюсъ. Всѣ члены изъявили готовность принять участіе въ извлеченіи изъ иностранныхъ источниковъ всего, касающагося правъ и преимуществъ благороднаго сословія. Орловъ взялъ на себя пріискивать польскія и англійскія права; Брюсъ — французскія и цесарскія; Голицынъ и Унгернштернберъ — нѣмецкія и т. д. Проэкты «правамъ благородныхъ», передавались на разсмотрѣніе разнымъ лицамъ, которыя и сообщали свои замѣчанія, касающіяся какъ существа дѣла, такъ и способа изложенія. Многія изъ нихъ направлены къ тому, чтобы права, предоставляемыя дворянству, распространить и на другія сословія, какъ напримѣръ право личной неприкосновенности; предлагали постоянно имѣть въ виду нужды и потребности не только дворянъ, но и низшихъ классовъ народа, и облегченіе участи крестьянъ, особенно крѣпостныхъ, и т. д.

Въ *проэктѣ*, въ статьѣ второй, говорилось: Какъ между людьми одни были добродѣтельнѣе другихъ, а притомъ и заслугами отличались, то принято издревле отличать добродѣтельнѣйшихъ и болѣе другихъ служащихъ людей, давъ имъ сіе нарицаніе къ чести.

Въ *разсмотрѣніи проэкта правамъ благородныхъ* замѣчено по поводу этой статьи: Что̀ въ семъ параграфѣ содержится есть одно только философическое разсужденіе о происхожденіи благородства. Нужно ли, чтобъ оное было въ уложеніи, которое по естеству своему, кажется, не должно ничего въ себѣ содержать кромѣ рѣшеній. Если думаютъ, что должно здѣсь разсуждать о происхожденіи благородства, и какимъ образомъ оно установлено,

то кажется что не можно онаго оставить для согласія трудовъ, чтобъ такимъ образомъ не разсуждать и о происхожденіи граждан̃ъ третьяго рода, рабства, также и всѣхъ прочихъ матерій. Не было ли бъ сіе весьма пространнымъ описаніемъ и неприличнымъ въ законахъ...

Въ проэктѣ, ст. 6 и 7: Добродѣтели и заслуги возводятъ людей на степень благородства. Добродѣтели, ведущія къ благородству, суть: любовь къ отечеству, ревность къ службѣ, послушаніе и вѣрность къ государю, и наблюденіе всѣхъ законовъ и должностей; заслуги военныя и гражданскія; свобожденіе государя и государства отъ опасности угрожаемой, и знатное приращеніе блага государственнаго.

Въ разсмотрѣніи проэкта: Не надлежитъ ли въ сихъ ст. 6 и 7, въ которыхъ говорится о заслугахъ, могущихъ доставлять благородство, употребить выраженія простыя вмѣсто высокихъ рѣчей, какъ напримѣръ: *возводятъ людей на степень благородства*; *добродѣтели, ведущія къ благородству* — суть рѣчи высокія и метафорическія. Ибо въ самомъ дѣлѣ добродѣтели, кои суть одни только простыя нравоучительныя понятія, *не возводятъ, не ведутъ.* Сіи рѣчи, кажется, принадлежатъ къ риторикѣ; но сей штиль образъ ли законописанія? Напослѣдокъ, отъ такаго неточнаго изображенія не должно ли опасаться, чтобъ всѣ тѣ, кои будутъ дѣйствительно имѣть, или думать, что они имѣютъ, сіи добродѣтели, не будутъ находить для себя въ сихъ словахъ доказательства, что они благородны...

Въ проэктѣ: Ежели благородный по тяжебнымъ дѣламъ заслужитъ лицеимство, то можетъ, представя надежный за себя залогъ, свободиться онаго.

Примѣчаніе: Сіе дѣло весьма сходственно съ человѣчествомъ, что тотъ, кто можетъ привести другаго въ безопасность и дать по себѣ надежную поруку, не заслуживаетъ лицеимства. Почему можно думать, что премудрая комиссія о законахъ сдѣлаетъ изъ сего первоначальнаго основанія общее правило, и тогда сіе не будетъ болѣе для благородныхъ особымъ преимуществомъ.

Въ проэктѣ: Благороднымъ дозволяется продавать и покупать свободныя деревни безпошлинно. Благородные могутъ *частно* крѣпостнымъ своимъ людямъ давать свободу.

Примѣчаніе: Сія статья не можетъ принята быть столь общею, какъ она сочинена, только въ томъ случаѣ, въ которомъ комиссія о нижнемъ родѣ опредѣлить имѣетъ, чтобъ крѣпостные люди считались между вещьми, а не лицами, какъ по древнимъ римскимъ правамъ оное сначала для рабовъ было узаконено. Сія строгость въ послѣдующія времена умѣрена новымъ правомъ, которое подало многія средства въ пользу рабовъ противъ жестокости своихъ господъ. Если намѣреніе, состоящее въ семъ словѣ: *частно*, было то, чтобъ ограничить право владѣльцевъ въ даяніи вольности своимъ крѣпостнымъ людямъ, то кажется не дошли до намѣренія, ибо тотъ, кто имѣетъ напримѣръ 1000 человѣкъ, выпустивъ на волю 999, (не) сдѣлалъ бы противъ закона, поступая по симъ словамъ, и т. д. [180]).

По волѣ императрицы Екатерины II и при ея непосредственномъ участіи переведены съ французскаго языка на русскій Политическія наставленія Бильфельда.

Баронъ Бильфельдъ (Bielfeld, 1717—1770) извѣстенъ въ литературѣ сочиненіями своими:

Institutions politiques.

Les premiers traits de l'éducation universelle ou analyse abregée de toutes les sciences, des beaux arts et des belles lettres.

Amusemens dramatiques, и др.

Онъ былъ воспитателемъ брата Фридриха II, принца Фердинанда (1730—1813), и кураторомъ всѣхъ прусскихъ университета. Подобно Фридриху II, и императрица Екатерина II весьма цѣнила сочиненія барона Бильфельда. По свидѣтельству лица, близко знакомаго съ дѣломъ, въ русскомъ переводѣ Бильфельда

«много собственнаго труда» Екатерины II. Первую часть Institutions politiques Бильфельда перевелъ на русскій языкъ князь Өедоръ Шаховскій, а вторую — Барсовъ, наблюдавшій и за печатаніемъ первой части.

Во второй части Institutions politiques говорится: о системѣ государствъ, о союзахъ и договорахъ, о сношеніяхъ съ другими державами, о внутреннемъ управленіи, о политической ариөметикѣ, и тому подобныхъ предметахъ. Политическія сужденія автора въ такомъ родѣ. Монархъ — говоритъ Бильфельдъ — долженъ любить народъ свой, и любовь эта должна выражаться въ стремленіи сдѣлать народъ счастливымъ и благополучнымъ. Не было на свѣтѣ человѣка достойнѣе и любезнѣе регента Франціи Филиппа Орлеанскаго, но онъ былъ бы плохимъ государемъ, потому что презиралъ людей, и не считалъ ихъ достойными заботъ о ихъ благополучіи. Государства, въ которыхъ естественная вольность людей притѣсняется деспотическимъ игомъ, не могутъ быть сильными, и близятся къ своему паденію. Чрезмѣрная вольность также бываетъ причиною упадка государствъ; когда все погибнетъ, свобода превратится въ своевольство: крайняя слабость польскаго королевства и ослабленіе голландской республики почти не имѣютъ другаго источника, и т. д. Необходимость войны объясняется такимъ образомъ: «Вышній Промыслъ не вступается въ дѣла земныхъ обладателей непосредственнымъ и видимымъ образомъ, и небо не являетъ чудесъ, дабы воспятить стремленіе неправдъ, творимыхъ завоевателями и тиранами. Не находится суда, отъ котораго дѣла государей были бы разсматриваемы, а еще меньше сыскать можно исполнителя приговорамъ, противъ сильныхъ державъ учиненнымъ». Поэтому единственнымъ и неизбѣжнымъ средствомъ для отвращенія неправдъ одного народа въ отношеніи къ другому остается война...

Вводя въ различныя подробности государственнаго управленія Бильфельдъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе относительно слога, употребляемаго во многихъ офиціальныхъ актахъ: «Стиль канцелярскій есть, такъ сказать, сотканіе дикихъ и обетшалыхъ

выраженій. Почти всѣ нынѣшнія европейскія канцеляріи удерживаютъ еще нѣкоторую часть древняго языка своего народа, и употребляютъ оный въ дипломахъ, патентахъ, жалованныхъ грамотахъ на дворянство, и проч. Шляпа съ распущенными полями, превеликій парикъ, шаровары и раструбы, не сдѣлаютъ нынѣ того человѣка почтеннѣйшимъ, который бы въ нихъ одѣлся, и не увѣрятъ, чтобъ онъ былъ изъ временъ Генрика IV. Но стольже смѣшно кажется въ наши дни видѣть дѣло нужное написано стариннымъ неупотребительнымъ языкомъ и такимъ стилемъ, который время уже учинило шуточнымъ. Лучше бы канцелярскій стиль повсюду отставить» и т. д. [181]).

Матеріалы для записокъ Екатерины II касательно россійской исторіи доставляемы были разными лицами, и въ числѣ ихъ профессорами московскаго университета Барсовымъ и Чеботаревымъ. Барсовъ доставилъ сводныя выписки изъ лѣтописей, съ примѣчаніями, начиная съ 1224 года. Причина, почему выбранъ именно этотъ годъ, отчасти объясняется изъ самихъ записокъ Екатерины II, хранящихся въ государственномъ архивѣ. Въ нихъ исторія Россіи раздѣлена на нѣсколько эпохъ: первая эпоха — съ древнѣйшихъ временъ до 862 года; вторая — съ 862 по 1224 годъ; третья — съ 1224 по 1462 годъ, и т. д. На долю Барсова пришлась третья эпоха, начинающаяся 1224 годомъ. Матеріалы, относящіеся къ третьей эпохѣ, какъ сохранились они въ рукописяхъ государственнаго архива, состоятъ частію изъ дословныхъ выписокъ изъ лѣтописей, частью изъ пересказа лѣтописныхъ извѣстій съ удержаніемъ только нѣкоторыхъ чертъ стараго языка; историческія свидѣтельства сопровождаются разнаго рода примѣчаніями.

— Въ лѣто 1228. Князь великій Мстиславъ Мстиславичъ Галицкій иде изъ Галича къ великому князю Владиміру Рюрико-

вичу въ Кіевъ; на пути же разболѣся, и пострижеся въ иноческій чинъ, и въ схиму, и преставися.

Того же лѣта приходили паки Емы въ новогородскія области ратію судовою; посадникъ ладожскій ускори на нихъ съ ладожаны одними, изби ихъ, и мало возвратилось въ свою землю; было же ихъ до двухъ тысячъ.

Въ 1225 году князь Михаилъ Всеволодовичъ Чермный, пришедъ отъ великаго князя Юрія Всеволодовича изъ Владимира (на Клязьмѣ) въ Новгородъ, созвалъ на вѣче новгородцевъ, объявилъ имъ, что онъ, для ихъ любви къ нему, у зятя выпросилъ задержанные товары, которые нынѣ отдаетъ, за что ему новгородцы всенародно благодарили. Новогородцы, любя его ради добродѣтели и тихаго нрава, просили его, да пребудетъ у нихъ; но онъ, увѣряя ихъ о своемъ благоволеніи, говорилъ имъ, дабы торговыхъ своихъ людей пущали къ нему въ Черниговъ, а черниговскихъ гостей въ Новгородъ для обоюдной торговли. Новогородцы, о семъ обѣщавъ, проводили его со слезами, съ честію и дары въ Черниговъ. —

Въ примѣчаніяхъ сопоставляются между собою свидѣтельства различныхъ лѣтописей, и сравниваются извѣстія русскихъ источниковъ съ иностранными; приводятся извлеченія изъ различныхъ памятниковъ по рукописямъ, хранящимся въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, и т. д. За извѣстіемъ о городѣ Кіевѣ, что онъ былъ имянитъ, знатенъ, богатъ и пространенъ, слѣдуетъ такое примѣчаніе: *Въ старинныхъ пѣсняхъ* стѣны града Кіева часто упоминаются, и почитались за дивную и славную вещь. О сихъ стѣнахъ также *преданіе* сказываетъ, яко при построеніи оныхъ известь ничѣмъ инымъ не разводили, какъ водою святою рѣки Буга, и т. д. [182]).

Барсовъ находилъ весьма полезнымъ составить *симфонію* или *сводъ бытій россійскихъ*, на первый разъ за время съ 860 по

1598 годъ, отъ Рюрика до кончины царя Θедора Ивановича, и предложилъ, какъ онъ самъ называетъ, *опытокъ* или образчикъ подобной симфоніи. *Опытокъ* Барсова состоитъ изъ краткихъ замѣтокъ, извлеченныхъ изъ исторіи Татищева, и относящихся къ первымъ пяти годамъ — съ 860 по 864. Но исторія Татищева можетъ служить, по мнѣнію Барсова, только предварительнымъ матеріаломъ; для дальнѣйшихъ же работъ нужны разнообразные источники и пособія, печатные и рукописные, русскіе и иностранные. Барсовъ считалъ необходимымъ составить роспись всѣхъ когда-либо выходившихъ книгъ о русской исторіи, географіи, генеалогіи, геральдикѣ и литературѣ, а также описаніе рукописей, и т. д. Предлагаемый сводъ бытій россійскихъ былъ бы полезенъ въ томъ отношеніи, что представилъ бы твердую основу для написанія русской исторіи. «Такая симфонія — говоритъ Барсовъ — или такой сводъ составитъ *матерію,* что русскимъ словомъ *суровье* назвать можно, порядочной и довольно полной исторіи. Но самое сіе собираніе и сличеніе *суровья,* тѣмъ паче самая исторія не иначе, какъ собраніемъ нѣсколькихъ ученыхъ, знающихъ и трудолюбивыхъ людей произведено быть можетъ въ дѣйство, при надлежащихъ пособіяхъ и награжденіяхъ, чего удобнѣе *желать* можно, нежели *надѣяться*»[183]).

Всѣ остальные труды Барсова относятся къ русскому языку и словесности, за исключеньемъ латинской грамматики Целларія, передѣланной Геснеромъ, которую Барсовъ перевелъ съ латинскаго языка на русскій. Въ переводѣ своемъ Барсовъ исправилъ нѣкоторыя погрѣшности подлинника, сдѣлалъ разныя перемѣны и дополненія, опуская излишнее, и внося то, что нужно было для сравненія латинскаго языка съ русскимъ[184]).

VI.

Особенно велико, сравнительно съ другими произведеніями, число похвальныхъ словъ, написанныхъ Барсовымъ и произнесенныхъ имъ въ торжественныхъ собраніяхъ московскаго университета. По званію профессора элоквенціи и по искусству владѣть русскимъ языкомъ Барсовъ былъ присяжнымъ ораторомъ университетскихъ празднествъ, по какому бы поводу они ни происходили. При торжествахъ въ дни рожденія и коронованія императрицы, бракосочетанія наслѣдника престола и т. п.; при раздачѣ наградъ студентамъ; при открытіи ученыхъ обществъ; при посѣщеніи университета высокими особами, какъ напримѣръ гетманомъ Разумовскимъ, и т. п., Барсовъ говорилъ рѣчи, и привѣтствовалъ посѣтителей отъ лица всего ученаго сословія. Произнесеніе рѣчей вызывалось не только обычаемъ того времени, но и положительнымъ требованіемъ устава, въ которомъ съ большою точностью опредѣлено, кого и за что̀ должны хвалить ораторы. Уставъ вмѣнялъ въ обязанность приглашать на университетскія торжества всѣхъ *знатныхъ персонъ и охотниковъ до науки*, и въ присутствіи ихъ *представлять съ достойными похвалами высокоматернее попеченіе о благополучіи подданныхъ вообще, а особливо неизрѣченныя щедроты къ университету*. Барсовъ самъ говоритъ, что произноситъ свои похвалы *по долгу*, т. е. по требованію устава, налагающему *обязательство расширять уста для прославленія щедротъ*.

Такой взглядъ не казался страннымъ въ восемнадцатомъ столѣтіи, когда нравы позволяли писателямъ искать и покровительства, и наградъ. «Торжествуйте россійскія музы, — восклицаетъ Барсовъ — дерзайте *упованіемъ на щедроты* толь любящія васъ покровительницы вашея». Обращаясь къ Шувалову, Барсовъ говоритъ: «Достохвальны вообще заслуги ваши; но паипаче достопамятно учиненное вами побужденіе умамъ россійскимъ тщательнѣе, и *съ надеждою не только похвалы, но и награжденія*,

упражняться въ россійскомъ словѣ, и особливо въ россійскомъ стихотворствѣ».

Какъ въ выборѣ предметовъ для своихъ рѣчей Барсовъ сообразовался съ офиціальными требованіями, такъ въ изложеніи, въ пріемахъ и прикрасахъ, слѣдовалъ указаніямъ риторики. Всѣ рѣчи его написаны на одинъ ладъ, построены по одному образцу. Почти половина ихъ начинается совершенно одинаковымъ образомъ — союзами: *если, если бы*, за которыми слѣдуютъ длинные цвѣтистые періоды: «Если гдѣ всенародные вѣщатели обремененными чувствуютъ себя множествомъ и важностію различныхъ частей, торжественныя рѣчи ихъ составлять долженствующихъ, то сему затрудненію особливо подвержены истолкователи пріемлемаго симъ высокимъ училищемъ участія во всеобщемъ торжествѣ» и т. д. Я привелъ только треть чрезвычайно пространнаго періода. Или: «Если чѣмъ чувствительнѣе долговременное лишеніе и недостатокъ какого-либо блага, чѣмъ горячѣе желаніе онаго, и чѣмъ нетерпѣливѣе ожиданіе, тѣмъ пріятнѣе полученіе недостающаго, тѣмъ радостнѣе исполненіе желаемаго, и тѣмъ утѣшительнѣе пришествіе ожидаемаго быть долженствуетъ: то что можетъ сравниться съ чувствуемымъ нами, высоко-почтеннѣйшіе слушатели, удовольствіемъ, веселіемъ и радостію» и т. д., и т. д.

Въ образахъ, сравненіяхъ и картинахъ, находящихся въ рѣчахъ Барсова, выражается общій вкусъ того времени, сближающій похвальныя слова съ похвальными, торжественными одами. Въ тогдашнихъ одахъ вся вселенная, лѣса и горы привѣтствуютъ Елисавету съ ея воцареніемъ:

Тамъ холмы и древа взываютъ,
И громкимъ гласомъ возвышаютъ
До самыхъ звѣздъ Елисаветъ.

Въ рѣчи Барсова, все населеніе Россіи и вся природа ликуетъ по случаю коронованія Екатерины II: «веселятся градовъ россійскихъ тысящи; селъ и весей безчисленное множество ликов-

ствуютъ; поля самыя въ пріятнѣйшій видъ облещись стараются, нежели наступающее суровое время дозволяетъ; лѣса и дубровы продлить свою зеленость нудятся; возносятъ горы верхи свои въ высоту, и моря, подверженныя россійской державѣ, отъ впадающихъ въ нихъ съ необыкновеннымъ веселіемъ рѣкъ, внимая нову вѣсть о причинѣ торжества нашего, волны свои укрощаютъ, и пріемлютъ въ радости нашей участіе»...

Несмотря на риторическія украшенія и высопарныя разглагольствія, похвальныя слова Барсова не искажаютъ истины въ томъ, что касается самой сущности дѣла. Барсовъ утверждалъ, что въ отзывахъ его о Екатеринѣ II нѣтъ лести, и что онъ брался за перо не потому, что «по предписанію политиковъ, съ государями и о государяхъ подданные не иначе, какъ шелковыми словами говорить, и имъ, какъ Богу, за все благодарить должны; но по истинному и всѣми внутренно ощущаемому признанію и увѣренію». Привѣтствуя воцареніе Екатерины II, Барсовъ говоритъ: «толикое благополучіе намъ по тяжкомъ несчастіи воспослѣдовало; что можетъ быть ужаснѣе претерпѣнной нами бури въ краткое оное, но крайне смутное, за три мѣсяца предъ симъ минувшее полугодищное время?»

По убѣжденію Барсова, Екатерина II вызвала Россію къ новой жизни; возвысила ея государственное могущество; заботилась о распространеніи знаній въ русскомъ обществѣ, и много сдѣлала для облегченія суровой доли русскаго крестьянина.

Барсовъ признаетъ великою заслугою Екатерины II умѣнье выбирать военачальниковъ, которые руководствовались въ дѣйствіяхъ своихъ мудрымъ правиломъ — «ничего не полагать на отвагу, на счастіе; но все предусматривать и предуготовлять прозорливостію, дабы храбрости и мужества основаніемъ было всегда благоразуміе». И опытъ подтвердилъ справедливость драгоцѣннаго правила: быстрая и разумная перемѣна оборонительной войны на наступательную повлекла за собою рядъ побѣдъ, прославившихъ русское оружіе. Главными причинами турецкой войны Барсовъ считаетъ необходимость обороны русскихъ

предѣловъ и сочувствіе къ единовѣрцамъ, подпавшимъ агарянскому игу. «При любви къ отечеству — говоритъ Барсовъ — не главнымъ ли къ толь сильному наступленію на наступающаго супостата было человѣколюбіе и сожалѣніе о Греціи, стенящей подъ тяжкимъ игомъ работы? Сія толь славная въ древнихъ вѣкахъ великими людьми, науками, художествами, просвѣщеніемъ, а наипаче вольностію своею страна, нынѣ толь въ презрѣнномъ и гнусномъ плѣненіи страждущая, узрѣвъ россійскія Паллады подвигъ на врага ея, со слезами руки свои и воплемъ къ ней простирала. Избавь меня, избавь, взывала къ ней: если твоя высокая премудрость, твое человѣколюбіе, твоя десница сильная не подастъ мнѣ отъ золъ моихъ нынѣ спасенія, въ три вѣка цѣлые толь близко мнѣ не предстоявшаго, то всѣ вѣки не могутъ уже принести мнѣ онаго, и безпрерывное теченіе лѣтъ отъ времени до времени наиболѣе погашать будетъ во мнѣ самой не только надежду ко избавленію моему, но и самое желаніе онаго, даже до того, какъ наконецъ совершенно погружусь я въ варварство, и память имени моего истребится.... Близость и соединеніе россійскихъ воиновъ съ единовѣрными намъ христіанами, подъ игомъ стенящими, спасительныя сообщило симъ и въ кровь ихъ вліяло перемѣны, то есть воспоминаніе древней славы греческой, ненависть презрѣннѣйшаго и несноснѣйшаго рабства, желаніе свободы и чести, и дѣйствительное и славное усиліе о возвращеніи оной».

Счастливѣйшими событіями внутренней жизни Россіи во времена Екатерины II Барсовъ признаетъ: открытіе народныхъ училищъ; учрежденіе судовъ, въ которыхъ всѣ граждане, отъ высшаго сословія и до крестьянъ, будутъ судиться не начальствомъ, а равноправными ихъ собратами; уменьшеніе цѣны на предметы необходимые для всѣхъ и каждаго, до самыхъ послѣднихъ бѣдняковъ, и т. п. «Не съ первыхъ ли дней — говоритъ онъ — несказанное облегченіе учинила, повелѣвъ немалымъ числомъ уменьшить цѣну самонужнѣйшей къ пропитанію вещи, какова есть соль? Коликому множеству бѣдныхъ людей, а особливо поселянъ, утраченное отъ дороговизны оной здоровье и почти

самая жизнь возвращена будетъ?... Нѣтъ нужды уже бѣднымъ и маломощнымъ искать правосудія въ отдаленіи, но приближено око его къ каждому селенію и каждаго почти къ дому, такъ что оное мгновенно благотворительную руку свою простерти и неукоснительнымъ защищеніемъ своимъ оградить можетъ всякаго, къ нему прибѣгающаго, отъ обидъ и утѣсненій. Великое то облегченіе! Но коль наипаче облегчаетъ то установленіе, что каждый, даже до послѣдняго поселянскаго состоянія, съ сего времени судимъ быть имѣетъ не одними предпоставленными надъ нимъ начальниками, которыхъ повелѣніямъ повиноваться онъ долженъ, и которые во многомъ понудительную и устрашающую власть надъ нимъ имѣютъ, но своими собратіями, которые имъ самимъ на извѣстное время избраны, и равномѣрно имъ судимы быть могли бъ или судимы быть могутъ; почему, судя его, и сами на себя и на свое время взирать, и не только взысканія законнаго бояться, но еще добраго отъ избравшаго ихъ общества признанія желать, а худаго мнѣнія опасаться должны».

Въ одной изъ рѣчей своихъ Барсовъ разсматриваетъ вопросъ, съ какою цѣлью должно учиться наукамъ. Иные говорятъ, что наукамъ слѣдуетъ учиться для наукъ, т. е. для того, чтобы наполнить разумъ потребными въ жизни знаніями. Соглашаясь отчасти съ этимъ мнѣніемъ, Барсовъ находитъ однакоже, что оно не представляетъ вполнѣ удовлетворительнаго рѣшенія вопроса во всемъ его объемѣ. Не осуждаетъ Барсовъ и тѣхъ, которые вслѣдствіе бѣдности отдаютъ дѣтей своихъ учиться для того, чтобы доставить имъ пропитаніе; не осуждаетъ потому, что бѣдные имѣютъ полное право, чтобы объ нихъ, какъ и о покойникахъ, или говорили хорошо, или вовсе ничего не говорили. По мнѣнію Барсова, истинная цѣль научнаго образованія должна состоять въ соединеніи умственнаго развитія съ нравственнымъ: знаніе должно быть дверью къ добродѣтели, и т. д. [185]).

Рѣчи Барсова, будучи разсматриваемы въ связи съ современными имъ произведеніями, представляютъ черты, имѣющія свое значеніе въ исторіи русской литературы восемнадцатаго столѣтія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ они могутъ служить матеріаломъ и для исторіи русскаго языка. На этомъ основаніи приводимъ нѣсколько данныхъ, касающихся значенія и образованія словъ, ихъ сочетанія и управленія, и т. п.

— Видимъ мы очевидное надъ нами *событіе* древняго изреченія. — Освѣщена *событіемъ* желаній, согрѣта чувствіемъ радости.

Воспоминаніемъ послѣднихъ вѣковъ изъ *бытій* отечества нашего.

Должно взойти къ самому *бытности* нашея началу, къ самому рожденію человѣческому.

Въ разсужденіи дѣйствій, къ сему *округу* времени принадлежащихъ.

Въ краткомъ только показаніи главнѣйшихъ *окрестностей*, показывающихъ рожденіе его высочества для насъ и для него счастливымъ.

Не только *животомъ* пожалованы, но и при имѣніи своемъ и при прежнихъ чинахъ оставлены.

Ученіе во многихъ случаяхъ занимаетъ мѣсто *искусства* и *испытанія*.

Сравненіе ученія съ *искусствомъ* или *испытаніемъ*.

Преимущество ученія надъ собственнымъ *испытаніемъ*.

Въ тѣлѣ какая слабость, какая *хлипкость*.

Знатнѣйшія миромъ доставлены *выгодности* и пользы.

Древнихъ баснословныхъ временъ невѣжествомъ и *суевѣрствомъ*.

Уповаю получить отъ вашего *снисходительства* извиненіе.

Буйное простиралъ *смѣльство* и несмысленную надежду.

Титъ, Троянъ, *благодѣтельствами* своими донынѣ во всемъ свѣтѣ прославляются.

Признаваю *недостаточество* потребнаго таланта.

Духовное сословіе, купечество, *поселянство*.

Видимое истощеніе и повсемѣстное *оторопленіе* силъ непріятельскихъ.

Требовалъ неусыпности и *неутомленности*.

Съ *люботщаніемъ* всегда и охотно.

Коликой удивились *скорорѣшимости*.

Должную испытанію и *частоупотребленію* честь отнимая.

Въ какомъ же счастія *степени*, не въ самомъ ли высочайшемъ.

Купечество, обрадованное симъ, яко *извѣстнымъ* возстановленіемъ пришедшаго въ крайнее разрушеніе состоянія своего.

О важности сего вопроса и о томъ, сколько онъ *любопытнаго* разсмотрѣнія достоинъ.

Слышенъ только кричащій голосъ, *довольный* къ безпокоенію всякаго слуха.

Не знатность ли рода, почтеніе сана, *сверстный* возрастъ, лѣпота внѣшняя и доброты внутреннія.

Бывшаго при днѣпровскихъ порогахъ *юродиваго* и безпокойнаго сонмища.

Прощеніе *винныхъ*, уступленіе недоимокъ, облегченіе тягостей.

Чувствительны къ *неутомленнымъ* ея попеченіямъ о ихъ безопасности, спокойствіи и изобиліи. — Теченіе дѣйствій, *неутомленное* показующихъ о всеобщемъ благѣ попеченіе.

Именемъ университета *должнѣйшее* приношу благодарствіе.

Мы съ *крайнѣйшимъ* благодареніемъ принимали посылаемый отъ небесъ миръ.

Предлагать надлежитъ о похвалахъ премудрѣйшія и *любоученѣйшія* просвѣтительницы россійскаго свѣта. — Почтеннаго *любоученѣйшихъ* мужей собранія.

Да позволено мнѣ будетъ добротамъ твоимъ, которыхъ *скудорѣчивый* языкъ мой достойно возвысить не можетъ.

По сихъ *скоропостѣшныхъ* приготовленіяхъ послѣдовали и дѣйствія *благоуспѣшныя*.

Чудеснымъ, невѣроятнымъ, *баснoподобнымъ* должно казаться потомству.

Средства къ произведенію претруднѣйшихъ дѣлъ *безтруднымъ* образомъ.

Въ отдаленныхъ мѣстахъ, намъ прежде незнаемыхъ по большей части и *безгодныхъ*.

Война, продолжающаяся болѣе пяти лѣтъ, не могла быть *безтягостною*.

Безопасность отъ нападеній непріятеля утверждена разведеніемъ россійскихъ границъ отъ *безпосредственной* съ нимъ смежности.

Въ семъ, наукамъ и ученію *присвоенномъ* домѣ.

Засвидѣтельствуется единымъ, отъ щедротъ ея *воздвиженнымъ* храмомъ.

Нестолько *подвижена* будучи напастію.

Завиствующіе спокойству и благополучію нашему недоброжелатели.

Человѣколюбивыхъ монарховъ, а не тирановъ *суровствующихъ*.

Тамъ найдемъ мы сію, столько *высящуюся* и превозносящуюся тварь.

Стараться долженствуемъ, чтобъ о нашемъ сорадованіи и благодарности увѣрена была *воспричинствовавшая* оныя великодушная монархиня.

Намѣряясь продолжать начатое къ вамъ мое слово.

Отпущая дѣтей своихъ въ ученіе.

Чѣмъ болѣе въ себѣ *признаваю* недостаточество таланта. — Всякій приносимую ученіемъ пользу безъ сомнѣнія *признаваетъ*. — Европа вся *признаваетъ*.

Не говорю: въ древнѣйшія времена; ниже на тѣ времена указую, которыя средними назваться могутъ; но гораздо на позднѣйшее время *настою*.

Между всѣмижъ *изяществуетъ* чувствуемое веселіе и удовольствіе.

Премудрой монархинѣ отличныя похвалы и прославленіе *долженствуются*.

Однако *лукавновалъ* еще, и испрашиваемыми перемиріями пользовался только къ выгоднѣйшему для себя возобновленію войны.

Дерзнувъ высочайшей ея особѣ *согрублять* и чинить противности.

Никакое слово *уравниться* имъ (похваламъ) не можетъ.

Можетъ иному *возмниться.*

Въ толь безмѣрную обширность безсильнымъ словомъ моимъ *впуститься* не дерзая.

Не весь ли совершенно и *безсомнѣнно* увѣренъ свѣтъ.

Часто изъ противныхъ произшествій выходятъ слѣдствія пріятныя, какъ *на прикладъ*: по войнѣ миръ, по ненастіи и бури тишина.

Какъ вообще всѣми училищами, такъ и *во особливости* университетомъ.

Отъ чадолюбивѣйшей матери *избыточественно* употреблены всякія иждивенія.

Высокопочтеннѣйшіе слушатели, кои *для* высокихъ своихъ чиновъ и степеней удостоены быть у самого источника веселій. — Мы учимся наукамъ *для* наукъ. — Ученіе *для* одной одной славы, которую оно приноситъ, должно бъ быть почтенно и любезно.

Внимая сіе мое утвержденіе, не должно мнить, будто бъ я на развалинахъ искусства храмъ похвалъ наукамъ созидалъ.

Вѣчно долженствуемъ *благодарить оной*, которая виновницею будетъ благополучія.

Непріятель, не могши *сравниться побѣдительницѣ* своей силою и храбростію и успѣхами въ войнѣ.

Путь открылся *вліянію въ* общія дѣла европейскія.

Болѣзнь, которая знатной части рода человѣческаго совершенное истребленіе *на своемъ имѣетъ счетѣ*, и т. д.

Извѣстность Барсова въ литературныхъ кругахъ восемнадцатаго столѣтія основывалась преимущественно на его похвальныхъ словахъ, какъ можно судить по отзыву Новикова. Въ его словарѣ русскихъ писателей всѣ свѣдѣнія о Барсовѣ ограничиваются слѣдующими строками: «Барсовъ Антонъ, московскаго императорскаго университета профессоръ краснорѣчія, сочинилъ на предпріятое и съ благополучнымъ успѣхомъ оконченное при-

виваніе оспы ея императорскимъ величествомъ, весьма изрядное слово, напечатанное ноября 10 дня 1768 года, много похваляемое за чистоту россійскаго слога и прочія красоты, въ немъ находящіяся; есть и еще нѣсколько словъ его сочиненія». Иную оцѣнку дѣлаетъ имъ митрополитъ Евгеній. Въ статьѣ о Барсовѣ, помѣщенной въ Другѣ просвѣщенія и въ рукописныхъ матеріалахъ къ словарю митрополита Евгенія находится слѣдующій отзывъ о рѣчахъ Барсова, зачеркнутый въ рукописи, а потому невошедшій и въ печатное изданіе словаря: «Въ нихъ видно плодовитое краснорѣчіе, но болѣе фразеологическое, нежели вещественное. Латинскія его слова писаны слогомъ довольно чистымъ и свойственнымъ». Нѣкоторыя рѣчи Барсова вновь изданы, какъ образцовыя, въ 1819 году, обществомъ любителей россійской словесности [186]).

Въ рѣчахъ Барсовъ весьма много славянизмовъ и заимствованій изъ церковныхъ книгъ. Подобно Ломоносову, онъ считалъ церковныя книги неисчерпаемымъ источникомъ для обогащенія и украшенія русскаго языка и слога. Эту мысль выражаетъ Барсовъ и въ отвѣтѣ на письмо англомана, защищавшаго смѣлое употребленіе метафоръ, которыхъ напрасно, по его мнѣнію, избѣгаютъ русскіе писатели.

Въ числѣ трудовъ Барсова упоминаются также нѣкоторыми библіографами: азбука, изданная въ 1768 году, и собраніе русскихъ пословицъ.

Въ 1768 году издана при московскомъ университетѣ Азбука церковная и гражданская, съ краткими примѣчаніями о правописаніи. Имени автора не обозначено, а потому оно и остается неизвѣстнымъ. Авторъ считаетъ излишними: букву ѳ, ничѣмъ неотличающуюся въ выговорѣ отъ *ф*, и букву ъ послѣ согласныхъ; во всѣхъ извѣстныхъ языкахъ — говоритъ онъ —

безчисленное множество словъ, оканчивающихся на согласныя, а знака ъ нѣтъ, и т. д.

О приписываемомъ Барсову Собраніи 4291 древнихъ русскихъ пословицъ Д. И. Языковъ, въ статьѣ своей о Барсовѣ, замѣчаетъ, что заслуги издателя заключается въ томъ, что безъ него многія пословицы вовсе бы утратились; но изданіе весьма не полно, и пословицы смѣшаны съ прибаутками, приговорками, присказками, а нѣкоторыя искажены.

Любимѣйшимъ предметомъ занятій Барсова была русская грамматика, надъ которою онъ работалъ съ увлеченьемъ, со страстью. Человѣкъ — говорилъ онъ — всего болѣе отличается отъ другихъ животныхъ словомъ или языкомъ, слѣдовательно наука о языкѣ есть важнѣйшая и истинно-человѣческая. Барсовъ весь уходилъ въ грамматику, жилъ для склоненій и спряженій, божился именами существительными, и видѣлъ во снѣ нарѣчія. Его волновала до глубины души неслыханная дерзость новѣйшихъ грамматиковъ, обращавшихъ изъявительное наклоненіе въ неокончательное и глаголы недостаточные въ полные. Съ величайшимъ восторгомъ говорилъ онъ о своихъ открытіяхъ, рѣшившихъ разъ на всегда спорный вопросъ объ окончаніи глаголовъ и объ управленіи именъ числительныхъ, и т. д. Таковъ былъ Барсовъ — великій мужъ русской грамматики, по юмористическому изображенію искренняго почитателя Барсова — Карамзина [187]). Въ остроумной шуткѣ Карамзина вѣрно то, что Барсовъ былъ истымъ жрецомъ своей науки, принималъ къ сердцу всѣ ея вопросы, и много потрудился для изслѣдованія свойствъ и особенностей отечественнаго языка. Любопытно также признаніе Карамзина, что если онъ умѣетъ *задумываться надъ словомъ*, то этимъ драгоцѣннымъ для писателя свойствомъ обязанъ Барсову... Нѣсколько поколѣній училось русскому языку по руководству Бар-

сова, выходившему подъ названіемъ *Краткія правила россійской грамматики*, и выдержавшему много изданій. Вѣнцомъ научной дѣятельности Барсова служитъ его рукописная *Россійская грамматика*, обозрѣнію которой мы посвящаемъ всю слѣдующую главу.

VII.

Изъ научныхъ трудовъ Барсова особеннаго вниманія заслуживаетъ составленная имъ по вызову комиссіи о народныхъ училищахъ обширная россійская грамматика. Составленіе и дальнѣйшая судьба, отчасти также и самый характеръ замѣчательнаго труда Барсова объясняется воззрѣніями и требованіями училищной комиссіи, имѣющей безспорное и важное значеніе въ исторіи русской образованности. Поэтому считаемъ умѣстнымъ привести нѣсколько чертъ, знакомящихъ съ главною задачею и ходомъ работъ комиссіи и съ тѣми условіями, въ которыя поставлены были составители различныхъ руководствъ.

Въ дѣятельности комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ ярко выражаются просвѣтительныя стремленія Екатерины II и ея вѣка. Движеніе, обнаружившееся въ европейскомъ обществѣ во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія, выдвинуло на первый планъ вопросъ о народномъ образованіи. Идеи о свободѣ и равноправности пріобрѣтали все болѣе и болѣе поборниковъ, доказывавшихъ необходимость образованія для всѣхъ и каждаго, неисключая самыхъ низшихъ классовъ народа. Неотъемлемымъ правомъ каждаго гражданина и лучшею связью, соединяющею его съ отечествомъ, признавали воспитаніе, основанное на разумныхъ началахъ, и заключающее въ себѣ прочный залогъ и личнаго счастья и общественнаго благосостоянія. «Благополучнымъ быть есть предметъ каждаго человѣка, — говорится въ заявленіи комиссіи — отъ добраго воспитанія и руководства еще съ младыхъ лѣтъ жизнь каждаго гражданина, всѣ его склонности и дѣла, все вѣчное и временное благополучіе за-

висить. Государство обязано доставить каждому безъ изъятія гражданину воспитаніе, ибо не мѣстомъ рожденія, къ произволенію судебъ относящагося, государство доставляетъ гражданамъ своимъ благодѣяніе; но отечество обязываетъ къ себѣ благодарностію своихъ сыновъ чрезъ воспитаніе». Училища, учреждаемыя комиссіею, назывались *народными*, потому что доступъ въ нихъ открытъ былъ для *всего народа*, безъ различія званія и происхожденія[188]). Это-то сознаніе равноправности всѣхъ слоевъ народа въ дѣлѣ просвѣщенія повело къ выработкѣ общаго плана или системы народнаго образованія — въ Россіи и въ другихъ странахъ Европы. Особенно замѣчательна и сама по себѣ и по значенію въ умственной жизни Европы восемнадцатаго столѣтія система народнаго образованія, выработанная въ Австріи въ царствованіе Маріи Терезіи, и послужившая образцомъ при учрежденіи народныхъ училищъ въ Россіи[189]).

По плану, утвержденному Маріею Терезіею и прославившему ея имя, обширныя владѣнія разноплеменной Австріи должны были покрыться сѣтью народныхъ школъ. Не только въ каждомъ городѣ или городкѣ, но и въ каждомъ селѣ сколько ни будь значительномъ заводилось училище, и вся эта масса училищъ соединялась въ одно стройное цѣлое, въ которомъ господствовала самая строгая послѣдовательность.

Училища раздѣлялись на малыя или *тривіальныя*, главныя и нормальныя. Тривіальныя школы (trivialschulen) получили свое названіе отъ trivium, потому что въ нихъ обучали тремъ предметамъ: читать, писать и считать. Въ главныхъ школахъ (hauptschulen) преподавали геометрію, механику, архитектуру, естественныя науки, географію, исторію, сельское хозяйство и латинскій языкъ. Въ курсъ нормальныхъ школъ (normalschulen) входило, сверхъ названныхъ предметовъ, все то, что необходимо для образованія будущихъ учителей: нормальныя школы, какъ показываетъ самое названіе, должны были служить нормою, образцомъ для другихъ школъ и разсадникомъ народныхъ учителей.

Главнѣйшее преимущество австрійской системы заключалось въ томъ, что посредствомъ нея образованіе, основанное на прочныхъ и разумныхъ началахъ, проникало во всѣ слои народа, и распространялось во всѣ края государства. Введеніе новой системы привѣтствовалось какъ одно изъ величайшихъ событій въ умственной и государственной жизни Австріи. Современники видѣли въ немъ лучшую славу Маріи Терезіи и драгоцѣннѣйшій перлъ ея царственнаго вѣнца — die normalschule ist der erste diamant in Theresiens kaiserkrone. Австрійская система вызвала соперничество и подражаніе во многихъ государствахъ Европы. Впечатлѣніе, произведенное на западѣ Европы, отразилось и въ Россіи. Комиссія о народныхъ училищахъ, учрежденная Екатериною II, находится въ непосредственной связи съ комиссіею объ училищахъ, учрежденною Маріею Терезіею.

Вопросъ о народномъ образованіи постоянно занималъ императрицу Екатерину II. Обдумывая способы для распространенія знаній въ русскомъ обществѣ и народѣ, и совѣщаясь по этому поводу съ представителями науки, Екатерина II остановилась на мысли примѣнить къ русской жизни и ея потребностямъ систему народнаго образованія, введенную въ Австріи, и заслужившую единодушное одобреніе друзей и недруговъ этого государства. Къ такому выбору Екатерина склонилась какъ по сознанію достоинствъ австрійской системы, ея полноты и стройности, такъ и потому, что при введеніи ея въ Россію можно было вызвать изъ Австріи не мало лицъ, вполнѣ знакомыхъ съ педагогическимъ дѣломъ и родственныхъ русскому народу по племени, по вѣрѣ и по языку. На это обстоятельство указывалъ и академикъ Эпинусъ въ своемъ планѣ, принятомъ Екатериною II съ особенною благосклонностью [190]).

Эпинусъ былъ горячимъ приверженцемъ австрійской системы, и отдавалъ ей рѣшительное преимущество передъ всѣми другими безъ исключенія. По его мнѣнію, единственный вѣрный путь для водворенія образованія въ Россіи заключался въ подражаніи австрійскому образцу. Долговременнымъ опытомъ Эпинусъ приве-

денъ былъ, по его собственнымъ словамъ, къ тому убѣжденію, что нашимъ предпріятіямъ весьма часто не достаетъ внутренней силы и прочности. Многія изъ нихъ, блестящія въ началѣ, быстро склоняются къ упадку, и исчезаютъ безъ всякаго слѣда. Разгадку такого печальнаго явленія Эпинусъ видитъ въ легкомысліи русскаго народа; но Шлецеръ указываетъ другой источникъ — грубое и невѣжественное самоуправство начальниковъ и неспособность подчиненныхъ, получающихъ мѣста не по заслугамъ, а по протекціи [191]).

Даже слабыя стороны австрійской системы, служившія поводомъ къ обвиненію ея въ подавляющемъ деспотизмѣ (universalschuldespotismus) нашли въ Эпинусѣ ревностнаго защитника. Онъ приходилъ въ восторгъ отъ начала единства и *однообразія*, положеннаго въ основу австрійской школы, и видѣлъ въ немъ залогъ прочности и дальнѣйшихъ успѣховъ народнаго образованія. Законодательною властію постановлено было въ Австріи, чтобы руководства, изданныя центральною училищною комиссіею, признавались строго обязательными для всѣхъ училищъ; никто не имѣлъ права преподавать по другимъ учебникамъ; книгопродавцы подлежали отвѣтственности передъ правительствомъ за продажу учебниковъ, вышедшихъ не изъ офиціальнаго источника, т. е. не изъ центральной комиссіи о народныхъ училищахъ. Мѣстныя комиссіи должны были слѣдить, чтобы во всѣхъ школахъ со всевозможною точностью держались образцовъ, напечатанныхъ въ Вѣнѣ, и чтобы при перепечаткѣ ихъ недопускалось ни малѣйшихъ измѣненій въ содержаніи; даже число страницъ и строкъ непремѣнно оставалось тоже самое. Вполнѣ сочувствуя подобнымъ требованіямъ, Эпинусъ замѣчаетъ, что всякое уклоненіе отъ даннаго образца было бы порчею его, и не можетъ быть терпимо въ учебномъ дѣлѣ: нормальная школа должна быть безусловнымъ образцомъ для всѣхъ другихъ, подобно тому какъ выставленные въ полиціи образцы вѣса и мѣры признаются нормою при торговыхъ сдѣлкахъ, охраняющею отъ всякихъ попытокъ къ обмѣриванью и обвѣшиванью [192]). Русская комиссія о

народныхъ училищахъ, членомъ которой былъ академикъ Эпинусъ, постановила, чтобы въ преподаваніи соблюдалось единство, и чтобы составители учебниковъ, предназначаемыхъ для русскихъ училищъ, постоянно имѣли въ виду австрійскіе образцы.

Бесѣдуя съ императоромъ Іосифомъ, во время пребыванія его въ Россіи, Екатерина II выразила желаніе ознакомиться съ учебными руководствами, изданными для австрійскихъ школъ. Іосифъ II, въ письмѣ изъ Могилева отъ 7 іюня 1780 года, потребовалъ, чтобы книги высланы были въ Петербургъ со всевозможною скоростью, и требованіе его было немедленно исполнено. Въ числѣ книгъ, посланныхъ въ Россію по приказанію императора Іосифа, находилось и руководство для учителей, составленное Янковичемъ для православныхъ школъ Сербіи: «Ручная книга потребна магістромъ іллірическихъ неунітскихъ малыхъ школъ». Знакомство съ австрійскими учебниками еще болѣе расположило Екатерину II въ пользу австрійской системы народнаго образованія. Комиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ въ Россіи открыла свою дѣятельность переводомъ на русскій языкъ принятыхъ въ Австріи руководствъ; авторъ лучшихъ изъ нихъ, сербъ Янковичъ, вызванъ былъ въ Россію, и принималъ самое ревностное и плодотворное участіе въ трудахъ училищной комиссіи. Въ учредительномъ актѣ ея говорится: «По намѣренію нашему учредить въ имперіи нашей народныя школы указали мы собрать и перевести потребныя къ тому книги, и сверхъ того для удобнѣйшаго изъясненія призвали мы одного изъ трудившихся въ устроеніи таковыхъ народныхъ школъ въ земляхъ владѣнія его величества императора римскаго, директора сихъ училищъ въ темесварскомъ уѣздѣ, Ѳедора Янковича, знающаго языкъ россійскій, и нашъ православный законъ исповѣдывающаго. Соизволяя, чтобъ сіе полезное и необходимо нужное заведеніе во всей имперіи нашей въ наилучшемъ порядкѣ и въ совершенномъ *единообразіи* учинено было, признали мы за благо учредить особую комиссію» и т. д. [193]).

Ѳедоръ Ивановичъ Янковичъ де Миріево (1741—1814) или

Янковичъ *изъ Миріево* (Миріево — село въ Сербіи, близъ Бѣлграда, принадлежавшее предкамъ Янковича), какъ самъ онъ подписывался въ первое время своего пребыванія въ Россіи, вызванъ въ Россію и вступилъ въ вѣдѣніе комиссіи о народныхъ училищахъ при самомъ ея учрежденіи [194]). Онъ былъ душою училищной комиссіи. При открытіи комиссіи членами ея назначены: сенаторъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, академикъ Эпинусъ и Петръ Ивановичъ Пастуховъ. Общій планъ устройства народныхъ училищъ въ Россіи принадлежитъ Янковичу.

Всѣ училища раздѣлялись на три рода: *нижнія*, состоявшія изъ двухъ классовъ; *среднія* — изъ трехъ, и *вышнія* — изъ четырехъ.

Въ нижнихъ училищахъ обучали русской грамотѣ и сверхъ того ариѳметикѣ. Въ среднихъ училищахъ преподавались: священная исторія, краткая всебщая исторія, краткая географія. Въ вышнихъ училищахъ: геометрія, архитектура, механика, физика, естественная исторія, и т. д. [195]).

Преподаваніе русскаго языка распредѣлено было такимъ образомъ: въ нижнихъ училищахъ и въ первыхъ двухъ классахъ среднихъ и вышнихъ училищъ обучали познанію буквъ, складамъ, чтенію, письму и *правописанію*; въ третьемъ классѣ среднихъ и вышнихъ училищъ преподавалась *грамматика*; въ четвертомъ классѣ вышнихъ училищъ занятія русскимъ языкамъ ограничивались письменными упражненіями.

Число предметовъ въ низшихъ, среднихъ и высшихъ училищахъ было, въ общей сложности, весьма значительно, и для преподаванія нужны были учебники. За неимѣніемъ ихъ, по всѣмъ предметамъ, въ русской литературѣ, и вслѣдствіе новыхъ требованій, заявленныхъ комиссіею, пришлось обратиться къ иностраннымъ руководствамъ и переводить ихъ на русскій языкъ. Въ промеморіи своей, представленной въ комиссію объ учрежденіи народныхъ училищъ, Янковичъ говоритъ о необходимости «вся учебныя книги, которыя для юношества въ училищахъ нужны, дать перевесть, и такія осмотрѣть и прочитать, есть ли что тымъ

прибавить или отъ нихъ отнять потребно, чтобъ потомъ учители, по совершенiи своего теченiя, юношество надлежаще и по предписанiю методы обучать могли»[196]).

Между тѣмъ какъ другiе учебники переводились съ иностранныхъ образцовъ, для составленiя русской грамматики необходимо было обратиться къ содѣйствiю русскихъ ученыхъ, извѣстныхъ своимъ знанiемъ отечественнаго языка. Съ этою цѣлью комиссiя о народныхъ училищъ обратилась къ Свѣтову, а послѣ смерти его къ Барсову. Такъ какъ труды ихъ находятся въ ближайшей связи между собою, и Барсовъ былъ до нѣкоторой степени продолжателемъ Свѣтова, то мы сочли умѣстнымъ помѣстить въ настоящемъ выпускѣ и монографiю о Свѣтовѣ, тѣмъ болѣе, что имя этого почтеннаго труженика весьма мало извѣстно въ нашей литературѣ.

Составленiе русской грамматики было настоятельною необходимостью, вполнѣ сознаваемою комиссiею о народныхъ училищахъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Свѣтова рѣшено было обратиться къ Барсову, и по этому поводу въ собранiи комиссiи сдѣлано слудующее постановленiе: «Какъ начатое академiи наукъ переводчикомъ Свѣтовымъ сочиненiе россiйскiя грамматики для употребленiя народныхъ училищъ смертiю его, г. Свѣтова, пресѣклося, то комиссiя о народныхъ училищахъ, не зная здѣсь другаго къ продолженiю сочиненiя сего способнаго и въ языкѣ россiйскомъ довольно къ тому сильнаго человѣка, который бы подъ присмотромъ ея могъ оное совершить, рѣшилася препоручить сiе дѣло императорскаго московскаго университета профессору краснорѣчiя, г. коллежскому совѣтнику Антону Барсову, какъ человѣку, *въ словѣ россiйскомъ много упражнявшемуся, и болѣе прочихъ себя въ ономъ оказавшему.* Чего ради и сообщить ему начало покойнаго г. Свѣтова, *предоставя однако въ полную его волю продолжать начатое г. Свѣтовымъ или начать съ самаго начала, если ему первыя таблицы г. Свѣтова не покажутся; съ тѣмъ, чтобы онъ токмо слѣдовалъ расположенiю тоя нѣмецкiя*

грамматики, которая вмѣсто плана предписана была при сочиненіи г. Свѣтову, и кою для того доставить въ образецъ и г. Барсову, обнадежа для его одобренія, что труды его по сему дѣлу не останутся конечно безъ награжденія»[197]).

Первенствующій членъ комиссіи, которая находилась подъ собственнымъ вѣдѣніемъ ея величества, П. В. Завадовскій обратился къ Барсову съ просьбою принять на себя составленіе руководства по русской грамматикѣ; Барсовъ изъявилъ полную готовность, и между нимъ и Завадовскимъ началась весьма любопытная переписка. Вопреки нетерпѣливому ожиданію членовъ комиссіи и разсчетамъ самого Барсова, работа затянулась надолго, на нѣсколько лѣтъ. О согласіи своемъ немедленно приступить къ работѣ Барсовъ извѣстилъ Завадовскго въ мартѣ 1783 года; начало труда представилъ въ маѣ 1785 года, а конецъ — въ февралѣ 1788 года.

Призванный продолжать начатое Свѣтовымъ, Барсовъ не щадитъ своего предшественника, отнимая у его труда всякое значеніе. Въ отзывахъ Барсова слышится обычная въ восемнадцатомъ столѣтіи непріязнь между писателями, избиравшими одинаковые предметы для своихъ занятій. Ломоносовъ, Тредьяковскій и Сумароковъ спорили между собою о правописаніи, о стихосложеніи, и т. п., и писали другъ противъ друга и колкія полемическія статьи и болѣе или менѣе остроумныя эпиграммы. Барсовъ рѣзко осуждаетъ грамматическія правила, предлагаемыя Свѣтовымъ; Свѣтовъ въ свою очередь называетъ нелѣпымъ опредѣленіе существительныхъ, принятое Барсовымъ въ его краткихъ правилахъ русской грамматики, предшествовавшихъ составленію обширнаго руководства.

Въ одномъ изъ писемъ своихъ Барсовъ съ горькою ироніею говоритъ объ административныхъ трутняхъ, наносящихъ много вреда университетской жизни....

Переписка Барсова съ Завадовскимъ служитъ единственнымъ и весьма цѣннымъ источникомъ для знакомства съ ходомъ всего дѣла; она представляетъ живую исторію замѣчательнаго труда,

и мы передаемъ ее въ той послѣдовательности, въ какой выходила она изъ подъ пера авторовъ. Изъ одиннадцати писемъ Барсова только два несобственноручныя; всѣ писаны изъ Москвы [198]). Письма Завадовскаго къ Барсову привожу по сохранившимся копіямъ.

12 марта 1783 года Завадовскій писалъ Барсову:

Государь мой Антонъ Алексѣевичъ!

Доказанное искуство и дарованіе ваше въ россійскомъ словѣ поводомъ мнѣ суть просить васъ, государя моего, споспѣшествовать вашимъ трудомъ въ дѣлѣ, къ общей пользѣ относящемся; а состоитъ оное въ слѣдующемъ: какъ ради употребленія въ новозаводимыхъ по высочайшему ея императорскаго величества повелѣнію народныхъ училищахъ во всей Россіи потребна исправная, достаточная и лучшимъ порядкомъ расположенная россійская грамматика, каковой у насъ еще нѣтъ; то прошу васъ, государя моего, именемъ учрежденной для установленія народныхъ училищъ комиссіи о принятіи на себя сочиненія оной или вновь, или докончанія, буде найдете за благо, начатой бывшимъ при академіи наукъ языка россійскаго учителемъ Васильемъ Свѣтовымъ, котораго сей трудъ прервала смерть, и которую препровождаю къ вамъ при семъ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣмецкимъ образцомъ, котораго ему предписано было держаться, и коему послѣдовать я прошу и васъ, если вы трудъ сей принять на себя не отречетеся, а въ уповаціи того я и предпочелъ мой безпосредственный къ вамъ отзывъ всѣмъ инымъ пособіямъ. Прошу быть увѣреннымъ, что тщаніе и услуга ваша въ пользу общую не останется безъ достойнаго воздаянія; и въ томъ соизволите положиться на мою обязанность и усердное стараніе.

Ожидая вашего благосклоннаго на сіе увѣдомленія, пребываю съ почтеніемъ

вашъ, милостиваго государя моего,

покорный слуга

Петръ Завадовскій.

23 марта 1783 года Барсовъ Завадовскому (собственноручное):

Милостивый государь Петръ Васильевичь.

На предложеніе, которымъ меня ваше превосходительство удостоили, и которое я на сихъ дняхъ имѣлъ щастіе получить, о сочиненіи россійской грамматики, во отвѣтъ чрезъ сіе имѣю честь донести вашему превосходительству, что какъ изъявляемое тѣмъ вашего превосходительства и высокоучрежденной коммиссіи разсужденіе обо мнѣ отмѣнную мнѣ честь дѣлаетъ, то я не только не отрекаюсь отъ сего возлагаемаго на меня дѣла, но напротивъ того съ удовольствіемъ оное на себя пріемлю. И хотя отнюдъ не присвоиваю себѣ потребныхъ къ сему способностей въ такой степени и пространствѣ, какъ ваше превосходительство, для ободренія меня приписывать мнѣ изволите; но сколько оныхъ имѣю не премину употребить съ усердіемъ соотвѣтствующимъ высочайшему премудрыя монархини въ толь общеполезномъ дѣлѣ намѣренію, и толь лестному для меня отъ высокоучрежденныхъ и просвѣщенныхъ особъ отзыву обо мнѣ и избранію. Начальными тетратями господина Свѣтова, такъ какъ и другими книгами грамматическими, и особливо извѣстными мнѣ примѣчаніями Вольнаго Россійскаго Собранія при университетѣ учрежденнаго (въ которыхъ есть и мое посильное участіе) пользоваться буду съ надлежащимъ разсмотреніемъ, такъ чтобъ ничего справедливого не отвергнуть, изъ самолюбія и своенравія, и ничего жъ не припять неосновательнаго изъ предубѣжденія или нерадѣнія; равно какъ и данному образцу нѣмецкому сообразоваться не премину. Токмо естьли г. Свѣтову дано было какое въ разсужденіи сего подробнѣйшее наставленіе, тобъ соблаговолено было оное мнѣ сообщить; и особливо снабдить онымъ меня въ разсужденіи первоначальнаго введенія въ грамматику:

всель оное помѣстить должно подражая нѣмецкому подлиннику: ибо г. Свѣтовъ начинаетъ прямо съ этимологіи.

Впрочемъ съ достодолжнымъ почтеніемъ имѣю честь быть

милостивый государь

вашего превосходительства

покорнѣйшій слуга

Антонъ Барсовъ.

20 мая 1783 года Завадовскій Барсову:

Милостивый государь мой Антонъ Алексѣевичъ!

Письмо ваше, обнадеживающее сочиненіемъ россійской грамматики, приняла комиссія съ удовольствіемъ, подобнымъ тому удостовѣренію, каковое она имѣетъ къ дарованіямъ и усердію вашему въ пользу общую. Вразсужденіи сочиненія сея книги не остается ничего прибавить, кромѣ того, чтобы при раздѣленіи частей ея, въ порядкѣ ихъ и союзѣ, слѣдовать точно сообщенному вамъ образцу, обращая на свойство россійскаго языка находящіяся въ немъ правила о нѣмецкомъ. Чтожъ касается до начала грамматики, то хотя для употребленія первыхъ двухъ классовъ народныхъ училищъ и сочинены покойнымъ г. Свѣтовымъ таблицы о познаніи буквъ, о складахъ, о чтеніи и о правописаніи, но какъ сіи краткія понятія не опредѣлены быть началомъ грамматики, а служатъ токмо къ ней предуготовленіемъ, то комиссія проситъ начать трудъ вашъ съ самыхъ первыхъ частей, а между тѣмъ для нѣкотораго васъ облегченія посылаетъ къ вамъ упомянутыя таблицы г. Свѣтова, если вы впрочемъ употребить ихъ разсудите, ибо комиссія предоставляетъ совершенно благоразумію и искусству вашему выборъ источниковъ для почерпанія потребныхъ вамъ матеріаловъ. Прошу примѣтить только, что въ таблицахъ сихъ не достаетъ просодіи, которая для новой грам-

матики тѣмъ будетъ нужнѣе, что объ ней нѣтъ ничего ни въ одной изъ старыхъ.

За симъ, пожелавъ въ трудѣ вашемъ скораго успѣха, остаюсь съ отличнымъ почтеніемъ

вамъ, государя моего,
покорный слуга
Петръ Завадовскій.

17 іюля 1783 года Барсовъ Завадовскому (собственноручное):

Милостивый государь Петръ Васильевичь.

На полученное мною послѣднее письмо вашего превосходительства, собственно въ разсужденіи возлагаемой онымъ на меня должности, краткаго требовалось отвѣта, именно же что я о исполненіи поручаемаго мнѣ высокоучрежденною коммиссіею дѣла, по предписанію вашему и по сообщенному образцу, не премину стараться съ усердіемъ, какъ то и чрезъ сіе подтверждаю. Но какъ приложенныя при томъ таблицы хотя не составляютъ части грамматики, однакожъ служатъ къ ней предуготовленіемъ, и правила свои заимствовать бы должны отъ знанія самой грамматики: то самая тажъ должность требовала отъ меня подробнѣйшаго оныхъ таблицъ разсмотренія; такъ какъ оная жъ требуетъ, чтобъ я и заключенія мною потому учиненнаго не скрылъ отъ вашего превосходительства, для лучшаго ихъ же исправленія и дополненія, есть ли за благо разсудитъ высокоучрежденная комиссія: потому что въ нихъ мѣстами есть и изъясненія не довольно точныя, и исчисленія или раздѣленія не обстоятельныя, и правила не полныя, или темныя, или между собою противорѣчащія, или и совсѣмъ ложныя, и употребленію лучшихъ писателей и издателей противныя, такъ что прямыя погрѣшности грамматическія предаются за правило при самомъ первомъ наставленіи юношества, что все подтвердить можно подробными примѣчаніями естьли потребуется. Но я въ примѣръ приведу только одно изъ таковыхъ правилъ, хотя и въ печатаніи книгъ нѣкоторою знатною типографіею, лѣтъ можетъ быть за 15 введенное,

однако тѣмъ не менѣе всеобщему употребленію и первымъ основаніямъ не только грамматики но самой грамоты противное. Находится оное на страницѣ 18. подъ числомъ 6). «Какъ напримѣръ *весь*, *вся*, *все*, въ единственномъ во всѣхъ падежахъ и родахъ удерживаетъ *е*, во множественномъ пріемлетъ вездѣ *ѣ*». Весьма легкая и изрядная, но столько жъ ли исправная διχοτομία, въ слѣдствіе которой какъ *обо всемъ*, *во всемъ*, *при всемъ*, *на всемъ*, такъ и *со всемъ* пишутъ и печатаютъ. Но не двухъ ли разныхъ падежей грамматика здѣсь показываетъ идеи, различаемыя по вопросамъ, съ одной стороны *о комъ? въ комъ? при комъ? на комъ? о чемъ? въ чемъ? при чемъ? на чемъ*; а съ другой *съ кѣмъ? съ чѣмъ?* Всеобщее же великой и малой Россіи, ученыхъ и неученыхъ людей и самыхъ безграмотныхъ употребленіе, отъ всѣхъ вѣковъ и понынѣ, не два ли разныя имѣетъ произношенія въ разсужденіи гласныхъ буквъ въ творительномъ и предложномъ падежахъ мужескаго и средняго родовъ единственнаго числа, онаго слова *весь*; и найдется ли въ русскомъ царствѣ хотя одинъ человѣкъ, кто бъ въ общихъ разговорахъ говорилъ *со всîомъ*, такъ какъ всѣ безъ изъятія говорятъ *обо всîомъ*, *при всîомъ* и проч. Да сочинитель таблицъ и самъ себя въ семъ случаѣ опровергаетъ своимъ же правиломъ на страницѣ 20 подъ буквою *е* предложеннымъ: «которыя слова во просторѣчіи произносятся какъ тонкое *îо*, тѣ безъ сомнѣнія надлежитъ писать черезъ *е* &c». Но главное дѣло состоитъ въ томъ, что два выговора всегда и вездѣ слухомъ различаемые требуютъ и двухъ разныхъ буквъ, для представленія глазамъ той же разности. Но видно легче было раздѣлить тотчасъ па двое, нежели напрящи сколько нибудь размышленіе къ подробнѣйшему разобранію хотя не большаго жъ числа разностей въ самой вещи, по грамматикѣ и по грамотѣ, яко по теоріи и практикѣ, то есть по идеямъ падежей и по разности выговора; въ чемъ не только своихъ но и самыхъ иностранцовъ стыдиться бы должно, которые отъ часу болѣе въ нашъ языкъ вникаютъ не по такимъ лѣностнымъ сокращеніямъ правилъ безъ разбору, но по истиннымъ общей філологіи основаніямъ. И вообще

оный же сочинитель таблицъ, на стран. 16, подъ буквою (в), какъ справедливо примѣчаетъ, что малороссіяне самымъ выговоромъ различіе между буквами *е* и *ѣ* показываютъ, такъ, по крайней мѣрѣ не осторожно, съ другой стороны утверждаетъ, будто у великороссіянъ *е* и *ѣ* никакого различія въ выговорѣ не имѣютъ; что хотя можно сказать о многихъ, но не обо всѣхъ великороссіянахъ; да и тѣ, которые выговоръ сихъ буквъ смѣшиваютъ, отнюдъ не всегда оное дѣлаютъ, но часто, хотя въ невѣдѣніи, по природою россійскою водимы, раздѣляютъ. Однимъ словомъ, есть изъ великороссіянъ, умѣющіе раздѣлять *е* отъ *ѣ*; а естьли кто не умѣетъ, тотъ можетъ надлежащее о томъ свѣдѣніе, между прочими способами, заимствовать и отъ выговора малороссійскаго. Въ разсужденіи сего, такъ какъ и во многомъ другомъ, лучше бы сочинителю таблицъ согласоваться съ грамматикою господина Ломоносова § 114. и другими всѣми, а паче съ самымъ простымъ разсудкомъ, нежели невѣжество учителей дьячковъ и тому подобныхъ безграмотныхъ грамотѣевъ предавать за правило юношеству. Ваше превосходительство милостиво извините меня что я утрудилъ васъ симъ разбираніемъ: я счелъ оное сколько къ моему дѣлу, столько жъ и къ сужденію вашего превосходительства принадлежащимъ, какъ по основательному знанію и всегдашнему упражненію вашему въ отечественномъ нашемъ словѣ, такъ и особливо по участію, которое вы имѣете въ установленіи способовъ ко обученію россійскаго языка, и которое вамъ даетъ также способъ и къ отвращенію сей явной безмѣстности и другихъ тому подобныхъ погрѣшностей. Умедленіе жъ сего отвѣтствія на письмо вашего превосходительства всепокорнѣйше прошу простить мнѣ. Причиною оному были продолжившіеся въ университетѣ и его гимназіи чрезъ весь іюнь мѣсяцъ годовые экзамены да и другое при томъ, въ слѣдствіе высочайшихъ повелѣній препорученное отъ его высокопревосходительства перваго куратора и учредителя университета профессорамъ дѣло, вмѣстѣ съ экзаменами и послѣ оныхъ довольное время продолжавшееся; in quo ipso negotio, est ubi

amori tuo in almas scientias, imo in ipsam patriam, vir excellentissime simul ac doctissime, indulgeas, defendenda unica universitate rossica, a tam multis fucis inter apes, insuper habitis professorum monitis, contra omnem rationem instituti scientiis sacri, nec minus certe contra intentionem sapientissimae scientiarum promotricis, sub articulo Directorii, (quasi nomen solum, cancellariane an aliter vocetur, non vero res ipsa et pecunia frustra impendenda referret), intrusis, qui substantiam scientiarum, ipsi indocti et otiosi, quanquam alias honesti viri devorent; quasique illis de statu ac victu, precibus modo et commendationibus ab universitate adhibitis, a sua majestate prospici non posset alibi, ita ut nihil ipsis decedat, neque quidquam universitatem premat: cum nunc non a praesentibus modo, sed et in primis ab eorum successoribus, qui *statui* scilicet sic dicto universitatis inserti sunt (qualium officiorum nec vola nec vestigium in ulla unquam universitate) sumtus universitatis nostrae aggraventur. Hanc caussam communem, magis etiam quam meam propriam, imo meam quoque caussam, et me ipsum adeo, tuo, vir excellentissime, benevolentiae, precibus enixissimis commendo.

Illustrissimi nominis tui
cultor observantissimus detitissimusque
Antonius Barssow.

18 октября 1783 года Завадовскій Барсову:

Милостивый государь мой Антонъ Алексѣевичъ!

Хотя послѣднее ваше письмо отъ 17 числа іюля, содержащее въ себѣ справедливыя ваши примѣчанія о таблицахъ г. Свѣтова, меня и совершенно увѣряетъ, съ какимъ раченіемъ принялися вы за предложенное вамъ отъ комиссіи дѣло; но какъ недостатокъ сей въ хорошей россійской грамматикѣ нѣкоторыя изъ здѣшнихъ училищъ между тѣмъ дѣйствительно претерпѣваютъ, а главному народному училищу, которое здѣсь вскорѣ откроется, оный еще

и того чувствительнѣе быть долженъ, потому что комиссія положила не употреблять другой, кромѣ вашей, уповая, что вы сочиненіемъ оной не замедлите: то сихъ причинъ ради имѣю я еще честь просить васъ, государя моего, поспѣшить сочиненіемъ симъ, сколько вамъ возможно, увѣряя васъ притомъ, что сіе усугубитъ признательность комиссіи, которая тѣмъ нетерпѣливѣе творенія вашего ожидаетъ, чѣмъ превосходнѣе быть оному чаетъ. Я остаюся впрочемъ съ почтеніемъ моимъ

вашъ, государя моего,

покорный слуга

Петръ Завадовскій.

P. S. Если есть лишній изъ студентовъ или адъюнктовъ въ университетѣ, который бы могъ преподавать грамматику, во всѣхъ ея частяхъ, россійскаго языка, а притомъ бы зналъ понѣмецки столько, чтобъ на свой языкъ исправно переводилъ, — о имени таковаго прошу мнѣ дать знать, чтобъ я потому испросилъ ему увольненіе ко употребленію въ главномъ народномъ училищѣ.

11 января 1784 года Завадовскій Барсову:

Милостивый государь мой Антонъ Алексѣевичъ!

Не получивъ на письмо мое отъ 18 октября прошлаго 1783 года никакого отъ васъ отвѣта, возобновляю просьбу мою о поспѣшеніи сочиненіемъ россійскія вашея грамматики, въ которой всѣ здѣшнія народныя училища, а особливо открытое недавно главное, имѣютъ великую нужду, поелику комиссія, надѣяся скораго сочиненію вашему окончанія, положила не употреблять никакой другой, кромѣ вашей. И для сего желалъ бы я знать положительно, къ которому времени вы трудъ вашъ довершить уповаете, о чемъ и прошу васъ, государя моего, меня непродолжительно увѣдомить, пребывая съ почтеніемъ моимъ

вашъ, государя моего,

покорный слуга

Петръ Завадовскій.

4 марта 1784 года Завадовскій Барсову:

Государь мой Антонъ Алексѣевичъ!

Узнавъ изъ послѣдняго письма вашего (NB. письма этого не сохранилось) о причинѣ, остановившей предпріятое вами сочиненіе россійской грамматики къ продолженію крайняго недостатка народныхъ училищъ, и не зная притомъ окромѣ васъ другаго къ сочиненію сему способнаго человѣка, долженъ былъ учинить о томъ мое донесеніе, дабы васъ отъ возложеннаго вновь дѣла освободить. На что и получилъ отъ господина оберъ-камергера Ивана Ивановича Шувалова увѣдомленіе, что вы дѣломъ тѣмъ болѣе занимаемы не будете, а оставится вамъ время и свобода на продолженіе начатой грамматики, какъ о томъ, можетъ быть, вамъ теперь уже и объявлено. Посему прося васъ, государя моего, паки приступить къ оставленному сочиненію, толико для народныхъ училищъ теперь нужному, возобновляю притомъ и обязанность мою испросить вамъ, по окончаніи вашего труда, воздаяніе, соотвѣтственное щедротѣ, заведенія сіи покровительствующей, пребывая съ почтеніемъ моимъ

вас, государя моего,

покорнымъ слугою

Петръ Завадовскій.

18 марта 1784 года. Барсовъ Завадовскому (собственноручное):

Милостивый государь Петръ Васильевичь.

Письмо вашего превосходительства отъ 4-го дня сего марта мѣсяца имѣлъ честь я получить, съ которымъ вмѣстѣ получа также и истребованное вами освобожденіе мнѣ отъ другаго вновь на меня возложеннаго дѣла, не премину по оному приняться опять за продолженіе оставленной предъ симъ грамматики россійской, съ потребнымъ къ тому тщаніемъ, дабы сочиненіе сіе не безполезно быть могло учащимся, и по силѣ моей соотвѣтствовало бы

оказанной ко мнѣ довѣренности въ томъ отъ вашего превосходительства и отъ высокоучрежденной комиссіи о народныхъ училищахъ. Между тѣмъ принося должную благодарность мою за милостивое обѣщаніе касательно до исходатайствованія мнѣ награжденія, и препоручая себя въ дальнѣйшее покровительство ваше, имѣю честь быть,

милостивый государь,
вашего превосходительства
всепокорнѣшій слуга
Антонъ Барсовъ.

8 августа 1784 года Завадовскій Барсову:

Государь мой Антонъ Алексѣевичъ!

Неизвѣстность, въ которой я объ успѣхѣ предпріятаго вами сочиненія нахожуся, и частыя мнѣ чинимыя напоминовенія о скорѣйшемъ россійскія грамматики изданіи, которая полезна быть можетъ и не въ однихъ училищахъ народныхъ, заставляютъ меня паки утруждать васъ просьбою моею, дабы вы къ поспѣшнѣйшему оныя окончанію приложили всевозможное ваше стараніе, будучи теперь, по увѣренію г. оберъ-камергера Ивана Ивановича Шувалова, ничѣмъ постороннимъ болѣе не заняты. Удвоеніемъ вашего въ семъ дѣлѣ раченія можете вы не токмо ускорить пріобрѣтеніе высочайшаго себѣ за оное благоволенія, но еще и мѣру онаго усугубить, чего я и сердечно желаю, пребывая съ почтеніемъ моимъ

вашъ, государя моего,
покорнымъ слугою
Петръ Завадовскій.

19 августа 1784 года Барсовъ Завадовскому:

Милостивый государь Петръ Васильевичъ.

Милостивое писаніе вашего превосходительства отъ 8 дня сего августа имѣлъ честь я получить, на которое къ должному

ответствію донести имѣю слѣдующее, какъ о томъ не давно и къ его высокопревосходительству господину оберъ-камергеру представлялъ: что съ того времени, какъ извѣстное бывшее мнѣ препятствіе отъ другаго возложеннаго на меня дѣла отвращено было, я со всякимъ усердіемъ денно и ночно трудъ свой употребляю надъ грамматикою, и при недостаточной помощи прежде изданныхъ грамматикъ однако довольную часть оной выработалъ, съ бо́льшею притомъ противъ всѣхъ прежнихъ обстоятельностію, многократно дополняя, и передѣлывая свои тетрати, которыя чрезъ два мѣсяца надѣюсь довести до глаголовъ, и представить вашему превосходительству къ разсмотренію, съ тѣмъ, что не соблаговолено ли будетъ сей отдѣлъ и издать подъ именемъ *первой части россійской грамматики.* А потомъ и о послѣдующихъ частяхъ, чтобъ ихъ привести ко окончанію, не примину всевозможное прилагать стараніе; въ чемъ, выключая остановки, происходящія отъ самаго свойства вещи, требующаго многихъ справокъ съ книгами не только грамматическими, но и другихъ родовъ, и не только россійскими, но и другихъ языковъ, впрочемъ съ моей стороны, развѣ какого болѣзненнаго случая, ни какого промедленія не будетъ, яко въ дѣлѣ неменѣе по собственному моему усердію, какъ и по долгу повиноненія производимомъ, и особливо такомъ, чрезъ которое, если оно одобрено будетъ, по обнадеженію вашего превосходительства, удостоиться могу и высочайшаго благоволенія. По донесеніи сего осмѣлюсь препоручить себя въ милостивое покровительство ваше, и имѣю честь быть,

милостивый государь,
вашего превосходительства
всепокорнѣйшій слуга
Антонъ Барсовъ.

16 декабря 1784 года Завадовскій Барсову:

Государь мой Антонъ Алексѣевичъ!

Послѣднее ваше письмо, писанное минувшаго августа отъ 19 дня, исполнило меня пріятныя надежды увидѣть вскорѣ опытъ

вашего труда и совершенства: и въ семъ уповаціи ожидалъ токмо прошествія назначеннаго отъ васъ самихъ срока. Но какъ за онымъ протекли почти другіе два мѣсяца, а я между тѣмъ никакого отъ васъ извѣстія не получилъ, то и безпокоюся, не отвлечены ли вы паки отъ предпріятаго вами по просьбѣ моей труда какимъ ни есть инымъ, вновь на васъ возложеннымъ, дѣломъ. Грамматика же ваша чѣмъ далѣе, тѣмъ становится нужнѣе, и я желалъ бы крайне, чтобы вы поспѣшили, сколько можно, въ такомъ дѣлѣ, которое не менѣе вамъ можетъ принести пользы, какъ и чести. Прося на сіе увѣдомленія, пребыть имѣю честь

вас, государя моего,

покорнымъ слугою

Петръ Завадовскій.

30 декабря 1784 года Барсовъ Завадовскому (собственноручное):

Милостивый государь Петръ Васильевичь

Писаніе вашего превосходительства, отъ 16 сего декабря мѣсяца имѣлъ честь я получить; и къ должному увѣдомленію по оному имѣю донести вопервыхъ, что инаго вновь возложеннаго на меня дѣла нынѣ не находится. Впрочемъ же я какъ желалъ усердно окончать этимологію скорѣе, такъ и срокъ полагалъ къ тому соотвѣтствующій сему желанію, и трудъ употреблялъ всеприлѣжнѣйшій; и естьли бы, сколько въ томъ безотлучнаго сидѣнья и письмá употреблено, столько оное сочиненіе впередъ все подавалось, то оное и кончено быть могло бъ въ назначенное время, или и прежде. Но *свойство глаголовъ нашихъ, представляющее лабиринтъ предъ прежними частьми еще несравненно затруднительнѣйшій*, преодолѣваетъ и воспящаетъ всѣ старанія, которыя доказать можетъ многочисленность исписанныхъ и многократно мною передѣлыванныхъ и вновь переписыванныхъ тетратей о глаголахъ. Ибо чѣмъ далѣе въ оные вникаю, тѣмъ больше является несообразностей, для которыхъ въ

разные каталоги их собрать, не однократно принятыя расположенія перемѣнять и премножество перечернивать должно было. Въ разсужденіи сего всепокорнѣйше прошу, милостивый государь, возымѣть еще великодушное терпѣніе, въ надеждѣ той что къ великому посту окончана будетъ этимологія, а въ синтаксисѣ уже толь сильныхъ препонъ не ожидаю. Напослѣдокъ, препоручая себя паки милостивому снисхожденію, имѣю честь съ глубочайшимъ почтеніемъ быть,

милостивый государь,
вашего превосходительства
всепокорнѣйшій слуга
Антонъ Барсовъ.

1 мая 1785 года Барсовъ Завадовскому:

Милостивый государь
Петръ Васильевичь.

При семъ имѣю честь представить вашему превосходительству на разсмотреніе оконченную мною важнѣйшую часть россійской грамматики — этимологію, которою сочиненіе оной грамматики зачать я долженъ былъ вопервыхъ потому, что нѣкоторое начало ея, хотя не довольно обстоятельное, прислано было ко мнѣ отъ вашего превосходительства, а притомъ и по сáмому свойству сей части, ею надлежало начать оное сочиненіе: поелику предметъ ея чувствительнѣе отдѣленъ отъ прочихъ частей; напротивъ чего другія, какъ напримѣръ *правописаніе*, а по предписанному мнѣ образцу и *просодія*, хотя по учебному порядку прежде полагаются, но въ самой вещи къ совершенному ихъ уразумѣнію многое заимствуется или извѣстнымъ предполагается изъ этимологіи. Въ разсужденіи сей, мною сочиненной, хотя по истиннѣ подтвердить можно, что она полнѣе и обстоятельнѣе прежнихъ, что можно тотчасъ усмотрѣть изъ сравненія, ибо многія частныя наставленія, о которыхъ прежде кратко упомя-

нуто было только, или и совсѣмъ умолчано, здѣсь предложены со всѣми объясненіями, и притомъ я, сколько возможно, слѣдовалъ данному образцу: однако все чувствую, что долженъ просить ваше превосходительство о милостивомъ снисхожденіи во многихъ случаяхъ при разсматриваніи сего труда моего. Что касается до времени, на сіе сочиненіе употребленнаго, то всепокорнѣйше прошу ваше превосходительство вычесть изъ онаго отнятые у меня для другаго дѣла 7 мѣсяцовъ, и прочее возложить на свойство самаго предмета и обстоятельность его произведенія, къ чему я труда своего непощадилъ, но колико возможно съ лучшимъ успѣхомъ тщался оное здѣлать.

Къ знанію просодіи теперь способствовалъ я практически, то есть написаніемъ примѣровъ всѣхъ съ удареніями, а индѣ и пріобщеніемъ краткихъ примѣчаній о томъ; правилъ же общихъ съ обстоятельнѣйшими примѣчаніями по возможности опытъ предложу въ назначенномъ по образцу мѣстѣ, и соразмѣрно сему назначенію, къ чему и приступлю неукоснительно, такъ какъ и къ прочимъ начальнымъ частямъ грамматики, во ожиданіи увѣдомленія о томъ, удостоится ли одобренія сія этимологія. Наконецъ, паки испрашивая милостиваго снисхожденія, имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ

милостивый государь

вашего превосходительства

всепокорнѣйшій слуга

Антонъ Барсовъ.

12 августа 1785 года членъ училищной комиссіи Пастуховъ (за отсутствіемъ Завадовскаго) писалъ Барсову:

Государь мой Антонъ Алексѣевичъ!

Присланную отъ васъ етимологію къ сочиняемой вами для употребленія народныхъ училищъ россійской грамматикѣ комиссія о народныхъ училищахъ при письмѣ вашемъ къ г. тайному

совѣтнику Петру Васильевичу Завадовскому получила, и бывъ полностію и исправностію оныя довольна, проситъ о продолженіи вашего труда. О чемъ, по отсутствію его превосходительства, васъ отъ имени оныя комиссіи увѣдомляя, пребыть имѣю честь

васъ, государя моего,
покорнымъ слугою
Петръ Пастуховъ.

25 августа 1785 года Барсовъ Пастухову (собственноручное).

Милостивый государь Петръ Ивановичь.

Письмо, которымъ ваше превосходительство меня, отъ 12-го сего августа, удостоить соизволили, имѣлъ честь я получить. Хотя объявляемое въ немъ удовольствіе высокоучрежденной коммиссіи о народныхъ училищахъ, въ разсужденіи присланной отъ меня Этимологіи Россійской, конечно болѣе происходитъ отъ ея снисхожденія вообще къ полезнымъ сколько нибудь для отечества трудамъ въ семъ родѣ, нежели отъ точнаго достоинства моего посильнаго въ семъ дѣлѣ успѣха: однакожъ тѣмъ не менѣе служитъ мнѣ ко ободренію, съ надеждою простираться и въ прочихъ частяхъ возложеннаго на меня сочиненія россійской грамматики; какъ и дѣйствительно между тѣмъ изъ предшествующихъ этимологіи частей первая, то есть о правоизглашеніи, мною почти ужѐ кончена, за которою и о всѣхъ другихъ не премину стараться со всевозможнымъ тщаніемъ. Впрочемъ имѣю честь быть съ достодолжнымъ почтеніемъ

милостивый государь,
вашего превосходительства
всепокорнѣйшій слуга
Антонъ Барсовъ.

16 марта 1786 года Барсовъ Завадовскому (собственноручное).

Милостивый государь Петръ Васильевичь.

Препровождая при семъ первыя три части грамматики россійской, т. е. о правоизглашеніи, словоудареніи и правописаніи,

въ девяти тетратяхъ состоящія: щастливымъ почту себя, естьли оныя съ таковою же благосклонностію приняты будутъ, каковой удостоена была доставленная предъ симъ четвертая часть о словопроизведеніи; какъ то мнѣ, именемъ высокоучрежденной коммиссіи, знать дано, чрезъ письмо отъ его превосходительства, господина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Петра Ивановича Пастухова. Хотя я не оставилъ воспользоваться всѣмъ что могъ найти къ сему предмету принадлежащаго, въ древнихъ и новыхъ грамматикахъ; и сверьхъ того немалое число собственныхъ моихъ примѣчаній присовокупилъ, между которыми и нѣсколько помѣщено подробностей до словоударенія касающихся, о чемъ мнѣ отъ вашего превосходительства особливо предписано было; что я и старался исполнить здѣсь, сколько то возможно было, въ неимѣніи къ тому никакого руководства отъ прежнихъ грамматиковъ; награждая впрочемъ недостатокъ тотъ дѣйствительнымъ изображеніемъ, надъ всѣми примѣрными и многими другими словами, принадлежащихъ имъ силъ или удареній; и хотя все сіе въ дѣйство произведено по образцу мнѣ данному съ большею обстоятельностію: однакожъ не могу я не чувствовать, что сколько благосклоннаго принятія сему посильному труду моему желать, столькожъ и снисхожденія къ оному испрашивать долженствую; какъ симъ и испрашиваю всепокорнѣйше отъ вашего превосходительства, и отъ высокоучрежденной коммиссіи. По отправленіи сего неукоснительно приступлю къ собпранію послѣдней пятой части о синтаксисѣ, объ окончаніи которой въ скорѣйшемъ времени, всевозможное прилѣжаніе и трудъ прилагать не оставлю. Впрочемъ препоручая себя благоволенію вашему, имѣю честь быть, со вседолжнымъ почтеніемъ,

милостивый государь,

вашего превосходительства

всепокорный слуга

Антонъ Барсовъ.

20 апрѣля 1786 года Завадовскій Барсову:

Государь мой Антонъ Алексѣевичъ!

Отъ 16-го числа минувшаго мѣсяца имѣлъ я удовольствіе получить три первыя части россійской вашей грамматики, за которыми пріятно слышать мнѣ, что слѣдовать будетъ неукоснительно и послѣдняя. Въ сей надеждѣ положила коммиссія начать печатаніемъ первыя нынѣ же, и я прошу васъ, государь мой, ко времени тому поспѣшить окончаніемъ послѣднія, сколько можно. Послѣдняя корректура съ листовъ вашея грамматики можетъ вамъ быть доставляема по почтѣ для просмотрѣнія, если вамъ только трудъ сей принять на себя еще угодно будетъ. На что̀ ожидая увѣдомленія, пребываю съ почтеніемъ моимъ

васъ, государя моего,
покорнымъ слугою
Петръ Завадовскій.

25 апрѣля 1786 года въ коммиссіи о народныхъ училищахъ состоялось слѣдующее постановленіе касательно изданія грамматики Барсова: «Сего апрѣля 16 дня получены въ коммиссію три первыя части сочиняемой г. профессоромъ Барсовымъ россійской грамматики. Но какъ къ оной не достаетъ еще *словосочиненія*, ибо *словопроизвожденіе* получено было прежде, а нынѣшнія части суть: о *правоизглашеніи*, *словоудареніи* и *правописаніи*, то просить его о поспѣшеніи окончаніемъ послѣднія, дабы коммиссія къ открытію въ семъ году училищъ могла еще успѣть грамматику его, г. Барсова, къ употребленію оныхъ *напечатать*, если *не въ томъ большомъ видѣ, какова она есть*, то хотя *въ сокращеніи, каковое изъ нея дѣлаетъ г. надзиратель Пахомовъ*, находящійся при обществѣ благородныхъ и училищѣ мѣщанскихъ дѣвицъ».

4 мая 1786 года Барсовъ Завадовскому (собственноручное):

Милостивый государь Петръ Васильевичь.

Милостивое писаніе вашего превосходительства, отъ 20-го

апрѣля, имѣлъ я щастіе получить 30-го дня тогожъ мѣсяца. Что касается до пересылки чрезъ почту ко мнѣ послѣдней корректуры, во время печатанія грамматики моей: оная конечно потребна, для сообразнаго сочинителевымъ мыслямъ изданія; и я самъ намѣренъ былъ просить о томъ ваше превосходительство. Слѣдственно исправленіе присылаемыхъ таковыхъ листовъ, какъ съ одной стороны за долгъ свой я почитаю, такъ съ другой, въ разсужденіи угодности въ томъ вашему превосходительству и высокоучрежденной коммиссіи, пріемлю на себя охотно; и стараться не премину, чтобъ каждый листъ, естьли возможно, съ первою по полученіи, а по крайней мѣрѣ съ слѣдующею обратно отправленъ былъ почтою. Полезно кажется мнѣ притомъ, чтобъ оныя корректуры присыланы были въ двойнѣ: не только для того чтобъ одинъ экземпляръ могъ иногда для черна́ употребленъ быть, а другой былъ бы возвращенъ на̀ чисто выправленный, но и паче для помѣщенія, съ самаго сего времени, въ остающійся у меня листъ, и для пріобщенія къ оному, всякихъ чинимыхъ мною впредь примѣчаній, выписокъ, записокъ и проч. excerptorum sive adversariorum more, касательно до россійской грамматики; что все можетъ въ свое время послужить, къ выполненію ея недостатковъ, и къ исправленію каковыхъ либо въ ней погрѣшеній. Особливо же нужно чтобъ московскому почтамту предписано было, отправляемые отъ меня по сему пакеты на имя вашего превосходительства, или коммиссіи объ учрежденіи училищъ, яко о казенномъ дѣлѣ, принимать безъ вѣсовыхъ денегъ. Между тѣмъ, въ продолженіе печатанія сообщенныхъ понынѣ отъ меня четырехъ частей грамматики, стараться также буду, и надѣюсь, кончить и послѣднюю пятую, т. е. синтаксисъ, соотвѣтственно съ оными предыдущими частьми. Напослѣдокъ препоручая себя продолженію милости и благоволенія вашего, имѣю честь быть со вседолжнѣйшимъ почтеніемъ,

милостивый государь,
вашего превосходительства
всепокорный слуга
Антонъ Барсовъ.

21 февраля 1788 года Барсовъ Завадовскому (собственноручное):

Милостивый государь

Петръ Васильевичь!

При семъ имѣю честь препроводить къ вашему превосходительству окончаніе порученной мнѣ сочинить россійской грамматики, то есть пятую часть оной содержащую въ себѣ синтаксисъ или словосочиненіе, въ пятнадцати тетратяхъ, съ которыми *цѣлая грамматика состоять будетъ изъ шестидесяти тетратей.* Какъ извѣстно, что отъ высокоучрежденной коммиссіи о народныхъ училищахъ издаются не одни сокращенія для начинающихъ во всякой наукѣ; но также и *пространнѣйшія* объясненія, для предуспѣвшихъ болѣе, и можетъ быть и *для* самихъ *учителей*: то уповаю, что и мой сей посильной трудъ, какъ *пространнѣйшій всѣхъ понынѣ имѣющихся въ своемъ родѣ,* не будетъ отверженъ вашимъ превосходительствомъ и высокоучрежденною коммиссіею. Естьли ваше превосходительство удостоите хотя оглавленія частей сея грамматики пройти: то безъ сомнѣнія усмотрѣть изволите *не только многія нужныя наставленія мною вновь выработанныя, которыя другими грамматиками совсѣмъ опущены были, но и порядокъ систематическій,* котораго въ нихъ не находится. Однако я изъясняю сіе не для полученія отличной похвалы себѣ за обстоятельность сочиненія, но для нужнаго оправданія въ разсужденіи продолжившагося времени въ томъ. Но *по причинѣ безчисленныхъ справокъ съ разными, не только россійскими, но и другихъ языковъ грамматиками, словарями и другими многими книгами, замѣчаній въ нихъ, выписокъ; многочисленныхъ, какъ въ самое время сочиненія, перемѣнъ и переправокъ, такъ и потомъ многократныхъ переписокъ, исправленій и дополненій,* что и въ самомъ приложенномъ чистомъ экземплярѣ видѣть можно; не оставляя притомъ обыкновенныхъ должностей, и еще чрезвычайныя отправляя, какъ то годъ почти долженъ былъ употребить на извѣстныя и вашему превосходительству выписки изъ

древней исторіи россійской, по высочайшему имянному повелѣнію: не возможно было скоряе окончать опое сочиненіе, при всѣхъ моихъ впрочемъ трудахъ въ томъ и прилѣжности. Но не распространяясь болѣе, потому что изнурительный родъ сей работы всякъ удобно представить себѣ можетъ, предаю все то на справедливое и снисходительное разсужденіе вашему превосходительству. Впрочемъ препоручая себя въ милостивое ваше покровительство, которымъ съ начала обнадеженъ былъ, имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію,

милостивый государь!

вашего превосходительства

всепокорнѣйшій слуга

Антонъ Барсовъ.

31 октября 1788 года Барсовъ Завадовскому (собственноручное):

Милостивый государь

Петръ Васильевичь!

Въ разсужденіи особливой оказыванной ко мнѣ милости вашего превосходительства, за должное почелъ я, приложенное при семъ собраніе рѣчей моихъ почтеннѣйше сообщить для библіотеки вашего превосходительства, какъ просвѣщеннаго не только любителя, но и предстателя россійскаго слова, и всякаго полезнаго ученія, въ порученныхъ высочайше главному начальству вашему толь многихъ, по всей имперіи россійской процвѣтающихъ, различныхъ званій и степеней училищахъ. Присемъ принужденнымъ нахожу себя напомнить о сочиненной мною грамматикѣ россійской, которой окончаніе отъ меня въ февралѣ мѣсяцѣ сего года отправлено къ вашему превосходительству; токмо я свѣдѣнія не имѣю, удостоилось ли опое равномѣрнаго, какъ прежнія части, одобренія. Какъ я не однократно обнадеженъ былъ отъ вашего превосходительства, что трудъ сей не оста-

нется тщетнымъ для меня и безполезнымъ для общества: то нынѣ всепокорнѣйше прошу о произведеніи онаго въ дѣйство. Для лучшей же удобности въ томъ, осмѣливаюсь представить вашему превосходительству и тожъ просить всепокорнѣйше: естьли оная грамматика назначена будетъ къ изданію, тобъ благоволить напечатать ея здѣсь въ Москвѣ подъ моимъ смотреніемъ, безъ чего оному изданію почти не возможно быть исправнымъ. Къ томужъ при самомъ печатаніи многое отъ меня дополнено, или по усмотренію сокращено, или какимъ либо образомъ къ лучшему отмѣнено быть можетъ. Само собою явно, сколь несравненно больше удобности въ семъ будетъ, нежели въ пересылкѣ въ Москву корректуръ ко мнѣ. *Новиковъ берется здѣлать изданіе сіе въ собственной своей типографіи* съ тѣмъ, что оная грамматика естьли не дешевлѣ, то конечно не дороже станетъ того, какъ въ Петербургѣ обходятся книги отъ коммиссіи о народныхъ училищахъ издаваемыя, въ рассужденіи многочисленныхъ заводовъ печатанія ихъ. Впрочемъ препоручая себя въ продолженіе милостей и покровительства вашего, имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ,

милостивый государь!
вашего превосходительства
всепокорнѣйшій слуга
Антонъ Барсовъ.

Какая судьба постигла рукопись Барсова, — неизвѣстно. Въ печати она не появлялась, вѣроятно, вслѣдствіе того, что авторъ ввелъ въ свою грамматику такія подробности, которыя, при всемъ ихъ научномъ достоинствѣ, не были пригодными для преподаванія, далеко превышая объемъ и требованія курса народныхъ училищъ. Митрополитъ Евгеній указываетъ и другую причину: онъ говоритъ, что грамматика Барсова не принята за нѣкоторыя новизны въ правилахъ, и прибавляетъ, что Барсовъ держался необыкновенныхъ правилъ преимущественно въ русскомъ правописаніи [199]).

Но въ постановленіяхъ комиссіи и въ перепискѣ членовъ ея съ Барсовымъ нѣтъ и помину о вводимыхъ имъ новизнахъ, и главнымъ препятствіемъ выставляется обширность труда. Какъ только начало его было представлено въ комиссію, члены комиссіи нашли необходимымъ сдѣлать сокращеніе изъ представленной части грамматики — для *удобнѣйшаго* ея въ *училищахъ народныхъ* употребленія. Трудъ этотъ порученъ былъ, при посредствѣ Янковича-де-Миріево, Пахомову, а предварительное разсмотрѣніе работы Пахомова возложено на директора народныхъ училищъ петербургской губерніи Козодавлева. Еще не всѣ части рукописи Барсова были представлены, а комиссія распорядилась уже о введеніи другаго учебника. Въ январѣ 1787 года комиссія одобрила къ употребленію и постановила напечатать сокращенную россійскую грамматику, составленную Сырейщиковымъ, ученикомъ и родственникомъ Барсова, бывшимъ профессоромъ философіи въ московскомъ университетѣ, преподававшемъ русскую словесность въ университетской гимназіи, а впослѣдствіи въ учительской гимназіи въ Петербургѣ[200]).

Подлинной рукописи Барсова, т. е. той, которая прислана имъ въ комиссію о народныхъ училищахъ, — не сохранилось. По крайней мѣрѣ она до сихъ поръ не найдена; ее нѣтъ и въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія, гдѣ находятся всѣ дѣла екатерининской комиссіи объ училищахъ. По всей вѣроятности, она взята была Янковичемъ-де-Миріево, и передана Пахомову, а о снятіи вѣрной копіи въ свое время не позаботились...

Отсутствіе подлинника придаетъ большую цѣну спискамъ, особенно тѣмъ изъ нихъ, которые были разсмотрѣны, исправлены и дополнены самимъ авторомъ. Одинъ изъ такихъ списковъ находится въ Петербургѣ, въ публичной библіотекѣ. Онъ заключаетъ въ себѣ весьма обширную часть труда (о словопроизвожденіи); многія страницы писаны самимъ Барсовымъ; его же собственноручныя замѣтки и приписки встрѣчаются часто и на листахъ, писанныхъ постороннею рукою. Въ библіотекѣ московскаго университета сохранилось два списка, принесенные въ даръ университету А. Х.

Чеботаревымъ. Одинъ изъ этихъ списковъ, съ поправками и приписками Барсова, содержитъ въ себѣ всѣ пять частей грамматики, но не въ полномъ ихъ видѣ, и многіе листы перебиты. Въ этомъ спискѣ внесены въ текстъ тѣ мѣста, которыя находятся на поляхъ въ экземплярѣ публичной библіотеки. Другой списокъ московскаго университета представляетъ въ цѣломъ наибольшую полноту: въ немъ уцѣлѣло значительное количество листовъ, недостающихъ въ другихъ спискахъ; но отдѣльныя части изложены иногда сокращеннѣе, съ пропусками, и съ легкимъ измѣненіемъ редакціи; собственноручныхъ приписокъ Барсова нѣтъ. Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ списковъ не сохранился вполнѣ: въ каждомъ изъ нихъ есть большіе пропуски, не достаетъ не только нѣсколькихъ страницъ, но и цѣлыхъ отдѣловъ.

Что касается внутренняго достоинства обширнаго труда Барсова, то надо замѣтить, что авторъ пользовался лучшими, по понятіямъ и научнымъ средствамъ того времени, источниками и пособіями. По замѣчанію профессора Буслаева, Барсовъ «оказывается въ своей грамматикѣ достойнымъ послѣдователемъ Ломоносова; для исторіи русскаго языка въ XVIII вѣкѣ предлагаетъ она весьма много любопытныхъ данныхъ». Съ чрезвычайнымъ вниманіемъ и вполнѣ научною пытливостью и добросовѣстностью Барсовъ вникалъ въ свойства русскаго языка, стараясь найти для нихъ точное и вѣрное объясненіе. Имѣя въ виду преимущественно русскій *литературный* языкъ, Барсовъ обратилъ вниманіе и на живую, народную рѣчь; въ его грамматикѣ приводятся такія чисто-народныя слова и выраженія, которыя, спустя около полустолѣтія, послужили для нашихъ книжниковъ поводомъ къ нападкамъ на Пушкина, допустившаго подобныя слова на страницы своихъ поэтическихъ произведеній.

Въ выборѣ пособій выразилась степень образованности Барсова; онъ обнаружилъ основательное знакомство съ филологическою литературою, съ трудами замѣчательнѣйшихъ представителей ея въ Европѣ. Изъ русскихъ пособій является на первомъ планѣ, и совершенно справедливо, грамматика Ломоносова. Въ иныхъ

случаяхъ Барсовъ слѣдовалъ Тредьяковскому, лекціи котораго слушалъ въ академическомъ университетѣ. Онъ пользовался также «примѣчаніями» вольнаго россійскаго собранія, а одною изъ важнѣйшихъ задачъ этого литературнаго общества было собираніе памятниковъ языка и ихъ разработка, составленіе словаря, и т. п.

Въ европейской филологіи того времени особенно цѣнились такъ называемыя общія или философскія грамматики (grammaires générales et raisonnées); пріемы ихъ отразились, въ большей или меньшей степени, въ трудахъ Ломоносова и его ученика Барсова. Вопросы языка сопостовлялись съ вопросами логики, и теорія языка пыталась объяснить свои выводы общими законами человѣческой мысли, составляющими предметъ логики. По замѣчанію Куръ-де-Жебелена, автора знаменитаго въ свое время сочиненія: Monde primitif, analysé et comparé avec le monde moderne, всеобщая грамматика или естественная исторія слова (histoire naturelle de la parole) находится въ неразрывной связи съ логикою. Грамматика — говоритъ Куръ-де-Жебеленъ — занимается выраженіемъ идей, логика раскрываетъ ихъ истину; грамматика должна предшествовать логикѣ: прежде надо умѣть выразить идеи, чтобы разсуждать потомъ объ ихъ истинѣ [201]). Тоже повторяетъ замѣчательный нѣмецкій филологъ того времени Аделунгъ въ своемъ сочиненіи: Umständliches lehrgebäude der deutschen sprache. Вводя въ свою грамматику совершенно новый отдѣлъ, именно ученіе о предложеніяхъ, Аделунгъ говоритъ: Es ist zwar bisher nicht gewöhnlich gewesen in den sprachlehren von den sätzen zu handeln; allein es ist leicht zu zeigen, das diese lehre in denselben schlechterdings nothwendig ist, ja, was den bau derselben betrifft, hier ihr eigentliches feld findet, weil die vernunftlehre nicht eher von der wahrheit und anwendung der sätze handeln kann, als bis die sprachlehre durch den richtigen bau derselben vorgearbeitet und den weg gebahnet hat [202])... Сообразно съ тогдашнимъ состояніемъ науки, Барсовъ вводитъ въ свою грамматику тѣ, что̀ составляетъ неотъемлемую принадлеж-

ность логики, и на основаніи общихъ логическихъ понятій объясняетъ явленія языка, его синтаксическія свойства: Ученіе о частяхъ предложенія, о подлежащемъ и сказуемомъ, и т. п. изложено Барсовымъ согласно со взглядами Аделунга, какъ это отчасти указано и самимъ авторомъ.

Обязательнымъ образцомъ для Барсова была грамматика, принятая въ австрійскихъ училищахъ, которой онъ и слѣдовалъ въ порядкѣ изложенія, въ нѣкоторыхъ опредѣленіяхъ и правилахъ, передаваемыхъ иногда дословно, и т. п. [203]). Но и по общему своему характеру, и по разработкѣ составныхъ частей, обширный и научный трудъ Барсова выходитъ далеко за предѣлы навязаннаго автору нѣмецкаго учебника.

Таблицы Свѣтова предложены Барсову условно — «если они ему покажутся»: изъ многихъ отзывовъ Барсова ясно видно, что таблицы эти очень и очень ему не показались...

Грамматика Барсова начинается краткимъ введеніемъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ австрійскому образцу, а именно:

Предызвѣщенія.	*Vorerinnerungen.*
Желающій какому-нибудь языку научиться такъ, чтобъ знать, для чего слова въ немъ такимъ, а не инымъ образомъ употребляются, измѣняются, и между собою соединяются, долженъ узнать правила онаго языка.	Wer eine sprache so lernen will, dass er weiss, warum die wörter derselben so und nicht anders gebrauchet, abgeändert und zusammen gefüget werden, der musz sich die regeln der sprache bekannt machen.
Изъясненіе или опредѣленіе россійской грамматики.	*Erklärung der deutschen sprachlehre.*
Россійская грамматика есть наука или знаніе исправно читать, говорить и писать на россійскомъ языкѣ по лучшему и разсудительному его употребленію.	Die deutsche sprachlehre ist das buch, in welchem die regeln oder die kunst enthalten ist, gut deutsch zu lesen, zu reden und zu schreiben.

Ср. опредѣленіе Ломоносова: грамматика россійская есть знаніе, какъ говорить и писать чисто россійскимъ языкомъ по лучшему разсудительному его употребленію.

Раздѣленіе россійской грамматики.

Она имѣетъ 5 частей:

I. Правоизглашеніе (orthoëpia), то есть, наставленіе о познаніи, исправномъ выговорѣ и складываніи буквъ, и правильномъ произношеніи или чтеніи происходящихъ изъ сего словъ или реченій.

II. Словоудареніе (prosodia), то есть, наставленіе о томъ, какъ должно надлежащую силу дать каждому складу въ выговорѣ.

III. Правописаніе (orthographia), то есть, наука о томъ, какими каждое слово писать должно буквами, какъ ихъ пристойно раздѣлять при раздѣленіи самого слова, и какъ употреблять разные отдѣлительные знаки въ рѣчи.

IV. Словопроизвожденіе (etymologia), то есть, наставленіе о производеніи словъ и ихъ измѣненіи.

V. Словосочиненіе (syntaxis), то есть, наставленіе о соединеніи и связаніи нѣсколькихъ словъ или и цѣлыхъ рѣчей.

Eintheilung der deutschen sprachlehre.

Die deutsche sprachlehre hat 5 theile.

I. Die rechtsprechung oder rechtlesung; das ist: die lehre, die buchstaben zu erkennen, recht auszusprechen, sie in sylben zu sammeln, und die daraus entstandenen wörter richtig zu lesen.

II. Die tonmessung; das ist: die lehre, jeder sylbe den gehörigen ton in der aussprache zu geben.

III. Die rechtschreibung; das ist: die wissenschaft, die wörter mit den gehörigen buchstaben zu schreiben, sie bei dem abbrechen gehörig zu trennen, und die verschiedenen unterscheidungszeichen richtig zu gebrauchen.

IV. Die wortforschung oder die wortänderung; das ist: die lehre, wörter richtig abzuleiten und abzuändern.

V. Die wortfügung, das ist: die lehre, nicht nur wörter, sondern auch ganze reden zusammen zu fügen und mit einander zu verbinden.

Въ грамматической терминологіи Барсовъ иногда уклоняется отъ Ломоносова, и принимаетъ названія, удержавшіяся въ грам-

матикахъ до настоящаго времени. По терминологіи Барсова, слогъ (sylbe)—*складъ*, какъ и у Ломоносова, и *слогъ;* слово (wort)—*реченіе*, какъ и у Ломоносова, и *слово*; сравнительная степень—*разсудительная* или *уравнительная степень:* у Ломоносова — *разсудительный степень;* предложеніе (satz) — *рѣчь* и *предложеніе:* у Свѣтова — *членъ* (членъ есть рѣчь, полный смыслъ имѣющая), у Ломоносова — *рѣчь* (сложеніе знаменательныхъ частей слова или реченій производитъ *рѣчи*, полный разумъ въ себѣ составляющія: начало премудрости есть страхъ Господень); части рѣчи—*части рѣчи*; у Ломоносова—*части слова*, у Свѣтова — и *части слова*, и *части рѣчи* (мѣстоименіе есть *часть слова;* междуметіе есть *часть рѣчи*; сочиненіе словъ показываетъ правила, по которымъ *части рѣчи* порядочно слагать должно), и т. д.

Реченіе или *слово* — говоритъ Барсовъ — есть изображеніе голосомъ, а потому и буквами, одной частной мысли, состоящее изъ одного или нѣсколькихъ *слоговъ;* напр. *я*, *вы*, *небо*, *земля*, *спасеніе*, *добрый*, *видѣла* и т. д.

Предложеніе (propositio) есть рѣчь, полный смыслъ имѣющая; напр. начало премудрости есть страхъ Господень.	Ein *satz* ist eine rede, die ihren vollkommenen verstand hat.
Слова или *реченія* суть знаки нашихъ мыслей, изустно произносимые. Когда такія слова соединены вмѣстѣ, и совершенный смыслъ имѣютъ, то сіе называется *рѣчь*, а самыя слова, цѣлую рѣчь составляющія, называются *части рѣчи*, потому что рѣчь состоитъ изъ словъ, такъ какъ слова изъ складовъ, а склады изъ буквъ.	Durch *wörter* gibt man zu erkennen, was man denket. Sie sind also zeichen der gedanken, die man mit dem munde aussprechen kann. Wörter verschiedener gattung, welche, mit einander wirklich verbunden, einen völligen verstand haben, nennet man eine *rede;* die verschiedenen wörter aber, welche mit einander können verbunden werden, heisst man *redetheile*, weil die rede aus wörtern, so wie die wörter aus sylben, die sylben aber aus buchstaben bestehen.

Разсматривая звуки русскаго языка и общепринятый способъ ихъ изображенія, Барсовъ приходитъ къ слѣдующему выводу:

— Сверхъ излишества и недостатка буквъ, находятся еще и другія въ россійской азбукѣ несходства съ строгимъ разсужденіемъ, изъ которыхъ нѣкоторымъ, можетъ быть, оно и могло бы помочь, но иныхъ совсѣмъ отвратить не въ состояніи. Чему удивляться не должно, ибо и въ другихъ языкахъ, напр. въ латинскомъ и проч., затрудненія грамматическія съ самой азбуки начинаются, и происходятъ по большей части отъ сопротивленія, которое часто съ одной стороны *употребленіе*, а съ другой *разсудокъ* между собою имѣютъ. Такимъ образомъ съ самаго начала представляется уже немалое неудобство въ прежнихъ именахъ буквъ, поелику оныя не только по большей части продолжительны для начинающихъ малолѣтныхъ учениковъ, но нѣкоторыя изъ нихъ и голоса своего собою не выражаютъ, какъ *икъ* и *ять*, а *еры* показываютъ голосъ свой не въ надлежащемъ и въ неспособномъ мѣстѣ, то есть, на самомъ концѣ своего имени. Но къ отвращенію сихъ затрудненій дѣланы были разныя покушенія, а именно: въ *разговорѣ объ ортографіи* господина Тредіаковскаго, 1748, и въ университетской *церковной и гражданской азбукѣ съ краткими примѣчаніями о правописаніи*, 1768 годовъ. —

Дѣйствительный недостатокъ нашей азбуки Барсовъ видитъ въ томъ, что однимъ и тѣмъ же знакомъ *г* выражаются два совершенно различные звука, соотвѣтствующіе латинскимъ *h* и *g*. Основываясь на томъ, что «еще въ древнихъ грамматикахъ о семъ нѣсколько упомянуто было, и голосъ латинскаго *g* или греческаго γ изображенъ былъ начертаніемъ (приблизительно) такимъ Г только безъ имени», Барсовъ предлагаетъ ввести въ русскую азбуку для обозначенія звука гаммы (приблизительно) такой знакъ ᒋ.

Недостатокъ также составляетъ и то, что знакомъ *е* выражается тонкое *о*, слышимое въ словахъ: *медъ*, *ледъ*, *Веревкинъ*, и въ безчисленномъ множествѣ другихъ. Для этого звука предлагаетъ знакъ *іо*.

Барсовъ раздѣляетъ гласные звуки, по способу ихъ произношенія, на *отверстыя* (*а*, *у* и др.) и *полуотверстыя* (*я*, *ю* и др.); гласную, слѣдующую за гласною же, называетъ *чистою*, а слѣдующую за согласною — *растворенною:* въ словѣ *патріархъ* первое *а* растворенное, а второе чистое; въ словѣ *сіяю* — *і* есть растворенное, а *я* и *ю* чистыя и т. д. Онъ считаетъ необходимымъ для русской азбуки знакъ *э*, и говоритъ: «Раствореннаго сей буквы произношенія, т. е. сходнаго точно съ латинскимъ *e* или съ греческимъ ε, требуютъ нѣкоторыя россійскія слова, какъ напр. *этотъ*, *эта*, *это*, *эти* и проч.; безъ чего можно иногда читателя вовлечь въ нѣкоторую непристойность въ выговорѣ, особливо когда нынѣ безъ удареній пишутъ и печатаютъ, напр. *ети* вмѣсто *эти*, что и одно довольною причиною есть къ употребленію начертанія *э*. Притомъ же многія чужестранныя слова въ россійскій языкъ введены, которыя не иначе, какъ симъ же образомъ произносить должно, напр. *экстрактъ*, *эскадра*, *эскадронъ*, *экспедиція*, *экзерциція* и проч., то для такого съ начала словъ раствореннаго произношенія тойже буквы *е* необходимо нужно и другое ея начертаніе *э*, которое съ довольно давняго времени уже въ гражданской печати употребляется, не безъ образца изъ древности, и не безъ сходства совсѣмъ съ церковною азбукою, въ которой между прописными буквами хотя одно изображеніе, но въ двухъ разныхъ мѣстахъ и подъ двумя разными именованіями (*есть* и *е*) поставлено, а въ строчныхъ и самое изображеніе различено, конечно для разности въ выговорѣ. Токмо оная разность отъ незнанія словесныхъ мастеровъ затмилась и исчезла; но въ гражданской печати какъ выговоръ, такъ и изображенія различны съ совершенною ясностію. Отъ сходства же начертаній 6-й и 34-й буквы въ церковной, и неразличенія потомъ *е* отъ *э* въ гражданской печати, произошло также, и долговременнымъ употребленіемъ усилилось, неразличеніе же и неисправность въ письмѣ и выговорѣ многихъ, не только другихъ, но и церковныхъ словъ, какъ напр. когда пишутъ *европа*, *евангелистъ* не иначе, какъ *единъ*, *его*, да такъ и выговари-

ваютъ, какъ будто бы написано было полатинѣ jevangelist, jevгора, вмѣсто отверстаго и съ греческимъ или латинскимъ подлинникомъ таковыхъ словъ сходнаго произношенія *эвропа, эвангелистъ*».

О звукахъ *и*, *і*, *ѣ* и соотвѣтствующихъ имъ буквахъ Барсовъ замѣчаетъ слѣдующее:

— Букву *ы* первый внесъ господинъ Ломоносовъ въ число отверстыхъ гласныхъ, и каждый можетъ дѣйствительнымъ произнесеніемъ всѣхъ гласныхъ по порядку, хотя предъ зеркаломъ, чрезъ сравненіе ея съ прочими отверстыми и съ отвѣтствующею оной въ полуотверстыхъ буквою *и* или *і*, увѣриться въ томъ, что сія буква точно принадлежитъ къ порядку отверстыхъ, и въ немъ точно ей принадлежитъ сіе мѣсто.

— Буквы *и* и *і* суть совершенно одногласныя, т. е. одинъ точно голосъ изображаютъ, и слѣдственно одна изъ нихъ излишняя, а именно *и*, которая и съ самаго начала грамоты славянской Кирилломъ премудрымъ въ азбуку введена, вѣроятнымъ образомъ, для означенія числа *осьми*, сходно съ греческимъ употребленіемъ... Въ греческомъ языкѣ, изъ котораго безъ сомнѣнія славенскія буквы по наибольшей части заимствованы, произношеніе *и* отъ *і* въ древнія времена разнствовало, что̀ показываетъ перемѣна греческой *иты* въ латинскомъ на *е*, а не на *і*, напр. греческія слова Ἰησοῦς, μητροπολίτης, Δημοσθένης полатинѣ пишутся Jesus, metropolites, Demosthenes. —

Быть можетъ, *и* введена для болѣе точнаго выраженія звуковъ въ словахъ, вошедшихъ съ принятіемъ христіанства (*игуменъ, митрополитъ* и пр.) и соотвѣтствовала *ы*, на что̀ указываетъ общенародный выговоръ слова *псалтырь*. Знака *ы* въ азбукѣ Кирилла Философа не находится, но звукъ *ы* безъ сомнѣнія существовалъ въ русскомъ и славянскомъ языкѣ съ самыхъ древнихъ временъ, задолго до изобрѣтенія грамоты, почему и «не можно было миновать, чтобъ толь общеупотребительнаго въ языкѣ голоса не изобразить и въ азбукѣ съ самаго начала, какъ и не можножъ съ другой стороны помыслить, чтобъ мудрый мужъ для одного

голоса положилъ два начертанія, а для другаго стольже нужнаго не положилъ бы начертанія никакого».

Не всѣ звуки сохраняютъ постоянный, опредѣленный выговоръ: «въ обыкновенныхъ разговорахъ многія есть отмѣны, больше и меньше позволительныя, т. е. къ общему и учтивому или къ низкому и невѣжескому выговору принадлежащія». Такъ *е* подъ удареніемъ часто перемѣняется въ просторѣчіи на *іо*: *ледъ, медъ, веселый, Семенъ*, произносится — *міодъ, ліодъ, весіолый, Семіонъ*. Собственное имя *Петръ* хотя и перемѣняетъ въ просторѣчіи *е* на *іо*, но когда принадлежитъ высокимъ особамъ, то удерживаетъ *е*: *Петръ* Великій, *Петръ* апостолъ, а не *Піотръ*. Перемѣна гласной *е* на *іо*, когда на ней нѣтъ ударенія, принадлежитъ къ городскому или деревенскому выговору, напр. *віола, ніосло, жолтѣлъ, сыпліотся, пишотъ, Ивановичомъ*, въ *хорошомъ*, и т. д.

— Двоегласная *ій* въ концѣ словъ перемѣняется:

а) на *ей*, напр. *прежней, синей, бывшей, большей, Василей, Григорей*, вмѣсто: *прежній, синій, бывшій, Василій, большій, Григорій*.

б) на *ой*, напр. *великой, крѣпкой*, вмѣсто: *великій, крѣпкій*, особливожъ подъ удареніемъ, какъ *нагой, сухой*, вмѣсто *нагій, сухій*.

в) на *ѣй* — въ имени *Алексѣй*, вмѣсто *Алексій*.

— Подобно сему двоегласная *ый* въ концѣ словъ перемѣняется на *ой*, напр. *чистой, славной*, вмѣсто *чистый, славный*, особливо подъ удареніемъ, напр. *святой, прямой*, вмѣсто *святый, прямый*.

— *О*, когда на немъ нѣтъ ударенія, по московскому выговору перемѣняется на *а*, напр. *атецъ, хатѣлъ, гаварить, вазможна, Анисимъ*, вмѣсто *отецъ, хотѣлъ, говорить, Онисимъ*. Но сія перемѣна подала случай къ ложнымъ окончаніямъ въ нѣкоторыхъ словахъ, напр. *проса, пуза* и проч., вмѣсто: *просо, пузо*. Впрочемъ повидимому отъ сегожъ произошли слѣдующія окончанія на *а* въ просторѣчіи: *нашева, вашева, какова, такова;*

такожъ: *великова*, *знатнова*, *божьева*, и проч., изъ неупотребительныхъ: *нашево*, *вашево*, *каково*, *божъево*, и проч., вмѣсто настоящихъ: *какого*, *такого*, *нашего*, *великаго*, *божьяго*, и проч.

— Согласная *к* въ словѣ *къ* предъ другимъ словомъ, съ неяже начинающимся, перемѣняется въ *х*, напр. пишется: *къ кому*, *къ какому*, *къ королю*; выговаривается: *хъ кому*, *хъ какому*, *хъ королю*.

Склады раздѣляются на естественные, художественные, и т. д. *Естественные* или *свойственные* суть всѣ простые, т. е. изъ одной гласной состоящіе, и всѣ сложные, на гласную букву кончащіеся, напр. *а*, *и*, *о; ба*, *ва*, *до*, *мо; бла*, *мла*, *встрѣ*, и т. д. *Художественные* или *сходственные* суть всѣ, состоящіе изъ двоегласныхъ или на нихъ, также на согласную букву, кончащіеся, напр. *ай*, *ой*; *дай*, *злой*; *от*, *ур*; *храм*, *страх*, и проч.

Основою для словоударенія должно бы служить словопроизводство, т. е. во всѣхъ производныхъ и сложныхъ словахъ удареніе должно бы падать на ихъ коренной слогъ. Но для удареній нѣтъ въ грамматикахъ точныхъ и подробныхъ правилъ по причинѣ великихъ и можетъ быть непреодолимыхъ трудностей. Коренныя слова по большой части односложны. «Если же такого односложнаго кореня не отыскивается, то должно думать, что оный или совсѣмъ изъ языка пропалъ, или вышелъ изъ употребленія, или скрывается въ другомъ какомъ нибудь словѣ, особливо сложномъ, или находится въ другомъ языкѣ; напр. слова *страна* коренемъ почесться можетъ неупотребительное само собою, но въ другомъ кроющееся слово *стру*, а именно въ *простру*».

Къ вѣрному произношенію словъ относительно удареній, служатъ, сверхъ грамматическихъ правилъ и примѣровъ, внимательное чтеніе какъ церковныхъ книгъ, такъ и стихотвореній лучшихъ русскихъ писателей и справка съ словарями русскаго языка. «Незнаніе же или ненаблюденіе сего подало причину къ нѣкоторымъ неправильнымъ и страннымъ нынѣ усиливающимся удареніямъ словъ, на польское по большей части и вообще на чужестранное или безграмотное и низкое произношеніе склоняю-

щимся, напр. *должны̀* и даже *должно́*, вмѣсто: *до́лжны* и *до́лжно*; также *были́*, *множе́ственное*, *obще́ственное*, *римля́не*, *россія́не*, *Гекто́ръ*, и проч., вмѣсто: *бы́ли*, *мно́жественное*, *о́бщественное*, *ри́мляне*, *россі́яне*, *Ге́кторъ*, и проч. Однакожъ вмѣсто *во́здухъ*, мнится, нельзя уже нынѣ сказать *возду́хъ* поцерковному. Напротивъ того, вмѣсто *сі́й*, усилившагося примѣромъ первенствующаго въ россійскихъ стихотворцахъ, г. Ломоносова, кажется, и въ стихахъ можно еще, а кромѣ стиховъ и должно, употреблять правильное *сі́и*».

Въ правописаніи большую роль играетъ употребленіе, вслѣдствіе котораго вставляются и выпускаются буквы, одни изъ нихъ замѣняются другими, и т. п. Вмѣсто: *срубъ*, *поручикъ*, *истина*, пишутъ: *струбъ*, *порутчикъ*, *истинна*; вмѣсто: *высшій*, *низшій*, *прорубъ*—*вышшій*, *нижшій*, *пролубъ*. *Прилѣжный* въ смыслѣ *рачительный*, *прилѣжу*—рачу, и *прилежу* — въ другомъ, т. е. въ собственномъ значеніи. *Одиннатцать* — вмѣсто *одиннадесять*. Согласныя: *г*, *к*, *ш* и проч. не терпятъ послѣ себя гласныхъ: *ы*, *ю*, *я*; но «сему противнаго много находится въ древнихъ, особливо рукописныхъ, книгахъ, напр. *Кыевъ* вмѣсто *Кіевъ*, *душы*, и проч.».

Погрѣшности противъ правописанія происходятъ:

а) отъ незнанія грамматики или ненаблюденія прямыхъ ея правилъ;

б) отъ излишняго умствованія и старанія, чтобъ показаться тѣмъ болѣе знающимъ, чѣмъ болѣе отступлено будетъ отъ общаго употребленія;

в) отъ безразсудной склонности къ новостямъ, и потому отъ самоизвольнаго положенія себѣ мнимыхъ правилъ;

г) отъ излишняго прилѣпленія къ произведенію словъ и отъ привычки къ неисправному выговору и ненаблюденія употребительной разности между обыкновеннымъ выговоромъ согласныхъ твердыхъ въ мягкія и обратно; напослѣдокъ —

д) отъ самаго опасенія, чтобъ непогрѣшить, и потому отъ избранія предпочтительно чего нибудь такого, что незнающимъ

можетъ показаться правильнѣе, напр. поставляя некстати *ѣ* вмѣсто *е*, *ѳ* вмѣсто *ф*.

Вообще погрѣшности въ правописаніи бываютъ такого рода:

шлюбокъ вмѣсто *шлюпокъ*,
присудствую » *присутствую*,
крушка » *кружка*,
ригскій » *рижскій*,
волохскій » *волошскій*,
заплотить » *заплатить*,
держутъ » *держатъ*,
скрыпъ » *скрипъ*,
болѣнъ » *боленъ*,
бувалъ (у малороссіянъ) *бывалъ*, и т. д.

Въ концѣ третьей части, заключающей въ себѣ правописаніе, приложена роспись подобнозвучныхъ словъ, въ азбучномъ порядкѣ, заимствованная изъ таблицъ Свѣтова.

Говоря, что въ русскомъ языкѣ семь падежей и только пять, а иногда и менѣе, различныхъ падежныхъ окончаній, Барсовъ замѣчаетъ, что названія падежамъ даны отъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ «они чаще употребляются, а особливо употреблялись въ греческомъ языкѣ, съ коего они слово въ слово переведены, кромѣ двухъ послѣднихъ» т. е. творительнаго и предложнаго. *Предложнымъ* назвалъ его Ломоносовъ потому, что онъ съ нѣкоторыми только *предлогами* (*о*, *при*, *въ*, *на*, *по*) употребляется, а безъ нихъ никогда. Въ прежнихъ грамматикахъ назывался этотъ падежъ *сказательнымъ*, по причинѣ *сказанія* о комъ или о чемъ.

Въ родительномъ множественнаго числа послѣ *н* имена женскаго рода принимаютъ *ъ* напр. пажни — *паженъ*, лютни — *лютенъ*, башни — *башенъ*, бойни — *боенъ*, вишни — *вишенъ*, поварни — *поваренъ;* сотни — *сотенъ*, колокольни — *колоколенъ*. Исключаются: деревни — *деревень*.

Имена предметовъ неодушевленныхъ, оканчивающіяся на *ъ*, *ь*

и *й*, въ родительномъ единственнаго принимаютъ *у* и *ю*, особливо такія, которыя «принадлежатъ болѣе къ нынѣшнему россійскому или простонародному», нежели къ древному славянскому, какъ напримѣръ происходящія отъ простанародныхъ глаголовъ: взглядъ — *взгляду*, визгъ — *визгу*, гомозъ — *гомозу*, грузъ — *грузу*, зудъ — *зуду*, боль — *болю*, бой — *бою*, кашель — *кашлю*, лай — *лаю*, и т. п. Напротивъ того слова, общія славянскому и русскому языкамъ, принимаютъ *и* и *у* или *я* и *ю*, смотря по важности содержанія рѣчи и потому, требуется ли слогъ высокій, или средній, или низкій; вслѣдствіе чего говорится, съ одной стороны: *человѣческаго долга, небеснаго огня*, а съ другой: — *розоваго духу, прошлогодняго долгу.*

Если имя бездушной вещи, по какому-либо сходству или подобію, отнесено къ предмету одушевленному, то винительный оканчивается на *а* и *я*; напр. *языка ведутъ*, то есть *оговорщика*; *посмотри на болвана*, то есть *на глупца; нашего мѣшка обманули; этого пня не скоро своротишь*, то есть *упрямца.*

Когда передъ окончаніемъ *инъ* находится буква *т*, то окончаніе родительнаго единственнаго *ина* перемѣняется въ именительномъ множественнаго на *яне*: москвитина — *москвитяне*, костромитинъ — *костромитяне*, серпуховитинъ — *серпуховитяне*. Но *литвинъ, мордвинъ, челядинъ* собственно отъ себя не производятъ множественнаго числа, а вмѣсто онаго служатъ имъ собирательныя: *литва, мордва, челядь.*

Родительные множественные, кончащіеся на *цовъ*, произошли изъ славянскаго ихъ же окончанія *цевъ*, къ которымъ можно обращаться и нынѣ въ высокомъ слогѣ и въ высокихъ словахъ, какъ-то: *святыхъ отцевъ, боговидцевъ, самодержцевъ.* Но и въ подобныхъ случаяхъ часто можно держаться окончанія на *цовъ*; тѣмъ болѣе въ простонародныхъ словахъ дико нынѣ слышать: *купцевъ, кузнецевъ, ловцевъ, столбцевъ*, и т. д.

Вмѣсто: *полей* и *морей* въ стихахъ употребляется также: *поль* и *морь.*

Окончаніе *іе* перемѣняется въ простонародномъ употребле-

ніи на *ья*, а въ родительномъ множественнаго по большей части на *евъ*, какъ напримѣръ: *желанья — желаньевъ*, *копья — копьевъ*, однакожъ нѣкоторыя удерживаютъ притомъ и *ей*, какъ напр. — *копей*, *ружей*, и др.

Когда говорятъ и пишутъ: *время нѣтъ*, то *время* надо принимать за родительный падежъ отъ поврежденнаго и самаго низкаго именительнаго: *време;* поэтому нетолько въ высокомъ, но и въ среднемъ слогѣ нельзя дозволять себѣ такого употребленія.

Въ нѣкоторыхъ прилагательныхъ, особенно въ означающихъ время, употребляются двоякія окончанія: *ый* и *ій*, какъ напр. *вчерашный* и *вчерашній*, *нынѣшный* и *нынѣшній*, *завтрешный* и *завтрешній*, *прошлогодный* и *прошлогодній*, *давный* и *давній*, и проч.

Принадлежностей глагола десять: *видъ*, *начертаніе*, *знаменованіе* (significatio) или *залогъ* (diathesis, genus), *качество*, *лицо*, *число*, *время*, *родъ*, *наклоненіе* и *спряженіе*.

По *виду* глаголы раздѣляются на первообразные и производные. Производные образуются посредствомъ приложенія разныхъ слоговъ въ началѣ и въ концѣ, и происходятъ:

а) отъ именъ: *странствую*, *бѣлѣю* отъ *страна*, *бѣлый*.

б) отъ мѣстоименій: *свою*, *уничтожаю* отъ *свой*, *ничто*.

в) отъ нарѣчій: *такаю* отъ *такъ;* *воспящаю* отъ *вспять*.

г) отъ предлоговъ: *приближаю* отъ *близъ*.

д) отъ междометій: *охаю*, *ахаю* отъ *охъ*, *ахъ*.

По *начертанію* глаголы раздѣляются на простые: *даю*, *ставлю*, и сложные:

а) изъ имени и глагола: — *благодарю*.

б) изъ мѣстоименія и глагола: *своеволю*.

в) изъ нарѣчія и глагола: *прекословлю*.

г) изъ предлога и глагола: *отдаю*, *поставляю*.

д) изъ предлога, имени и глагола: *обоготворяю*.

По *качеству* глаголы раздѣляются на существительные:

есть, *бываю*, *стану*, *хочу*, и прилагательные — всѣ прочіе глаголы.

Временъ «въ россійскихъ глаголахъ прямо счислять можно» шесть:

а) настоящее — *бросаю*.

б) преходящее — *бросалъ*.

в) прошедшее — *бросилъ*.

г) давнопрошедшее — *брасывалъ*.

д) будущее — *брошу*, *сбросаю*.

е) будущее неопредѣленное — *буду* или *стану бросать*.

Изъ приведеннаго очевидно, до какой степени Барсовъ слѣдовалъ Ломоносову, заимствуя у него и классификацію и даже примѣры, и только въ немногихъ случаяхъ уклоняясь отъ своего образца, какъ напримѣръ въ числѣ временъ: шесть вмѣсто десяти, насчитываемыхъ Ломоносовымъ и т. п. Краткая, но важная по содержанію, заключительная замѣтка Ломоносова о глаголахъ распространена Барсовымъ, дополнившимъ ее новыми примѣрами; она начинается буквально тѣми же словами: «Здѣсь упомянуть должно о особливомъ свойствѣ простаго россійскаго языка, изображающемъ скорыя дѣйствія чрезъ нѣкоторыя односложныя реченія, которыя по сему знаменованію и отнесены быть могутъ къ глаголамъ, а впрочемъ никакому измѣненію не подвержены, напр. кончащіяся на ъ: *бацъ*, *брыкъ*, *брякъ*, *бухъ*, *бякъ*, *дергъ*, *кокъ*, *махъ*, *мигъ*, *пикъ*, *піохъ*, *пліовъ*, *плюхъ*, *пляскъ*, *прыгъ*, *пыхъ*, *ровъ*, *совъ*, *топъ*, *тряхъ*, *тыкъ*, *тяпъ*, *ухъ*, *хапъ*, *хлопъ*, *хлюпъ*, *хрипъ*, *храпъ*, *цапъ*, *шліопъ*, и проч. и двусложное *царапъ*; а на ь: *боть*, *верть*, *виль*, *глоть*, *порсь*, *пырь*, *прысь*, *хвать*, *хлысть*, *хлясь*, *хрясть*, *хрусть*, *шасть* и проч. Они значатъ прошедшее однократное, и еще скорѣе того изображаютъ совершеніе дѣйствія, да и отъ всѣхъ отъ нихъ безпосредственно произведены быть могутъ прошедшія однократныя. Притомъ наипаче къ свѣдѣнію нужны оныя потому, что многія и начала глаголовъ простыхъ отъ нихъ происходятъ, напр. *дергаю* отъ *дергъ*,

хапаю отъ *хапъ*, *гляжу* отъ *глядь*, *хватаю* отъ *хвать*». Допуская такое происхожденіе, Барсовъ уклонялся отъ Ломоносова, который производилъ *глядь* отъ *глядѣлъ*, *хвать* отъ *хваталъ*, и т. д., а не наоборотъ.

Для дѣленія и подраздѣленія предлоговъ Барсовъ принимаетъ слѣдующія основанія: видъ, начертаніе, видоизмѣненіе посредствомъ вставки или выпуска буквъ, употребленіе, значеніе, и постоянство или переходъ въ другую часть рѣчи.

По *виду* предлога раздѣляются подобно глаголамъ, на первообразные и производные.

Первообразныхъ предлоговъ 39: *безъ*, *близъ*; *внѣ*, *во*, *возъ*, *возлѣ*, *вы*; *для*, *до*; *за*; *изъ*; *ко*, *кромѣ*, *кругъ*; *межъ*, *мимо*; *на*, *надъ*, *низъ*; *о*, *отъ*; *по*, *подъ*, *подлѣ*, *послѣ*, *пре*, *предъ*, *прежъ*, *при*, *про*, *противъ*, *противу*; *ради*, *разъ*; *сквозь*, *со*, *среди*; *у*; *чрезъ*.

Производные: *близко* — отъ кореннаго предлога *близъ* и потомъ отъ прилагательнаго *близокъ*; *между* — какъ бы *межъ дву*.

По *начертанію* предлоги раздѣляются, также подобно глаголамъ, на простые и сложные.

Простые предлоги — тѣже, что и первообразные.

Сложные — числомъ 16: *внутрь*, *внутри*, *вопреки*; *напредь*, *напередъ*, *насквозь*, *насупротивъ*; *около*, *окрестъ*, *окромѣ*, *окрӳгъ*; *посреди*, *промежъ*, *промеждӳ*; *сверхъ*, *сопротивъ*.

Предлоги раздѣляются по *буквамъ*, ихъ составляющимъ, на разнообразные и единообразные.

Разнообразные предлоги суть тѣ, которые черезъ потерю, вставку или перестановку какой-либо буквы сокращаются, удлиняются или въ чемъ-нибудь измѣняютъ свой прежній видъ, не перемѣняя однакоже своего значенія, какъ напримѣръ: *взо*, *объ*, *вкругъ*, *вокругъ*, *роз*, *безо*, *разо*, *подо*, *къ*, *съ*, и т. п. Единообразные предлоги — всѣ прочіе.

По *употребленію* предлоги раздѣляются на слитные и раздѣльные. Слитные употребляются только въ сложеніи съ глаго-

лами и именами, даже и въ именительномъ падежѣ; ихъ собственно всего пять: *возъ*, *вы*, *низъ*, *пре* и *разъ*. Раздѣльные употребляются отдѣльно и только съ косвенными падежами.

По *знаменованію* предлоги раздѣляются на прямые, сходственные и заимствованные. Прямые или свойственные — тѣже, что и раздѣльные. Сходственные, къ которымъ принадлежатъ всѣ слитные, названы такъ потому, что только отчасти сходствуютъ съ прямыми предлогами и именно въ томъ, что входитъ во внутренній составъ глаголовъ, причастій и именъ, но отнюдь не мѣстоименій. Заимствованные названы такъ потому, что взяты изъ другой части рѣчи, именно изъ нарѣчія, каковы: *близко*, *внутрь*, *внутри*, *вопреки*.

Сверхъ того предлоги раздѣляются еще на *преходящіе* и *постоянные*. Преходящими называются тѣ изъ предлоговъ, которые иногда употребляются какъ нарѣчія: я *прежде* былъ здоровъ; останься *внутри* или *внѣ*; войди *внутрь;* обойди *около;* не стой *подлѣ*; другъ прошелъ *мимо*, и т. д. Но въ самой вещи предлоги здѣсь не перемѣняютъ своего свойства, а только падежи ихъ умалчиваются, и въ мысли дополняются, будучи извѣстны изъ прочихъ обстоятельствъ рѣчи, напримѣръ: я *прежде* былъ здоровъ, т. е. *прежде сего*, или еще полнѣе — *прежде сего времени*, *дня*, *случая;* обойди *около*, т. е. *меня*, *его*, *ихъ*, *этого дому*, *лѣсу*, *острова*, и проч. Постоянные предлоги — всѣ прочіе, непереходящіе въ нарѣчія.

О предлогѣ *съ* Барсовъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Сокращенный предлогъ *съ* въ сложеніи предъ мягкими согласными хотя, по произведенію, пишется чрезъ *с;* но, по причинѣ труднаго сей согласной выговора въ такомъ случаѣ, произносится оная какъ *з*, напримѣръ: *сборъ*, *сдѣлать*, *сгарать*, *сжимать*, *сзывать* выговариваютъ конечно всѣ: *зборъ*, *здѣлать*, *згарать*, *зжимать*, *ззывать*, изъ которыхъ словъ первые два и печатали прежде всегда *зборъ* и проч., а начавши печатать *здѣлать* подали невѣдущимъ писателямъ и справщикамъ поводъ къ погрѣшно-

сти въ словѣ *здѣсь*, которое нерѣдко нынѣ встрѣчается напечатанное *сдѣсь*».

Въ изложеніи синтаксиса многое заимствовано изъ логики. Въ самомъ началѣ, вслѣдъ за опредѣленіемъ синтаксиса, соотвѣтствующимъ нѣмецкому образцу, помѣщено обширное введеніе подъ названіемъ: «Свѣдѣнія, заимствованныя изъ логики». Здѣсь весьма подробно говорится о связи въ предложеніи, о подлежащемъ и сказуемомъ или такъ называемыхъ терминахъ, о логическомъ разсмотрѣніи рѣчи, и т. п.

Изъясненіе.	*Erklärung.*
Словосочиненіе (syntaxis) учитъ, разныя слова или части рѣчи правильно и съ употребленіемъ въ языкѣ принятымъ сходственно соединять въ одну рѣчь, полный или хотя нѣкоторый смыслъ имѣющую.	Die wortfügung (syntaxis) lehret die verschiedenen gattungen der wörter, oder redetheile, richtig, geschickt und sprachmässig verbinden und ordnen.

— Рѣчь же, полный смыслъ имѣющая, состоитъ въ ясномъ и вразумительномъ утвержденіи или отрицаніи сказуемаго о подлежащемъ. —

Синтаксическія свойства языка могутъ быть удовлетворительно объяснены только при помощи и на основаніи логики. Поэтому «новѣйшіе филологи, философскимъ образомъ свойства и части и правила грамматики разсматривающіе, и упоминаютъ о семъ вообще въ грамматикѣ, или и особенно въ синтаксисѣ, прямымъ и явнымъ или постороннимъ и прикровеннымъ образомъ, какъ-то г. Куртъ-де-Жебеленъ въ разсужденіи французскаго, а г. Аделунгъ — нѣмецкаго языка; да и у насъ господинъ Ломоносовъ задолго прежде сихъ достопочтенныхъ грамматиковъ о томъ же предлагалъ, хотя косвеннымъ нѣсколько образомъ, въ философическомъ введеніи своемъ къ россійской грамматикѣ, названномъ отъ него наставленіемъ первымъ о человѣческомъ словѣ вообще, въ главѣ пятой — о сложеніи знаменательныхъ частей слова».

Словосочиненіе излагается въ такой послѣдовательности: сочиненіе именъ, мѣстоименій, глаголовъ, причастій, предлоговъ, нарѣчій, союзовъ и междометій. Въ первой главѣ, самой обширной, говорится о сочиненіи измѣняемыхъ частей рѣчи. Во второй главѣ — о сочиненіи неизмѣняемыхъ частей рѣчи. Въ третьей — о сочиненіи частей рѣчи, преимущественно глаголовъ и предлоговъ, по нѣкоторымъ особеннымъ обстоятельствамъ. Въ четвертой и послѣдней — о нѣкоторыхъ «окрестностяхъ словосочиненія».

О свойствѣ синтаксическихъ замѣчаній Барсова и значеніи ихъ не только для знакомства съ тогдашнимъ состояніемъ филологіи, но и для исторіи русскаго языка, можно судить по слѣдующимъ даннымъ:

— Прилагательныя иногда изображаются въ предпочтеннѣйшемъ (предпочтительнѣйшемъ) родѣ и числѣ, каковыми почитаются родъ мужескій предъ женскимъ и среднимъ, а число множественное предъ единственнымъ; напримѣръ: *братъ и сестра двоюродные*; *ни гнѣвъ, ни ласка, ему оказанные*. А иногда соглашаются во всемъ съ ближнимъ только существительнымъ; напр. *мой отецъ* и *мать*, *братъ* и *сестра двоюродная*, и проч. Таковое съ ближайшимъ согласіе бываетъ иногда и при существительныхъ одного рода; напр. *камка и тафта зеленая, оный учитель и ученикъ*.

— Когда къ существительному, нѣкоторый родъ вещей значащему, нѣсколько прилагательныхъ относятся какъ виды того рода, то оное поставляется во множественномъ числѣ: *языки французскій и нѣмецкій; продать лошадей сѣрую и гнѣдую*. Однакожъ иногда и въ единственномъ числѣ употребляется, напр. *продать лошадь сѣрую и гнѣдую*.

— Творительный падежъ числительныхъ: 22.903.804 — *двадцатью двумя миліонами, девятью сты тремя тысячами, восьмью стами, четырьми (четырьмя или четырью) часами;* 205.040 — *двумя сты пятью тысячами, сорокомъ часовъ*, или, по простому употребленію, *сорока часами*, либо *сорокью часами*.

— *Оба* сочиняется какъ *два*, т. е. принимаетъ существительное въ родительномъ падежѣ единственнаго числа, хотя и полное согласіе не совсѣмъ отвергается: *оба брата* и *оба братья; оба дѣла слушаны* и *оба дѣла́*. Особливожъ въ противномъ порядкѣ: *братья оба, дѣла́ оба.* Но въ женскомъ родѣ много есть разностей: *обѣ сестры́;* напротивъ того: *обѣ ру́ки*, а не *руки́;* но *обѣ воды́*, а не *во́ды;* въ обратномъ порядкѣ: *ру́ки обѣ, во́ды обѣ*, и проч.

— Существительное *князь* по простому употребленію остается несклоняемымъ: *князь Петра, князь Петру*, и проч. Но будучи съ прилагательнымъ, склоняется согласно съ собственнымъ: *стараго князя Петра, о старомъ князѣ Петрѣ*, и проч. Собственное имя *Александръ* въ приказномъ слогѣ остается несклоняемымъ въ косвенныхъ падежахъ, а склоняется только принадлежащее къ нему отеческое имя и прозванье, существительное ли оно будетъ или прилагательное; напр. *Александръ Ивановичь Бабръ* или *Ба́бровъ, Александръ Ивановича Бабра* или *Ба́брова*; также: *князь Александръ Ивановича Шелешпанскаго, князь Александръ Ивановичу Шелешпанскому*, и проч.

— Родительный единственный, при числительномъ *два* полагаемый, въ самой вещи есть, можетъ быть, нѣкоторый остатокъ славенскаго двойственнаго числа, нынѣ совсѣмъ неупотребительнаго въ россійскомъ языкѣ, такъ что можетъ почесться за именительный двойственный: какъ и дѣйствительно единственный родительный мужескихъ и среднихъ именъ окончаніемъ своимъ по наибольшей части сходствуетъ съ славенскимъ именительнымъ двойственнымъ.

— Мѣстоименіе среднее *то*, для точнѣйшаго указанія вещи или слова или для бо̀льшаго подтвержденія и уваженія мысли само́й, приставлено быть можетъ послѣ всякой другой части рѣчи, оставаясь само притомъ несклоняемымъ, въ какомъ бы измѣненіи предъидущее слово ни было, напр. въ разсужденіи мыслей: *Петръ-то, Анна-то, человѣкъ-то, животныхъ-то, дѣла-то, больной-то женѣ, я-то, имъ-то, сему-то, такихъ-то, писать-то, писали-то, скоро-то;* а въ разсужденіи словъ: *до-то, ежели-то, ахъ-*

то, т. е. предлогъ *то*, союзъ *ежели*, междометіе *ахъ*, матеріально взятые. Но при именительномъ единственномъ женскаго рода иногда *та*, а при именительномъ множественномъ именъ, какого бы оныя рода ни были, — *тѣ* употребляется симъ образомъ безъ склоненія по другимъ падежамъ, кромѣ винительнаго единственнаго въ женскомъ, а въ среднемъ множественнаго, напр. *мать-та*, *люди-тѣ*, *мать-ту*, *дѣла́-тѣ*. А по сѣверному (новгородскому) нарѣчію въ такомъ случаѣ употребляется и мужеское *тотъ*, такъ какъ *та*, *то* и *тѣ*, и притомъ съ склоненіемъ по всѣмъ падежамъ въ обоихъ числахъ, напр. *отецъ-тотъ*, *отцатово*, *больной-той женѣ*, *людей-тѣхъ*, *дѣламъ-тѣмъ*, и проч. Изъ мужескаго такого придатка *тотъ*, въ именительномъ и неодушевленномъ винительномъ падежахъ, произошло простонародное испорченное окончаніе *отъ*, а по московскому выговору *атъ*, напр. *отецъ-отъ*, *домъ-отъ*, *списанъ-отъ*. Изъ сего же напослѣдокъ, послѣ именъ, мѣстоименій и причастій мужескихъ, кончащихся на *ь* и *й*, кромѣ *ій* и *ый*, произошло такоежъ окончаніе *этъ*, напр. *кремень-этъ*, *рай-этъ*, *Василій-этъ*, *больной-этъ*, *холуй-этъ*, *Матвѣй-этъ*, *Неврюй-этъ*, *оной-этъ*, *писаной-этъ*.

— Существительныя мѣстоименія: *самъ*, *сама*, въ счетѣ урожаю хлѣба и въ показаніи числа семейства или товарищества принимаютъ иногда къ себѣ числительныя порядковыя усѣченныя въ единственномъ числѣ, напр. *самъ другъ*, *самъ шостъ*, *самъ сёмъ*, *сама пята* и проч., которыя иногда и склоняются, хотя не по всѣмъ точно падежамъ. *Третій* же, или паче *третей*, поелику усѣченія не имѣетъ, то по крайней мѣрѣ перемѣняетъ удареніе въ семъ случаѣ, ибо говорится уже: *самъ третѐй*. А *второй* при семъ совсѣмъ не употребляется.

— *Чей*, *чья*, *чье*, *чьи*, хотя указываютъ на предыдущее имя или мѣстоименіе, однако не только въ падежѣ, но и въ родѣ и въ числѣ, не съ нимъ, но съ послѣдующимъ своимъ существительнымъ соглашаются, напр. *тотъ*, *чьихъ людей ты кликалъ*, *смотрѣлъ на тебя самъ въ то время*.

— *Сей* и *этотъ* обыкновенно указываютъ на ближайшее

предыдущее существительное; *тотъ* — на отдаленнѣйшее, а *оный*—на самое дальнее, напр. *нынѣ память святыхъ Кирика и Улиты: изъ нихъ тотъ сынъ, а сія мать.*

— Мѣстоименія личныя обоего числа по большей части не терпятъ косвенныхъ своихъ падежей при одномъ съ ними глаголѣ, но вмѣсто оныхъ принимаютъ падежи возвратительнаго *себя*, напр. *я долженъ себя защищать*; *вамъ позволено этого себѣ желать*. Равнымъ образомъ притяжательныхъ своихъ личныя мѣстоименія при себѣ не терпятъ, но принимаютъ возвратительное *свой: мы, вы, они взяли свой удѣлъ, свою часть, свои деревни* и проч. Если же нѣкоторые говорятъ или пишутъ: *я взялъ мою шляпу; ты исполнилъ твою должность; они довольны ихъ состояніемъ*, то сіе происходитъ по большей части отъ подражанія другимъ языкамъ и въ противность свойству россійскому, и развѣ для какого-нибудь особеннаго обстоятельства терпимо быть можетъ.

— Глаголъ *есть*, когда составляетъ самое подлежащее, а не связь только, по свойству россійскому, не взирая на то, что собственно принадлежитъ къ единственному числу, сочиняется также и съ множественнымъ именительнымъ, напр. *деньги есть съ нимъ*; *есть у него деньги*. Причиною сему есть то, что множественное *суть* мало употребительно, и кажется какъ бы дико, такъ что нѣкоторыми, напр. въ выраженіи: *суть дворянинъ* или *суть дворяне*, за существительное имя или за нѣчто другое, только не за глаголъ, принималось, да и не въ шутку, а въ правду—въ споръ и доказательство.

— Съ именительнымъ единственнымъ именъ собирательныхъ, также мѣстоименій и др., глаголъ сочиняется не только единственный, но иногда и множественный: *много, мало, нѣсколько идетъ* и *идутъ*.

— Именительный часто претворяется въ винительный: *отецъ его попомъ у Николы*, т. е. *есть*; *причиною сего было слѣдующее*. Но въ отношеніяхъ природныхъ и вѣчныхъ сему претворенію быть не можно, напр. вмѣсто: *Алексѣй былъ мнѣ отецъ, Анна*—

мать, *Александръ* — *дядя*, нельзя уже сказать: *Алексѣй былъ мнѣ отцомъ*, и проч.

— Безличные единственные, подобно другимъ глаголамъ, иногда умалчиваются, и дополненіемъ ихъ могутъ отчасти объяснены быть нѣкоторыя сочиненія неокончательныхъ наклоненій, какъ то: о прошедшемъ упущенномъ дѣлѣ — *мнѣ было говорить*, т. е. *должно было;* въ предсказаніи, особливо чего противнаго или невесьма пріятнаго и принужденнаго, для подтвержденія угрозы, насмѣшки, и проч., съ дательнымъ или творительнымъ падежемъ — *быть бычку на веревочкѣ*, и т. п. Въ прилагательныхъ употребительнѣе усѣченныя, нежели полныя окончанія: *быть пьяну*, *обмануту*, *обвинену*, вмѣсто: *пьяному*, *обманутому*, и проч.

— Падежъ послѣ глагола употребляется либо всегда и непремѣнно тотъ же, либо иногда и другой: учиться *грамотѣ* и *грамоты*; править *государство* и *государствомъ*; избавиться *отъ напасти* и избавиться *напасти*. При глаголѣ *учиться* дательный лучше, нежели родительный.

— Страдательныя окончанія *ся* или возвратные глаголы съ страдательнымъ знаменованіемъ и сочиненіемъ болѣе употребительны въ выраженіяхъ, къ славенскому свойству склоняющихся: *мы ему вину прощаемъ*—*вина ему отъ насъ прощается*, но не *онъ отъ насъ прощается*; такъ какъ и вмѣсто: *мы его возносимъ*, т. е. *хвалимъ*, не можно сказать: *онъ отъ насъ возносится*, ибо сіе значило бы: *онъ поднимается вверхъ*. Однако *онъ отъ насъ превозносится*, для приближенія къ славенскому свойству, слуху непротивно. Равнымъ образомъ: *вѣтръ колеблетъ море* и *вѣтромъ* или *отъ вѣтра колеблется море* — весьма изрядно; напротивъ того: *мать дитя качаетъ* и *дитя отъ матери качается* весьма несходный разумъ имѣютъ, ибо послѣднее значитъ, что дитя само, съ боку на бокъ качаясь, отъ матери уклониться хочетъ.

— Для увеличенія какого нибудь качества или состоянія, особливо непохвальнаго, непріятнаго или необыкновеннаго, по

простому употребленію, повторяется тожъ самое существительное въ творительномъ падежѣ, напр. *туракъ туракомъ*, т. е. совершенный туракъ; *дерево деревомъ*, т. е. точно какъ дерево, въ природномъ смыслѣ или преносительно — о недостаточномъ умѣ и нечувствительности.

— Хотя крайне несносно слышать: *я видѣлъ васъ вчера ѣхать* или *я впервые вижу васъ играть въ эту игру*; но съ неокончательнымъ *быть* таковое приведеніе окончательной рѣчи въ неокончательную можетъ иногда имѣть мѣсто и въ россійскомъ языкѣ; напр. *я думаю, мню, считаю, сего человѣка вамъ быть друга, сію поѣздку вамъ быть полезну.* Однако послѣдующій винительный въ семъ случаѣ нерѣдко изображается творительнымъ качества, какъ-то: *я мню сего человѣка вамъ быть другомъ, сіи книги вамъ быть полезными*, и проч.

— Когда сила дѣйствительнаго глагола не ко всей вещи, но къ нѣкоторой ея части или не на все время, но токмо ненадолго простирается, то винительный претворяется въ родительный, напр. *дай воды, купилъ дровъ, возму муки*, и проч. *Посулить кому лошади* разумѣется не вовсе, но на ссуду, не на долгое время и съ возвратомъ потомъ. Напротивъ чего: *дай воду* разумѣется всю; *купилъ дрова*, т. е. всѣ тѣ, о коихъ говорено или иначе извѣстно, а *посулить лошадь* собственно значитъ съ тѣмъ, чтобъ отдать ее вовсе. Въ семъ заключается еще учтивость: *покажи свою книгу* сказано какъ бы со властію; *покажи своей книги* — рѣчь учтивѣе.

— Средніе глаголы, подобно дѣйствительнымъ, дѣлаются иногда преходительными, и принимаютъ къ себѣ винительный падежъ, особливо же отъ сроднаго имени существительнаго, напр. *служилъ литургію, жилъ жизнь нещастную, отслужи мнѣ службу вѣрную, отслужи мнѣ три службы*, и т. д.

— Въ приказномъ слогѣ не только дательный или творительный, но также и винительный, управляемый глаголомъ, удерживается иногда по премѣненіи его въ производное существительное, напр. *указъ о взятьѣ десятую долю въ казну*; *о высланіи*

смоленскую шляхту, — чему однако послѣдовать не должно ни въ какомъ другомъ слогѣ.

— Между числительными, составляющими вмѣстѣ одинъ счетъ, предлоги *на* и *по*, а иногда и *въ* и *съ*, повторяются, напр. *на двадцать на пять рублевъ, по двѣсти по пятнадцати саженъ*, и пр.

— Въ просторѣчіи, особливо въ простыхъ пѣсняхъ, часто повторяется тотъ же предлогъ предъ прилагательнымъ именемъ, который употребленъ предъ его существительнымъ, такожъ и обратно, напр. *на горѣ на высокой* и *на высокой на горѣ*; *по морю по синему, по синему морю по Хвалынскому.*

— Нарѣчія умножительныя съ сравненіемъ: *вдвое, втрое* и проч., принимаютъ родительный падежъ просто или съ предлогомъ *противъ*, напр. *сынъ впятеро проворнѣе отца* или *противъ отца*; *онъ вполы* (т. е. въ половину) *тебя* или *противъ тебя ростомъ.*

— Вопросъ: *почемъ* есть сокращенный и испорченный изъ вопроса: *по чему;* на оный отвѣтствуется падежемъ, сему послѣднему приличнымъ: *почемъ купилъ? по три деньги, по пяти рублевъ.* При вопросѣ: *что далъ* и пр., вещь полагается или разумѣется въ винительномъ падежѣ съ предлогомъ *за.* Но предлогъ сей часто пропускается, напр. *что дали шубу? шубу дали тысячу рублевъ*, и т. д.

Въ составъ синтаксиса Барсовъ вводитъ слѣдующія «окрестности, наблюдаемыя при словосочиненіи»:

1) Согласованіе или согласіе частей рѣчи между собою.

2) Управленіе ихъ одной другою.

3) Порядокъ ихъ.

4) Выраженіе или сила ихъ.

5) Фигуры синтактическія.

6) Разбираніе грамматическое.

Фигуры синтактическія раздѣляются на главныя и подчиненныя имъ:

главныя: 1) умолчаніе.
2) избыточество.
3) сліяніе.
4) сложеніе.
5) осяженіе.

подчиненныя: 6) сопряженіе.
7) безсоюзіе.
8) многосоюзіе.
9) превращеніе.

— Чрезъ *умолчаніе* собственно пропущена быть можетъ всякая изъ восьми частей рѣчи, какъ-то:

имя существительное, напр. *всѣ говорятъ*, т. е. люди; *я ему долженъ*, т. е. *деньгами*; *о святой*, т. е. недѣлѣ; *въ слободу*, т. е. *въ нѣмецкую слободу*.

союзъ: *хочешь, не хочешь* (дважды опущено *хотя*), *а должно исполнить*.

— *Сложеніе* (syntesis, synesis) называется, когда имени существительному и особливо собирательному другое имя, мѣстоименіе, глаголъ и причастіе отвѣтствуетъ не точно по грамматическому онаго измѣненію или принадлежности, но по смыслу, т. е. не согласуется съ нимъ въ числѣ или въ родѣ или и въ обоемъ, напр. *часть побиты въ самомъ стану своемъ*; *отворите кто-нибудь*, — вмѣсто: *часть побита*; *отвори кто-нибудь*, и проч.

— *Осяженіе* (syllepsis) есть, когда имена, мѣстоимѣнія и глаголы общеполагаются въ преимущественнѣйшемъ родѣ, числѣ, падежѣ и лицѣ. Преимущественными почитаются: родъ мужескій передъ женскимъ и среднимъ, женскій передъ среднимъ; множественное число передъ единственнымъ; первое лицо передъ вторымъ и третьимъ, а второе передъ третьимъ; прямой падежъ передъ косвеннымъ, и т. д.

Примѣромъ грамматическаго разбора заключается обширный трудъ Барсова, занимающій почетное мѣсто въ исторіи нашей научной литературы прошедшаго столѣтіе.

В. П. СВѢТОВЪ.

Академическая гимназія и университетъ. — Пребываніе съ Геттингенѣ. — Литературные труды. — Русская грамматика.

I.

Василій Прокофьевичъ Свѣтовъ (1744 — 1783) родился въ Петербургѣ, 14-го апрѣля 1744 года, въ солдатской семьѣ. Непривлекательна была домашняя обстановка Свѣтова: отецъ его, каптернармусъ астраханскаго полка, велъ жизнь нетрезвую, ссорился съ женою, и молодому Свѣтову приходилось быть свидѣтелемъ семейныхъ несогласій и водворять миръ между враждующими родителями.

Одиннадцати лѣтъ отъ роду Свѣтовъ отданъ былъ въ академическую гимназію. Большинство учениковъ академической гимназіи и студентовъ академическаго университета состояло тогда изъ солдатскихъ дѣтей; изрѣдка только въ спискахъ гимназистовъ и студентовъ встрѣчаются: купецкій сынъ, учительскій сынъ, сынъ садоваго мастера, и т. п. Примѣръ ли однополчанъ или другое какое обстоятельство было причиною, что каптенармусъ Свѣтовъ отдалъ своего малолѣтняго сына Василія въ академическую гимназію. Василій Свѣтовъ принятъ въ гимназію академіи наукъ въ іюнѣ 1755 года. По отзывамъ академическихъ наставниковъ, Свѣтовъ учился изрядно и прилежно, и оказалъ хорошіе успѣхи въ классахъ: верхнемъ россійскомъ, катехизическомъ и географическомъ. Только преподаватель верхняго

латинскаго класса, адъюнктъ Мотонисъ отозвался о Свѣтовѣ такимъ образомъ: «лѣнивъ, а поступки неизвѣстны». 26-го августа 1764 года Свѣтовъ произведенъ въ студенты. Постановленіе канцеляріи академіи наукъ о производствѣ Свѣтова въ студенты подписано Ломоносовымъ. Академики: Фишеръ, Браунъ и Котельниковъ заявили объ успѣхахъ гимназистовъ Василія Свѣтова и Аврама Телѣгина, способныхъ и приготовленныхъ къ слушанію профессорскихъ лекцій. Вслѣдствіе этого канцелярія академіи наукъ постановила: Свѣтову и Телѣгину «за ихъ успѣхи въ наукахъ быть студентами, и дать имъ шпаги, которыя купить отъ комисарства, и привести ихъ къ присягѣ, и производить имъ противъ прочихъ студентовъ по новоположенному штату содержаніе, и о томъ имъ сіе опредѣленіе объявить, а въ академическій университетъ послать указъ». Въ іюнѣ 1765 года студентъ Свѣтовъ отправленъ былъ заграницу для довершенія своего научнаго образованія [204]).

Въ выборѣ Свѣтова для посылки заграницу участвовали преимущественно академики Шлецеръ и Котельниковъ. Котельниковъ указалъ на Свѣтова какъ на любознательнаго и прилежнаго студента; Шлецеръ проэкзаменовалъ Свѣтова, и нашелъ, что онъ знакомъ съ иностранными языками настолько, что можетъ слушать въ иностранныхъ университетахъ лекціи, читаемыя на латинскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ. Выборъ, сдѣланный Котельниковымъ и Шлецеромъ, одобренъ канцеляріею академіи наукъ, и по ея распоряженію Свѣтовъ и трое изъ его товарищей по воспитанію отправились, вмѣстѣ съ академикомъ Шлецеромъ, заграницу, именно въ Геттингенъ.

Свѣтовъ посланъ академіею заграницу для усовершенствованія въ иностранныхъ языкахъ и главнымъ образомъ для изученія историческихъ наукъ, чтобы по возвращеніи въ отечество могъ участвовать въ сочиненіи русской исторіи [205]).

Первымъ руководителемъ Свѣтова въ избранной имъ отрасли знаній былъ Шлецеръ, составившій подробную инструкцію, чѣмъ и какъ заниматься академическому питомцу въ геттингенскомъ

университетѣ[206]). Инструкціи и дальнѣйшимъ указаніямъ Шлецера академія наукъ придавала особенное значеніе, вмѣняя Свѣтову въ обязанность строго держаться ихъ во все время пребыванія его заграницею[207]).

II.

Нерадостны были первыя впечатлѣнія Свѣтова на чужой сторонѣ; мысли его переносились въ покинутую родину; особенно жутко становилось ему въ великіе праздники, чествуемые на Руси всѣмъ православнымъ людомъ. О геттингенскомъ житьѣ-бытьѣ русскихъ студентовъ можно судить по ихъ письмамъ, весьма любопытнымъ по своему простодушному тону и по своему содержанію, рисующему тогдашніе нравы[208]). Но окружающая среда и установившійся образъ жизни сдѣлали свое дѣло. Научныя занятія, радушіе геттингенскихъ профессоровъ и живое участіе Шлецера благотворно подѣйствовали на Свѣтова и его товарищей. Съ русскими студентами — писалъ Шлецеръ — все идетъ превосходно; и Свѣтовъ и Венедиктовъ повеселѣли, и начинаютъ вознаграждать потерю столь многихъ дорогихъ лѣтъ въ Петербургѣ; теперь они живутъ въ одномъ домѣ со мною; я вездѣ съ ними; я экзаменую ихъ; самъ даю имъ уроки. Безпристрастные люди говорятъ, — хвастливо прибавляетъ Шлецеръ — что если бы я не такъ усердно занимался этими юношами, то ничего бы изъ нихъ не вышло.

Свѣтовъ занимался преимущественно историческими науками. Ему вмѣнено было въ обязанность слушать курсы: исторіи, древней и новой; статистики; геральдики; нумизматики; дипломатики, и т. д. Онъ слушалъ также курсъ русской исторіи, у Вестфельда. На глазахъ у Свѣтова Шлецеръ работалъ надъ своимъ Несторомъ. Въ письмѣ къ Тауберту, въ концѣ февраля 1766 года, Шлецеръ извѣщаетъ, что трудъ его подвигается впередъ, и скоро появится предисловіе, которое списываетъ Свѣтовъ.

Геттингенскіе ученые съ большою похвалою отзывались о

Свѣтовѣ, называя его образцовымъ студентомъ по прилежанію и образу жизни. Свѣтовъ посѣщалъ въ Геттингенѣ лекціи Муррая (Joan. Philip. Murray), читавшаго политическую исторію; лекціи Гамбергера, читавшаго исторію наукъ и искусствъ — съ пятнадцатаго до восемнадцатаго столѣтія, и др.

Въ іюлѣ 1768 года коммиссія, управлявшая академіею наукъ, послала указъ, чтобы Свѣтовъ изъ Геттингена возвратился въ отечество. Въ постановленіи коммиссіи 17-го ноября 1768 года упоминается о Свѣтовѣ, какъ о студентѣ, *недавно* возвратившемся изъ Геттингена. Долго пришлось Свѣтову ожидать повѣрки пріобрѣтенныхъ имъ знаній. Почти черезъ годъ послѣ его возвращенія директоръ академіи наукъ графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ приказалъ академику Фишеру и инспектору гимназіи Бакмейстеру «освидѣтельствовать возвратившихся изъ Геттингена студентовъ Венедиктова и Свѣтова во всемъ томъ, чему они, бывши въ тамошнемъ университетѣ, обучались». Такое замедленіе произошло оттого, что Венедиктовъ возвратился изъ заграницы гораздо позднѣе Свѣтова, да и самое освидѣтельствованіе назначено, какъ видно, только потому, что Венедиктовъ просилъ дать ему при академіи наукъ какую-либо должность.

Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ по возвращеніи изъ заграницы Свѣтову поручено было исправлять учительскую должность въ гимназіи, а въ 1770 году онъ назначенъ переводчикомъ. Въ постановленіи академической коммиссіи 25-го октября 1770 года сказано: «студента Свѣтова въ разсужденіи того, что онъ, отправляя учительскую должность при гимназіи, желаетъ остающееся ему при томъ свободное время употреблять къ переводу книгъ, въ чемъ онъ и дѣйствительно уже съ нѣкотораго времени упражняется съ успѣхомъ, для большаго ободренія къ таковымъ трудамъ произвесть *переводчикомъ*, и въ семъ новомъ чинѣ привесть его къ присягѣ, не слагая съ него при томъ учительской при гимназіи должности, которую ему исправлять попрежнему» [209]).

Въ этихъ двухъ должностяхъ — учителя академической гимназіи и переводчика — Свѣтовъ оставался до самой смерти своей,

послѣдовавшей 1-го марта 1783 года. Въ послѣднее время своей жизни, съ самаго учрежденія коммиссіи о народныхъ училищахъ, Свѣтовъ принималъ дѣятельное участіе въ ея трудахъ: составилъ грамматическія таблицы, занимался переводами, и держалъ корректуры издаваемыхъ коммиссіею учебныхъ книгъ [210]).

Послѣ него осталась дочь сирота, ненашедшая пріюта въ Петербургѣ. Академія наукъ постановила выдать отцу умершаго— сержанту Прокофію Свѣтову заслуженное покойнымъ жалованье съ прибавкою награды за усердную службу, всего 87 рублей 91 коп. Сумма эта назначалась на погребеніе покойнаго и на уплату оставшихся послѣ него долговъ. Директоръ академіи, княгиня Дашкова приписала своею рукою къ академическому протоколу: «какъ слышу, что отецъ умершаго Свѣтова пьяница, то не лучше ли, ежели какія его деньги останутся, поручить г. Лепехину, чтобъ въ банкъ отдать для капиталу оставшей послѣ него дочери сироты, а родственниковъ ея въ Москвѣ о томъ увѣдомить, и ее къ нимъ, описавшись, отправить» [211]).

III.

Памятниками литературной дѣятельности Свѣтова служатъ его труды по русскому языку и переводы изъ древнихъ и новыхъ писателей, съ латинскаго и нѣмецкаго языковъ:

Въ 1770 году издано: Османское государство въ Европѣ — изъ географіи Бюшинга.

Въ 1770 — 1775 годахъ — Извѣстія византійскихъ историковъ, собранныя Стриттеромъ, 4 части.

Въ 1772 году — О положеніи Германіи, Тацита.

Въ 1773 году — Опытъ новаго россійскаго правописанія. — Второе изданіе въ 1787 году.

Въ 1779 году — Начертаніе исторіи главнѣйшихъ государствъ Европы, Ахенваля.

Въ томъ же году, статья: Нѣкоторыя примѣчанія о языкѣ россійскомъ.

Въ 1783 году — Таблицы о познаніи буквъ, о складахъ, о чтеніи и о правописаніи.

Въ 1790 году — Краткія правила ко изученію языка россійскаго. — Второе изданіе въ 1795 году.

При переводѣ Тацита, Свѣтовъ старался, какъ самъ говоритъ, держаться какъ можно ближе способа выраженія подлинника, соблюдая вмѣстѣ съ тѣмъ требованія русскаго слога. Только въ заглавіи переводчикъ дозволилъ себѣ небольшое дополненіе, которое онъ объясняетъ такимъ образомъ: «Что до заглавія сей книги касается, то я лучше почелъ надписать ее: *о положеніи, обычаяхъ и о народахъ древней Германіи*, нежели просто: *о нравахъ Германіи* (de moribus Germaniae), какъ она обыкновенно, хотя не очень справедливо, называется. Я придалъ еще: *древней* за тѣмъ, чтобы отъ невѣдѣнія не сталъ кто-нибудь сказуемаго разумѣть о нынѣшнихъ нѣмецкихъ народахъ»[212]).

Относительно своего перевода на русскій языкъ историческаго сочиненія Ахенваля Свѣтовъ счелъ нужнымъ оговориться, что за недостаткомъ соотвѣтствующихъ русскихъ словъ вынужденъ былъ отчасти описывать ихъ многими выраженіями и прибавлять примѣчанія, отчасти же оставлять нѣкоторыя названія безъ перевода, въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ находятся они въ нѣмецкомъ подлинникѣ. Къ числу словъ непереводимыхъ на русскій языкъ отнесены: lehn, vasall, actie, major domus, paires de France, sanctio pragmatica, whigs, torys, и другія.

Переводъ Свѣтова въ такомъ родѣ: «Во всемъ такъ называемомъ Карловомъ владѣніи, такъ и особенно въ западной Франковъ монархіи, намѣстники въ порученныхъ имъ провинціяхъ и

государственныхъ отчинахъ и другіе вельможи снискали себѣ исподоволь право наслѣдія въ оныхъ, и притомъ вмѣстѣ со знатнѣйшимъ духовенствомъ начали пользоваться всѣми, государю токмо приличествующими, правами, и оное присвоеніе уступлено было отъ послѣднихъ Карловыхъ потомковъ подъ именемъ жалованныхъ дачь или *леновыхъ* земель. Такимъ образомъ во всѣхъ государства частяхъ появилось множество особливыхъ владѣльцовъ, у коихъ земли и ихъ жители, такъ какъ переданныя помѣстья и нижніе *вазаллы*, въ такой находились зависимости, что напослѣдокъ не осталось у королей почти ничего ни изъ собственныхъ ихъ деревень, ниже изъ собственныхъ подданныхъ. Изъ оныхъ государственныхъ *вазалловъ* сильнѣйшіе назывались *французскими перами* (pares Franciae) и писалися всѣ, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, или герцогами или графами..... Парламентъ ввелъ паки въ обыкновеніе присягу *афъ Сюпремаси* или первенства въ духовныхъ дѣлахъ, и потому королева стала почитаться правительницею церкви..... Новый церковный уставъ посредствомъ *акты, называемой Дюниформите*, обнародованъ былъ во всемъ государствѣ»....

Whigs, torys — *вейгсы*, *торисы*. Примѣчаніе переводчика: «*Торисами* называются въ Англіи тѣ люди, которые держатъ королевскую сторону; инако слывутъ они *придворною* или *строгою партіею. Вейгсы* же суть противники верховныя власти или противная торисамъ партія; они же суть и нонконформисты. Впрочемъ и сіи послѣдніе пріемлютъ монаршу власть, но съ большими нежели торисы, ограниченностями».

Frondeurs — *пращники.*

Lettres patentes — *отверзтыя грамоты.*

Пуритане — *пуританцы.*

Претендентъ — *спорникъ* о престолѣ.

Крестовые походы — *крестные* походы.

Въ одномъ изъ своихъ примѣчаній Свѣтовъ говоритъ: «Имя *варяговъ* произошло и дано имъ конечно отъ словенскихъ народовъ; вѣроятно кажется, что оно значитъ *повсюду скитающихся*,

бѣгающихъ или по старинному нарѣчію *варяющихъ*, что весьма сходно съ тогдашними ихъ нравами, и т. д. [213]).

До появленія труда Бюшинга въ русскомъ переводѣ Свѣтова у насъ почти ничего не было издано по географіи, за исключеніемъ политической географіи, составленной, въ 1758 году, въ сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ, и весьма краткаго руководства къ географіи, вышедшаго въ 1767 году. Бѣдность нашей географической литературы и громкая извѣстность трудовъ Бюшинга, переведенныхъ на многіе иностранные языки, заставили Свѣтова обратиться именно къ этому ученому, а выборъ Турціи находится въ связи съ тогдашними политическими событіями. Свѣтовъ говоритъ: «Я, предпринявъ перевести описаніе османскаго государства въ Европѣ и республики рагузской, не ласкался надеждою сказать что-нибудь особливое передъ другими, но единственно желалъ чрезъ то явить ревность свою ко услугамъ *обществу*. Причины, для которыхъ избрано напередъ сіе европейское государство, *по нынѣшнимъ времени обстоятельствамъ* довольно извѣстны... Я всѣми мѣрами старался не выйти изъ предѣловъ, переводчику предписанныхъ, т. е. слѣдовать во всемъ подлиннику, не опуская и того, что иный бы почелъ за мелочь, вниманія незаслуживающую. Я лучше почиталъ просто наблюдать точность дѣла, нежели для украшенія рѣчей повредить въ случаѣ истинный смыслъ сочинителя» [214]).

Необходимость знакомства съ византійскими писателями при изученіи русской исторіи ясно сознаваема была въ восемнадцатомъ столѣтіи. Вслѣдствіе этой необходимости возложено было на Штриттера, какъ на одного изъ лучшихъ знатоковъ дѣла,

составить извлеченія изъ византійскихъ историковъ. Когда Штриттеръ представилъ въ академію свои извлеченія, ученое собраніе назначило коммиссію изъ академиковъ: Фишера, Котельникова и Козицкаго для обсужденія вопроса объ изданіи византійскихъ извѣстій въ такомъ видѣ, который бы способствовалъ наибольшему ихъ *распространенію въ читающемъ обществѣ.* При такомъ намѣреніи естественно было позаботиться о скорѣйшемъ изданіи ихъ въ русскомъ переводѣ. Извѣстія византійскихъ историковъ, объясняющія русскую исторію древнихъ временъ и переселенія народовъ, появились въ русскомъ переводѣ безъ имени переводчика; но то обстоятельство, что корректурные листы отсылались къ Свѣтову, доказываетъ, что переводчикомъ былъ никто другой, какъ Свѣтовъ. Такой порядокъ заведенъ былъ въ академіи издавна: корректуры издаваемыхъ памятниковъ или переводовъ отсылались обыкновенно издателямъ и переводчикамъ. Въ журналѣ комиссіи академіи наукъ, 15-го марта 1770 года, читаемъ: Съ сообщенной отъ собранія, старающагося о переводѣ иностранныхъ книгъ на россійскій языкъ, книги подъ заглавіемъ: *Извѣстія о славянахъ* напечатать на академическій счетъ 600; въ томъ числѣ 5 на александрійской, а прочіе на любской бумагѣ; *корректуры отсылать къ студенту Свѣтову.* Современникъ Штриттера и Свѣтова, Бакмейстеръ, упоминая въ своей Русской библіотекѣ (Russische Bibliothek) объ извѣстіяхъ византійскихъ историковъ, при выходѣ ихъ въ русскомъ переводѣ, о каждой части говоритъ, что она переведена Василіемъ Свѣтовымъ. Въ августѣ 1770 года въ с.-петербургскихъ вѣдомостяхъ помѣщено объявленіе: Въ академической книжной лавкѣ продается новонапечатанная подъ смотрѣніемъ собранія, старающагося о переводѣ чужестранныхъ книгъ на россійскій языкъ, слѣдующая книга: Извѣстія византійскихъ историковъ, объясняющія россійскую исторію древнихъ временъ и преселенія народовъ; часть первая; *о славянахъ* [215]).

Видное мѣсто въ литературной дѣятельности Свѣтова занимаютъ его труды по русскому языку. Значеніе ихъ признавалось и признается какъ современниками автора, такъ и послѣдующими учеными, занимавшимися изслѣдованіями въ области языкознанія. Комиссія о народныхъ училищахъ, въ которой участвовали образованнѣйшіе люди екатерининской эпохи, поручила Свѣтову составить руководство для преподаванія русскаго языка. Блюстительница чистоты и правильности отечественнаго языка, россійская академія, предпринимая составить *непремѣнныя правила* правописанія, положила въ основу своего труда грамматику *Ломоносова* и опытъ о правописаніи *Свѣтова*, считавшійся въ свое время образцовымъ. Въ филологическихъ розысканьяхъ академика Я. К. Грота находимъ слѣдующій отзывъ о Свѣтовѣ: «въ его трудахъ обнаруживается *рѣдкое для того времени пониманіе законовъ языка*, такъ что въ исторіи русскаго слова и письма нельзя забыть Свѣтова» [216]).

Издавая свой опытъ новаго русскаго правописанія, Свѣтовъ говорилъ, обращаясь къ читателю: «Малый сей опытъ произведенъ въ свѣтъ не съ охоты противорѣчить безо всякаго основанія другимъ, вводя въ письмо необыкновенныя и съ природою языка славенороссскаго несвойственныя новости, но единственно намѣреніе было положити правила, на россійской грамматикѣ и на лучшемъ и разсудительномъ употребленіи новороссійскаго языка основанныя. Въ семъ слѣдуя по большой части россійской грамматикѣ покойнаго г. статскаго совѣтника Михайла Васильевича Ломоносова, старался я избрать среднее между старинным и нынѣшнимъ новымъ правописаніемъ, которое отъ прежняго, въ первой половинѣ 18-го вѣка во употребленіи бывшаго, знатную отмѣну имѣетъ». Слѣдовательно *новымъ* называетъ онъ то правописаніе, которое употреблялось во *второй* половинѣ восемнадцатаго столѣтія.

Вопросъ о правописаніи былъ въ прошломъ столѣтіи однимъ изъ самыхъ живыхъ вопросовъ нашей научной литературы. Тредьяковскій написалъ обширный трактатъ о правописаніи въ

формѣ разговора между природнымъ русскимъ и иностранцомъ. Академикъ Адодуровъ, преподававшій русскій языкъ Екатеринѣ II, составилъ правила россійской орѳографіи. О томъ же предметѣ писалъ и Козицкій, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ Свѣтова: «Какъ уже издаваемый мною теперь опытъ россійскаго правописанія назначенъ былъ къ печатанію, то попалось мнѣ по случаю въ руки нѣкоторое сочинепіе одинакаго съ моимъ содержанія, изъ котораго бы мнѣ можно было свое во многихъ случаяхъ дополнить; и я надѣюсь, что высокопочтенный сочинитель онаго, подражанія достойный примѣръ россійскаго слова, дозволилъ бы мнѣ по великодушію своему употребить оное въ пользу. Но можетъ быть великій оный витія, *коего предводительствомъ въ ученіи имѣлъ я нѣкогда счастіе пользоваться*, и о чемъ безъ глубочайшаго моего къ его особѣ почтенія не могу вспомянуть, приметъ современемъ трудъ и предастъ въ пользу любителей россійскаго языка *орѳографическія свои правила* тисненію, которыя безъ сомнѣнія приняты будутъ отъ публики съ великою похвалою. О изрядствѣ ихъ читатель можетъ напередъ разсуждать изъ *еженедѣльныхъ листовъ Всякія Всячины*». Ясно, что здѣсь рѣчь идетъ о Козицкомъ, преподавателѣ витійства, издававшемъ, какъ полагали современники, журналъ: Всякая Всячина. Въ бытность Свѣтова студентомъ академическаго университета адъюнктъ Козицкій излагалъ своимъ слушателямъ латинское и греческое краснорѣчіе, объясняя правила риторики и латинскаго штиля. По свидѣтельству Новикова, словарь котораго вышелъ за годъ до книжки Свѣтова, Козицкій соединялъ великое просвѣщеніе съ здравымъ разсудкомъ и знаніе иностранныхъ, древнихъ и новыхъ, языковъ съ слогомъ чистымъ, важнымъ, плодовитымъ и пріятнымъ. Послѣднее обстоятельство и заставляло нѣкоторыхъ утверждать, что Всякая Всячина есть произведеніе его пера.

Поводомъ къ появленію книжки Свѣтова были многочисленныя невѣрности, неточности и колебанія въ русскомъ правописаніи, измѣнявшемся на разные лады по личному вкусу любаго писателя или переводчика. Единственный исходъ изъ этой пута-

ницы Свѣтовъ видѣлъ въ установленіи разумныхъ и неизмѣнныхъ правилъ. Въ подтвержденіе необходимости подобнаго рода правилъ Свѣтовъ ссылался на тѣхъ тружениковъ науки, которые занимаются объясненіемъ древнихъ лѣтописей, грамотъ и другихъ памятниковъ, писанныхъ безъ всякихъ правилъ, по произволу каждаго писца. «Мое намѣреніе — говоритъ Свѣтовъ — состоитъ единственно въ томъ, чтобы несогласующихся содружить, неосновательныя и странныя безобразія исправить или и совсѣмъ изъ письма истребить»[217]).

Общій, основный взглядъ на существенныя требованія правописанія одинъ и тотъ же у Ломоносова, въ его грамматикѣ, и у Свѣтова. Въ правописаніи — говоритъ Ломоносовъ — надлежитъ наблюдать, чтобы не удалялось много отъ чистаго выговору, и чтобы не закрывались совсѣмъ слѣды произведенія и сложенія реченій (§ 112). По замѣчанію Свѣтова, «должно смотрѣть, чтобъ не отойти далеко отъ чистаго и обыкновеннаго выговора, и чтобъ не чрезъ чуръ явны были слѣды произвожденія и сложенія реченій» (§ 20).

Руководствуясь трудами и воззрѣніями Ломоносова, и заимствуя изъ его грамматики и правила и даже примѣры, Свѣтовъ иногда уклоняется отъ своего классическаго образца. Вопреки Ломоносову, исключавшему изъ русской азбуки буквы: *і*, *щ* и *ѳ*, Свѣтовъ считаетъ необходимымъ удержать въ ней эти три буквы. Въ спорномъ вопросѣ объ окончаніи именъ прилагательныхъ во множественномъ числѣ Свѣтовъ склоняется къ мнѣнію Сумарокова, и находитъ, что можно бы принять за правило оканчивать прилагательныя всѣхъ трехъ родовъ на *я*, если бы всѣ русскіе писатели въ томъ утвердились, и т. п.

Краткая замѣтка Ломоносова объ употребленіи прописныхъ буквъ значительно распространена; главная мысль обставлена нѣкоторыми, нелишенными своего рода интереса, подробностями. У Ломоносова сказано: «Точка заключаетъ цѣлый періодъ, и ей обыкновенно слѣдуетъ прописная буква, которою также имена почтенныя и собственныя начинаются» (§ 133). Свѣтовъ гово-

ритъ: «Съ начала рѣчи и послѣ точки первое слово начинается прописною буквою, коею также имена почтенныя и собственныя означаются, напр. *Сіятельный Графъ*, *Превосходительство*, *Александръ*, *Римъ*, *Москва*, *Нева*. Иногда послѣ вопросительнаго и удивительнаго знаковъ начинаются слова прописными же буквами. Въ стихахъ каждая строка начинается большою буквою. Также имя Бога, если оно значитъ истиннаго, и его предикаты, съ мѣстоименіями возносительными и указательными, напр. *Всемогущій*, *Всевышній*, *Творецъ* и другія, симъ подобныя. Равнымъ образомъ титулы высокихъ особъ. Съ иностранныхъ языковъ принятыя въ россійскій слова отличаются въ письмѣ отъ природныхъ россійскихъ прописною начальною буквою, какъ: *Алгебра*, *Астрономія*, *Географія*, *Маѳиматика*, *Каѳедра*, и другія. Сіе поелику большая часть россійскихъ писателей пріемлютъ и тщательно наблюдаютъ, хотя и не имѣя довольныхъ тому причинъ, то должно непремѣнно въ томъ всѣмъ согласиться и принять за правило, почитая за безполезное спорить о такихъ мелочахъ» (§ 19).

Свѣтовъ принимаетъ для именъ мужескаго рода, послѣ шипящихъ, окончаніе ъ, а не ь. Онъ говоритъ: Имена, на ь кончащіяся, мужескаго рода, въ родительномъ удерживаютъ на концѣ *я*; изъ чего явствуетъ, что неправо пишется *ключь*, *товарищь*, *врачь*, ибо въ родительномъ не *ключя*, *товарищя* и не *врачя*. Надобно писать: *ключъ*, *товарищъ*, *врачъ*; въ родительномъ: *ключа*, *товарища*, *врача*, и такъ другія. Отсюда слѣдуетъ, что и тѣ, которые въ именительномъ пишутъ *Ивановичь*, въ родительномъ *Ивановича*, погрѣшаютъ противъ онаго же правила грамматики, и т. д. (§ 35).

Въ словахъ, заимствованныхъ изъ чужихъ языковъ, допускаетъ окончаніе на русскій и на иностранный ладъ; въ заимствованныхъ изъ греческаго предпочитаетъ рейхлиновское произношеніе эразмовскому. Слѣдующія слова — говоритъ онъ — надлежитъ писать: Д*и*мократія, а не Д*е*мократія; Акад*и*мія, а не Акад*е*мія; ком*и*та, план*и*та, потому что η греческое должно произ-

носитъ какъ россійское *и*. *Турокъ* — имен. един., а не *Турка*. Италій*скій*, а не Италіян*скій*, потому что *anus* латинское только есть окончаніе, а россійское *скій*: Асій*скій*, Европ*скій*, Армен*скій*, Англій*скій*, Венецей*скій*, Француз*скій*, Швед*скій*, Дат*скій* безъ *и*, Сицилій*скій*, Дакій*скій*, Пароян*скій*, Мидій*скій*, Перс*скій* и другія. Армея — чрезъ *е*, но лучше всегда *войско*. *Флотъ* — чрезъ одно *т*, *офицеръ* — чрезъ одинъ *ф*, и т. д. (§ 46).

При составленіи своего руководства Свѣтовъ имѣлъ въ виду, какъ самъ говоритъ, двоякаго рода читателей. Одни учились прилежно русской грамматикѣ или же чтеніемъ лучшихъ писателей пріобрѣли достаточныя знанія въ родномъ языкѣ. Другіе «по худымъ примѣрамъ и по закоренѣлой къ неправому письму привычкѣ пишутъ безразсудно, каковыми я почитаю большую часть подъячихъ». Любопытны замѣчанія Свѣтова о неправильностяхъ тогдашняго правописанія:

— Имена, на *іе* кончащіяся, во множественномъ именительномъ многіе оканчиваютъ неправедно на *и*, и пишутъ: *имѣніи*, *наши сочиненіи*, также въ родительномъ: *имѣніевъ*, *сочиненіевъ*, *затмѣніевъ*, вмѣсто: *имѣнія*, *наши сочиненія* — въ именительномъ; *имѣній*, *сочиненій*, *затмѣній* — въ родительномъ (§ 33).

— Многіе, подражая простому выговору, вносятъ несправедливо въ реченія лишнія буквы, напр. *с*т*рубъ*, при*т*чина, *с*т*рамъ*, *н*дравъ, ра*з*зорять, руко*в*ятка, и*т*ти, уб*и*вство; про*т*чій вм. *прочій*; ес*т*либы вм. *еслибы*. При чемъ наблюдать должно, изъ какихъ частей оныя слова составлены, и какъ простыя онѣ пишутся: ибо *срубъ* отъ *срубаю*, *причина* отъ *причиняю*, *срамъ* сокращенно отъ *соромъ*, *разоряю* отъ *разъ* и *орю*, *рукоятка* отъ *руки* и глагола *емлю*, *ити* отъ *иду*, *убійство* отъ *бію* происходятъ, и т. д. (§ 21).

Свѣтовъ проводитъ рѣзкую грань между обыкновеннымъ и высшимъ слогомъ — между *просторѣчіемъ* и *штилемъ*, держась тѣхъ стилистическихъ понятій, которыя выражены Ломоносовымъ въ его грамматикѣ и въ его разсужденіи о пользѣ книгъ церковныхъ для русскаго литературнаго языка:

— Россійскія прилагательныя имена въ родительныхъ падежахъ единственнаго числа женскаго рода кончатся двоякимъ образомъ: на *ой* и на *ыя*, на *ей* и на *ія*. Въ важномъ слогѣ, а наипаче высокія слова пристойнѣе кажется кончить на *ыя* и на *ія*, напр. *образъ пресвятыя Богородицы; щедроты великія Государыни.* Напротивъ того, не говорится и не пишется: *цѣна черепаховыя табакерки, человѣкъ подлыя природы;* да *цѣна черепаховой табакерки, человѣкъ подлой природы.* Равнымъ образомъ имена втораго склоненія, на *ье* кончащіяся, въ важной матеріи надлежитъ продолжать на *іе*, и по сему именительнаго окончанію склонять прочіе падежи, на прикладъ: *житіе* (а не *житье*) Петра Великаго; Христосъ прободенъ *копіемъ* (а не *копьемъ*); *дреколіе*, а не *дреколье*, и другія. Продолжительная выходка голоса даетъ украшеніе словамъ также четвертаго склоненія во творительныхъ падежахъ; говорится и пишется: *плотію уснувъ; вѣрою и любовію;* однако: *пылію засыпанъ, жестію обитъ* странно и слуху противно; говоримъ: *пылью засыпанъ, жестью обитъ.* Тоже самое надлежитъ примѣчать при глаголахъ, на *ью* въ просторѣчіи и въ низкомъ родѣ сочиненія кончаемыхъ, которые въ слогѣ, важность нѣкую заключающемъ, вмѣсто *ь* принимаютъ *і*: *ліется, бію, пію* и немногіе другіе (§ 32).

— Кажется, что въ родительномъ и предложномъ падежахъ *у* вмѣсто *а* и *ѣ* оставить должно просторѣчію и комическому слогу, а важный родъ сочиненія онаго отнюдь не терпитъ. Пишемъ: *число песка морскаго*, а говоримъ: *насыпать песку*; 1772 *года*, въ просторѣчіи: 1772 *году*; *въ прошломъ годѣ*, говоримъ: *въ прошломъ году* (§ 42).

— Неопредѣленныя наклоненія кончить на *ти* можно въ высокихъ рѣчахъ; и чѣмъ ближе глаголъ ко славенскому свойству подходитъ, тѣмъ сіе окончаніе слуху пріятнѣе становится, напримѣръ: *вѣщати, глаголати, низсылати, воздымлятися, облещися въ бодрость*, и другіе, симъ подобные. Тожъ самое должно разумѣть и о второмъ лицѣ настоящаго времени: *трудишися, подвизаешися*, и проч. (§ 44).

Опытъ Свѣтова о правописаніи вызвалъ замѣчанія и возраженія со стороны корифея тогдашней литературы — Сумарокова. Этого и слѣдовало ожидать. Сумароковъ считалъ вопросъ о правописаніи чрезвычайно важнымъ, самъ участвовалъ въ его разработкѣ и въ полемикѣ, возникавшей по этому поводу, да и трудъ Свѣтова былъ такимъ выдающимся явленіемъ, что его нельзя было оставить безъ вниманія. Была и другая причина, заставившая Сумарокова взяться за перо. Главнымъ пособіемъ Свѣтову служили труды Ломоносова, и Свѣтовъ признавалъ Ломоносова образцемъ совершенства, высоко цѣня заслуги его въ области русскаго языка и слога. Съ мыслью объ авторитетѣ Ломоносова никакъ не могъ помириться неуступчивый Сумароковъ, и замѣтки его о книгѣ Свѣтова въ сущности устремлены противъ Ломоносова. Сумароковъ выдаетъ себя съ самаго начала своихъ критическихъ «примѣчаній». Первый ударъ его направленъ на заглавіе книги, въ которомъ понятіе о русской грамматикѣ вообще отожествляется съ ненавистною для Сумарокова грамматикою Ломоносова. Свѣтовъ далъ труду своему такое названіе: «Опытъ *новаго* россійскаго *правописанія*, *утвержденный* на правилахъ *россійской грамматики* и на лучшихъ примѣрахъ россійскихъ писателей». Вездѣ, гдѣ Свѣтовъ говоритъ: *сочинитель россійской грамматики*, подъ этимъ именемъ надо понимать Ломоносова. Сумароковъ возражаетъ: «Новаго правописанія у россіянъ никогда не было: такъ именована нѣкая книжка, противъ которой я теперь пишу, *опытомъ новаго* нашего *правописанія*, неправильно. Грамматика г. Ломоносова никакимъ ученымъ собраніемъ *не утверждена*, и по причинѣ, что онъ московское нарѣчіе въ колмогорское превратилъ, вошло въ нее множество порчи языка. Наприм. вмѣсто *лутчій* — *лутчей*: слѣдовательно склоненія прилагательныхъ перепорчены. А сіе многія, хотящія быти писателями, пріемлютъ за правило, не спрашивая больше доказательства, кромѣ сего, что такъ написано въ *грамматикѣ*, но въ *утвержденной* ли писателями?» [218])

Русскій литературный языкъ Свѣтовъ называетъ *новороссій-*

скимъ. Сумароковъ говоритъ: «странно ето титло нашему языку— *новороссійскій языкъ*, ибо мы тѣмъ же языкомъ говоримъ, которымъ говорили и предки наши, и новаго правописанія почти нѣтъ. Вмѣсто *востокъ—возтокъ*, прочія такія, отъ крайняго невѣжества происходящія умствованія, новымъ правописаніемъ назваться не могутъ». Названіе *новороссійскій* объясняетъ самъ Свѣтовъ въ статьѣ своей о русскомъ языкѣ, помѣщенной въ академическихъ извѣстіяхъ. Въ историческомъ движеніи русскаго языка, устнаго и письменнаго, Свѣтовъ отмѣчаетъ три періода, обозначая ихъ именами: *славянскій*, *славянорусскій* и *новороссійскій*. Древній, *славенскій* языкъ существовалъ только въ устномъ употребленіи, во времена стародавнія, до изобрѣтенія письменъ. На *славенорусскомъ* языкѣ писаны священныя книги, также лѣтописи и другіе памятники. «*Новороссійскимъ* же по справедливости почитается тотъ, коимъ нынѣ говорятъ и пишутъ грамотные россіяне, и который возымѣлъ свое начало отъ временъ обновителя россійскаго слова».

Вотъ еще нѣсколько замѣчаній по поводу труда Свѣтова:

Свѣтовъ.	*Сумароковъ.*
Мѣсяцы въ россійскомъ языкѣ называются латинскими званіями, но правописаніемъ на подлинныя мало походятъ. Пишемъ: *сентября* вм. *септемврія; октября* вм. *октоврія; ноября* вм. *новемврія; декабря* вм. *декемврія*; *генваря* вм. *іануарія; февраля* вм. *февруарія*. Но коль трудно будетъ преодолѣть несдѣланную уже къ тому привычку! Есть нѣкоторые писатели, которые потерянный просторѣчіемъ настоящій таковыхъ словъ выговоръ стараются помалу возвратить россій-	Почему я пишу *январь*, я ето оставляю безъ доказательства, ибо сія правда ясна. А *февраль* и *пролубь* говоримъ мы вмѣсто *феврарь* и *прорубь* отъ порчи картавыми и подражающими всему тому, что новое, хотя оно и неправильно. Кто начнетъ какое невстовство во языкѣ, презренъ тотъ; но древнее невстовство никакимъ умствованіемъ истреблено быть не можетъ. *Генварь* выдумали старинныя подьячія, находя въ литерѣ Г, когда она какъ латинское Н произносится, нѣкое

скому языку, и пишутъ имена мѣсяцовъ и другія не по просторѣчію, но по свойству и природѣ самыхъ речепій, напр. *января* вм. *генваря*, что и къ латинскому и къ простому россійскому выговору очень близко подходитъ. Надобно исподоволь и полегоньку вводить во употребленіе таковыя новости. Можетъ быть со временемъ испорченныя простымъ и обыкновеннымъ выговоромъ слова не странно будетъ писать по настоящему ихъ произношенію (§ 45).

величество и пышность, а до пышности невѣжи охотники, хотя бы она была и не у мѣста (§ 15).

На *е* и на *о* кончащіяся съ предыдущею согласною, въ именительномъ множественномъ кончать несправедливо вм. на *а*—на *и* и на *ы*, говоря: *яблоки*, *облаки*, *сокровищи*, *свойствы*, *количествы*, въ чемъ погрѣшаютъ противъ грамматическаго правила. Надобно писать: *яблока*, *облака*, *сокровища*, *свойства*, *количества* (§ 34).

Надобно знати, когда написать *облака* и когда *облаки:* что́ до нѣжнаго слуха надлежитъ, то весьма пространнаго истолкованія требуетъ. Но *основаніи*, *желаніи*, вмѣсто: *основанія*, *желанія*, рѣдко употреблены быть могутъ, да и то для весьма рѣдко случающейся красоты. А въ поезіи *облаки* за *облака*, и часто и кромѣ риѳмы, класти не только можно, но и должно. Иногда и въ прозѣ, коли я не поставлю *облаки*, я изображу не то (§ 32).

Острый, *оспа*, *отчина*, *осьмый* и другія надлежитъ писать въ стилѣ; въ обыкновенныхъ разговорахъ и въ простомъ родѣ сочиненія придаютъ *в: вострый*, *воспа*, *вотчина*, *восьмой*. Не говорится: *осьмъ копѣекъ*, *седьмъ фунтовъ*, да *восемь копѣекъ*, *семь фунтовъ*, и такъ другія. Но нѣкоторые утверждаютъ, что *воспа* пишется справедливѣе черезъ *в*, потому что, по ихъ мнѣнію, слово сіе произведено отъ глагола *высыпаю*. Неправедное оное произвож-

Нельзя писать *отчина*, ибо всѣ приняли безъ изъятія *вотчина;* а *вострой* говорятъ только крестьяня и самыя низкія люди, да и то не всѣ (§ 33).

деніе явствуетъ изъ того, что не удерживается отъ мнимаго сего глагола буква *ы*, и не пишутъ *выспа*. *Оспа* — отъ *осыпаю*; *отчина* и *отчинный* — отъ *отца*, и такъ другія (§ 37).

Въ приведенныхъ примѣрахъ любопытно, въ языкѣ самого Свѣтова, употребленіе союза *да* совершенно въ смыслѣ союза *а* или *но*: не седьмь, *да* семь, и пр.

Строже всѣхъ отнесся къ своему опыту самъ авторъ. Замѣчая недостатки своего труда, онъ сдѣлалъ въ немъ нѣкоторыя измѣненія, и имѣя въ виду учащееся юношество, присоединилъ къ правописанію и другія части грамматики. Такимъ образомъ составилось полное руководство къ русской грамматикѣ, которое и издано, по смерти автора, подъ названіемъ: Краткія правила ко изученію языка россійскаго [219]). Въ новомъ трудѣ своемъ Свѣтовъ также руководствовался преимущественно Ломоносовымъ: тѣже правила, иногда тѣже примѣры и тѣже, употребляя выраженіе Свѣтова, *термины техническіе* или *искусственныя слова*. Но слѣдуя по пути, проложенному Ломоносовымъ, Свѣтовъ не ограничивался заимствованіемъ изъ богатаго источника, а работалъ самостоятельно, вникалъ въ свойство русскаго языка, ревностно изучалъ русскихъ писателей, и выводы свои основывалъ на точныхъ наблюденіяхъ надъ русскимъ литературнымъ языкомъ. И безъ моего напоминанія — говоритъ Свѣтовъ — читатель увидитъ, что труды Ломоносова послужили мнѣ «единымъ токмо руководствомъ, и подали поводъ къ учиненію дальнѣйшихъ въ языкѣ размотрѣній, о чемъ многіе изъ моихъ предшественниковъ почти совсѣмъ не думали, а часто, имѣя предъ глазами вѣрный подлинникъ, его портили». Въ примѣръ подобной порчи указываетъ онъ на опредѣленіе имени въ краткихъ правилахъ

россійской грамматики, изданныхъ въ Москвѣ въ томъ же году, какъ и его опытъ о правописаніи. Опредѣленіе это слѣдующее: *имя* есть названіе вещи, подверженной чувствамъ или разуму. Ломоносовъ называетъ *имена* словесными изображеніями вещей. Свѣтовъ находитъ такое опредѣленіе недостаточнымъ, и предлагаетъ свое, а именно: Все то, о чемъ вопросить можно: *кто* или *что*, называется у грамматиковъ *именемъ*, напр. *человѣкъ*, *книга*, *разумъ*.

Не подчиняясь слѣпо авторитету писателей, какою бы извѣстностью ни пользовались они въ тогдашнемъ литературномъ мірѣ, Свѣтовъ критически относился къ нововведеніямъ, и указывалъ несостоятельность ихъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они не вызывались нуждами и свойствомъ русскаго языка. Такъ онъ отвергаетъ неудачно придуманныя слова, искусственные обороты на нѣмецкій ладъ, и т. п. Замѣтки его любопытны для исторіи языка:

— Новое мѣстоименіе *ихной* употребляется въ простыхъ токмо разговорахъ, и вымышлено безъ нужды, такъ какъ и *нѣсколькій*, напр. въ *нѣсколькихъ* миляхъ, шагахъ, и пр.

— Часто, однако несправедливо, причастія настоящія страдательныя употребляются вмѣсто будущихъ страдательныхъ, коихъ россійскій языкъ не имѣетъ: *продаемые* на будущей недѣлѣ товары, т. е. товары, которые на будущей недѣлѣ продавать станутъ. Гораздо несноснѣе тѣ будущія страдательныя, кои введены вновь съ языка нѣмецкаго; напримѣръ: такого-то дня *имѣютъ* или могутъ пожитки *быть проданы* съ публичнаго торгу, и т. д.

Чтобы труду своему придать «нѣкоторый видъ совершенства» Свѣтовъ включилъ въ него, въ видѣ четвертой части грамматики, просодію и краткую піитику или правила науки писать стихи. Источникомъ для этихъ правилъ послужило извѣстное сочиненіе Тредьяковскаго: Способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ.

Статья Свѣтова подъ названіемъ: «Нѣкоторыя общія примѣчанія о языкѣ россійскомъ» состоитъ изъ нѣсколькихъ бѣглыхъ замѣтокъ, касающихся сравненія русскаго языка съ иностранными, отношенія его къ церковнославянскому, и нововведеній со стороны переводчиковъ съ иностранныхъ языковъ на русскій.

Въ прошломъ столѣтіи любили пускаться въ безбрежное море сравнительной филологіи, и довольствуясь болѣе или менѣе ясными созвучіями, судили и рядили о происхожденіи и родствѣ языковъ. Сравненіе большею частью склонялось къ тому выводу, что отечественный языкъ есть древнѣйшій изъ древнѣйшихъ, и отъ него, какъ отъ корня, происходятъ всѣ другіе языки. У Свѣтова замѣчается нѣсколько иной пріемъ; видна болѣе научная подкладка, вмѣстѣ съ тѣмъ проглядываетъ наклонность производить русскій языкъ отъ иностранныхъ, а не наоборотъ. Руководитель Свѣтова въ его научныхъ занятіяхъ, историкъ Шлецеръ также занимался сравнительною филологіею, и многіе изъ примѣровъ, приводимыхъ Свѣтовымъ, встрѣчаются въ русской грамматикѣ Шлецера, въ обширной главѣ ея о происхожденіи русскаго языка. Но Шлецеръ признаетъ за русскимъ языкомъ и бóльшую самостоятельность и бóльшую древность. Онъ находитъ, что коренныя слова русскаго языка совершенно общія съ греческимъ, латинскимъ и нѣмецкимъ, и приписываетъ одинаковую и глубокую древность языкамъ: греческому, латинскому, нѣмецкому и славянскому, съ которыми русскій составляетъ одно цѣлое: я думаю, — говоритъ онъ — что на Рейнѣ и на Тибрѣ употреблялись слова, корни которыхъ сохранились только на Волгѣ. Шлецеръ отрицаетъ варяжское вліяніе на русскій языкъ, и признаетъ неоспоримымъ фактомъ, что варяги, поселившись въ Россіи, забыли свой собственный языкъ, и усвоили себѣ русскій, и т. д. Вопреки Шлецеру, Свѣтовъ высказываетъ предположеніе, что варяжское вліяніе произвело въ русскомъ языкѣ многія странности, и въ доказательство ссылается на языкъ несторовой лѣтописи. Въ русскомъ языкѣ Свѣтовъ видитъ сильную примѣсь татарскую, чудскую, нѣмецкую, греческую и латинскую.

О латинской примѣси онъ не рѣшается заподлинно сказать, когда именно она произошла, но полагаетъ, что вслѣдствіе давнихъ сношеній многія слова стали искони общими у римлянъ и у славянъ, какъ напримѣръ:

огонь, огнь — ignis. —
пламень — flamma. —
домъ — domus. —
градъ — grando. —
око — oculus. —
день — dies. —
ночь — nox. —
солнце — sol. —
море — mare. —
скрынка — scrineum. —
пеня — poena. —
полный — plenus. —
послѣ — post. —
видѣть — videre. —
сѣчь — caedere. —
исторгнуть — extorquere, и мн. др. —

Утверждая, что слѣды нѣмецкаго языка замѣчаются въ русскомъ уже въ самой отдаленной древности, Свѣтовъ не берется рѣшить сомнительный, по его мнѣнію, вопросъ, русскіе ли отъ нѣмцовъ, или нѣмцы отъ русскихъ, или оба народа отъ третьяго какого либо приняли сходныя слова, какъ напримѣръ:

люди — leute. —
снѣгъ — schnee. —
вода — wasser. —
будка — bude. —
тюрьма — thurm. —
шелехъ — schilling. —
пенязь — pfenning. —

увы — o weh. —
удручать — bedrücken. —
переклюкать — überklügeln. —
утрапить — treffen. —
ограничить — begränzen. —
ворожить — wahrsagen, и др.

По мнѣнію Свѣтова, примѣтное различіе церковно-славянскаго языка отъ русскаго заключается:

1) въ особливыхъ старинныхъ словахъ, напр.: *абіе*, *аще*, *азъ*, *стража*, *стопа*, *повѣдати*, и пр.

2) въ особливомъ выговорѣ многихъ словъ: *единъ* вмѣсто *одинъ*; *елень* вмѣсто *олень; нощію* вмѣсто *ночью; хощу* вмѣсто *хочу*; *ліется* вмѣсто *льется*, *того* вмѣсто *тово*, и пр.

3) въ опущеніи буквы *о: брада*, *страна*, *здравъ*, *хладъ*, *пламя*, *огнь*.

4) въ прибавленіи въ глаголахъ буквы *и: глаголати*, *воздымлятися*, *вѣщаеши*.

Для показанія введенныхъ въ русскій языкъ безобразій Свѣтовъ приводитъ слѣдующіе примѣры изъ тогдашнихъ переводовъ:

Den feind aufs haupt schlagen — *на голову побитъ непріятеля.* Лучше: *разбить въ прахъ* или *лоскомъ положить непріятеля.*

Er ist wieder zu sich gekommen — *паки пришелъ въ себя.* Надобно: *онъ опомнился*, *образумился.*

Статья заключается споромъ между буквами *и* и *і*. Буква *и* чванится тѣмъ, что стоитъ на двухъ ногахъ, да еще съ перемычкою. Буква *і* утѣшаетъ себя тѣмъ, что при встрѣчѣ съ *и* ставится на первое мѣсто: пишутъ *іи* (въ сомнѣ*іи*), а не наоборотъ. Споръ прекращаетъ пришедшая съ фертомъ ѳита, говоря: Перестаньте и подите по своимъ мѣстамъ; вы оба въ одно время въ Русь пріѣхали изъ Греціи; только *и* и другія нѣкоторыя буквы не нашего поколѣнія [220]).

IV.

Научная и педагогическая дѣятельность Свѣтова сдѣлала имя его извѣстнымъ въ кругу людей образованныхъ, слѣдившихъ за движеніемъ литературы и учебнаго дѣла въ Россіи. Комиссія объ учрежденіи училищъ, въ которой сосредоточивались тогда правительственныя заботы о народномъ просвѣщеніи, обратилась къ Свѣтову съ предложеніемъ принять участіе въ ея трудахъ, преимущественно по изданію руководствъ. Комиссія, какъ мы уже замѣтили, строго держалась австрійскихъ образцовъ, которые и раздавала различнымъ лицамъ для перевода. Но какъ нѣкоторые учебники имѣли чисто мѣстное значеніе, и нельзя было въ русскихъ училищахъ преподавать исторію и географію Австріи вмѣсто исторіи и географіи Россіи, и въ классахъ русскаго языка объяснять нѣмецкую грамматику вмѣсто русской, то порѣшили составить «нарочныя руководства по расположенію и образцу австрійскихъ, но приноровя ихъ къ собственному здѣшнихъ училищъ употребленію». Къ числу предметовъ, требовавшихъ «нарочнаго» изложенія отнесена, вмѣстѣ съ русской исторіей и географіей, и русская грамматика. Въ журналѣ комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ, 4-го октября 1782 года, читаемъ: «Къ сочененію *россійскія грамматики* по образцу нѣмецкія, для австрійскихъ народныхъ училищъ изданныя, избрала комиссія академіи наукъ переводчика *Василія Свѣтова*, классъ россійскій въ академической гимназіи обучающаго, *какъ человѣка, въ языкѣ россійскомъ много упражнявшагося и свѣдущаго*, которому поручаетъ также, подъ своимъ вѣдѣніемъ, и сочиненіе таблицъ о познаніи буквъ, о чтеніи и о правописаніи, для употребленія во второмъ классѣ народныхъ училищъ, яко частей тояже грамматики» [221]).

Нѣмецкая грамматика, послужившая образцомъ при составленіи русской, начинается таблицами о познаніи буквъ, о складахъ и чтеніи — tabelle von der erkenntniss der buchstaben; tabelle von dem buchstabiren; tabelle von dem lesen. Съ подобнаго

рода таблицъ началъ свой трудъ и Свѣтовъ. Въ журналѣ комиссіи о народныхъ училищахъ, 22-го октября 1782 года, записано: «Сей день занималася комиссія разсматриваніемъ сочиняемыхъ г. Свѣтовымъ таблицъ о познаніи буквъ, о складахъ, о чтеніи и о правописаніи, принадлежащихъ ко второму классу и служащихъ нѣкоторымъ предуготовленіемъ къ полагаемой въ третьемъ классѣ граматикѣ россійской». Разсмотрѣнію и отчасти исправленію грамматическаго труда Свѣтова комиссія посвятила нѣсколько засѣданій въ 1782 и 1783 годахъ [222]). По учебному плану, выработанному въ комиссіи, къ предметамъ преподаванія въ *первомъ* и во *второмъ* классахъ отнесены: познаніе буквъ; склады или слоги; чтеніе (букваря, катихизиса, опредѣленной къ чтенію книги и школьныхъ узаконеній для дѣтей) и правописаніе. Поэтому комиссія и постановила издать таблицы Свѣтова въ видѣ приложенія къ Руководству учителямъ *перваго* и *втораго* класса народныхъ училищъ россійской имперіи, которое и вышло въ 1783 году. Они изданы въ приложеніи къ Руководству *учителямъ* потому, что—какъ сказано въ опредѣленіи комиссіи — назначаются для употребленія учительскаго, а дѣтямъ преподаваемы будутъ отъ учителей безъ книгъ табличнымъ образомъ, т. е. написываніемъ только на черной доскѣ [223]).

При составленіи грамматическихъ таблицъ Свѣтовъ съ большою точностью держался даннаго ему образца, не отступая отъ него ни въ порядкѣ и расположеніи частей, ни въ дѣленіяхъ и подраздѣленіяхъ. Многое передавалъ дословно, какъ напримѣръ [224]):

Die regeln gut zu lesen.	*Правила къ исправному чтенію.*
a) Man musz alle in einem worte vorkommende buchstaben deutlich und ordentlich aussprechen.	а) Каждую букву въ реченіи надлежитъ ясно и порядочно выговаривать.
b) Man musz die sylben aussprechen, wie es die kürze und länge derselben erfodert.	б) Склады должно произносить смотря по тому, кратко или протяжно они выговариваются.

c) Man musz die wörter, wohin der nachdruck der rede fällt, etwas ziehen.

в) Должно къ тому нѣсколько направлять слова, куда сила всей рѣчи клонится.

d) Man musz sich der natürlichen und mässigen stimme gebrauchen.

г) Читать надлежитъ голосомъ природнымъ, а не принужденнымъ.

e) Man musz den verstand der rede durch ordentliches absetzen bei den unterscheidungszeichen und durch ausdrückng der leidenschaften begreiflich machen.

д) По страстямъ управлять свой голосъ:

1. Der *zorn* fodert eine erhabene, geschwinde und nachdrückliche stimme.

1. Къ изображенію *гнѣва* потребенъ громкій, яркій и сильный голосъ.

2. Die *liebe* fodert eine sanfte und angenehme stimme.

2. Къ изображенію *любви* — тихій, скромный и пріятный голосъ.

3. Die *furcht* fodert eine schwache und zitternde stimme.

3. Къ изображенію *страха*, потребенъ слабый и дрожащій голосъ.

4. Die *traurigkeit* fodert eine matte und schläfrige stimme.

4. Въ *печали* надобенъ томный и унылый голосъ.

5. Der *hasz* fodert eine rauhe und verdrüssliche stimme.

5. *Ненависть* требуетъ грубаго и досаду изъявляющаго голосу.

6. Die *fröhlichkeit* fodert eine muntere, lebhafte stimme.

6. Къ изображенію *веселости* потребенъ бодрый и живой голосъ.

7. Das *mitleiden* fodert eine langsame und klägliche stimme.

7. Къ *сожалѣнію* приличенъ продолжительный и жалобный голосъ.

Die mittel zur vollkommenheit im lesen.

Способы, къ совершенному чтенію служащіе.

a) Man musz die regeln des lesens durch fleissige übung sich angewöhnen.

а) Прилежное въ чтеніи упражненіе по вышеписаннымъ правиламъ.

b) Man musz solche personen anhören, welche wohl reden, und ihnen nachahmen, wenn man liest. — (стр. 12—13).

б) Прислушиваться, какъ говорятъ обращавшіеся въ свѣтѣ люди, и разныя страсти голосомъ изображаютъ. — (стр. 12—13).

Грамматическіе термины переведены такимъ образомъ sylbe — *складъ*, wort — *реченіе*, satz — *членъ*, и т. п.:

Was eine *sylbe* ist. Einen selbst-

Что есть *складъ*? Складомъ пазы

lauter, den man allein oder mit andern buchstaben auf einmal ausspricht, nennet man eine sylbe.

Was *wörter sind*. Wörter sind namen, wodurch man zu erkennen geben kann, was man denkt (стр. 7).

Ein *satz* ist eine rede, die vollkommenen verstand hat. Mehrere *sätze*, welche durch bindewörter so zusammen hängen, dasz man um alles recht zu verstehen, nach dem ersten, auch den zweyten, dritten und vierten satz wissen musz, heisst man eine *periode* (стр. 10).

вается самогласная буква или одна или вмѣстѣ съ другими буквами однимъ разомъ произнесенная.

Что есть *реченіе*? Реченіе есть выговоръ, что-нибудь знаменующій (стр. 5).

Членъ есть рѣчь, полный смыслъ имѣющая. Когда таковые *члены* помощію нѣкоторыхъ частицъ соединятся, имѣя одинъ ко другому отношеніе, то сіе будетъ *періодъ* (стр. 7).

Излишняя требовательность въ отношеніи однообразія и сходства съ подлинникомъ повела къ болѣе или менѣе замѣтнымъ натяжкамъ въ примѣненіи правилъ нѣмецкаго учебника къ свойствамъ русскаго языка.

Одно изъ главныхъ правилъ нѣмецкаго учебника относительно произношенія заключается въ томъ, чтобы не смѣшивать звуковъ однихъ съ другими, и между прочимъ *а* съ *о*: Die selbstlauter sollen in der aussprache miteinander nicht verwechselt werden, z. b. h*a*ben — nicht h*o*ben; die s*o*nne — nicht die s*a*nne (стр. 25). Сообразуясь съ этимъ, Свѣтовъ предлагаетъ такое правило: *а* вмѣсто *о*, равно какъ *о* вмѣсто *а* не выговаривается, почему въ просторѣчіи не произносить *атецъ*, *гаварить*, но *отецъ*, *говорить*; или *Олексѣй*, *Ондрей*, но *Алексѣй*, *Андрей* (стр. 3).

Требованіе сохранять въ правописаніи слѣды корней, отъ которыхъ происходятъ слова, примѣнено слѣдующимъ образомъ. Въ нѣмецкомъ учебникѣ: Die buchstaben des stammwortes sollen, soviel der gebrauch guter schriftsteller leidet, in den hergeleiteten deutschen und in den aus fremden sprachen entlehnten wörtern beibehalten werden z. b. *väter* von *vater*; *hälfte* von *halb* (стр. 20). У Свѣтова: Которыя буквы въ коренномъ рече-

ніи находятся, тѣ должны изображаемы быть и въ производныхъ, такъ напр. *стлой* отъ *стелю*, *стклянница* отъ *стекла*. Однакожъ при семъ наблюдать надобно умѣренность, и при стеченіи многихъ согласныхъ, чистый выговоръ затрудняющихъ, да и письмо безобразящихъ, должно одну букву оставить, и лучше послѣдовать общему употребленію, напр. *чанъ*, а не *дщанъ*; *четверкъ*, а не *четвертскъ*; *почеркъ*, а не *почертскъ*; *одиннатцать*, а не *одиннадсять* (стр. 15).

Большая часть предлагаемыхъ Свѣтовымъ правилъ извлечена имъ изъ наблюденій надъ языкомъ писателей, наиболѣе содѣйствовавшихъ образованію и развитію русскаго литературнаго языка. Поэтому многія изъ правилъ удержались надолго, вошли въ общее употребленіе и въ послѣдующія грамматики:

— Часто смѣшиваются — говоритъ Свѣтовъ — буквы *е* и *я*, особливо въ именахъ прилагательныхъ множественнаго числа. И хотя въ простомъ выговорѣ не имѣютъ почти совсѣмъ никакого различія; однако въ правописаніи оно весьма наблюдается, ибо *е* приличествуетъ именамъ мужескаго, *я*—женскаго и средняго родамъ, напр. *храбрые воины*, *громкія побѣды*, *великолѣпныя зданія*. Нѣкоторые, чтобъ различить окончаніями всѣ три рода, выдумали для мужескихъ *и*, и писали: *побѣдоносныи*, *честныи* и проч. Однако новѣйшими писателями сіе правило по справедливости опровергается (стр. 16).

— Въ сложенныхъ изъ предлоговъ реченіяхъ часто *ъ* и *и* во едину букву *ы* сливаются, напр. *сыскать*, *сыграть*, *отыде*. Но въ другихъ случаяхъ по общему употребленію, кое почти правиломъ служитъ, надобно изображать обѣ сіи буквы *ъ* и *и*, напр. *безъименный*, *предъидущій*, и пр. (стр. 23).

— Частица отрицательная *не* при глаголахъ и мѣстоименіяхъ отдѣляется; при существительныхъ же и прилагательныхъ именахъ, также и при нарѣчіяхъ, пишется слитно, когда она къ глаголу не относится, напр. *не имѣю*, *не имѣть*; *не меня*, *не насъ*; *нерадѣніе*, *непослушаніе*; *нерадѣтельный*, *непослушный*; *нерадѣтельно*, *непослушно* (ст. 27—28).

Нѣкоторыя изъ правилъ потеряли свое значеніе и давно уже не соблюдаются, какъ напримѣръ:

— Въ именахъ отечественныхъ, происходящихъ отъ именъ, кончащихся на *ей*, при стеченіи двухъ *е* перемѣняется первое на ѣ: *Андрей* — *Андрѣевичъ*, и проч. (стр. 18).

— Нѣкоторые означаютъ даже и иностранныя реченія большими буквами; но ежели по сему поступать, то произойдетъ великая пестрота въ письмѣ россійскомъ. Однако въ словахъ, знатные чины значащихъ, употребленіе прописныхъ буквъ дозволить можно: *Президентъ*, *Директоръ*, *Кавалеръ*, *Шефъ*, и прочія, симъ подобныя (стр. 14).

Изъ этого правила можно заключить, что привычка употреблять прописныя буквы ослабѣвала въ литературномъ языкѣ. Въ своемъ опытѣ о правописаніи Свѣтовъ долженъ былъ невольно уступить господствующему употребленію — всѣ иностранныя слова начинать прописною буквою. Въ позднѣйшемъ трудѣ, въ Правилахъ къ изученію языка россійскаго, Свѣтовъ говоритъ: «Многіе пишутъ даже и нарицательныя имена, какъ *Намѣстничество*, *Дворецъ*, *Городничей*, *Стряпчей* и проч., большими буквами, но несправедливо. Однако реченія, съ иностранныхъ языковъ въ россійскомъ употребляемыя, хотя и нарицательныя, справедливѣе отличаются въ письмѣ прописными буквами напр. *Генералъ-Фельдмаршалъ*, *Академія*, *Университетъ*, *Гимназія*, *Докторъ*, *Езуитъ*, и друг.».

О правописаніи словъ чужестранныхъ Свѣтовъ дѣлаетъ, въ таблицахъ, еще такое замѣчаніе: — Иностранныя слова, принятыя въ россійскій языкъ, писать по природному ихъ произношенію, напр. *Цицеронъ*, а не *Кикеронъ*; *Тацитъ*, а не *Такитъ*, и проч. (стр. 28).

Въ концѣ главы о правописаніи помѣщена, какъ въ нѣмецкомъ учебникѣ, такъ и въ русскомъ—у Свѣтова, роспись словамъ сходнымъ между собою по произношенію, но различнымъ по значенію, какъ напримѣръ:

Въ нѣмецкомъ учебникѣ:

bahn — eine strasse; — *bann*-ein fluch, urtheil; — *pan* — ein hirtengott.

begleiten — mitgehen; — *bekleiden* — anziehen.

aal — fisch; — *ahle* — ein schusterpfriem; — *allee* — eine reihe bäume; — *alle* — ein jeder.

rede — sprache; — *rhede* — ein sicherer ort für schiffe, и т. д.

У Свѣтова:

голосъ — *колосъ* — *холостъ*.

азъ — *асъ* — *язь* — *ясть*.

зыблется — *сыплется*.

честь — *жесть*.

обрȃзы (зеліе) — *образы*.

зáмокъ — *сáмокъ* — *замóкъ*.

сахаръ — *Захаръ*, и т. д.

Таблицы Свѣтова, одобренныя комиссіею о народныхъ училищахъ, представлены были Екатеринѣ II, и авторъ получилъ, по опредѣленію комиссіи, награду. Но ему не суждено было продолжать и окончить предпринятый имъ трудъ. 21-го февраля 1783 года Свѣтову выдана изъ комиссіи о народныхъ училищъ награда за его таблицы, составляющія первую часть грамматики, а 1-го марта 1783 года его уже не было въ живыхъ [225]).

Смерть Свѣтова заставила комиссію передать начатую имъ работу въ другія руки. Выборъ палъ на Барсова, и лучшаго выбора нельзя было сдѣлать.

ПРИМѢЧАНІЯ И ПРИЛОЖЕНІЯ.

---

1) Біографическія данныя о Севергинѣ ограничиваются перечнемъ его служебнаго поприща, встрѣчающемся въ формулярныхъ спискахъ, въ некрологахъ, и т. п.

Въ архивѣ комитета правленія академіи наукъ находится алфавитный «формулярный списокъ всѣмъ вышнимъ и нижнимъ чинамъ, состоящимъ при академіи наукъ; учиненъ 1797 года въ іюлѣ мѣсяцѣ». Въ этомъ спискѣ, подъ буквою С, помѣщены такого рода свѣдѣнія:

Василій Севергинъ, вольнаго человѣка Михайлы Севергина сынъ,

1776, сентября 5 дня, принятъ въ гимназію на собственномъ отца его содержаніи.

1782, февраля 14. Придворнаго музыканта Михайлы Севергина, сына его Василья включить на казенное содержаніе.

1784. Переименованъ студентамъ. Объ ономъ въ канцеляріи извѣстія письменнаго нѣтъ.

1785, іюля 4. Отправленъ за море для наукъ студентомъ въ городъ въ Гетенгъ.

1789, апрѣля 30. Возвратился изъ за моря изъ города Геттенга.

1789, іюня 26. Произведенъ адъюнктомъ.

1793, мая 16. Переименованъ профессоромъ минералогіи.

Тѣже свѣдѣнія повторяются, съ краткими дополненіями, въ формулярныхъ спискахъ, составленныхъ въ 1801, 1804 и другихъ годахъ, и находящихся также въ архивѣ комитета правленія академіи наукъ.

Всего подробнѣе формулярный списокъ о службѣ Севергина составленный немедленно по его смерти, и сохранившійся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія (картонъ 237, дѣла № 11,450). Въ этомъ спискѣ показано слѣдующее:

Василій Михайловичъ Севергинъ, ординарный академикъ минералогіи, 62 лѣтъ, придворнаго музыканта сынъ.

1776, сентября 5. Въ бывшую при академіи наукъ гимназію принятъ на собственное содержаніе ученикомъ.

1782, февраля 14. Переведенъ на казенное содержаніе.

1784. Наименованъ студентомъ.

1785, іюля 14. Отправленъ для наукъ въ городъ Геттингенъ.

1789, апрѣля 30. Возвратился изъ онаго въ С. Петербургъ.

1789, іюля 26. Наименованъ адъюнктомъ.

1791, сентября 19. Избранъ въ члены с.-петербургскаго вольнаго экономическаго общества.

1793, мая 16. Академикомъ минералогіи.

1795, сентября 13. Геттингенскаго ученаго общества корреспондентомъ.

1795, сентября 29. Членомъ императорской россійской академіи.

1798, февраля 20. Членомъ общества земледѣлія въ Лондонѣ.

1798, августа 21. Надворнымъ совѣтникомъ.

1799, мая 3. Членомъ минералогическаго общества въ Іенѣ.

1801, ноября 4. Стокгольмской академіи.

1801, декабря 21. Кавалеромъ ордена святыя Анны 2-го класса.

1802, генваря 30. По имянному высочайшему указу отправленъ былъ въ нынѣшнюю бѣлостокскую область для осмотра и отправленія въ московскій университетъ купленнаго его импера-

торскимъ величествомъ натуральнаго кабинета, оставшагося по смерти князя Яблоновскаго.

1802, августа 24. По имянному высочайшему указу пожалованъ коллежскимъ совѣтникомъ.

1803. Отправленъ былъ визитаторомъ училищъ губерній: новгородской, псковской, витебской и могилевской.

1803. Членомъ императорскаго виленскаго университета.

1804. Отправленъ былъ для обозрѣнія Финляндіи.

1804, октября 15. Членомъ физико-медицинскаго общества въ Москвѣ.

1805, апрѣля 1. Всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена святаго Владиміра 4-й степени.

1805, августа 20. Членомъ общества естествоиспытателей въ Москвѣ.

Избранъ членомъ комитета правленія императорской академіи наукъ на два года.

1806, марта 7. Статскимъ совѣтникомъ.

1807, августа 9. Высочайше повелѣно быть членомъ медицинскаго совѣта.

1808. Отправленъ былъ въ Эстляндію для испытанія дымящейся горы.

1808, августа 1. Всемилостивѣйше пожалованы алмазные знаки ордена святыя Анны 2-го класса.

1808, октября 26. Вторично избранъ членомъ комитета академіи наукъ на два года.

1808, ноября 30. Членомъ ветеравскаго общества естественныхъ наукъ въ Гаунау.

1809, іюня. По высочайшему повелѣнію былъ посыланъ для изслѣдованія минеральныхъ водъ въ тверской губерніи.

1809. Отъ государя императора Александра I получилъ два перстня при подношеніи книгъ.

1811, марта 20. Членомъ вернеріанскаго общества натуральной исторіи въ Эдинбургѣ.

1812. Въ третій разъ избранъ членомъ комитета правленія академіи наукъ на два года.

1814. Членомъ императорской медико-хирургической академіи.

1815, августа 16. Въ четвертый разъ избранъ членомъ комитета правленія академіи наукъ на два года.

1817, октября 31. Почетнымъ членомъ минералогическаго общества въ С. Петербургѣ.

1818, августа 18. Избранъ въ пятый разъ членомъ комитета правленія академіи наукъ.

1818. Старшимъ членомъ экспедиціи о снабженіи училищъ Россіи пособіями по части естественной исторіи.

1819, февраля 12. Почетнымъ членомъ императорскаго московскаго университета.

1819, марта 27. Всемилостивѣйше пожалованъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ.

1819, марта 29. Почетнымъ членомъ фармацевтическаго общества въ С. Петербургѣ.

1824, февраля 19. Съ утвержденія комитета гг. министровъ выдано отъ академіи наукъ въ единовременное награжденіе 3,000 рублей.

1824, августа 18. Избранъ въ шестый разъ въ члены комитета правленія академіи наукъ на два года.

1826, ноября 17. Умеръ на службѣ при академіи.

Въ собраніи академіи наукъ непремѣнный секретарь академіи Фуссъ, сообщая о смерти Севергина, заявилъ, что біографія покойнаго и списокъ его сочиненій будутъ помѣщены въ исторіи академіи за 1826 годъ; но къ сожалѣнію это не приведено въ исполненіе, и все ограничилось самыми краткими замѣтками — некрологами: въ протоколѣ конференціи (рукописномъ), въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ и въ Сѣверной Пчелѣ.

Le secrétaire annonça à la conférence une nouvelle perte sensible que l'académie vient de subir par le décès de mr. l'académicien Séverguine, arrivé le 17 de ce mois à 2 heures après midi

à la suite d'une longue maladie. Né à S. Pétersbourg en 1765 il fit ses premières études dans le gymnase académique. Après son retour à St. Pétersbourg en 1789 il présenta à l'académie son premier mémoire intitulé: Specimen mineralogicum de natura et origine basaltis (ae) qui lui valut une place d'adjoint pour la minéralogie. Bientôt après, en 1793, il devint professeur ordinaire. Ses nombreux écrits prouvent autant sa passion pour l'étude, qui caractérise toujours le véritable savant, que son érudition vaste, et lui assignent une place honorable parmi les savans russes. Une biographie plus circonstanciée et un catalogue de ses oeuvres trouveront leur place dans l'histoire de l'académie pour cette année. La conférence résolut de faire une représentation à son excellence monsieur le président, pour assurer à la veuve du défunt les bénéfices stipulés par le réglement.

(Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Протоколъ конференціи 22 ноября 1826 года. № 35, § 391).

---

17 сего мѣсяца, въ 2 часа пополудни, скончался здѣсь, на 62-мъ году отъ рожденія, по долговременной болѣзни, извѣстный россійскій минералогъ г. дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Василій Михайловичъ Севергинъ, съ 1789 года членъ императорской академіи наукъ, какъ и многихъ другихъ ученыхъ обществъ. Многочисленныя сочиненія его доказываютъ столько же неутомимую его дѣятельность, какъ и отличную ученость, и ставятъ его на ряду съ знаменитѣйшими отечественными учеными. Въ немъ науки лишились усерднаго почитателя, академія трудолюбивѣйшаго и достойнѣйшаго члена, а отечество мужа, коего имя въ лѣтописяхъ литературы его останется неувядаемымъ. Подробное извѣстіе о жизни и ученыхъ трудахъ его будетъ припечатан въ исторіи академіи на сей 1826 годъ.

(Санктпетербургскія Вѣдомости. № 94. Вторникъ, ноября 23 дня, 1826, стр. 1081—1082).

Сѣверная Пчела. № 141. Четвертокъ, ноября 25-го 1826. Внутреннія извѣстія. Санктпетербургъ, 24 ноября: «Сего ноября 17-го скончался здѣсь, въ Санктпетербургѣ, императорской академіи наукъ академикъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ *Василій Михайловичъ Севергинъ*, на 62-мъ году отъ рожденія. Общеполезными трудами и сочиненіями своими, по части химіи и минералогіи, воздвигъ онъ себѣ несокрушимый памятникъ въ отечествѣ». —

Прозвище *Севергинъ* находится въ этимологической связи съ именемъ *Северги*, казачьяго атамана шестнадцатаго столѣтія: «Посылали за ними казаковъ, и казанцы побили ихъ; а отъ к. Михайла съ Камы ѣхали казаки въ судѣхъ на Свіягу по кормъ, *Северга* съ товарищи, и казанскіе люди ихъ побили, а *Севергу* въ Казань привели, да тамъ убили и товарищевъ его 30 человѣкъ... А изъ Казани прибѣжали полоненики, а сказали, что казанцы тѣхъ дѣтей боярскихъ и казаковъ и людей боярскихъ, которыхъ затворили на миру въ городѣ, побили всѣхъ; а всѣхъ затворили 180 человѣкъ, и иные изъ нихъ утекли на Свіягу, и рухлядь воеводскую по себѣ раздѣлили», и т. д. (Карамзина Исторія государства россійскаго. Томъ VIII, прим. 260). — Въ бумагахъ восемнадцатаго столѣтія встрѣчается фамилія *Севергинъ*: въ 1737 году юстицъ-коллегіи секретарь Павелъ *Севергинъ* пожалованъ оберъ-секретаремъ сената.

Многія изъ сочиненій Севергина, появлявшихся преимущественно въ изданіяхъ академіи наукъ, указаны въ слѣдующихъ библіографическихъ трудахъ:

Систематическій и алфавитный указатель статей, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ императорской академіи наукъ, а также сочиненій, изданныхъ академіею отдѣльно, со времени ея основанія по 1872 годъ включительно. 1875. Часть II. Сочиненія на русскомъ языкѣ, стр. 395 и др.

Tableau géneral méthodique et alphabétique des matières contenues dans les publications de l'académie impériale des sciences de St. Pétersbourg depuis sa fondation. 1872. 1-re partie. Publications en langues étrangères, стр. 394 и др.

Biographisch-literarisches handwörterbuch zur geschichte der exacten wissenschaften, enthaltend nachweisungen über lebensverhältnisse und leistungen mathematikern, astronomen, physikern, chemikern, mineralogen, geologen u s. w. aller völker und zeiten, gesammelt von J. C. Poggendorff, mitglied der akademie der wissenschaften zu Berlin. 1863. Zweiter band. s. 913—914. Единственное біографическое указаніе невѣрно: у Поггендорфа сказано, что Севергинъ родился около 1763 года; умеръ 29 ноября 1825 года.

2) Дѣла архива академической канцеляріи. № 547. Журналы комиссіи академіи наукъ 1776 года; журналъ 5 сентября 1776 года, № 487.

3) Дѣла архива академической канцеляріи. № 553. Журналы академіи наукъ 1782 года; журналъ 14 февраля 1782 года, № 47: Придворнаго музыканта Михайлы Севергина сынъ Василій опредѣленъ въ гимназію на казенное содержаніе въ число взрослыхъ гимназистовъ — по просьбѣ отца его и по рекомендаціи инспектора гимназіи, академика Лепехина объ успѣхахъ Василія Севергина въ ученіи.

4) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Протоколъ конференціи 10 февраля 1785 года, № 11, ст. 3.

5) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 15. Помѣтка: lu le 6 juin 1785.

6) Дѣла архива академической канцеляріи. № 557. Журналы академіи наукъ 1785 года.

7) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Протоколы конференціи: 16 января 1786 года, № 3. ст. 6; — 22 января 1787 № 5, ст. 4, и др.

8) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 16. Ея сіятельству, ея императорскаго величества статсдамѣ,

академіи наукъ директору, россійской академіи предсѣдателю и кавалеру, княгинѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой покорнѣйшій рапортъ. 1789 года, марта 30 дня. Академикъ Ив. Лепехинъ. На рапортѣ помѣчено: présenté et communiqué à la conférence académique le 30 mars 1789.

Испытаніе изъ ботаники происходило на латинскомъ языкѣ, и Лепехинъ предложилъ Севергину слѣдующіе вопросы:

1) Quo modo et quibus auxiliis motus succorum in plantes peragitur?
2) Quibus argumentis et experimentis sexus in plantis probatur?
3) Quot et quinam sunt modi propagationis in plantis?
4) Quibus principiis systema Linnaeanum in distribuendis plantis nititur tam ratione familiarum, classium et ordinum, quam generum et spetierum?

9) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 16. Донесенія, съ приложеніемъ вопросовъ, академиковъ: Палласа, Георги и Крафта, читанныя въ конференціи 30 марта 1789 года.

Je dois à M. Severgin le temoignage, qu'il a repondu solidement à une de mes questions, qui était du ressort de la minéralogie, science à la quelle il s'est appliqué de préférence. Ses autres reponses, à des sujets purement zoologiques, bien que moins parfaites et moins approfondies, montrent cependant, qu'il a assez étudié cette partie, pour pouvoir faire des progrès ulterieurs par ces propres forces. En général sa manière de s'exprimer prouve qu'il a de la disposition pour la carrière des sciences et particulierement celle qu'il a choisi pour objet principale. A St.-Pétersbourg le 30 mars 1789. P. S. Pallas.

1) Quomodo differunt vires digestivae ventriculi in avibus carnivoris et granivoris, tam per se, quam respectu pabuli animalis vel vegetabilis?

2) Quomodo absolvitur sanguinis circulus in piscibus unico cordis ventriculo praeditis, tam per branchias, quam per reliquum corpus?

3) Quinam ordines vel quaenam genera insectorum, metamorphosin patiuntur, et quaenam forma perfecta ex ovo prodeunt? Priorum quaenam statum pupae non ambulantis subeunt, et quaenom larvae ambulantis praerogativam usque ad perfectionis terminum servant?

4) Quaenam est idea maxime probabilis zoophytorum marinorum, quae sub nominibus genericis Sertulariae, Gorgoniae, Madreporae, Isidis, caet. nota sunt? an individua horum generum pro simplicibus continuisque animalibus, de vegetabilium natura participantibus, vel pro aggregato et fabrica multorum animalculorum sunt habenda?

5) An omnis materia calcarea nostri globi ex animali regno derivanda est?

Proposuit P. S. Pallas.

Gehorsamer bericht

von der examination der absolvirten studenten

Sewergin und Kononoff.

Bei der am 27 und 28 märtz 1789 von einer angeordneten akademischen committaet vorgenommenen examination der absolvirten studenten Severgin und Kononof, übergab ich denselben eilf mineralogische und chemische fragen zum schriftlichen beantwortung, weil auf diese art fragen und antworten am sichersten beurtheilt und bei gleichen fragen die kandidaten am besten verglichen werden können.

Beide kandidaten haben in gegenwart der committaet auf alle fragen zu antworten gewuszt. Keine ihrer antworten ist unrichtig; einige sind befriedigend.

Bei vergleichung der antworten beider findet man, dasz sie gleichen unterricht gleich gut gefaszt haben. Sie sind in

meiner mineralogischen prüfung gut und beide gleich gut bestanden. St. Petersburg, den 29 märtz 1789.

J. G. Georgi,

academicus et prof. chemiae.

Mineralogische und chemische fragen:

1) Hat die eintheilung metallischer substanzen in semimetalla, metalla imperfecta et perfecta grund?

Worauf gründet sie sich?

oder, ist sie unnütz? und weswegen?

2) In wie vielfachen zustande werden die metalle in den bergen gefunden? als erze etc.

3) Sind die resinae minerales, bitumina, succinum etc. mineralischer oder vegetabilischer abstamnung? Weswegen das eine oder das andere?

4) Aphronatrum ses nitrum murorum wird von verschiedenen mineralogen zu verschiedenen salzen gerechnet; zu welchem genere gehört es?

5) Was für grunderden nimt die jetzige chemie an?

6) Sind die grunderden — terrae primitivae unveränderlich? oder kan sich eine in die andere verwandeln? z. b. terra calcarea in silicem.

Welche von beiden meinungen bestätigt die natur?

7) Weswegen oder aus was für ursachen sind einige thonarten feuerfest (apyra)?

und andere nicht?

8) Wie kan man das alcali minerale aus sale communi für sich allein und ohne in anderer verbindung darstellen?

9) Wie erhält man das alcali minerale aus sale mirabili glauberi rein?

10) Ist acidum fluoris eine eigene mineralsäure?

oder kan man es für modificirtes acidum vitrioli vel salis halten?

11) Welches sind wahrscheinliche chemische ursachen heisser quellen?

St. Petersburg. d. 27 martii 1789.

J. G. Georgi.

M. Severgin, quoique n'étant pas destiné à ces sciences, s'est cependant appliqué aux objets de phisique qui ont les plus de rapport à la chimie, sur lesquels il m'a donné des reponses satisfaisantes, et comme il a remporté des suffrages bien favorables dans les autres parties, dont il a fait son occupation essentielle; je tire de tout cela la conclusion, que cet examen de mss. Cononov et Severgin fait preuve de leurs talens et du bon emploi qu'ils ont fait de leur sejour à l'université, et qu'ils ont très bien rempli l'attente de l'academie.

Le 30 mars. 1789.

Krafft.

10) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 16. Представленіе Палласа, читанное въ академіи 1 іюня 1789 года.

J'ai lû le memoire de m. Severgyn sur la nature et la formation du basalte et je dois temoigner avec une satisfaction sincère, que ce prémier essay prouve en lui des connaissances saines et solides et promet à l'académie un associé qui pourra lui faire honneur s'il continue à se perfectionner dans sa partie. Le memoire que j'ai l'honneur de renvoyer à l'académie, est aussi bien travaillé pour un jeune éléve, que le style latin en est pur et clair, et si je n'etais pas persuadé des études solides de l'auteur par l'examen qu'il a subi antérieurement, j'aurais été tenté de l'attribuer à un homme plus avancé et plus muri dans les sciences qu'il professe. Je ne puis donc que recommender m. Severgyn à l'académie comme une personne trés-digne de lui être associée, et je ne doute pas que messieurs mes confrêres de la

classe physique, à la lecture de ce mémoire, n'en jugent comme moi. Cependant je defère très-volontier à ce qu'ils voudront décider ultérieurement, n'étant pas assez au courant de tout ce qui se publie en mineralogie de plus moderne, et ne voulant pas anticiper dans une matière qui n'est pas proprement de mon ressort comme academicien.

St.-Pétersbourg, ce 29 may 1789.

P. Pallas.

11) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Протоколъ конференціи 18 іюня 1789 года, № 36, ст. 1: La conférence reçut sur la proposition de s. a. madame la princesse de Daschkaw au nombre des *adjoints de conférence* messieurs les élèves: Alexis Kononof pour la partie physico-mathématique, *Basile Severgyn pour la mineralogie.* Ces réceptions se firent d'une voix unanime, et le secrétaire fut chargé de les leurs notifier et leur en faire expédier les diplomes.

Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 17. Предложеніе Дашковой, читанное въ конференціи 6 мая 1793 г.

12) Хронологическій указатель учено-литературныхъ трудовъ В. М. Севергина:

1789.

Specimen mineralogicum de natura et origine basaltis

(Представлено въ академію 14 мая 1789 года.

Протоколъ конференціи 14 мая 1789 года, № 28, ст. 4.

Въ архивѣ конференціи академіи наукъ, картонъ № 16, хранится рукопись подъ заглавіемъ: Specimen mineralogicum a W. Severgin elaboratum. На рукописи надпись: présenté à l'académie le 14 mai 1789. Рукопись состоитъ изъ двадцати пяти параграфовъ. Первый изъ нихъ слѣдующаго содержанія: Questio, quam pro specimine mineralogico elegi, his expressa est verbis: Quinam modus formationis mon-

tium basalticorum secundum situm ac relationes eorum ad reliquos montes maxime probabilis est: utrum illi per viam humidam, vel per ignem subterraneum, an utriusque vim uno eodem tempore passi, extiterunt, et formam, qua nunc gaudent, acceperunt? Quis eorum situs est ratione montium primitivorum, secundariorum etc. et quales sunt eorum formae ac varietates?

Specimen chemicum de natura et differentia salium alcalinorum.

(Представлено въ академію 8 іюня 1789 года.

Протоколъ конференціи 8 іюня 1789, № 33, ст. 2).

Въ архивѣ конференціи академіи наукъ, картонъ № 16, хранится рукопись: Specimen chemicum a B. Sewergin elaboratum. De natura et differentia salium alcalinorum. Надпись: présenté à l'académie le 8 juin 1789 et remis à m. l'académicien Géorgi. Рукопись состоитъ изъ пяти отдѣловъ (sectio), заключающихъ въ себѣ тридцать четыре параграфа:

Sectio 1—de salibus alcalinis in genere.
Sectio 2—de salibus alcalinis fixis in genere.
Sectio 3—de sale alcali fixo vegetabili.
Sectio 4—de sale alcali fixo minerali.
Sectio 5—de sale alcali volatili.

1790.

De schoerlo.

(Представлено и читано въ конференціи академіи наукъ 21 января 1790 года.

Протоколъ конференціи 21 января 1790 г., № 5, ст. 1).

Nouvelles observations et expériences sur l'iritabilité des étamines de l'épine vinette, Berberis vulgaris. L.

(Переводъ мемуара Кельрейтера: Neue beobachtun-

gen und versuche über die reitzbarkeit der staubfäden des gemeinen sauerdorns, Berberis vulgaris, L.

Севергинъ представилъ въ академію свой переводъ 15 мая 1790 года.

Протоколы конференціи: 7 декабря 1789 года, № 72, ст. 1, и 15 мая 1790 года, № 17, ст. 3).

Observations minéralogiques sur quelques montagnes volcaniques des environs de Göttingue.

(Представлено и читано въ конференціи 8 іюля 1790 года.

Протоколъ конференціи 8 іюля 1790 года, № 42, ст. 1.

Nova acta academiae scientiarum imperialis petropolitanae. T. VII, стр. 265—277).

Извлеченіе изъ мемуара Германа: Sur la manière de fabriquer l'acier des mines de fer de la Sibérie.

(Представлено 27 сентября 1790 года, для исторической части шестаго тома Новыхъ актовъ.

Протоколъ конференціи 27 сентября 1790 года, № 52, ст. 4.

Мемуаръ Германа (Hermann, Benoît-François Jean): Mémoire sur la manière, dont on fait l'acier des mines de fer de la Sibérie — представленъ въ академію 11 февраля 1790 года и напечатанъ въ новыхъ актахъ: Nova acta. T. VII, стр. 302—312).

Всеобщій способъ химическаго изслѣдованія земель и камней.

(Новыя ежемѣсячныя сочиненія. Часть XLVII, май, 1790, стр. 64—77).

1791.

Essai sur les pierres de roche composées.

(Представлено и читано въ конференціи 20 января 1791 года.

Протоколъ конференціи 20 января 1791 года, № 4, ст. 1.

Nova acta. T. VII, стр. 313—329).

Observations sur différentes espèces de pierres de roche composées roulées des environs du canal de Ladoga.

(Представлено и читано въ конференціи 1 сентября 1791 года.

Протоколъ конференціи 1 сентября 1791 года, № 45, ст. 2.

Nova acta. T. VIII, стр. 301—315).

Начальныя основанія естественной исторіи, содержащія царства животныхъ, произрастеній и ископаемыхъ. Царство ископаемыхъ издано адъюнктомъ Васильемъ Севергинымъ по систематическому ископаемыхъ расположенію г. Кирвана, на аглинскомъ языкѣ писанному. Четыре части въ двухъ книгахъ:

Часть I. О земляхъ и камняхъ.
Часть II. О соляхъ.
Часть III. О горючихъ существахъ.
Часть IV. О металлическихъ существахъ.

Книга первая содержитъ части I и II, книга вторая — части III и IV.

1792.

De natura et formatione basaltae.

(Мемуаръ этотъ сохранился въ рукописи въ дѣлахъ архива конференціи академіи наукъ. Связка № 119, лит. *д.* — На рукописи надпись: présenté et lû à l'académie le 16 avril 1792.

Протоколъ конференціи 16 апрѣля 1792 года, № 21, ст. 1).

Рѣчь о пользѣ минералогіи, говоренная въ началѣ открытаго прохожденія минералогіи при академіи наукъ, мая 1 дня 1792 года.

(Новыя ежемѣсячныя сочиненія. Часть LXXIII, іюль, 1792, стр. 8—24).

Минералогическія, географическія и другія смѣшанныя извѣстія о Алтайскихъ горахъ, принадлежащихъ къ россійскому владѣнію. Изданныя И. М. Рeнованцомъ. Съ нѣмецкаго языка на россійскій съ приложеніемъ нѣкоторыхъ примѣчаній перевелъ Василей Севергинъ, императорской академіи наукъ адъюнктъ и санктпетербургскаго вольнаго экономическаго общества членъ. Въ Санктпетербургѣ, при императорской академіи 1792 года.

О свойствахъ и признакахъ различныхъ породъ глины, въ отношеніи къ употребленію ихъ въ домостроительствѣ, въ заводахъ, фабрикахъ и художествахъ.

(Труды вольнаго экономическаго общества. 1792. Часть XLV. Продолженіе трудовъ вольнаго экономическаго общества. Часть XV стр. 40—59).

Описаніе Дальгреновой паяльной трубки, дѣйствующей помощію мѣха, съ показаніемъ употребленія оной.

(Труды вольнаго экономическаго общества. 1792. Часть XLV. Продолженіе трудовъ вольнаго экономическаго общества. Часть XV, стр. 206—220).

Tableau d'une nouvelle minéralogie — планъ предпринятаго труда, совершенно новаго въ русской литературѣ.

(Представлено въ академію 15 ноября 1792 года. Протоколъ конференціи 15 ноября 1792 года, № 64, ст. 1).

Всеобщія разсужденія о минералогіи, читанныя во время открытаго прохожденія минералогіи при императорской академіи наукъ лѣтомъ 1792 года.

(Новыя ежемѣсячныя сочиненія:
Часть LXXIV. Августъ, 1792, стр. 70—99.
Часть LXXV. Сентябрь, 1792, стр. 61—75.
Часть LXXVI. Октябрь, 1792, стр. 53—71.
Часть LXXIX. Генварь, 1793, стр. 84—93).

1793.

Expériences sur les qualités phosphoriques de plusieurs pierres.

(Представлено и читано въ конференціи 14 марта 1793 года.

Nova acta. T. XI. Hist. стр. 12—14.

Въ протоколѣ конференціи 14 марта 1793 года, № 15, ст. 34: M. l'adjoint Sewergyne lut une notice de quelques expéricuces nouvelles q'il a faites sur la propriété de quelques pierres de donner des étincelles étant frappées par le briquet ou par quelque autre pierre dure et de luire ensuite dans l'obscurité. Cet écrit fut deposé aux archives pour être dans son temps inséré dans la partie historique des actes).

Отзывъ о мемуарѣ: sur la graduation de l'eau de mer par la gelée, 11 апрѣля 1793 года.

(Находится въ рукописи, въ архивѣ конференціи академіи наукъ, картонъ № 17, съ надписью: lu à la conférence académique le 15 avril 1793).

Lapidis Cornei lamellosi nova species.

(Представлено и читано въ конференціи 23 мая 1793 г.

Протоколъ конференціи 23 мая 1793 года, № 29, ст. 75.

Nova acta. T. IX, стр. 307—310).

Sur quelques nouvelles espèces de zéolithe d'Ochotsk.

(Представлено и читано въ конференціи 9 сентября 1793 года.

Nova acta. T. XI. Hist. стр. 17—19.

Въ протоколѣ конференціи 9 сентября 1793 года, № 43, ст. 114: Une notice de trois nouvelles espèces zéolithes decouvertes aux environs d'Ochotzk, et aux quelles il donne les noms caractéristiques de *zéolithes vitreuses*, *zéolithe écailleuse* et de *sable de zéolithe*).

Notice d'une quatrième espèce de zéolithe en masse, trouvée à Ochotzk et communiquée le 19 septembre 1793.

(Nova acta. T. XI. Hist. стр. 22—23.

Протоколъ конференціи 19 сентября 1793 года, № 46, ст. 126).

1794.

Essai sur l'oryctographie de Russie, mémoire 1.

(Представлено и читано въ конференціи 27 февраля 1794 года.

Протоколъ конференціи 27 февраля 1794 года, № 11, ст. 39).

Sur les serpentines russes.

(Представлено въ академію 26 іюня 1794 года, какъ продолженіе oryctographie de Russie, mémoire 2.

Протоколъ конференціи 26 іюня 1794 года, № 40, ст. 92.

Nova acta. T. X, стр. 229—241).

Précis de la vie de Mr. Basile Zouyeff.

(Читано въ конференціи 26 іюня 1794 года. Академикъ Зуевъ умеръ 8 января 1794 года.

Nova acta. T. XII. Historie, стр. 4—7.

Протоколъ конференціи 26 іюня 1794 года, № 40, ст. 91).

О замѣчательной окаменѣлости — извлеченіе изъ англійскаго журнала: Bee or literary weekly intelligences, 1792, vol. XII, pag. 143.

(Протоколъ конференціи 6 октября 1794 года, № 58, ст. 147).

Mémoire sur la cyanithe.

(Представлено и читано 27 ноября 1794 года.

Протоколъ конференціи 27 ноября 1794 года, № 72, ст. 172.

Nova acta. T. X, стр. 242—256).

Начальныя основанія естественной исторіи, содержащія царства животныхъ, произрастеній и ископаемыхъ. Царство произрастеній издано академикомъ Васильемъ Севергинымъ по Турнефортовой съ Линнеевою соединенной системѣ, на французскомъ языкѣ писанной. Въ трехъ частяхъ. Въ С.-Петербургѣ, 1794. Печатано въ императорской типографіи, иждивеніемъ Ивана Вейтбрехта.

(Въ протоколѣ конференціи 8 декабря 1794 года, № 75, ст. 178, отмѣчено, что Севергинъ представилъ для академической библіотеки: Начальныя основанія естественной исторіи; царство произрастеній; три тома).

1795.

Enumeratio mineralium quorundam rariorum in museis nonnullis petropolitanis obviorum.

(Представлено въ конференцію 30 апрѣля 1795 года. Nova acta. T. XI, стр. 289—298).

Сокращенное извѣстіе о сибирскомъ авантуринѣ, сообщенное изъ Креллевыхъ журналовъ.

(Новыя ежемѣсячныя сочиненія. Часть CIV. Февраль. 1795, стр. 69—75).

Извѣстія о нѣкоторыхъ новыхъ минералогическихъ сочиненіяхъ.

(Новыя ежемѣсячныя сочиненія. Часть CIV. Февраль. 1795, стр. 76—83).

Извѣстія о нѣкоторыхъ новыхъ опытахъ, надъ ископаемыми тѣлами произведенныхъ.

(Новыя ежемѣсячныя сочиненія. Часть CIV. Февраль. 1795, стр. 83—91).

О сибирскомъ бериллѣ или аквамаринѣ.

(Новыя ежемѣсячныя сочиненія. Часть CVI. Апрѣль, 1795, стр. 54—85).

Минералогическое и химическое розысканіе екатеринославскихъ земляныхъ породъ, Василія *Севергина* и Тобіаса Ловица.

(Труды вольнаго экономическаго общества. 1795. Новое продолженіе трудовъ. Часть L, стр. 308—315).

1795—1796.

Руководство къ испытанію минеральныхъ водъ способомъ г. Веструмба.

(Новыя ежемѣсячныя сочиненія:

Часть CXIV. Декабрь. 1795, стр. 27—54.
Часть CXV. Генварь. 1796, стр. 23—47.
Часть CXVI. Февраль. 1796, стр. 33—42.
Часть CXVII. Мартъ. 1796, стр. 15—32).

1796.

Exposition systématique des pierres de roche composées qui se trouvent dans les différentes parties de la Russie.

(Представлено въ академію 12 мая 1796 года. Nova acta. T. XII, стр. 307—334).

Observations sur quelques spats fluors de Nertschinsk.

(Представлено въ академію 17 ноября 1796 года. Nova acta. T. XI, стр. 382—388).

Отзывъ о сочиненіи Іоганна Христіана Лемана: Versuch einer philosophie der mineralogie.

(Въ архивѣ конференціи академіи наукъ, картонъ № 18, находится рукописный, на нѣмецкомъ языкѣ, отзывъ Севергина, съ надписью: der akademie vorgelesen den 22 december 1796.

О добываніи минеральной щелочной соли, сочин. академіи наукъ членомъ и профессоромъ Васильемъ Севергинымъ. Въ Санктпетербургѣ 1796 года. Отвѣтъ на задачу вольнаго экономическаго общества.

(Вольное экономическое общество объявило въ с.-петербургскихъ вѣдомостяхъ, 20 декабря 1793 года, № 101, слѣдующую задачу: «Какимъ способомъ чистѣйшую минеральную щелочную соль наилегчайшимъ и дешевѣйшимъ образомъ въ потребномъ количествѣ для домашняго употребленія и вывоза въ иностранныя земли изъ нашихъ степныхъ и озерныхъ солей или остатковъ изъ солончаковъ и солеломней или также изъ нашихъ содныхъ растеній доставлять можно; причемъ также просятъ принять въ нѣкоторое разсужденіе экономическое, техническое или фабричное употребленіе соляныхъ веществъ, изъ коихъ минеральная щелочная соль извлекается»).

1797.

Описаніе какимъ образомъ новоизобрѣтенными машинами бывающій въ рудникахъ нечистый воздухъ очищать можно; соч. Вильгельма Беберта; пер. Василій Севергинъ. 1797.

(Въ протоколѣ конференціи 27 февраля 1797 года, № 10, ст. 51: M. l'académicien Sewerguine fit rapporter qu'ayant lu la traduction russe du mémoire de m. Boebert faite par les translateurs académiques Gronski, Kedrine et Ungebauer, il trouva que ce qui y est traduit par les deux derniers ne vaut absolument rien, qu'il se voit en consequence obligé de refaire toute la traduction de sorte que l'impression en sera retardée encore pour quelque temps).

Переводъ двухъ мемуаровъ графа Аполлоса Аполлосовича Мусина-Пушкина, вице-президента горнаго департамента.

(Въ протоколахъ конференціи академіи наукъ, 13 марта 1797 года, № 14, ст. 71, и 27 марта 1797 года, № 18, ст. 83, находимъ свѣдѣніе, что Севергинъ представилъ, для помѣщенія въ академическихъ актахъ, свой переводъ на французскій языкъ двухъ открытій, сдѣланныхъ графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ:

1) Une amalgamation parfaite de la platine, opérée par la précipitation de la solution dans de l'eau regale.
2) Une methode de rafiner ou de purger le phosphore par laquelle il devient tout-à-fait transparent et blanc comme de verre).

Основанія минералогіи, по системѣ Вернера и Лавуазье.

(Въ протоколѣ конференціи 13 апрѣля 1797 года, № 19, ст. 90, читаемъ, что Севергинъ представилъ, съ просьбою напечатать, свой трудъ: Elemens de la minéralogie ou exposition du règne minéral suivant la methode du celèbre Werner avec le système chymique de Lavoisier.

Трудъ этотъ, написанный Севергинымъ на русскомъ языкѣ, читанъ авторомъ въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ конференціи академіи наукъ; чтеніе окончено въ собраніи 4 іюня 1798 года. Въ протоколѣ собранія 4 іюня 1798 года, № 32, ст. 159, замѣчено о трудѣ Севергина: Cette minéralogie n'étant qu'une édition russe de la minéralogie en langue française, dont le même académicien avait déjà présenté le commencement à l'académie le 15 novembre 1792, et dont madame la princesse de Daschkaw n'avait pas juger à propos de permettre l'impression par ce qu'elle était d'avis qu'un tel ouvrage serait pour la Russie d'une utilité plus étendue s'il était écrit dans la langue du pays, m. Sewergyne demanda et obtint la permission de retirer des archives son manuscrit français et de le reprendre chez lui).

1798.

Notice d'une crystallisation curieuse de l'hémalite compacte brun de Kamensk.

(Представлено и читано 12 марта 1798 года.

Протоколъ конференціи 12 марта 1798 года, № 15, ст. 66).

Notice d'une pierre calcaire phosphorique des environs de la forteresse Sanarskaia et de Cathérinenbourg.

(Представлено и читано 26 апрѣля 1798 года.

Въ протоколѣ 26 апрѣля 1798, № 24, ст. 110: Cette notice *remarquable* doit être insérée dans la partie historique des actes).

Observationes quaedam circa lapides calcareos.

(Представлено и читано 7 іюня 1798 года.

Протоколъ конференціи 7 іюня 1798 года, № 33, ст. 164.

Nova acta. T. XII, стр. 372—377).

Histoire naturelle des géodes.

(Представлено и читано 20 декабря 1798 года.

Протоколъ конференціи 20 декабря 1798 года, № 74, ст. 376.

Nova acta. T. XIV, стр. 357—366).

Первыя основанія минералогіи или естественной исторіи ископаемыхъ тѣлъ. Въ двухъ книгахъ 1798.

1799.

Пробирное искусство или руководство къ химическому испытанію металлическихъ рудъ.

(Въ протоколѣ конференціи 16 мая 1799 года, № 27, ст. 121, сказано, что академикъ Севергинъ представилъ свой трудъ «Пробирное искусство или руководство къ химическому испытанію металлическихъ рудъ», составленный отчасти по лекціямъ, читаннымъ Севергинымъ въ горномъ корпусѣ — le résultat des leçons de chimie métallurgique, que l'auteur, m. Sewergyne, a donné au corps impérial des mines et des essais docimastiques qui y ont été faits par lui et sous sa direction de differentes mines de Russie.... Sa docimasie étant fondée sur la nouvelle théorie de chymie par Lavoisier, moins connue en Russie qu'ailleurs, m. Sewergyne propose de la faire préceder d'une traduction russe qu'il a faite du Traité élémentaire de physique par I. A. Cousin — Начальныя основанія физики Кузена, où cette nouvelle théorie est developpée au mieux et expliquée le plus clairement possible.

Въ 1801 году напечатано: Пробирное искусство или руководство къ химическому испытанію металлическихъ рудъ и другихъ ископаемыхъ тѣлъ. Съ тремя таблицами и двумя гравированными рисунками).

Notiz über die im russischen mineralogischen kabinet der akademischen kunstkammer befindlichen anzahl der mineralien.

(Представлено въ академію 3 іюня 1799 года.

Протоколъ конференціи 3 іюня 1799 года, № 32, ст. 142).

Dissertation sur l'influence des terres et pierres dans la formation des métaux, considerée dans une collection de mines des environs de Toula.

(Представлено и читано 13 іюня 1799 года.

Протоколъ конференціи 13 іюня 1799 года, № 34, ст. 155).

О естествѣ и образованіи базальта или столбчатаго камня.

(Представлено въ академію 13 іюня 1799 года.

Протоколъ конференціи 13 іюня 1799 года, № 34, ст. 156. Въ протоколѣ замѣчено, что этотъ мемуаръ первоначально написанъ полатыни, и представленъ былъ авторомъ на степень адъюнкта; теперь же представляется на русскомъ языкѣ, добавленный нѣкоторыми наблюденіями и соображеніями.

Академическія сочиненія. 1801 года. Часть I, стр. 332—359).

1800.

Краткое обозрѣніе минералогическихъ наблюденій, какія по кавказскому кряжу горъ учинить можно.

(Представлено и читано въ конференцію 6 февраля 1800 года.

Хранится въ рукописи въ архивѣ конференціи академіи наукъ, картонъ № 19).

Начальныя основанія физики г-на Кузеня (I. A. I. Cousin), переведенныя съ французскаго языка на россійскій, съ присово-

купленіемъ нѣкоторыхъ по химической части примѣчаній и добавленій, академикомъ и надворнымъ совѣтникомъ В. Севергинымъ, 1800 года.

(Представлено въ академію 4 мая 1800 года.

Протоколъ конференціи 4 мая 1800 года, № 25, ст. 119).

Наставленіе о дѣланіи стали, переведенное съ французскаго и дополненное примѣчаніями В. Севергинымъ.

(Представлено и читано въ конференціи 27 августа 1800 года.

Протоколъ конференціи 27 августа 1800 года, № 44, ст. 215.

Въ архивѣ конференціи академіи наукъ, картонъ № 19, сохранилось слѣдующее заявленіе Севергина, читанное въ конференціи 27 августа 1800 года:

A la conférence de l'académie impériale des sciences.

Ayant été occupé pendant tout le cours de cette année de la révision et de l'édition des ouvrages que j'ai presentés à l'académie, et étant obligé de donner des leçons publiques pendant l'été, je n'ai pû avoir ni le loisir, ni l'occasion de faire des observations minéralogiques qui puissent être l'objet d'une dissertation académique. Cependant pour accomplir mon devoir envers elle et pour ne pas manquer mon tour de lire aujourd'hui j'ai l'honneur de lui présenter un *Extrait russe d'un mémoire français* très intéressant *de mm. Vandermonde, Monge et Berthollet sur la fabrication de l'acier*, en le recommandant pour être inseré dans les tomes suivants de nos actes russes à cause de la grande utilité de la matière. J'ai l'honneur d'avertir en même tems, que je l'ai accompagné de *notes qui contiennent des notices sur la fabrique d'acier qui se trouve à St. Pétersbourg auprès de l'isle Krestowskoy et qui est dirigée par le celèbre artiste Hat-*

tenberger. J'espère que quiconque voudra lire avec attention les règles prescrites dans cet extrait, sera à portée de faire de bon acier aussitôt que les circonstances lui seront favorables pour la construction d'une telle fabrique.

B. Sewerguine.

Le 27 d'aout, 1800.

Въ 1804 году въ Технологическомъ журналѣ, т. I, ч. I, стр. 45—77, помѣщено: Наставленіе о дѣланіи стали; съ французскаго о семъ предметѣ сочиненія кратко преложенное и примѣчаніями дополненное).

Способъ испытывать минеральныя воды, сочиненный по новѣйшимъ о семъ предметѣ наблюденіямъ трудами Василья Севергина. С. Петербургъ. Въ типографіи медицинской коллегіи. 1800.

(Представлено въ академію 21 января 1801 года.

Протоколъ конференціи 21 января 1801 года, № 4, § 22).

Способъ испытывать чистоту и неподложность химическихъ произведеній лѣкарственныхъ, сочиненный Васильемъ Севергинымъ, академикомъ 7 класса и государственной медицинской коллегіи почетнымъ членомъ. С. Петербургъ. Въ типографіи медицинской коллегіи, 1800.

(Представлено въ академію 21 января 1801 года.

Протоколъ конференціи 21 января 1801 года, № 4, § 22).

Таблица, показующая составляющія части минеральныхъ водъ, кои химически изслѣдованы были, составленная, по образцу Реммлеровыхъ таблицъ, В. Севергинымъ.

(Представлено въ академію 21 января 1801 года.

Протоколъ конференціи 21 января 1801 года, № 4, § 22).

Начальныя основанія всеобщей и врачебной химіи, соч. Жакина, переведенныя подъ руководствомъ Севергина, съ его примѣчаніями.

(Представлено въ академію 21 января 1801 года.

Протоколъ конференціи 21 января 1801 года, № 4, § 22.—Въ протоколѣ сказано, что Севергинъ представилъ въ академію Начальныя основанія всеобщей и врачебной химіи Іосифа Франциска Жакина, ч. 1 и 2. Спб., 1800. переведенныя Парпурою подъ руководствомъ Севергина, съ примѣчаніями Севергина.

Начальныя основанія всеобщей и врачебной химіи, соч. Іосифа Жакина, пер. Максимъ Парпура, изданіе второе; С. Петербургъ, въ типографіи медицинской коллегіи, 1800).

1801.

Exposition de quelques expériences docimastiques faites sur les mines de cuivre.

(Представлено и читано въ конференціи 18 февраля 1801 года.

Протоколъ конференціи 18 февраля 1801 года, № 8, § 40.

Nova acta. T. XV, стр. 342—353).

Distribution méthodique des pierres de roche agrégées.

(Представлено и читано въ конференціи 1-го іюля 1801 года.

Протоколъ конференціи 1 іюля 1801 года, № 39, § 183.

Nova acta. T. XIII, стр. 376—391).

Notice I. Sur une nouvelle variéte de spath de plomb blanc.

(Представлено и читано въ конференціи 1 іюля 1801 г. Протоколъ конференціи 1 іюля 1801 года, № 39, § 183. Nova acta. T. XIII, стр. 392 — 394).

Notice II. Sur l'oxide de fer en forme d'aiguilles qui se trouve sur les amethystes de l'isle de Kija en Onega.

(Представлено и читано въ конференціи 1 іюля 1801 г. Протоколъ конференціи 1 іюля 1801 года, № 39, § 183. Nova acta. T. XIII, стр. 395 — 396).

Химическія основанія ремеслъ и заводовъ, соч. Гмелина — переводъ и примѣчанія Севергина.

(Въ протоколѣ конференціи 18 ноября 1801 года, № 64, § 324, сказано, что Севергинъ представилъ *въ рукописи:* Химическія основанія ремеслъ и заводовъ Іоганна Фридриха Гмелина, съ нѣмецкаго на россійскій языкъ, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ примѣчаній, преложены трудами Василья Севергина. Часть I. Конференція признала этотъ трудъ въ высшей степени полезнымъ).

Ѳеорія и практика прививанія коровьей оспы, сочиненія г. Ранка, доктора медицины и члена врачебнаго общества въ Парижѣ. Съ французскаго на россійскій языкъ преложенная и изданная с.-петербургскимъ императорскимъ вольнымъ экономическимъ обществомъ 1801. Въ типографіи св. синода.

(Имени переводчиковъ не выставлено въ заглавіи, а въ предисловіи говорится: «Трудъ преложенія, по общей въ искусствѣ и знаніяхъ довѣренности, возложило оно (вольн. эконом. общество) на членовъ своихъ академиковъ: Озерецковскаго и Севергина, кои, равно усердствуя пользѣ общей, приняли на себя охотно и переводъ и изданіе»).

1802.

Описаніе образцовъ пахотныхъ земель, которые собраны Севергинымъ во время его путешествія.

(Записки дѣяній императорскаго вольнаго экономическаго общества въ семъ 1802 году. Въ С.-Петербургѣ при императорской академіи наукъ, стр. 51 — 62: «Членъ и непремѣнный секретарь сего общества, г. академикъ Севергинъ, бывшій въ началѣ сего года по высочайшему повелѣнію въ путешествіи въ Семятичъ, по возвращеніи своемъ представилъ сему обществу пахотныя земли, собранныя имъ во время проѣзда его чрезъ лифляндскую, курляндскую, литовскую, минскую, смоленскую и московскую губерніи, съ *описаніемъ* оныхъ» и т. д.).

Quelques reflexions sur le bois de cerf et le morceau de bois de pin incrustés qui ont été trouvés dernierement á Pavlofskoe.

(Представлено въ академію 23 іюня 1802 года.

Протоколъ конференціи 23 іюня 1802 года, № 37, ст. 197).

О прохладительныхъ испанскихъ сосудахъ, называемыхъ алкораза.

(Представлено для академической газеты и читано въ конференціи 7 іюля 1802 года.

Протоколъ конференціи 7 іюля 1802 года, № 40, § 215.

Ученыя извѣстія. Прибавленіе къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ, № 75, стр. 45 — 46.

Прибавленіе къ технологическому журналу. 1806. Часть I, стр. 173 — 176).

О нѣкоторомъ древнемъ мѣдномъ орудіи, малахитовою корою покрытомъ.

(Представлено для газеты и читано въ конференціи 7 іюля 1802 года.

Протоколъ конференціи 7 іюля 1802 года, № 40, § 215.

Ученыя извѣстія, № 77, стр. 48.

Прибавленія къ технологическому журналу, 1806. Часть I, стр. 178 — 180).

О кисломъ ананасовомъ сокѣ.

(Представлено для газеты и читано въ конференціи 7 іюля 1802 года.

Протоколъ конференціи 7 іюля 1802 года, № 40, § 215.

Ученыя извѣстія, № 85, стр. 55.

Прибавленіе къ технологическому журналу, 1806. Часть I, стр. 122 — 124).

О металлическомъ смѣшеніи, которое возгорѣлось само собою.

(Представлено для газеты и читано 7 іюля 1802 года.

Протоколъ конференціи 7 іюля 1802 года, № 40, § 215.

Ученыя извѣстія, № 77, стр. 47 — 48.

Прибавленіе къ технологическому журналу, 1806. Часть I, стр. 129).

Записки путешествія по западнымъ провинціямъ россійскаго государства или минералогическія, хозяйственныя и другія примѣчанія, учиненныя во время проѣзда чрезъ оныя въ семъ 1802 г.

(Представлено въ рукописи въ академію 1 сент. 1802г.

Протоколъ конференціи 1 сентября 1802 года, № 45, ст. 251.

Въ 1803 г. рукопись Севергина напечатана подъ тѣмъ же заглавіемъ: Записки путешествія по западнымъ провинціямъ россійскаго государства или минералогическія, хозяйственныя и другія примѣчанія, учиненныя во время проѣзда чрезъ оныя въ 1802 году).

Химическія основанія ремеслъ и заводовъ, предложенныя Іоганномъ Фридрихомъ Гмелиномъ. Часть II.

(Представлено въ академію 1 сентября 1802 года.

Протоколъ конференціи 1 сент. 1802 г., № 45, ст. 251.

Въ 1803 году напечатаны, въ двухъ частяхъ: Химическія основанія ремеслъ и заводовъ. Сочиненія Іог. Фридр. Гмелина, профессора врачебной науки въ Геттингенѣ. Съ нѣмецкато на россійскій языкъ, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ примѣчаній, преложенная академикомъ и пр. Васильемъ Севергинымъ.

О новыхъ поправленіяхъ въ Румфордовомъ супѣ.

(Представлено для газеты и читано въ конференціи 1 сентября 1802 года.

Протоколъ конференціи 1 сент. 1802 г., № 45, ст. 252.

Ученыя извѣстія, № 83, стр. 54.

Прибавленіе къ технологическому журналу, 1806. Часть I, стр. 127 — 128).

О прозябаемой щелочной соли въ ископаемыхъ тѣлахъ.

(Представлено для газеты и читано въ конференціи 1 сентября 1802 года.

Протоколъ конференціи 1 сент. 1802 г., № 45, ст. 252.

Ученыя извѣстія № 83, стр. 54.

Прибавленіе къ технологическому журналу, 1806. Часть I, стр. 181 — 182).

О драгоцѣнномъ камнѣ хрисолитѣ.

(Представлено для газеты и читано въ конференціи 1 сентября 1802 года.

Протоколъ конференціи 1 сент. 1802 г., № 45, ст. 252.

Ученыя извѣстія, № 81, стр. 52).

О томъ, что въ Бухаріи по минералогической части особенно примѣчать должно.

(Представлено и читано въ конференціи 10 ноября 1802 года.

Хранится въ рукописи въ архивѣ конференціи академіи наукъ, картонъ № 20).

О квасцахъ.

(Представлено для газеты и читано въ конференціи 28 ноября 1802 года.

Протоколъ конференціи 28 ноября 1802 года № 61, ст. 358.

Прибавленіе къ технологическому журналу, 1806. Часть I, стр. 157 — 159).

О звучныхъ металлическихъ составахъ для дѣланія колоколовъ, боевыхъ чашекъ въ боевыхъ часахъ и китайскихъ металлическихъ бубновъ.

(Представлено для газеты и читано въ конференціи 28 ноября 1802 года.

Протоколъ конференціи 28 ноября 1802 года, № 61, ст. 358.

Прибавленіе къ технологическому журналу, 1806. Часть I, стр. 161 — 164:

О звучныхъ металлическихъ составахъ для дѣланія колоколовъ, боевыхъ чашекъ къ боевымъ часамъ и другихъ подобныхъ орудій).

Новый способъ дѣланія плавленной стали господина Клуета.

(Представлено для газеты и читано въ конференціи 28 ноября 1802 года.

Протоколъ конференціи 28 ноября 1802 года, № 61, стр. 358).

1803.

О подлинномъ различіи между сурьмою и новооткрытымъ металлическимъ тѣломъ, которое названо теллурій.

(Представлено для газеты и читано въ конференціи 9 января 1803 года.

Протоколъ конференціи 9 января 1803 года, № 1, ст. 5.

Прибавленіе къ технологическому журналу, 1806. Часть I, стр. 145 — 147).

О настоящихъ составляющихъ частяхъ наждака.

(Представлено для газеты и читано въ конференціи 9 января 1803 года.

Протоколъ конференціи 9 января 1803 года, № 1, ст. 5.

Прибавленіе къ технологическому журналу, 1806, стр. 148 — 150).

О достопамятномъ явленіи, состоящемъ въ томъ, что два куска переугленнаго дерева при удареніи производятъ искры, — открытіе г. Лешеневека въ Дижонѣ.

(Представлено для газеты и читано въ конференціи 9 января 1803 года.

Протоколъ конференціи 9 января 1803 года, № 1, ст. 5.

Прибавленіе къ технологическому журналу, 1806. Часть I, стр. 151 — 152).

Описаніе народовъ, въ Россіи обитающихъ, — переводъ изъ сочиненія Тука, члена лондонскаго ученаго общества и проч., издан. на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Histoire de la Russie, 1801 года.

(Записка собранія россійской академіи 10 января 1803 года, № 2, ст. 3, л. 4 — 4-об. —

Ср. Tooke, Will — Rossia or a compleat historical account of all the nations which compose that empire. Vols, 1 — 4. London, 1780 — 1783.

Его же: View of the Russian empire during the reign of Catharina the Second. Vols. 1 — 3. London, 1799.

Его же: Histoire de l'empire de Russie sous le règne

de Catherine II. Traduite de l'anglais par M. S.... avec les corrections de M. Imernove et revue par M. Leclerc. Vols. 1 — 6. Paris, an X — 1801).

Новый способъ отпечатывать рисунки или письмена.

(Представлено для газеты и читано въ конференціи 23 февраля 1803 года.

Протоколъ конференціи 23 февраля 1803 года, № 10, ст. 54.

Прибавленіе къ технологическому журналу, 1806. Часть I, стр. 144 — 145).

Примѣчанія о древнихъ сосудахъ, кои назывались у римлянъ vasa murrhina или myrrhina.

(Представлено для газеты и читано въ конференціи 23 февраля 1803 года.

Протоколъ конференціи 23 февраля 1803 года, № 10, ст. 54.

Прибавленіе къ технологическому журналу, 1806. Часть I, стр. 142 — 143).

О простомъ и выгодномъ селитряномъ заводѣ.

(Представлено для газеты и читано въ конференціи 23 февраля 1803 года.

Протоколъ конференціи 23 февраля 1803 года, № 10, ст. 54.

Прибавленіе къ технологическому журналу, 1806. Часть I, стр. 132 — 134).

Мнѣніе о способахъ къ усовершенствованію минеральнаго кабинета академіи наукъ.

(Прислано въ академію 27 марта 1803 года.

Протоколъ конференціи 27 марта 1803 года, № 19, ст. 115).

Nouvelles observations sur les pierres de roche aggrégées.

(Представлено и читано 25 апрѣля 1803 года.

Протоколъ конференціи 25 апрѣля 1803 года, № 22, ст. 125.

Nova acta. T. XV, стр. 435 — 451).

О двухъ кольцахъ, полученныхъ академіею отъ князя А. А. Урусова.

(Представлено для газеты и читано въ конференціи 4 мая 1803 года.

Протоколъ конференціи 4 мая 1803 года, № 25, ст. 143).

О новой каменной породѣ, называемой *кріолитъ*.

(Представлено для газеты и читано въ конференціи 4 мая 1803 года.

Протоколъ конференціи 4 мая 1803 года, № 25, ст. 146.

Прибавленіе къ технологическому журналу, 1806. Часть I, стр. 176 — 178).

О химическомъ разложеніи желтой мѣди мокрымъ путемъ, способомъ г. Вокелена.

(Представлено для газеты и читано въ конференціи 4 мая 1803 года.

Протоколъ конференціи 4 мая 1803 года, № 25, ст. 146.

Прибавленіе къ технологическому журналу, 1806. Часть I, стр. 130 — 132).

1803 — 1807.

Путешествіе Анахарсиса по Греціи, пятый томъ — переводъ съ французскаго.

(Начало своего перевода Севергинъ представилъ въ

россійскую академію 31 октября 1803 года, а конецъ — 16 марта 1807 года.

Въ 1808 году переводъ напечатанъ подъ заглавіемъ: Путешествіе младшаго Анахарсиса по Греціи, въ половинѣ четвертаго вѣка до Рождества Христова. Переведено съ французскаго императорской россійской академіи членомъ, статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ Василіемъ Севергинымъ, и оною академіею издано. Томъ пятый. Въ Санктпетербургѣ, при императорской академіи наукъ).

1804.

Продолженіе записокъ путешествія по западнымъ провинціямъ, въ 1803 году.

(Представлено въ рукописи 11 января 1804 года.

Протоколъ конференціи 11 января 1804 года, № 1, ст. 12.

Въ 1804 году напечатано: Продолженіе записокъ путешествія по западнымъ провинціямъ россійскаго государства или минералогическія, технологическія и другія примѣчанія, учиненныя во время проѣзда чрезъ оныя въ 1803 году. Съ четырьмя таблицами).

Краткое обозрѣніе начала, успѣховъ и пользы технологіи.

(Представлено въ академію 11 января 1804 года въ числѣ статей для помѣщенія въ технологическомъ журналѣ, редакторомъ котораго былъ Севергинъ.

Протоколъ конференціи 11 января 1804 года, № 1, ст. 13.

Технологическій журналъ. 1804. Т. I. Часть I, стр. 9—18).

О селитрѣ изъ капусты.

(Технологическій журналъ. 1804. Т. I. Часть I, стр. 166).

О поташѣ въ соломѣ гречи.

(Технологическій журналъ. 1804. Т. I. Часть I, стр. 166).

О Бровновомъ способѣ всякую дикую или негодную траву въ скоромъ времени превращать въ хорошій поземъ.

(Технологическій журналъ. 1804. Томъ I. Часть I, стр. 167—168).

Какъ узнать подмѣсь овечей шерсти въ хлопчатой бумагѣ.

(Технологическій журналъ. 1804. Томъ I. Часть I, стр. 168—169).

Новое средство къ спасенію утопшихъ.

(Технологическій журналъ. 1804. Томъ I. Часть I, стр. 169—170).

Краткія извѣстія о разныхъ открытіяхъ и заведеніяхъ, извлеченныя изъ сочиненія профессора Бекмана въ Геттингенѣ подъ заглавіемъ: Beiträge zur geschichte der erfindungen:

1) О итальянской бухгалтеріи.

2) О путемѣрѣ (odometer).

3) О орудіи, которое все, что играется на клавикордахъ или подобномъ музыкальномъ инструментѣ, само собою на ноты полагаетъ.

4) О водкѣ.

5) О отдѣленіи золота и серебра посредствомъ ртути и о позолотѣ амальгамою.

6) О сухой позолотѣ.

7) О золотомъ лакѣ.

8) О станкѣ для тканія лентъ.

9) О пиротехніи Вануччіо Бирингуччіо.

(Технологическій журналъ. 1804. Т. I. Часть I, стр. 170—176).

Способъ приготовлять легкіе кирпичи на подобіе пловучихъ кирпичей древнихъ.

(Представлено въ академію, для технологическаго журнала 2 мая 1804 года.

Протоколъ конференціи 2 мая 1804 года, № 14, ст. 159.

Технологическій журналъ. 1804. Т. I. Часть II, стр. 68—74).

О кирпичныхъ, горшечныхъ, трубочныхъ и квасцовыхъ заводахъ, находящихся въ городѣ Гроссъ-Альмеродѣ, гессенскаго округа, въ Германіи.

(Представлено въ академію, для втораго выпуска технологическаго журнала, 2 мая 1804 года.

Протоколъ конференціи 2-го мая 1804 года, № 14, ст. 160.

Технологическій журналъ. 1804. Т. I. Часть II, стр. 59—67).

Исторія открытія часовъ и введенія ихъ въ употребленіе.

О подмѣсяхъ винъ.

О застрахованіяхъ.

О тулпанѣ.

О турмалинѣ.

(Технологическій журналъ. 1804. Т. I. Часть II, стр. 169—176).

О мѣхахъ.

О орселѣ и лакмусѣ.

О полевыхъ мельницахъ.

О ружьяхъ и ружейныхъ замкахъ.

О рубиновомъ стеклѣ.

О повозкахъ.

О ананасѣ.

О симпатическихъ чернилахъ.

О кожаныхъ табакеркахъ.

(Технологическій журналъ. 1804. Т. I. Ч. IV, стр. 163—173).

Пять донесеній Севергина президенту академіи наукъ Новосильцову о путешествіи Севергина для минералогическаго обозрѣнія Финляндіи.

(Читаны въ конференціи 27 сентября и 17 октября 1804 года.

Хранятся въ рукописи въ архивѣ конференціи академіи наукъ, картонъ № 20).

Дополнительный рапортъ въ академію наукъ академика Севергина о успѣхахъ минералогическаго его путешествія по Финляндіи.

(Читанъ въ конференціи 3 октября 1804 года.

Хранится въ рукописи въ архивѣ конференціи академіи наукъ, картонъ № 20).

Обозрѣніе россійской Финляндіи.

(Представлено въ академію въ рукописи 14 ноября 1804 года.

Протоколъ конференціи 14 ноября 1804 года, № 38, ст. 464.

Въ 1805 году напечатано: Обозрѣніе россійской Финляндіи или минералогическія и другія примѣчанія, учиненныя во время путешествія по оной въ 1804).

1804—1811.

Разсужденіе о металлургіи, заключающее въ себѣ ѳеорію главныхъ ея работъ.

(Технологическій журналъ:

1804. Томъ I. Часть 3, стр. 42—57.

1805. Томъ II. Часть 1, стр. 39—49.
1805. Томъ II. Часть 2, стр. 45—74.
1807. Т. IV. Часть 4, стр. 39—59.
1808. Т. V. Часть 1, стр. 41—62.
1808. Т. V. Часть 3, стр. 37—56.
1809. Т. VI. Часть 1, стр. 74—93.
1811. Т. VIII. Часть 4, стр. 50—100).

1805.

Инструкція для отправляющагося въ Китай по минералогической части.

(Представлена и читана въ конференціи 3-го апрѣля 1805 года.

Хранится въ рукописи въ архивѣ конференціи академіи наукъ, картонъ № 21).

О слуховой трубѣ.
О сургучѣ.
О дикихъ каштанахъ.
О фортепіанѣ.
О отпечаткахъ растеній.
О водолазномъ колпакѣ.
О камеляхъ.
О сейгнетовой соли.
О канарейкахъ.

(Технологическій журналъ. 1805. Томъ II. Часть 1, стр. 187—200).

О мучныхъ мельницахъ.
О мѣдной яри.
О шафранѣ.
О квасцахъ (отмѣч. подъ 1802 годомъ).

(Технологическій журналъ. 1805. Томъ II. Часть 3, стр. 159—172).

Научное заявленіе Севергина конференціи академіи наукъ о причинѣ выбора сочиненія Жансана для перевода на русскій языкъ.

(Читано въ конференціи 19 іюня 1805 года.

Хранится въ рукописи въ архивѣ конференціи академіи наукъ, картонъ № 21).

Наставленіе о плавленіи рудъ посредствомъ каменныхъ углей; соч. Жансана; переводъ Севергина.

(Представлено въ академію 19 іюня 1805 года.

Въ протоколѣ конференціи 19 іюня 1805 года, № 22, ст. 310, сказано, что Севергинъ представилъ въ академію русскій переводъ сочиненія: Traité de la fonte des mines par le feu de charbon de terre, par m. de Gensanne, и заявилъ, что употребленіе каменнаго угля для подобной цѣли почти неизвѣстно въ Россіи — à l'exception des tentatives de m. de Gascoine rien n'a encore été fait en Russie pour la fonte des mines par le charbon de terre.

29 января 1806 года Севергинъ заявилъ въ конференціи, что его переводъ сочиненія Жансана только что отпечатанъ.

Протоколъ конференціи 29 января 1806 года, № 4, ст. 50.

Въ 1806 году напечатано: Наставленіе о плавленіи рудъ посредствомъ каменныхъ углей. Сочиненіе г. Жансана, бывшаго начальника заводовъ эльзасскихъ и графства бургонскаго. Преложенное на россійскій языкъ и примѣчаніями дополненное трудами академика Василья Севергина. Часть первая. Съ 34 гравированными на мѣди фигурами).

Роспись лѣкарственнымъ припасамъ, получаемымъ или приготовляемымъ изъ произведеній минеральнаго царства, по препорученію ученаго академіи наукъ собранія сочиненная академикомъ В. Севергинымъ.

(Представлена и читана въ конференціи 2 октября 1805 года.

Хранится въ рукописи въ архивѣ конференціи академіи наукъ, картонъ № 21).

Sur un melange granitique particulier de Finlande.

(Представлено и читано въ конференціи 30 октября 1805 года.

Протоколъ конференціи 30 октября 1805 года, № 37, ст. 489.

Nova acta. T. XV, стр. 483—489).

О различныхъ видахъ, мѣстопребываніи, образованіи и употребленіи агата.

(Представлено въ конференцію 30 октября 1805 г.

Протоколъ конференціи 30 октября 1805 года, № 37, ст. 496.

Технологическій журналъ:

1805. Томъ II. Часть 4, стр. 130—141.

1806. Томъ III. Часть 1, стр. 70—89).

Слово похвальное Михайлу Васильевичу Ломоносову, читанное въ императорской россійской академіи въ годовомъ торжественномъ ея собраніи 1805 года, членомъ оныя Васильемъ Севергинымъ. Въ С. Петербургѣ, при императорской академіи наукъ, 1805 года. Съ приложеніемъ надписи въ память М. В. Ломоносову, на русскомъ и латинскомъ языкахъ.

(Похвальное слово Ломоносову, въ окончательной обработкѣ, было читано Севергинымъ въ собраніи россійской академіи 22 апрѣля 1805 года.

Записки россійской академіи. Собраніе 22 апрѣля 1805 года, № 15, ст. 1, л. 107—107 об.).

1806.

Exposition systématique de minéraux de Finlande.

(Представлено и читано въ конференціи 4-го іюня 1806 года.

Протоколъ конференціи 4 іюня 1806 года, № 20, ст. 208.

Mémoires de l'académie impériale des sciences de St. Pétersbourg. V série. T. I, стр. 332—348).

Примѣчанія о горныхъ породахъ Араратскихъ горъ.

(Технологическій журналъ. 1806. Томъ III. Часть 3, стр. 96—106).

О иностранныхъ разборахъ мыла.

(Прибавленіе къ технологическому журналу. 1806. Часть 1, стр. 139—142).

Подробный словарь минералогическій, заключающій въ себѣ подробное изъясненіе всѣхъ въ минералогіи употребительныхъ словъ и названій, также всѣ въ наукѣ сей учиненныя новѣйшія открытія по 1807 годъ, съ присовокупленіемъ общихъ понятій о кристаллографіи знаменитаго Гаю. Первый томъ, до М.

(Представлено въ академію въ рукописи 4-го іюня 1806 года.

Протоколъ конференціи 4 іюня 1806 года, № 20, ст. 216).

1807.

Минералогическаго словаря томъ второй, отъ М. до Т.

(Представлено въ академію 21 января 1807 года.

Протоколъ конференціи 21 января 1807 года, № 3, ст. 33).

Sur les mines des environs du fleuve Toura dans les Ourales.

(Представлено въ академію 21 января 1807 года.

Протоколъ конференціи 21 янв. 1807 г., № 3, ст. 33).

Послѣдніе листы минералогическаго словаря.

(Представлены въ академію 2 сентября 1807 года.

Протоколъ конференціи 2 сентября 1807 года, № 28, ст. 318.

Въ 1807 году напечатанъ:

Подробный словарь минералогическій, содержащій въ себѣ подробное изъясненіе всѣхъ въ минералогіи употребительныхъ словъ и названій, также всѣ въ наукѣ сей учиненныя новѣйшія открытія.

Томъ первый, отъ А до Л; съ двумя гравированными фигурами.

Томъ вторый, отъ М до Ѳ.

Съ прибавленіемъ латинскаго, французскаго и нѣмецкаго минералогическихъ словарей).

Слово похвальное князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому и купцу нижегородскому Козьмѣ Минину прозваніемъ Сухорукому, сочиненное членомъ россійской академіи Васильемъ Севергинымъ. Въ С. Петербургѣ, при императорской академіи наукъ, 1807 года.

О глинѣ въ отношеніи къ фабрикамъ.

(Технологическій журналъ. 1807. Томъ IV. Часть 2. стр. 85—104).

1808.

Извѣстія о нѣкоторыхъ новооткрытыхъ минералахъ.

(Технологическій журналъ. 1808. Томъ V. Часть 4, стр. 155—168).

Разсужденіе о ископаемыхъ орудныхъ тѣлахъ.

(Представлено въ академію 1 іюня 1808 года.

Протоколъ конференціи 1 іюня 1808 года, № 19, ст. 212.

Умозрительныя изслѣдованія. 1808. Томъ I, стр. 287—298).

Извѣстіе о ревельской дымящейся горѣ.

(Технологическій журналъ. 1808. Томъ V. Часть I, стр. 157—169.

Annalen der physik, herausgegeben von Ludwig Wilhelm Gilbert. Halle. 1807, стр. 342—345. Untersuchung über einen erdbrand oder den rauchenden berg unweit Reval, vom hrn. akad. W. Sewergin in Petersburg. Aus der Beilage zur Petersburger Hofzeitung vom 19ten febr. 1808).

Опытъ минералогическаго землеописанія Россіи. Часть первая.

(Представлено въ академію въ рукописи 28 сентября 1808 года.

Протоколъ конференціи 28 сентября 1808 года, № 30, ст. 369).

1809.

Observations minéralogiques faites dans le gouvernement de Twer.

(Представлено и читано въ конференціи 4 октября 1809 года.

Протоколъ конференціи 4 октября 1809 года, № 30, ст. 346.

Mémoires. V série. T. II, стр. 399—410).

Разсужденіе о хозяйственной минералогіи съ нѣкоторыми примѣчаніями о земляхъ, почву исправляющихъ.

(Технологическій журналъ. 1809. Томъ VI. Часть 1, стр. 3—17).

О поваренной соли въ отношеніи къ добыванію оной.

(Технологическій журналъ. 1809. Томъ VI. Часть 1, стр. 18—47).

О добываніи и очищеніи сѣры.

(Технологическій журналъ. 1809. Томъ VI. Часть 1, стр. 48—73).

Опытъ минералогическаго землеописанія россійскаго государства. Двѣ части.

Часть первая. 1809. Съ гравированною виньеткою: видъ камня подъ монументомъ Петра I, поставлен. въ 1790 году. (Отмѣчено подъ 1808 годомъ).

Часть вторая. 1809.

1810.

Словарь химическій, обработанный въ отношеніи къ технологіи по химическому словарю г. Кадета. Томъ первый. Отъ А до Л (см. подъ 1810—1813 годомъ).

(Представленъ въ академію въ рукописи 24 января 1810 года.

Протоколъ конференціи 24 января 1810 года, № 3, ст. 40).

Sur les pierres alumineuses des monts Ararats.

(Представлено въ академію 9 мая 1810 года.

Протоколъ конференціи 9 мая 1810 года, № 15, ст. 169.

Mémoires. V série. T. III, стр. 209—214).

О приготовленіи кармина.

(Технологическій журналъ. 1810. Томъ VII. Часть 1, стр. 3—22).

О дѣланіи красныхъ карандашей.

(Технологическій журналъ. 1810. Томъ VII. Часть 1, стр. 23—28).

1811.

Examen ultérieur des cristaux de sélénite de Poltawa.

(Представлено и читано въ конференціи 16 января 1811 года.

Протоколъ конференціи 16 января 1811 года, № 2, ст. 22.

Mémoires. V série. T. IV, стр. 350—355).

Словарь химическій, обработанный въ отношеніи къ технологіи по химическому словарю Луи Кадета. Часть вторая (см. подъ 1810—1813 годомъ).

(Представлено въ академію 16 января 1811 года.

Протоколъ конференціи 16 января 1811 года, № 2, ст. 33).

Извѣстіе о воздушныхъ камняхъ или аэролитахъ, хранящихся въ музеѣ императорской академіи наукъ.

(Въ архивѣ конференціи академіи наукъ, картонъ № 25, сохранилось собственноручная рукопись Севергина: О воздушныхъ камняхъ или аэролитахъ, хранящихся въ музеѣ императорской академіи наукъ; іюля 15 дня 1811. Сверху надпись рукою Фусса, непремѣннаго секретаря академіи наукъ: Protocole du 17 juillet 1811.

Технологическій журналъ. 1811. Томъ VIII. Часть 2, стр. 129—132).

Разсужденіе о драгоцѣнныхъ камняхъ, называемыхъ у Плинія карбункулами.

(Представлено и читано въ конференціи 11 сентября 1811 года.

Протоколъ конференціи 11 сентября 1811 года, № 29, ст. 346.

Умозрительныя изслѣдованія. 1812. Томъ III, стр. 251—264).

1812.

Отвѣтъ на задачу вольнаго экономическаго общества, по высочайшему повелѣнію предложенную, о сочиненіи полнаго и яснаго наставленія какъ добывать селитру скорѣйшимъ и легчайшимъ образомъ. Сочиненіе г. академика Василія Михайловича Севергина, удостоенное высочайше назначенной награды во сто червонныхъ. Девизъ: *трудъ и раченіе.*

(Труды вольнаго экономическаго общества. 1812. Часть LXIV, стр. 19—192).

О каменной породѣ, называемой содалитъ.

(Представлено и читано въ конференціи 18 марта 1812 года.

Протоколъ конференціи 18 марта 1812 года, № 10, ст. 100.

Технологическій журналъ. 1825, стр. 118—119).

О искусствѣ вырѣзыванія на камняхъ.

(Технологическій журналъ. 1812. Томъ IX. Часть 3, стр. 3—28).

О желѣзоплавиленныхъ промыслахъ въ новгородской губерніи.

(Технологическій журналъ. 1812. Томъ IX. Часть 4, стр. 7—16).

О глиняныхъ издѣліяхъ англинскаго фабриканта Веджевуда.

(Технологическій журналъ. 1812. Томъ IX. Часть 4, стр. 17—23).

1810—1813.

Словарь химическій, содержащій въ себѣ ѳеорію и практику химіи съ приложеніемъ ея къ естественной исторіи и искусствамъ; сочиненіе Шарль-Луи Кадета (Cadet), обработанное на россійскомъ языкѣ трудами Василья Севергина. Четыре части, съ фигурами:

Часть первая, отъ А до К. 1810. Съ фигурою.

Часть вторая, отъ К до О. 1811. Съ двумя таблицами.

Часть третья, отъ О до Т. 1812. Съ тремя таблицами.

Часть четвертая, отъ Т до конца алфавита. 1813. Съ фигурою.

1813.

Руководство къ замѣчаніямъ, на кои долженъ обращать вниманіе отправляющійся въ Англію корреспондентъ академіи г. Эттеръ.

(Сохранилось въ рукописи въ архивѣ конференціи академіи наукъ, картонъ № 26.

Представлено и читано въ конференціи 28 апрѣля 1813 года.

Протоколъ конференціи 28 апрѣля 1813 года, № 12, ст. 96).

Минералогическія примѣчанія объ островѣ Готландѣ, на Балтійскомъ морѣ.

(Представлено и читано въ конференціи 19-го мая 1813 года.

Протоколъ конференціи 19 мая 1813 года, № 15, ст. 118.

Технологическій журналъ. 1814. Томъ XI. Часть 4, стр. 71—81).

О сибирской оловянной рудѣ.

(Технологическій журналъ. 1813. Томъ X. Часть 3, стр. 3—23).

1812—1814.

Переводъ Зульцерова словаря словесныхъ наукъ.

(Записки россійской академіи. 1812 года, № 14.— 1814 года, № 40,—и др.

Сочиненія и переводы, издаваемые россійскою академіею. 1813. Часть VI, стр. 218—256).

1814.

Обозрѣніе минеральнаго кабинета императорской академіи наукъ.

(Представлено въ академію 26 января 1814 года.

Протоколъ конференціи 26 января 1814 года, № 3, ст. 35.

Технологическій журналъ. 1814. Томъ XI. Часть 1, стр. 3 — 115).

Руководство къ удобнѣйшему разумѣнію химическихъ книгъ иностранныхъ, заключающее въ себѣ химическіе словари: латинско-россійскій, французско-россійскій и нѣмецко-россійскій, по старинному и новѣйшему словозначенію.

(Представлено въ рукописи въ академію 25 мая 1814 г.

Протоколъ конференціи 25 мая 1814 года, № 15, ст. 166.

Въ 1815 году сочиненіе это издано вольнымъ экономическимъ обществомъ).

Примѣчанія о вѣроятной древности и образованіи различныхъ хребтовъ горъ россійскихъ.

(Представлено и читано въ конференціи 22 іюня 1814 г.

Протоколъ конференціи 22 іюня 1814 года, № 19, ст. 199.

Умозрительныя изслѣдованія, 1815. Томъ IV, стр. 352 — 357).

1815.

О вліяніи климатовъ на образованіе ископаемыхъ тѣлъ.

(Представлено и читано въ конференціи 11 января 1815 года.

Протоколъ конференціи 11 января 1815 года, № 2, ст. 7.

Умозрительныя изслѣдованія. 1815. Томъ IV, стр. 358 — 364).

О финляндской венисѣ.

(Представлено и читано въ конференціи 28 іюня 1815 г.

Протоколъ конференціи 28 іюня 1815 года, № 22, ст. 172.

Технологическій журналъ. 1815. Томъ XII. Часть 3, стр. 19 — 26).

Начертаніе предполагаемому издаванію ученыхъ извѣстій при вѣдомостяхъ академическихъ.

(Читано въ конференціи 15 ноября 1815 года.

Хранится въ рукописи въ архивѣ конференціи академіи наукъ, картонъ № 27).

Новое систематическое описаніе минеральнаго кабинета императорскаго вольнаго экономическаго общества, составленное Васильемъ Севергинымъ и Карломъ Эттеромъ, 1815.

1816.

Способъ содѣлывать уксусъ, вино и другія жидкости безцвѣтными.

(Представлено въ академію 10 января 1816 года.

Протоколъ конференціи 10 января 1816 года, № 1, ст. 16.

Продолженіе технологическаго журнала. 1816. Томъ I. Часть 1, стр. 12 — 16).

О составленіи порошка для бѣлаго индійскаго огня.

(Представлено въ академію 10 января 1816 года.

Протоколъ конференціи 10 января 1816 года, № 1, ст. 16.

Продолженіе технологическаго журнала. 1816. Томъ I. Часть 1, стр. 20 — 22).

О употребленіи остатковъ выщелоченной соды.

(Представлено въ академію 10 января 1816 года.

Протоколъ конференціи 10 января 1816 года, № 1, ст. 16.

Продолженіе технологическаго журнала, 1816. Томъ I. Часть 1, стр. 22 — 23).

О горшечной печи, усовершенствованной Нидеманомъ.

(Представлено въ академію 10 января 1816 года.

Протоколъ конференціи 10 января 1816 года, № 1, ст. 16).

Средства къ усовершенствованію приготовленія черепицы и кирпичей.

(Представлено въ академію 10 января 1816 года.

Протоколъ конференціи 10 января 1816 года, № 1, ст. 16.

Продолженіе технологическаго журнала. 1817. Томъ I. Часть 1, стр. 64 — 66: Средства къ усовершенствованію приготовленія черепицы).

О бумагѣ для полированія всякой заржавленной стали и желѣза.

(Представлено въ академію 10 января 1816 года.

Протоколъ конференціи 10 января 1816 года, № 1, ст. 16.

Продолженіе технологическаго журнала. 1816. Томъ I. Часть 1. стр. 39 — 40).

Разсужденіе о наружныхъ отличительныхъ признакахъ ископаемыхъ тѣлъ.

(Представлено въ академію и читано въ конференціи 24 января 1816 года.

Протоколъ конференціи 24 января 1816 года, № 3, ст. 26.

Умозрительныя изслѣдованія. 1819. Томъ V, стр. 204 — 222).

Новая система минераловъ, основанная на наружныхъ отличительныхъ признакахъ.

(Представлено въ академію въ рукописи 24 января 1816 года.

Протоколъ конференціи 24 января 1816 года, № 3, ст. 31.

Въ 1816 году напечатано: Новая система минераловъ, основанная на наружныхъ отличительныхъ признакахъ, сочиненія академика Василія Севергина. Въ С.-Петербургѣ, при императорской академіи наукъ).

О окаменѣлости, найденной въ Твери.

(Представлено и читано въ конференціи 8 мая 1816 г.

Въ протоколѣ конференціи 8 мая 1816 года, № 15, ст. 139, сказано, что Севергинъ представилъ и читалъ son rapport sur le prétendu pain petrifié trouvé à Tver.

Въ архивѣ конференціи сохранилось собственноручное донесеніе Севергина: «О окаменѣлости, по высочайшему его императорскаго величества повелѣнію доставленной въ академію при предложеніи его сіятельства господина министра народнаго просвѣщенія, апрѣля 30 дня сего 1816 года»).

Умозрѣніе о гранитахъ финляндскихъ.

(Представлено въ академію 8 мая 1816 года.

Протоколъ конференціи 8 мая 1816 года, № 15, ст. 140.

Продолженіе технологическаго журнала. 1816. Томъ I. Часть 2, стр. 29 — 35).

Способъ распознавать настоящіе драгоцѣнные камни отъ подложныхъ и поддѣльныхъ.

(Представлено въ академію 5 іюня 1816 года.

Протоколъ конференціи 5 іюня 1816 года, № 18, ст. 167.

Продолженіе технологическаго журнала, 1816. Томъ I. Часть 2, стр. 63 — 174).

Общія понятія о искусствѣ граненія, шлифованія и полированія камней.

(Представлено въ академію 5 іюня 1816 года.

Протоколъ конференціи 5 іюня 1816 года, № 18, ст. 167.

Продолженіе технологическаго журнала. 1816. Томъ I. Часть 3, стр. 1 — 7: Общія понятія о искусствѣ шлифованія и полированія камней. Traité des pierres précieuses par M. Brarou, 1808).

О трехъ обломкахъ скалъ на островѣ Youssari.

(Представлено и читано въ конференціи 12 іюня 1816 г.

Въ протоколѣ конференціи 12 іюня 1816 года, № 19, ст. 175, сказано, что Севергинъ представилъ и читалъ son rapport sur les trois fragmens des roches de l'île Youssari).

Примѣчанія о разныхъ предметахъ, касающихся до каменныхъ строеній.

(Представлено и читано въ конференціи 28 августа 1816 года.

Протоколъ конференціи 28 августа 1816 года, № 25, ст. 236.

Продолженіе технологическаго журнала. Октябрь-январь, 1816 — 1817. Томъ I. Часть 4, стр. 5 — 9).

О сукновальной землѣ.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1816. Томъ I. Часть 2, стр. 1 — 8).

О приготовленіи красокъ для рисованія по бархату и манчестеру.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1816. Томъ I. Часть 2, стр. 9 — 14).

О литографіи или тисненіи на камнѣ.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1816. Томъ I. Часть 1, стр. 34 — 38).

О двухъ новыхъ металлическихъ составахъ.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1816. Томъ I. Часть 1, стр. 49 — 50).

Способъ расписывать холщовыя и бумажныя ткани водяными красками, также набивать на оныхъ золотомъ и серебромъ.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1816. Томъ I. Часть 1, стр. 51 — 52).

О зеленой краскѣ изъ хромовой окиси.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1816. Томъ I. Часть 1, стр. 75 — 76).

Новый способъ содѣлывать бумагу весьма прозрачною, въ пользу рисованія и для вырѣзыванія на мѣди.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1816. Томъ I. Часть 2, стр. 15).

О житномъ маслѣ, яко причинѣ противнаго запаха и вкуса въ хлѣбномъ винѣ.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1816. Томъ I. Часть 3, стр. 23 — 27).

О золотоцвѣтной проволокѣ.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1816. Томъ I. Часть 3, стр. 28).

О исправленномъ способѣ выпечатыванія выбойки — Hermstädts Museum des neuesten und wissenwürdigsten, B. 7, h. 3.

(Продолженіе технологическаго журнала. Томъ I. Часть 3, стр. 45 — 48).

1816 — 1817.

Способъ распознавать въ драгоцѣнномъ камнѣ внутреннія погрѣшности, кои открываются только при полированіи.

(Продолженіе технологическаго журнала. Октябрь-январь, 1816 — 1817. Томъ I. Часть 4, стр. 36).

Клейстеръ въ пользу ткачей, переплетчиковъ и проч.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1816 — 1817. Томъ I. Часть 4, стр. 37).

О мастикѣ, неподлежащей поврежденію; изобрѣтеніе г. Тенара — Extrait du Traité de chimie élémentaire etc. par m. Thenard.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1816 — 1817. Томъ I. Часть 4, стр. 38 — 39).

О новомъ способѣ обдѣлыванія половъ мозаическою работою.

(Продолженіе технологическаго журнала, 1816 — 1817. Томъ I. Часть 4, стр. 52 — 56).

1817.

Sur la pierre chinoise nommée You.

(Представлено въ академію 22 января 1817 года.

Протоколъ конференціи 22 января 1817 года, № 3, ст. 25.

Mémoires. V série. T. VII, стр. 297 — 300).

О хрисоколлѣ Плинія.

(Представлено для умозрительныхъ изслѣдованій и читано въ конференціи 2 іюня 1817 года.

Протоколъ конференціи 2 іюня 1817 года, № 21, ст. 174.

Умозрительныя изслѣдованія, 1819. Томъ V, стр. 277 — 285).

Sur une cochlide du gouvernement de Tver.

(Представлено и читано въ конференціи 17 декабря 1817 года.

Протоколъ конференціи 17 декабря 1817 года, № 39, ст. 369.

Mémoires. V série. Томъ VII, стр. 359 — 361).

О мраморѣ въ отношеніи къ обработыванію онаго.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1817. Томъ II. Часть 1, стр. 1 — 9).

О платинированіи мѣди.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1817. Томъ II. Часть 1, стр. 10 — 11).

О живописи на воску.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1817. Томъ II. Часть 1, стр. 40 — 46).

О стекловатыхъ, громовыми называемыхъ, трубкахъ, находимыхъ въ песчаныхъ холмахъ.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1817. Томъ II. Часть 2, стр. 1 — 5).

О новой составляющей части, открытой въ воздушныхъ камняхъ.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1817. Томъ II. Часть 2, стр. 6 — 8).

О японской мѣди.

(Продолженіе технологическаго журнала, 1817. Томъ II. Часть 2, стр. 36 — 41).

Способъ приготовлять лучшее солекислое олово для крашенія въ червленную краску.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1817. Т. II. Часть 2, стр. 42—52).

О выгодномъ добываніи древесной кислоты въ большомъ количествѣ.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1817. Т. II. Часть 3, стр. 1—7).

Способъ наводить позолоту на бумагѣ и пергаминѣ, по предписанію г. Чіатти.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1817. Т. II. Часть 3, стр. 27—31).

Показаніе, въ которыя времена года и дня и при какомъ состояніи атмосферы воздушные такъ называемые камни (аэролиты) наиболѣе примѣчены были.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1817. Т. II. Часть 3, стр. 33—38).

1818.

Нѣкоторыя объясненія въ разсужденіи ѳеоріи обжиганія извести.

(Представлено въ академію 4 февраля 1818 года.

Протоколъ конференціи 4 февраля 1818 года, № 6, ст. 63.

Продолженіе технологическаго журнала. 1818. Т. III. Часть 2, стр. 1—10.

Техническое распредѣленіе драгоцѣнныхъ камней съ показаніемъ ихъ отличительныхъ признаковъ.

(Представлено въ академію 1 апрѣля 1818 года.

Протоколъ конференціи 1 апрѣля 1818 года, № 13, ст. 139.

Продолженіе технологическаго журнала. 1818. Т. III. Часть 2, стр. 26—46).

О смарагдахъ и бериллахъ Плинія. Часть первая. О смарагдахъ.

(Представлено и читано 10 іюня 1818 года.

Протоколъ конференціи 10 іюня 1818 года, № 20, ст. 198.

Труды академіи наукъ. 1823 года. Часть II, стр. 123—131).

О чернилахъ.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1818 года. Томъ III. Часть 3, стр. 3—17).

1818—1819.

Краткое изложеніе послѣднихъ перемѣнъ, учиненныхъ знаменитымъ Вернеромъ въ орпктогностической его системѣ.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1818—1819. Томъ III. Часть 4, стр. 1—18).

1819.

Кайя Плинія Секунда Естественная исторія ископаемыхъ тѣлъ, преложенная на россійскій языкъ въ азбучномъ порядкѣ и примѣчаніями дополненная академикомъ В. Севергинымъ.

(Представлена въ академію только что оконченная имъ рукопись 10 февраля 1819 года.

Протоколъ конференціи 10 февраля 1819 года, № 4, ст. 58.

Въ 1819 году напечатана: Кайя Плинія Секунда Естественная исторія ископаемыхъ тѣлъ, преложенная на россійскій языкъ, въ азбучномъ порядкѣ, и примѣчаніями дополненная трудами В. Севергина).

Описаніе андреянопольскихъ (андреяновскихъ) минеральныхъ водъ въ осташковскомъ уѣздѣ тверской губерніи.

(Представлено и читано въ конференціи 2-го іюня 1819 года.

Протоколъ конференціи 2 іюня 1819 года, № 16, ст. 159.

Труды академіи наукъ. 1821 года. Часть 1, стр. 209—218).

Примѣчанія о минеральныхъ произведеніяхъ, полученныхъ чрезъ корреспондента академіи, г. флота капитана 1-го ранга П. И. Рикорда, изъ Камчатки.

(Представлено и читано въ конференцію 8 декабря 1819 года.

Протоколъ конференціи 8 декабря 1819 года, № 37, ст. 389.

Труды академіи наукъ. 1823 года. Часть II, стр. 155—158).

Опыты надъ составами металлическими, получаемыми посредствомъ гальванизма.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1819. Т. IV. Часть 1, стр. 58—60).

О очищеніи ртути.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1819. Т. IV. Часть 1, стр. 61—63).

О минеральномъ хамелеонѣ.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1819. Т. IV. Часть 1, стр. 64—67).

Послѣдствія нѣкоторыхъ опытовъ надъ яблочною кислотою.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1819. Т. IV. Часть 1, стр. 68—69).

Способъ испытывать составы изъ олова и сурьмы посредствомъ гидро-хлориновой кислоты.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1819. Т. IV. Часть 1, стр. 71—72).

О серебряной накладкѣ на мѣдь и сталь, употребительной въ Англіи.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1819. Т. IV. Часть 1, стр. 73—76).

Способъ отдѣлять магнезію отъ извести.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1819. T. IV. Часть 2, стр. 1—3).

О вяжущихъ растеніяхъ, пригодныхъ на дубленіе кожъ.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1819. T. IV. Часть 2, стр. 4—6).

О наведеніи металлической глазури на глиняныя издѣлія.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1819. T. IV. Часть 2, стр. 57—61).

Объ углѣ, яко предохраняющемъ средствѣ отъ ржавчины и сырости.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1819. T. IV. Часть 3, стр. 1—3).

1820.

О окаменѣлостяхъ и кругляках тверской и нѣкоторыхъ смежныхъ губерній.

(Представлено и читано въ конференціи 7-го іюня 1820 года.

Протоколъ конференціи 7 іюня 1820 года, № 17, ст. 186.

Труды академіи наукъ. 1821 года. Часть 1, стр. 219—223).

Опыты и наблюденія, учиненныя надъ минеральными водами въ селѣ Высокомъ, кашинскаго уѣзда тверской губерніи.

(Представлено и читано въ конференціи 29 ноября 1820 года.

Протоколъ конференціи 29 ноября 1820 года, № 36, стр. 396.

Труды академіи наукъ. 1821 года. Часть 1, стр. 224—228).

Нѣкоторыя примѣчанія о физическихъ свойствахъ земель въ отношеніи къ земледѣлію.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1820. Т. V. Часть 1, стр. 1—14).

О очищеніи и плавленіи селитры.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1820. Т. V. Часть 1, стр. 15—17).

Руководство къ химическому разложенію огнестрѣльнаго пороха и селитры.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1820. Т. V. Часть 1, стр. 18—21).

О торфѣ и торфяномъ углѣ.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1820. Т. V. Часть 1, стр. 22—31).

О красной и зеленой марганцевой рудѣ.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1820. Т. V. Часть 2, стр. 35—38).

1821.

Начертаніе технологіи минеральнаго царства.

(Представлено въ академію въ рукописи 7-го марта 1821 года.

Протоколъ конференціи 7-го марта 1821 года, № 8, ст. 76.

Начертаніе технологіи минеральнаго царства:

Томъ первый—1821.

Томъ вторый, заключающій въ себѣ технологію металловъ).

Sur les substances minérales qui accompagnent l'aigue marine de Sibérie.

(Представлено и читано въ конференціи 13-го іюня 1821 года.

Протоколъ конференціи 13 іюня 1821 года, № 18, ст. 191.

Рукопись отдана въ печать, но взята авторомъ изъ типографіи: въ протоколѣ конференціи 19 февраля 1823 года, № 7, ст. 67, замѣчено, что Севергинъ взялъ изъ типографіи Sur les substances minérales qui accompagnent l'aigue marine, желая сдѣлать перемѣны и дополненія).

Краткая опись минеральному кабинету императорской академіи наукъ по новому его (онаго) расположенію въ 1820 году.

(Представлено въ академію въ рукописи 31 октября 1821 года.

Протоколъ конференціи 31 октября 1821 года, № 29, ст. 351.

Въ 1821 году рукопись напечатана подъ тѣмъ же заглавіемъ).

О испытаніи металловъ.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1821. Т. VI. Часть 1, стр. 1—19).

Когда дана минеральная соль на испытаніе, то какъ опредѣлить оной естество?

(Продолженіе технологическаго журнала. 1821. Т. VI. Часть 2, стр. 1—14).

1822.

О образовательной силѣ въ минеральныхъ тѣлахъ.

(Представлено и читано въ конференціи 30 января 1822 года.

Протоколъ конференціи 30 января 1822 года, № 4, ст. 38).

Разсужденіе о минералахъ въ общежитіи неупотребительныхъ.

(Представлено и читано въ конференціи 28 августа 1822 года.

Протоколъ конференціи 28 августа 1822 года, № 25, ст. 254).

О предметахъ ученій технологіи.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1822. Т. VII. Часть 1, стр. 1—11).

1823.

О минеральномъ веществѣ, называемомъ *разумовскитъ*.

(Представлено и читано въ конференціи 5 февраля 1823 года.

Протоколъ конференціи 5 февраля 1823 года, № 5, ст. 41.

Въ архивѣ конференціи, связка № 119, лит. *д*, сохранилась рукопись: «О минеральномъ существѣ названномъ Разумовскитъ. Соч. академика В. Севергина»).

О пеліомѣ.

(Представлено и читано въ конференціи 3 сентября 1823 года.

Протоколъ конференціи 3 сентября 1823 года, № 26, ст. 286.

Въ архивѣ конференціи, связка 119, лит. *д*, находится рукопись Севергина: «О пеліомѣ»).

Минералогія въ отношеніи къ земледѣлію или о существахъ минеральныхъ, служащихъ къ удобренію почвенныхъ земель.

(Продолженіе технологическаго журнала. 1823. Томъ VIII. Часть 1, стр. 1—38).

1824.

Разсужденіе о дѣйствіи гасовъ на внутренности горъ.

(Представлено и читано въ конференціи 10-го марта 1824 года.

Протоколъ конференціи 10 марта 1824 года, № 9, ст. 84).

Краткое показаніе новѣйшихъ наблюденій, учиненныхъ по минералогіи.

(Представлено и читано въ конференціи 13 октября 1824 года.

Протоколъ конференціи 13 октября 1824 года, № 31, ст. 338.

Продолженіе технологическаго журнала. 1826. Томъ X. Часть 1, стр. 1—8).

1825.

О цвѣтахъ минераловъ.

(Представлено и читано въ конференціи 8 іюня 1825 г.

Протоколъ конференціи 8 іюня 1825 г., № 17, ст. 163.

Въ архивѣ конференціи, связка № 119, лит. *д*, находится рукопись: «О цвѣтахъ минераловъ. Сочин. академика В. Севергина»).

О самородной магнезіи американской.

(Технологическій журналъ. 1825. Томъ XI. Часть 1, стр. 124—126).

О новѣйшихъ наблюденіяхъ, учиненныхъ по минералогіи— Archives des découvertes et des inventions nouvelles pendant l'année 1824.

(Представлено и читано въ конференціи 14 декабря 1825 года.

Протоколъ конференціи 14 декабря 1825 года, № 37, ст. 375.

Продолженіе технологическаго журнала. 1826. Томъ XI. Часть 2, стр. 1—13).

13) Минералогическія, географическія и другія смѣшанныя извѣстія о алтайскихъ горахъ, принадлежащихъ къ россійскому владѣнію, изданныя И. М. Ренованцомъ. Съ нѣмецкаго языка на россійскій съ приложеніемъ нѣкоторыхъ примѣчаній перевелъ Василій Севергинъ. 1792. Посвященіе княгини Дашковой.

14) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 23. Представленіе Севергина, читанное въ ученомъ собраніи 28 сентября 1808 года.

15) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 21. Представленіе Севергина, читанное въ ученомъ собраніи 19 іюня 1805 года.

16) Ср. Nova acta. Томъ VII, стр. 315 и др... des pierres de roche composées, qui quant à leurs parties constituantes étaient presque les mêmes, avaient des noms differents. Wallerius les considera plus attentivement. Les allemands ne firent depuis que de les rediger sous des systèmes. Les mineralogistes français et italiens ne s'occupent, depuis un tems, que de l'étude des volcans. Ce ne sont que ceux de la Suisse, et puis les russes et les anglais qui s'en firent une étude plus particulière.... Parmi les modernes l'amour pour la théorie a remporté sur celle de définir les corps naturels plus exactement. On visite quelque carrière, on contemple l'entier, et d'un oeil avide on ne cherche que ce qui soit nouveau ou singulier. Souvent n'est ce que ce bel arrangement des choses entre elles, qui fait ce qui

porte le beau titre de coup d'oeil frappant, où l'on arrête ses regards, cependant l'imagination s'echauffe, on revient dans son cabinet, on fait une théorie. Un autre après vient la contempler aussi, trouve le fait autrement, il desapprouve la théorie; on dispute; mais qu'en profite la science? Rien ou peu de chose. Ce n'est que l'exactitude des observations et des définitions des corps naturels qui sont de son ressort, qui la portera à ce haut degré de perfection qu'elle pourra jamais atteindre. Il y a autant de siècles que la minéralogie existe et cependant faute d'exactitude n'est-ce que de nos jours qu'elle commence à fleurir....

17) Ср. Nova acta. Томъ X, стр. 210 и слѣд.: Les descriptions des plantes et des animaux étrangers ont eu toujours les plus grands succès et pour les progrès de la science et pour le bien public. Un essai sur l'oryctographie de Russie les doit avoir aussi. Les richesses du règne animal s'accroissent depuis quelque tems considerablement en Russie; on parviendra à connaître leur nature, leur lieu natal, leurs variétés et toutes les particularités, dant elles se distinguent des productions étrangères. J'avoue que nos illustres savans comme mr. Pallas, Renowanz, Herrman etc. n'ont guère laissé de vue cet objet important dans les voyages intéressants qu'ils ont fait, mais leur but ayant été trop vaste, comme l'est toujours le but d'un voyageur philosophe, ils n'ont pu s'occuper de toutes les moindres particularités, que l'on découvre dans le règne minéral par des observations plus proches. En outre on y voit toujours faire de nouvelles découvertes, qui ont pu échaper à leur curiosité. Je ne passerai que brèvement les objets qui sont décris dans les ouvrages des auteurs cités, je n'assisterai que sur ceux dont les descriptions sont insuffisantes ou qui nous manquent entièrement....

Свойства и признаки тѣлъ описываются Севергинымъ обыкновенно въ такомъ порядкѣ:

1) couleur.

2) apparence extérieure.

3) apparence intérieure.
4) transparence.
5) trait.
6) dureté.
7) attouchement.
8) pesanteur.
9) odeur.
10) gout.
11) qualité....

18) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Связка № 119, лит. *д.* Въ архивѣ конференціи находятся въ рукописи слѣдующіе три мемуара Севергина, изъ которыхъ первый представленъ и читанъ въ конференціи 5 февраля 1823 года, второй—3 сентября 1823 года, и третій—8 іюня 1825 года:

О минеральномъ существѣ названномъ *Разумовскитъ*, соч. академика В. Севергина.

Между минералами новѣйшаго открытія, купленными въ дополненіе минеральнаго кабинета академіи наукъ отъ г. аптекаря Кемерера въ прошломъ 1822 году, находилась одна порода подъ именемъ *Разумовскита.* — Дабы подать о сей минеральной породѣ точнѣйшее понятіе, сообщаю я здѣсь описаніе наружныхъ ея признаковъ, по тому образцу, который хранится нынѣ въ минеральномъ кабинетѣ академіи наукъ, съ присовокупленіемъ моихъ примѣчаній.

Описаніе.

Цвѣтъ. Изъ-зелена бѣлый; зелень яблочная.

Наружный видъ. Сплошной, въ массахъ плоскихъ нарочитой величины.

Сложеніе. Приближающееся къ слоистому

Изломъ. Неровный съ грубою и мелкою сыпью.

Отломки. Частію пластинные, частію неправильные съ нарочито тупыми краями.

Осязаніе. Нѣсколько жирное.

Прозрачность. Только въ весьма тонкихъ краяхъ показываетъ слабый просвѣтъ.

Блескъ. Лоску не имѣетъ никакого.

Черта. Тусклая.

Твердость. Малая; удобно скоблится ножемъ.

Тяжесть. Нарочито легокъ.

Особенности.

1) При разламываніи оказалъ особенный эѳирнометаллической запахъ, который однакоже продолжался не болѣе нѣсколькихъ секундъ.

2) Полежавъ въ холодной водѣ одну недѣлю, пріобрѣталъ большій противъ прежняго просвѣтъ, и мѣстами даже слабую полупрозрачность, почти подобную какъ у хрисопраза.

Примѣчанія.

1) Названіе *Разумовскита* придано сей породѣ отъ искуснаго химика, г. доктора Іона (John) въ честь знаменитаго геолога графа Григорія Кириловича *Разумовскаго*, пріобрѣтшаго справедливую въ ученомъ свѣтѣ славу превосходными своими твореніями по разнымъ частямъ естественной исторіи.

2) Находится близь Коземица въ Шлезіи, въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и хрисопразъ, и вмѣстѣ съ нимъ.

3) Онъ различается отъ карстенова пимелита, который принадлежитъ болѣе къ жировику, хотя красящее ихъ существо есть одно и тоже.

4) Сіе красящее вещество въ разумовскитѣ, по всей вѣроятности, есть никкелева окись, что подтверждаетъ и особенный металлическій запахъ, замѣченный выше.

5) Разумовскитъ наиближайше подходитъ къ хрисопразу, коего и полупрозрачность пріобрѣтаетъ полежавъ нѣсколько вре-

мени въ водѣ, и различается отъ него только меньшею своею твердостію.

6) По сему и въ системѣ можно бы было хрисопразъ подраздѣлить:

a) на *твердый*, то есть хрисопразъ настоящій;

b) *землистый*, который есть описанный здѣсь *Разумовскитъ*.

О Пеліомѣ.

Каменная порода, получившая названіе *Пеліома*, заслуживаетъ дальнѣйшее разсмотрѣніе по причинѣ многихъ подводимыхъ къ сему наименованію, яко бы синонимовъ.

Сіи синонимы суть: дихроитъ, іолитъ, такъ называемый водяной или рысей сапфиръ, кордьеритъ, далѣе призменноромбоидальный кварцъ, лазуревый кварцъ, сидеритъ, также штейнгейлитъ и испанскій лазулитъ. Сколько названій для одного и того же тѣла, ежели сіи синонимы означаютъ существа, ему сродныя!

Дабы судить вѣрнѣе о приличіи того или другаго изъ помянутыхъ названій, надлежитъ сперва опредѣлить самое вещество.

Главные наружные его признаки, по хранящемуся онаго образцу въ минеральномъ кабинетѣ академіи наукъ[1]), суть слѣдующіе.

Цвѣтъ. Темносиній, индиговый; другіе прибавляютъ[2]): фіолетовый, синевато-сѣрый и черноватый. Синевато-сѣрый цвѣтъ нашелъ я только въ изломѣ.

Наружный видъ. Въ моемъ образцѣ кристаллъ шестисторонній въ одинъ дюймъ длины, и полдюйма толщины, вросшій весьма плот-

---

[1]) Между прочими минералами новѣйшаго открытія, купленными отъ иностранца Гебгарта въ семъ 1823 году, по предложенію его превосходительства господина президента академіи для усовершенствованія ея кабинета.

[2]) Таковыя то прибавленія признаковъ, заимствуемыя, по нѣкоторому отдаленному сходству, отъ породъ существенно въ прочемъ различныхъ, суть кажется причиною большей части запутанности, въ системахъ примѣчаемой.

но въ горную породу, которая описана будетъ ниже сего. Другіе прибавляютъ также въ зернахъ и круглякахъ, кристаллы снаружи нарочито тусклы и шероховаты, въ прочемъ блескъ стекловидный.

Внутренній видъ. Изломъ въ моемъ образцѣ неровный, частію занозистый, занозины мелкія бѣло-сѣроватыя, съ слабымъ просвѣтомъ.

Твердость. Слабо чертитъ по кварцу.

Черта. Сѣроватосиняя, трудно производящаяся.

Осязаніе. Шероховатое.

Тяжесть. Средняя. 2, 58 — 2, 7.

Заключается въ сложной горной породѣ, состоящей изъ бѣловатаго и сѣроватаго кварца, черной слюды, съ мѣднымъ колчеданомъ.

Полученъ изъ Боденмайса въ Баваріи.

Собственный пеліомъ, то есть изъ сего послѣдняго мѣста, содержитъ, по изслѣдованію Брандеса, во стѣ частяхъ, 21,00 глины, 54,75 кремнистой земли, 0,75 буровой кислоты, 1,50 тальковой земли, 19,05 желѣзной окиси, и 1,10 воды.

По Вернеровой системѣ помѣщенъ въ родѣ кремнистомъ, въ семействѣ берилла между іолитомъ и евклазомъ.

Разсмотримъ теперь синонимы.

1) *Дихроитъ.* Существо изслѣдованное знаменитымъ Кордье. Названіе сіе придано имъ было той каменной породѣ, которая давно уже извѣстна была подъ именемъ водянаго сапфира, Saphir d'eau, Luxsaphir. Названіе *дихроита* знаменуетъ, съ греческаго, *двуцвѣтный,* и придано потому, что порода сія показываетъ двоякой цвѣтъ, то есть синій, либо буроватожелтый, смотря по направленію, въ коемъ разсматриваютъ кристаллическое сіе тѣло.

2) *Іолитъ.* Каменная порода названная такъ отъ знаменитаго Вернера. Наружныя ея признаки совершенно тѣже, что у баварскаго пеліома, токмо кристаллы мелкіе. Но разности въ одной величинѣ кристалловъ, кажется, не оправдывается раздѣленіе ви-

довъ, ибо иначе иголчатые аквамарины долженствовали бы также составлять особый видъ отъ толстостолбчатыхъ и пр.

3) *Кордьеритъ*, есть названіе приданное г. Леонгардомъ въ честь г. *Кордье*, въ добавку къ баварскому пеліому.

4) Но призменноромбоидальный кварцъ, лазуревый кварцъ, или сидеритъ, также штейнгейлитъ, и испанскій лазулитъ принадлежатъ очевидно къ породѣ кварца.

5) Наконецъ есть еще и байкальская синяя каменная порода, находимая вмѣстѣ съ полевымъ шпатомъ и слюдою, которую нѣкоторые относятъ также къ пеліому.

Изъ вышеписаннаго явствуетъ кажется, что собственно къ пеліому принадлежатъ, или составляютъ одну и ту же породу: дихроитъ, іолитъ и кордьеритъ. Другія должны быть совершенно отдѣлены и отнесены къ породѣ кварца, подобно раухтопазу, аметисту, розовому кварцу и пр. Что же касается до байкальской синей каменной породы, то и цвѣтъ ея, и блескъ, и изломъ, и тяжесть совершенно отличаетъ ее отъ всѣхъ прежденазванныхъ породъ, и кажется болѣе приближаетъ къ бериллу по образцамъ, кои я имѣлъ случай видѣть. По крупнозанозистому его излому можно бы было назвать ее занозистымъ берилломъ.

Но чтобы возвратиться паки къ пеліому, то для отвращенія всякой запутанности, оставя сіе названіе одно, такъ какъ оно и прилично, ибо съ греческаго знаменуетъ *темноцвѣтный*, подраздѣлить бы можно было оный, за исключеніемъ всѣхъ прочихъ названій, слѣдующимъ образомъ:

Пеліомъ.

a) *Настоящій*, то есть баварскій или кордьеритъ.

b) *Сапфировидный*, куда принадлежитъ дихроитъ, saphir d'eau, luxsaphir.

c) *Вернера*, куда принадлежитъ іолитъ.

О цвѣтахъ минераловъ. Сочин. академика В. Севергина.

Разныя есть мнѣнія о цвѣтахъ минераловъ. Нѣкоторые полагаютъ въ нихъ особую цѣну и достоинство, и даже постановляютъ ихъ за особенное отличительное качество минераловъ; другіе напротивъ того почитаютъ ихъ признаками тлѣнными, вообще непостоянными, безъ коихъ, при прочихъ существенныхъ признакахъ, аки бы обойтиться можно было. Первые основываютъ мнѣніе свое на особой привлекательности нѣкоторыхъ цвѣтовъ; на условіи, по коему одинъ цвѣтъ предпочитается другому въ данномъ какомъ либо минералѣ; наконецъ, что есть дѣйствительно такіе минералы, кои, при прочихъ своихъ признакахъ, необходимо требуютъ также опредѣленіе цвѣта, ежели понятіе о нихъ должно быть точно и вѣрно. Такимъ образомъ малахитъ краснаго цвѣта не будетъ уже малахитъ; серебро чистаго золотаго цвѣта не будетъ уже называться серебромъ, бирюза чернаго цвѣта бирюзою, уголь бѣлаго цвѣта углемъ, и проч. Прибавимъ, что нѣкоторые минералы получили по цвѣту своему даже и названіе свое, напримѣръ: лазурикъ, аквамаринъ, оливинъ, хлоритъ, кіанитъ, празеръ, и проч.

Съ другой стороны не менѣе справедливы также и тѣ, кои почитаютъ цвѣты минераловъ признаками тлѣнними, непостоянными и даже ничтожными. Мнѣніе сихъ послѣднихъ основывается на томъ:

1) что цвѣты весьма многихъ минераловъ на воздухѣ, отъ влажности, свѣта, огня и кислотъ, болѣе или менѣе измѣняются;

2) что одинъ и тотъ же минералъ часто бываетъ весьма разныхъ цвѣтовъ; напротивъ того другіе, въ прочемъ весьма различнаго качества, имѣютъ одинъ и тотъ же цвѣтъ;

3) что есть дѣйствительно случаи, въ коихъ особливо при опредѣленіи кристаллическаго вида [1]), сложенія, твердости, тяжести, и проч., цвѣтъ остается признакомъ, аки бы постороннимъ.

---

[1]) Между тѣмъ признаемся, что и самый кристаллическій видъ, на который нѣкоторые столь много полагаются, не есть единственный опредѣлительный признакъ, ибо напримѣръ, плавикъ, поваренная соль, свинцовый блескъ, колчеданъ, всѣ имѣютъ кубическій видъ, а естество ихъ совсѣмъ одно отъ другаго различное.

Не смотря на то знаніе цвѣтовъ минераловъ есть единая изъ существенныхъ частей ученія минералогіи, во первыхъ потому что цвѣтъ есть первый признакъ, который представляется взору наблюдателя. Во вторыхъ пусть опредѣлятъ всѣ прочіе признаки минерала, пусть изслѣдованъ будетъ физически и химически; но когда не скажутъ ничего о цвѣтѣ, то особливо начинающій будетъ часто въ недоумѣніи, какое онъ тѣло имѣетъ предъ собою[1]). Въ третьихъ цвѣты имѣютъ разные свои оттѣнки, разныя смѣшенія, разныя расположенія, даже разныя причины своего происхожденія, такъ что безъ знанія ихъ, самое знаніе минералогіи было бы не полное.

А посему за полезное нахожу я войти здѣсь въ нѣкоторыя подробности по сему предмету.

Главные цвѣты въ отношеніи къ минеральному царству суть:

1) *Бѣлый*. . . 8 разностей,
2) *Сѣрый*. . . 8 »
3) *Черный*. . . 5 »
4) *Синій* . . . . 7 »
5) *Зеленый*. . 12 »
6) *Желтый*. 12 »
7) *Красный*. 14 » [2]).

Изъ сихъ цвѣтовъ тѣ, кои совокуплены съ большимъ блескомъ, твердостію и прозрачностію, принадлежатъ большою частію къ драгоцѣннымъ камнямъ; тѣ, кои совокуплены съ блескомъ, большою тяжестію и большею или меншею тягучестію принадлежатъ (пропускъ въ подлинникѣ).

Сверхъ сего естественные цвѣты бываютъ либо поверхностные, либо внутрь массы проходящіе; сплошные, либо разсѣянные; единородные, либо смѣшанные; собственные, либо отъ постороннихъ причинъ зависящіе; постоянные, либо случайные;

[1]) Послѣдній вопросъ у всякаго будетъ, какого же описанный минералъ цвѣта?

[2]) Опредѣленія сихъ цвѣтовъ, и примѣры къ онымъ, находится во всѣхъ почти ориктогнозіяхъ, изложенныхъ по превосходной Вернеровой системѣ.

изъ числа сихъ послѣднихъ суть сизые, радужные, вообще имѣющіе особые отливы.

Наконецъ цвѣты различаются также по своему расположенію, какъ то:

a) въ видѣ пнея,

b) въ видѣ облачковъ,

c) въ видѣ пятенъ,

d) въ видѣ точекъ и крапинъ,

e) въ видѣ полосъ,

f) въ видѣ жилокъ,

g) кружковъ,

h) въ видѣ звѣздочекъ,

i) въ видѣ развалинъ городовъ, селъ и проч.; также въ видѣ бреччій, обрушеній и проч.

k) въ видѣ древесъ, мховъ и пр.

l) Даже въ нѣкоторомъ отдаленномъ подобіи лицъ человѣческихъ, разныхъ частей животныхъ, и даже цѣлыхъ насѣкомыхъ, особливо бабочекъ. Примѣры сему подаютъ яшмы, мраморы и въ особенности агаты.

Всѣ почти цвѣты въ земляхъ, камняхъ и соляхъ, за исключеніемъ весьма немногихъ, зависятъ отъ примѣси металлическихъ окисей[1]).

Главныя изъ таковыхъ металлическихъ окисей суть: желѣзная, марганцовая, хромовая, никелевая, титановая, весьма рѣдко мѣдная, кобольтовая, ртутная, сурьмяная, серебряная.

Изъ сихъ желѣзная окись будучи наиболѣе распространена въ природѣ, сверхъ того имѣя способность соединяться въ разныхъ количествахъ съ кислотворомъ, и принимать отъ того сама по себѣ различные цвѣты, есть причиною наибольшей части цвѣтовъ въ вышепомянутыхъ минералахъ.

Отъ нея происходятъ: 1) разные оттѣнки *желтаго* цвѣта въ яшмахъ, мраморахъ и проч.; 2) *краснаго* цвѣта въ тѣхъ же по-

---

[1]) Уголь или угольное вещество есть также изобильное красящее вещество во многихъ глинахъ, известныхъ камняхъ и нѣкоторыхъ другихъ.

родахъ, соляхъ и проч.; 3) *синяго* цвѣта, въ лазурикѣ и пр.; 4) *фіолетовый* въ аметистѣ; 5) *зеленый* въ аквамаринѣ; 6) многіе *сѣрые* и *бурые* оттѣнки, коимъ примѣры многочисленны въ породахъ известнаго рода.

Марганцовая окись производитъ наиболѣе бурые, переходящіе въ буро-желтые и сизые въ буромъ шпатѣ и пр. Она наиболѣе есть причиною дендритовъ въ мраморахъ, яшмахъ, агатахъ.

Хромовая окись даетъ красный цвѣтъ въ рубинѣ, зеленый въ изумрудѣ.

Никкелева окись окрашиваетъ хрисопразъ.

Титановая окись окрашиваетъ анатазъ, изеринъ, нигринъ, октаедритъ, гутилъ, сфенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сиберитъ и дауритъ.

Прочія окиси окрашиваютъ болѣе случайно.

Между тѣмъ не всѣ цвѣты зависятъ отъ примѣси металлическихъ окисей; многіе суть такъ сказать самостоятельные, отъ причинъ физическихъ, отъ образа совокупленія малѣйшихъ частицъ и проч., зависящіе. Въ такомъ состояніи суть чистые металлы, горючія тѣла, также разныя совокупленія металловъ съ сѣрою, мышьякомъ и кислотами.

Странно при семъ, что наклонность къ зеленому цвѣту примѣчается въ особенности въ магнезіальномъ родѣ, въ талькѣ, жировикѣ, серпентинѣ и пр.

Болѣе или менѣе красные въ глинистомъ родѣ, глинѣ, яшмахъ и проч.

Многочисленнѣйшіе цвѣты имѣются въ плавикахъ и каменной соли.

Такимъ образомъ цвѣты влекутъ не только къ разсужденію о ихъ причинахъ, но и дѣйствительно, чтобы сказать мысль мою вкратцѣ, заслуживаютъ въ ученіи минералогіи величайшее вниманіе: 1) не только при опредѣленіи признаковъ минераловъ; 2) въ отношеніи къ разбору началъ ихъ, то есть, гдѣ оныя отъ физическихъ и гдѣ отъ химическихъ причинъ происходятъ; а въ семъ послѣднемъ случаѣ, какія суть окрашивающія ихъ суще-

ства, и какой отъ нихъ особой практической пользы ожидать можно.

Заключимъ, что ежели бы даже цвѣтъ самъ по себѣ и не привлекалъ особаго вниманія, но въ совокупности съ другими качествами минераловъ величайшую представляетъ прелесть.

Не любуемся ли мы цвѣтамъ въ рубинѣ, сапфирѣ, топазѣ, изумрудѣ, аметистѣ и пр. и пр. Мраморы, яшмы, и другіе твердые камни не избираются ли въ зодчествѣ, ваяніи и на разныя украшенія преимущественно по цвѣтамъ ихъ.

Слѣдовательно, не основательно есть мудрствованіе тѣхъ, кои въ цвѣтахъ всякое достоинство отрицаютъ.

Множество фабрикъ и искуствъ, обработывающихъ минералы, существуютъ наиболѣе для цвѣтовъ. Возмемъ въ примѣръ одни только огромныя заведенія для шлифованія цвейбрикскихъ и другихъ агатовъ въ Германіи.

Наконецъ гдѣ недостаетъ искомаго цвѣта въ природѣ, тамъ поддѣлываютъ его искуствомъ съ большими трудами, издержками и проч. Отъ того поддѣлка драгоцѣнныхъ камней, живопись по фарфору и фаянсу, даже рисунки, дѣлаемые на самыхъ камняхъ.

---

19) Первыя основанія минералогіи или естественной исторіи ископаемыхъ тѣлъ, сочиненья Василья Севергина. 1798. Книга I, стр. I—VI.

20) Подробный словарь минералогическій, изданный академикомъ Васильемъ Севергинымъ. 1807. Томъ I, стр. III—VI.

21) Опытъ минералогическаго землеописанія россійскаго государства, изданный трудами Василья Севергина. 1809. Часть I, стр. III—VI.

22) Пробирное искусство или руководство къ химическому испытанію металлическихъ рудъ и другихъ ископаемыхъ тѣлъ, сочиненія Василья Севергина. 1801, стр. V—VIII.

23) Словарь химическій, содержащій въ себѣ ѳеорію и практику химіи, съ приложеніемъ ея къ естественной исторіи и искуствамъ, сочиненія Шарль-Луи-Кадета, обработанный на россій-

скомъ языкѣ трудами Василья Севергина. 1810. Часть I, стр. V—XV.

24) Руководство къ удобнѣйшему разумѣнію химическихъ книгъ иностранныхъ, заключающее въ себѣ химическіе словари: латинско-россійскій, французско-россійскій и нѣмецко-россійскій, по старинному и новѣйшему словозначенію, составленные трудами академика Василья Севергина. 1815, стр. I—VI.

25) Севергинъ читалъ при академіи наукъ публичныя лекціи по минералогіи въ 1792 и 1796—1802 годахъ. Ср. дѣла архива академической канцеляріи, картонъ № 99. Донесеніе Севергина 5 октября 1800 года.—Nova acta. Histoire. Томъ XIII, стр. 44.—Томъ XIV, стр. 58.—Томъ XV, стр. 87.

26) Новыя ежемѣсячныя сочиненія. Часть LXXIII. Мѣсяцъ іюль, 1792 года. Рѣчь о пользѣ минералогіи, говоренная адъюнктомъ Васильемъ Севергинымъ въ началѣ открытаго прохожденія минералогіи при академіи наукъ, мая 1 дня 1792 года, стр. 8—23.

27) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 17. На предложеніи княгини Дашковой надпись: lû à la conférence académique le 6 mai 1793.

28) Способъ испытывать чистоту и неподложность химическихъ произведеній лѣкарственныхъ. Сочиненный Васильемъ Севергинымъ. 1800, стр. 6.

29) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 21. Въ конференцію представлена, 2 октября 1805 года, слѣдующая, сохранившаяся въ рукописи въ академическомъ архивѣ,

«Роспись лѣкарственнымъ припасамъ, получаемымъ или приготовляемымъ изъ произведеній минеральнаго царства, по препорученію ученаго академіи наукъ собранія сочиненная академикомъ В. Севергинымъ.

Вникая въ препорученіе академіи, чтобы составить, по части моей, роспись всѣхъ припасовъ для аптеки нужныхъ, съ показаніемъ какія изъ оныхъ находятся въ Россіи, и въ особенности о соляхъ, какія изъ нихъ идутъ въ лѣкарство и какія для

надобностей фабрикъ, приличнымъ нахожу дѣломъ представить здѣсь произведенія отечества нашего въ двоякомъ отношеніи, то есть чтобы разсмотрѣть: какія изъ оныхъ въ пользу аптекъ и фабрикъ дѣйствительно въ изобиліи добываются и обработываются, и какія при большемъ распространеніи народной промышленности въ достаточномъ количествѣ доставляемы быть могутъ. Обозрѣніе сіе покажетъ намъ: 1) какихъ произведеній нынѣ совсѣмъ выписывать не нужно, 2) какія въ меншемъ предъ прежнимъ количествѣ, и 3) какихъ впредь выписывать не нужно будетъ. Ибо пространное государство россійское столь изобилуетъ различными природы произведеніями, что требуетъ токмо поощренія и рукъ трудолюбивыхъ для доставленія ихъ въ достаточномъ количествѣ въ замѣну иностранныхъ.

Произведенія ископаемаго царства и главнѣйшіе изъ нихъ припасы располагаю я здѣсь на россійскомъ языкѣ азбучнымъ порядкомъ съ присовокупленіемъ употребительнѣйшихъ наименованій латинскихъ. Рѣдкія донынѣ въ Россіи произведенія или совсѣмъ въ оной ненаходящіяся означаю знакомъ *. А какъ опытами искусныхъ врачей доказано, что премногіе тѣла или припасы, прежде сего въ аптекахъ содержавшіеся, либо излишни, либо безполезны, либо замѣнены быть могутъ другими простѣйшими составами, то соображался я въ сей росписи съ изданною отъ государственной медицинской коллегіи россійскою диспенсаторіею.

**Амбра сѣрая*. Ambra grisea.

Аммоніакъ. Зри *нашатырь*.

Бѣлила. Cerussa. Приготовляются въ Россіи, особливо въ Ярославлѣ и близь Нижняго Новагорода.

**Бура*. Borax.

Винный камень. Tartarus vini. Въ южной Россіи, гдѣ произрастаетъ виноградъ, могъ бы быть приготовляемъ въ пользу аптекарскаго припаса называемаго *Cremor tartari* или *очищенный винный камень*.

Глауберова соль. Sal mirabile Glauberi. Находится въ изоби-

ліи въ сибирскихъ южныхъ степяхъ, въ Нерчинскѣ и пр. Сверхъ того получается яко остатокъ при добываніи соляной кислоты изъ поваренной соли посредствомъ кислоты купоросной.

Глетъ. Lithargyrium. Въ среброчистильныхъ заводахъ Россіи въ немаломъ остается количествѣ, и отчасти могъ бы быть въ надлежащемъ видѣ употребляемъ.

Горькая соль. Sal amarus. Находится въ одинакихъ съ Глауберовою солью мѣстахъ, подъ именемъ *сибирской соли.*

Желѣзо. Ferrum. Всякому извѣстно великое изобиліе сего металла, коимъ природа одарила Россію, почему и аптекарскіе изъ онаго припасы въ отечествѣ нашемъ удобно приготовляемы быть могутъ.

Известь негашеная. Calx viva. Поелику известные земли и камни въ превеликомъ изобиліи находятся въ Россіи, то и известь сія во всякое время въ достаточномъ количествѣ приготовляема быть можетъ.

**Камфора.* Camphora.

Квасцы. Alumen crudum. Приготовляются въ тамбовской губерніи и при олонецкихъ купоросныхъ заводахъ, но въ недостаточномъ количествѣ; а какъ у насъ кромѣ того въ разныхъ мѣстахъ квасцовыя находятся руды, то желательно, чтобы оныя въ замѣну иностранныхъ въ большемъ изобиліи добываемы и обработываемы были.

Кислота купоросная или сѣрная. Acidum vitriolicum sive sulphuricum. Зри *купоросъ зеленый* и *сѣра.*

Кислота селитряная. Acidum nitricum. Зри *селитра.*

Кислота соляная. Acidum muriaticum. Зри *поваренная соль.*

Крѣпкая водка.. Зри *селитра.*

Купоросъ бѣлый или *цинковый.* Vitriolum album sive zinci. Хотя цинкъ у насъ и есть, но цинковаго купороса не приготовляется.

Купоросъ зеленый или *желѣзный.* Vitriolum martis. Въ великомъ изобиліи можетъ быть приготовляемъ въ Россіи изъ вывѣтривающихся желѣзныхъ колчедановъ, каковыя фабрики и есть уже въ Олонцѣ, въ Макарьевѣ, въ рязанскомъ уѣздѣ, въ Там-

бовѣ, однакожъ недостаточны. Имѣя желѣзный купоросъ, можно бы было приготовлять въ Россіи и *купоросную кислоту.*

Купоросъ синій. Vitriolum coeruleum sive cyprium. Также и сего купороса руды находятся въ Россіи въ изобиліи; фабрики же синяго купороса есть въ Вологдѣ, Ярославлѣ, Ростовѣ, Калугѣ, Курскѣ, Твери и Воронежѣ.

**Магнезія.* Magnesia alba. Въ Россіи не добывается.

Марганецъ. Magnesia nigra или vitrariorum. Попадается во многихъ мѣстахъ Россіи.

**Мышьякъ бѣлый.* Arsenicum album. Въ Россіи онаго весьма мало.

Мѣдь. Cuprum. Въ весьма достаточномъ находится количествѣ для аптекарскихъ припасовъ.

Мѣлъ. Creta alba. Также какъ и предъидущая.

Нашатырь. Sal ammoniacum. Въ южныхъ странахъ Россіи могъ бы быть достаточно приготовляемъ, слѣдовательно и добываемая изъ него *летучая щелочная соль.*

Нефть. Petroleum. Бѣлая, красная и черная. Только послѣдняя изъ нихъ находится изобильно на Терекѣ, астраханской губерніи, на Соку близь Сергіевска и пр.

**Олово.* Въ Россіи до сихъ поръ еще не найдено.

Поваренная соль. Всякому извѣстно изобиліе оной въ Россіи, почему могла бы быть добываема изъ нея въ нашемъ отечествѣ и *соляная кислота.*

Поташъ. Cineres clavellati. Приготовляется и можетъ быть приготовляемъ въ большемъ количествѣ въ Россіи, лишь бы только не употребляли на то молодыхъ и здоровыхъ деревъ, а паче старыя пни, гнилое дерево, и растенія въ изобиліи сію соль дающія, каковы суть папоротники, подсолнечники и пр.

**Ртуть.* Argentum vivum, hydrargyrum. Въ Россіи оной до сихъ столь малое количество, да и то въ весьма отдаленныхъ странахъ и притомъ въ видѣ киноварп найдено, что вывозъ какъ ея, такъ и приготовляемыхъ изъ нея главнѣйшихъ аптекарскихъ припасовъ позволенъ быть можетъ.

Свинецъ. Plumbum. Разныя страны въ Россіи содержатъ руды сего металла въ немаломъ количествѣ.

Селитра. Nitrum commune. Приготовляется во многихъ мѣстахъ, какъ-то: въ губерніяхъ: воронежской, курской, тульской, тамбовской, слободско-украинской, въ малороссіи, въ новороссійскѣ, подоліи, волыніи и пр. Почему могла бы быть добываема изъ нея и *селитряная кислота* или такъ называемая *крѣпкая водка.*

Серебро. Argentum. Также и сей металлъ, какъ извѣстно, находится въ Россіи въ изобиліи, почему и аптекарскіе изъ него припасы едва ли выписывать нужно, какъ то *адскій камень,* lapis infernalis и пр.

Сода или *минеральная щелочная соль.* Soda sive alcali minerale. Въ соляныхъ степяхъ Россіи находится изобильно, такъ какъ и растенія, сію соль чрезъ сожиганіе дающія.

Сулема. Ртутное произведеніе, о коемъ зри что сказано при словѣ *ртуть.*

Сурикъ. Minium. Поелику есть у насъ свинецъ, то и сіе онаго произведеніе имѣть можемъ собственное.

Сѣра горючая. Sulphur. Добывается и могла бы быть еще въ большемъ количествѣ добываема въ Россіи, каковыя фабрики уже и есть въ Нерчинскѣ, въ Ярославлѣ, Макарьевѣ, въ Боровичахъ, но недостаточны. А имѣя сѣру, можно приготовлять изъ нея и *сѣрные цвѣты,* также *сѣрную* или *купоросную кислоту,* какъ то дѣлаютъ въ Англіи.

Сурьма. Antimonium crudum. Stybium. Находится въ Россіи, почему и аптекарскіе изъ оной припасы у насъ приготовляемы быть могутъ.

Шпатъ тяжелый. Spathum ponderosum. Находится въ Россіи, почему и аптекарскіе припасы изъ него собственные имѣть можемъ.

Шпіаутеръ или *цинкъ.* Zincum. Находится въ Нерчинскѣ и Колывани, почему и употребляемые въ аптекахъ *цинковые цвѣты* собственные имѣть можемъ.

**Янтарь*. Succinum

Ярь веницейская. Приготовляется въ Севскѣ, орловской губерніи, и близъ Нижняго-Новагорода на Волгѣ.

О прочихъ аптекарскихъ составахъ я умалчиваю, потому что оные въ самыхъ аптекахъ приготовляются, и въ каждой аптекѣ для избѣжанія вредныхъ примѣсей приготовляемы быть должны.

Октября 2-го дня 1805.

Академикъ В. Севергинъ.

30) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 20. Двора его императорскаго величества отъ дѣйствительнаго камергера, академіи наукъ президента, санктпетербургскаго округа попечителя и кавалера Новосильцова въ ученое императорской академіи наукъ собраніе предложеніе. 22 мая 1803. Помѣчено: lû en conférence le 22 mai 1803.

31) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 20. Въ императорскую академію наукъ отъ академика, коллежскаго совѣтника и кавалера Василья Севергина дополнительный рапортъ о успѣхахъ минералогическаго его путешествія по Финляндіи. С. Петербургъ. Октября 3 дня. 1804. Помѣтка: lû en conférence le 3 oct. 1804.

Обозрѣніе россійской Финляндіи. 1805, стр. 104—108.

32) Продолженіе записокъ путешествія по западнымъ провинціямъ россійскаго государства или минералогическія, технологическія и другія примѣчанія, учиненныя во время проѣзда чрезъ оныя въ 1803 году академикомъ Васильемъ Севергинымъ. 1804, стр. 13—16.

33) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 20. Рапортъ Севергина президенту академіи наукъ Новосильцову, изъ Сердоболя отъ 7 сентября 1804 года. Помѣтки: полученъ 14 сентября 1804 года; lû en conférence le 27 sept. 1804.

34) Обозрѣніе россійской Финляндіи, стр. 29—31.

35) Продолженіе записокъ путешествія по западнымъ провинціямъ россійскаго государства, стр. 26—29.

36) Записки путешествія по западнымъ провинціямъ россійскаго государства или минералогическія хозяйственныя и другія примѣчанія, учиненныя во время проѣзда чрезъ оныя въ 1802 году академикомъ Васильемъ Севергинымъ. 1803, стр. 28—30.

37) Обозрѣніе россійской Финляндіи, стр. 63—64.

38) Продолженіе записокъ путешествія по западнымъ провинціямъ россійскаго государства, стр. 160—162.

39) Продолженіе записокъ путешествія по западнымъ провинціямъ россійскаго государства, стр. 59—60.

40) Записки путешествія по западнымъ провинціямъ россійскаго государства, стр. 95—96.

41) Записки путешествія по западнымъ провинціямъ россійскаго государства, стр. 92—94.

Продолженіе записокъ путешествія по западнымъ провинціямъ россійскаго государства, стр. 94—95.

42) Продолженіе записокъ путешествія по западнымъ провинціямъ россійскаго государства, стр. 164—165.

43) Обозрѣніе россійской Финляндіи, стр. 61—62.

44) Обозрѣніе россійской Финляндіи, стр. 5, 63, 41.

45) Записки путешествія по западнымъ провинціямъ россійскаго государства, стр. 132.

46) Продолженіе записокъ путешествія по западнымъ провинціямъ россійскаго государства, стр. 24—25.

47) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. Второе изданіе. 1875. Томъ первый. Царствованіе императора Александра I. стр. 16; ст. 17.

48) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ № 87; дѣла № 17.

49) Дѣла архива с. петербургскаго учебнаго округа. № 42. Пространное донесеніе Севергина попечителю учебнаго округа Новосильцову, 30 сентября 1803 года.

50) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 20.

Представленіе Севергина въ академію наукъ 11 января 1804 года. Помѣтка: lû en conférence le 11 janvier 1804.

51) Дѣла архива с. петербургскаго учебнаго округа № 37. Рапортъ Севергина Новосильцову, 30 марта 1804 года.

52) Исторія императорскаго вольнаго экономическаго общества, составленная по порученію общества секретаремъ его А. И. Ходневымъ. 1865, стр. 480—481, 485—487, 647 и др.

53) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Входящія письма 1809—1813. Письмо Севергина съ Н. И. Фуссу, 21 іюля 1809 года. Онъ пишетъ между прочимъ: «Отправился я изъ Петербурга 1 іюля. Въ Новгородъ хотя и пріѣхалъ я на другой день, но занемогъ столь сильно, что пролежалъ тамъ до 10 іюля. Оправясь отъ болѣзни, пустился я опять въ дорогу, и нахожусь теперь въ селѣ Андреяполѣ осташевскаго уѣзда. Завтра, 22 іюля, отправляюсь отсюда въ городъ Кашинъ».

54) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Протоколъ конференціи 4 октября 1809 года, № 30, ст. 346.

55) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 20. Въ ученое академіи наукъ собраніе отъ академика В. Севергина. Помѣтка: présenté et lû le 10 nov. 1802.

56) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ 21. Помѣтка: présenté à la conférence le 3 avril 1805.

57) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 26. Руководство къ замѣчаніямъ, на кои долженъ обращать вниманіе отправляющійся въ Англію корреспондентъ академіи г. Эттеръ. Помѣтка: Lû en conférence le 28 avril 1813.

58) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 36. Помѣтка: Lû en conférence le 31 mai 1826.

59) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Протоколъ конференціи 10 мая 1826 года, № 15, ст. 160.

60) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 36. Помѣтка: Lû en conférence le 31 mai 1826.

61) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. Томъ первый. Царствованіе императора Александра I.

Изданіе второе. 1875, стр. 93. Регламентъ академіи наукъ. Глава I. § 9.

62) Технологическій журналъ. 1804. Тома перваго часть первая, стр. 3—8.

63) Дѣла архива комитета правленія академіи наукъ. 1815 года. № 74. Предложеніе министра народнаго просвѣщенія графа Разумовскаго комитету правленія академіи наукъ, 25 августа 1815 года, № 2484.

Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 231, №. 10,992. Рапортъ комитета правленія академіи наукъ министру народнаго просвѣщенія, 8 сентября 1815 года, № 905.

64) Дѣла архива комитета правленія академіи наукъ. 1815 года. № 74. Предложеніе графа Разумовскаго комитету, 17 сентября 1815 года, № 2685.

65) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 231. № 10,992. Рапортъ комитета министру, 28 сентября 1815 года, № 990.

66) Дѣла архива комитета правленія академіи наукъ. 1815 года. № 74. Предложеніе министра комитету, 13 октября 1815 года, № 2,996.

67) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 27. Донесеніе конференціи академіи наукъ министру народнаго просвѣщенія, 24 ноября 1815 года, № 330.

68) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 27. Начертаніе предполагаемому издаванію ученыхъ извѣстій при вѣдомостяхъ академическихъ. Помѣтка: Lû en conférence le 15 novembre 1815.

69) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 231. № 10,992. Предложеніе министра комитету, 8 декабря 1815 года, № 3,533.

70) Ученыя записки императорской академіи наукъ по первому и третьему отдѣленіямъ. 1852. Томъ I. Выпускъ I, стр. CV.

71) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ № 34. Донесеніе Севергина «императорской академіи въ ученое

собраніе». Къ донесенію своему Севергинъ приложилъ: «Списокъ возвращаемымъ мною въ ученое собраніе книгамъ и журналамъ, кои были у меня въ употребленіи въ пользу изданія Технологическаго журнала». На донесеніи помѣтка непремѣннаго секретаря академіи наукъ: Lû en conférence le 23 juin 1824.

72) Въ спискѣ сочиненій и переводовъ Севергина, составленномъ самимъ Севергинымъ, названа «Ботаника Жилиберта; три тома. 1794». Въ 1794 году издано Севергинымъ «Царство произрастеній, по Турнефортовой съ Линнеевою соединенной системѣ, на французскомъ языкѣ писанной. Въ трехъ частяхъ». Въ предисловіи говорится: «Собственно трудъ сей есть переводъ съ французской ботаники, изданной безъ имени сочинителя въ 1778 году въ Ліонѣ. Но для вящшей пользы россійской публики учинены были индѣ сокращенія, а индѣ перемѣны и прибавленія. Напримѣръ поелику книга сія издается болѣе для всеобщаго употребленія въ училищахъ, то излишнія описанія цѣлебныхъ силъ травъ и мѣры пріемовъ лѣкарствъ, такъ какъ предметы, касающіеся болѣе до однихъ врачей, выпущены, а вмѣсто того помѣщены экономическія и другія всеобщія о нихъ извѣстія; или вмѣсто того, чтобъ приводить, гдѣ описуемыя растенія находятся во Франціи, замѣчалъ я мѣста, гдѣ онѣ растутъ въ нашемъ отечествѣ, въ чемъ способствовали мнѣ изданныя путешествія академиковъ по Россіи. Для легчайшаго же пріискиванія упомянутыхъ растеній присовокупилъ на концѣ подробныя росписи на шести языкахъ».

73) Въ архивѣ академіи наукъ, между бумагами россійской академіи, сохранился слѣдующій, составленный самимъ Севергинымъ, списокъ его трудовъ—сочиненій и переводовъ:

Сочиненія и переводы.

I. Сочиненія.

1) Перьвыя основанія минералогіи, два тома. 1798.

2) Подробный словарь минералогическій, два тома. 1807.

3) Краткое начертаніе минералогіи для губернскихъ гимназій. 1804.

4) Опытъ минералогическаго землеописанія россійскаго государства. Два тома. 1809.

5) Пробирное искуство. 1801.

6) О добываніи минеральной щелочной соли въ Россіи. 1796.

7) Наставленіе о лучшихъ способахъ добывать, приготовлять и очищать селитру въ Россіи. 1812.

8) Способъ испытывать минеральныя воды. 1800.

9) Способъ испытывать чистоту и неподложность химическихъ лѣкарственныхъ произведеній. 1800.

10) Записки путешествія по западнымъ провинціямъ россійскаго государства. Двѣ части. 1803 и 1804.

11) Обозрѣніе россійской Финляндіи. 1805.

12) Обозрѣніе минеральнаго кабинета академіи наукъ. 1814.

13) Изслѣдованіе дымящейся горы близъ Ревеля. 1808.

14) Руководство къ удобнѣйшему разумѣнію химическихъ книгъ иностранныхъ. 1815.

15) Слово похвальное М. В. Ломоносову. 1805., и проч.

II. Переводы.

1) Наставленіе о плавленіи рудъ посредствомъ каменныхъ углей, Жансана. 1806.

2) Химическія основанія ремеслъ и заводовъ, два тома. 1803.

3) Словарь химической Луи-Кадета, четыре тома. 1810.

4) Начальныя основанія физики, Кузена. 1800.

5) Кирвана о ископаемыхъ тѣлахъ, два тома. 1791.

6) Ботаника Жилиберта, три тома. 1794.

7) Путешествія младшаго Анахарсиса по Греціи, томъ пятый. 1808., и проч.

Кромѣ разсужденій и изслѣдованій, напечатанныхъ въ разныхъ собраніяхъ ученыхъ твореній въ Россіи.

74) Словарь химическій; сочиненіе Шарль-Луи Кадета, обра-

ботанное на россійскомъ языкѣ трудами Василья Севергина. 1813. Часть IV. Предисловіе.

75) Начальныя основанія естественной исторіи. Царство ископаемыхъ, издано адъюнктомъ Васильемъ Севергинымъ по систематическому ископаемыхъ расположенію г. Кирвана, на англинскомъ языкѣ написанному. 1791. Книга I. Предисловіе, и стр. 48—49, 55, 261—262, 116—118, 144—146.

76) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 1, № 36.723. Журналъ коммиссіи о народныхъ училищахъ 27 февраля 1787 года, № 5, ст. 5. Планъ учрежденію въ Россіи университетовъ. Ст. 12. Третіе годовое теченіе ученія философическаго, л. 42 об.

77) Нѣкоторыя изъ названій удержаны въ томъ же видѣ; другія переведены:

aromatites — ароматитъ. —
arsenicum — арсеникъ. —
asbestus — азбестъ. —
obsidianus lapis — обсидіанъ. —
asteria — звѣздовикъ. —
astrobolus — кругозвѣздный камень. —
batrachites — жабовикъ. —
Beli oculus — око Вила. —
purpurissum — багрянецъ. —
harpax — in Syria quoque feminas verticillos inde facere et vocari *harpaga* — въ Сиріи женщины дѣлаютъ себѣ изъ него веретена, и называютъ его *хваталомъ*, и т. д. —

О пріемахъ Севергина, какъ переводчика, можно судить по слѣдующему сличенію перевода съ подлинникомъ:

Tertia auctoritas zmaragdis perhibetur pluribus de causis. Quippe nullius coloris adspectus iucundior est; nam herbas quo-	Третіе достоинство (между драгоцѣнными камнями послѣ алмаза и жемчуга) присвояется смарагдамъ по многимъ причи-

que silentis' frondisque avide spectamus, zmaragdos vero tanto libentius, quoniam nihil omnino viridius conparatum illis viret. Praeterea soli gemmarum contutu inplent oculos nec satiant. Quin et ab intentione alia adspectu zmaragdi recreatur acies scalpentibusque gemmas non alia gratior oculorum refectio est, in viridi lenitate lassitudinem mulcens. Praeterea longinquo amplificantur visu inficientes circa se repercussum aera, non sole mutati, non umbra, non lucernis, semperque sensim radiantes et visum admittentes, ad crassitudinem sui facilitate translucida, quod etiam in aquis nos iuvat. Jidem plerumque concavi, ut visum colligant; quamobrem decreto hominum iis parcitur scalpi vetitis quamquam Scythicorum Aegiptiorumque duritia tanta est ut non queant volnerari. Quorum vero corpus extentum est eadem qua specula ratione supinis rebus imaginem reddunt. Nero princeps gladiatorum pugnas spectabat in zmaragdo.

намъ. Нѣтъ цвѣта, который бы былъ пріятнѣе для глазъ. Ибо мы съ удовольствіемъ смотримъ также на зеленую траву и листвіе древесное, а на смарагды тѣмъ охотнѣе, что въ сравненіи съ ними никакая вещь зеленѣе не зеленѣетъ. Сверхъ того они только одни изъ драгоцѣнныхъ камней, кои при взираніи на нихъ удовлетворяютъ глаза, но не пресыщаютъ. Даже когда острота ихъ отъ инаго напряженія притупилась, то отъ смотрѣнія на смарагдъ паки возвращается. Тѣмъ, кои вырѣзываютъ на драгоцѣнныхъ камняхъ, нѣтъ пріятнѣе оживленія для глазъ; толико смарагды нѣжностію зелени смягчаютъ утомленность. Блескъ свой распространяютъ далеко, и какъ бы окрашиваютъ около себя воздухъ. Они не перемѣняются ни на солнцѣ, ни въ тѣни, ни при свѣтильникахъ, и всегда превосходны, всегда блестящи, и судя по толщинѣ ихъ имѣютъ безпрепятственную прозрачность, что намъ также и въ водахъ нравится[1]). Они же по большей

[1]) Quod etiam in aquis nos juvat. По другому чтенію: Quod etiam in aquis non fit.

части бываютъ впалаго вида для совокупленія лучей зрѣнія. Чего ради, они по общему опредѣленію щадятся, и запрещено на нихъ вырѣзывать, хотя твердость скиѳскихъ и египетскихъ столь велика, что они не могутъ быть прорѣзаны. Тѣ, коихъ тѣло протяженно, будучи положены на что либо, такимъ же образомъ какъ зеркала отражаютъ подобіе вещей. Императоръ Неронъ смотрѣлъ чрезъ смарагдъ на битву мечебойцевъ.

Genera eius plura sunt. Ex iis candida odoris praestantissimi; sed nec his nec cerinis pretium; fulvis maior auctoritas; ex iis etiamnum amplior translucentibus praeterquam si nimio ardore flagrent; imaginem igneam in iis esse, non ignem placet. Summa laus Falernis a vini colore dictis, molli fulgore perspicuis, in quibus et decocti mellis lenitas placeat. Verum hoc quoque notum fieri oportet, quocumque moda ea tinguere libeat tingui haedorum sebo et anchusae radice; quippe iam et conchylio inficiuntur. Ceterum attritu digitorum accepta caloris

Много есть родовъ янтаря. Бѣлый имѣетъ превосходнѣйшій запахъ. Но ни бѣлый, ни тотъ, который восковаго цвѣта, не уважаются. Напротивъ того темнокрасные въ большемъ уваженіи, а между сими еще въ большемъ прозрачные, исключая когда они слишкомъ ярко горятъ[1]). Нравится, чтобъ въ нихъ было подобіе огня, а не огонь. Наиболѣе похваляются фалернскіе, названные такъ по цвѣту фалернскаго вина, имѣющіе прозрачность съ нѣжнымъ блескомъ. Есть и такіе, въ коихъ нравится слабый цвѣтъ отвареннаго меда. Должно однакожъ сдѣлать

[1]) Слишкомъ яркой огнецвѣтной блескъ имѣютъ.

anima trahunt in se paleas et folia arida et philyras, ut magnes lapis ferrum. Ramenta quoque eius oleo addito flagrant dilucidius diutiusque quam lini medulla. Taxatio in deliciis tanta ut hominis quamvis parva effigies vivorum hominum vigentiumque pretia exsuperet, prorsus ut castigatio una non sit satis. In Corinthiis aes placet argento auroque mixtum, in caelatis ars et ingenia; murrinorum et crystallinorum diximus gratiam, uniones capite circumferuntur, gemmae digitis; in omnibus denique aliis vitiis aut ostentatio aut usus placet, in sucinis sola deliciarum conscientia. Domitius Nero in ceteris vitae suae portentis capillos quoque Poppaeae coniugis suae hoc nomine adoptaverat quodam etiam carmine sucinos appellando. Quoniam nullis vitiis desunt pretiosa nomina, ex eo tertius hic colos coepit expeti matronis. Usus tamen aliquis sucinorum invenitur in medicina; sed non ob hoc feminis placet. Infantibus adalligari amuleti ratione prodest.

извѣстнымъ также и то, что можно окрашивать янтарь какъ угодно, посредствомъ козлинаго сала и корня воловьяго языка[1]); даже окрашивается онъ посредствомъ раковинной краски. Отъ тренія пальцами нагрѣвшись, притягиваетъ плеву, и легкіе сухіе листья, также, подобно магнитному камню, желѣзныя опилки. Янтарь, положенный въ масло, горитъ свѣтлѣе и долѣе сердцевины льна[2]). Въ роскоши чтятъ его столь высоко, что сдѣланное изъ него изображеніе человѣческое, сколь бы оно мало ни было, превосходитъ цѣною живаго и здороваго человѣка, такъ что по истиннѣ мало одного наказанія. Въ коринѳскихъ издѣліяхъ нравится мѣдь, смѣшанная съ золотомъ и серебромъ; въ чеканныхъ искуство и острота; о причинѣ пріятности мурриныхъ и кристальныхъ издѣлій мы уже сказали; жемчугъ нравится потому, что онымъ убираютъ голову; драгоцѣнные камни, потому что носятъ ихъ на пальцахъ. Словомъ во всѣхъ другихъ порокахъ нравится тщеславіе, либо

[1]) Anchusa.
[2]) Lini. Можетъ быть Pini или Ligni.

употребленіе, а въ янтаряхъ единое сознаніе роскоши. Домицій Неронъ, между прочими странностями своего поведенія, присвоилъ названіе янтаря головнымъ волосамъ супруги своей Поппеи, именуя ихъ въ нѣкоемъ стихѣ янтарными. И какъ въ порокахъ никогда не бываетъ недостатка въ уваженіи великолѣпныхъ названій, то сего третьяго цвѣта[1]) начали домогаться знатныя жены. Есть однакожъ нѣкоторое употребленіе янтаря во врачеваніи, но женщинамъ нравится онъ не по сей причинѣ. Полезно привязывать янтарь дѣтямъ по образу амулетовъ.

Pluvia dulcescit omnis; suaviorem tamen rores faciunt, sed copiosum aquilonis flatus; austro non nascitur. Flos salis non fit nisi aquilonibus. In igne nec crepitat nec exsilit Tragasaeus neque Acanthius ab oppido appellatus, nec ullius spuma aut ramentum aut tenuis; Agrigentinus ignium patiens ex aqua exsilit. Sunt et colorum diffe-

Каждая соль содѣлывается отъ дождевой воды слащено, еще пріятнѣе отъ росы. Сѣверный вѣтръ умножаетъ оную, а при южномъ вѣтрѣ не достигаетъ она спѣлости. Соляной цвѣтъ[2]) получается только при сѣверномъ вѣтрѣ. Трагасейская соль не трещитъ и не лопается въ огнѣ, Также и акантская, имѣющая названіе отъ города[3]);

[1]) Послѣ золота и жемчуга, коими знатныя жены украшались.
[2]) Flos Salis.
[3]) Аканоъ въ Македоніи.

rentiae; rubet Memphi, rufus est circa Oxum, Centuripis purpureus, circa Gelam in eadem Sicilia tanti splendoris ut imaginem recipiat; in Cappadocia crocinus effoditur, tralucidus et odoratissimus. Ad medicinae usus antiqui Tarentinum maxume laudabant, ab hoc quemcumque e marinis, ex eo genere spumeum praecipue, iumentorum vero et boum oculis Tragasaeum et Baeticum. Ad opsonium et cibum utilior quisquis facile liquescit, item umidior; minorem enim amaritudinem habent, ut Atticus et Euboicus. Servandis carnibus aptior acer et siccus, ut Megaricus; conditur etiam odoribus additis et pulmentari vicem inplet excitans aviditatem invitansque in omnibus cibis, ita ut sit peculiaris ex eo intellectus inter innumera condimenta, iterum in mandendo quaesitus garo. Quin et pecudes armentaque et iumenta sale maxume sollicitantur ad pastus, multum largiores lacte multoque gratiore etiam in caseo dote. Ergo Hercules vita humanior sine sale non quit degere adeo-

ниже соляная пѣна или соляныя комья. Агригентская выдерживаетъ огонь, но изъ воды всплываетъ. Есть также разность въ цвѣтѣ. Въ Мемфисѣ имѣется красная соль, на Орѣ бурокрасная, въ Центурипѣ багряная[1]), близь Гелы также въ Сициліи столь свѣтящаяся, что въ нее смотрѣться можно. Въ Каппадокіи искапывается соль шафраннаго цвѣта, прозрачная и благовонная. —Для приправы и въ ѣствахъ пригодна всякая соль, но удобораспускающаяся наилучше; также и влажная, ибо такія соли не столь горьки какъ другія, чему аттическая и эвбейская доказательствомъ служитъ. Для сохраненія мяса пригодна острая, сухая соль, какъ напримѣръ мегарская. Овцы, рогатой и яремной скотъ получаютъ отъ соли позывъ къ пищѣ, и даютъ потомъ болѣе молока, а сыръ получаетъ пріятнѣйшій вкусъ.—Соль есть столь нужная стихія, что названіе соли прилагается также къ остротѣ ума. Такимъ образомъ называютъ шутки солью (sales), и всякое услажденіе въ жизни

[1]) Центурипа, въ Сициліи.

que necessarium elementum est ut transierit intellectus ad voluptates animi quoque; scommata sales appellantur omnisque vitae lepos et summa hilaritas laborumque requies non alio magis vocabulo constat. Honoribus etiam militiaeque interponitur, salariis inde dictis magna apud antiquos auctoritate, sicut adparet ex nomine salariae viae, quoniam illa salem in Sabinos portari convenerat. Ancus Marcius rex salis modios VI in congiario dedit populis et salinas primus instituit. Varro etiam pulmentari vice usos veteres auctor est et salem cum pane esitasse eos proverbio adparet; maxume tamen in sacris intellegitur anctoritas, quando nulla conficiuntur sine mode salsa.

Salinarum sinceritas summam fecit suam differentiam, quandam favillam salis quae levissima ex eo est et candidissima; appellatur et flos salis, in totum diversa

человѣческой, также величайшая радость и успокоеніе послѣ трудовъ, наилучше симъ словомъ выражаются. Названіе соли встрѣчается также при воинскихъ чинахъ и должностяхъ, ибо отъ того названо salarium [1]). Въ какомъ уваженіи соль была у древнихъ, сіе явствуетъ также изъ того, что дорогу, на коей сабинянамъ обыкновенно соль подвозили, называлась солеподвозною [2]). Царь Анкъ Марцій роздалъ народу въ даръ шесть тысячъ модіевъ соли, и первый завелъ соляныя емлища. — Наибольшая честь отдается соли при жертвоприношеніяхъ, ибо никакая жертва безъ солепосыпанія [3]) не совершается.

Надежнѣйшій признакъ, по коему чистое солеемлище (salina) отличается, есть нѣкоторой соляной пепелокъ [4]), который содержитъ въ себѣ легчайшія и

[1]) Деньги на соль.

[2]) Viae salariae.

[3]) Mola salsa. Сушеная и разтертая полба, смѣшанная съ солью, которую посыпали на голову жертвеннаго животнаго прежде закланія онаго; и дѣйствіе сіе называлось собственно immolare.

[4]) Favilla salis.

res umidiorisque naturae et crocei coloris aut rufi, veluti robigo salis, odore quoque ingrato ceu gari, dissentiens a sale, non modo a spuma.

бѣлѣйшія частицы соли. Другое, отъ сего совсѣмъ отличное существо называется цвѣтомъ соли[1]); оный влажнаго свойства, имѣетъ шафранной или буро-красной цвѣтъ, и есть какъ бы ржавчина соли. Запахъ его противный, подобно жидкости называемой гаронъ и отличный отъ запаха соли и соляной пѣны.

Reperitur in omnibus paene provinciis, sed in Hispania pulcherrimum, id quoque in sterili solo atque etiam montibus, et ubicumque una inventa vena est, non procul invenitur alia; hoc quidem et in omni fere materia, unde *metalla* graeci videntur dixisse.

Серебро находится во всѣхъ почти областяхъ, но въ Испаніи наилучшее, въ безплодной почвѣ и въ горахъ. И гдѣ одна токмо найдена бываетъ жила, тамъ неподалеку находится и другая. А сіе бываетъ почти со всѣми таковыми веществами, почему, кажется и получили оныя отъ грековъ названіе *металловъ*.

Примѣчаніе Севергина: «Такъ пишетъ Плиній; другіе производятъ сіе слово отъ глагола μεταλλάω — прилежно искать, извѣдывать».

Est apud auctores et *intercatiensem* illum — Находятъ также у писателей, что тотъ *интеркаціензъ* (отъ *Интеркаціи*, города Испаніи), и т. д.

(C. Plini Secundi Naturalis historiae libri XXXVII. Recensuit et commentariis criticis indicibusque instruxit Iulius Sillig.

---

[1]) Flos salis. Существо новѣйшимъ неизвѣстное, или можетъ быть не то же ли, что нынѣ называется, каменное масло?

Томъ V. 1851. стр. 402—403, 396—397.—Томъ IV. 1855. стр. 450—452. — Томъ V. стр. 99, 379. — Lib. XXXVII, cap. IV, sect. 16; cap. III, sect. 12. — Lib. XXXI, cap. VII, sect. 41. — Lib. XXXIII, cap. VI, sect. 31. — Lib. XXXVII, cap. I, sect. 4.

Каія Плинія Секунда Естественная исторія ископаемыхъ тѣлъ, преложенная на россійскій языкъ, въ азбучномъ порядкѣ, и примѣчаніями дополненная трудами В. Севергина. 1819. стр. 307—308, 333—335, 282—285, 36—37, 209, 145).

78) Allgemeine theorie der schönen künste in einzeln, nach alphabetischer ordnung der kunstwörter auf einander folgenden, artikeln abgehandelt, von Johann George Sulzer, mitglied der königlichen academie der wissenschaften in Berlin. Leipzig. Erster theil, von A bis J. 1771; zweyter theil, von K bis Z. 1774.

79) Dictionnaire portatif des baux-arts, ou abregé de ce qui concerne l'architecture, la sculpture, la peinture, la gravure, la poésie et la musique; avec la définition de ces arts, l'explicatiou des termes et des choses qui leur appartiennent; on y a joint les noms, les dates de la naissance et de la mort, les circonstances les plus remarquables de la vie, et le genre particulier de talent des personnes qui se sont distinguées dans ces différens arts, parmi les anciens et les modernes, en France et dans les pays étrangers. Par M. Lacombe. Nouvelle édition. A Paris. 1759.

80) Записки россійской академіи. Собранія: 22 апрѣля 1811 года, № 13, ст. 2 и 29 апрѣля 1811 года, № 14, ст. 2.

81) Записки россійской академіи. Собранія: 13 апрѣля 1812 года, № 14, ст. 1.—8 іюня 1812 года, № 21, ст. 5.—28 сентября 1812 года, № 36, ст. 2.—11 апрѣля 1814 года, № 40, ст. 5.

82) Сочиненія и переводы, издаваемые россійскою академіею. 1813. Часть VI. Рѣчь, читанная въ императорской россійской академіи членомъ оныя Иваномъ Ивановичемъ Мартыновымъ, при вступленіи въ оную марта 23 дня 1807 года, стр. 211—212.

83) Allgemeine theorie der schönen künste, von Johann George Sulzer. Часть I, стр. 147—149, — Часть II, стр. 631—633.

84) Сочиненія и переводы, издаваемые россійскою академіею. 1813. Часть VI, стр. 224—227; 230—232; 247—249; 251—256.

85) Voyage du jeune Anacharsis en Grèce, vers le milieu du quatrième siècle avant l'ère vulgaire; par J. J Barthelemy. Quatrième édition. A Paris, de l'imprimerie de Didot jeune. L'an septième. Въ первомъ томѣ этого изданія помѣщены послужившіе главнымъ источникомъ біографическихъ и литературныхъ свѣдѣній о Бартелеми — Mémoires sur la vie et sur quelques-uns des ouvrages de J. J. Barthelemy, écrits par lui-même en 1792 и 1793 (стр. II—CXXIV). Третій изъ этихъ мемуаровъ посвященъ путешествію Анахарсиса — sur Anacharsis (стр. XCIII—CXXIV).

86) Cours de littérature fransaise, par M. Villemain. Bruxelles. 1840. Tableau du dix-huitième siècle. Troisième partie. 1829. Quatrième leçon. p. 359—369.

87) О благополучіи. Изъ путешествія юнаго Анахарсиса, сочиненіе славнаго Бартелеми. Переводъ съ французскаго. Въ типографіи государственной медицинской коллегіи, 1798 года.

88) Сокращеніе путешествія молодаго Анахарсиса по Греціи въ половинѣ четвертаго столѣтія до Рождества Христова, аббатомъ Бартелеми изданнаго, съ присовокупленіемъ жизни автора. 1804. Томъ I. — Сокращеніе это сдѣлано французскимъ писателемъ, герцогомъ Ниверну̀а (+1798), которому принадлежитъ и находящаяся при книгѣ біографія Бартелеми; переведено на русскій языкъ Иваномъ Спряковымъ.

89) Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей московскаго университета. 1855. Часть II, стр. 449—450, 456—557.

90) Сопикова: Опытъ россійской библіографіи. 1816. Томъ IV, стр. 237, № 9158.

91) Записки россійской академіи. Собранія: 26 іюня 1802 года, № 27, ст. 2, и 203 об.; — 2 августа 1802 года, № 28, ст. 6, л. 211—211 об.; — 18 октября 1802 года, № 37, ст. 3, л. 288.

92) Записки россійской академіи. Собранія: 31 октября 1803 года, № 37, ст. 2, л. 237 об. и 244;—16 іюня 1806 года, № 23, ст. 3, л. 141 об. — 142 и 143;—16 марта 1807 года, № 11, ст. 3, л. 65 об.

93) Записки россійской академіи. Собранія: 1 іюня 1807 года, № 21, ст. 4, л. 132 об.—133;—8 іюня 1807 года, № 22, ст. 2, л. 145.

94) Voyage du jeune Anacharsis en Grèce, vers le milieu du quatrième siècle avant l'ère vulgaire; par I. I. Barthelemy. Quatrième édition. Tome cinquième. A Paris. L'an septième, стр. 38, 40—43, 241—244, 344—346, 3.

95) Путешествіе младшаго Анахарсиса по Греціи, въ половинѣ четвертаго вѣка до Рождества Христова. Переведено съ французскаго императорской россійской академіи членомъ Василіемъ Севергинымъ, и оною академіею издано. 1808. Томъ V, стр. 37—38, 39—42, 261—264, 336—339, 3.

Объ отношеніи перевода Севергина къ другимъ, ближайшимъ къ нему по времени, русскимъ переводамъ можно судить по слѣдующимъ мѣстамъ (Voyage du jeune Anacharsis, стр. 99—102, 150—153; переводъ Севергина, стр. 102—106, 159—162; Путешествіе младшаго Анахарсиса по Греціи, въ половинѣ четвертаго вѣка до Рождества Христова. Переведено съ французскаго Анд. Рудольскимъ. 1818. Томъ VI, стр. 190—194, 255—259):

Ces jours passés, l'assemblée générale s'occupa de nos démêlés avec le roi de Macedoine. Démosthène parut à la tribune; il peignit avec les plus fortes couleurs l'indolence et la frivolité des Athéniens, l'ignorance et les fausses mesures de leurs chefs, l'ambition et l'activité de Philippe. Il proposa d'équiper une flotte, de mettre sur pied un corps de troupes composé, du moins

en partie, de citoyens; d'établir le théâtre de la guerre en Macédoine, et de ne la terminer que par un traité avantageux, ou par une victoire décisive. Car, disait-il, si nous n'allons pas au plus tôt attaquer Philippe chez lui, il viendra peut-être bientôt nous attaquer chez nous. Il fixa le nombre des soldats qu'il fallait enrôler, et s'occupa des moyens de leur subsistance.

Ce projet déconcerterait les vues de Philippe, et l'empêcherait de nous combattre aux dépens de nos alliés, dont il enlève impunément les vaisseaux. Il réveillerait en même temps le courage des peuples qui, obligés de se jeter entre ses bras, portent le joug de son alliance avec la crainte et la haine qu'inspire l'orgueil d'un prince ambitieux. Démosthène développa ces vues avec autant d'énergie que de clarté. Il a cette éloquence qui force les auditeurs à se reconnaître dans l'humiliante peinture de leurs fautes passées et de leur situation présente.

«Voyez s'écriait-il, jusqu'à quel point d'audace Philippe est enfin parvenu. Il vous ôte le choix de la guerre et de la paix; il vous menace; il tient, à ce qu'on dit, des discours insolents: peu satisfait de ses premières conquêtes, il en médite de nouvelles; et tandis que vous êtes ici tranquillement assis, il vous enveloppe et vous enferme de tous côtés. Qu'attendez-vous donc pour agir? La nécessité! Eh! justes dieux! en fut-il jamais une plus pressante pour des ames libres, que l'instant du déshonneur? Irez-vous toujours dans la place publique vous demander s'il y a quelque chose de nouveau? Eh! quoi de plus nouveau qu'un homme de Macédoine qui gouverne la Grèce et veut subjuguer Athènes?.... Philippe est-il mort? Non, mais il est malade. Eh! que vous importe? Si celui-ci mourait, vous vous en feriez bientôt un autre par votre négligence et votre lâcheté.

«Vous perdez le temps d'agir en délibérations frivoles. Vos généraux, au lieu de paraître à la tête des armées, se trainent pompeusement à la suite de vos prêtres, pour augmenter l'éclat des cérémonies publiques. Les armées ne sont plus composées que de mercenaires, la lie des nations étrangèrs, vils brigands

qui mènent leurs chefs tantôt chez vos alliés, dont ils sont la terreur, tantôt chez les barbares, qui vous les enlèvent au moment où leur secours vous est nécessaire; incertitude et confusion dans vos préparatifs; nul plan, nulle prévoyance dans vos projets et dans leur éxecution. Les conjonctures vous commandent, et l'occasion vous échappe sans cesse. Athlètes mal-adroits, vous ne pensez à vous garantir des coups qu'après les avoir reçus. Vous dit-on que Philippe est dans la Chersonèse? aussitôt un décret pour la secourir; qu'il est aux Thermopyles? autre décret pour y marcher. Vous courez à droite, à gauche, partout où il vous conduit lui-même, le suivant toujours, et n'arrivant jamais que pour être témoins de ses succès».

Toute la harangue est semée de pareils traits. On a reconnu, dans le style de l'auteur, celui de Thucydide qui lui a servi de modèle. En sortant, j'entendis plusieurs Athéniens lui prodiguer des éloges, et demander des nouvelles des Phocéens. . . .

Philocrate est moins éloquent, aussi voluptueux, et beaucoup plus intempérant. A table tout disparaît devant lui; il semble s'y multiplier; et c'est ce qui fait dire au poète Eubulus, dans une de ses pièces: Nous avons deux convives invincibles, Philocrate et Philocrate. C'est encore un de ces hommes sur le front des quels on croit lire, comme sur la porte d'une maison, ces mots tracés en gros caractères: A louer, à vendre.

Il n'en est pas de même de Démosthène. Il montre un zèle ardent pour la patrie. Il a besoin de ces dehors pour supplanter ses rivaux, et gagner la confiance du peuple. Il nous trahira peut-être, quand il ne pourra plus empêcher les autres de nous trahir.

Son éducation fut négligée: il ne connut point ces arts agréables qui pouvaient corriger les disgraces dont il était abondamment pourvu. Je voudrais pouvoir vous le peindre tel qu'il parut les premières fois à la tribune. Figurez-vous un homme l'air austère et chagrin, se grattant la tête, remuant les épaules, la voix aigre et faible, la respiration entrecoupée, des tons à

déchirer les oreilles; une prononciation barbare, un style plus barbare encore; des périodes intarissables, interminables, inconcevables, hérissées en outre de tous les arguments de l'école. Il nous excéda, nous le lui rendîmes: il fut sifflé, hué, obligé de se cacher pendant quelque temps. Mais il usa de son infortune en homme supérieur. Des efforts inouis ont fait disparaître une partie de ses défauts, et chaque jour ajoute un nouveau rayon à sa gloire. Elle lui coûte cher; il faut qu'il médite longtemps un sujet, et qu'il retourne son esprit de toutes les manières, pour le forcer à produire

Ses ennemis prétendent que ses ouvrages sentent la lampe. Les gens de goût trouvent quelque chose d'ignoble dans son action; ils lui reprochent des expressions dures et des métaphores bizarres. Pour moi je le trouve aussi mauvais plaisant, que ridiculement jaloux de sa parure: la femme la plus délicate n'a pas de plus beau linge; et cette recherche fait un contraste singulier avec l'âpreté de son caractère.

Je ne repondrais pas de sa probité. Dans un procès, il ecrivit pour les deux parties. Je citais ce fait à un de ses amis, homme de beaucoup d'esprit; il me dit en riant: Il était bien jeune alors.

Ses moeurs, sans êtres pures, ne sont pas indécentes. On dit, à la vérité, qu'il voit des courtisanes, qu'il s'habille quelquefois comme elles, et que, dans sa jeunesse, un seul rendez-vous lui coûta tout ce que ses plaidoyers lui avaient valu pendant une année entière. Tout cela n'est rien. On ajoute qu'il vendit une fois sa femme au jeune Cnosion. Ceci est plus sérieux; mais ce sont des affaires domestiques dont je ne veux pas me mêler.

Переводъ Севергина.

На сихъ дняхъ общее собраніе занималось нашими распря-

Переводъ Рудольскаго.

На послѣднихъ дняхъ общее собраніе занималось нашими

ми съ царемъ Македонскимъ. Димосѳенъ появился на каѳедрѣ: онъ изобразилъ живѣйшими красками безпечность и легкомысліе Аѳинянъ, невѣжество и неблагоразумныя мѣры ихъ предводителей, честолюбіе и дѣятельность Филиппа. Онъ предложилъ снарядить флотъ, вооружить отрядъ войскъ, составленныхъ, по крайней мѣрѣ частію, изъ гражданъ; перенесть позорище войны въ Македонію и иначе ее не оканчивать, какъ выгоднымъ договоромъ или рѣшительною побѣдою. Ибо, говорилъ онъ, ежели мы заблаговременно не нападемъ на Филиппа въ его землѣ, то можетъ быть скоро нападетъ онъ самъ на насъ въ землѣ нашей. Онъ назначилъ число воиновъ, коихъ набрать надлежало, и началъ думать о средствахъ къ содержанію оныхъ.

Сіе предпріятіе разстроило бы намѣренія Филиппа, и воспрепятствовало бы ему сражаться съ нами на счетъ нашихъ союзниковъ, у коихъ похищаетъ онъ корабли ненаказанно. Оно возбудило бы въ то же время бодрость народовъ, кои обязаны будучи предаться въ

спорами съ царемъ Македонскимъ. Димосѳенъ явился на каѳедрѣ, онъ описалъ самыми живыми красками безпечность Аѳинянъ, невѣдѣніе, худыя мѣры ихъ предводителей, гордость и дѣятельность Филиппову. Онъ предлагалъ снарядить флотъ, составить войско по крайней мѣрѣ изъ большей части гражданъ; возобновить театръ войны въ Македоніи, и кончить ее однимъ только выгоднымъ договоромъ, или совершенною побѣдою. Ибо, говорилъ онъ, ежели мы въ самомъ скоромъ времени не нападемъ на Филиппа въ его владѣніяхъ: то онъ, можетъ быть, не умедлитъ придти къ намъ въ Аттику. Онъ назначилъ число солдатъ, и занимался средствами ихъ предводительствовать.

Сей планъ могъ бы разстроить намѣреніе Филиппа и воспрепятствовалъ бы воевать съ нами на щетъ нашихъ союзниковъ, у коихъ отнимаетъ суда безъ всякаго наказанія. Онъ бы могъ въ то же самое время возбудить храбрость въ тѣхъ народахъ, которые, попавъ въ

его руки, несутъ иго союза его со страхомъ и ненавистію, кои внушаетъ гордость честолюбиваго государя. Димосѳенъ обнаружилъ сіи намѣренія сильно и ясно. Онъ одаренъ такимъ краснорѣчіемъ, которое принуждаетъ слушателей узнавать себя въ уничижительномъ изображеніи прошедшихъ ихъ заблужденій и настоящаго ихъ положенія.

«Видите ли, возопилъ онъ, до какой степени наконецъ дошла дерзость Филиппа? Онъ лишаетъ васъ свободы избрать войну и миръ; угрожаетъ, произноситъ, какъ сказываютъ, наглыя рѣчи; не довольствуясь первыми своими побѣдами, онъ замышляетъ уже о новыхъ; и между тѣмъ, какъ вы здѣсь спокойно сидите, онъ васъ окружаетъ и запираетъ со всѣхъ сторонъ. Чегожъ вы ожидаете въ бездѣйствіи. Необходимости! о праведные боги! была ли когда нибудь большая необходимость для свободныхъ душъ, какъ въ настоящее время посрамленія? Неужели вы будете только собираться въ общенародныя мѣста, чтобъ другъ у друга спрашивать, нѣтъ ли чего нибудь

его руки, несутъ бремя своего союза съ боязнію и ненавистію, которыя производитъ въ нихъ гордость надменнаго государя. Димосѳенъ предлагалъ свои виды съ толикою же силою, съ коликою ясностію. Онъ имѣетъ то краснорѣчіе, которое заставляетъ слушателей узнать себя въ унизительной картинѣ бывшихъ своихъ погрѣшностей и настоящаго положенія.

«Посмотрите, воскликнулъ онъ, до какой степени достигла наконецъ дерзость Филиппа. Онъ лишаетъ васъ права избрать войну и миръ; угрожаетъ вамъ; дерзко отвѣчаетъ на предложенія. Будучи недоволенъ первыми своими завоеваніями, замышляетъ новыя; тогда, какъ вы спокойно сидите здѣсь, онъ окружаетъ васъ и стѣсняетъ со всѣхъ сторонъ. Чего ожидаете вы вступить въ дѣло? Необходимости? Праведные боги! какая необходимость можетъ быть большею для людей свободныхъ, кромѣ минуты безчестія? уже ли всегда будете приходить на площадь для того только, чтобъ узнать, нѣтъ ли чего новаго? Увы! какая новость можетъ быть занимательнѣйшею, какъ

новаго? Что можетъ быть новѣе того, какъ человѣкъ изъ Македоніи, который управляетъ Греціею и хочетъ покорить Аѳины?.. Умеръ ли, Филиппъ? Нѣтъ, онъ только боленъ. Что вамъ до того нужды? ежели бы онъ и умеръ, то вашимъ нерадѣніемъ и вашею трусостію вы содѣлали бы другаго Филиппа.

«Вмѣсто того, чтобъ дѣйствовать, вы только теряете время въ пустыхъ совѣщаніяхъ. Ваши полководцы, вмѣсто того, чтобъ явиться къ войскамъ, съ пышностію ходятъ за жрецами вашими, чтобъ умножить блескъ общенародныхъ обрядовъ. Войска состоятъ изъ однихъ только наемниковъ, изъ самой подлости чуждыхъ народовъ, подлыхъ и разбойниковъ, кои посылаютъ своихъ предводителей, то къ вашимъ союзникамъ, коимъ наносятъ они ужасъ, то къ варварамъ, кои похищаютъ ихъ у васъ въ то мгновеніе, когда наиболѣе нужна вамъ ихъ помощь; только неизвѣстность и замѣшательство видны въ вашихъ приготовленіяхъ; нѣтъ никакого начертанія, никакого предусмотрѣнія въ вашихъ предпріятіяхъ и въ исполненіи оныхъ.

та, что тотъ македонянинъ, который правитъ Греціею, хочетъ паработить Аѳины!.. Не умеръ ли Филиппъ? нѣтъ, но онъ болѣнъ. Ахъ! какая вамъ до того нужда? Естьли онъ умеръ, вы, по своему нерадѣнію и слабости, скоро найдете другаго.

«Вы теряете время въ пустыхъ разсужденіяхъ. Ваши генералы, вмѣсто того, чтобъ предводительствовать войскомъ, на богатыхъ колесницахъ шествуютъ за жрецами для увеличенія блеска публичныхъ церемоній. Войско состоитъ изъ однихъ наемниковъ, изъ негоднаго остатка чужестранцевъ, изъ подлыхъ разбойниковъ, ведущихъ своихъ начальниковъ, то противъ вашихъ союзниковъ, которымъ они страшны, то противъ варваровъ, лишающихъ васъ лучшихъ людей, тогда какъ вамъ нужна ихъ помощь; неизвѣстность и безпорядокъ въ вашихъ пріуготовленіяхъ. Нѣтъ никакого плана, нѣтъ никакой предусмотрительности въ вашихъ намѣреніяхъ и въ исполненіи ихъ. Обстоятельства управляютъ вами, и вы непрестанно

Догадки вами управляютъ, а случаи упускаете вы непрестанно. Вы, какъ неискусные бойцы, только отъ ударовъ защищаетесь. Скажутъ ли, что Филиппъ въ Херсонесѣ, то тотчасъ опредѣляете послать туда помощь; скажутъ ли, что онъ въ Ѳермопилахъ? слѣдуетъ другое опредѣленіе идти туда. Вы стремитесь на право и на лѣво, повсюда, куда онъ самъ васъ ведетъ, всегда за нимъ слѣдуете, и никогда до него не достигаете, какъ развѣ для того, чтобъ быть свидѣтелями его успѣховъ».

опускаете случай. Борцы непроворны, и вы, получивъ удары, стараетесь защищать себя отъ нихъ. Когда говорятъ вамъ, что Филиппъ въ Херсонесѣ, вы повелѣваете итти туда на помощь; что онъ при Ѳермопилахъ, приказываете, чтобы войско было тамъ же. Вы бѣгаете за нимъ то въ ту, то въ другую страну, по его направленію, и всегда приходите на мѣсто для того только, чтобъ быть свидѣтелями его успѣховъ».

Все слово наполнено подобными выраженіями. Въ слогѣ сего витіи примѣтенъ слогъ Ѳукидида, который служилъ ему образцомъ. При выходѣ слышу я многихъ аѳинянъ, превозносящихъ его похвалами, и спрашивающихъ извѣстій о фокеянахъ...

Вся рѣчь наполнена была подобными мѣстами. Въ ней примѣтили слогъ Ѳукидида, который сочинитель взялъ себѣ за образецъ. Выходя изъ собранія, я услышалъ, что многіе аѳиняне осыпали его похвалами и спрашивали объ новостяхъ касательно фокеянъ...

Филократъ не столь краснорѣчивъ, но столь же сластолюбивъ, и гораздо невоздержнѣе. За столомъ все предъ нимъ исчезаетъ; онъ, кажется, дѣйствуетъ тогда за многихъ: сіе-то заставило стихотворца Эввула сказать въ одномъ изъ своихъ сочиненій: у насъ случи-

Филократъ менѣе краснорѣчивъ, также сладострастенъ, и еще невоздержнѣе. За столомъ все исчезаетъ предъ нимъ, одинъ только онъ кажется вдвойнѣ; сіе подало поводъ стихотворцу Евбулу сказать въ одномъ своемъ сочиненіи: мы имѣемъ два непобѣдимаго гостя, Фило-

лись два непобѣдимые гостя: Филократъ и Филократъ. Онъ такъ же еще изъ числа тѣхъ людей, у коихъ на челѣ кажется написаны, какъ бы на дверяхъ дома, слѣдующія слова большими буквами: *отдается въ наймы, продается.*

Димосѳенъ совсѣмъ не таковъ. Онъ показываетъ великое усердіе къ отечеству. Ему нужна такая наружность для преодолѣнія своихъ соперниковъ, и для снисканія довѣренности отъ народа. Можетъ быть онъ намъ измѣнитъ, когда онъ не въ силахъ будетъ препятствовать другимъ измѣнять намъ.

Онъ воспитанъ былъ съ небреженіемъ; онъ не зналъ пріятныхъ искуствъ, могшихъ исправить недостатки, которыхъ въ немъ было множество; я бы желалъ представить его таковымъ, какимъ онъ показался при первыхъ случаяхъ на каѳедрѣ. Представь себѣ человѣка вида суроваго и печальнаго, который часто чешетъ у себя въ головѣ, пожимаетъ плечами, говоритъ непріятно и слабо, имѣетъ дыханіе прерывающееся, голосъ пронзительной; его

крата и Филократа. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, на лицѣ которыхъ, какъ на вывѣскѣ, можно читать крупныя слова: *отдается въ наймы, продается.*

Но не таковъ Демосѳенъ. Онъ показываетъ пламенную ревность къ отечеству; впрочемъ не достаетъ ему наружныхъ качествъ унизить своихъ соперниковъ и войдти въ довѣренность къ народу. Можетъ быть и онъ измѣнитъ намъ, когда не въ состояніи будетъ препятствовать другимъ насъ обманывать.

Воспитаніе его было въ небреженіи: онъ не зналъ тѣхъ пріятныхъ искуствъ, которыя поправляютъ недостатки, которыхъ онъ имѣетъ множество. Я опишу его такъ, какъ онъ первый разъ взошелъ на каѳедру. Представь себѣ человѣка, съ суровымъ и непріятнымъ видомъ, почесывающаго свою голову, пожимающаго плечами, съ голосомъ тонкимъ и слабымъ, съ прерывистымъ дыханіемъ, со звукомъ словъ, противнымъ слуху; вообрази варварское про-

произношеніе грубо, слогъ еще грубѣе; періоды слишкомъ обильны, безконечны, непонятны, и, сверхъ того, наполнены школьными доводами. Онъ выводилъ насъ изъ терпѣнія; но и мы ему за то отплатили: онъ былъ освистанъ, осмѣянъ, и принужденнымъ нѣсколько времени скрываться. Но онъ воспользовался своимъ несчастіемъ, какъ человѣкъ превосходный. Неслыханныя усилія уничтожили нѣкоторую часть его недостатковъ, и каждый день доставляетъ ему новый лучъ славы; она ему дорого стоитъ: ему надобно долго размышлять о предметѣ, и разумъ свой обращать разными образами, чтобъ принудить его къ произведенію.

Непріятели его утверждаютъ, что сочиненія его пахнутъ лампадою. Разборчивые люди находятъ нѣчто низкое въ его дѣйствованіи; они называютъ его выраженія грубыми, а метафоры странными. Что до меня касается, мнѣ кажется онъ столь же худымъ шутомъ, какъ смѣшнымъ ревнителемъ къ своему убранству. Самая нѣжнѣйшая женщина не имѣетъ лучшаго бѣлья; и сія разборчивость

изношеніе, слогъ того еще хуже, предлинные и неоконченные періоды, распестренные школьными доказательствами. Онъ вывелъ насъ изъ терпѣнія, мы ему за то заплатили: онъ былъ освистанъ, осмѣянъ, и принужденъ скрыться на нѣсколько времени; но какъ превосходный человѣкъ воспользовался своею неудачею. Неслыханныя усилія истребили часть его недостатковъ, и каждый день увѣнчивается новымъ лучемъ славы, которая стоитъ ему очень дорого. Онъ долго обдумываетъ свой предметъ, даетъ ему возможные обороты, чтобы произвести дѣйствіе.

Непріятели укоряютъ, что сочиненія его отзываются запахомъ потухшей лампады; разборчивые люди находятъ что-то низкое въ его ораторскомъ дѣйствіи; упрекаютъ его въ жесткихъ выраженіяхъ, въ вольныхъ метафорахъ. Что же касается до меня, то я нахожу, что онъ столь же худо правится, сколько смѣшонъ въ своихъ нарядахъ. Женщина самаго тонкаго вкуса не имѣетъ луч-

составляетъ странную противуположность съ грубостію его свойствъ.	шаго бѣлья, и сія разборчивость имѣетъ удивительную противоположность съ его грубымъ характеромъ.
Я не отвѣчаю за его честность. При нѣкоторомъ тяжебномъ дѣлѣ, писалъ онъ въ пользу и истца и соперника. Я говорилъ о семъ одному изъ его пріятелей, человѣку весьма разумному, который сказалъ мнѣ смѣючись: «онъ былъ тогда еще очень молодъ».	Не могу отвѣчать за его честность. Одно дѣло писалъ онъ на обѣ стороны. Я напомянулъ объ немъ одному его пріятелю, человѣку съ великимъ разумомъ, который, смѣючись, отвѣчалъ мнѣ: онъ былъ тогда молодъ.
Нравы его, хотя не совсѣмъ безпорочны, однако не неблагопристойны. Хотя и говорятъ, что онъ посѣщаетъ прелестницъ, одѣвается иногда какъ и онѣ, и что въ юности его одно свиданіе стоило ему всего того, что ему защитительныя рѣчи приносили въ цѣлый годъ. Все сіе еще ничего не значитъ. Говорятъ еще, что онъ продалъ однажды жену свою молодому Кнозіону. Сіе важнѣе; но это дѣло домашнее, въ которое я не мѣшаюсь...	Нравы его, не будучи цѣломудренны, не могутъ назваться ненепристойными. Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, что онъ знается съ публичными женщинами, и иногда подражаетъ имъ въ нарядѣ, что, въ его молодости, одно мѣсто свиданія стоило ему всего, что доставило ему стряпчество въ продолженіе цѣлаго года. Это ничего. Прибавляютъ, что онъ продалъ однажды свою жену молодому Кнозіону. Это хотя поважнѣе; но я не хочу вмѣшиваться въ домашнія дѣла...

96) Слово похвальное императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, говоренное 26 ноября 1749 года. Сочиненія Ломоносова. 1847. Т. I, стр. 573.

97) Ода Ломоносова на возшествіе на престолъ императрицы

Елисаветы Петровны, 25 ноября 1761 года. Сочиненія Ломоносова. Т. I, стр. 155.

98) Ломоносова Слово похвальное императору Петру Великому, говоренное 26 апрѣля 1755 года. Сочиненія Ломоносова. Т. I, стр. 614—615.

99) Ода Ломоносова на возшествіе на престолъ Елисаветы Петровны, 1748 года. Сочиненія Ломоносова. Т. I, стр. 405.

100) Похвальное слово Петру Великому. Сочиненія Ломоносова. Т. I, стр. 585—586.

101) Слово похвальное Михайлу Васильевичу Ломоносову, читанное въ императорской россійской академіи въ годовомъ торжественномъ ся собраніи 1805 года членомъ оныя Васильемъ Севергинымъ, 1805, стр. 14—15.

102) Похвальное слово Петру Великому. Сочиненія Ломоносова. Т. I, стр. 597.

103) Похвальное слово Ломоносову, стр. 23—24.

104) Похвальное слово Ломоносову, стр. 50—54.

105) Похвальное слово Ломоносову, стр. 31—33.

106) Похвальное слово Ломоносову, стр. 42—46.

107) Записки россійской академіи. Приложенія къ запискѣ академическаго собранія 4 января 1806 года, № 1, ст. 3. Письмо Хераскова къ президенту россійской академіи Нартову, 24 декабря 1805 года.

108) Записки россійской академіи. Собранія: 19 марта 1804 года, № 10, ст. 3, л. 68 об. — 69 об.; — 14 января 1805 года, № 2, ст. 2, л. 15—15 об.;—22 апрѣля 1805 года, № 15, ст. 1, л. 107—107 об.— 16 сентября 1805 года, № 36, ст. 3, л. 259 об.—260;—28 октября 1805 года, № 42, ст. 2, л. 311—311 об.;—25 ноября 1805 года, № 47, л. 347 об.

109) Слово похвальное князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому и купцу нижегородскому Козьмѣ Минину, прозваніемъ Сухорукому, сочиненное членомъ россійской академіи Васильемъ Севергинымъ. Въ С.-Петербургѣ, при императорской академіи наукъ, 1807 года, стр. 3—43:

Слово похвальное Пожарскому и Минину.

Взирая на Россію въ началѣ сего девятаго надесять столѣтія, едва предѣлы ея владычеству, едва конецъ величію, едва край отрадамъ, радости и благоденствію находимъ. Ибо то представляется она намъ повелительницею многочисленныхъ народовъ, вѣрою и обычаями различныхъ, но законамъ ея повинующихся, и подъ едину ея державу совокупленныхъ; то кажется, что пространные, индѣ въ облакахъ скрывающіеся, индѣ разными отрогами въ разныя страны свѣта раздѣляющіеся горъ ея хребты, силу ея и могущество на цѣлую половину шара земнаго простираютъ; а тамъ, океаны неизмѣримые и моря великія, сливая воды ея съ водами земель сопредѣльныхъ, содѣлываютъ ее якобы общею ихъ владычицею.

Здѣсь видимъ великолѣпные грады, красотою, устройствомъ и силою первымъ въ Европѣ градамъ не уступающіе, тамъ села довольствомъ съ градами равняющіяся. Въ горахъ млатный стукъ возвѣщаетъ обиліе богатствъ изъ нѣдръ земли извлекаемыхъ. Поля неистощимы жатвою, луга тучными пажитями. Моря и рѣки въ отдаленнѣйшіе сообщаютъ края избытокъ всего того, что доставляетъ паство, ловитва и всякая промышленность народная. Процвѣтаетъ торговля, возвышаются фабрики и мануфактуры, распространяются промыслы, ремесла и всякія рукодѣлія, усовершаются искусства, изящества художественныхъ произведеній плѣняютъ Европу, и всѣ вообще неизсякаемый представляютъ источникъ богатства нашего отечества. Извнѣ благоговѣютъ народы; внутри миръ и спокойствіе. Угнѣтенные защищаются правами безпристрастныхъ законовъ, утѣшаются страждущіе, подкрѣпляются неимущіе, заслуги награждаются, ободряются дарованія. Науки достигаютъ высочайшаго степени совершенства; просвѣщеніе, подобно великой рѣкѣ, на многія вѣтьви раздѣленной, разливается по всѣмъ предѣламъ пространнаго сего Государства.

А тамъ, гдѣ развиваютъ Россійскія знамена, Великіе Ирои защищая честь и славу своего отечества, то знатныя торжествуютъ побѣды, то самымъ пролитіемъ крови своей страхъ и ужасъ врагамъ онаго наносятъ.

Се Россія! Се вѣкъ Александра Перваго!

Но кто возмогъ вознести оную на сію степень величія, славы и могущества? Кто возмогъ толико разширить ея предѣлы? Кто возмогъ содѣлать оную въ благоустройствѣ съ первыми Европейскими Государствами равняющеюся, въ силѣ ихъ превозходящею? Сыны Ея, сыны отечества при благословеніи Вышнемъ, и поборствомъ, содѣйствіемъ и подъ защитою Отцевъ Отечества, великихъ Россіи обладателей! Имъ принадлежитъ вѣчный долгъ усерднаго благодаренія.

Тако словесныя науки въ Россіи возпоминая виновниковъ неизчетныхъ оныя благъ, новое свое пареніе устремляютъ на вѣчное ихъ въ потомствѣ прославленіе. Императорская Россійская Академія, Сословіе Членовъ, толико же просвѣщенныхъ, сколько усердіемъ къ отечеству дышущихъ, торжественно приглашаетъ музъ Россійскихъ принести жертву хваленія мужамъ, коихъ подвигами украшается благоденствующая Россія.

Слабѣйшій изъ писателей соотечественныхъ, дерзаю предпріять изполненіе единаго изъ предложеній знаменитаго сего Сословія, и начертать похвальное слово Пожарскому и Минину, мужамъ вѣчныя славы и похвалъ достойнымъ, да подвиги ихъ возбуждаютъ къ равнымъ подвигамъ всѣхъ сыновъ нашего отечества.

Я духомъ прехожу въ блаженныя селенія, красующіяся благословенными обитателями своими! мысленными очами срѣтаю тамо Ироевъ нашихъ, вѣчною радостію облеченныхъ! Преклонялюся долу предъ прахомъ вашимъ, возлюбленныя тѣни, молю, да ободрите въ семъ трудѣ моемъ, да возбудите жаръ достойный вашея памяти, и истина да отверзетъ путь глаголу моему!

Истина да повѣдаетъ міру: Стольникъ, Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарской защищаетъ отечество; купецъ Нижего-

родскій Кузьма Мининъ, прозваніемъ Сухорукій[1]), не родомъ своимъ и прежнимъ состояніемъ знаменитый; но собственными своими великими подвигами украшающійся, къ защищенію отечества возбуждаетъ. Единый спасаетъ оное силою оружія и воинскимъ искуствомъ, другій пожертвованіемъ всего своего имущества и благоразумными разпоряженіями.

Тако представляются разсужденію нашему два предмета, почему и слово сіе раздѣлимъ на двѣ части. Въ первой покажемъ, какіе употреблены способы для возбужденія всеобщаго рвенія къ защитѣ отечества, а во второй, какимъ образомъ сіе произведено было въ дѣйство.

Да послужитъ слово сіе въ поученіе юношеству, что усердіе къ Вѣрѣ, преданность къ Государю, и любовь къ Отечеству суть первыя добродѣтели, долженствующія украшать каждаго истиннаго гражданина.

Часть первьвая.

Процвѣтающая днесь Россія плачевное представляла зрѣлище въ началѣ седмаго на десять вѣка. Раздробленная нѣкогда на многія части, едва начала соединять ихъ въ единое тѣло, едва начинала презирать набѣги Татарскіе, и сотрясать съ себя иго державъ иноплеменныхъ, какъ прѣнія о Престолѣ, убійства и тайные злоумышленники вовлекли оную въ опасности, къ совершенному ея разрушенію приближавшія[2]). Первый бичь Божій явился въ видѣ Лжедимитріевъ, лютыхъ извергов, домогавшихся о престолѣ подъ именемъ Царевича Дмитрія Іоанновича, яко бы избавившагося отъ смерти въ городѣ Угличѣ[3]). Потомъ мятежи,

---

[1]) Мягкимъ товаромъ торговавшій. Зри ядро Россійской Исторіи Князя Хилкова.

[2]) Кому только извѣстна Исторія нашего отечества, тотъ знаетъ купно, что происходило въ ономъ со временемъ Царя Өеодора Іоанновича до вступленія на Престолъ Михаила Өеодоровича Романова, то есть съ 1584 г. по 1613 годъ, на чемъ и сказанное здѣсь основывается.

[3]) Царевичъ Дмитрій Іоанновичъ, сынъ Царя Өеодора Іоанновича, сосланъ былъ по повелѣнію Бориса Өеодоровича Годунова, какъ изъ Дѣеписанія извѣстно, въ Угличъ, гдѣ убитъ въ 1591 году.

несогласія, безначальство и неповиновеніе едва одно имя оставили Россіи: ибо Поляки завладѣли Москвою, Шведы Новымъ Городомъ, и на Престолъ Россійскій избранъ былъ Королевичъ Польскій Владиславъ[1]).

Москва, Первопрестольный градъ Царей Россійскихъ, обращена въ пепелъ[2]). Жители ея избіенны: не пощажены ни престарѣлые, ни младенцы; все подверглось лютой злобѣ; все содѣлалось жертвою ужаснаго варварства; Бояре и Дворяне, знаменитѣйшіе чиновники, вѣрныя ихъ супруги и невинныя дѣти влекутся подъ крѣпкую стражу[3]). Въ заклѣпы ея заключается послѣдняя отрасль Рурика, младый Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ[4]).

Древнія Царскія сокровища разхищены: казна Царская разграблена, и самое стяжаніе жителей пожрано было тогда ненасытною алчностію враговъ злокорыстныхъ; къ грабежамъ присовокупилось святотатство: Храмы Божіи и Монастыри, утвари церковныя и Святыя Иконы преданы на разхищеніе. Казалось, аки бы разверглись челюсти ада. Человѣчество стонало. Все покрылось мракомъ ужаса и бѣдствій. Едиными пламенники браней и раздоровъ освѣщали плачевные предметы.

Въ тоже время равная участь повергла въ равное бѣдствіе Новгородъ. Уже Новгородцы, утомленные осадою войскъ Шведскихъ, предлагали престолъ Новгородскій Шведскому Королевичу Каролусу Филиппу, уже присягнули ему въ вѣрности, уже отправляютъ пословъ своихъ съ покорностію въ Швецію, уже мнятъ, что избавились отъ опасности; въ сіе время Генералъ Шведскій Делагардій вошелъ паки въ Новгородъ; насиліе, звѣрство, грабежи, убійства, поруганіе святыни и всѣ лютости ознамено-

---

1) Историческія о сихъ временахъ свѣденія почерпнуты мною изъ дополненій къ дѣяніямъ Петра Великаго, сочиненія г. Голикова, и изъ описанія жизни Минина, изданнаго г. Ильинскимъ. Зри также ядро Россійской Исторіи Князя Хилкова, стр. 300 до 324.

2) Кромѣ слободъ за рѣкою Яузою бывшихъ.

3) Въ Кремлѣ.

4) Купно съ Инокинею, матерію его Маθою Ивановною.

вали слѣды сего шествія[1]). Плачь и рыданіе наполняютъ Новгородъ. Упадаетъ на развалины свои отечество, подобно изнеможенному старцу, лишившемуся послѣднія подпоры, послѣдняго утѣшенія, послѣднихъ вѣрныхъ чадъ своихъ.

Нѣтъ, дражайшее отечество, ты ихъ не лишилось, ты имѣешь Минина! Мининъ грядетъ во срѣтеніе тебѣ, спасти тебя! моли, да всѣ будутъ ему подобны, да всѣ научатся его примѣромъ.

Давно раздиралось сердце его бѣдствіемъ Россіи. Яко мужъ прозорливый предвидѣлъ онъ давно опасности, коимъ она подвергалась и жестокія слѣдствія, отъ того произойти могущія. Нерѣдко представлялъ онъ о томъ своимъ согражданамъ; но духъ ихъ ослабѣвалъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе возрастали опасности. Граждане въ уныніи ничего предприять не дерзали.

Наконецъ Мининъ, нѣкіимъ вдохновеніемъ Свыше, возревновавшій усердіемъ непреодолимымъ, замышляетъ самъ совершить великое предпріятіе: Спасти Отечество.

Но надлежало соединиться многимъ великимъ качествамъ и добродѣтелямъ въ единомъ человѣкѣ, дабы возможно было произвести сіе въ дѣйство, надлежало благоразуміемъ возбудить къ себѣ уваженіе, честностью довѣренность, усердіемъ любовь, твердостію духа покорность, безкорыстіемъ преданность, и наконецъ пламенною любовію къ отечеству благословеніе отъ всѣхъ вѣрныхъ онаго сыновъ. Надлежало остротою ума изобрѣсти надежныя средства, постоянствомъ въ намѣреніи утвердить оныя, приличною скромностію сокрыть предприятія свои и дѣйствія отъ невѣждъ и злонамѣренныхъ людей, мужествомъ привести все въ настоящее исполненіе, терпѣніемъ преодолѣть трудности, осмотрительностію въ выборѣ умѣть снискать себѣ достойнаго трудовъ своихъ поборника.

---

[1]) Тогда же взялъ подъ стражу Митрополита и Боярина Одоевскаго. Дѣеписаніе предаетъ, что тогда было въ семъ мѣстѣ однихъ Монастырей до 70, а церквей болѣе 1500. Самый уѣздъ Новогородскій пощаженъ не былъ. Делагардій и его потомство содѣлались потомъ богатѣйшими въ Швеціи.

Такими, подлинно, качествами украшенъ былъ Мининъ; но извѣстенъ былъ согражданамъ своимъ, яко простой, маловажной, хотя и добродѣтельный ихъ соотечественникъ. Между тѣмъ разсуждаетъ онъ втайнѣ, и заключаетъ, что къ совершенному спасенію отечества нуженъ мужъ честный, праводушный, храбрый, а паче искуствомъ во бранѣхъ и неоднократнымъ для пользы отечества пожертвованіемъ жизни своей и здравія, довѣренность народа заслужившій. Мысль его обращается къ стольнику Князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому.

Въ удаленіи отъ суетъ градскихъ въ мирной сельской тишинѣ[1]) провождая дни свои Пожарскій изцѣлялъ тогда раны, нанесенныя ему въ прежнихъ противу неприятелей браняхъ. Мининъ спѣшно направляетъ къ нему путь свой, и скрывая важное свое предприятіе отъ всѣхъ согражданъ, объявляетъ оное единому Пожарскому, представляетъ ему начертанныя разпоряженія, и убѣждаетъ его о припятіи главнаго надъ новымъ воинствомъ начальства. Пожарскій съ восторгомъ приемлетъ предложеніе. Два великіе мужа соединяются къ общей цѣли. Небеса благословляютъ ревностный союзъ ихъ. Мининъ возвращается къ своимъ согражданамъ.

Между тѣмъ другіе два сына отечества, мужи нераздѣльные отъ похвалъ Пожарскаго и Минина, мужи, себя и санъ свой навѣки прославившіе, Троицкія Сергіевы лавры Архимандритъ Діонисій и Келарь Авраамъ Палицынъ[2]) въ равномъ намѣреніи отправляютъ во всѣ города Россійскіе увѣщательныя грамоты, ободряя унывшіе духи Россіанъ, умоляя ихъ о подаяніи помощи Москвѣ, да соединятся общими силами къ защитѣ оной и къ отъятію ея у общихъ Россіи враговъ.

---

[1]) Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій жилъ тогда въ деревнѣ своей, разстояніемъ во 120 верстахъ отъ Нижняго Новагорода.

[2]) Съ совѣта братіи своей, предаст Дѣеписаніе, Бояръ, Дворянъ и Дьяковъ, прибѣгшихъ подъ защищеніе ихъ обители, и по прозьбѣ Князя Дмитрія Тимофеевича Трубецкаго. Для сбору же военныхъ людей отправили въ Ярославль и во всѣ приморскіе города Боярина Князя Андрея Петровича Куракина, да Дьяка Михайла Данилова, также въ Володимиръ и во всѣ понизовые города Стольника Василія Ивановича Бутурлина и Дьяка Василья Сиднова.

Уже распространяются оныя грамоты по всѣмъ градамъ. Нижній Новгородъ отъ того не изъемлется [1]). Граждане приходятъ въ умиленіе. Новый жаръ возпламеняетъ кровь ихъ. Жители встрѣчаютъ Минина съ восторгомъ. Мининъ собираетъ ихъ на площадь.

Собравшуся сонмищу предстаетъ Мининъ. Общее безмолвіе. Усердные взоры Гражданъ обращаются то на Небо, то на Минина. Наконецъ Мининъ призвавъ въ помощь Бога, возвышаетъ гласъ свой тако:

«Любезные сограждане, Отечество погибаетъ, Вѣра православная поругается!» Слезы прерываютъ гласъ его. Всѣ содрогнулись. Слезы блеснули въ очахъ каждаго изъ предстоящихъ.

«Такъ, продолжаетъ Мининъ, Россійское Государство къ конечному приближается разрушенію. Взгляните: тамо курятся цѣлые града; они суть града Государей нашихъ, для пользы общей нѣкогда воздвигнутые; а подавленные подъ развалинами ихъ окровавленныя тѣла, суть тѣла соотечественниковъ нашихъ. Разоренные храмы Божіи, суть храмы, въ нихъ же исповѣдуемъ православную нашу вѣру. А тамъ, новые полки враговъ грядутъ послѣдній нанести смертоносный ударъ остаткамъ любезнаго нашего отечества. Отечество погибаетъ, но помощи нѣтъ. Ежели проникаютъ въ сердца ваши вздохи избіенныхъ, ежели можете слышать гласъ оскорбленныя Вѣры, ежели срамъ, безчестіе и всеобщая погибель могутъ преклонить васъ къ состраданію, то молю васъ именемъ Вышняго и отечества, не пощадимъ имущества нашего, употребимъ оное на плату воинству, которое соберемъ для спасенія и очищенія Москвы и цѣлаго Государства, пожертвуемъ всѣмъ, домами нашими, и что для насъ есть драгоцѣннѣйшее, женами и дѣтьми нашими. Примѣръ нашъ возбудитъ другіе города къ подражанію. Отмстимъ врагамъ нашимъ, спа-

---

[1]) Вышепомянутая увѣщательная грамота подоспѣла въ Нижній Новгородъ къ самому тому времени, когда возвратился Мининъ; и возбужденный такимъ образомъ жаръ усердія въ гражданахъ Мининъ употребилъ тогда въ пользу.

семъ Отечество. Самъ Богъ заступникъ и помощникъ нашъ будетъ. И ежели предвѣчными судьбами опредѣлена намъ смерть, то вѣнцы мученическіе, вѣнцы праведниковъ будутъ отъ Вседержителя Бога наградою нашею»[1]).

Подобно молніи потрясла рѣчь сія сердца слушателей. «Возьми, восклицаютъ всѣ единогласно, возьми у насъ все, но спаси отечество»! И такъ, соберемъ имѣніе наше, составимъ изъ онаго общую казну, продолжаетъ Мининъ, а я подамъ вамъ первый тому примѣръ». Мининъ приноситъ все свое имущество; прочіе Граждане ему въ томъ послѣдуютъ.

Се подвигъ истиннаго сына отечества! Есть ли что онаго священнѣе и величественнѣе? могутъ ли быть чувства благороднѣе и сердце добродѣтельнѣе, каковыя просіяли тогда въ дѣяніяхъ Минина? Могутъ ли быть заслуги и достоинства важнѣе, какіе оказалъ тогда отечеству великій мужъ сей? Ежели есть истинная честь и слава, то долженствуютъ оныя пріобрѣтаться усердіемъ, усердію Минина подобнымъ.

Увѣнчанный радостнымъ успѣхомъ Мининъ, для довершенія великаго своего предпріятія, паки обращаетъ слово свое къ собранію:

«Жертвуя имѣніемъ нашимъ, любезные граждане, нужно намъ помыслить о избраніи искуснаго войску предводителя: потщимся найти онаго, и съ благословеніемъ Вышняго вручимъ ему военачальство, да идетъ прямо подъ Москву».

«Гдѣ сей посланникъ Божій, восклицаетъ паки сонмище: нареки его, и мы его избираемъ. Стольникъ, Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій», вѣщаетъ Мининъ. Пожарскій раздается общій гласъ. «Пожарскій, онъ избранъ». И уже посланные спѣшатъ къ Пожарскому возвѣстить ему о семъ избраніи[2]).

Незабвенный есть подвигъ, пожертвованіе всего своего иму-

---

[1]) Рѣчь сія приводится у разныхъ писателей различно, но чувства и мысли во всѣхъ одинаковы.

[2]) Тогда отправили къ сему Князю отъ имени всего города Печерскаго Архимандрита Ѳеодосія и знатнѣйшихъ изъ гражданъ.

щества, единственною цѣлію пользу отечества имѣющее. Но достоинства Минина въ сихъ единыхъ предѣлахъ не заключались. Кажется, что ему всѣ пружины искуснаго управленія были извѣстны. Ибо мы видимъ его то въ полѣ, то въ совѣтахъ, то среди простаго народа, то въ сонмѣ знатнѣйшихъ Бояръ Россійскихъ, тамъ убѣждающаго и соединяющаго раздѣленные раздоромъ умы, индѣ устроевающаго нужныя разпоряженія, тамо дѣйствующаго тайно, индѣ явно; тамо вселяющаго довѣренность, индѣ уничтожающаго несправедливый ропотъ, разчисляющаго общія и частныя воинства нужды, и соразмѣряющаго съ оными раздачу собраннаго имѣнія; то наблюдающаго движеніе непріятелей, то ускоряющаго дѣйствія собственныхъ ратниковъ, пользующагося настоящими успѣхами, и предъуготовляющаго ихъ къ будущимъ побѣдамъ; повсюду обращающаго свое вниманіе, повсюду направляющаго дѣла къ предположенной цѣли.

Стараніемъ Минина посланные приглашаютъ Пожарскаго къ принятію предводительства надъ войскомъ. Пожарскій оное на себя пріемлетъ; но предлагаетъ купно избрать Минина къ собиранію, раздачѣ и сохраненію общія казны[1]. Обрадованные Нижегородцы оную ему вручаютъ, но Мининъ отъ того отрекается; его убѣждаютъ, онъ еще сопротивляется; его молятъ о томъ, онъ соглашается[2]; но вѣдая премѣнчивость умовъ человѣческихъ, требуетъ отъ нихъ общаго приговора быть ему послушнымъ и покорнымъ, и не препятствовать ему въ раздачѣ военнымъ лю-

[1] Пожарскій, принявъ предложеніе посланныхъ, требовалъ, чтобъ они выбрали изъ своихъ гражданъ людей такихъ, которые бы казну воинскую на своихъ рукахъ имѣли и хранили. И когда они отвѣчали, что такихъ людей у нихъ нѣтъ. «Есть, сказалъ тогда Пожарскій, между вами человѣкъ, который прежде бывалъ въ службѣ, зовомый Козьма Мининъ, то дѣло тотъ управить можетъ».

[2] Умный и осторожный Мининъ въ самомъ дѣлѣ притворился сперва, что сіе дѣло свыше силъ его, и просилъ избрать на то достойнѣйшаго; но тѣмъ самымъ, предаетъ дѣеписаніе, понудилъ просить себя тѣмъ усильнѣе. Наконецъ ревность гражданъ простерлась тогда столь далеко, что въ данномъ ими приговорѣ стояли также и сіи слова: не токмо, что у нихъ имать животы, но жены ихъ и дѣти продавати, а ратнымъ людемъ давати.

дямъ собраннаго имѣнія; они подписуютъ приговоръ и Мининъ отправляетъ оный къ Пожарскому[1]).

Тогда Мининъ и Пожарскій приступаютъ къ выбору и устроенію ратныхъ людей. Первое ополченіе доставили сами Нижегородцы. Слухъ о семъ разпространился въ другіе города. Общая ревность возпламеняетъ вѣрныхъ Россовъ. Смоляне[2]), Дорогобужане и Вязмичи присоединяются къ Нижегородскому отряду; за ними послѣдовали Коломничи и Рязанцы, а потомъ многихъ Украинскихъ городовъ козаки и стрѣльцы.

Но оставимъ ополченіе, обратимся къ прекрасному онаго источнику!

О добродѣтель, священная добродѣтель! Подвиги твои превыше всѣхъ подвиговъ, единымъ дѣйствіемъ случая блистающихъ. Блаженны сердца, блаженны царства и народы, гдѣ ты обитель свою созидаешь! Ты въ щастіи рай на земли, въ злополучіи отрада и утѣшеніе, ты оплотъ душевный противу коварныхъ гонителей, ты вѣрная помощница въ дѣяніяхъ повинующагося тебѣ смертнаго, ты вѣрное, незыблемое достоинство и честь каждаго человѣка и цѣлыхъ Государствъ. Наслажденія отъ тебя проистекающія, суть наслажденія Ангельскаго спокойства совѣсти, утѣхи твои, возпоминаніе дѣлъ добрыхъ! Приосѣня благодатію своею поборниковъ твоихъ Минина и Пожарскаго, ты ихъ ободряла, ты направляла пути ихъ, ты проліяла свѣтъ свой на всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества!

Такъ; добродѣтели Минина и Пожарскаго спасли Россію. Видя намѣреніе ихъ, единую пользу и благо Государства предметомъ имѣющее, увѣрясь самымъ опытомъ, что ни тщеславіе, ни корысть, ниже другія страсти управляютъ ими, кромѣ ревностнаго стремленія къ спасенію Отечества, присоединились къ нимъ знаменитѣйшіе Бояре и чиновники[3]), дабы общими силами итти противу непріятеля.

---

[1]) Зане опасался, чтобъ народъ непостоянный данную запись назадъ отъ него силою не взялъ. Зри ядро Россійской Исторіи Князя Хилкова.

[2]) Поселившіеся на Арзамасѣ.

[3]) Въ самомъ еще началѣ великаго сего предпріятія Пожарскаго, присое-

Но пламенники внѣшнихъ браней не столь опасны, сколько внутренніе мятежи и раздоры. Уже Пожарскій и Мининъ готовы были къ отшествію съ войскомъ и со всѣми вѣрными сынами отечества, какъ предводитель отряда козаковъ Подмосковныхъ [1]) всѣ употребилъ силы противу Ярославля, дабы не допустить Пожарскаго совокупиться съ Ярославцами. Но промыслъ Божій паки благословилъ Россію, и посланный отрядъ войска отъ Пожарскаго, очистилъ Ярославль отъ предателей, и измѣнники посажены подъ стражу [2]).

Подобная препона была отъ Казанцевъ. Пожарскій требовалъ отъ нихъ равнаго другимъ городамъ пособія. Но злокованый Градоначальникъ [3]), кровавыми руками похитившій власть и начальство, убоясь достойнаго нѣкогда по дѣламъ своимъ возмездія, вмѣсто поданія помощи, къ собственной измѣнѣ преклонилъ посланныхъ отъ Пожарскаго [4]). Наконецъ Пожарскій,

---

динились къ нему извѣстнѣйшіе, Князь Дмитрій Черкаской, Князь Дмитрій Петровичъ Пожарской Лопата, братъ предводителя Князь Иванъ Андреевичъ Хованской, Князь Семенъ Васильевичъ Прозоровской, Петръ Ивановичъ Мансуровъ Плещеевъ, Михайло Самсоновичъ Дмитріевъ, Ѳедоръ Левашевъ, Князь Гагаринъ, Григорій Образцовъ, Дьякъ Семенъ Самсоновъ, Барай Мурза Алѣевичъ Кутумовъ, многіе изъ Московскихъ полковъ Дворяне и дѣти Боярскіе и до 17 человѣкъ казацкихъ Атамановъ и старшинъ.

[1]) Заруцкой, Полковникъ козацкій, послалъ въ семъ намѣреніи многихъ Козаковъ, дабы овладѣть Ярославлемъ и не дать совокупиться Нижегородскому войску съ Ярославцами.

[2]) Князь Д. М. Пожарскій отправилъ для сего въ Ярославль брата своего Князя Дмитрія Петровича Пожарскаго Лопату, и съ нимъ Дьяка Семена Самсонова съ войскомъ, кои Козаковъ Заруцкаго захватили въ Ярославлѣ и отдали подъ стражу. Тогда же шедшій противу Ярославля Андрей Просовецкой съ войскомъ, не смѣя вступить въ городъ, возвратился обратно. Подобная причина заставила Козаковъ сего послѣдняго удалиться потомъ и отъ Суздаля, противъ коихъ посланъ былъ отъ Пожарскаго по прозьбѣ Суздальцевъ, братъ его Князь Романъ Петровичъ. Зри Ядро Россійской Исторіи.

[3]) Дьякъ Никаноръ Шульгинъ, бывшій при Окольничемъ Богданѣ Бѣльскомъ, коего смерти почитается онъ виновникомъ.

[4]) Кромѣ другихъ противуборствъ, упомяну токмо еще, что когда Пожарскій былъ въ Ярославлѣ, то возставали противъ войска Россійскаго Черкасы, ставшіе въ Рускихъ порубежныхъ городахъ и Козаки въ Угличѣ, противу коихъ Пожарскій съ успѣхомъ посылалъ Воеводу Князя Дмитрія Маштрюковича Черкаскаго и Князя Ивана Ѳеодоровича Троекурова, коихъ убоясь и тѣ

тщетно помощи ожидавшій, презрѣлъ измѣнниковъ и купно съ Мининымъ все упованіе свое возложилъ на Бога!

Такое было начинаніе Минина и Пожарскаго, посмотримъ, какимъ оное увѣнчано было успѣхомъ.

Часть вторая.

Подобно мрачной тучѣ приближалося ополченіе вражеское къ стѣнамъ Московскимъ. Подобно сіянію восходящаго свѣтила выступаютъ ратники Нижегородскіе. Радостное предчуствіе оживляло сихъ послѣднихъ, ибо мнили они, Пожарскій съ нами, кто противу насъ! Каждый шагъ ободряется новою надеждою; на каждомъ шагу возрастаетъ то число ратниковъ, то вспоможеніе денежное. Я къ вамъ обращаюсь, нынѣ спокойные города отечества нашего, Болохна, Юрьевецъ Повольскій, Кинешма, Кострома[1]), вы свидѣтели, какая одушевляла бодрость войска Россійскія, съ какою ревностію Пожарской и Мининъ повсюду ко всеобщей помощи возбуждали, какими сопровождаемые успѣхами прибыли они наконецъ въ Ярославль.

Здѣсь другаго рода заботы и попеченія остановили шествіе Пожарскаго и Минина. Ибо чѣмъ важнѣе предпріятіе, тѣмъ болѣе требуетъ оно осторожности и благоразумія. Напрягая силы свои противу враговъ, съ западныхъ странъ ополчающихся, усматривали они купно, что не могутъ быть внѣ опасности отъ непріятелей съ сѣвера пришедшихъ, ежели не возпріимутъ мѣръ къ отвращенію сихъ послѣднихъ. Участь Новогородцевъ, насилія Делагардія, и всѣ могущія произойти отъ того вредныя для нихъ слѣдствія, представляются совокупно уму великихъ сихъ мужей. Силою оружія отвратить ихъ въ такой крайности было бы невозможно: надлежало изобрѣсти другіе способы. Тако разсуждали въ усердіи своемъ Пожарской и Мининъ, и собравъ со-

---

и другіе возвратились вспять, а нѣкоторые отдались Пожарскому. Ядро Россійск. Истор.

[1]) Города, чрезъ которые проходило войско Нижегородское.

вѣтъ изъ знаменитѣйшихъ чиновъ военныхъ и гражданскихъ, общимъ положили приговоромъ отправить Пословъ [1]) въ Новгородъ и къ Делагардію подъ видомъ приглашенія на царство Россійское Государя изъ Шведскаго дому.

И предлогъ сей, руководимый единымъ чистымъ усердіемъ къ отечеству, изобрѣтенъ былъ столь искусно, и произведенъ въ дѣйство съ такимъ тщаніемъ, что обрадованные Шведы, повѣря предложенію, укротили насилія, остановили оружія, и въ военныхъ подвигахъ Пожарскому и Минину не препятствуя, ожидали токмо окончанія дѣлъ Московскихъ.

Тако дѣятельность сихъ мужей обращалась повсюду и усиливалась по мѣрѣ возраставшихъ затрудненій. Еще не довершили они подвиговъ своихъ въ Ярославлѣ, какъ войска Подмосковныя, находившіяся тогда подъ особымъ предводительствомъ Князя Дмитрія Тимофѣевича Трубецкаго, и новымъ непріятелей ополченіемъ устрашенные, отправляютъ вѣстниковъ своихъ къ Пожарскому, убѣждая о скорѣйшемъ отшествіи къ Москвѣ [2]).

Пожарскій ободряетъ наградами посланныхъ; но яко мужъ прозорливый и обращающій вниманіе свое на всѣ пути долженствующіе привести къ великой имъ предначертанной цѣли, медлитъ, собирая новыя войска, предуготовляя нужныя ко брани начертанія, устроевая прочный въ воинствѣ порядокъ, и купно съ Мининымъ снабжая достаточно каждаго изъ воиновъ всѣмъ нужнымъ. И хотя между тѣмъ паки приходили посланные отъ Князя Трубецкаго, хотя въ жару увеличивающагося страха войскъ Подмосковныхъ слухомъ умножающихся войскъ непріятельскихъ,

---

[1]) Степана Татищева, и изъ всѣхъ городовъ и чиновъ по человѣку.

[2]) Князь Д. Т. Трубецкой, стоявшій съ войскомъ подъ Москвою, видя измѣны и грабежи, а съ другой стороны, новую собирающуюся непріятельскую силу къ Москвѣ подъ предводительствомъ Гетмана Литовскаго Хоткѣевича прислалъ въ Троицкосергіевъ монастырь Дворянъ Михайлу и Никиту Пушкиныхъ просить, чтобы отъ Обители своей писали къ Князю Пожарскому въ Ярославль о немедленномъ выступленіи его подъ Москву. Архимандритъ и Келарь немедля отправили отъ себя соборныхъ старцевъ съ симъ прошеніемъ. Когда же Князь требованія ихъ исполнить не могъ, то отправили они паки еще двухъ старцевъ съ сильнѣйшею о томъ прозьбою.

паки напоминали о скорѣйшемъ выступленіи; но Пожарской предвидя, что благоразумнымъ медленіемъ и хладнокровнымъ соображеніемъ и предвареніемъ всѣхъ опасныхъ обстоятельствъ, надежнѣе достигнуть можетъ побѣды, не прежде какъ все надлежащимъ образомъ устроивъ, вышелъ съ войскомъ своимъ изъ Ярославля[1]).

Уже усиливалось дѣйствительно войско Литовское подъ предводительствомъ Гетмана Литовскаго Хоткѣевича новымъ вспоможеніемъ[2]). Уже воинство Россійское приближалось къ столицѣ; но Пожарскому, находившемуся тогда въ Ростовѣ, надлежало преодолѣвать новыя препятствія; надлежало поставить преграду нечаяннымъ отъ Шведовъ нападеніямъ, сокрушить крамолу внутреннихъ измѣнниковъ, ополчиться противу суевѣрія народнаго и противустать несогласіямъ предводителей войскъ Подмосковныхъ.

Бодрствующій духъ Пожарскаго разрушаетъ всѣ сіи препоны. Яко искусный военачальникъ не полагаясь на первые успѣхи, и не успокоеваясь примиреніемъ со Шведами, разполагаетъ онъ часть войска своего при Бѣлѣозерѣ[3]) для примѣчанія ихъ движеній. Тогда же предателей отечества укротилъ собственнымъ ихъ страхомъ, и Заруцкій[4]), покушавшійся на самую жизнь Пожарскаго, удаляется отъ Москвы купно съ сообщниками своими[5]).

---

[1]) Медленіе Князя Пожарскаго происходило также и отъ того, что въ то время пришли послы отъ Новогородцевъ съ отвѣтомъ и объявленіемъ согласія Делагардія на учиненное ему предложеніе.

[2]) Сіе было въ августѣ мѣсяцѣ 1612 года; что понудило Келаря Аврамія Палицына самаго отправиться къ Князю Пожарскому, дабы побудить его къ скорѣйшему выходу.

[3]) Подъ предводительствомъ Григорья Образцова.

[4]) Заруцкій ушелъ съ великою частію предавшагося ему войска Подмосковнаго къ женѣ своей, извѣстной Маринкѣ, въ городъ Коломну, которой ограбивъ пошелъ въ Рязанскія области, и разоривъ оныя сталъ въ городѣ Михайловѣ.

[5]) Я умолчу о зломышленныхъ людяхъ, посланныхъ въ Ярославль и Смоленскъ для убіенія Пожарскаго, и о совѣщаніи ихъ о способѣ произвести сіе въ дѣйство. Скажу токмо, како промыслъ Божій, руководивый его во всѣхъ дѣлахъ, спасъ драгоцѣнную жизнь его. Когда случилось быть Пожар-

Столь преткновенными путями шествовавшій Пожарскій, казалось на каждомъ шагу подкрѣпляемъ былъ нѣкіимъ Геніемъ хранителемъ Свыше посланнымъ, или паче вѣра и надежда къ Богу спасала сего мужа и славными увѣнчевала его успѣхами.

Но суевѣріе, сіе изчадіе легковѣрія и скудоумія, сіе иногда столь страшное чудовище, покрывъ внезапно мрачными крилами своими воинство Россійское, распространило всеобщее смятеніе, и поставило новыя препоны Пожарскому. И что же могло привести оное въ уныніе? обыкновенная Физическая перемѣна въ воздухѣ, вѣтръ, но вѣтръ шествію ихъ противный, которой тайные злоумышленники употребили въ пользу для возбужденія въ ратникахъ отчаянія, увеличивая оное еще болѣе увеличеніемъ слуховъ о силѣ и непреоборимости войскъ Литовскихъ. Мудрый Пожарскій не строгостію и наказаніемъ, но самою вѣрою суевѣрные ратниковъ страхи истребить старался, увѣряя ихъ о явной къ нимъ благости Божіей предшедшими успѣхами доказанной, ободряя несомнѣннымъ Свыше воззрѣніемъ на праведныя ихъ дѣла, изгоняя сомнѣнія изчисленіемъ достаточныхъ силъ своихъ къ преодолѣнію неприятеля. Наконецъ къ собственнымъ убѣжденіямъ присовокупилъ благодать церковнаго увѣщанія и успокоенія [1]).

Казалось, сама природа споспѣшествовала тогда благимъ намѣреніямъ Пожарскаго; ибо вѣтръ премѣнился, унывшіе духи

скому въ съѣзжей избѣ и оттуда итти смотрѣть пушечнаго снаряду, которой хотѣлъ вести подъ Москву, и какъ пошедъ сталъ въ дверяхъ, Козакъ Романъ взялъ его подъ руку; тогда присланный, по наущенію, Козакъ Стенька, между ихъ съ ножомъ сунувшись въ намѣреніи, чтобъ Пожарскаго въ животъ ударить, ошибся и вмѣсто его Роману ногу порѣзалъ. Стенька бывъ пойманъ единомышленниковъ объявилъ. Народъ хотѣлъ предать его смерти. Единое великодушіе Пожарскаго уняло справедливое волненіе. Зри ядро Россійской Исторіи.

[1]) Тогда по совѣту его Діонисій, Троицкаго монастыря Архимандритъ, неоднократно уже по сану своему для пользы отечества подвизавшійся, со всѣмъ Соборомъ, Иконами и Крестомъ предшествовалъ войску, благословлялъ оное, и остановясь въ 4-хъ верстахъ отъ Сергіева Монастыря, кропилъ Святою водою, укрѣпляя въ надеждѣ на всесильнаго Бога.

ободрились, и воинство паки съ радостнымъ восторгомъ поспѣшало къ Москвѣ.

Приближась къ столицѣ[1]), Пожарской разсматриваетъ окрестныя мѣста, изыскиваетъ лучшее для расположенія своего стана, избираетъ способы къ надежному онаго укрѣпленію, извѣдываетъ движеніе войскъ Литовскихъ и состояніе Россійскихъ ратниковъ подъ начальствомъ Князя Трубецкаго состоящихъ, и яко мужъ опытный, примѣчая за первыми, полагается съ осторожностію на помощь послѣднихъ. Пылающій единою истинною любовію къ отечеству, весь духъ, все рвеніе, все намѣреніе на спасеніе онаго устремляетъ.

Уже казалось, что сими столь искусно употребленными средствами, оставалось токмо напасть на неприятеля; но зависть и самолюбіе, несогласія и раздоры предводителей войскъ Подмосковныхъ паки остановили его шествіе, князь Трубецкой требовалъ соединенія ратниковъ Пожарскаго съ ратниками своими, но Пожарской познавъ непостоянство козаковъ подъ начальствомъ его бывшихъ, отринулъ предложенія, и рѣшился дѣйствовать особо собственными силами, собственными ратниками, коихъ усердіе и преданность ему уже была извѣстна. Честность намѣренія Пожарскаго и твердость его духа возбудили наконецъ всеобщую къ нему довѣренность.

Между тѣмъ какъ сей великій Герой укрѣплялъ свои силы, устроялъ собранныя войска, и къ предстоящему сраженію нужныя дѣлалъ начертанія, Мининъ не только вниманіе свое употреблялъ на достаточное продовольстіе войска; но разпространилъ оное на всѣ случаи, могущія или ослабить побѣду или новой подвергнуть опасности.

Мининъ слѣдовалъ за Пожарскимъ повсюду. Мининъ и Пожарской повсюду представляли величественное зрѣлище неутомимаго въ трудахъ обращенія для пользы отечества. Ибо обучалъ

[1]) Августа 1-го дня 1612 года пришелъ Князь Пожарской къ Троицкому Монастырю, а 18-го услышавъ о скоромъ приближеніи неприятелей подъ Москву, пошелъ подъ оную взявъ съ собою Келаря Аврамія Палицына.

ли Пожарской ратников своихъ въ полѣ, Мининъ заготовлялъ тогда нужные припасы и снаряды; Пожарской предводительствуетъ войскомъ, Мининъ руководствуетъ совѣтомъ; Пожарской преодолѣваетъ трудности, Мининъ подаетъ къ тому способы; Пожарской награждаетъ труды и усердіе ратниковъ, Мининъ доставляетъ на то средства; Пожарской укрощаетъ мятежи и несогласія, Мининъ ему оныя открываетъ; Пожарской совершаетъ собственныя укрѣпленія и къ будущей брани нужныя приуготовленія, Мининъ наблюдаетъ движенія неприятелей; Пожарской разполагаетъ войско свое въ засадѣ, въ ямахъ и развалинахъ дабы пресѣчь ходъ войску Литовскому, Мининъ старается познать силу и дѣйствіе войскъ Подмосковныхъ; Пожарскій идетъ впередъ противъ неприятеля, Мининъ печется о безопасности войскъ позади стоящихъ.

Пожарскій наконецъ даетъ повелѣніе ко внезапному нападенію. Въ то время бдѣтельный Мининъ усматриваетъ знамена неприятелей, идущихъ напасть съ тылу на Пожарскаго[1]). Подобно орлу быстро парящему устремляется тогда Мининъ на скопище войскъ Литовскихъ, и ограждая единою рукою отечество, другою съ такимъ попираетъ мужествомъ неприятелей, что поражаемые Литовцы въ смятеніи и разстройствѣ въ бѣгство обращаются. Слѣды ихъ были слѣды отчаянія и страха. Въ ужасѣ и забвеніи своемъ попрали бѣгущіе неприятели тѣла собственныхъ своихъ малодушныхъ воиновъ.

Тогда войско Пожарскаго выступя изъ засады, общею устремилось силою на преслѣдованіе бѣгущихъ и на пораженіе всего Гетманскаго стана. Тысящами низлагаются неприятели, тысящами отдаются въ плѣнъ; малое токмо число спасается бѣг-

---

[1]) Дѣеписаніе предаетъ, что Мининъ усмотрѣвъ войска непріятельскія съ тылу идущія, потребовалъ отъ Пожарскаго отряда войскъ его. Пожарской увѣренный въ рѣдкихъ качествахъ Минина, предоставляетъ ему самому выборъ онаго. «Емли кого хощеши» сказалъ онъ, и Мининъ съ отборными тремя ротами Дворянскими и съ Ротмистромъ Хмѣлевскимъ устремясь на непріятелей поразилъ ихъ.

ствомъ. Побѣда блеснула въ полкахъ Россійскихъ. Военныя орудія и всѣ снаряды отдаются въ добычу побѣдителей[1]).

Побѣда предупреждала жаръ воиновъ Россійскихъ, жаръ ихъ предъупреждалъ побѣду. Уже сокрушена была гордыня строптивыхъ сопостатовъ, мнившихъ побрать и покорить Россію; но воинство Россійское еще пылало жаромъ преслѣдованія бѣгущихъ. Единый Пожарскій возмогъ остановить преслѣдователей. Отечество внѣ опасности, вѣщаетъ онъ громкимъ гласомъ, Отечество спасенно! употребимъ громъ оружій нашихъ на радостное торжество нашея побѣды[2]).

Отечество спасенно. Мининъ и Пожарскій, къ Вамъ простираетъ оно радостныя свои длани, Вамъ приноситъ жертву усерднаго благодаренія.

Отечество спасенно! Москва освобождена отъ неприятелей. Въ церквахъ раздаются благодарственныя къ Богу молебствія. Мининъ и Пожарскій общимъ нарицаются гласомъ спасителями отечества[3]).

Есть ли что священнѣе, славнѣе и величественнѣе сего наименованія, приносимаго отъ сердецъ къ истиннымъ достоинствамъ признательныхъ и отъ цѣлаго благороднаго (sic) Государства? Вникая въ подвиги великихъ мужей, обыкновеніе имѣютъ заим-

---

[1]) Артиллерія и весь обозъ непріятельской достался въ добычу Россіянамъ. Самъ же Гетманъ съ остальнымъ войскомъ принужденъ былъ отступить къ Донскому Монастырю, а оттуда на Воробьевы горы. По очищеніи Москвы отъ непріятелей считали побитыхъ болѣе 15,000, и въ плѣнъ взятыхъ до 10,000 человѣкъ.

[2]) Пожарскій остановилъ жаръ войска говоря, что въ одинъ день двухъ радостей не бываетъ. Стрѣляніе изъ ружей и всѣхъ орудій продолжалось два часа. Сей громъ такъ устрашилъ Гетмана, что онъ всю ночь стоявъ фрунтомъ на лошадяхъ, поутру 25 августа совсѣмъ удалился.

[3]) Пораженіе началось 22 и увѣнчано было совершенною побѣдою 25 августа 1612 года. Хотя потомъ Король Польскій дѣлалъ новыя покушенія, и уже занялъ Вязьму; по узнавъ отъ взятаго имъ въ плѣнъ Стольника Философова, что Москва имѣетъ сильное войско, что оно рѣшилось умереть за вѣру и отечество, и что оно во всемъ имѣетъ изобиліе; наконецъ претерпѣвъ храбрый отъ Россіянъ отпоръ въ маломъ городкѣ Волоколамскомъ, удалился въ Польшу.

ствовать отъ древнихъ временъ и чуждыхъ народовъ примѣры для уподобленія, яко бы для вящшаго возвеличенія ихъ славы; но подвиги Минина и Пожарскаго столь единственны и столь преславны, что сами служатъ великимъ примѣромъ для всѣхъ вѣковъ и народовъ!

Ибо въ лѣтописяхъ произшествій человѣческихъ нерѣдко обрѣтаемъ мы, что величайшія для отечества пожертвованія были слѣдствія либо случая, либо сильнаго въ страсти волненія, либо внезапнаго въ восторгѣ изступленія, либо требовало того особый долгъ и служеніе. Но возбудиться къ тому единымъ чистымъ усердіемъ, удержаться постоянно въ своемъ намѣреніи, не останавливаться въ шествіи своемъ никакими противупоставляемыми препонами, руководиму быть въ исполненіи предприятія не пылкостію перваго жара, но хладнокровіемъ постояннаго благоразумія, спасти отечество не для собственной пользы, чести или славы, но единственно для спасенія онаго, наконецъ пожертвовать для того всѣмъ своимъ имуществомъ, а паче супругою и собственными чадами своими, есть болѣе нежели пожертвовать единожды жизнію своею. Ибо лишеніе послѣдней есть страданіе мгновенное, но лишеніе того, что намъ было всего любезнѣе, разливаетъ ядъ печальнаго воспоминанія на весь остатокъ дней злощастныхъ. Столь велико было пожертвованіе Минина, столь благородно было чувствованіе Пожарскаго. Тако былъ подвигъ перваго единственъ, подвигъ втораго преславенъ.

Не ясно ли мы видимъ здѣсь изображеннымъ всемогущество Божіе, бренному смертныхъ роду возвѣщающее, что когда Богъ восхотѣлъ озарить вселенную, то повелѣлъ быть великимъ свѣтиламъ; когда восхотѣлъ спасти Россію, то поставилъ Минина и Пожарскаго, да посредствомъ ихъ просіяетъ въ позднѣйшія потомства дражайшее отечество наше [1]).

---

[1]) Безсмертная Государыня Императрица Екатерина въ единомъ изъ твореній Своихъ, разсуждая о вопросѣ: чѣмъ народы и царства преимуществуютъ одни предъ другими, рѣшила, что не древностію происхожденія и образованія, но добродѣтелями своими. Великодушные Россіяне во всѣ времена

Кто токмо можетъ представить чувствомъ, тотъ удобно вообразитъ себѣ Ангельское утѣшеніе сердца, коимъ наслаждались Пожарскій и Мининъ по спасеніи Государства, но яко истинные и вѣрные сыны Отечества, еще они ревности своей не останавливаютъ.

Не довершены труды наши, мнятъ они, ибо очистивъ Государство отъ непріятелей, надлежитъ доставить оному надежное спокойство возпріятіемъ на престолъ Всероссійской законнаго оному наслѣдника. Пожарской и Мининъ воспоминаютъ тогда о послѣдней оставшейся отраслѣ Рурика: и се! Бояре и Сигклитъ, и весь чинъ духовный, военный и гражданскій присягнули въ вѣрности Царю Михаилу Ѳеодоровичу Романову. Тако разрушена была крамола притязателей престола Россійскаго!

Преславный и незабвенный есть подвигъ Минина и Пожарскаго, спасеніе Отечества. Но сколь еще вящше достоинство ихъ и величіе украшается и возвышается таковою ненарушимою вѣрностію и преданностію къ природному Государю, кои сколь прекрасны и чисты были въ своемъ источникѣ, столь радостнымъ наградили потомъ благоденствіемъ Россію въ продолженіи рода Романовыхъ на престолѣ ея до нашихъ временъ! ибо отсюду обрѣтаетъ оная въ лѣтописяхъ быстраго съ тѣхъ поръ приращенія величія своего и славы: Михаила, пораженную Россію паки воздвигнувшаго, и внутреннее ея спокойство мирными союзами съ сосѣдними и другими иноплеменными народами утвердившаго; Алексѣя, мудрыми узаконеніями общему благоустройству твердыя начала положившаго; безсмертнаго Петра, миромъ и войною преславнаго, водвореніемъ наукъ и художествъ, изправленіемъ древнихъ обычаевъ, и введеніемъ новаго во всѣхъ частяхъ устройства укрѣпившаго, оградившаго и якобы вновь возродившаго Россію, и научившаго покаряться ей иноплеменные народы; кроткую Елисавету, человѣколюбіемъ, милосердіемъ и всѣми добродѣ-

---

подлинно превосходили оными всѣхъ прочихъ народовъ. Для сего довольно напомянуть новѣйшія ихъ пожертвованія для пользы, чести и славы любезнаго нашего Отечества.

телями своими проліявшую миръ, довольство и всеобщую отраду; Великую Екатерину, подвигами преславную, щедролюбіемъ несравненную, великодушіемъ Богоподобную, новымъ законодательствомъ, громкими побѣдами, и мудрою въ дѣлахъ прозорливостію разпространившую, украсившую и на верхъ величія и славы поставившую Отечество наше; Александра, Ангельскою кротостію, милостивымъ къ подданнымъ снисходительствомъ, новымъ наукъ насажденіемъ и распространеніемъ, ободреніемъ трудовъ, награжденіемъ заслугъ, воззрѣніемъ на всѣ истинныя достоинства, и отческимъ о благѣ каждаго попеченіемъ, увѣнчевающаго подвиги всѣхъ преславныхъ своихъ предковъ всеобщимъ Россіи благоденствіемъ!

И при такомъ къ намъ милосердіи Божіемъ, да будетъ во вѣки благословенна память ваша, Мининъ и Пожарской! За великіе труды и подвиги ваши, признательность Бояръ Россійскихъ и усердіе благодарнаго Михаила не преминули ущедрить васъ наградами по достоинствамъ вашимъ [1]). Но вящшая награда ваша есть собственное утѣшеніе и благословеніе Свыше. Награда вамъ Петръ, въ сильномъ великихъ добротъ чувствованіи преклонившійся нѣкогда ницъ предъ гробомъ Минина, и нарекшій его свободителемъ и избавителемъ отечества [2]); награда Александръ

[1]) Пожарскому поднесена честь Боярства, и даны ему были великія изъ казенныхъ волостей вотчины, на кои вручена ему жалованная грамота, подписанная Боярами всего Государства и духовенствомъ, которая потомъ подтверждена Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Мининъ въ грамотѣ сего же Государя наименованъ выборнымъ человѣкомъ, и приобщенъ былъ въ его думу съ достоинствомъ думнаго Дворянина. Но сими милостями пользовался онъ недолго, ибо, по свидѣтельству Миллера, скончался рѣдкій мужъ сей въ 1616 году. Живъ при дворѣ, по желанію Государя, удалился онъ предъ смертію своею въ Нижній Новгородъ наслаждаться въ тишинѣ удовольствіемъ сердца и совѣсти.

[2]) Минина повелѣно было погребети въ Нижегородскомъ Соборномъ Преображенія Господня храмѣ вмѣстѣ съ Нижегородскими князьями и ихъ фамиліями, и имя его, такъ какъ и сына его Меѳодія Минина, въ томъ же храмѣ погребеннаго, на Вселенскихъ панихидахъ обще съ помянутыми Князьями поминается. Петръ Великій, въ походѣ своемъ въ Персію, слушавъ въ день своего рожденія, въ ономъ храмѣ святую литургію, благоволилъ спросить, гдѣ погребенъ Мининъ, и когда ему оное мѣсто было показано, то Государь сей

даровавшій возникнуть словеснымъ наукамъ, и словесныя Науки, повелѣвающія изобразить похвальнымъ словомъ дѣянія ваши; награда вамъ всеобщее вѣрныхъ Россіянъ благоговѣніе къ подвигамъ вашимъ; благоговѣніе, которое тверже всѣхъ памятниковъ, каковые Героямъ воздвигаются!

110) Записки россійской академіи. Собраніе 12 іюля 1804 года, № 23, ст. IV, л. 156—156 об.

111) Записки россійской академіи. Собранія: 25 ноября 1805 года, № 47, л. 347;—8 іюля 1805 года, № 26, ст. 2, л. 181 об.—182;—22 сентября 1806 года, № 37, ст. 6, л. 217—217 об.;—18 марта 1805 года, № 11, ст. 3, л. 79 об.;—20 іюля 1805 года, № 28, ст. 2, л. 187—188.

112) Въ бумагахъ россійской академіи, находящихся въ архивѣ комитета правленія академіи наукъ, сохранилось рукописные отзывы Шишкова о похвальномъ словѣ Минину и Пожарскому и о другихъ похвальныхъ словахъ и трагедіяхъ, подъ заглавіемъ: «Мнѣніе мое о сочиненіяхъ, присланныхъ въ академію».

113) Приложеніе къ запискѣ собранія россійской академіи 18 ноября 1805 года, № 45, л. 333.

114) Записка собранія россійской академіи 26 августа 1805 года, № 33, ст. 3, л. 237 об.—238 об.

115) Записки россійской академіи. Собранія: 26 мая 1806 года, № 20, ст. 2, л. 117—117 об.;—2 іюня 1806 года, № 21, ст. 5, л. 125 об.;—1 сентября 1806 года, № 34, ст. 3, л. 204 об.—205; ст. 5, л. 205 об.—206;—6 октября 1806 года, № 39, л. 246 об.;—24 ноября 1806 года, № 46, ст. 2, л. 275—275 об.;—1 декабря 1806 года, № 47, ст. 4, л. 278 об.—279;—7 декабря 1806 года, № 48, л. 299—299 об.;—15 декабря 1806 года, № 50, ст. 2, л. 304—306.—Приложенія къ запискѣ академическаго собранія 1 декабря 1806 года, № 47, л. 285—286 об.

116) Записки россійской академіи. Собранія: 10 августа 1807 года, № 31, ст. 2, л. 201 об.;—27 іюля 1807 года, № 29,

---

поклонился оному до земли, сказавъ: «На семъ мѣстѣ погребенъ свободитель и избавитель Россіи!»

ст. 4, л. 189 об.;—16 ноября 1807 года, № 45, ст. 2, л. 275 об. — Приложеніе къ запискѣ академическаго собранія 16 ноября 1807 года, № 45, л. 280—280 об.

117) Похвальное слово князю Пожарскому и Кузьмѣ Минину неизвѣстнаго автора представлено въ рукописи въ петербургскій цензурный комитетъ 15 января 1807 года; одобрено къ печатанію 22 января 1807 года; разсматривалъ цензоръ Яценковъ; напечатано въ медицинской типографіи; напечатаннымъ представлено въ цензурный комитетъ 5 февраля 1807 года, и того же числа выданъ билетъ на выпускъ въ свѣтъ. Похвальное слово Минину и Пожарскому Севергина представлено въ рукописи самимъ авторомъ въ петербургскій цензурный комитетъ 8 іюня 1807 года; того же числа одобрено цензоромъ Тимковскимъ; печатано въ типографіи академіи наукъ; представлено напечатаннымъ въ цензурный комитетъ 2 іюля 1807 года, и того же числа выданъ билетъ на выпускъ сочиненія въ свѣтъ (Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 1317, № 38.764. Донесенія петербургскаго цензурнаго комитета о разсмотрѣнныхъ въ немъ рукописяхъ и печатныхъ книгахъ, за январь, февраль, іюнь и іюль 1807 года).

118) Похвальное слово князю Пожарскому и Кузьмѣ Минину. С.-Петербургъ, въ медицинской типографіи, 1807 года. Вотъ нѣсколько образцовъ краснорѣчія неизвѣстнаго автора (стр. 14—18, 11—12, 21—24):

«Слава человѣка — мечта, но мечта вещественная, благотворная! Въ мрачное время, она ободряетъ смятенныя души и возвышаетъ пониклые взоры; она подобна радугѣ, осклабляющейся надъ нивою, отъ грозы опустѣвшею. Въ другое время, она блистаетъ изрѣдка и украдкою, дабы не встревожить кажется завистливыхъ взоровъ; она тогда подобна сѣверному сіянію на краю атмосферы мерцающему, знаменуя будущее сіяніе своего подвижника. Когда полезна всѣмъ, приближается къ нашему горизонту; когда поражала бы самолюбіе другихъ, она мечтается въ дали отъ человѣковъ. Привидѣніе лучезарное и благодѣтель-

ное — оно одушевляетъ души благородныя, устрашая однѣ низкія!

Но да обратится наше воображеніе къ вамъ, благополучные потомки достопамятныхъ градовъ, на благо отечества собою жертвовавшихъ подъ щитомъ Пожарскаго, по мановенію Минина! Я произнесъ имяна вашихъ градовъ, и вручаю память ихъ подвига вашей памяти, вашей гордости. Возноситесь въ душѣ дѣлами своихъ предковъ; они единодушно подтвердили Пожарскому жезлъ предводительства, а Минину власть располагать сокровищами патріотическихъ приношеній; они тогда, какъ внѣшніе тиранны разсѣкали Государство мечемъ, какъ не было Монарха, какъ не было отечества — они тогда торжественно клялись, *или умереть за отечество или всею землею избрать Монарха.* При сихъ-то чувствахъ отягченныя судьбы Россіи пали на рамо двухъ избранныхъ человѣковъ!

Дерзну ли изобразить, сколь достойны они были сей чреды? Одинъ принадлежалъ къ исторіи тѣхъ мужей, которыхъ небо надѣляя великими качествами, посылаетъ въ роковыя эпохи смятеннымъ народамъ на утѣшеніе, и ввѣряетъ имъ при общемъ недоумѣніи возстановлять бытія царствъ. Другой принадлежалъ къ малочисленному классу образцовыхъ людей, которые ни породѣ, ни образованію не бывъ одолжены собою, носятъ въ себѣ тайной огонь, при колебаніи народовъ возгарающійся, и озаряющій ихъ нѣкоторымъ непонятнымъ блескомъ. Кажется, природа произвела одного ближе къ престолу, а другаго ближе къ хижинамъ, нарочно для того, чтобы руководствуя умами всѣхъ сословій, тѣмъ съ большею имъ дѣйствовать силою на благо общее. Послѣдній имѣлъ столько отважности, чтобы ставъ надъ пучиною, удержать огромную статую съ утеса низринутую; а первый столько духа, чтобы перенеся ее чрезъ пучину, поставить на твердомъ грунтѣ. Пускай отодвинутъ сіе сравненіе назадъ, къ началу рѣчи, дабы прикладъ онаго во всѣхъ точкахъ зрѣнія былъ разительнѣе.

Когда ревнитель Героя, обремененный важными подробностя-

ми, спѣшилъ приготовленіемъ вещей, довольство, тишину и готовность войска обезпечивающихъ, въ то время самъ Герой объемлетъ въ умѣ положеніе Россіи, содрагается при повсемѣстномъ позорищѣ разрушенія гражданскаго, вымѣриваетъ неизчетныя силы непріятелей, сообщниками самозванца и внутренними волненіями увеличиваемыя, созидаетъ планы дѣйствію, признаетъ трудности по малочисленности и неопытности войска, надѣется кажется замѣнить достальное своею прозорливостію, и наконецъ заключаетъ парадоксомъ, что внѣшній непріятель, сколь ни великъ, ему не страшенъ, что раздоръ Государства есть сильнѣйшій врагъ. Мысль примѣчательная, естьли бы однѣ мысли составляли хвалу Пожарскаго; но у его все связано, такъ что и понятія и дѣйствія текли въ щастливой совокупности. Онъ быстро пошелъ на встрѣчу всѣхъ происшествій разными путями; являясь притомъ и полководцемъ и государственнымъ человѣкомъ..

Благословенное званіе, посвятившее себя промышленности и торговлѣ! Ты на вѣки будешь гордиться исторіею сего Гражданина. Судьбы твои были тогда не довольно щастливы, ты не дерзало еще взглянуть за океаны, и трепетало въ узахъ; но и тогда достойный изъ твоихъ собратій воодушевилъ народъ для спасенія всего народа. Да будетъ любовь къ отечеству священнымъ твоимъ эгидомъ и въ грядущемъ времени, когда облокотясь на свой якорь, и пересѣкая экваторъ подъ всѣми возможными степенями, ты позлатишь серпъ Оратаевъ. Но да умолкнутъ предчувствія предъ истиною, хотя сіи предчувствія и сбываются!...

Гдѣ же кисть, могущая изобразить сей щитъ, которымъ въ толь бурное время, и съ толь ограниченными средствами, Пожарской прикрылъ Государство, кажется тысячью огнедышущихъ волкановъ опустошаемое? Внѣшнія пылающія жерла еще не закрылись; но успокоеніе внутреннее, но переворотъ народнаго смысла, и первыя надъ непріятелемъ пораженія, суть заслуги достойныя вѣчныхъ благословеній. Сограждане! обратите ваши взоры на самаго Героя. Вы примѣтите въ грамматѣ, съ какою онъ умѣренностію описываетъ свои дѣла, скрывая кажется соб-

ственную свою славу. Онъ кажется не хочетъ произнесть въ достойномъ видѣ своихъ подвиговъ, которые, по мѣрѣ подробнѣйшаго изображенія, гласнѣе укоряли бы отечеству въ минувшихъ его заблужденіяхъ. Но пусть исторія ведетъ насъ далѣе!

Сигизмундъ въ надеждахъ потрясенный наряжаетъ Гетмана съ арміей, для подкрѣпленія своихъ полковъ, въ Москвѣ господствующихъ. Пожарской столько бодрственный, что движенія непріятеля кажется имъ изочтены, а намѣренія отгаданы, предваряетъ всѣ замыслы, — и заранѣе двинулся къ Столицѣ. Единодушіе, согласіе, порядокъ напутствовали воинству свободному, и нужно ли напоминать, что духъ, такъ сказать семейственный, въ войско новое вложенный, знаменуетъ мудрость предводителя? Пожарской, удостовѣрясь въ чести своего воинства, вручаетъ на время шествія свой жезлъ достопамятному Минину; а самъ удаляется для удовлетворенія священнѣйшимъ обязанностямъ, въ душѣ его взывающимъ.

Онъ отходитъ въ отчизну поклониться гробамъ родительскимъ, и въ храмѣ отцевъ своихъ повергнуть съ благодареніемъ молитву Богу всемогущему, объ укрѣпленіи его духа. Не изнемогалъ духъ его; но таковъ всегда образъ истинныхъ великихъ человѣковъ! Тогда, какъ признательные народы должны бы боготворить ихъ изваяніи, тогда они повергая свои трофеи у подножія олтаря, являются міру въ простотѣ младенцовъ. Россіяне! Примѣры сіи вы неоднократно зрѣли въ знаменитыхъ своихъ соотечественникахъ. Исторія вашихъ Героевъ есть исторія чадъ Божіихъ.

Граждане — отцы! Когда приведете дѣтей вашихъ къ нравоучительному памятнику Пожарскаго и Минина, запретите удивляться хитрому дарованію каменотесца; примѣтьте имъ, что страхъ Божій и почтеніе къ родителямъ суть первыя чувства, которыми дышали изображаемые тутъ патріоты; внушите имъ, что любовь къ отечеству, блистательными почестями иногда озаряющая, есть преломленіе тѣхъ же чувствъ; внушите, что естьли Государство уважаетъ необыкновенныя заслуги, то небу угод-

ны обыкновенныя добродѣтели, а народъ при воззрѣніи на великія лица утѣшается только сугубымъ отсвѣчиваніемъ того и другаго.

Возвѣстите имъ, что человѣкъ, посѣтившій мавзолей и храмъ своихъ отцевъ, приведенъ туда не факеломъ суевѣрія или страхомъ смерти. Привыкнувъ ввѣрять дѣла свои Богу силъ, онъ давно уже прославился среди битвы и возмущенія; для его безсмертія довлѣло бы пожатыхъ лавровъ, естьли бы вопль страдающаго отечества паки не вызвалъ его на среду»...

119) Записки россійской академіи. Собранія: 23 октября 1792 года, ст. 1, л. 33—33 об.;—30 октября 1792 года, ст. 1, л. 35.

120) Записка академическаго собранія 1 сентября 1795 года, ст. II, л. 87.—Въ запискѣ собранія 15 сентября 1795 года не упоминается о выборѣ Севергина въ дѣйствительные члены академіи. Его имени нѣтъ и въ числѣ присутствовавшихъ въ собраніи 29 сентября 1795 года.

121) Записка академическаго собранія 9 августа 1802 года, ст. I, л. 221—223.

122) Записка академическаго собранія 31 августа 1801 года, ст. VI, л. 130—131 об.

123) Записка академическаго собранія 7 апрѣля 1817 года, № 10, ст. 3.

124) Записка академическаго собранія 17 января 1803 года, № 3, ст. 5, л. 19 об.—20 об.

125) Записки россійской академіи. Собранія: 8 іюня 1801 года, № 18, ст. III, л. 53 об. — 54;—5 октября 1801 года, № 33, ст. 2, л. 167 об.; — 23 ноября 1801 года, № 40, ст. 3, л. 196 об.; — 15 ноября 1802 года, № 41, ст. 2, л. 308. — Приложеніе къ запискѣ академическаго собранія 28 февраля 1803 года, № 8. Списокъ гг. членамъ, въ сочиненіи новоиздаваемаго азбучнымъ порядкомъ россійскаго словаря академіи участвовавшимъ, л. 68.

126) Записка академическаго собранія 23 октября 1815 года, № 41, ст. 4.

127) Записка академическаго собранія 6 ноября 1809 года, № 44, ст. 3, л. 287 — 287 об. — Приложеніе къ запискѣ № 44, л. 290 — 290 об.

128) Записки россійской академіи 1823 года. Собранія: 18 августа, № 28, ст. I; — 25 августа, № 29, ст. 1; — 1 сентября, № 30, ст. 1; — 22 сентября № 31, ст. 1; — 29 сентября, № 32, ст. 1; — 6 октября, № 33, ст. 1; — 27 октября, № 36, ст. 1; — 3 ноября, № 37, ст. 1; — 10 ноября, № 38, ст. 1; — 24 ноября, № 40, ст. 1.

129) Записка академическаго собранія 17 января 1803 года, № 3, ст. 4, л. 19 — 19 об.

130) Записки россійской академіи. Собранія: 26 сентября 1808 года, № 36, ст. 3, л. 265 об.; — 9 ноября 1812 года, № 42, ст. 1; и др.

131) Записка академическаго собранія 7 ноября 1803 года, № 38, ст. 3, л. 254—254 об. — Приложеніе къ запискѣ № 38, л. 260—262.

132) Приложеніе къ запискѣ академическаго собранія 16 ноября 1807 года, л. 283—284 об.

133) Записка академическаго собранія 4 декабря 1826 года, № 42, ст. 3.

134) Дѣла архива с.-петербургской духовной консисторіи. Кладбищенская вѣдомость смоленскія Божія матери: 19 ноября 1826 года похороненъ Василій Михайловичъ Севергинъ, 63 лѣтъ; отпѣвалъ андреевскаго собора іерей Михаилъ Доброправинъ. — Такія же свѣдѣнія и въ метрической книгѣ андреевскаго собора, на Васильевскомъ острову, за 1826 годъ, съ тою только разницею, что въ кладбищенской вѣдомости значится, что Севергинъ умеръ отъ старости, а въ метрической книгѣ сказано, что онъ умеръ отъ водяной.

135) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Картонъ

№ 16. Выписка изъ журнала 1 ноября 1791 года. Помѣтка: communiqué à l'académie le 7 novembre 1791.

136) О Барсовѣ помѣщены статьи въ слѣдующихъ изданіяхъ:

Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ, Новикова (стр. 14, по изданію П. А. Ефремова. 1867).

Russische bibliothek, zur kenntniss des gegenwärtigen zustandes der literatur in Russland, herausgegeben von Hartw. Ludw. Christ. Bacmeister. Бакмейстеръ сообщаетъ свѣдѣнія преимущественно о лекціяхъ Барсова, на основаніи ежегодныхъ объявленій о лекціяхъ въ московскомъ университетѣ; упоминаетъ также о нѣсколькихъ рѣчахъ, о переводѣ Бильфельда и объ отвѣтѣ на письмо англомана.

Рѣчи, произнесенныя въ торжественныхъ собраніяхъ императорскаго московскаго университета русскими профессорами онаго съ краткими ихъ жизнеописаніями. Изданы обществомъ любителей россійской словесности. 1819. Часть I, стр. 35—41.

Энциклопедическій лексиконъ. 1836. Томъ V, стр. 16—17. Статья Д. И. Языкова.

Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, служащій дополненіемъ къ словарю писателей духовнаго чина, составленному митрополитомъ Евгеніемъ. Изданіе И. Снегирева. 1838.

Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соч. митрополита Евгенія. 1845. Т. I, стр. 21—24.

Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей императорскаго московскаго университета. 1855. Часть I, стр. 50—62. Статья профессора Шевырева.

Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, и списокъ русскихъ книгъ съ 1725 по 1825. Составилъ Григорій Геннади. Берлинъ. 1876. Томъ I, стр. 66—67.

Наиболѣе точныя, хотя и краткія, свѣдѣнія о Барсовѣ находятся въ словарѣ митрополита Евгенія. Также точныя и притомъ болѣе подробныя свѣдѣнія находятся въ статьѣ Шевырева.

Въ статьяхъ Снегирева, Языкова и Геннади есть нѣкоторыя неточности, какъ напримѣръ:

Снегиревъ говоритъ *положительно*, что записки Барсова графъ Мусинъ-Пушкинъ *отдалъ* въ московскій архивъ иностранныхъ дѣлъ.

Языковъ и г. Геннади называютъ въ числѣ трудовъ Барсова и непринадлежащій ему переводъ книги Шеллера. Она вышла на русскомъ языкѣ, въ 1787 году, подъ заглавіемъ: Иман. Іоа. Герарда Шеллера Сокращенное латинское языкоученіе или грамматика новѣйшая, и изъ всѣхъ донынѣ изданныхъ грамматикъ во всей Германіи самою лучшею и къ обученію юношества удобнѣйшею признаваемая. Съ нѣмецкаго на россійскій языкъ переведена М. А. Б. Переводъ приписанъ Антону Барсову и Анастасевичемъ. (Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія, изъ библіотеки Смирдина. 1828, стр. 455. № 5756). Но грамматику Шеллера перевелъ на русскій языкъ не Антонъ Барсовъ, а *Андрей Брянцовъ*, бывшій въ 1787 магистромъ (чѣмъ и объясняется подпись: М. А. Б), а въ 1788 получившій званіе профессора (см. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей московскаго университета. 1855. Ч. I, стр. 109—112).

Кстати замѣтимъ, что г. Невоструевъ (Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., библіографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ А. Н. Неустроевымъ. 1875, стр. 207) приписываетъ Барсову оду, помѣщенную въ Кошелькѣ, 1774 года, листъ девятый, стр. 145—164, и наполняющую весь этотъ листъ. Она напечатана подъ заглавіемъ: Ода Россіи на одержанныя ею въ 1770 годѣ побѣды; на совершенное истребленіе турецкаго флота, на разбитіе татарскаго хана и пашей, а потомъ и самого верховнаго визиря, и на взятье Бендеръ и прочіихъ городовъ; сочиненная А. Б. Ода начинается такъ:

Я первый плодъ трудовъ Россіи посвящаю:
Отечесвто! пріими сей недостойный даръ;
Хотя искуства нѣтъ, я ревностью пылаю,
И славити тебя во мнѣ стремится жаръ....

Но Барсовъ давно уже началъ свою литературную дѣятельность, и въ 1770—1774 гг. не могъ уже называть своихъ сочиненій *первымъ плодомъ* трудовъ. Не написана ли эта ода *Андреемъ* (въ монашествѣ *Аполлосомъ) Байбаковымъ*, большимъ любителемъ стихотворныхъ упражненій? (См. Исторія россійской академіи. I, 198—230).

Краткія біографическія извѣстія о Барсовѣ находятся въ формулярномъ спискѣ Барсова, составленномъ въ послѣдній годъ его жизни, и сохранившемся въ рукописи въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи.

25 сентября 1791 года, поступило въ сенатъ слѣдующее представленіе университета:

Въ правительствующій сенатъ

отъ императорскаго московскаго университета

покорнѣйшее доношеніе.

Находящійся при университетѣ профессоръ, коллежскій совѣтникъ и ордена святаго князя Владиміра 4-й степени кавалеръ *Антонъ Барсовъ* порученныя ему должности отправляетъ съ желаемою пользою, прилежно, усердно и рачительно, а притомъ и поведеніи имѣетъ всегда честные и добропорядочные. Какимъ же образомъ онъ службу свою продолжалъ и чинами происходилъ, о томъ, на основаніи правительствующаго сената марта 31 дня прошлаго 1788 года указа, прилагается у сего формулярный списокъ.

Того ради правительствующему сенату московскій университетъ покорнѣйше представя, проситъ, дабы соблаговолено было означеннаго профессора, коллежскаго совѣтника и кавалера *Барсова*, за усердное имъ должностей своихъ отправленіе, наградить чиномъ и оставить его при прежнихъ должностяхъ. А паче все сіе московскій университетъ предаетъ на высокое разсмотрѣніе

правительствующаго сената, и испрашиваетъ повелительнаго о томъ ея императорскаго величества указа.

Сентября дня
1791 года
въ 1 департаментъ
по герольдіи.

На «доношеніи» университета помѣтка: 25 сентября 1791.

Формулярный списокъ:

Коллежскій совѣтникъ и кавалеръ *Антонъ Барсовъ.*

Сынъ московской духовной типографіи директора.

Въ службу вступилъ въ 1748 году въ санктпетербургскую академію наукъ студентомъ; въ 1754 году произведенъ магистромъ, — гдѣ и обучалъ студентовъ чистой математикѣ.

Въ 1755 году, по требованію московскаго университета, опредѣленъ въ оный *для обученія студентовъ латинскому языку и математикѣ.*

Въ 1761 году произведенъ краснорѣчія публичнымъ ординарнымъ профессоромъ, по которому званію и должность исправляетъ.

Между тѣмъ былъ онъ первымъ *издателемъ московскихъ вѣдомостей,* и въ сей послѣдней должности находился *болѣе десяти лѣтъ.*

Сверхъ сего возложена была на него должность *инспектора* обѣихъ университетскихъ гимназій, которую также исправлялъ *болѣе шести лѣтъ.*

А *съ 1771 года,* по учрежденіи цензуры при университетѣ, первымъ былъ учрежденъ *цензоромъ* печатаемыхъ въ университетской типографіи книгъ, которую должность исправляетъ и *по сіе время.*

А въ нынѣшній его чинъ коллежскаго совѣтника, по имянному ея императорскаго величества высочайшему указу, пожалованъ въ 1775 году, іюля 18 дня; въ прошломъ же 1790 году

удостоился получить всемилостивѣйшее награжденіе орденомъ святаго князя Владиміра 4-й степени.

Онъ же отправляетъ публичную *цензуру при театрѣ и вольныхъ типографіяхъ въ Москвѣ.*

Подписалъ: Директоръ Павелъ фонъ-Визинъ.

(Дѣла московскаго архива министерства юстиціи. Книга герольдмейстерской конторы № 808, л. 1063—1065.

Приносимъ искреннюю благодарность г. управляющему московскимъ архивомъ министерства юстиціи Николаю Васильевичу Калачову и г. начальнику отдѣленія архива Иннокентію Николаевичу Николеву за сообщеніе мнѣ приведеннаго представленія университета въ сенатъ и формулярнаго списка Барсова).

Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія два замѣчательные писателя сообщили краткія извѣстія о жизни и трудахъ Барсова. Писатели эти — Михаилъ Никитичъ Муравьевъ и митрополитъ Евгеній Болховитиновъ. Статья Муравьева помѣщена въ Эфемеридахъ; статья митрополита Евгенія — въ Другѣ просвѣщенія. Обѣ статьи служатъ не только лучшими пособіями, но отчасти даже и источниками для біографіи Барсова: поэтому считаемъ нужнымъ привести ихъ въ полномъ объемѣ, весьма впрочемъ незначительномъ.

Господинъ *Барсовъ* (Антонъ Алексѣевичь) родился 1730 году; онъ былъ сынъ директора московской духовной типографіи Алексѣя Кириловича Барсова. Первыя основанія ученія своего въ латинскомъ и греческомъ языкахъ положилъ онъ въ московской славено-греко-латинской академіи, откуда потребованъ будучи въ с.-петербургскую академію наукъ, продолжалъ ученыя свои упражненія въ оной, слушая лекціи профессоровъ бывшаго при академіи университета: Фишера, Германа и самого *Ломоносова, котораго онъ былъ ревностнѣйшій почитатель.* Первое ученіе, которому посвятилъ онъ бдѣнія свои, была математика, которую и преподавалъ, получивъ степень магистра. Въ семъ званіи, при основаніи московскаго университета, помѣщенъ г. Барсовъ въ

оный съ славнымъ профессоромъ Поповскимъ и магистромъ Яремскимъ; а въ послѣдованіи времени заступилъ мѣсто и Поповскаго въ званіи профессора краснорѣчія.

Ученые труды его составляли: изданіе нѣкоторыхъ классическихъ книгъ, переводъ Билфелдовой Политики, многія *Слова*, въ торжествахъ университета сказыванныя, въ которыхъ примѣчается *особливая тщательность и грамматическая чистота. Пріобученъ чтеніемъ древнихъ къ художественному шествію періодовъ, болѣе прилагалъ попеченія къ расположенію ихъ, нежели свойство новѣйшихъ языковъ требуетъ.*

Въ университетскомъ правленіи имѣлъ *великое вліяніе и уваженіе* въ разсужденіи *постоянныхъ правилъ, которымъ послѣдовалъ.*

Имѣлъ великое знаніе какъ въ языкѣ россійскомъ, котораго и грамматику сочинилъ, такъ и въ древностяхъ и исторіи отечественной. Латинскій языкъ былъ имъ основательно знаемъ, на которомъ и писалъ удобно и исправно; почему Іенскимъ Латинскимъ Обществомъ избранъ въ почетные члены онаго.

Былъ долгое время инспекторомъ университетскихъ гимназій.

Любовь его къ россійскому слову заставила его принять великое участіе въ составленіи бывшаго при университетѣ Вольнаго россійскаго собранія, котораго былъ безсмѣннымъ секретаремъ, и издалъ шесть частей Опыта трудовъ онаго.

Заслуги его въ учености россійской были знамениты, и привлекли на себя, въ 1775 году, вниманіе великой монархини, которая пожаловала его тогда въ коллежскіе совѣтники, а наконецъ удостоила его и ордена св. Владиміра 4 степени.

Нравы его были непорицательной честности, и важность его не мѣшала добросердечію и пріятности обхожденія. Онъ былъ уважаемъ въ публикѣ московской, и имѣлъ пріятелей въ отличномъ классѣ людей.

Скончался въ 1791 году, бывъ около тридцати пяти лѣтъ отличнѣйшимъ членомъ московскаго университета.

(Эфемериды или разныя сочиненія, касающіяся древней ли-

тературы, издаваемыя при императорскомъ московскомъ университетѣ, какъ продолженіе трудовъ вольнаго россійскаго собранія. Часть первая на 1804 годъ. Біографическія извѣстія о нѣкоторыхъ членахъ императорскаго московскаго университета, стр. 289—294. Статья безъ подписи имени автора).

Барсовъ Антонъ Алексѣевичъ, сынъ вышеупомянутаго (т. е. директора типографіи Алексѣя Кириловича), коллежскій совѣтникъ и кавалеръ, краснорѣчія публичный ординарный профессоръ въ московскомъ университетѣ, печатавшихся въ университетской типографіи книгъ ценсоръ, вольнаго россійскаго собранія при томъ же университетѣ членъ и безсмѣнный секретарь, родился въ Москвѣ, обучался сперва въ московской славено-греко-латинской академіи, а потомъ въ гимназіи с.-петербургской академіи наукъ. Когда въ 1755 году открытъ былъ московскій университетъ, то, по вызову отъ куратора Ивана Ивановича Шувалова, принятъ онъ магистромъ философіи и свободныхъ наукъ въ сіе училище; а въ 1761 году генваря 21 произведенъ профессоромъ краснорѣчія на мѣсто г. Поповскаго. При семъ производствѣ говорилъ онъ рѣчь на россійскомъ языкѣ: о пользѣ краснорѣчія въ россійской имперіи, а сверхъ того посторонним образомъ держалъ диспутъ о минералогическихъ и химическихъ предметахъ подъ руководствомъ университетскаго доктора сихъ наукъ Керстенса.

Присемъ поручена была ему инспекторская должность университетскихъ гимназій и надзираніе за изданіемъ московскихъ вѣдомостей, печатавшихся при университетѣ.

Кромѣ того имѣлъ онъ еще постороннія важныя препорученія, какъ-то: по прожекту Ивана Ивановича Бецкаго сочинилъ онъ *Генеральный планъ* или *уставъ воспитательнаго дома въ Москвѣ*, и оный въ 1763 году утвержденъ и напечатанъ.

А для коммисіи, собранной въ 1767 году къ сочиненію новаго уложенія, писалъ онъ многія предначертанія по статьѣ *о дворянствѣ*.

Когда государыня императрица Екатерина II, вознамѣрясь

издавать свои *Записки касательно россійской исторіи*, повелѣла, чтобы въ московскомъ университетѣ сдѣланы были изъ разныхъ рускихъ лѣтописцевъ, начиная съ 1224 года, сводныя выписки по порядку лѣтъ, то кураторъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ въ 1783 году препоручилъ сіе дѣло Барсову, который вскорѣ съ помощію профессора Чеботарева и доставилъ въ кабинетъ нѣсколько тетрадей таковаго свода.

Для народныхъ училищъ онъ сочинилъ обстоятельную *Россійскую грамматику* и представилъ ее на разсмотрѣніе училищной коммисіи. Но грамматика сія за нѣкоторыя новизны въ правилахъ непринята и донынѣ остается неизданною. Въ самомъ дѣлѣ профессоръ сей держался необыкновенныхъ правилъ, наипаче въ россійскомъ правописаніи. Образецъ сего можно видѣть въ изданной имъ 1768 года Азбукѣ, а также въ одной его сочиненія статьѣ, подъ названіемъ: *Сводъ бытій россійскихъ*, напечатанной въ *Московскомъ журналѣ* 1792 года, часть VII, стр. 344 и слѣд. Онъ изобрѣлъ даже для рускаго языка сокращенный способъ писанія, и въ 1790 году Февраля 20, при случаѣ порученнаго ему, яко старшему изъ профессоровъ, производства баккалавра Якова Рубана въ магистры философіи и свободныхъ наукъ, предложилъ сей способъ въ университетскомъ публичномъ собраніи диссертаціею на латинскомъ языкѣ, подъ названіемъ: De brachygraphia. Въ сей диссертаціи онъ совѣтовалъ писать многія рускія слова сокращенно, а нѣкоторыя только одною, двумя или тремя начальными буквами, а особливо имена собственныя и часто повторяемыя существительныя, и даже прилагательныя. Онъ предлагалъ сверхъ того выключить изъ руской азбуки буквы: ъ и *и*, и первую замѣнять или буквою ь или надстрочнымъ какимъ знакомъ, а послѣднюю буквою *i*. Извѣстно, что мнѣніе такоежъ въ разсужденіи буквъ ъ и *и* еще въ 1748 году публикѣ предложилъ профессоръ Тредьяковскій, и многіе изъ членовъ россійскаго вольнаго собранія при университетѣ сего же мнѣнія держались. Да и сдѣлано было вычисленіе, что шестнадцатую долю типографскаго набора буквъ занимаетъ одна буква ъ. Но

мнѣніе и привычка публики остались непреодолимы, а нѣкоторые защитники сей новизны даже осмѣяны были.

Кромѣ всѣхъ, доселѣ упомянутыхъ сочиненій, профессоръ Барсовъ писалъ для публичныхъ университетскихъ собраній много торжественныхъ Словъ, которыя въ свое время и печатаны были при университетѣ, какъ-то:

1) Рѣчь въ день тезоименитства императрицы Елисаветы Петровны, говоренная октября 6-го 1760 года.

2) Слово на предпріятое съ благополучнымъ успѣхомъ прививаніе оспы ея императорскимъ величествомъ, говорено ноября 10-го 1768 года.

3) Рѣчь на заключеніе мира съ Оттоманскою Портою, говорена іюня 25-го 1774 года.

4) Слово на бракосочетаніе его императорскаго высочества, великаго князя Павла Петровича, съ ея императорскимъ высочествомъ, великою княгинею Маріею Ѳеодоровною, говорено октября 15-го 1776.

5) Слово на рожденіе его императорскаго высочества, государя, великаго князя Александра Павловича, говорено генваря 23-го 1778.

6) Слово на первое седмилѣтіе щастливо продолжающагося и вѣчно желаемаго мира въ Россіи, говорено сентября 23-го 1781.

7) Слово торжественное, говоренное іюля 30-го 1786, и проч.

Всѣ свои *Слова* потомъ совокупно самъ онъ издалъ въ Москвѣ 1788 года. Въ нихъ видно плодовитое краснорѣчіе, но больше фразеологическое, нежели вещественное. Латинскія его слова писаны слогомъ довольно чистымъ и свойственнымъ.

Есть его нѣсколько напечатанныхъ и переводовъ, изъ коихъ *Геснерова Латинская Грамматика*, изданная въ первый разъ 1768 года и потомъ многократно, была классическою въ гимназіяхъ московскаго университета до изданія Шеллеровой латинской грамматики въ 1787 году.

Сей профессоръ скончался въ Москвѣ 1791 года генваря 21, около 60 лѣтъ.

(Другъ просвѣщенія. Журналъ литературы, наукъ и художествъ, на 1805 годъ. Часть вторая. 1805. Мѣсяцъ май, № V, стр. 152—156).

Статья эта, съ нѣкоторыми, незначительными добавками и съ нѣкоторыми пропусками помѣщена и въ Словарѣ русскихъ свѣтскихъ писателей, соч. митрополита Евгенія. 1845. Т. I, стр. 21—24.

Статья о Барсовѣ въ печатномъ словарѣ митр. Евгенія дословно сходна съ статьею о Барсовѣ въ рукописномъ словарѣ митр. Евгенія (Т. I, л. 40 об.—43), находящемся въ публичной библіотекѣ и поступившемъ туда изъ древлехранилища Погодина: что̀ приписано Евгеніемъ, то вошло и въ печатный словарь; что̀ вычеркнуто въ рукописи, того нѣтъ и въ печатномъ словарѣ.

137) Дѣло архива св. синода, 1731 года, № 14.

138) Дѣло архива св. синода, 1732 года, № 4.

139) Дѣла государственнаго архива. VII. № 221. Четыре картона.

О Барсовѣ, директорѣ синодальной типографіи, часто упоминается въ сочиненіи г. Чистовича: Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, помѣщенномъ въ Сборникѣ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1868. Т. IV. (см. алфавитный указатель именъ и предметовъ, ст. 730).

140) Дѣла архива московской синодальной конторы. 2 августа 1847 года, № 357.

Дѣла архива св. синода, № 370, Присланныя о школахъ и ученикахъ вѣдомости.

141) Дѣла архива академической канцеляріи. № 114.

Показаніе Тредьяковскаго о лѣтахъ Барсова нѣсколько расходится съ другими извѣстіями о томъ же предметѣ.

По донесенію Тредьяковскаго, Барсову было, 24 марта 1748 года, *девятнадцать* лѣтъ; слѣд. Барсовъ родился не позже марта 1729 года. Но болѣе основаніяполагать, что Барсовъ родился

въ 1730 году, какъ показано и у митрополита Евгенія, который пользовался собственноручными записками Барсова.

По донесенію славяно-греко-латинской академіи, 27 сентября 1745 года, Барсову *пятнадцать* лѣтъ.

По донесенію славяно-греко-латинской академіи, 2 августа 1747 года, — *семнадцать* лѣтъ.

По свѣдѣніямъ испытательной коммиссіи академіи наукъ, 22 мая 1751 года, — *двадцать одинъ* годъ.

Въ исповѣдныхъ росписяхъ церкви Рождества Христова, никитскаго сорока, показано:

12 сентября 1788 года Барсову 58 лѣтъ;
11 сентября 1789 » —59 лѣтъ;
11 сентября 1790 » —60 лѣтъ, и т. д.

142) Дѣла архива академической канцеляріи. № 124.

143) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Бумаги Миллера. Портфель X. О бывшемъ при академіи наукъ университетѣ.

144) Дѣла архива академической канцеляріи. № 141.

145) Дѣла архива академической канцеляріи. № 174.

146) Дѣла архива академической канцеляріи. № 181. Ордеръ президента, полученный 18 декабря 1753 года.

147) Дѣла архива академической канцеляріи. № 196. Письмо графа Разумовскаго къ Шувалову и отвѣтъ Шувалова:

Милостивый государь мой графъ Кирила Григорьевичъ,

Ваше сіятельство изволили обѣщать отпустить приказать изъ академіи наукъ, изъ магистровъ и изъ студентовъ для московскаго университета учительми въ гимназію. Хотя то ваше сіятельство по свойственной вамъ къ общему добру склонности дѣлать изволите; но я причитаю оное и мнѣ отъ вашего сіятельства одолженіемъ. Имѣю честь просить о трехъ магистрахъ: Поповскомъ, Яремскомъ и Барсовѣ, которыхъ я, по рекоменда-

ціи господина Теплова, назначилъ. Если ваше сіятельство то апробовать изволите, то покорнѣйше прошу имъ о томъ приказать, чтобъ я могъ ихъ въ непродолжительномъ времени въ Москву отправить. Впрочемъ я съ моимъ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть

вашего сіятельства, милостиваго государя моего,

покорнѣйшій слуга Иванъ Шуваловъ.

6 февраля 1755.

Государь мой Иванъ Ивановичъ,

Почтеннѣйшее письмо вашего превосходительства отъ февраля 6 дня сего 1755 года я получилъ, которымъ требовать изволите, дабы изъ магистровъ и изъ студентовъ, обучившихся въ академіи наукъ, отпустить для московскаго университета въ учители въ гимназію, а именно трехъ магистровъ: Поповскаго, Яремскаго и Барсова.

Хотя вашему превосходительству самимъ извѣстно, что изъ новообученныхъ въ академическомъ университетѣ россійскихъ сіи суть лучшіе какъ въ наукахъ, такъ и въ поступкахъ, почему не безнужны бы они были и въ академіи наукъ; однакожъ, принявъ то въ разсужденіе, что въ новоначинающемся въ Москвѣ университетѣ служба помянутыхъ магистровъ полезнѣе быть можетъ, нежели въ академіи, — того ради я приказалъ онымъ явиться у вашего превосходительства, которыхъ и рекомендую въ особливую вашего превосходительства милость, я же надѣюся что когда, съ Божіею помощію и при вашемъ попеченіи, въ университетѣ московскомъ современемъ явятся способные къ службѣ ея императорскаго величества въ академію наукъ санкт.-петербургскую, то отказать не изволите.

Впрочемъ съ моимъ всегдашнимъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего превосходительства, государя моего,

послушнѣйшій слуга

графъ К. Разумовскій.

8 февраля 1755.

148) Протоколы конференціи московскаго университета, хранящіеся въ библіотекѣ университета, Т. V, года: 1758—1761. Протоколъ конференціи 4 іюля 1758 года, № 4, ст. 4.

149) Матеріалы для исторіи московскаго университета, находящіеся въ библіотекѣ университета, 5. Т. е. 28. Приглашеніе на вступительную рѣчь профессора Дильтея, 31 октября 1756 года.

150) Матеріалы для исторіи московскаго университета — въ библіотекѣ университета, 5. Т. е. 28. Приглашеніе на первую лекцію Барсова, на русскомъ и латинскомъ языкахъ, напечатано, 29 января 1761 года, на большемъ полулистѣ, съ виньеткой.

На торжественное собраніе, въ которомъ Барсовъ говорилъ рѣчь о цѣли ученія, разослано было слѣдующее приглашеніе отъ университета:

Божіимъ поспѣшествованіемъ
къ торжествованію
высочайшаго дня тезоименитства
всепресвѣтлѣйшія державнѣйшія
великія государыни
императрицы
Елисаветы Петровны
самодержицы всероссійскія
въ имѣющемъ быть
сего сентября шестаго дня
публичномъ въ университетѣ собраніи
въ третьемъ часу по полудни,
и къ слушанію рѣчи,
которую при семъ случаѣ
онаго жъ университета магистръ
Антонъ Барсовъ
на россійскомъ языкѣ
говорить будетъ

О намѣреніи, съ какимъ учиться должно,

всѣхъ любителей наукъ
чрезъ сіе
съ надлежащимъ почтеніемъ призываетъ
императорской московской
университетъ.

Печатано при императорскомъ московскомъ университетѣ
1760 году.

(Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Historia literaria. Портфель I, № IV).

151) Initia doctrinae solidioris auctore Jo. Augusto Ernesti. Editio quinta. Lipsiae. 1769. Въ концѣ помѣщены, съ особенной пагинаціей, Initia rhetorica.

152) Ut in omnibus rebus, ita in dicendo, maximum est, quid deceat, videre. *Decorum* autem *oratorium*, et *oratio apta*, exsistit recto usu trium generum dicendi: quae oriuntur e triplici oratoris munere. Primum est *subtile* ac *tenue*, alterum *sublime*, tertium his interjectum, quod *mediocre* vocant... Materia, quam inventio oratoria amplectitur, triplex est, inestque in λόγοις, ἤθεσι et πάθεσι. λόγοι valent ad docendum, ἤθη ad placendum, πάθη ad commovendum. Isti sunt necessitatis, illa delectationis, haec victoriae...

153) Сочиненіе Жуванси составляетъ библіографическую рѣдкость. Мы пользовались слѣдующимъ изданіемъ: Institutiones poeticae et rhetoricae, auctore r. p. Josepho Juvencio societatis Jesu, ad usum gymnasiorum ejusdem societatis. Editio prima in Litvania. Vilnae. 1752. На оборотѣ заглавнаго листка: Ad lectorem. Jnstitutiones poeticas et rhetoricas r. p. Josephi Juvencii, saepius multorum typis seorsim editas, nunc in uno volumine exhibemus, ut eloquentiae candidati simul prae manibus habere queant praecepta earum artium, quae conjunctione et affinitate quadam inter se uniuntur. *Institutiones poeticas ad exemplar ve-*

netum, rhetoricas ad exemplar posnaniense, retentis omnibus iis, quae in eo adjecta sunt, conformavimus...

154) Dictum est *poema lyricum* a *lyra*, quae inter organa musica celebris est, adhibeturque ad hujusmodi carmen concinendum.. *Sylvae* dicuntur, quod oblatam quasi temere materiam ex tempore, et stylo veloci percurrat, et tractet poeta, dum calor menti insidet. Statius certe initio suarum silvarum libellos, qui subito calore, et quadam festinandi voluptate sibi fluxerunt, silvas vocat, additque illa poemata solum habere gratiam celeritatis.... *Dirae* sunt quoddam carminis genus, quo quidquid furoris, imprecationum, querelarum, convitiorum in mentem venit, effundit poeta. Sic Dido Aeneum apud Virgilium, Medea Iasonem apud Senecam diris prosequuntur.

155) Способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ. Глава седьмая. § 1. Сочиненія Тредьяковскаго. 1849. Томъ I, стр. 166—167.

156) Рѣчь магистра Антона Барсова, говоренная при московскомъ университетѣ сентября 6 дня 1760 году — рукопись. Она находится въ библіотекѣ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, въ портфеляхъ подъ названіемъ: *historia litteraria*. портф. 7, № 3.

157) Самыя точныя указанія о лекціяхъ Барсова заключаются въ объявленіяхъ о лекціяхъ профессоровъ московскаго университета.

Извѣстія о лекціяхъ въ московскомъ университетѣ въ восемнадцатомъ столѣтіи составляютъ библіографическую рѣдкость. Объявленія о лекціяхъ сохранились частію въ отдѣльныхъ брошюрахъ, на русскомъ и на латинскомъ языкахъ, частію въ видѣ приложеній къ московскимъ вѣдомостямъ. Въ библіографическомъ трудѣ Бакмейстера (Russische Bibliothek) приводятся извлеченія изъ объявленій о лекціяхъ московскаго университета за одиннадцать лѣтъ, именно: съ августа 1772 года по іюнь 1778 года; съ августа 1780 года по іюнь 1783 года, и съ августа 1784 года по іюнь 1786 года. За нѣкоторые года вовсе не сохрани-

лось объявленій о лекціяхъ: по крайней мѣрѣ ихъ нѣтъ въ наиболѣе извѣстныхъ и богатыхъ библіотекахъ Петербурга и Москвы.

Приводимъ извѣстія *о лекціяхъ Барсова*, собранныя нами съ библіотекахъ: академіи наукъ, петербургской публичной, московскаго университета, московскаго архива иностранныхъ дѣлъ, и т. д.

Въ послѣднюю половину (semestri hyemali) 1757 года:

Антонъ *Барсовъ, философіи и свободныхъ наукъ магистеръ*, продолжать имѣетъ *математику* на россійскомъ языкѣ.

Съ 13 августа 1758 года:

По окончаніи *стереометріи* и *тригонометріи*, начнетъ обучать *алгебрѣ.*

Съ 26 апрѣля 1759 года:

Antonius Barsow, philos. et L. L. A. A. magister, praeleget *algebram.*

Съ 26 апрѣля 1761 года:

Ex facultate philosophica, Antonius *Barssow, eloquentiae p. p. o.* explicabit *Ciceronis* libros de officiis, tradet *praecepta rhetorica* ad ductum *Ernesti,* atque auditores suos praecipue exercebit in versionibus et *stylo.*

Съ 28 іюня 1762 года по 28 іюня 1763 года:

Въ философическомъ факультетѣ, Антонъ *Барсовъ, краснорѣчія профессоръ*, толковать будетъ нѣсколько *Цицероновыхъ* рѣчей; также имѣетъ преподавать *правила риторическія* по руководству *Эрнеста*; а особливо будетъ обучать своихъ слушателей переводамъ и *штилю*.

31*

Съ 1 августа 1763 года по 28 іюня 1764 года:

Будетъ преподавать *риторическія правила* по руководству господина *Эрнеста*. А сверхъ того нѣсколько *Цицероновыхъ* рѣчей; двѣ первыя книги *Виргиліевой* энеиды, да изъ *Плавта* комедію, Мостелларіа называемую, изъяснять, и съ слушателями своими въ переводахъ и *въ штилѣ* упражняться имѣетъ.

Съ 1 августа 1764 года по 26 іюня 1765 года:

In tradendis *praeceptis rhetoricis* eundem, quem antea, sequetur *Ernesti;* absolutoque, quod reliquum est ex anni superioris penso, ex *Ciceronis* orationibus selectis et *Plauti* comoediis unam alteramve explicabit; intereaque auditores suos, eodem modo, quo usus est adhuc, variis versionibus et *elaborationibus* exercebit.

Съ 1 августа 1765 года по 26 іюня 1766 года:

Praecepta *rhetorices* tradet ad ductum *Ernesti*, ex *Ciceronis* orationibus unam alteramve explicabit, perget in praelegenda et explicanda Aeneide *Virgilii*, atque interdum assumet etiam alios poetas, et denique auditores suos versionibus exercebit et *elaborationibus*.

Съ 1 августа 1766 года по 26 іюня 1767 года:

По предложеніи кратко *реторическихъ правилъ*, слѣдуя *Эрнесту*, имѣетъ толковать нѣкоторыя изъ *Цицероновыхъ* орацій, продолжать чтеніе и изъясненіе *Виргиліевой* энеиды, а притомъ и другихъ писателей употреблять, и съ слушателями своими упражняться въ переводахъ и *сочиненіяхъ*. Напослѣдокъ, въ маѣ мѣсяцѣ, читать будетъ и изъяснять первое похвальное слово господина *Ломоносова*, съ приведеніемъ на оное *егожъ реторическихъ и грамматическихъ правилъ*.

Съ 1 августа 1770 года по 26 іюня 1771 года:

Въ продолженіе сего курса предлагать будетъ *правила ри-*

торическія, слѣдуя *Эрнесту*; такожъ прочтетъ и истолкуетъ нѣсколько рѣчей *Цицероновыхъ* и три послѣднія книги изъ *Виргиліевой* энеиды, пріобщая къ тому иногда и другихъ изъ лучшихъ латинскихъ писателей; особливожъ стараться будетъ, чтобъ слушатели его упражнялись въ переводахъ и *сочиненіяхъ на латинскомъ и россійскомъ языкахъ*. Напослѣдокъ прочтетъ и изъяснитъ два слова похвальныя г. *Ломоносова* и нѣсколько изъ его одъ.

Съ 1 августа 1771 года по 26 іюня 1772 года:

Изъяснитъ *правила риторическія*, слѣдуя *Эрнесту*; прочтетъ и истолкуетъ нѣсколько рѣчей *Цицероновыхъ*; окончитъ двѣ книги *Виргиліевой* энеиды, а притомъ и другихъ классическихъ писателей употреблять имѣетъ; особливожъ стараться будетъ, чтобъ слушатели его упражнялись въ переводахъ и *сочиненіяхъ*. Прочтетъ и изъяснитъ похвальныя слова г. *Ломоносова*; егожъ двѣ пѣсни героическія поемы и нѣсколько одъ.

Съ 1 августа 1772 года по 26 іюня 1773 года:

Предложитъ *правила риторическія*, слѣдуя *Эрнесту*; прочтетъ и истолкуетъ нѣсколько рѣчей *Цицероновыхъ* и двѣ послѣднія книги *Виргиліевой* энеиды, пріобщая къ тому иногда и другихъ знатнѣйшихъ писателей; покажетъ наиболѣе употребительные какъ *россійскихъ*, такъ и *латинскихъ стиховъ роды*, и притомъ почасту задавать будетъ слушателямъ своимъ упражненія въ переводахъ и *сочиненіяхъ*, и напослѣдокъ прочтетъ и изъяснитъ похвальныя слова г. *Ломоносова*; егожъ двѣ пѣсни героическія поэмы и нѣсколько одъ.

Съ 1 августа 1773 года по 26 іюня 1774 года:

Предложитъ *правила риторическія*, слѣдуя *Эрнесту*; прочтетъ и истолкуетъ нѣсколько рѣчей *Цицероновыхъ*; первую книгу *Виргиліевой* энеиды; одну или другую изъ басенъ (ex fabulis) *Плавта* и *Теренція*, пріобщая къ тому иногда и другихъ, какъ

въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, знатнѣйшихъ писателей; покажетъ наиболѣе употребительные какъ *россійскихъ*, такъ и *латинскихъ стиховъ роды*, и притомъ почасту задавать будетъ слушателямъ своимъ упражненія въ переводахъ и *сочиненіяхъ*, и напослѣдокъ прочтетъ и изъяснитъ похвальныя слова г. *Ломоносова*, егожъ двѣ пѣсни героическія поэмы и нѣсколько одъ.

Съ 1 августа 1774 года по 26 іюня 1775 года:

Предложитъ *правила реторическія*, слѣдуя *Эрнесту*, напоминая всегда о томъ, что̀ *собственно и особливо принадлежитъ къ стилю и природному языку*; прочтетъ и истолкуетъ *Цицероновы* рѣчи: за законъ Маниліевъ, за Милона, также послѣ возвращенія къ народу и въ сенатѣ говоренныя; *Виргиліевой* энеиды вторую книгу; изъ *Теренція* Форміона и изъ *Плавта* Псевдола; двѣ похвальныя г. *Ломоносова* рѣчи, и нѣсколько егоже одъ. Также присоединитъ къ тому и другихъ сочинителей, и сверхъ того задавать будетъ часто слушателямъ своимъ упражненія въ переводахъ и *сочиненіяхъ, какъ прозою, такъ и стихами, на обоихъ языкахъ, т. е. на россійскомъ и на латинскомъ.*

Съ 1 августа 1775 года по 26 іюня 1776 года:

Предложитъ *правила реторическія*, слѣдуя *Эрнесту*, и примѣчая всегда то, *что̀ изъ оныхъ въ россійскомъ языкѣ и стилѣ употреблено быть можетъ;* прочтетъ и истолкуетъ *Цицероновы* рѣчи за Марцелла и за Лигарія; *Виргиліевой* энеиды книгу третію; изъ *Теренціевыхъ* комедій двухъ братовъ; изъ *Плавта* двухъ братовъ же Менехмовъ; похвальныя г. *Ломоносова* слова и нѣсколько егоже одъ; причемъ употребитъ и другихъ писателей, и почасту задавать будетъ слушателямъ своимъ упражненія въ переводахъ и *сочиненіяхъ, какъ прозою, такъ и стихами, на обоихъ языкахъ, т. е. на руссійскомъ и на латинскомъ.*

Съ 1 августа 1776 года по 26 іюня 1777 года:

Правила риторическія предложитъ и въ упражненіяхъ риторическихъ руководствовать будетъ, слѣдуя *Бреславскимъ основаніямъ краснорѣчія* (ad ductum Elementorum Wratislaviensium), *поелику чрезъ недавнишнее изданіе въ университетской типографіи оной книги довольное число находится, примѣчая всегда то, что изъ оныхъ правилъ къ россійскому языку и стилю служить можетъ.* Прочтетъ и истолкуетъ *Цицероновы* рѣчи: за законъ Маниліевъ, послѣ возвращенія къ квиритамъ и въ сенатѣ, также за царя Деіотара; *Виргиліевой* энеиды книгу четвертую; изъ *Теренціевыхъ* комедій Форміона, изъ *Плавтовыхъ* Псевдола; похвальныя г. *Ломоносова* слова 1749 и 1755 годовъ и нѣсколько егоже одъ. Причемъ употребитъ и другихъ писателей, и почасту задавать будетъ слушателямъ своимъ упражненія въ переводахъ и *сочиненіяхъ, какъ прозою, такъ и стихали, на обоихъ языкахъ, т. е. на россійскомъ и на латинскомъ.*

Съ 1 августа 1777 года по 26 іюня 1778 года:

Правила *риторики* предложитъ слѣдуя *Эрнестіевымъ начаткамъ риторическимъ*; прочтетъ и истолкуетъ *Цицероновы* рѣчи: за Архію и за Милона; *Виргиліевой* энеиды книгу пятую; изъ *Горація* нѣсколько одъ и первой книги первую эпистолу; г. *Ломоносова* извѣстныя два слова похвальныя и нѣсколько одъ; причемъ употребитъ и другихъ писателей, и почасту задавать будетъ слушателямъ своимъ упражненія въ переводахъ и *сочиненіяхъ, какъ прозою, такъ и стихами, на обоихъ языкахъ, т. е. на россійскомъ и на латинскомъ.*

Съ 1 августа 1778 года по 26 іюня 1779 года:

По предложеніи прежде всего правилъ *риторики* по *Ернестіевымъ начаткамъ риторическимъ*, прочтетъ и истолкуетъ четыре *Цицероновы* рѣчи на Катилину, и *Виргиліевой* энеиды книгу шестую; такожъ покажетъ *разные роды стиховъ латинскихъ и*

россійскихъ, изъ сочиненій *Гораціевыхъ* и г. *Ломоносова*, котораго напослѣдокъ и похвальныя слова 1749 и 1755 годовъ прочтетъ со изъясненіемъ, почасту между тѣмъ задавая слушателямъ своимъ упражненія въ переводахъ и *сочиненіяхъ на обоихъ языкахъ, т. е. на россійскомъ и на латинскомъ*.

Съ 17 августа 1779 года по 27 іюня 1780 года:

Кратко повторя *просодію латинскую* и *правила объ акцентахъ*, также *грамматику россійскую*, преподавать будетъ *риторику*, слѣдуя *Эрнесту*, и пріобщая къ оной *краткія наставленія поэзіи россійской и латинской*, съ примѣрами, особливо изъ *Горація*, изъ *Ломоносова* и изъ *другихъ россійскихъ стихотворцевъ* взятыми.

Съ 17 августа 1780 года по 27 іюня 1781 года:

Въ преподаваніи *риторики* слѣдовать будетъ *Эрнесту*. Прочтетъ и истолкуетъ *Цицероновы* рѣчи: за законъ Маниліевъ и за Лигарія. По показаніи же кратко *правилъ о составленіи стиховъ латинскихъ и россійскихъ*, примѣры сочиненій въ стихахъ предложитъ изъ *Горація* и *Ломоносова*, котораго и слова 1749 и 55 годовъ прочтетъ и истолкуетъ, и между тѣмъ окончитъ начатую изъ *Виргиліевой* энеиды седьмую книгу. Стараться также будетъ, чтобъ учившихся изъ слушателей по греческому языку трудъ, на то употребленный, не остался тщетнымъ, почему между прочими, для латинскаго и россійскаго языковъ назначаемыми, упражненіями задавать имъ будетъ и *съ греческаго дѣлать переводы*.

Въ 1781—1782 академическомъ году:

Anton Barsow erklärt *Ernesti* anfangsgründe der *redekunst*, zwei *Ciceronische* reden, das achte buch der *Aeneide*, einige *Horazische* gedichte, zwei *Lomonosowische* lobreden nebst einigen oden, und übt seine zuhörer theils im *übersetzen ins russische aus dem lateinischen (und umgekehrt), zuweilen auch aus dem griechi-*

schen, theils auch in *eigenen ausarbeitungen*. (Bacmeister, Russische Bibliothek. Ч. VII, стр. 551).

Съ 17 августа 1782 года по 26 іюня 1783 года:

Правила риторическія предложитъ по руководству *Эрнестіеву*; изъ *Цицероновыхъ* рѣчей читать будетъ: за Архія, за Лигарія и вторую филиппическую; окончаетъ книгу восьмую *Виргиліевой* энеиды, а къ сей пріобщитъ и девятую. Причемъ *для показанія разныхъ родовъ въ стихахъ* изъяснитъ нѣсколько одъ изъ *Горація*, и *на тотъ же конецъ* для примѣра изберетъ нѣкоторыя мѣста изъ *россійскихъ стихотворцевъ*, особливо изъ сочиненій г. *Ломоносова*, котораго также главнѣйшія два слова похвальныя прочтетъ. Сверхъ сего, къ *переводамъ съ латинскаго на россійскій языкъ и обратно* (*а иногда и съ греческаго*), такожъ и къ *собственнымъ сочиненіямъ* слушателей своихъ руководствовать будетъ.

Съ 17 августа 1783 года по 26 іюня 1784 года:

Предложивъ *правила риторическія* по руководству *Эрнестіеву*, будетъ читать рѣчи *Цицероновы*: за законъ Маниліевъ и за Марцелла; потомъ девятую книгу *Виргиліевой* энеиды. *Для показанія же слушателямъ примѣровъ во всѣхъ главныхъ родахъ стихотворческихъ и простыхъ сочиненій, коснется онъ и другихъ латинскихъ писателей, сообщивъ напередъ нѣкоторое познаніе о вѣкахъ, по которымъ оные различаются, какъ и о самыхъ писателяхъ.* Изъ греческихъ также *Ксенофонта* о достопамятныхъ дѣлахъ и разговорахъ Сократовыхъ изъ первой книги одну или двѣ главы прочтетъ. *Въ россійскомъ же языкѣ* вопервыхъ будетъ слѣдовать г. *Ломоносову* и *его за образецъ предлагать*, хотя и другихъ притомъ россійскихъ писателей употреблять не оставитъ. Сверхъ сего къ переводамъ съ латинскаго на россійскій языкъ и обратно, а *иногда и съ греческаго*, такожъ и къ собственнымъ сочиненіямъ слушателей своихъ руководствовать будетъ.

Съ 17 августа 1784 года по 26 іюня 1785 года:

Ant. Barsow lehrt die *redekunst* nach *Ernesti;* erklärt zwei reden von *Cicero*, ein buch der *Aeneide*, etliche kapitel aus dem ersten buche der Sokratischen Merkwürdigkeiten von *Xenophon*, und einige stellen aus *Lomonosow's* und *anderer* theils lateinischer theils *russischer schriftsteller;* und läszt seine zuhörer aus dem lateinischen ins russische, und umgekehrt, zuweilen auch aus dem *griechischen*, übersetzen, und sich oft in eigenen ausarbeitungen üben. (Bacmeister, Russische Bibliothek. Ч. IX, стр. 531).

Съ 17 августа 1785 года по 26 іюня 1786 года:

Ant. Barsow lehrt die *redekunst* nach *Ernesti;* erklärt zwei reden von *Cicero*, einige gedichte von *Horaz*, etwas aus der *Aeneide*, zwei lobreden von *Lomonosow*, etliche kapitel aus dem ersten buche der *Sokratischen Merkwürdigkeiten*, und läszt seine zuhörer aus dem lateinischen ins russische, und umgekehrt, zuweilen auch aus dem griechischen, übersetzen. (Bacmeister, Russische Bibliothek. Ч. X, стр. 328—329).

Съ 17 августа 1787 года по 26 іюня 1788 года:

Ант. Барсовъ, краснорѣчія публичный и ординарный профессоръ и проч., потщится нынѣшный годищный ученія риторическаго кругъ, сколько возможно, учинить наиболѣе *практическимъ*, и никакого не пропуститъ способнаго времени и случая задавать слушателямъ своимъ то *переводы* съ латинскаго на россійскій языкъ и обратно (а иногда и съ *греческаго*), то *собственныя на латинскомъ и россійскомъ языкахъ прозою и стихами* дѣлать *сочиненія*; сдѣланныя же и ему отъ нихъ поданныя прочитывать, по правиламъ искусства разсматривать, и что̀ по мнѣнію его исправить должно, показывать. Между тѣмъ правила *риторики* предложитъ, изъяснитъ и повторитъ по руководству *Эрнестіеву*, токмо *съ дополненіемъ* и особливо съ пріобщеніемъ нужнѣйшихъ правилъ *о стихотворной на обоихъ оныхъ языкахъ наукѣ*. Къ

сему присовокупить также чтеніе и толкованіе изъ латинскихъ писателей: *Цицерона* и именно рѣчей его за законъ Маниліевъ и за Лигарія; *Виргилія* первой книги энеиды; изъ *Горація* нѣсколько *одъ*, служащихъ къ познанію употребительнѣйшихъ родовъ стиховъ латинскихъ; а изъ россійскихъ—*Ломоносова* главныхъ похвальныхъ рѣчей и нѣкоторыхъ одъ. При чемъ иногда *другихъ писателей* употреблять и ихъ *между собою сравнивать* будетъ. Равно и изъ греческихъ къ изъясненію *Ксенофонтовой* первой книги о достопамятныхъ дѣлахъ и разговорахъ Сократа приступитъ.

Съ 17 августа 1789 года по 26 іюня 1790 года:

Въ преподаваніи правилъ *риторики* наибольше слѣдовать будетъ *Эрнестію*, въ *поэзіи* — *Жувансу*; читать и изъяснять будетъ *Цицероновы* рѣчи: за Секста Росція Америйскаго, за законъ Маниліевъ и за Лигарія; нѣкоторыя избранныя стихотворенія *Гораціевы*; *Плавтова* Амфитріона и *Теренціеву* Андріянку; изъ греческихъ писателей сказаніе Продиково о Геркулесѣ, изъ *Ксенофонтовой* книги второй достопамятныхъ рѣчей Сократовыхъ, а изъ россійскихъ — двѣ похвальныя рѣчи и нѣсколько одъ *Ломоносова*. Особливо жъ почасту задавать будетъ слушателямъ своимъ *сочиненія въ стихахъ и прозѣ*, также и переводы съ латинскаго на россійскій языкъ и обратно, а иногда и съ греческаго.

Съ 17 августа 1790 года по 26 іюня 1791 года:

По большей части занимать будетъ слушателей своихъ *сочиненіями какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ*, по руководству особливо начатковъ риторическихъ *Эрнеста* и наставленій піитическихъ *Жувансія*; читать и изъяснять будетъ *Цицероновы* рѣчи, по возвращеніи его изъ изгнанія говоренныя, и за Милона; нѣкоторыя избранныя стихотворенія *Гораціевы*; *Плавтова* Эпидика и *Теренціева* Форміона; изъ греческихъ же писателей обстоятельнѣе изъяснитъ изъ *Ксенофонта* сказаніе Продиково о Герку-

лесѣ. Къ чему напослѣдокъ на россійскомъ языкѣ нѣсколько пріобщитъ одъ г. Ломоносова.

Съ 17 августа 1791 года по 26 іюня 1792 года:

Въ преподаваніи *риторики* попрежнему будетъ слѣдовать *Эрнесту*. Изъ классическихъ авторовъ читать и изъяснять будетъ: *Цицероновы* рѣчи за законъ Маниліевъ и за Лигарія; нѣкоторыя оды *Гораціевы*, егожъ *Науку о стихотворствѣ*, и напослѣдокъ *Теренціеву* комедію, Форміонъ называемую. Къ чему изъ россійскихъ писателей пріобщитъ *Ломоносова* первую похвальную рѣчь и нѣсколько одъ егоже. Сверхъ сего, слушателямъ своимъ почасту назначать будетъ какъ *въ прозѣ*, такъ и *въ стихахъ* разныя *сочиненія*.

158) Рукопись библіотеки московскаго университета.—Протоколы конференціи 1768 года, т. 12. стр. 43. — Предложеніе Хераскова 3 мая 1768 года.

159) Слово о нынѣшемъ состояніи врачебной науки въ Россіи, сравнивая оное съ закономъ Иппократовымъ, въ публичномъ собраніи императорскаго московскаго университета, говоренное Іоганномъ Фридрихомъ Эразмомъ, апрѣля 22 дня 1768 года. Печатано при императорскомъ московскомъ университетѣ.

160) Слово о произшествіи и учрежденіи университетовъ въ Эвропѣ на государственныхъ иждивеніяхъ, въ публичномъ собраніи императорскаго московскаго университета, говоренное онагожъ университета свободныхъ наукъ магистромъ и юриспруденціи докторомъ Иваномъ Третьяковымъ. 1768 года апрѣля 22 дня. Печатано при императорскомъ московскомъ университетѣ.

161) Рукопись библіотеки московскаго университета, — протоколы конференціи 1768 года. Отношеніе куратора Адодурова къ Хераскову, изъ Петербурга, 30 октября 1768 года.

162) Рукопись библіотеки московскаго университета, — протоколы конференціи, Т. 8. Протоколъ конференціи 1 декабря 1763 года: L'étudiant Foedor Cherbovski envoyé de la police

avec un donochenié selon lequel il devait avoir crié *slovo et dielo* au siège où il a été conduit pour avoir appelé la garde contre des voleurs qui l'ont depouillé, a été interrogé s'il avait crié, a repondu qu'il n'avait pas proféré ces mots quand les gens de la police l'ont arrêté, mais qu'il avait dit: *я вамъ говорю дѣло*, c'est-à-dire, je vous parle d'une affaire faite, et que lui ayant ensuite demandé, s'il avait sujet de prononcer ces mots, il a repondu que non. Comme il s'est absenté sans permition, il était pendant quatre jours en prison au pain et à l'eau. Mais jusqu'à la resolution de s. e. il sera obligé de garder sa chambre et de n'en sortir que pour aller prendre ses leçons.

163) Исторія императорскаго московскаго университета, написанная къ столѣтнему его юбилею, проф. Шевыревымъ. 1855. стр. 93, 162 и др.

164) Acta societatis latinae jenensis edita ab ejus directore O. Ernesto Imman. Walchio. Ienae. 1752—1756. Пять томовъ. Въ каждомъ томѣ помѣщалась лѣтопись общества — historia societatis latinae jenensis.

Ausführliche nachricht von dem gegenwärtigen zustande der jenaïschen akademie. 1751. стр. 73—75.

Zuverlässiger unterricht von der verfassung von der herzoglich sächsischen gesammtakademie zu Jena, aus akten und anderen urkunden gezogen von Achatius Ludwig Karl Schmid. 1772. стр. 223—226.

165) Въ объявленіяхъ о лекціяхъ профессоровъ московскаго университета, въ восемнадцатомъ столѣтіи, обыкновенно прописывались всѣ ихъ титулы, какъ напримѣръ: Антонъ Барсовъ, коллежскій совѣтникъ, ордена святаго Владимира четвертой степени кавалеръ, краснорѣчія публичный и ординарный профессоръ, императорской россійской академіи членъ, печатаемыхъ въ университетской типографіи книгъ цензоръ, общества учрежденнаго въ Іенѣ для латинскаго языка почетный членъ, и т. д. Въ объявленіи о лекціяхъ 1780—1781 (съ 17 августа 1780 года по 27 іюня 1781 года) Барсовъ еще не называется членомъ іенскаго ла-

тинскаго общества. Объявленія о лекціяхъ 1781—1782 намъ не удалось отыскать въ подлинникѣ: мы привели извлеченіе Бакмейстера; но въ этомъ извлеченіи Бакмейстеръ, вопреки своему обычаю, не перечисляетъ титуловъ профессоровъ. Въ объявленіи о лекціяхъ 1782—1783 (съ 17 августа 1782 года по 26 іюня 1783 года) и слѣдующихъ годовъ Барсовъ называется членомъ іенскаго латинскаго общества.

166) Записки россійской академіи. Собраніе 21 октября 1783 года, л. 9.

167) Бумаги россійской академіи, найденныя въ архивѣ комитета правленія академіи наукъ. Письмо Барсова къ Лепехину, 13 ноября 1783 года.

168) Записки россійской академіи. Собранія: 12 марта 1784 года, ст. X. л 44; — 1 іюня 1784 года, ст. IV, л. 46. Письмо Мелиссино къ Дашковой, 15 апрѣля 1784 года — въ бумагахъ, найденныхъ въ архивѣ комитета.

169) Бумаги россійской академіи, найденныя въ архивѣ комитета. Письмо Барсова къ Лепехину, 13 января 1785 года.

170) Записки россійской академіи. Собраніе 8 августа 1786 года, ст. I, л. 97.

171) Записки россійской академіи. Собраніе 10 января 1792 года, ст. III и IV, л. 2.

172) Дѣла архива московской духовной консисторіи. Метрическія книги Никитскаго сорока церкви Рождества Христова, что́ въ Палашахъ, за 1791 годъ. Мѣсяцъ декабрь. Графа объ умершихъ, № 8.

Въ приходѣ этой церкви былъ у Барсова собственный домъ. Ср. Указатель Москвы, показывающій по азбучному порядку имена владѣльцевъ всѣхъ домовъ сей столицы. 1793. Часть I, стр. 72. Девятая часть. Барсова, Антона Алексѣевича, покойнаго коллежскаго совѣтника и кавалера, въ приходѣ Рождества въ Палашахъ, въ Медвѣжьемъ переулкѣ, 1 квар. № 5.

Изъ исповѣдныхъ росписей приходской церкви, Рождества въ Палашахъ, видно, что Барсовъ жилъ одинъ (женатъ не былъ);

но при немъ было въ домѣ нѣсколько служителей съ женами и дѣтьми; всего пятнадцать человѣкъ.

173) Лѣтописи русской литературы и древности. 1859—1860. Книжка шестая. Записки К. Ѳ. Калайдовича, стр. 113.

Рѣчи, произнесенныя въ торжественныхъ собраніяхъ императорскаго московскаго университета русскими профессорами онаго, съ краткими ихъ жизнеописаніями. 1819. Часть I, стр. 40—41.

174) Бумаги Михаила Никитича Муравьева въ публичной библіотекѣ. № 17. Собраніе сочиненій Муравьева, приготовленныхъ къ печати.

175) Сборникъ статей, читанныхъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1868. Томъ V. Выпускъ первый, стр. 116.

176) Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи. Изданіе И. Снегирева. 1838. Т. I. стр. 62.

177) Вѣстникъ Европы. 1813. Часть LXXII. стр. 84 и 86.

178) Учрежденіе императорскаго воспитательнаго дома для приносныхъ дѣтей и гошпиталя для бѣдныхъ родильницъ въ столичномъ городѣ Москвѣ. Печатано въ С.-Петербургѣ при императорской академіи наукъ 1763 года. Въ малую 8°. За именнымъ указомъ, манифестомъ и докладомъ объ учрежденіи воспитательнаго дома, помѣщенъ Генеральный планъ императорскаго воспитательнаго дома въ Москвѣ. Части вторая и третья Генеральнаго плана московскаго воспитательнаго для приносныхъ младенцевъ дома изданы въ листъ, съ отдѣльнымъ оглавленіемъ и пагинаціею для каждой части.

179) Въ словарѣ свѣтскихъ писателей митрополита Евгенія сказано о Барсовѣ: «Для комиссіи, собранной въ 1767 году къ сочиненію новаго уложенія, писалъ онъ *многія предначертанія по статьѣ о дворянствѣ*» (I, 22). Со словъ Евгенія, извѣстіе это повторяется и всѣми другими библіографами.

180) Дѣла архива втораго отдѣленія собственной е. в. кан-

целяріи. № $\frac{353}{348}$. Дневныя записки комиссіи о государственныхъ родахъ, 1767 года.

181) Наставленія политическія барона Билфельда. Часть II. Перевелъ съ французскаго языка коллежскій совѣтникъ и краснорѣчія профессоръ Антонъ Барсовъ. Печатаны при императорскомъ московскомъ университетѣ, 1775 года.

182) Дѣла государственнаго архива. Собственноручныя записки императрицы Екатерины II касательно россійской исторіи. Части: I, II, IV.—Въ государственномъ архивѣ сохранились матеріалы, доставленные сотрудникомъ Барсова: Свѣдѣнія о россійской исторіи, съ 1224 года, выписанныя изъ разныхъ рукописныхъ лѣтописцевъ; продолженіе XI, съ 1374 по 1380 годъ,—отъ профессора Харитона Чеботарева.

183) Московскій журналъ. 1792. Часть VII. Книжка третія. Сентябрь. стр. 344 — 357.

184) Краткая латинская грамматика, сочиненная господиномъ Целларіемъ, исправленная и умноженная господиномъ Геснеромъ. Съ нѣмецкаго на россійскій языкъ передена при императорскомъ московскомъ университетѣ элоквенціи профессоромъ Антономъ Барсовымъ. Печатано въ университетской типографіи 1762 году чрезъ фактора Гоіера.

185) Рѣчи свои, выходившія отдѣльно, Барсовъ собралъ вмѣстѣ, и вновь издалъ подъ названіемъ: Собраніе рѣчей, говоренныхъ въ императорскомъ московскомъ университетѣ, при разныхъ торжественныхъ случаяхъ краснорѣчія публичнымъ и ординарнымъ профессоромъ, и проч. Антономъ Барсовымъ. 1788. Въ это изданіе вошли девять рѣчей, произнесенныя:

1) 26 апрѣля 1755 года;
2) 3 октября 1762 года;
3) 10 ноября 1768 года;
4) 2 іюля 1771 года;
5) 25 іюля 1775 года;
6) 15 октября 1776 года;
7) 23 января 1778 года;

8) 23 сентября 1781 года;

9) 30 іюня 1786 года.

Рѣчь о употребленіи краснорѣчія въ россійской имперіи неизвѣстна ни въ печати, ни въ рукописи. О латинскихъ рѣчахъ Барсова упоминаетъ митрополитъ Евгеній въ своемъ рукописномъ словарѣ.

Рѣчь, говоренная 6 сентября 1760 года, не была издана ни отдѣльно, ни въ собраніи рѣчей. Помѣщаемъ ее по списку, сохранившемуся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

РѢЧЬ

МАГИСТРА АНТОНА БАРСОВА

говоренная

ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

Сентября 6 дня

1760 года.

Къ числу безчисленныхъ и неизреченныхъ благочестивѣйшія великія государыни Елисаветы Петровны императрицы и самодержицы всероссійскія, всемилостивѣйшія основательницы сего университета и всещедрыя покровительницы, ежечасно на оный изливаемыхъ и непрерывно продолжающихся благодѣяній и милостей принадлежитъ такожде и сіе матернее ея милосердіе, что ея величество въ извѣстныя назначенныя и опредѣленныя къ тому времена, какъ то во дни всерадостнѣйшаго ея величества коронованія, и нынѣ по всерадостнѣйшемъ же и торжественнѣйшемъ дни высочайшаго ея тезоименитства всемилостивѣйше дозволяетъ оному какъ бы представать предъ священнѣйшею ея особою съ каковымъ либо словеснымъ дароприношеніемъ, или ко изъявленію радостныхъ чувствій благодарнѣйшаго духа служащимъ и достодолжное прославленіе высочайшаго ея имени и не-

сравненныхъ добродѣтелей заключающимъ, или другое какое либо честное, полезное и толикаго торжества, такожъ бывающаго при томъ почтеннаго любоученнѣйшихъ мужей собранія достойное разсужденіе содержащимъ. Ибо естьли мы въ обыкновенныхъ и посредственныхъ благодѣяніяхъ безъ сомнѣнія обще всѣмъ намъ отъ природы вложенное такое разсужденіе имѣемъ, что получивъ случай какому либо благотворителю своему засвидѣтельствовать свое усердіе и преданность, самое сіе за удовольствіе себѣ и за щастіе почитаемъ, а подаваемый иногда самимъ опымъ благодѣтелемъ случай великимъ приращеніемъ его къ намъ благодѣтельствъ признаемъ, то можетъ ли сей великою Елисаветою, чадолюбивѣйшею россійскаго отечества матерію, основанный, и подъ высочайшимъ ея покровительствомъ толь многими правами, вольностьми и преимуществами пожалованный, и толь многими пользами и выгодностьми снабдѣнный университетъ въ сей день съ симъ особеннымъ своимъ для высочайшаго тезоименитства ея императорскаго величества, всилу даннымъ ему отъ нея жъ узаконеній, учрежденнымъ и поставленнымъ торжествомъ, яко единственнымъ своимъ, неравнымъ поистинѣ величеству щедротъ ея, но отъ крайнѣйшаго и горячайшаго усердія приносимымъ даромъ предстать предъ лице толикія своея благодѣтельницы и не чувствовать своего въ томъ блаженства и матерняго милосердія ея императорскаго величества? Но оный дѣйствительно такъ всегда разсуждаетъ и справедливо мыслитъ, что когда онъ въ прочія времена трудится въ руководствованіи врученнаго ему юношества къ полезнымъ наукамъ, и въ наставленіи онаго къ добродѣтелямъ упражняется, тогда исполняетъ долгъ своего званія; когдажъ въ сіи торжественные дни даръ чистѣйшей радости своея, удивленія и благодарствія всемилостивѣйшей основательницѣ своей и всещедрой покровительницѣ приноситъ, то въ самое то время новое пріемлетъ отъ неяжъ награжденіе и новую получаетъ милость. Ея жъ императорское величество, какъ всегда всею кротостію своею, такъ и въ семъ случаѣ благоутробію Всевышняго уподобляется, и не взирая на худость и малость сихъ приношеній,

матернимъ сердцемъ и милостивною рукою, яко отъ чадъ своихъ, пріемлетъ оныя за соединенное только съ тѣмъ искреннѣйшее усердіе, недостаточество ихъ покрывая монаршимъ своимъ великодушіемъ, коего спасительное прибѣжище какъ всѣмъ и всегда нужно, такъ наипаче мнѣ необходимо потребно въ настоящемъ случаѣ когда императорскій московскій университетъ за благо разсудилъ въ торжественный сей день при почтеннѣйшемъ вашемъ собраніи употребить меня истолкователемъ своихъ мыслей. Ибо исполненіе сея должности сходственно съ вышеобъявленнымъ отъ меня основаніемъ какого требуетъ пространства разума и коликой силы краснорѣчія, то можете вы по благоразумію вашему удобно себѣ представить; а сколько скудость моихъ дарованій къ тому недостаточна, оное показываетъ мнѣ собственное мое признаніе. И такъ единое упованіе на матернее великодушіе милосерднѣйшія въ свѣтѣ монархини можетъ меня подкрѣпить и одобрить въ семъ моемъ предпріятіи.

Но что могу я достойное сего торжественнаго дня слуху вашему предложить? То правда, что самое обстоятельство дня сего и торжества его и мѣста здѣшняго подаетъ вамъ ожидать право отъ меня и требовать, а мнѣ необходимость нѣкоторую полагаетъ, чтобъ рѣчь моя къ вамъ наипаче простиралась въ похвалахъ высочайшаго Елисаветина имени, источника всегдашняго блаженства нашего, такожъ и настоящаго веселія и празднества, и я то совершенно чувствую, но при томъ разсуждаю, что сіе какъ легко всякому примѣтить, такъ не всякому легко дѣломъ исполнить можно, понеже къ прославленію достойнымъ образомъ толикаго множества толь превосходныхъ добродѣтелей, которыми преславное владѣніе великія Елисаветы украшается, и которыя во всѣхъ ея предпріятіяхъ и дѣйствіяхъ съ толикою ясностію сіяютъ, и во всей жизни ея царствуютъ, потребно, не говорю: большее моего, ибо сколькобъ я симъ прибавилъ? но самое превосходное искусство въ краснорѣчіи. Предпріятіе жъ сего съ посредственнымъ талантомъ за непростительную неразсудность, и приступленіе къ тому съ недостаточествомъ слова, моему равнымъ, какъ прикосновеніе

божественной святыни неумовенными руками, за продерзость уже и нѣкоторое святотатство почитать должно. И такъ здѣсь да отверзется мнѣ оное безпримѣрнаго твоего и неподражаемаго, о благоутробнѣйшая монархиня, прибѣжище великодушія, и да позволено мнѣ будетъ, безъ вины и преступленія, добротамъ твоимъ, которыхъ скудорѣчивый языкъ мой достойно возвысить не можетъ, удивляться въ молчаніи, а слово мое обратить къ другому, не столько силы мои превосходящему предмету.

При семъ же и ваше доброхотство, высокопочтеннѣйшіе слушатели, съ надлежащимъ почтеніемъ прошу за благо принять въ семъ случаѣ возможное вмѣсто должнаго, и чтобъ напослѣдокъ приступить къ дѣлу, то объявляю, что я симъ снисходительствомъ вашимъ или терпѣливостію пользоваться хочу къ предложенію вамъ непродолжительною рѣчію мнѣнія моего о томъ, *съ какимъ мы намѣреніемъ наукамъ обучаться долженствуемъ?* О важности сего вопроса и о томъ, сколько онъ любопытнаго разсмотрѣнія достоинъ, не нахожу я за потребно при собраніи избраннѣйшихъ любителей наукъ много распространяться. Впрочемъ какъ вамъ, высокопочтеннѣйшіе слушатели, такъ и мнѣ въ разсужденіе о семъ вопросѣ тѣмъ охотнѣе вступить можно, что онъ намъ на память привесть долженъ всемилостивѣйшую основательницу истиннаго ученія въ семъ царствующемъ градѣ, которыя высочайшему имени посвященный день сей торжествуется въ семъ, щедротамъ ея, наукамъ и ученію присвоенномъ домѣ; кромѣ жъ сего въ опомъ разсужденіи увидите вы и тотъ конецъ, къ которому обрѣтающіеся въ семъ императорскомъ университетѣ дѣти ваши и сродственники руководствуются. И такъ со стороны самой вещи, подлежащей сему разговору, могу я, кажется, увѣренъ быть, что оную вы и довольно приличною сему дню и торжеству и довольно достойною вашего вниманія признаете, высокопочтеннѣйшіе слушатели. Чтожъ касается до того, что отъ меня къ изъясненію оной пріобщено быть можетъ, въ томъ довольно счастливымъ себя почту, естьли хотя самое содержаніе разсужденія моего, по мнѣнію вашему, съ истиною и съ здравымъ ра-

зумомъ согласно найдется; а недостаточное украшеніе слога, прибѣгая къ снисходительству вашему, прошу извинить недостаточествомъ и дополнить избыточествомъ вашего благоразумія.

При самомъ вступленіи въ предпріятое разсужденіе, приходитъ мнѣ на мысль нѣкоторая опасность, чтобъ весь прилагаемый къ разобранію предложеннаго мною вопроса трудъ не показался кому излишнимъ и пустымъ, ибо можетъ иному возмниться, что къ рѣшенію онаго довольно только сказать, что мы учимся наукамъ для наукъ, то есть, чтобъ разумъ нашъ наполнить потребными въ жизни знаніями, въ чемъ я безъ всякаго затрудненія съ имѣющими сіе мнѣніе соглашусь, и не скажу, чтобъ они въ семъ случаѣ неправду говорили, но только, что въ отвѣтѣ своемъ не все то заключили, что о семъ дѣлѣ сказать можно. Сходствуютъ съ ними въ томъ и нѣкоторые родители, наипачежъ нѣжныя родительницы, которыя, отпущая дѣтей своихъ въ ученіе, по большой части сими или подобными словами напутствуютъ ихъ и провождаютъ: *будь щастливъ; будь уменъ, душа моя*, которыхъ я винить также причины не нахожу, ибо равномѣрно и сіи не повреждаютъ истины, но не всю ее знаютъ. Естьлижъ между тѣмъ кто по бѣдности желаетъ, чтобъ чрезъ ученіе дѣти его наконецъ пропитаніе себѣ получить могли, дать (осуждать?) не могу, ибо бѣдные какъ во многихъ другихъ, такъ и въ семъ случаѣ, такое право имѣютъ, какъ покойные, что объ нихъ или въ добрую сторону разсуждать надлежитъ, или ничего говорить не должно. Напротивъ сего, которые ученіе орудіемъ роскоши, сребролюбія и лихоимства почитаютъ, и для сего одного дѣтямъ своимъ иногда оное дозволяютъ: тѣ чаятельно и больше бы ради были, естьлибъ дѣтямъ ихъ даромъ и безъ всякаго труда досталось сіе мнимое ихъ счастіе, то есть богатство, хотя неправедное, но великое; забава, хотя непозволенная, но услаждающая. Но намъ другими дорогами къ нашему концу слѣдовать надлежитъ, изъ коихъ какъ во многихъ другихъ дѣлахъ, такъ, по моему мнѣнію, и въ семъ случаѣ самая кратчайшая и надежнѣйшая есть, чтобъ чрезъ дѣйствія, въ человѣкѣ науками производимыя, доходить и до намѣренія производящей ихъ при-

чины. А для точнѣйшаго разсмотрѣнія сихъ дѣйствій должно намъ взойти къ самому бытности нашея началу, къ самому рожденію человѣческому, гдѣ мы, правда, весьма уничижительное самолюбію нашему, но къ сему намѣренію полезное зрѣлище увидимъ, ибо тамъ найдемъ мы сію, столько высящуюся и превозносящуюся тварь, сего по мнѣнію своему обладателя вселенной и господина всякаго живущаго и бездушнаго созданія, въ бѣднѣйшемъ паче всякаго наипрезрѣннѣйшаго творенія, и жалости, а не зависти достойномъ состояніи: гдѣ тутъ оный, землю проницающій, бездны проходящій и небесъ достигающій, гдѣ вся видимая измѣряющій и невидимая постизающій разумъ? Ни слѣда его не обрѣтается, ни вида не показывается. Слышенъ только кричащій голосъ, довольный къ обезпокоенію всякаго слуха, едва сильный къ приведенію въ сожалѣніе нѣкоторыхъ и то самыхъ ближнихъ сердецъ. Въ тѣлѣжъ какая слабость! какая хлипкость! кажется, что самое легчайшее движеніе воздуха весь составъ его раздавить и разсыпать въ состояніи. Сей слабый младенецъ со временемъ и съ лѣтами возрастетъ и тѣломъ укрѣпится. И умъ его откроется. Но пускай не видитъ ни въ чемъ примѣра, ни показанія, не имѣетъ чему подражать, будетъ тѣло его сильная можетъ быть, но неповоро(ро)тливая громада; а умъ — нѣкоторое, болѣе безсловеснымъ животнымъ подобное стремленіе, нежели человѣческій разсудокъ. Не дай ему ученія, то безпрестаннымъ обращеніемъ между людьми и всегдашнимъ употребленіемъ получитъ онъ общій смыслъ, и будетъ имѣть разсудку болѣе или менѣе, по разности природныхъ дарованій, — и что больше можетъ и превосходный разумъ оказать? однакожъ никогда до такой степени во всемъ томъ не достигнетъ, на какуюбъ онъ восшелъ, естьлибъ къ природному его таланту и къ общему употребленію пріобщилось еще просвѣщеніе ученія, которое одно разгнать можетъ опую невѣжества тьму, въ которой мы раждаемся, и истребить тѣ предразсужденія, которыя къ намъ отъ худаго воспитанія прилѣпляются. Ученіе раждаетъ въ насъ справедливыя мысли и разсужденія; ученіе показываетъ преимущество тѣхъ дѣйствій, которыя съ порядкомъ и размѣ-

ромъ дѣлаются; ученіе подаетъ намъ въ предводители премудрѣйшихъ изъ древности людей, въ писаніяхъ которыхъ мы почерпаемъ премногія высокія истины, питающія нашъ умъ, и духъ укрѣпляющія, съ которыми мы когда благороднымъ ревнованіемъ побуждаясь, сравняться стараемся, то хотя не получаемъ равнаго имъ совершенства, однакожъ тѣмъ самымъ нѣкоторымъ образомъ выше себя возносимся, распространяемъ свой разумъ, и больше знаній и понятій получаемъ; а чрезъ все то напослѣдокъ способнѣйшими становимся къ исправленію порученныхъ намъ по званію нашему дѣлъ и должностей. Внимая сіе послѣднее мое утвержденіе, не должно мнить, будтобъ я на развалинахъ искусства храмъ похвалъ наукамъ созидалъ, и должную испытанію и частоупотребленію честь отнимая, дѣйствіе оныхъ отдавалъ ученію; но сіе надлежитъ такимъ образомъ разумѣть, что ученіе во многихъ случаяхъ заступаетъ мѣсто искусства и испытанія или, лучше, оное въ себѣ содержитъ. И по истинѣ всѣ науки, есть-ли между прочими многими ихъ видами съ нѣкоторой извѣстной стороны ихъ разсматривать, не иное что покажутся, какъ только собраніе важнѣйшихъ опытовъ, въ разномъ родѣ вещей примѣчательными и остроумными людьми усмотрѣнныхъ, съ пріобщеніемъ произведенныхъ ими изъ того разсужденій и правилъ, служащихъ къ способнѣйшему и скорѣйшему дѣйствованію, ибо что напримѣръ—принявъ изъ множества наукъ одну въ разсужденіе—есть риторика, какъ только собраніе разныхъ опытовъ, примѣровъ и учиненныхъ отъ начала вѣка, по крайней мѣрѣ отъ многихъ вѣковъ, примѣчаній о разныхъ способахъ, пріемахъ и оборотахъ рѣчи, которыми слушатель удобнѣе преклоняется къ мнѣнію словесника. Примѣченные опыты послѣ общимъ разсужденіемъ оправдаются, что имъ по природному теченію и связанію вещей такъ должно было послѣдовать, и наконецъ самыя оныя примѣчанія, предложены будучи въ другомъ видѣ, становятся правилами, по которымъ дѣйствуя, вѣроятнымъ образомъ равнаго успѣха въ равныхъ обстоятельствахъ ожидать можно. Но что здѣсь объ одной риторикѣ вкратцѣ мною упомянуто, оное, видите

вы, высокопочтеннѣйшіе слушатели, какимъ образомъ и ко всѣмъ прочимъ наукамъ приложить можно, а изъ сего легко понять можете, что сколько память всѣхъ или многихъ вѣковъ долговременнѣе и разными случаями изобильнѣе, нежели жизнь всякого человѣка, столько основательное знаніе наукъ во всякомъ дѣлѣ должно быть сильняе и надежнѣе одного собственнаго испытанія, и отсюда-то происходитъ, что нѣкоторые съ особливою похвалою отправляютъ такія дѣла, въ которыхъ они прежде, кажется, никогда не употреблялись, потому что и въ самыхъ необыкновенныхъ дѣлахъ мало новости есть для такихъ людей, которые, помощію ученія, не одно то видятъ, что предъ глазами ихъ есть; но знаютъ всѣ важнѣйшія происшествія, съ начала бытія свѣта до временъ ихъ приключившіяся, съ внутреннѣйшими ихъ причинами и со всѣми предваряющими и послѣдующими обстоятельствами. Примѣръ сему показываетъ намъ древняя римская исторія въ Луціи Лукуллѣ, знатномъ римскимъ военачальникѣ, который впервые воинскій строй и непріятеля увидѣлъ, тогда какъ главное повелительство принялъ надъ войскомъ, съ которымъ имѣлъ воевать противъ Митридата, царя понтійскаго, ужаснѣйшаго, по Аннибалѣ, непріятеля римскому народу, котораго однако онъ не однажды побѣдилъ, и многіе города у него отнялъ; большую часть малой Азіи римскому народу покорилъ, и сею одною войною вѣчное себѣ имя между знатнѣйшими римскими полководцами получилъ. А всѣ повѣствующіе сіе тѣхъ временъ писатели утверждаютъ, что онъ толикую способность ко всѣмъ симъ великимъ дѣламъ, которой въ немъ не можно испытанію и употребленію приписать, получилъ отъ ученія, въ коемъ онъ до того съ великимъ прилежаніемъ и успѣхомъ упражнялся. Въ томъ же Римѣ славный и понынѣ краснорѣчіемъ своимъ Цицеронъ не доказалъ ли преимущество ученія надъ собственнымъ испытаніемъ, что обыкновенно называютъ искусствомъ, когда въ междоусобной брани римскаго сената съ Юліемъ Кесаремъ, прибывъ въ станъ Кнея Помпея, одного въ римскомъ народѣ великимъ названнаго, безчисленными битвами и сраженіями верховное

и ни съ кѣмъ въ тѣ времена несравненное искусство получившаго полководца, будучи повидимому всѣми своими упражненіями весьма отдаленъ отъ знанія воинскихъ порядковъ и дѣйствій, однако силою изощреннаго ученіемъ разума одинъ изъ всѣхъ, при томъ бывшихъ, тотчасъ усмотрѣлъ, примѣтилъ и показалъ всѣ тѣ недостатки и неисправности, для которыхъ вскорѣ послѣ сего оный никогда ни отъ кого дотолѣ непобѣжденный Помпей отъ Юлія Кесаря побѣжденъ и разбитъ, и наконецъ погибъ самъ, и республику римскую невозвратно погубилъ, что все въ вышеупомянутомъ случаѣ отъ Цицерона было предвидѣно и ему предсказано. И хотя должно признаться, что невсегда и не во всякомъ, но наипаче въ весьма немногихъ толикая сила и дѣйствіе ученія усматривается, однакожъ чрезъ то честь самого ученія нимало не уменьшается, ибо оно само собою всегда полезное свое дѣйствіе хотя въ разномъ количествѣ, по разности природныхъ каждаго дарованій, производитъ, противное жъ тому въ большемъ числѣ оказывается или по причинѣ недостаточнаго раченія и прилежанія учащихся и иногда учащихъ или отъ какихъ нибудь внѣшнихъ обстоятельствъ. При семъ я напомнить долженъ, что чрезъ сіе сравненіе ученія съ искусствомъ или испытаніемъ не стараюсь я говорить, чтобъ вы послѣднее отвергали за ненужное, но только, чтобъ первое тѣмъ наипаче за полезное признали. Впрочемъ я уповаю безъ трудности получить въ томъ отъ вашего снисходительства, высокопочтеннѣйшіе слушатели, извиненіе, что при случайномъ семъ исчисленіи происходящихъ отъ ученія пользъ надъ главнѣйшею изъ нихъ и для отечества нужнѣйшею нѣсколько долѣе промедлилъ, ибо какое намѣреніе безъ дѣйствія, какое предпріятіе безъ исполненія остаться можетъ въ такомъ государствѣ, гдѣ есть довольное число годныхъ и способныхъ людей ко исправленію всякой должности и всякаго дѣла въ войнѣ ли или въ мирѣ, внутрь ли или внѣ государства, на сухомъ пути или на морѣ, противъ непріятеля или съ пріятелемъ, оружіемъ ли и мечемъ или словомъ и перомъ. И сіе то дѣйствіе наукъ привлекаетъ упражняющимся въ нихъ вездѣ толь отмѣнную милость, благоволеніе и покрови-

тельство отъ государей ихъ и повелителей, которымъ равномѣрно и исправные повелѣній ихъ исполнители, потребные и достойные проповѣдатели славы ихъ собственной и отечества ихъ, пріятны. Но хотя бъ ученіе всѣхъ сихъ толь великихъ и дѣйствительныхъ пользъ въ себѣ и не заключало, то и тогда для одной славы, которую оно пріемлющимъ его народамъ приноситъ, должно бъ еще почтенно быть и любезно, чему примѣровъ множество всякому безъ дальняго размышленія сами собою на память притти могутъ, ибо какою силою оная древняя Грецiя, весьма немного мѣста въ Европѣ занимающая, и въ ней оная аѳинейская республика, хорошаго воеводства по здѣшнему обыкновенію пространствомъ своимъ не составляющая, дѣлаетъ, что по уничтоженіи уже онаго цвѣтущаго ея состоянія, по ономъ завоеваніи отъ римлянъ, чему немного до двухъ тысячь лѣтъ не достаетъ, однако мы въ такомъ отдаленіи мѣста и времени ея законодавцамъ, мудрецамъ, полководцамъ, витіямъ и стихотворцамъ удивляться не престаемъ, или великій оный Римъ, коего имперія за тысячу двѣсти лѣтъ отъ варваровъ раззорена, а оружіе еще гораздо прежде въ презрѣніе у самыхъ покоренныхъ имъ народовъ пришло, чѣмъ оное нѣсколько господственное преимущество сохраняетъ, что Европа вся и нынѣ языкъ его общимъ себѣ почитаетъ, и оному прежде всего и больше всего обучается, и его императоровъ образцомъ великости, полководцовъ наставленіемъ храбрости и всего военнаго искусства, ораторовъ и стихотворцовъ примѣромъ совершенства во всякомъ родѣ не безъ искренной ревности признаваетъ. Не всель то ведется еще плодъ той славы, которую они въ цвѣтущемъ своемъ состояніи и такъ сказать въ жизни своей раченіемъ своимъ и превосходными успѣхами въ наукахъ пріобрѣли? Чтожъ въ наши времена разсуждать должно о союзной Франціи, что объ Англіи, что о сосѣдственной уже, силою справедливаго оружія ея императорскаго величества, Германіи? Не первое ль славы ихъ украшеніе процвѣтающія въ нихъ науки составляютъ? О любезномъ же россійскомъ отечествѣ нашемъ, чтоб тоже въ другихъ странахъ без-

пристрастно подтвердить могли, къ тому отъ чадолюбивѣйшей онаго матери великія Елисаветы избыточественно употреблены всякіе способы и всякое иждивеніе; а между прочимъ попечительное о блаженствѣ подданныхъ своихъ намѣреніе ея величества довольно засвидѣтельствуется и единымъ симъ въ царствующемъ семъ градѣ россійскимъ музамъ отъ щедротъ ея воздвиженнымъ храмомъ. Но къ чему—спроситъ кто—всѣ сіи разсужденія клонятся? отвѣтствую: къ тому, чтобъ, по предобѣщанному мною, изъяснить тѣ дѣйствія наукъ, изъ которыхъ бы можно было познать конецъ ихъ и намѣреніе, съ какимъ имъ обучаться должно, и въ семъ мѣстѣ напослѣдокъ я одну часть онаго обѣщанія своего исполнилъ, когда по возможности моей вамъ представилъ, и хотя слабыми чертами изобразилъ нѣкоторый родъ пользъ и добротъ ученія, о достиженіи которыхъ мы чрезъ оное стараться можемъ или лучше сказать долженствуемъ. Всѣжъ оныя пользы могутъ въ одинъ родъ включены быть и однимъ именемъ назваться, а имянно *знаніемъ*. И такъ то справедливо, что знаніе принадлежитъ къ концу и къ намѣренію ученія, и что мы для сисканія его должны обучаться. Но одно сіе знаніе не объемлетъ всего пространства тѣхъ видовъ и желаній, которыя мы при вступленіи въ ученіе и при продолженіи онаго цѣлію себѣ представлять должны ко облегченію соединенныхъ съ тѣмъ трудовъ и къ дальнѣйшему себя ободренію; ибо оное знаніе при всѣхъ вышепоказанныхъ пользахъ и преимуществахъ, можетъ совмѣстно быть съ немалыми несовершенствами и съ самыми пороками, чему примѣровъ къ помраченію чести ученія и къ посрамленію человѣческаго разума больше, нежели какъ по человѣколюбію и братолюбію желать можно, находится во всѣхъ временахъ и во всѣхъ мѣстахъ. Хочешь ли изъ сего роду видѣть кого высокомѣрнаго, гордостію надменнаго, гнѣвливаго, въ роскоши и невоздержности погрязшаго, представь себѣ онаго Аристотелева ученика и воспитанника, великимъ называемого Александра, царя македонскаго. Хочешъ ли сребролюбиваго? Представь Димосфена, въ важномъ дѣлѣ продающаго пользу отечества сво-

его Гарпалу бѣглецу за златую чашу и двадцать талантовъ. Но нѣтъ въ примѣрахъ нужды въ томъ ясномъ дѣлѣ. То только примѣчать надлежитъ, что знаніе подобно оружію, по изволенію употребляющаго, и праведно защищающему и неправедно убивающему, или огню согрѣвающему и сожигающему, то есть, что оно можетъ и вредить и пользовать, поелику къ добру или ко злу обращено и употреблено будетъ. И такъ потребно къ оному еще нѣкое управленіе, котораго намъ въ сердцѣ нашемъ искать должно, гдѣ оное обитаетъ, такъ какъ разумъ и знаніе, по простому разсужденію, въ головѣ обрѣтается. Оное есть правосудіе, великодушіе, воздержаніе, честность, добронравіе и однимъ словомъ добродѣтель, безъ которой самое пространнѣйшее и глубочайшее знаніе не токмо должно быть безплодно и безполезно, но еще и вредно. И такъ ея мы наипаче чрезъ ученіе наше достигать должны, и знаніе почитать стенію (стезею?) или дверію къ добродѣтели, и во всякомъ случаѣ честное сердце предпочитать великому разуму. Ею учинятся познанныя нами высокія истины дѣйствительны, и чрезъ нея способность наша въ дѣлахъ обществу будетъ надежна. Но сколько сія добродѣтель ни почтенна и ни изящна, однако на ней не можно намъ остановиться въ семъ шествіи къ концу ученія, ибо находится еще высшее нѣчто и божественнѣйшее, а именно законъ и благочестіе христіанское, безъ котораго ни кое знаніе истинно полезно, ни кая добродѣтель совершенна быть не можетъ. Чего ради все ученіе имъ начинать, имъ оканчивать и съ нимъ всегда соединять надлежитъ. Но о семъ бы подробнѣйшее разсужденіе вступать, можетъ быть, болѣе принадлежитъ къ другому важнѣйшему моего чину, да при томъ же я опасаться причину имѣю, чтобъ напослѣдокъ терпѣливость вашу не утрудить, чего ради надлежитъ мнѣ поспѣшить ко окончанію сего разглагольствія; но кажется еще долгъ отъ меня требуетъ вамъ, любезное предстоящее здѣсь юношество, украшеніе сего высокаго училища, веселіе родителей, надежда отечества, пристойнымъ образомъ напомнить, что предложенное сей часъ разсужденіе, которое, какъ я уповаю, и вашимъ собственнымъ под-

тверждается, особливо вамъ нужно всегда повторять и незабвенно въ памяти содержать, и по тому управлять свое ученіе, то есть, чтобъ чрезъ оное получить основательное знаніе, достигнуть истинной добродѣтели, утвердиться въ законѣ и православіи, сдѣлать честь и предкамъ и потомкамъ своимъ, и всему отечеству своему славу принесть, причесться въ число полезныхъ общества членовъ, и быть добрыми, вѣрными и достойными рабами толь милосердыя монархини, отъ щедротъ которыя сей источникъ чести и щастія вашего происходитъ. Напослѣдокъ, высокопочтеннѣйшіе слушатели, принесемъ согласно усерднѣйшее и теплѣйшее моленіе Всевышнему о виновницѣ сего торжественнаго собранія вашего, общія намъ радости, благочестивѣйшей великой государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ, императрицѣ и самодержицѣ всероссійской, да сохранитъ здравіе ея долголѣтно и невредимо, да благословитъ высочайшую ея фамилію, да укрѣпитъ десницу ея на покореніе враговъ ея, и да воздастъ ей воздаяніе благости своея за ея матернее къ россійскимъ чадомъ своимъ милосердіе, и недавно толь живо и чувствительно оказанное соболѣзнованіе о бѣдныхъ утѣсненныхъ подданныхъ.

186) Матеріалы для исторіи русской литературы. Изданіе П. А. Ефремова. 1867. стр. 14.

Рукопись публичной библіотеки, изъ древлехранилища Погодина, — митрополита Евгенія, Словарь писателей. Т. I, л. 42 об.

Рѣчи, произнесенныя въ торжественныхъ собраніяхъ московскаго университета. Изданы обществомъ любителей россійской словесности. 1819. Часть I. стр. 42 — 87.

187) Сочиненія Карамзина. 1848. Т. III. стр. 317 — 326. Великой мужъ русской грамматики.

Лѣтописи русской литературы и древности. 1859 — 1860. Книжка шестая. Записки Калайдовича, стр. 113 — 114.

188) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ I. № 36,718. Журналъ комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ, 20 декабря 1782 года, № 26, ст. 4. Приложеніе. Побудительныя причины къ заведенію народныхъ училищъ.

189) Die gründung der österreichischen volksschule durch Maria Theresia, von Ioseph Alexander freiherrn von Helfert. Prag. 1860.

190) Staats-Anzeigen, gesammelt und zum druck befördert von August Ludwig Schlözer. 1783. Dritter band. Heft XI, s. 257—278. Russische schulprojecte. Plan des wirklichen statsraths hrn. Aepinus.

191) A. L. Schlözer's Staats-Anzeigen. Heft XI. стр. 272.

192) Die gründung der österreichischen volksschule durch Maria Theresia, von Helfert. стр. 497 и др.

Allgemeine deutsche bibliothek. 1785. Des einundsechzigsten bandes zweites stück. стр. 508—525.

193) Указъ 7 сентября 1782 года.

194) Өедоръ Ивановичъ Янковичъ-де-Маріево, А. С. Воронова. Журналъ для воспитанія, изд. Чумиковымъ. 1858. Т. III и IV.

195) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ I. № 36,718. Объявленіе комиссіи о заведеніи народныхъ училищъ и планъ ко установленію народныхъ училищъ въ россійской имперіи — приложенія къ журналамъ комиссіи о народныхъ училищахъ: 17 сентября 1782 года, № 2 и 20 декабря 1782 года, № 26.

196) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 1,258, № 38,420. Собственноручная промеморія Янковича, подписанная такъ: «Въ Санкт-Петробургѣ 23 септ. 782 году. Өеодоръ Іанковичъ изъ Миріево».

197) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ I. № 36,719. Журналъ комиссіи о народныхъ училищахъ 11 марта 1783 года № XI, ст. 2.

198) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ 1,262, № 38,441. Переписка Барсова съ Завадовскимъ поступила въ архивъ министерства народнаго просвѣщенія въ числѣ бумагъ, перешедшихъ туда изъ комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ.

199) Словарь свѣтскихъ писателей. I, 23.

200) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ I. № 36,722. Журналъ коммиссіи о народныхъ училищахъ, 25 апрѣля 1786 года. № 5, ст. 14. — Картонъ X. № 36,723. Журналъ коммиссіи о народныхъ училищахъ, 23 января 1787 года, № 2, ст. 1.

201) Monde primitif, analysé et comparé avec le monde moderne, considéré dans l'histoire naturelle de la parole ou grammaire universelle et comparative, par M. Court de Gebelin. Seconde édition. Paris. 1778, стр. 12—13.

202) Umständliches lehrgebäude der deutschen sprache, zur erläuterung der deutschen sprachlehre für schulen, von Ioh. Christoph Adelung. Leipzig. 1782. Ч. I, стр. 91 — 92; ч. II, стр. 566—567, и др.

203) Verbesserte anleitung zur deutschen sprachlehre. Zum gebrauche der deutschen schulen in den kaiserlichen königlichen staaten. Wien. 1779.

204) Дѣла архива академической канцеляріи. № 826 и 827.

205) Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1875. Томъ тринадцатый. Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, имъ самимъ описанная. Приложенія. стр. 329, 326, 374, и др.

206) Дѣла архива академической канцеляріи, № 287, л. 61—63 об. Приводимъ въ подлинникѣ инструкцію, составленную Шлецеромъ для Свѣтова и Венедиктова:

Regula ad quam ut studia sua in Universitate Göttingensi dirigant Basilius Svetov atque Basilius Venedictov, Philologiae Historiarumque Studiosi, jussit Academia Scientiarum Imperialis Petropolitana. Petropoli. d. Maii 1765.

I.

Hoc agite Basili Svetov et Basili Venedictov huc convertite omnem curam cogitationemque vestram, ut ad spem expectationemque Academiae quae vos eduxit, quae itineri, quod nunc stu-

diorum causa ad exteros instituitis, sumtus suggerit haud illiberaliter, eventus respondeat. Quocirca in historiarum scientiam, quam, non nostra vobis auctoritate injunctam, sed vestro ipsorum delectam judicio, colere spopondistis, ea animi contentione atque constantia incumbite, quae grata Academiae sit, honoraria vobis patriaeque universae olim fructuosa.

Tres annos vertentes licebit vobis Musarum Göttingensium consuetudine frui. Non est per se exiguum hocce studiorum curriculum, quod vobis circumscribit Academia: verum date operam, ut industria vestra illud etiam extendatis. Jam ea estis aetate quae non desidiam modo, sed ne languorem quidem fert. Praeterea ad eam Universitatem ablegamini, ubi certe non campus non materia deerit, in qua se exerceat ostendatque virtus vestra. Reliquum est ut duo adhibeatis diligentiam ac consilium: primum diligentiam, ne effluere vobis sine linea, quod aiunt, non menses, non hebdomades, sed ne dies quidem patiamini, plurium enim dierum jacturae paulatim in summam excrescunt; deinde consilium, ut ordinis atque rationis via procedat diligentia vestra, sitque tota ad hanc Regulam directa, quam hic vobis rite praescribimus.

Princeps studium ponetis in Historia. At cum nequeat illa percipi sine linguarum adminiculis, neque debeat perdisci alio fine, nisi ut ad usum vitae agendique prudentiam omnis referatur: necesse habebitis et Historiam et Philologiam et Philosophiam pari studio diligentiaque aeque dispertita colere.

I. Historiae ipsius amplissimus campus est. Universe in antiquam dividitur atque recentiorem, quarum utraque aut origines resque gestas imperiorum perpetua continentique narratione tradit (Historia proprie sic dicta) aut formam eorum statumque docet, cum quomodo constituta sint (Jus publicum) tum qua ratione administrentur (Statistica). Qui historiam antiquam profitentur, solent haec omnia iisdem acroasibus conjuncta proponere, nisi quod interdum a perpetua historia eam partem seiungant, quae de forma rerumpublicarum antiquarum ac de consuetudi-

nibus populorum privatis exponit (Antiquitates). Pari modo ab utriusque historiae, tam antiquae, quam recentioris, corpore litterarum atque religionis fata abstrahunt, unde litteraria existit historia atque ecclesiastica.

II. Linguarum multarum cognitio non honoraria tantum Historiarum consulto est, verum quoque prorsus necessaria. Ac vetustatis quidem memoria monimentis graecis ac latinis continetur, graece igitur ac latine doctus historicus sit. Qui populi vero nunc Europae regna tenent, hi omnes fere perscripserunt historias suas eo sermone, qui cuique genti patrius est. Horum igitur ut historiae ita quoque linguae perdiscendae sunt, si non omnium, at eorum certe, quorum in genere historico studium maxime eminuit, tanquam Germanorum, Gallorum, Anglorum.

III. Philosophia historiae finis est. Acta enim generis humani annalibus condita sunt, atque ex iis cognoscuntur non propter solam delectationem sed ad vitae tum privatae, tum civilis usum. Informare hominem debet historia, primo ut sapiens (Philosophia moralis), deinde ut justus (Jus naturae), postremo ut bonus civis sit (Politica).

Has scientias omnes oportet vos non cursim, non tumultuario studio colere, sed tota mente omniquae animi impetu in eas incumbere. Non est tamen, quod earum numerus vos perterrefaciat. Trium enim annorum pensa a vobis exigimus. Ex omnibus scientiis, quas commemoravimus, nulla fere est, cuius initia semestri spatio non absolvant doctores Göttingenses. Jam cum vehementer ignavum oporteat eum esse, qui 4 aut quinque auditiones obire singulis diebus recuset: facillime poteritis triennio quatuor et viginti scientiarum elementa percipere.

II.

Ante omnia vobis germanicae atque latinae linguae paranda facultas est, quo colere cum fructu auditiones publicas possitis. Quod ad germanicam attinet, simul ac tangetis Germaniam, ipsa hominum consuetudo vobis vice magistri erit, praesertim si acces-

serit diligens lectio librorum. Latinae linguae facultatem adiuvabunt maxime collegia disputatoria, qua pluribus ex caussis onge utilissima vobis futura ita frequentabitis, ut primo anno alios tantum disputantes audiatis, postea vero, in litteris aliquanto confirmatiores, ipsi disputando vestri faciatis periculum.

Cum spes sit, fore, ut extremo Iunio adeoque tribus mensibus ante hibernarum auditionum initium Göttingam adveniatis: debebitis juxta germanicae atque latinae linguae studium omne illud tempus Geographiae impendere. Ea enim carere in historia nemo potest: at scholarum relicta subselliis a Professoribus Göttingae non traditur.

Ab his praesidiis instructi poteritis Octobri mense ipsum studiorum academicorum curriculum ingredi, atque ita deinceps eas auditiones obire, quas vobis hic annumeramus:

Semestri I. hiberno. 1765—1766.

1. Historia recentior, duce . . . . . . Achenwall.
2. Antiquitates Romanae.
3. Lingua latina. . . . . Heyne.
4. Lingua germanica.

Semestri II. aestivo, 1766.

1. Historia recentior, iterum. . . . . Murray.
2. Logica. . . . . Becmann.
3. Lingua latina.
4. Lingua graeca.

Semestri III. hiberno. 1766—1767.

1. Historia antiqua, duce . . . . Gatterer.
2. Historia Germaniae. . . . . Putter.
3. Philosophia moralis . . . . Weber.
4. Lingua graeca.
5. Lingua gallica.

Semestri IV. aestivo. 1767.

1. Statistica. . . . . Achenwall.

2. Historia recentior, tertio ...... Achenwall.
3. Ius naturae .... Becmann
4. Lingua gallica.

Semestri V. hiberno. 1767—1768.

1. Politica .... Achenwall.
2. Ius publicum Germaniae ...... Putter.
3. Historia Ecclesiastica .... Walch.
4. Heraldica, Numismatica et Diplomatica.

Semestri VI. aestivo. 1768.

1. Historia litteraria .... Hamberger.
2. Statistica, iterum .... Büsching.
3. Lingua anglica.
4. Lingua graeca .... Heyne.

III.

I. Quas hic percensuimus scientias, earum omnium rationem a vobis olim reposcet Academia, neque tantum, utrum eas perdidiceritis verum etiam quam bene. Interea tamen licebit vobis aliis quoque rebus operam dare, iisque horas subsecivas, si quas habebitis, impendere. Licebit Mathesin puram repetere, cuius iam hic percepistis initia. Licebit Historiae naturalis amoenitates quaerere, et in ipsis feriarum vicibus, quin inter deambulandum, utilissima hac scientia imbui. Licebit et quaevis alia tractare quae hominem litterarum ornant; nec licebit tantum per nos, verum grata quoque erit Academiae vestra in eo genere diligentia.

II. Non scientias tantum omnes, quas annumeravimus, coletis, sed etiam eo ordine, quem praecepimus, nec quicquam in eo inconsultis nobis immutabitis. Sin res et necessitas aliud feret, vestrum erit nos de ea re certiores facere, atque propter hanc causam Catalogum lectionum aliquamdiu ante auditionum initium ad nos transmittere.

III. Studiorum rector ac socius vobis Göttingae dabitur, qui

habitet vobiscum, qui vos in germanica latinaque lingua perdiscenda adjuvet auditionesque publicas aut ipse vobiscum obeat aut saltem repetat. Praeterea vos favori Ioh. Phil. Murrayi, clarissimi atque humanissimi viri, enixe commendabimus, ne quando is vobis opera aut consilio desit, quotiescunque eo uti in omni vita academica sapienter laudabiliterque instituenda necesse habueritis.

IV. Praeter rationum breviaria quae quotannis bina mittetis, frequenter etiam ad Schloezerum, collegam nostrum, litteras dabitis, quarum ille exempla ubi digna fuerint, Consilio Academico monstrabit. Ita Academiae et de rerum vestrarum statu constabit, et ex ipsa vestra ratione scribendi poterit illa intueri quasi et mensurare progressus, quos sensim pedetentimque facitis in studiis.

V. Magnas utilitates praestat multarum linguarum cognitio, praesertim historiarum consulto, praesertim in patria vestra: date ergo operam, ut in eo genere quam doctissimi ad nos reveniatis. Graecam singulari quodam studio colite, sine eius facultate enim historici Russici personam tueri nemo potest. Ex recentioribus germanicam, gallicam atque anglicam praecipue vobis injunximus. At si has non linguas tantum, verum rationem quoque universam, qua versari in linguarum studio decet, bene perceperitis: facillimo negotio poteritis etiam alias adiungere linguis illis finitimas tamquam italicam hispanicamque gallicae, suecicam et hollandicam germanicae, polonicam russicae sororem etc.

VI. Neque debet neque potest a linguarum studio rerum divelli scientia. Quis enim sanae mentis homo ideo tantum graece, ut hoc utur, aut anglice discat, ut graece anglicaeve sciat? Itaque deligite vobis in quavis lingua, quam colere instituistis, libros quosdam classicos, quos diurna nocturnaque manu versetis, quorumque rationem reddere Academiae olim praecipue possitis: tanquam in lingua Germanica, Buschingis Geographiam, Mulleri Collectionem rerum Russicarum, Halleri poëmata; in Gallica, Henault Abrégé de l'Histoire de France, Goguet Origine des

Lois, Pufendorf Droit de la nature par Barbeyrac; in latina Livium, Tacitum, Ernesti opuscula; in graeca, Herodotum et Strabonem principes auctores in antiqua Russiae Geographia. Hos libros dum legitis atque relegitis, in id unice attendite animum, ut utilissimarum rerum, quas exponunt, scientiam ex iis hauriatis verborum prope incurii: horum enim intelligentia ita illaborata fluat.

VII. Turpe est aliena nosse, ignorare sua. Iam cum ad exteros venietis, hi ut sunt Russiae tamquam terrae sibi fere incognitae curiosissimi, multa vos interrogabunt de rebus patriae vestrae. Ne igitur earum ignoratio vobis dedecori atque etiam detrimento sit, copiam librorum russicorum vobis parate, eosque poene ediscite quo argumenta saltem eorum explicare volentibus queatis.

VIII. Quarto semestri oportebit vos historiam Russicam aggredi, non veram illam, quae sepulta adhuc in Annalibus latet, sed spuriam erroribusque ac mendaciis inquinatam, quae de Russia olim commenti sunt exteri hodieque spargunt non dolo malo, sed verae historiae nostrae ignoratione. Magna vero vobis causa est cognoscendi hos errores, quo cavere eos, aut meliora etiam olim docere exteros possitis. Caeterum dabitur vobis suo tempore norma, quos libros legi in hunc finem et quo ordine, oporteat.

IX. Semestri quinto aut citius etiam, simulatque usum quendam rei litterariae habueritis, et quodam prodire tenus haud vereamini, deligite vobis materiam ex omni historia, quamcumque libebit, doctorum hominum studiis nondum exhaustam, eamque vobis explicandam sumite, excerptiones facite ex libris Bibliothecae Göttingensis, iisque commode utimini ad conscribendam disputatiunculam quandam, quam in patriam reduces nobis repraesentabitis. Ex hoc specimine Academia dignitatis vestrae faciet judicium.

Si quid est in hac Instructione, quod aut mutari aut illi addi debere censeant Academici, etiam atque etiam peto, ut id scripto declarare ne graventur.

Regulam nullam dedi, cuius rationes non affere satis probabiles queam verum eas ipsi Instructioni inserendas non putavi, hic igitur reddendas:

1. In Catalogo lectionum, quas audire debent studiosi nostri, sedulo curavi non tantum ea semper praemittantur per quae sequentia etc. etc. sed etiam ut iis Collegiis, quae totam animi attentionem requirunt, mixta alia faciliora essent. Itaque difficiliores scientias per omnia fere semestria aequaliter sum partitus.

2. In optione magistrorum quibus uti debent in quaque scientia non doctissimum semper annotavi, sed eum qui maxime esset didacticus. Haec duo enim valde differunt.

3. Historiam recentiorem ter posui, quia illa est quasi fundamentale collegium studiosorum nostrorum. Statisticam quoque apud duos, sed diversos magistros discendam iis esse duxi, propter difficultatem.

4. Plerumque tantum quatuor per diem Collegia posui, quo sufficerent iis repetendis.

5. Logicis tricis nequibunt carere, tum propter Collegia disputatoria tum propter Ius naturae, de quo Becmannum exponentem alio qui non intelligerent.

6. Historia speciali atque Iure publico Germaniae supersedere possent: sed necesse habent exemplo aliquo rationem universam discere qua tractari alicuius gentis aut imperii historia specialis Iusque publicum debeat.

7. Quod libros quosdam proposui C III. 6. quos et propter linguam et argumentum librorum assidue legere debeant: id locum dabit examini et rigoroso et omni exceptione majori, cum olim redibunt in patriam. Quandoquidem enim libri hi non ita multi sunt, haud injuste poterit ab iis exigi, ut rerum fere omnium in iis libris comprehensarum reddant rationem.

8. Cui melius atque tutius commendari nostri Academiae nomine possint, quam Murrayo, novi neminem. Est enim et diligentisissimus et officiosissimus, neque multis aliis negotiis districtus.

d. 18 May 1765. Schlözer.

207) Дѣла архива академической канцеляріи. № 287. Постановленіе канцеляріи академіи наукъ 3 октября 1766 года. — Тамъ же отзывы геттингенскихъ профессоровъ о Свѣтовѣ.

208) Въ дѣлахъ архива академической канцеляріи, № 827, сохранилось слѣдующее письмо Свѣтова къ родителямъ:

Милостивой мой государь батюшка Прокофей Григорьевичь и государыня матушка Наталья Ивановна, желаю вамъ много лѣтъ здравствовать и прошу отъ васъ родительскаго благословенія на вѣки.

Получилъ я отъ васъ письмо на канунѣ моихъ имянинъ вечеромъ и съ великою радостью его прочиталъ, а особливо когда провѣдалъ, что вы находитеся въ добромъ здравіи. Что касается до меня, то по сіе время божескою благодатью нахожусь здравъ и не претерпеваю ни какой нужды, хотя и все здѣсь дорого.

Посылалъ бы къ вамъ я часто письма, но препятствуетъ то, что денегъ много за почту должно платить, а чрезъ канцелярію такихъ писемъ пересылать не водится, да и не возможно. То письмо, которое я вамъ въ Петербургѣ оставить обѣщалъ, въ скоромъ времени къ вамъ, какъ профессоръ въ Петербургъ возвратится, перешлю и вторично его благородіе о томъ попрошу, дабы онъ вамъ давалъ каждыя полгода по десяти рублей изъ моего жалованья. При томъ напишу такожде пространное письмо о нашей дорогѣ, житіи и состояніи, и какъ здѣсь все дорого. Господинъ профессоръ отсюда, какъ думаю я, въ половинѣ маія отправится.

Молитесь только за меня Господу, чтобъ далъ мнѣ Онъ щастіе и доброе здравіе. Можетъ быть Богъ приведетъ еще намъ вмѣстѣ увидется всемъ, а иногда можете, батюшка, за меня канунъ отслужить, такъ какъ напримѣръ въ мои имянины.

Поздравляю васъ съ прошедшимъ великимъ праздникомъ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеньемъ. Мнѣ въ етотъ праздникъ, да еще объ Рождествѣ, весьма скучно было. Однако нынѣ какъ можно стараюсь всѣ скуки преодолѣть, чтобы не возмущали моихъ мыслей. Ежели вы, батюшка, когда вздумаете ко мнѣ послать письмо, то попросите Илью Панкратьича, нашего камиссара,

чтобъ онъ при случаѣ, когда намъ будутъ посылать изъ канцеляріи письма, такожде и ваше постарался съ ними ко мнѣ отправить, за что я ему всегда приносить благодареніе обѣщаюсь, или какимъ можно только случаемъ. Притомъ прошу впередъ такъ не подписывать: что: *любезному моему сыну Василью Прокофьичу Свѣтову, его милости сухопутной академіи студенту,* понеже никто здѣсь въ городѣ по русски кромѣ насъ не разумѣетъ, и что другой надъ темъ довольно насмѣется, когда увидитъ, что такъ на письмѣ подписано. Вотъ лежитъ при семъ бумашка, на которой написано, какъ подписывать вамъ должно; только ничего не перемѣняйте: какъ есть, такъ и пишите. Ежели приказная строка не можетъ етого списать, то покучтесь моимъ имянемъ Архипу Малафеичу или Аѳанасью Андреичу Кузовлеву или господину Колотилову или наконецъ какому нибудь ученику.

Сестрицѣ моей Акулинѣ Прокофьевнѣ посылаю свой поклонъ. Государю моему дядюшкѣ Пимену Анфиногенычу, тетушкѣ Маринѣ Ивановнѣ, сестрицѣ Марѳѣ Пименовнѣ и всемъ сродникамъ посылаю по низкому поклону. Государю моему братцу Архипу Малафеичу, матушкѣ его и батюшкѣ скажитѣ отъ меня поклонъ. За семъ писавый остаюсь здравъ сынъ вашъ Василей Свѣтовъ. Геттингъ. Апреля 30 дня 1766 года.

Больше трехъ лѣтъ здѣсь не проживу. Живите только между собою согласнѣе: не пристойно уже старымъ здорить.

209) Дѣла архива академической канцеляріи. № 540. Журналы коммиссіи академіи наукъ: 23 марта 1769 года, № 220 и 9 сентября 1769 года, № 602.

210) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ I, № 36.719. Журналъ коммиссіи о народныхъ училищахъ, 14 февраля 1783 года, № 9, ст. 3.

211) Дѣла архива академической канцеляріи. № 554. — Въ словарѣ свѣтскихъ писателей митрополита Евгенія (II, 162) годъ смерти Свѣтова означенъ невѣрно: Свѣтовъ умеръ не въ 1787, а въ 1783 году.

212) О положеніи, обычаяхъ и о народахъ (древней) Германіи. Изъ сочиненій Кайя Корнилія Тацита переведено съ латинскаго академіи наукъ переводчикомъ Васильемъ Свѣтовымъ. Въ С.-Петербургѣ, при императорской академіи наукъ, 1772 года.

213) Начертаніе исторіи нынѣшнихъ знатнѣйшихъ европейскихъ государствъ, сочиненное Готтфридомъ Ахенвалломъ. Перевелъ съ нѣмецкаго языка академіи наукъ переводчикъ Василій Свѣтовъ. Въ С.-Петербургѣ, при императорской академіи наукъ, 1775 года.

214) Османское государство въ Европѣ и республика Рагузская. Изъ Бишинговой географіи переведены на россійскій языкъ Васильемъ Свѣтовымъ. Въ С.-Петербургѣ, при императорской академіи наукъ, 1770 года.

215) Дѣла архива конференціи академіи наукъ. Протоколы конференціи: 30 января 1769 года, № 7, ст. 3 и 28 сентября 1769 года, № 65, ст. 3.

Дѣла архива академической канцеляріи. № 541. Журналъ комиссіи академіи наукъ 15 марта 1770 года, № 168.

С.-Петербургскія Вѣдомости. Пятница. 27 августа 1770 года.

216) Филологическія разысканія Я. Грота. Второе изданіе. 1876. Томъ второй, стр. 191.

217) Опытъ новаго россійскаго правописанія, утвержденный на правилахъ россійской грамматики и на лучшихъ примѣрахъ россійскихъ писателей. Въ Санктпетербургѣ, при императорской академіи наукъ, 1773 года. — Предисловіе — «Къ читателю» — подписано буквами В. С.

218) Полное собраніе всѣхъ сочиненій А. П. Сумарокова. Второе изданіе. 1787. Часть X, стр. 38—47. Примѣчаніе о правописаніи.

219) Краткія правила ко изученію языка россійскаго, съ присовокупленіемъ краткихъ правилъ россійской поэзіи или науки писать стихи, собранныя изъ новѣйшихъ писаній въ пользу обу-

чающагося юношества Васильемъ Свѣтовымъ. Москва 1790. На оборотѣ заглавнаго листка:

Ни свойства языка не знаетъ кто, ни правилъ,
Тотъ лучше сдѣлалъ бы, когда бъ писать оставилъ.

На слѣдующемъ листкѣ: «любителямъ россійскаго слова и словесныхъ наукъ труды сіи посвящаются».

220) Академическія извѣстія на 1779 годъ. Часть III. Мѣсяцъ сентябрь, стр. 77—91. Нѣкоторыя общія примѣчанія о языкѣ россійскомъ. Подписано: В. С.

221) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ I, № 36.718. Журналы комиссіи объ учрежденіи народныхъ училищъ: 27 сентября 1782 года, № 3, ст. 1 и 4 октября 1782 года, № 5, ст. 5.

222) Журналы комиссіи о народныхъ училищахъ: 22 октября 1782 года, № 10, ст. 2;—29 октября 1782 года, № 12, ст. 1;—14 января 1783 года, № 2, ст. 3;—7 февраля 1783 года, № 7, ст. 3.

223) Руководство учителямъ перваго и втораго класса народныхъ училищъ россійской имперіи, изданное по высочайшему повелѣнію царствующей императрицы Екатерины вторыя. Въ Санктпетербургѣ 1783 года. Въ концѣ книги, съ отдѣльною пагинаціею, стр. 1—31: Таблицы о познаніи буквъ, о складахъ, о чтеніи и о правописаніи.

224) Verbesserte anleitung zur deutschen sprachlehre. Zum gebrauche der deutschen schulen in den kaiserlichen königlichen staaten. Wien. 1779.

225) Дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія. Картонъ I, № 36.719. Журналъ комиссіи о народныхъ училищахъ, 14 февраля 1783 года, № 9, ст. 3: Академіи наукъ переводчику Василью Свѣтову за труды его по комиссіи, какъ то: за сочиненіе грамматическихъ таблицъ, корректуру печатавшихся отъ комиссіи учебныхъ книгъ и нѣкоторые переводы, выдать въ награжденіе изъ пятитысячной комисской суммы денегъ триста рублей. Выдано сего февраля 21.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XIX, № 2.

ЧЕШСКІЯ ГЛОССЫ
ВЪ
MATER VERBORUM.

РАЗБОРЪ
А. О. Патеры
И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ
И. И. Срезневскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 л., № 12.)
1878.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ. Ноября 1878 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ЧЕШСКІЯ ГЛОССЫ ВЪ «MATER VERBORUM».

Рукопись XIII вѣка въ библіотекѣ чешскаго музея въ Прагѣ.

I.

ВВЕДЕНІЕ.

Изъ числа латинскихъ словарей въ средніе вѣка былъ особенно распространенъ и считался однимъ изъ лучшихъ словарь, извѣстный въ рукописяхъ подъ именами «Mater verborum» и «Glossae Salomonis». Это обширное энциклопедическое произведеніе, въ которомъ по алфавитному порядку объясняются не только латинскія, но и греческія и еврейскія слова. Въ немъ же мы находимъ въ краткомъ, сжатомъ видѣ и объясненія предметовъ и понятій изъ всѣхъ областей тогдашнихъ наукъ. Этою ученою энциклопедіею всего тогдашняго научнаго матеріала пользовались въ средніе вѣка какъ пособіемъ при чтеніи латинскихъ писателей не только церковныхъ но и римскихъ классиковъ. Такъ какъ этотъ научный словарь въ рукописяхъ обыкновенно называется «Vocabularius Salomonis» или «Glossae a Salomone collectae», то многіе полагали, что онъ былъ написанъ Саломономъ III, констанцкимъ епископомъ и аббатомъ монастыря св. Галла въ Швейцаріи. Но познакомившись ближе съ его жизнею, мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы онъ одинъ могъ написать такое громадное сочиненіе. Вотъ вкратцѣ главныя черты его біографіи:

Еще въ дѣтствѣ потерявъ своихъ родителей, которые принадлежали къ числу самыхъ богатыхъ аристократовъ сент-гальскаго кантона, онъ отданъ былъ Саломономъ I, епископомъ констанцкимъ († 871) на воспитаніе въ монастырь св. Галла, гдѣ главнымъ его учителемъ былъ знаменитый ученый Изо. Въ 878 г. онъ взятъ былъ изъ этого монастыря, епископомъ констанцкимъ Саломономъ II, дядею своимъ (по матери), и чрезъ нѣсколько времени сдѣлался придворнымъ капелланомъ и канцлеромъ короля Людовика нѣмецкаго. Но въ послѣдствіи опять возвратился въ сент-гальскій монастырь и въ 889 г. принялъ монашеское постриженіе, что не прекратило однако его хорошихъ отношеній къ королевскому двору, гдѣ его весьма цѣнили за его дарованія и способности, такъ что онъ вскорѣ снова приглашенъ былъ занять свои прежнія придворныя должности. Въ непродолжительномъ времени Бернардъ, тогдашній аббатъ монастыря св. Галла, за участіе въ попыткѣ къ возмущенію въ іюнѣ мѣсяцѣ 890 года былъ смѣщенъ и на его мѣсто назначенъ Саломонъ. Въ этомъ случаѣ ему помогъ особенно Гаттонъ, архіепископъ майнцкій, пользовавшійся при дворѣ особенною благосклонностью и уваженіемъ. Въ то же время умеръ Саломонъ II и на его мѣсто епископомъ констанцкимъ назначенъ Саломонъ III, аббатъ сент-гальскій. Его дѣятельность какъ аббата и епископа была весьма обширна. Онъ предпринималъ частыя и далекія путешествія. Въ 904 г. былъ, между прочимъ, въ Римѣ, гдѣ папа принялъ его весьма благосклонно. Сент-гальскій монастырь въ его время часто посѣщали знатныя особы и самъ король Конрадъ I изъ особеннаго расположенія къ Саломону однажды пріѣзжалъ въ монастырь, пробылъ здѣсь нѣсколько дней и богато одарилъ многими помѣстьями не только монастырь, но и самого Саломона за его придворную службу; Саломонъ же съ дозволенія короля уступилъ подаренныя ему помѣстья монастырю. Вообще главною заботою Саломона было увеличить монастырское имущество и доходы, что ему и удавалось какъ любимцу королевскаго двора: монастырь пріобрѣталъ все болѣе имѣній по различнымъ завѣщаніямъ.

Школа и монастырская библіотека, которыя начали процвѣтать уже при аббатѣ Гримольдѣ (въ 841 — 872 гг.) поставлены были Саломономъ еще въ лучшія условія: весьма образованный и проникнутый глубокимъ уваженіемъ къ наукѣ и искуству Саломонъ всѣми мѣрами старался и въ этомъ отношеніи увеличить славу сент-гальскаго монастыря, въ которомъ въ его время научная жизнь была весьма оживлена. Мы думаемъ, что именно усиленнымъ трудамъ и обширной учености тогдашнихъ сентгальскихъ монаховъ мы обязаны той энциклопедіей, которая, будучи приведена къ окончанію вѣроятно въ концѣ IX столѣтія благодаря неусыпнымъ поощреніямъ со стороны Саломона и ему посвященная, доселѣ извѣстна подъ именемъ «Glossae Salomonis». Въ справедливости этого предположенія убѣждаютъ насъ и нѣкоторыя рукописи: Эйнзидельская рукопись начинается такъ: «Incipiunt glossae jussu Salomonis Constantiensis episcopi de diversis auctorabilibus libris defloratae et in unum volumen dilucide studioseque digestae feliciter»; Оксенгаузская слѣдующимъ образомъ: «Incipiunt glossae jussu Salomonis Constantiensis episcopi de diversis libris in unum volumen sub brevitate collectae». Въ числѣ ученыхъ сент-гальскихъ монаховъ, потрудившихся надъ этимъ произведеніемъ, упоминаются: учитель Саломона Изо († 871), который вѣроятно и положилъ оному начало, потомъ Ратпертъ († 897), Ноткеръ Бальбулусъ († 912) и Тутило († 912), которые по всей вѣроятности окончили его. Относительно же самаго Саломона, достовѣрно извѣстно только то, что онъ написалъ два большія стихотворенія, посланныя имъ верденскому епископу Дадо и по содержанію и по формѣ справедливо считающіяся одними изъ лучшихъ того времени. Прослуживъ монастырю 30 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ Саломонъ умеръ 5 января 920 г.

Оригиналъ Саломонова словаря монахи безъ сомнѣнія вскорѣ начали переписывать и по немногу приписали въ него между строками то, что имъ представлялось достопримѣчательнымъ и что прежде не было въ немъ помѣщено. Многія выраженія иногда объясняли выносками (словами) на нѣмецкомъ языкѣ. При даль-

нѣйшей перепискѣ все то, что было написано на поляхъ и между строками, переписчики включили въ самый текстъ и иногда безъ всякаго порядка и обсужденія, такъ что это ученое и въ первоначальномъ своемъ видѣ строго опредѣленное произведеніе сдѣлалось какою-то смѣсью, гдѣ нѣтъ не только строгаго азбучнаго порядка, но иногда и самыя слова страдаютъ совершеннымъ отсутствіемъ орфографіи. Доселѣ извѣстно 16 рукописей, изъ которыхъ большинство съ нѣмецкими глоссами, а именно:

1) Самая старшая извѣстная намъ рукопись X вѣка находится въ библіотекѣ сент-гальскаго монастыря. Въ ней еще нѣтъ нѣмецкихъ глоссъ.
2) Бонгарсіанская рукопись X вѣка въ f° 159 л., не полная, только съ А до Е.
3) Парижская рукопись въ двухъ частяхъ, въ библіотекѣ св. Германа. См. Dufresne, Glossarium, Praef. § XLII.
4) Констанцкая рукопись. См. Bibliotheca Gesnero-Frisio-Simleriana (Tiguri 1564) pag 741.
5) Вейнгартенская рукопись XI вѣка въ двухъ частяхъ. См. Zapf, Reisen in einigen Klöster Schwabens etc. (1786) стр. 15.
6) Оксенгаузская рукопись XII вѣка въ 4°.
7) Рукопись прюфлинскаго монастыря близь Регенсбурга, теперь въ Мюнхенѣ, 1158 года.
8) Виндбергская рукопись, теперь въ Мюнхенѣ, XII вѣка.
9) Мюнхенская рукопись 1175 года, которая находилась прежде въ Аугсбургѣ.
10) Мюнхенскій отрывокъ in folio XII вѣка.
11) Рукопись изъ Малаго Шейрена, 1241 г., теперь въ Мюнхенѣ.
12) Рукопись подъ № 222 въ Эйнзиделнѣ, XII или XIII ст., не полная, оканчивается буквою N.
13) Звѣтленская рукопись, съ которой отпечатаны нѣмецкія глоссы въ «Gerbert, Iter alemannicum». Приложеніе стр. 109—135.
14) Рукопись музея королевства чешскаго въ Прагѣ, XIII ст.

15) Вѣнская рукопись подъ № 2276, XIV или XV ст. Нѣмецкихъ глоссъ въ ней очень мало. См. Hoffman, Wiener Handschriften pag. 372.
16) Ватиканская рукопись извѣстна по «Dufresne, Glossarium. Praef. § XLII.

Глоссы Саломона напечатаны были въ Аугсбургѣ въ типографіи монастыря св. Ульриха и Афры въ 1472—1474 гг. подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Salomonis ecclesiae Constantiensis episcopi glossae ex illustrissimis collectae auctoribus». Мѣсто и годъ изданія не обозначены. Напечатаны на 287 листахъ, на каждой страницѣ два столбца по 55 строкъ, безъ кустодъ и обозначенія числа листовъ. Одинъ экземпляръ печатныхъ глоссъ находится въ пражской университетской библіотекѣ подъ сигнатурой XLIV. B. 30.

Очевидно, что въ средніе вѣка ученые постоянно пользовались этими глоссами какъ пособіемъ при чтеніи и пониманіи латинскихъ языческихъ и христіанскихъ писателей и что онѣ были въ большомъ ходу даже до XVI столѣтія *).

*) Подробнѣйшія свѣдѣнія объ этомъ словарѣ и его нѣмецкихъ глоссахъ равно какъ и о Саломонѣ можно найти помимо руководствъ къ нѣмецкой литературѣ, еще въ слѣдующихъ сочиненіяхъ:
1) Dufresne, Glossarium mediae et infimae latinitatis T. I, par. XLI et XLII.
2) von Arx Ildefons, Geschichten des Kantons St. Gallen. Bd. I (1810) pag. 83-126.
3) Hoffmann A. H., Althochdeutsche Glossen. Erste Sammlung (1826) pag. XX—XXVI.
4) Graff, Diutiska. Denkmäler deutscher Sprache und Literatur etc. Bd. III (1829) pag. 411 — 421.
5) Graff, Althochdeutscher Sprachschatz. 6 Thle (Berlin 1834—1842). Къ этому принадлежитъ: Massmann, Vollständiger alph. Index zu dem althochd. Sprachschatze. Berlin 1846. Въ I томѣ (1834) въ предисловіи стр. LXII говорится о рукописяхъ глоссъ Саломоновыхъ.
6) Stälin, Würtembergische Geschichte Theil I (1841) pag. 610—615.
7) Raumer, Die Einwirkung des Christenthums auf die althochdeutsche Sprache (1845) pag. 128 — 130.
8) Weidmann, Geschichte der Bibliothek von St. Gallen seit ihrer Gründung um d. Jahr 830 bis auf 1841 (1846) p. 14—15.
9) Dümmler, St. Gallische Denkmäler aus der Karolingischen Zeit (1859) pag. 229—247, 261—255.
10) Ersch und Gruber, Allgemeine Encyklopaedie, Erste Section. Theil 70 (1860) pag. 215 — 216.

Рукопись «Mater verborum» или Глоссъ Саломоновыхъ въ Музеѣ королевства чешскаго — толстый и большой фоліантъ. Переплетъ старый: толстыя дубовыя доски обтянуты бѣлой кожей, въ рединѣ сшитой. Оковка на доскахъ осталась, только застежки оторваны. На передней доскѣ двѣ старыя сигнатуры прежнихъ библіотекъ, въ которыхъ рукопись находилась, а именно «X. VI» (написано красными чернилами) и M. XX» (черными). Бумага прикрывавшая внутреннія стороны досокъ, содрана, но, какъ можно еще видѣть на передней доскѣ, это были листы изъ какой нибудь латинской рукописи. На чистой первой страницѣ перваго листа написано: «Ex bibliotheca arcis Brzeznicensis». Во всю другую страницу этого же листа извѣстная миньятюра (рисунокъ) буквы *A*, описаніе которой, равно какъ и остальныхъ миньятюръ, достаточно извѣстно и оцѣнено гг. проф. И. И. Срезневскимъ, Воцелемъ, Буслаевымъ, Баумомъ и др.

Вышина пергамена 49 цм. 7 мм., ширина 34 цм.; вышина столбца 38 цм. 1 мм., ширина столбца 7 цм. 2 мм., а вышина строчки 5 мм. На большихъ поляхъ листы проткнуты циркулемъ, — для правильнаго направленія линій, которыя слегка проведены чернилами, и именно верхнія три, среднія три и нижнія три всегда съ одного раза во всю ширину страницы, остальныя обведены вертикальными линіями, которыя по краямъ столбцевъ ведены во всю вышину страницы съ верху до низу.

Рукопись начинается такъ: ABBA.N̄Ō̄N̄.EST.ET.SIGNIFICAT.IN.LATINVM.PATER. Ab alto celo.uel mari.id est profundo. Слово ABBA находится еще на первомъ листѣ въ нижней части миньятюры. На каждой сторонѣ рукописи три столбца по 51 строчкѣ. Оканчивается рукопись на 242 л. 1 стр. 1 столб. 27 строч. и именно такъ: Tibia.uel crura.uel sura. Amen. Explicit liber Mater verborum. Christus scriptorem saluet per matris amorem. Тетради пергамена (всѣхъ ихъ 31; каждая изъ нихъ означена часто на первой и всегда на послѣдней страницѣ цифрой) состоятъ изъ 8 листовъ, только послѣдняя изъ 6-ти, и

въ 18-й и 20-й тетради недостаетъ (вырвано) по два листа и именно 137, 143 и 155, 161 лл. Первоначально слѣдовательно было 246 л., тогда какъ теперь мы имѣемъ только 242 л. Если сравнить нашу рукопись съ печатною университетскою инкунабулою (XLIV. B. 30), то станетъ ясно, что листы эти были вырваны уже по написаніи рукописи, гдѣ мы и находимъ пробѣлъ.

Пергаменъ прекрасно выдѣланъ, хотя довольно толстъ, и во многихъ мѣстахъ дырявый и нѣсколько разъ былъ сшиваемъ то желтымъ, то другого цвѣта шелкомъ. Верхній край пергамена въ задней части рукописи много потерпѣлъ отъ сырости, особенно послѣдніе пять листовъ, изъ которыхъ крайніе два такъ были размочены, что верхняя часть ихъ значительно распалась. Слова, которыхъ теперь уже нельзя прочесть или которыя уничтожены и съ пергаменомъ, вписаны на верхнемъ или на нижнемъ краѣ листа мелкимъ письмомъ въ первой половинѣ XV вѣка; по этому рукопись по всей вѣроятности потерпѣла отъ сырости уже въ XIV вѣкѣ.

Рукопись состоитъ собственно изъ двухъ словарей съ полною латинской азбукой (A — Z) и изъ начала третьяго. Первый изъ нихъ — это собственно Саломоновъ словарь: онъ начинается на 2-й стр. 1-го л., и оканчивается на 2-й стр. 193 листа 1-мъ столбцемъ, хотя по своимъ позднѣйшимъ прибавленіямъ уже разнится отъ подлинной или древнѣйшей сент-гальской рукописи. Другой словарь—короче перваго и позднѣйшаго происхожденія,—находится въ нашей рукописи на 193 л. 2 стр. 1 столб.—241 л. 2 стр. 3 столб. Онъ присоединенъ былъ какъ прибавленіе къ первому словарю въ позднѣйшее время и не состоитъ съ нимъ въ связи, ибо не только часто повторяетъ то, что было уже въ первомъ, но иногда и противорѣчитъ тому, чему училъ первый словарь. Что касается научной стороны, то онъ во многомъ уступаетъ первому. Третій словарикъ,—весьма незначительный, содержащій въ себѣ только имена, относящіяся къ душѣ и частямъ тѣла, — находится на 241 л. 2 стр. 3 столб.—242 л. 1 стр. 1 столб. 27 строч. (слѣдовательно занимаетъ только 34 строчки) Каждая начальная

буква прекрасно разрисована и при многихъ заглавныхъ буквахъ помѣщены миніатюрные рисунки, по времени изящные. Почеркъ четкій и очень красивый; очевидно рукопись писана рукою опытною, безъ сомнѣнія монахомъ, или нѣсколькими монахами, назначавшимися въ монастыряхъ собственно для переписки рукописей. Такъ какъ для этого употреблялись обыкновенно монахи менѣе даровитые, то по этому въ ихъ копіяхъ мы часто находимъ много ошибокъ: очевидно, что они многихъ словъ хорошо не понимали; — и это бросается въ глаза во многихъ мѣстахъ и въ нашей рукописи. Рукопись Саломонова словаря съ нѣмецкими глоссами попала въ Чехію по всей вѣроятности въ XII стол. изъ сосѣдней нѣмецкой земли (можетъ быть изъ Баваріи) и здѣсь въ Чехіи въ какомъ либо изъ монастырей чешскіе монахи снабдили ее и чешскими глоссами, которыя позднѣе, хотя и въ скромномъ числѣ, вошли въ самый текстъ, какъ это и прежде уже случалось и какъ тогда же вѣроятно, поступлено было съ нѣмецкими глоссами, которыхъ въ текстѣ довольно много. Что касается времени написанія, то наша рукопись написана была не раньше XIII ст. ибо годъ, выставленный съ именами переписчика и живописца на 230 л. 1 стр. (или по новому счету на стр. 457) въ начальной буквѣ П (P) по зрѣломъ обсужденіи и тщательномъ сравненіи мы считаемъ за новѣйшую поддѣлку. Если на листѣ 70 стр. 1 въ буквѣ Н по сторонамъ миньятюры помѣщенныя имена «Lucas(?)» и «Detricus prior» *), которые должны означать имена лицъ изображенныхъ въ миньятюрѣ стоящими на колѣняхъ, писаны рубрикаторомъ рукописи, въ такомъ случаѣ намъ можно по крайней мѣрѣ догадываться о времени и мѣстѣ написанія.

Вскорѣ по написаніи нашей рукописи монахъ, который исправлялъ ошибки и вписывалъ, что выпущено было изъ латинскаго текста, началъ — и при томъ между строками — вписывать также и чешскія и нѣмецкія глоссы. Не долго за тѣмъ другой чи-

---

*) Въ «Erben, Regesta. Pars I, стр. 356 и 460 находится слѣдующее: Dytricus, prior Praedicatorum Olomuc.» (1230 и 1240 гг.).

татель вписывалъ при чтеніи нашей рукописи чешскія и нѣмецкія значенія четкимъ мелкимъ письмомъ. Наконецъ находимъ здѣсь глоссы между строками, которыя вписаны были уже въ новѣйшее время и именно въ нашемъ столѣтіи, а также и нѣкоторые глоссы въ самомъ текстѣ, которыя при помощи разныхъ поправокъ и подчистокъ поддѣланы по большей части изъ латинскихъ словъ. Доказательства представимъ въ критическомъ разборѣ чешскихъ глоссъ.

Въ какомъ именно чешскомъ монастырѣ наша рукопись находилась, прежде чѣмъ попала въ брезницкую библіотеку, положительно ничего нельзя сказать. Графъ Іосифъ Коловратъ-Красковскій подарилъ Музею, вскорѣ по его основаніи, вмѣстѣ со многими другими рукописями и инкунабулами и эту драгоцѣнную рукопись.

Прежде всѣхъ писалъ о ней вообще и о ея чешскихъ глоссахъ В. Ганка и именно въ «Časopise společnosti vlastenského Museum v Čechách» (годъ I [1827], кн. 4, стр. 69 и 71). На стр. 69 онъ говоритъ слѣдующее: «Dne 14 července b. r. přišel do museum p. D. E. G. Graff, rada při řízení a professor z Královce, s poručením od kustoda vídeňské dvorské bibliotéky p. Kopitara, bych mu o nejstaršich pražských rukopisech známosť dal, a k takovým prístup spůsobil, poněvadž se glossařem nejstarši němčiny zanáší. Slibiv, pokudž mi možná, naplniti žádost jeho dovedením jej do kapitulní, strahovské a klementínské bibliotéky, predložil jsem mu Mater verborum mímo dva rukopisné slovare Uguicii Pisani bibliotéky náší, neboť jsem v první hned při zapisování v katalog některá staroněmecká slova byl nalezl». И далѣе на стр. 70 пишетъ: «Pan prof. Graff vytáhna papíry své požádal mne, abych s ním některá slova srovnal, a srovnavše něbolik— přišli jsme na české — jak mne to obradovalo, a s jakou dychtivostí jsem dále hledal, vysloviti možná není». Вслѣдъ за статьей Ганки въ той же книжкѣ «Časopisa» стр. 71—76 пишетъ о важности этихъ глоссъ тогдашній его редакторъ Ф. Палацкій и представляетъ краткую выписку, начиная латинскими въ алфавитномъ

порядкѣ. Проф. же Граффъ такъ пишетъ объ этомъ открытіи (Diutiska III, стр. 413 и 414): «Ich erkannte ihn sogleich für das Salomonische Glossar und fand darin nicht nur deutsche, sondern auch böhmische Glossen, theils im Context, theils übergeschrieben.... Diese schon ihres Alters wegen interessanten slavischen Glossen sind noch besonders durch ihre Uebersetzung der römischen Götternamen für die Geschichte des slavischen Götzendienstes merkwürdig. — Herr Hanka, Direktor des Museums, oder Hr. Dobrovský, den Hr. Hanka mit der Nachricht von diesem Funde sogleich erfreute, wird diese Glossen herausgeben». Далѣе тамъ же (Diutiska III, стр. 416—421), Граффъ печатаетъ нѣмецкія глоссы десяти ему извѣстныхъ рукописей, между прочимъ и музейной рукописи, глоссы, которыя потомъ опять были перепечатаны въ его «Althochdeutscher Sprachschatz» (1834—1842, 6 томовъ).

Ганка издалъ чешскія глоссы «Mater verborum» въ 1833 г. въ своей «Zbírce nejdávnějších slovníků latinsko-českých» въ алфавитномъ порядкѣ, поставивъ напередъ латинскія слова, а возлѣ чешскія значенія оныхъ, на стр. 1—24. Во введеніи (стр. V—IX) сообщены краткія свѣдѣнія о самой рукописи. I. Юнгманъ помѣстилъ почти всѣ эти глоссы въ своемъ чешско-нѣмецкомъ словарѣ (5 томовъ, 1835—1839).

Прежде всѣхъ высказался противъ подлинности чешскихъ глоссъ, находящихся въ «Mater verborum», В. Копитаръ (Cosmas Luden) и именно въ Герсдорфовомъ «Repertorium der gesammten deutschen Literatur Band XIV (1837)» стр. 183 въ своей рецензіи на сочиненія «Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae studio et opera A. Boczek T. I (1836)» и «Geschichte von Böhmen von Fr. Palacký Bd. I (1836)». Эти свои сомнѣнія Копитаръ потомъ повторилъ еще въ своемъ сочиненіи «Hesychii Glossographi discipulus» (1840) стр. 58, но ни тамъ ни здѣсь не представилъ доказательствъ и причинъ этихъ сомнѣній.

Научное изданіе глоссъ «Mater verborum» явилось только въ 1840 г. въ сочиненіи «Die ältesten Denkmäler der böhmi-

schen Sprache kritisch beleuchtet von Paul Joseph Šafařík und Franz Palacký» (Abhandlungen der k. böhm. Gesellschaft der Wissenschaften V. Folge. Band I), а именно на стр. 203—233. Между тѣмъ какъ до сихъ поръ Ганка, Палацкій и Граффъ относили нашу рукопись къ 1102 г., въ этомъ сочиненіи издатели относятъ ее уже къ 1202 г., такъ какъ въ первый разъ обращалось вниманіе на знакъ сокращенія надъ G въ лѣтосчисленіи (въ буквѣ P, листъ 230 стр. 1).

Въ томъ же 1840 г. краткія извѣстія о «Mater verborum» напечаталъ проф. Прейсъ (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія т. XXIX, отд. IV, стр. 49). На основаніи «Aelteste Denkmäler» и чтеній проф. И. И. Срезневскаго издалъ въ 1853 г. въ С.-Петербургѣ Константинъ Скворцевъ «Глоссы Mater verborum, памятникъ чешской литературы XIII столѣтія, съ объясненіями и примѣчаніями (in 8⁰ стр. 135. 2) На стр. 1—30 находится литературное и филологическое введеніе, а на 31—135 стр. разбираются въ алфавитномъ порядкѣ (церковно-славянскомъ) самыя глоссы съ ихъ латинскими значеніями и по возможности съ филологическими объясненіями по словарю Юнгмана. Вообще трудъ этотъ составленъ съ большею тщательностію. Въ 1859 г. въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Археологическаго Общества» томъ I, столб. 1—6, напечатана была статья о нашей рукописи и ея первой заглавной буквѣ знаменитаго слависта и археолога проф. И. И. Срезневскаго. Статья написана съ большимъ знаніемъ дѣла.

Краткое свѣдѣніе «über zwei böhmische Interlinear-Glossen der Mater verborum (Sitzungsberichte I. K. böhm. Gesell. der Wiss. 1861. II pag. 78 Dec.) сообщилъ г. Вртятко. Въ тѣхъ же «Sitzungsberichte» 1895. I, стр. 48 — 56 (6 Februar) I. J. Ганушъ писалъ о чешскихъ глоссахъ, находящихся въ текстѣ, и о времени ихъ написанія, и старался доказать, что наша рукопись была написана въ началѣ XIV вѣка. Эту статью онъ потомъ дополнилъ и напечаталъ въ журналѣ «Krok», годъ II (1867), стр. 46—51, 105—109. Краткую статью о «Mater verborum» написалъ

также и г. В. Небескій въ Научномъ словарѣ (Slovník naučný), томъ V (1866), стр. 161—162. (См. также Юнгмана Исторію чешской литературы, 2-е изданіе (1849), стр. 17 № 11, Гануша «Dodatky», I (1869), стр. 3 № 11, равно и труды Сабины и Шемберы по исторіи чешской литературы и др.).

О миньятюрахъ въ «Mater verborum» писалъ І. Э Воцель въ своихъ «Gründzüge der böhmischen Alterthumskunde» (1845), стр. 131 и 132; но только вкратцѣ, отсюда большею частію заимствовались потомъ свѣдѣнія въ различныя статьи и руководства къ исторіи искуства вообще. Краткія свѣдѣнія о тѣхъ же миньятюрахъ сообщаетъ тоже А. Н. Поповъ въ своей статьѣ «О древней чешской живописи». О миньятюрахъ въ нашей рукописи писалъ І. Ф. Ваагенъ въ «Deutsches Kunstblatt». Red. von Eggers. 1850. № 17 (29 Apr.). Подробнѣе писалъ о миньятюрахъ «Mater verborum» І. Э. Воцель въ «Archäologische Blätter» I (1848) и потомъ въ статьѣ «Vyvinování křesťanského umění a nejstarší památky jeho, zvláště v Čechách (Časopis českého musea 1852 sv. 2, str. 24—31), въ «Památkách archaeologických a místopisných» (томъ I [1854], стр. 186—188) и въ «Mittheilungen der K. K. Centralcommission zur Erforschung und Erhaltung der Baudenkmale». Jahrg. V (1860) № 2, стр. 33 — 39. Изъ русскихъ о живописи въ «Mater verborum» кромѣ И. И. Срезневскаго, писелъ еще проф. Буслаевъ, въ Москвѣ, въ своей статьѣ «Замѣтки изъ исторіи чешской живописи (Русскій Вѣстникъ, т. XLIX, стр. 557 — 560)». Въ послѣднее время о миньятюрахъ въ «Mater verborum» писалъ г. А. Баумъ (Časopis musea 1877 sv. I, str. 130—149).

II.

КРИТИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ ЧЕШСКИХЪ ГЛОССЪ.

А. Глоссы древнія.

Какъ уже было мною замѣчено въ литературномъ введеніи, въ рукописи M. V. чешскаго музея, мы встрѣчаемъ три вида древнихъ чешскихъ глоссъ, а именно:

1) Глоссы, находящіяся въ самомъ текстѣ (въ строкѣ) и писанныя большою минускулой, суть одного и того же красиваго почерка что́ и самый текстъ. Таковыхъ глоссъ весьма мало, число ихъ доходитъ лишь до 12-ти; вотъ онѣ: brěza, káně (128[a]) *), klětce, lútka, okrin, síto, skrivanec, slad (36[b]), sviňař, ščemel, vlchvec (255[b]) и vzchod. Остальныя глоссы въ текстѣ поддѣланы и объ нихъ мы поговоримъ послѣ.

2) Глоссы, находящіяся между строкъ, приписаны другимъ писцомъ, по всей вѣроятности монахомъ, который, исправляя ошибки, въ тоже время прибавлялъ то, что было опущено. Эти глоссы писаны толстымъ и не столь красивымъ почеркомъ, какъ выше упомянутыя. Ихъ всего 42, а именно: blien (161[a]), boch, brdo, cievka, člunek (458[b]), dièžka (448[c]), dre, drn, hloh, hnoj, hrách, klas, klí, lana, lov, lúč (273[c]), luk, lýtky, meze (53[a]), mol, mýto, najat, niť, obojek, ocel (39[a]), oř, pánev (471[b]), perie, plch, prěsada (458[a]), rys (178[c]), skorně, slad (262[b]), smola, stan, strava, stúpa, ščetiny (315[b]), šídlo, tálc, talov, tůl.

3) Остальныя древнія глоссы, составляющія громадное большинство (285), писаны мелкимъ, красивымъ почеркомъ, свидѣтельствующимъ о навыкѣ писца, также вскорѣ послѣ написанія рукописи, ибо походятъ почеркомъ на латинскія приписки на поляхъ рукописи, приписки, которыя были сдѣланы писцомъ для

---

*) Цифра обозначаетъ страницу, а буквы a, b, c—столбецъ. Страницу мы обозначаемъ лишь при тѣхъ глоссахъ, которыя встрѣчаются въ рукописи нѣсколько разъ.

рубрикатора съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ онъ, разрисовавъ инициалки, вписалъ ихъ различными красками. Писецъ этотъ зналъ тоже хорошо по нѣмецки, потому что большая часть нѣмецкихъ, междустрочныхъ глоссъ, писана тѣмъ же самымъ почеркомъ.

Правопись глоссъ древнихъ представляетъ намъ уже переходную степень отъ перваго періода, когда однородные звуки передавались одинаковыми, простыми буквами, ко второму періоду, періоду совокупленія двухъ или нѣсколькихъ знаковъ для передачи звуковъ чешскаго языка. Но такъ какъ нѣкоторые звуки во всѣхъ древнихъ глоссахъ пишутся одинаково, то намъ не нужно просматривать всѣхъ звуковъ и слѣдить за ихъ правописью, а потому мы представимъ только способъ написанія тѣхъ звуковъ, которые въ глоссахъ, точно такъ же, какъ и въ другихъ древнихъ чешскихъ рукописяхъ, не пишутся одинаково—и, чтобы облегчить ихъ обозрѣніе, приводимъ ихъ въ азбучномъ порядкѣ:

1. **c** (: ц) пишется:
   а) только черезъ *c*: bradavice, cevv, cevka, cistec, hirdlice, iatrvenici, gilce, clenice, cletce, kremenice, kirtice, kilavec (2) *), krepelice, kurencom, lisice, macobice, nehetci (3), nunvice, ocel (2), pleci, police, poludnice, prezlice (3), suerepice, suinice, tirlice, wlaztovice, vlichvec, vratce, zrcadlo, sitnice.
   б) *cz:* skriuanecz.
   в) *cc:* mrauenecc, squorecc, wilchuecc, zaiecc (2).
2. **č** (: ч) означается:
   а) простымъ *c:* cechel (2), cerezla, cesrano, cesrati, cistec, clunek, cluneck, cirtadlo, katirce, mzdicka, namezecnik, paucini (2), svircek (2).
   б) *ch:* chubr.
   в) *cs:* klokocs.
   г) *cst:* colacst.

---

*) Цифра обозначаетъ, сколько разъ встрѣчается глосса, писанная такимъ правописаніемъ.

д) *cc:* lucc (2), ozładicc, tlucc.

е) *s:* slunek.

3. ě, ie пишется всегда простымъ *e* только разъ *ie:* canie.

4. ch (: х) пишется всегда черезъ *ch*, только два раза черезъ *h:* hrah, pilh.

5. j отдѣльно и въ дифтонгѣ *ia*, *ie*, *iu* пишется:

а) простымъ *i:* iatrvenici, iuh, naiat, oboiek, steseie (2), zaiecc.

б) только разъ въ концѣ слова черезъ *j:* clij.

в) *y:* hnoẏ, ẏavor, yezero, yess, oẏe, podvoẏ.

г) *g:* gill, gilce, giszskra.

6. k пишется:

а) простымъ *c:* canie, clenice, clesce, clij, klubco (2), cobila, colacst, comaar, cope, cozz, cosa, crabosca, krocvvi, cruchta, cuchine, kucol, macobice, postolca, prica, scorne, wrabicowe.

б) черезъ *k:* banki, blizkota, cevka, clunek, slunek, deska (2), hrebatko, hrebik, giszskra, kadidlo, kalisce, kamen, kane, kassel, katirce, kauka, kdule, kemin, klazz, kli, klokocs, klubco (2), kokotowi, koll, korab, krada, kremen, kremenice, krepelice, krocvvi, kirtice, kirzno, kucol, kurencom, kuzz, kilavec (2), lelek, luk, lutka (2), litki, matki (2), motika, mirkev, mzdicka, namezecnik, oboiek, obrok, okrin, opazek, ozika, paulaka, postelka, rak, ribnik, sennik, skob, skriuanecz, zlavik, zmirk, ztraka, zukno, zumrak, svinak, svircek (2), taska, tlaki, triak, treslka, trpaslek, trozka, vborek, vtek, vetrnik, zaklad, zapadka, sseratek, slutek; а разъ *kk:* bukk.

в) *q:* quazz, quasu, squorecc.

г) *ch:* puscha, vborech.

д) *kc:* kclada.

е) *ck:* cluneck.

7) Вмѣсто новочешскаго самогласнаго l (: л) находимъ:

а) *il* и *li:* pilh, wilchuecc, blizkota, vlichvec.

б) *l:* puscedlne, treslka.

в) *el* и *le:* plet и т. д.

8. Вмѣсто новочешскаго самогласнаго **r** (: р) находимъ:

а) *ir:* birdo, cirtadlo, dirn, dirne, hirdlice, chirt, katirce, kirtice, kirzno, mirkev, zmirk, zwirbi, swircek (2), tirlice, wirse.

б) *r:* chubr, iatrvenici, trpaslek, vetrnik, zrcadlo.

9. **ř** (: рь) означается всегда простымъ *r* или *rr*.

10. **s** (: с) пишется:

а) черезъ *s:* kosa, lisice, neuesta, porusne, postaua, postele, postelka, postolca, pstruh, sabe, sennik, scorne, skriuanecz, squorecc, stan, stblo, steseie (2), stupa, suerepice, svest, svinak, svinar, suinice, svircek (2), trest, treslka, trpaslek.

б) черезъ *z:* blizkota, ceresla, letoz, lichoplezi, opazek, ozladicc, ozika, poztaua (2), prezada (3), prezlice (3), prozo, prozpi, ritezne, rozochi, rriz, riz, zani, zaze, zlad (2), zlavik, zleme, zlez (2), zlezena, zmola, zmirk, zochor, zozna, ztraka, ztraua, ztruhar, zukno, zumrak, zwezt, zvrab, zwirbi, trezt, trozka, vvezlo (2), wlaztovice, zemzki.

в) *sz:* szito.

г) *szs:* giszskra.

д) *zz:* klazz, cozz, kuzz, quazz, ruzzi, zzled, zzochor.

11. **š** (: ш) означается:

а) простымъ *s:* cesrano, cesrati, crabosca, quasu, letose, lista, olse (2), puscha, sidlo, tasca, wirse.

б) *ss:* kassel, prassi, ropussi (2), wess, vssati.

12. **šč** (: щ) пишется *sc:* chmelisce, kalisce, puscedlne, scetini (2), scemel.

13. **u** (: у) пишется обыкновенно черезъ *u*, только въ началѣ слѣдующихъ словъ *v:* vborech, vborek, vhli, vhone, vtek, vssati.

14. **v** (: в) пишется:

а) *u:* hriua, ẏauor, kauka, quazz, quasu, kilauec, mrauenecc,

neuesta, paneu, paulaka, plauat, postaua, poztaua, (2), rozhneuane, skriuanecz, squorecc, ztraua, suerepice, suinice, wilchuecc, zeuati.

б) *v:* cevka, dratva, hlavne, iatrvenici, kilavec, mirkev, nevod, nunvice, panev (2), podvoý, zlavik, svest, svinak, svinar, zvrab, svircek (2), talov, tvoridlo, vapenni, vapno, vetrnik, wlaztovice, vlichvec, vole, vratce, serav.

в) *vv*, *w*: cevv, kokotowi, krocwi, lovv, zwezt, zwirbi, vvezlo, wezlo, wess, wlaztovice, wilchuecc, wozhri, wrabicowe, wradittlo, wreteno, wirse, wrub, wirr, wiza, wzchod.

16. **y** (: ы) означается всегда простымъ *i*.

16. **z** (: з) пишется всегда черезъ *z*.

17. **ž** (: ж) пишется:

а) простымъ *s:* basant, deska (2), steseie (2), sahadlo, selud, serav, serucha, šitnice, slazi, slutek.

б) *ss:* ẏess, rossen (2), sserutek, sseracha.

18. **žď** (: жд̑ь) означается *sc*: hlemmisc.

Древній ѧ передается обыкновенно черезъ *e*, исключая слово stblo, написанное безъ гласнаго звука.

Смягченіе вообще, исключая «*caniс*», не обозначается, напр labut, nit и т. д. и т. д.

Удвоеніе гласныхъ, для выраженія долготы ихъ, встрѣчается лишь одинъ разъ въ словѣ: comaar.

Удвоеніе же согласныхъ встрѣчается чаще: berr, bukk, dlann (2), hlemmisc, gill, koll, llabut, lanna, latti (2), lepp (2), nohh (2), orr, perre, rrepa, rriz, sennik, talle, topoll, tull, till, vapenni, wradittlo, wirr (*vv* смотри выше).

Различное правописаніе одного и того же слова встрѣчаемъ въ слѣдующихъ словахъ: clunek, slunek и cluneck, kilavec и kilauec, labut и llabut, panev и paneu, postaua и poztaua, rriz и riz, zochor и zzochor, svest и zwezt, topol и topoll, trest и trezt, serucha и sserucha.

Описки встрѣчаемъ только въ словахъ: ztrahar вм. ztruhar и wraditllo вм. wratidllo.

Сокращенія употребляются лишь въ двухъ видахъ:

p̄ = pre : p̄zada (2), p̄zlice.

ꝑ = pro : ꝑzo, ꝑ̄zpi.

Въ *грамматическомъ* отношеніи имѣютъ для насъ интересъ слѣдующія слова: čerěsla, češrati, makobice, povraz, vrabíkové, prospi kurencom и н. д. Перегласованіе проведено въ глоссахъ почти повсемѣстно, напр.: bradavice, hrdlice, klenice, kremenice и т. д.

Перейдемъ къ перебору самыхъ глоссъ *).

Б.

bańky pušče dlné (banki puscedlne), guua, que a latinis a similitudine cucurbita a suspirio uentosa vocatur. 137^{b} 46. Jung: bańky lazební neb lazebnické, kterýmiž se krev (zvlàště v lázni) pouští, pušťadla, Schröpfkopf. Рожки.

bažant (basant), fasianus. 112^{b} 9. Фазанъ.

bér (Berr), panicium, fenich. 238^{b} 30. Jung.: bér setaria (panicum Linn). Feuchgras. Miklosich: бъръ. m. milii genus. Боръ, черное птичье просо.

blien (blen), ioscianus vel iusquiamus a grecis dicta, a latinis herba calicularis. 161^{a} 21. (blen) iusquiamum, bilse 441^{b} 24. Blíin. Бѣлена.

---

*) Въ скобкахъ правописаніе подлинника, гдѣ *i* всегда безъ точки, только семь разъ съ черточкою на верху(í). При глоссахъ означаетъ первая цифра страницу рукописи, a, b, c, столбцы, а цифра на третьемъ мѣстѣ—строку столбца. Сокращенія, употребляемыя мною при объясненіяхъ глоссъ: Jung.=Jungmanûv Slovnik. — Miklosich = Miklosich, Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vind. 1862—1865.—Hanka Zb. = Hanka, Zbirka nejdávnějších slovníků latinsko-českých. V Pr. 1833.—Dalimil = Dalimilova chronika (1874). — Výbor = Výbor z literatury české, díl I (1845). — Rosbor=Rosbor staročeské literatury 2 ч. (V Pr. 1842—1845).—Даль=Даль, Толковый словарь. 4 части (Москва, 1863—1866).

bliskota, blskota (blizkota), fulgetra, lux, que apparet ante tonitrum. 123[b] 29. Блискáвка, блескавица.

boch (boch), perna, quod rustici fiosa appellant. 250[b] 5. Hanka Zb. стр. 34, 43 (Bohemarius 260, 499), 89 (Rozkochaný 532), 143 (Welessini lexicon), 169 (Nomenclator), 184 (Vocabula). Окорокъ.

bradavice (bradavice), emorrodia, warra vel morruta. 94[b] 50. (Въ печатн. изд.: warza). Бородавка.

brána (Brana), serra dicitur lignum multos habens dentes. quod boues trahunt. 315[x] 7. Нов. чеш.: brány. Борона.

brdo (birdo), licie, harlofa, quibus stamina telarum ligantur quasi ligia. 176[c] 6. Jung.: brdo tkadlcovské = nástroj z mnoha tisíc ve dvojmo přeložených, velmi pevných, jak nahoře tak dole ke čtyrem činkám připojených nití, z nichž se opět niti, z kterých osnova sestává, shromažďuji, a skrze ně protahují, die Kammlitzen, Weberfaden. Miklosich: бръдо, licium. Нити въ ткани.

brěza (breza), bedulla, bircha 31[b] 50. Miklosich: брѣза, betula. Береза.

brod (brod), vadum, inferius ymum, vvrt. 359[a] 10 и 29. Miklosich: бродъ m. πόρος vadum. Бродъ.

buk (bukk), fagus, bůcha. 110[a] 51. Miklosich: боукъı f. fagus. Букъ.

C.

cěv (cevv), trama, spula. 351[a] 43. Цѣвье.

cievka (cevka), panus, spul 458[a] 44. Цѣвка.

Č.

čechel (cechel), sudarium, sveiztuch. 331[a] 41 и 476[a] 31. Miklosich: чехлъ, velamen. Убрусъ.

čerěsla (cerezla), inguinem, partes corporis justa pudenda. 153[a] 36. Miklosich: чрѣсла n. pl ὀσφύες. lumbi. τρίσϑα=slabizna v těle. Чересла, чресла.

češrano (cesrano), carminato. 346[a] 12. Čechrám=взбиваю.

češrati (cesrati), carminare. (Carmen uocatur quicquid pedibus continetur, cui datum nomen existimant seu propter uesaniam, quod carptim pronuntiaretur: unde hodie lanam, quam purgantes scerpunt, carminare dicimus). 43[a] 49. Трепать, взбивать.

cistec (cistec), stagnum, cin, 474[b] 48. Miklosich: чистьць, κασσίτερος stannum. Hanka Zb. стр. 30 (Behemarius 142), 56 (Roskochaný 91), 150 (Welessini lexicon), 171 (Nomenclator). Олово.

člunek (slunek), cimba, nauis, vel nauicula, 65[c] 6. —(clunek), lembus, parua scapha, cimba. 173[a] 43—(cluneck), panulie dicte, quod ex eis panni texantur. 458[b] 21. Jung,: člunek tkadlcovský, nářadí člunku podobné, mající v sobě na cívku navíjené niti, které se jeho pomocí na outek mezi podloužnou přízí, roztáhnutou na návojích, prohazují, a s ní se míchají, tkají. Miklosich: чльнъ m. cymba. Челнокъ.

črtadlo (cirtadlo), ligones, fossaria eo, quod terram leuant quasi leuones, sech. 177[b] 3. Чертало, ср. кал. косульный или сошной отрѣзъ (Даль).

čubr (chubr), satureia, tumus 471[c] 15. — Hanka Zb. стр. 74 (Rozkochaný 408: putria czybr.). Miklosich: чоубръ satureia. Чабéръ м. растенье.

D.

diežka (deska), mulctra, melcvaz 210[a] 34 и 448[c] 51. Дежка= кадка, въ которой заквашиваютъ тѣсто (Об. сл.).

dlab (dlab), incastratura, compaginatio lignorum, nůot 148[c] 5. Долбокъ.

dlaň (dlann), ir, medietas palme, tenir. 162[a] 18.—(dlann), vola, media pars palme 374[a] 28. Miklosich: длань f. παλάμη palma manus. Длань, долонь, ладонь.

doch (doch), culmus, arista stramen spicarum 65[b] 10.—(doch), glos, glossis, quod de stipula factum est; sovp. 134[c] 26. Пучекъ соломы на крышѣ.

dratva (dratva), drudis, drat. 85[c] 39. Дратва.

dre (dre), glumit, excoriat. 134[c] 39. Miklosich: дер dilacerat. Деретъ.

drn (dirn), cespes. 134[b] 29 и 410[c] 47. Miklosich: дрънъ m. caespes. Дернъ.

drnie (dirne), cespites fecundi 113[b] 49. Дернѣнье.

drozň (drozn), turdela, quasi maior turdus, star. 356[b] 46 и 356[c] 5. Hanka Zb. стр. 58 (Rozkochaný 299: merula drozn), 159 (Nomenclator тоже). Нов. чеш. drozd, drozen (Клат.) Дроздъ.

H.

hlavně (hlavne), ticio. 345[c] 13. Miklosich: главнꙗ, δαλός, titio. Головня.

hlemýzď (hlemmisc), ostreum 166[a] 2. Улитка.

hloh (hloch) rubus, arbuscula, ferens rubicunda poma 296[a] 21. Miklosich: глогъ crataegus. Боярышникъ.

hnoj (hnoy), rudis, mist, 296[a] 37. Miklosich: гной m. σῆψις, putrefactio. Навозъ.

hrách (hrah), pisa. 257[b] 15. Miklosich: грахъ m. κύαμος faba. Горохъ.

hrdlice (hirdlice), turtur. 357[a] 5. Miklosich: грълица f. τρυγίον turtur. Горлица.

hřěben (hreben), traculas, wollecambe. 350[c] 27.—hřěben kokotový (hreben kokotowi), heraclea, hanincamp. 139[a] 37—Miklosich: гребенъ m. pecten. Гребень для чесанія шерсти—Пѣтушій гребень.

hřěbík (hrebik), cariofilum. ö2[c] 28. Гвоздика.

hřěblo (hreblo), tiburgna, ovinkrucc. 345[c] 4. Miklosich: гребло remus. Кочерга.

hřiebátko (hrebatko), pultrinus, vůlin. 277[c] 3. Miklosich: жрѣбѧ n. πῶλος pulus. Жеребенокъ.

hřímota (hrimota), tonitruum. 348[a] 17. Miklosich: грьмѣние n. βρόντημα tonitru. Гремѣнье.

hríva (hríua), iuba, coma. 163^b 38. Miklosich: грива f. χαίτη iuba. Грива.

hruda (hruda), gleba 134^b 28. Miklosich: груда f. βῶλαξ gleba. Глыба земли.

humno (humno), area dicitur proprie locus uacuus, ubi triturantur annone. 399^b 45. Miklosich: гоумьно n. ἅλων area. Гумно.

Ch.

chmelišče (chmelisce), humularium, hopgart. 144^a 9. Хмельникъ.

chrěn (chren), raphanum grecum nos radicem uocamus 282^b 5. Miklosich: хрѣнъ m. cochlearia armoracia. Хрѣнъ.

chrt (chirt), uelter, vvint. 361^b 32. Miklosich: хрътъ m. vertagus. Хортъ, борзая собака (Даль).

J.

jatrvenici (iatrvenici), ianitrices, duorum fratrum inter se uxores uocantur, quasi eandem ianuam tenentes vel per eandem ianuam iter habentes 145^c 5. Hanka Zb. стр. 88 (Rozkochaný 468: fratripola yatrussye), 129 (Welessini lexicon: fratripola, yatrusse). Miklosich: ѣтръве, σύννυμφος alias εἰνάτηρ fratria sive uxor fratris mariti. Ятровицы, невѣстки.

javor (yauor), platanus. 46^c 227. Miklosich: іаворъ m. platanus. Яворъ, чинаръ.

jezero (yezero), stagnum 474^c 1. Miklosich: ѥзеро n. λίμνη lacus. Озеро.

jež (yess), irinacis. 162^a 1. Miklosich: ѥжь m. ἐχῖνος, erinaceus. Ежь.

jíl (gill), creta, leim. 63^a 2. Miklosich: илъ m. lutum. Илъ.

jilce (gilce), gapulum, helca. 127^b 50. Рукоятка.

jiskra (giszskra), scintilla, 307^b 38. Miklosich: искра f. σπινθήρ scintilla. Искра.

juh (iuh), fabonius uentus, qui grece zephirus vocatur. 109^a 27. Miklosich: югъ m. νότος auster. Югъ, южный вѣтеръ.

K.

kadidlo (kadidlo), thus, 357ª 18. Miklosich: кадило n. θυμίαμα suffitio. Ладанъ.

kališče (kalisce), uolutabra dicuntur, ubi apri porcique se uoluunt. 374ᶜ 9. Miklosich: калиште n. locus coenosus. Болото, калъ.

kámen vápenný (vapenni kamen), tofus est lapis edificiis inutilis, tubstein. 347ᵇ 19, 20. Miklosich: камень капьнъ m. lapis calcis. Туфъ.

káně (kane), gauium, larum. 128ª 23. — (canie) larus 170ᵇ 23. Чайка.

kašel (kassel), tussis. 357ª 27. Miklosich: кашьль m. tussis. Кашель.

katrče (katirce), gurgustia, cellula modica vel domus pauperis. 137ᵇ 33. Хижина, хата, катрага (Даль).

kavka (kauka), monetula, auis. 208ª 24. Miklosich: чавъка f. monedula. Галка.

kdule (kdule), matiana, genus pomi. 196ᵇ 39. Квитовое яблоко.

kemín, kmín (kemin), ciminum, virtutem habet calidam et dessicatam. 413ª 23. Тминъ, каминъ.

kláda (kclada), cippus, stoch. 49ᶜ 30, Jung.: kláda, vydlabaný peň, do něhož u vězení za nohy sázejí. Miklosich: клада f. δοκός trabs. Колода, колодка.

klas (klazz), spica 315ᵇ 44. Miklosich: класъ m. στάχυς spica. Колосъ.

klenice (clenica), cornus, churnbovm. 61ª 44. Miklosich: кленъ m. acer. Кленъ чинаровидный, деренъ.

klětce (cletce), aniarium, uogelhus. 26ª 18. Miklosich: клѣтьца, κελλίον, cellula. Клѣтка.

klí (kli), gluten, kleib. 134ᶜ 41. Miklosich: клѣй. m. κόλλα gluten. Клей.

klij (clij), obex, lun. 224ª 51.

klokoč (klokocs), bulla dicitur, quia in aqua uenti intus spiritu

sustentatur. 229ᵃ 14. Klokot. Miklosich: клокотъ m. τὸ κοχλάζειν bullire. Клокотъ.

klubko (klubco), glomus, spera filorum. 134ᶜ 4. — (klubco), klewe, glomus. 134ᶜ 12. Клубокъ.

kobyla (cobila), equa, merha. 98ᵇ 12. Miklosich: кобъіла f. ἵππος equa. Кобыла.

kokotový, см. hřeben.

kol (koll), palus, stekko. 237ᵃ 48. Kůl. Miklosich: колъ m. πάσσαλος palus. Колъ.

koláč (colacst), crustula panis in medio cauus et tortus 64ᶜ 22. Miklosich: колачь m. libum, recte circus. Калачь, пирогъ.

komár (comaar), culex. 65ᵃ 41. Miklosich: комаръ m. κώνωψ culex. Комаръ.

kopie (cope), sparus, sper. 473ᵇ 28. Miklosich: копиѥ n. δόρυ hasta. Копье.

koráb (korab), trieris, nauis magna. 352ᶜ 18. Miklosich: корабль m. πλοῖον, navis. Корабль.

kos (cozz); merula antiquitus vocabatur modula. 202ᵇ 5. Miklosich: косъ m. ψίττακος psittacus: recte merula. Скворецъ.

kosa (cosa), falcastrum, ruthsegen. 110ᵇ 33. Miklosich: коса f. falx. Коса.

kraboška (crabosca), larua, schem. 170ᵇ 19. Dalimil 47 v. 35: krabošky sobě zčinichu. Маска.

krada (krada), ignitabulum, luchta. 146ᶜ 33. Miklosich: крада, f. πυρά rogus; κάμινος fornax. Жаровня.

kremeň (kremen), piritis vulgaris. 257ᵃ 34. Miklosich: кремъі-мене m. silex. Кремень.

kremenice (kremeníce), focacem petram vulgus vocat, qui ferro percussus scintillam emittit 118ᶜ 6. Кремнистая почва.

krepelice (krepelice), quaquara 280ᵇ 34 (Изъ *k* вновь сдѣлано *p*). Miklosich: прѣпелъ m. coturnix. Перепелъ.

krokvy (krocvvi), tigillum, kavo, habitaculum vel tectum, trabes. 345ᶜ 16. Стропила.

krtice (kirtice), talpa dicta, quod sit dampnata perpetua cecitate,

est enim absque oculis, semper terram fodit et humum egerit, et radices subter frugibus comedit, quod greci aspal uocant. 337^{b} 47. Miklosich: крътъ m. ἀσπάλαξ talpa. Кротъ (самка).

kruchta (cruchta), cripta, spelunca, grufda. 64^{a} 28. Яма, могила.

krzno (kirzno), mastruga, vestis germanica ex pelliculis ferarum. 196^{a} 38. Крал. Рук.: oružie vsě krzny zahalichu (Výb. 30, 12). Miklosich: кръзно n. vestis pellicea. Кожухъ.

kuchyně (cuchine), coquina, cůchne. 60^{a} 16. Кухня.

kúkol (kucol), git herba, lolium, brotwrz. 134^{a} 31. Miklosich: кѫколь m. nigella. Куколь.

kurencom, см. prospi.

kus (kuzz), frustum, stucke. 123^{a} 12. — (kuzz) offam. 228^{b} 47. Miklosich: кѫсъ, коусъ m. frustum. Кусъ, кусокъ.

kvas (quazz), frigidaria, sulza. 122^{b} 11. Miklosich: квасъ m. ζύμη fermentum. Квасъ.

kvašu (quasu), couiuo, manduco. 59^{c} 7. (Miklosich: квашѫ fermento). Пирую.

kýlavec (kilavec), herniosus, ponderosus. 139^{c} 20. — (kilauec), herniosus. 141^{b} 7. Miklosich: къıла κήλη hernia. Килачъ, килунъ, килякъ.

L.

labuť (labut), holor, avis, quam greci cignum appellant. 142^{b} 28. —(llabut) olor. 229^{a} 48. —(labut) cignus. 412^{b} 25. Miklosich: лебедь m. κύκνος cygnus. Лебедь.

lana (lanna), numellus, genus uinculi, quo quadrupedes diligantur. 452^{c} 11. Веревка.

lati (latti), tignum. 345^{c} 17.—(latti), ambrices, tegule. 393^{c} 23. Лата, жердина (Даль).

lelek (lelek), nocticorax, noctua dicitur, que et nocturnus coruus appellatur. 218^{c} 33. Кваква.

lěp (lepp) uiscum. 360^{a} 28; 370^{c} 28. Miklosich: лѣпъ m. ἰξός viscum. Клей.

lětos (letoz), orno, huiro. 233^b41. Miklosich: лѣтосѣ adv. hoc anno. Лѣтось.

lětošie (letose), ornotinus, langer. 233^b 39. Miklosich: лѣтосьнь adj. huius anni. Лѣтошній.

lichoplěsy (lichoplezi), sirenas tres fuisse fingunt, ex parte virgines et ex parte uolucres habentes alas et ungulas, quarum una uoce, altera tibiis, tercia lira canebant, que illectos nauigatione in naufragia trahebant. 322^a 32. Ochechule.

lípa (lipa), tilia, linda. 346^a 13. Miklosich: липа f. tilia. Липа.

lisice (lisice), trulla, nomen factum eo, quod trudit et detrudit, id est includit calce vel luto lapides, chella. 354^c 42. Rozbor II, стр. 38: lissiczy. Прессъ.

lišta (lista), limbus est, quam nos ornaturam dicimus, fasciola est, que ambit extremitatem vestium aut ex filis aut ex auro contexta assutaque extrinsecus in extrema parte uestimenti vel clamidis. 177^a 36. Нѣм. Leiste. Obruba. Бахрома.

lov (lovv), uenatus, iaith. 361^c 10. Miklosich: ловъ m. ἄγρα, θήρα venatio. Охота, ловля.

lúč (lucc), pro tede, facule de ligno pino 273^a 36.—(lucc), teda. 338^b 26. Miklosich: лоучь m. lux. Лучина.

lúh (luh), nautea, aqua corio fetída, in qua coria macerantur, 215^a 5. Щелокъ.

luk (luk) arceolus, satelboge. 18^c 10. Miklosich: лѫкъ m. τόξος arcus. Лукъ.

lútka (lutka) puppa, toche 467^a 29. (Два раза, разъ въ строкѣ, разъ въ томъ же мѣстѣ надъ строкой). Miklosich: лоутъкъ m. μῖμος histrio. Кукла.

lýtky (litki), suras. 227^b 28. Miklosich: лъістъ m. κνημίς tibia. Лытки (Даль).

M.

makobice (macobice), conus. 56^c 23. Miklosich: маковица f. fastigium: recte cepus papaveris. Makovice. Маковица, маковка.

matky (matki), planta. 257^{c} 32.—(matkí), plante sunt rapte de arboribus. 462^{c} 1. Матки.

meze (meze), collimito, reino. 53^{a} 23,—(meze) limitem. 177^{b} 46 и 47 (два раза).—(meze), porca autem est inter duos sulcos terra eminens. 440^{b} 6. Miklosich: межда f. μέσον medium Межа.

mol (mol), roscidum, humidum, rore madidum. 295^{b} 38. Mol mokrý na glavě ve vlasech, prašivina. Парши.

motyka (motíka), verriculum, huova. 364^{c} 31. Miklosich: мотъı-ка f. σκαφεύτρια ligo. Мотыка.

mravenec (mrauenecc), formica, 137^{a} 25. Miklosich: мравий f. μύρμηξ formica. Муравей.

mráz (mraz), gelu, bruma. 129^{a} 20. Miklosich: мразъ m. κρύος, ψῦχος frigus. Морозъ.

mrkev (mirkev), pastinaca silvestris. 242^{a} 14. Морковь.

mýdlo (midlo), sapona, seiph. 139^{a} 41. (Miklosich: мъıло n. ποιά herba). Мыло.

mýto (mito), theloneum. 338^{c} 5. Miklosich: мъıто n. μισθός merces. Мыто.

mzdička (mzdicka), mercedula, lonelin. 291^{c} 1. Miklosich: мьзда f. μισθός merces premium. Небольшое возмездіе.

N.

najat (naiat), conductus, gemieterer. 55^{b} 44. Miklosich: наѩмьнъ adj. conductus. Нанятъ.

nálěp (Nalep), toxicata sagitta, gelupte, ut veloces sint et preuolent. 300^{b} 32. Dalimil (1851), стр. 209: V srdce kniezi střelu s nálepem vstřeli dospielu. Налѣпъ, налѣпка.

námezečník (namezecnik), hermafroditus, neque vir neque mulier. 139^{c} 27. Человѣкъ, стоящій между мужчиною и женщиною.

nebozez (nebozez), terebellus, nevveger. 340^{b} 39. Буравъ.

nehetci (nehetci), eliotropium, ringel. 93^{a} 8 и 18 (дважды). — (nehetci) solsequia herba. 324^{b} 31. Ноготки.

nevěsta, svěsť (neuesta, svest), fratria vel fratrissa, fratris uxor vel uxoris soror 121[c] 4. Miklosich: невѣста f. νύμφη sponsa, nurus. Невѣстка.

nevod (nevod), tragum, genus est piscatorie retis. 351[a] 26. Miklosich: неводъ σαγήνη sagena. Неводъ.

nit' (nit) filum 430[b] 20. Miklosich: нить f. funiculus. Нить.

noh (nohh), grifa, grif, genus draconis, genus pennatum. 137[a] 32 и 33 (дважды). Miklosich: ногъ m. γρύψ gryps. Грифъ.

nunvice (nunvice), sanctimonialis, nunne. 301[a] 47. Jung.: Ob similitudinem quandam soni «Nonne» appellatae sunt per contemtum moniales virgines nunvice. Dalimil 45 v. 27: nunvicemi kněze osu. Монахиня.

O.

obojek (oboiek), millus, collare canum uenatoticorum, factum ex corio. 447[c] 11. Ошейникъ.

obraz (obraz), moneta, mûnza. 208[a] 43. Dalimil 95 v. 3: Zatrati v zemi rozličné obrazy a dobrý peniez zarazi (Miklosich: образъ m. μορφή forma, imago). Монета.

obrok (obrok), prebenda. 262[c] 10. Miklosich: оброкъ m. promissio, stipendium. Оброкъ, жалованье.

ocel (ocel), calibem, ferrum. 39[a] 40.—(ocel) kalibs ipsa materia 165[c] 14. Miklosich: оцѣль f. στόμωμα robur aciei. Сталь.

odřěti (odreti), glubere, cutem detrahere. 134[c] 38. Miklosich: одрати vb. ἐκδείρειν, confringere, ἀποσπᾶν detrahere. Содрать, сдирать.

oje (oye), temo, longitudo aratri vel plaustri, dissl. 339[a] 16. Дышло.

okrin (okrin), cantar, naph. Miklosich: окринъ, λεκάνη, pelvis. Блюдо (деревянное).

olše (olse), alnus. 233[b] 36 и 392[b] 40. Miklosich: ольха f. alnus. Ольха.

opasek (opazek), crumena, sacculi genus. 422[b] 40. Поясъ, кушакъ.

oř (orr), equus emissarius, qui mittitur ad jumenta. 100ª 11. Miklosich: орь m. equus. Конь.

ořech zemský (orech zemzki), tuber terre prodit. 355ᵇ 23. Kaštan zemský. Miklosich: орѣхъ земльнаскъ nux terrae. Земляный орѣхъ.

osladič (ozladicc), polipodion. 465ª 48. Солодка малая (раст.), сладкій корень.

osten (osten), stimulus. 328ᶜ 50. Miklosich: остнъ σκόλοψ stimulus. Ость.

osyka (ozika), tremulus, aspa. 351ᶜ 18. Miklosich: осина f. populus nigra. Осина.

otruby (otrubi), furfures tritici. 41ª 41. Отруби.

P.

panev (panev) frixoria, phanna. 122ᵇ 17.—(panev) padella 236ª 29. — (paneu) sarhago. 471ᵇ 44. Miklosich: пањвица f. pelvis. Сковорода.

paučini (paucini), casses, aranearum tela, retia aranearum. 44ª 27 и 148ᶜ 2. Miklosich: паѫчина f. ἀράχνη tela aranea. Паутина.

pavlaka (paulaka), zomentum, zicha. 383ᵇ 1. Miklosich: паволока tectum, involucrum. Паволока, наволочка.

perie (perre) stipule sunt folia vel pagine, quibus culmus ambitur vel fulcitur, ne pondere frugis curuetur, que ambiunt culmum et dicta stipula quasi usta et ustipula. 329ª 14. Miklosich: перије n. πτερα pennae. Перья.

pila (pila) lima. 177ª 23. Miklosich: пила f. πρίων serra. Пила.

plachta (plachta), sagum. 80ᵇ 10. — (plachta) linna, saga 178ᶜ 31. Miklosich: платъ m. ῥάκος pannus detritus. Плахта.

plavat (plauat), glaucus dicitur viridis, est autem color inter album et nigrum .i. plavar. 134ᵇ 28. Miklosich: плавъ λευκός albus. Изжелта-бѣловатый, бѣложелтый.

pleci (pleci), humerum, achsila. 144ª 8. Miklosich: плеште n. ὦμος humerus. Плеча.

plet, plt (plet), rates proprie sunt connexe inuicem trabes. 468[c] 50.—(plet), rates, classes, naues, nauigia. 470[b] 40. Miklosich: плєтъ f. φραγμός sepes. Плотъ.

plch (pilh), gliris animal in arboribus simile muri. 134[b] 38. Miklosich: плъхъ glis. Соня (Даль).

podvoj (podvoy) postes, ipse tabule ostii. 261[c] 13. Miklosich: подъвой, подъвой m. σταθμός postis. — Dalimil 52 v. 21: neslušie mezi dřví a podvoj prsta vložiti. Верея.

police (police), armatria, schafrûta. 20[a] 46. Miklosich: полица f. asser in ecclesia, theca repositoria. Полка.

poludnice (poludnice), driades, deae siluarum. 85[c] 26, 27. Hanka Zb. стр. 61 (Rozkochaný 520: satirus poludnyczye), 147 (Wellessini lex. тоже), 165 (Nomenclator тоже). Дріады.

porusné sukno, см. sukno.

postava (postaua), licinium vocatum, quod textura ejus ligata sit in totum. 176[c] 15.—(poztaua), stamen (in stamine linum). 178[c] 35. — (poztaua), stamen, fila stantia, warf. 475[c] 5. Miklosich: постава, depositum. — Výbor I, стол. 665: z jednoho postavce zšité rúcho. Поставъ, основа пряжи.

postele (postele), lectisternium, betguant. 172[a] 5. Miklosich: постєлга f. στρωμνή lectus, stratum. Постеля.

postelka (postelka), pancales. 238[a] 11. Постилка (Даль).

postolka (postolca), cauan, wihil. 45[c] 13. Rada zviřat (1814), стр. 120: Postolka i také jiné káně. Постелька (Даль).

povraz (povraz), funis. 124[b] 48. Miklosich: поврազъ m. λοβός lobus. Веревка.

práh (prah), limen. 177[b] 45. Miklosich: прагъ m. φλιά limen. Порогъ.

praši (prassi), glabrio, grint. 134[a] 36. — Jung.: Prachy (praši), neduh osuté kůže, velmi nakažlivy u koní i u jinégo živočicha, jinak prašivina. Hanka Zb. стр. 41: (Bohemarius 432: prachi, tabes). Парши.

prěsada (p̄zada) plantaria, que ex seminibus nata sunt. 257[c] 32.

— (p̄zada) plante, pangi. 458ª28. — (prezada), plantaria. 462ᶜ 2. Высадокъ, разсадное растеніе.

prěslice (p̄zlice) in colo. 125ᵇ25.—(prezlice) colum. 420ª27.—(prezlice), colus. 435ª 4. Miklosich: прѧслица f. fusus. Пряслица, прялка.

príka, prka (prica), decliuum, descensum. 69ᵇ 31. Срав. чеш. uprk. Крутизна.

príměrie (prímere), treuga, pax generalis terre. 480ª 10. Miklosich: примиріеніе n. reconciliatio. Перемиріе.

proso (pzo), milium. 204ª 44. Miklosich: просо κέγχρος milium. Просо.

prospi kurencom (pzpi kürencom), obsipa pullis escam. 440ᵇ 45. Miklosich: просъıпати vb. ἐκχεῖν effundere (просъıпи); коурѧ n. pullus (коурѧтемъ). Просыпь цыпленкамъ.

pstruh (pstruh), trutta, piscis. 480ª 9. Срав. пьстръ adj. ποικίλος varius. Пеструшка, форель (Даль).

puščedlné, см. baňky.

puška (puscha), pixis, pixidis, quam nos corrupte buxidem uocamus. 257ᵇ 50. Miklosich: поушька sclopetum, πυξίς bühse; срав. пушка. Жестянка.

R.

rak (rak), cancer, animal maritimum, exiguum. 165ᶜ 50. Miklosich: ракъ m. cancer. Ракъ.

remdih (Remdih), claua, kolbo (въ печатанной M. V. stanga). 417ª 16. Hanka Zb. стр. 48 (Bohemarius: rzemdyh maniplus), 120 (Welessini lex.: claua rzemdyh), 170 (Nomenclator тоже). Řemdih=zbroj starých Čechů, palice (Jung). Срав. литовское ramtis = Stab. Боевая булава, палица, ослопъ.

rěpa (rrepa), rapa a rapiendo, id est comprehendo dicta, est autem a radice amplior rapa, sapore dulcior et folio tenui. 282ᶜ 30. Miklosich: рѣпа rapa. Рѣпа.

rítězně (ritezne), nates, conglobatio natium, caro sedendi officio

facta, ne premente corporis mole ossa dolerent. 214[b] 15. Ягодичныи мышцы (Даль).

rohoze (rohoze), vlua, palns et herba palustris. 372[c] 20. Miklosich: рогозъ πάπυρος papyrus. Рогоза, рогозъ, ситникъ.

ropuši (ropussi), stiria enim grecum est, id est gutta. 137[b] 38.— (ropussi), stiria, pendens glacies vel spine. 329[a] 19. Ropuch, rampouch. Ледяная сосулька, ропака, ропакъ (Даль).

rozhněvánie (rozhneuane), offensio. 228[b] 49. Miklosich: разгнѣванние n. irritatio. Разгнѣвленье, разгнѣванье.

rozsochy (rozochi), stiva, pars aratri, quam manu tenet arator, rister. 329[a] 30. Miklosich: расоха f. furca. Разсохи. Рукоять у плуга.

rožen (rossen), ueribus, uirgultis ferreis. 364[b] 14. — (rossen), veru, spizz. 365[b] 15. Miklosich: Ражанъ m. σκόλοψ stimulus. Роженъ, вертелъ.

rtuť (rtut), uivum argentum, quecsilber. 372[a] 35.

rusi (ruzzi), trace genus, rûzen. 480[a] 7. Miklosich: роусинъ russus. Русскіе.

rybník (ribnik), viuarium. 372[a] 22. Miklosich: рыбьникъ m. piscarius, рыбьница f. nom. propr. loci. Прудъ, садокъ.

rys (rriz), lincis dictus, quia in luporum genere numeratur, bestia ab illis distincta, ut pardus per terga siue similis lupo, unde et ille licos, iste lincis. 178[a] 7. — (riz) linx, animal. 178[c] 48. Miklosich: рысь m. πάρδαλις pardalis. Рысь.

S.

sabě (sabe), dolones sunt uagine lignee, intra quas latet pugio sub baculi specie. 84[b] 17. Hanka Zb. стр. 99 (Rozkochaný 137: sicca sabye), 148 (Welessini lex.: siccia zabie) (Miklosich: сабля f. ξίφος ensis). Ножны.

sáni (zani), traha, flito (въ печатанномъ экз.: schlit). 351[a] 52. Сани.

saze (zaze), fuligo, nigredo. 124[a] 22. Miklosich: сажда f. ἀσβόλη fuligo. Сажа.

sěnník (sennik), fenile, locus, ubi fenum ponitur. 114^a 38. Сѣнникъ, сѣноваль.
síto (szito), sedacium, harsip. 311^a 25. Miklossich: сито n. cribrum. Сито.
skob (skob), flemen. 117^c 41. (Miklosich: скова f. sensus ignotus).
skorně, škorně (scorne), ocreas, tẏbialia, que suras tegunt. 227^b 28. Сапоги, чеботы.
skrivanec (skriuanecz), caradrion, leracha. 42^b 18. Жаворонокъ.
skvorec (squorecc), psitacus, auis indie littoribus gignitur colore uiridi torque puniceo, grandi lingua et ceteris auibus latiore, unde et articulata uerba exprîmit. 275^c 5. Miklosich: скворьць ψάρ sturnus, alauda. Скворецъ.
slad (zlad), braxa, malz. 36^b 49. — (zlad), prazium. 262^b 11. Miklosich: сладъ m. hordeum tostum. Солодъ.
slavík (zlavik), luscinia, acredula. 185^c 1. Miklosich: славий m. ἀηδών luscinia. Соловей.
slěd (zzled), indago, spor, ordo. 150^b 4. Miklosich: слѣдъ ἴχνος vestigium. Слѣдъ.
slémě (zleme), tolum, culmen tecti. Tolum est summa pars tecti, unde et contignatio procedit. 347^c 49. Miklosich: слѣмѧ δοκός trabs. Маковка, верхушка крыши.
sléz (zlez), malua, malvis. 191^c 11 и 238^c 39. Miklosich: слѣзъ m. malva. Мальва, просвирнякъ.
slezena (zlezena), splen, milze. 473^b 47. Miklosich: слезена f. σπλήν splen. Селезенка.
smola (zmola), pex, inquinamen, hara. 252^c 4. Miklosich: смола f. ἄσφαλτος bitumen. Смола.
smrk (zmirk), pinum greci peucen uocant. 256^b 26. Miklosich: смрѣчь m. κέδρος cedrus. Пихта.
sochor (zochor), trabeum, dreml. 350^c 4. — (zzochor) motoria, uaga, discursio vel paruum instrumentum, quod opifices utuntur ad mouendos lapides. 209^c 8. Рычагъ, шестъ.
sosna (zozna), piceà. 253^a 10. Miklosich: сосна f. ἐλάτη abies. соснь πίτυς pinus. Сосна.

stan (stan), tugurium, casula. 355c 7. Miklosich: станъ m. firmitas, castra. Хижина.
stblo (stblo) culmus. 329a 15. Miklosich: стьбло n. καυλός caulis. Стебель.
stěžeje (steseie), cardo, extrema pars ualue. 42c 9. — (steseie), cardo, locus, in quo ostium mittitur. 42c 13. Miklosich: стежеръ m. cardo, срав. настежь. Крюкъ.
straka (ztraka), pica. 252c 50. Сорока.
strava (ztraua), sumptus. 332a 18 (Miklosich: страва f: epulum funebre apud Hunnos etc.). Расходъ.
struhař (ztrahar), tornarius, drehsel. 479a 20. Токарь.
stúpa (stupa), tipsanarium, stamph. 346c 12. Ступа.
sukno porusné, porúšné (porusne zukno), linostrina, vestis est ex lana linoque contexta. 178c 33. (Miklosich: параусъ m. velum; соукно n. ἔρια, ἔριον vestes laneae. Парусное сукно.
súmrak (zumrak), crepusculum, hoc est inter lucem et tenebras, dubia lux, zwisenlichteu. 63b 5. Miklosich: съмракъ m. tenebrae. Сумракъ, сумерки.
sveřepice (suerepice), equaricia, stûth. 98b 11. Výbor I, стр. 131: Kdež sveřepice nejmajú na obci obory, ty kobyly móž vdáti. Miklosich: свѣрѣпица f. ervum gr. ὄροβος Кобыла.
svěsť (zwezt), glos, gloris, soros mariti. 134c 28. — (svest, neuesta), fratria vel fratrissa, fratris uxor vel uxoris soror. 121c 4. Miklosich: свѣсть soror uxoris. Hanka Zb. стр. 88 (Rozkochaný 441: socra swyest), 183 (socrus swyest). Свесть, своячина, невѣстка.
sviňák (svinak), porcarîus. 259a 41. Свинýхъ, свинопасъ.
sviňař (svinar) porcarius. 259a 41. *a* вновь какъ то исправлено. Свинарь.
svinice (suinice), usya, uermis porci. 376b 2. Свиной червь.
svrab (zvrab), prurigo, scalpatio. 274b 14. Miklosich: сврабъ m. pruritas. Свербъ, свербежъ, зудъ.
svrbí (zwirbi), prurit, quasi perurit, iuchit. 274b 14. Mikfosich: свръбѣти. Свербитъ.

svrček (svircek), cicades ex cuculorum nascuntur sputo, hec nascuntur in ytalia, nam ibi dulciter canunt, quarum cantibus estu medio arbusta rumpuntur, eo quod magis canore meridianis caloribus resonans. 49[b] 41.—(svircek), grillus nomen a sono vocis halet. 137[a] 23. Miklosich: свръчькъ m. ἀττακης attacus. Сверчокъ.

Š.

ščemel, ščmel (scemel), atticus, humbel. 25[a] 5. Шмель.

ščetiny (scetini), porcorum pilos setas uocamus. 259[a] 50 и 315[b] 41. Щетины.

šidlo (sidlo), subula, ala. 331[a] 13. Miklosich: шило n. subula. Шило.

T.

tále, tálie (talle), obsides dicuntur, qui dari solent cum honore custodiendi. 225[c] 26. Miklosich: таль obses. — Лѣтопись по Ипатскому списку (Сп. 1871), стр. 88: поимите къ себѣ тали наша—стр. 89: и поемше талия своя. Vibor I, ст. 234: dávajíť svój život v táli. Таль, заложникъ.

talov (talov), sanies, pus, tabo, sanguis corruptus, eitir. 301[c] 45. Гной, сукровица.

taška (taska), fundam, sistarciam. 124[b] 20. Ташка, сумка.

tlaky (tlaki), pubes uirilia. 277[c] 47. Hanka Zb. стр. 167 (Nomenclator: tlaky pubes). (Miklosich: длака χρόα cutis). Признаки совершеннолѣтія — волосы около половыхъ членовъ.

tluč (tlucc), cantabrum; huntaz. 41[a] 41. Толча, толченый ячменный или вообще толченый хлѣбъ.

topol (topol), populus. 259[a] 31.—(topoll), populus, arbor. 278[b] 2. Miklosich: тополь f. λεύκη populus alba. Тополь.

tresť, trsť (trest), harundo, canna vel sagitta. 138[a] 39.—(trezt), arundo. 400[c] 33. Miklosich: тръсть f. κάλαμος arundo. Трость, тростникъ.

trěslka (treslka), typi sunt frigide febris. 357[c] 27. Miklosich: трасьца febris. Трясья, трясучка, лихорадка.

trlice (tirlice), scalparis, tessila. 305[a] 24. Jung.: Trlice jest nástroj, na němž se len neb konopě trou. Трепало, трепло.

troska (trozka), scoria, purgamenta et sordes sunt que igne excoquuntur et dicta scoria quod de ferro excutitur, id est sinter. 308[c] 15. Miklosich: трocка f. κεραυνός fulmen. Шлакъ (Даль).

trpaslek (trpaslek), nani, quos greci pigmeos vocant. 260[b] 20. Карликъ, карло.

trud (trud), fumes est astula, que ab arboribus excutitur, excisione autem astule, ambuste aut ligna cauata, a fungis nomine accepto, quod ita capiat ignem. 119[a] 16. Miklosich: трѫдъ m. Трутъ.

tryák, dryák (triak), tyriaca est antidotum serpentinum, quo uenena pelluntur, ut pestis peste soluatur. 346[c] 29. Miklosich: териꙗкъ m. theriacum. Теріакъ (Даль).

túl (tull) pharetra, teca sagittarum. 252[c] 18. Miklosich: тоулъ φαρέτρα, pharetra. Тулъ, колчанъ.

tvoridlo (tvoridlo), tenucla, kesewazercar. 479[a] 27. Jung.: nádoba, v níž neb jíž se něco tvoří, zvláště forma na sýry. Творило, сосудъ.

týl (till), occipicium est pars capitis posterior. 227[b] 8. Miklosich: тꙑлъ m. τένων cervix. Тылъ.

U.

úborek (vborech), calatus, sumber. 38[c] 18. — (vborek), ruska, russa, vel russeola, rubra. 296[c] 45. Miklosich: ѫборъкъ modii genus. Серб.: уборак. Корзинка.

uhli (vhli), proceres (capita trabium, que eminent extra parietes, proceres dicuntur). 269[a] 43. Miklosich: ѫглъ m. angulus. Уголъ.

úhoně (vhone), globos, vertigines vel ex solido rotundus, pila, rotunditas. Огоньки (Даль).

ušatý zajiec, см. zajiec.

útek v(tek), trama. 178[c] 36. Jung.: útek u tkadlce příze, která

člunkem se do osnovy vetkává, vetkání. Miklosich: ѫтъкъ m. στήμων stamen. Утокъ.

V.

vápenný kámen, см. kámen.
vápno (vapno), calcis, calch. 38^{c} 18. Miklosich: вапьно calx. Вапно, известь.
veslo (vvezlo), remus dicitur lorum, quod continet tubam. 289^{a} 2. — (wezlo), remex ruder. 469^{b} 35. Miklosich: весло n. κώπη remus. Весло.
veš (wess), pediculus. 245^{a} 5. Miklosich: въшь f. φθείρ pediculus. Вошь.
větrník (vetrnik), vela greci armena dicunt, proinde quod aere mouentur, aput latinos autem vela a volatu dicta. 361^{a} 30. Парусъ.
vlastovice (wlaztovice), hirundo. 141^{b} 31. Miklosich: ластовица f. χελιδών hirundo. Ласточка.
vlchvec (vlichvec), phitones (v печат. экз.: vuissagon). 255^{b} 37. — (wilchuecc), grincas, taxos; grina locus oraculi appolinis fuit in smirneorum finibus. 137^{a} 30. Miklosich: вълхвъ μάντις vates μάγος magus. Волхвъ.
vole (vole), struma, croph. 329^{c} 51. Зобъ.
vozhri (vozhri), muccus, roz. 210^{a} 2. Miklosich: возгрѩ f. mucus. Возгря.
vrabikové (wrabicowe), passeres. 241^{c} 26. Miklosich: врабий στρουθός passer. Воробьи.
vrátce (vratce), posticium, latens ostium. 261^{c} 19. Воротца.
vratidlo (wradittlo), liciatorium, mittil. 176^{c} 1. Miklosich: вратило, ἀντίον liciatorium. Jung.: válec při stavu tkadlcovském, na kterém osnova jest navinutá. Вратило (Даль).
vreteno (wreteno), in fuso, spinl. 125^{b} 25. Miklosich: вретено n. ἄτρακτος fusus. Веретено.
vrše (wirse), gurgustium, gusturem. 137^{b} 30. (Въ печат. экз.: Gurgustium cellula modica vel domus pauperis). Výbor I.

(Alexandreis), ст. 1098, стр. 15 — 17: Když pastýř před vlkem srší, toho sě stádo rozprší, ten jest nehodný své vrši. Лачуга.

vrub (wrub), tessara, krinna. 341[c] 20. Jung.: pamětné dřevo, na němž se něco nařezuje. Кустокъ дерева, на которомъ дѣлались разныя замѣтки, нѣчто въ родѣ нашихъ памятныхъ книжекъ.

výr (virr), bubo. 218[c] 35. Филинъ.

vyza (wiza), echius, ypocus, huso. 87[b] 36.—Hanka Zb. стр. 64 (Rozkochaný 698: ezox wyzen). Бѣлуга.

vzchod (wzchod), burra, stiega. 37[b] 22, 23. Miklosich: въсходъ ἀνάβασις ascensus. Всходъ.

Z.

zajiec (zaiecc), lepus. 173[c] 50. — zajiec ušatý (zaiecc vssati). lepores auritos. 173[c] 51. Miklosich: заѩць m. λαγώς, lepus; оушакъ m. auritus. Заяцъ, заяцъ ухатый.

základ (zaklad), uadimonium, fidei uissio, sponsio. 359[a] 23. Miklosich: закладъ m. pignus. Закладъ, залогъ.

západka (zapadka), pessulum, sloz, 252[a] 4. Задвижка, завóрка.

zemský, см. ořěch.

zezhule (zezhule), cuculos aues a uoce propria nominantur. 49[b] 46. Кукушка.

zievati (zeuati), hippitare, oscitare, crebre hiare. 141[a] 31. Miklosich: зѣвнѫти oscitare. Зѣвать.

zrcadlo (zrcadlo), speculum, spiegel. 473[b] 47. Miklosich: зрьцало n. εἴσοπτρον speculum. Зеркало.

Ž.

žahadlo (sahadlo), cauterio, polz, ferro. 46[b] 12. Жегло, жегало (Даль).

želud (selud), glans. 434[a] 7. Miklosich: жєлѫдь βάλανος glans. Желудь.

žerátek (sseratek), cicendela, genus muscarum, quod in nocte

lucet, glimo. 412ᵃ 33. Hanka Zb. стр. 32 (Bohemarius 196: zerzatek nocticula), 68 (Rozkochaný 1012 тоже). (Miklosich: жєратъкъ ἀνθρακιά carbonum congeries). Свѣтлякъ.

žerav (serav), grues nomen de propria voce sumpserunt. 137ᵃ 41. Miklosich: жєравъ m. γέρανος grus. Нов. чеш. jeřáb. Журавль.

žerucha (sserucha), nasturicium vocatur sapor, quod accimonia sui nasum torquet. 214ᵃ 48. — (serucha), nasturcium, sardomon. 303ᵇ 17. Нов. чеш. řeřicha. Жеруха.

žitnice (sitnice), granarium kornhus. 136ᵃ 39. Miklosich: житьница ἀποθήκη horreum. Житница.

žlázy (slazi), glandulus, drůslut. 134ᵇ 12. Miklosich: жлѣза f. glandula. Желѣзà.

žlůtek (slutek), vitellum. 371ᵇ 21. Желтокъ.

Нижеслѣдующія глоссы, находящіяся въ «Älteste Denkmäler (1840)» между чешскими, считаемъ не чешскими:

duran, simia cum sauda. 319ᵃ 10 (въ текстѣ). У Конрада фонъ Мегенбергъ «Buch der Natur» (изд. Пфейферомъ въ Штуттгартѣ 1861), читаемъ на стр. 133, стр. 15 и сл.: «Duran ist ain tier grimme und scharpf und snel und gar starch». Это слово нѣмецкое, хотя тоже заимствованное.

fenikl (написано въ рукописи senikl), pentafilon. 247ᵃ 7. Вѣроятнѣе всего здѣсь нѣмецкая глосса «fenihil, fenchel, uenickil, uenikel» (см. «Graff, Alth. Sprachschatz» III. ст. 525).

gitìch, gula, gulosa (въ печатанномъ экземпл.: geitige. 137ᵃ 6.

irch, pellis fracta. 245ᶜ 8. Нѣмецкая глосса (см. «Graff, Alth. Spr.» I, ст. 461). Отъ этого произошло чешское «jircha» (срав. лат. hircus). Ирха, замша.

krusina, mastruga. 196ᵃ 38. Средневѣковое латинское слово: crusna, crosna, crusina, crosina; срав. чешское krzno, срав. нѣм. kursen, kürsen (eine Art Gewand aus Pelzwerk).

lampreda, murena. 211ᵇ 35. Средневѣковое латинское слово.

mirtil, mirtus. 205[b] 10. Нѣмецкая глосса: mirtil, mirtel, mirtal (см. Graff, «Alt. Spr.» II, ст. 856).

nu nu, eia, militum properantium clamor. 90[b] 49. Хотя это вообще можно принять и за чешскую глоссу, но на этомъ мѣстѣ въ M. V. нельзя.

ser, justicium, luctus publicus. 165[a] 19. Ср. нѣмецкая глосса: sêr, dolor, supplicium; гот. sair (см. Graff, «Alt. Spr.» VI, ст. 267—269.

taha, cetauca. 410[b] 12 (въ текстѣ). Нѣмецкая глосса (см. Graff, «Alth. Spr.» V, ст. 364.

vana, wannus. 359[c] 45. Нѣмецкая глосса (см. Graff, «Alt. Spr.» I, ст. 885).

zizala, culix. 65[b] 12 (въ текстѣ). Хотя въ чешскомъ языкѣ есть слово «žížala» (Miklosich: жоужелица f. insectum, жужель), но все таки въ этомъ мѣстѣ M. V. нельзя его считать чешскимъ.

zubar, renter. 289[a] 45. Нѣмецкая глосса: zubar, zuber, tina gerula, amphora (см. «Graff, Alt. Spr. III, ст. 149).

Глоссы: gitich, taha, nu nu, zizala и zabar находятся тоже въ печатномъ экземплярѣ, который, какъ мы уже упомянули, былъ напечатанъ въ Аугсбургѣ и содержитъ, при латинскомъ текстѣ, только нѣмецкія глоссы.

Господинъ Скворцовъ (въ своемъ сочиненіи «Глоссы Mater verborum» (Сп. 1853) на стр. 6) замѣтя, что по его мнѣнію Шафарикъ (въ Älteste Denkmäler pag. 231), нѣкоторыя слова несправедливо считаетъ иностранными и исключаетъ изъ своего списка, старается (стр. 7 — 9) доказать, что они чешскія. Такъ какъ г. Скворцовъ совершенно ошибается и напрасно упрекаетъ Шафарика въ несправедливости, то считаемъ нелишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этихъ глоссахъ. Вотъ они:

tessara coste. XL. 479[a] 51 (въ текстѣ). Уже возлѣ находящаяся цифра XL доказываетъ, что это греческое слово τεσσαράκοντα. И въ печатномъ экземплярѣ находится это слово.

gelca, succula. 331[a] 41 (въ текстѣ). Нѣмецкая глосса (см. Graff, Alt. Spr. 1838, стр. 198. Въ печатномъ экз.: succula galsza.

gellita, calicula. 39[b] 21 (въ текстѣ). Нѣмецкая глосса gelde, gelte, бочонокъ (и въ печ. экз.).

chlipa, riuola. 293[a] 2 (въ текстѣ). Нѣмецкая глосса klippe, въ печатномъ экз. clipa, а въ рукописи подъ словомъ clipa уже вновь приписано *h*.

leua, sinistra, sceua. 321[a] 43 (въ текстѣ). Изъ контекста совершенно ясно, что это латинское слово, какъ это доказываетъ и печатный экземпляръ.

ovin funam. 125[a] 41 (въ текстѣ). Нѣмецкая глосса ofen. Вмѣсто «funam» здѣсь нужно читать furnam, потому что это слово въ алфавитѣ находится подъ fur (въ рукописи пропущенъ знакъ сокращенія надъ *u* (ů). Это слово есть и въ печатномъ экземплярѣ.

sidala thorale. 341[c] 42 (въ текстѣ). Нѣмецкая глосса = Siedel. Въ печат. экз.: sidilla.

smirt, subridens. 475[c] 27. Неясная глосса, но нельзя никакъ предполагать, чтобы это было вмѣсто smich.

zarä, oriens. 383[c] 22 и 480[b] 24. Еврейское слово, какъ и видно изъ печатнаго экземпляра.

Вслѣдствіе того, что нѣкоторыя изъ глоссъ были частью вновь наведены чернилами, частью намочены, онѣ кажутся какъ бы вновь написанными; однако, присматриваясь внимательно къ почерку, коимъ онѣ писаны, и сравнивая ихъ съ настоящими глоссами древними, ихъ отнюдь нельзя причислить къ поддѣльнымъ. Глоссы эти именно слѣдующія: brod, čistec, jež, juh, kosa, krepelice, krzno, lelek, lichoplěsy, matky (257[c]), opasek, podvoj, prěsada (257[c]), proso, riteznĕ, slěd, sviňař, úhonĕ, veslo (469[b]), vrátce, výr.

Обозрѣвъ такимъ образомъ глоссы, мы приходимъ къ выводу, что глоссаторы, относительно лексикальнаго матеріала сообщаютъ намъ слова, по большей части изъ области естественныхъ наукъ, домашняго обихода и ручныхъ мастерствъ. Изъ ремеслъ

глоссатору, который приписывалъ глоссы мелкимъ письмомъ, наиболѣе было извѣстно тканіе; со словами, выражающими отвлеченныя понятія, встрѣчаемся чрезвычайно рѣдко, а по этому предполагаемъ, что наибольшая часть словъ записана со словъ простаго люда.

Б. Поддѣльныя и вновь вписанныя глоссы.

Хотя уже и съ точки зрѣнія филологической и миѳологической мы имѣемъ важныя причины сомнѣваться въ подлинности многихъ чешскихъ глоссъ въ M. V., но палеографическая сторона въ этомъ случаѣ для насъ имѣетъ рѣшающее значеніе. Правда, мы очень хорошо понимаемъ, какъ трудно рѣшать вопросъ о подлинности или неподлинности многихъ глоссъ съ палеографической только точки зрѣнія, но долголѣтнимъ изученіемъ рукописей можно достичь опредѣленныхъ результатовъ и при помощи одной палеографіи *). Глазъ, отъ постояннаго и продолжительнаго чтенія привыкшій къ древнему письму, сейчасъ же видитъ отступленіе отъ обыкновеннаго древняго письма при поддѣльныхъ и вновь вписанныхъ глоссахъ. Поддѣльныя глоссы большею частію сфабрикованы изъ латинскихъ словъ. При нихъ мы видимъ почистки, но обыкновенно небрежныя, такъ что при тщательномъ разсматриваніи этихъ глоссъ, сейчасъ же довольно явно можно видѣть оттѣнки и остатки подчищенныхъ буквъ. Чернила вновь вписанныхъ буквъ значительно разнятся отъ чернилъ оригинала и самыя буквы несоразмѣрны съ буквами оригинала. Почеркъ

*) Рукопись M. V. я внимательно просмотрѣлъ еще въ 1866 г. и выписалъ всѣ чешскія глоссы, и тогда уже убѣдился, что нѣкоторыя глоссы поддѣланы, а большинство вписано вновь, но не рѣшился опубликовать этого, опасаясь, какъ бы не пересолить въ своихъ сужденіяхъ. Результатъ своихъ изслѣдованій я сообщилъ тогда только нѣкоторымъ своимъ друзьямъ. Съ того времени занимаясь почти постоянно старочешскими и латинскими рукописями, теперь я могу уже опредѣленнѣе высказать свое мнѣніе о чешскихъ глоссахъ въ M. V. и пришелъ къ полному убѣжденію, что 11 лѣтъ тому назадъ я не ошибался.

вновь вписанныхъ глоссъ неодинаковъ, притомъ писецъ часто забывался, и мѣшалъ въ одной глоссѣ буквы по начертанію различныхъ періодовъ. Иногда рука фальсификатора какъ будто дрожала, по этому почеркъ часто неопредѣленный и неровный. Многія буквы часто ему не удавались, какъ напр.: *c*, *r* и *s* (*r* онъ писалъ съ какимъ-то хвостикомъ на верху, *p* съ горбомъ, а *c* ужь слишкомъ округлялъ. Чернила этихъ глоссъ разныя: то очень черныя, то опять разбавленны въ сильной дозѣ красной краскою. Многія глоссы вписаны какою-то смѣсью красокъ, которая, если посмотрѣть на нее со стороны, блеститъ и лежитъ на пергаменѣ густымъ и толстымъ слоемъ. Если же внимательно посмотрѣть на эти глоссы въ увеличительное стекло, то чернила ихъ или смѣсь, которою онѣ писаны, оказываются очень жидкими.

На многихъ мѣстахъ видны почистки и явно, что тамъ фальсификаторъ вписывалъ чешскія глоссы, но такъ какъ онѣ ему совершенно не удавались, то онъ ихъ выскабливалъ и писалъ опять подъ тѣми же словами, надъ которыми ему не удавалось сдѣлать эти глоссы, или же на другомъ, подходящемъ или неподходящемъ мѣстѣ. Для перваго случая беремъ въ примѣръ глоссу: mĕna (51[c]), для другого: chrámy (111[a]). Глоссы, находящіяся въ нашей рукописи подъ соотвѣтствующими имъ латинскими словами, всѣ до одной вновь вписаны. Если на тѣхъ страницахъ, гдѣ фальсификаторъ вписывалъ новыя глоссы, уже находились древнія чешскія или латинскія и нѣмецкія глоссы, то онъ эти слова отчасти или вполнѣ наводилъ своими чернилами или просто смачивалъ, чтобы его поддѣлки слишкомъ не разнились отъ настоящихъ древнихъ глоссъ. Такъ на пр. онъ поступилъ съ чешскими древними глоссами: blizkota, deska (210[a]), dirne, hreben kokotowi, hruda, iuh, craboska, kilavec (139[c]), krepelice, matki (257[c]), podvoý, prezada (257[c]) и vratce; съ латинскими на пр.: heretice (43[c]), fecitraga (109[c]), ceruum (237[c]), fingitur (304[b]) и т. д.; съ нѣмецкими farn (116[a]), melcvaz (210[a]), merisnekko (211[c]), suht (251[c]), drischil (352[a]); при словѣ slauen (297[b] въ текстѣ) вновь вписано *l* надъ словомъ и т. д. Отъ этого произошло то, что

нѣкоторыя глоссы, которыя можетъ быть древни, кажутся какъ бы вновь вписанными, потому что были наведены вполнѣ новыми чернилами. Изъ вновь вписанныхъ глоссъ латинскихъ и нѣмецкихъ приведемъ въ примѣръ слѣдующія: anseres (25ª), vinschafa (203ª), basa (344ᶜ), drischin (353ᶜ) и т. д. Многія вновь вписанныя глоссы вписаны неровно и частію переходятъ за линіи, между которыми находится текстъ, чего при древнихъ глоссахъ мы не встрѣчаемъ. На страницахъ, гдѣ находится нѣсколько древнихъ глоссъ, фальсификаторъ уже рѣдко отваживался вписывать свои глоссы, такъ на пр. на стр. 137, 139, 177, 178, 252 и т. д. Многія глоссы вписаны очень ловко, такъ что ихъ выдаютъ только чернила, но многія за то вписаны очень неискусно и неудачно. Вообще видно, что вновь вписанныя глоссы были вписываемы не въ одно время, но черезъ болѣе или менѣе продолжительные промежутки, можетъ быть, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, то съ большимъ, то съ меньшимъ искуствомъ и ловкостью. Поддѣльныя глоссы въ текстѣ, числомъ двѣнадцать, суть слѣдующія: blažu, cebole, dennice (26ᶜ 29), hosté, jun, němec, okurka, pastýř, plsť (116ᵇ 42), rak (40ᵇ 27), svantovit (20ª 1), srbi (303ᶜ 3), svěl (56ᶜ 40), váha (169ᶜ 23), varle, věnec (61ᵇ 26), vlchvice, živa (68ᶜ 28 и 83ª 32); между строчками поддѣлано только одно слово kramář. Мы приведемъ ихъ ниже въ алфавитномъ порядкѣ вмѣстѣ съ остальными вновь приписанными глоссами и при этомъ постараемся, по возможности, при помощи печатнаго экземпляра всегда указывать латинскія и отчасти нѣмецкія слова, изъ которыхъ сфабрикованы были чешскія. Фальсификаторъ глоссъ бралъ слова не только изъ чешскаго, но и изъ другихъ славянскихъ нарѣчій, если для того или другаго латинскаго слова ему казались несоотвѣтствующими слова въ древнемъ и въ новомъ чешскомъ языкѣ.

B.

báje (baie), mitos, fabulas a fando poete nominauerunt. 109ª 51 и 206ᵇ 8. Миѳъ.

bělboh (belboh), beel, baal, ydolum. 32^{a} 9 и 128^{c} 44. Бѣлбогъ.

bělmo (belmo), glauconia, albugo. 434^{a} 10. Бѣльмо.

běsy (bessi), demonibus. 188^{b} 10. Демонами.

bezeslavie (bezezlaue), ignominia. 147^{a} 31. Вѣроятно взято изъ русскаго. Безславіе.

bezsvětný (bezzuetni), temerarius. 338^{c} 41. Безразсудный.

biřuc (biruc), preco. 263^{b} 42. Бирючъ, глашатай.

bitec (bitec), gladiator, 108^{a} 44. Гладіаторъ, мечебитецъ.

blahodobie (blahodobe), eufemia. 99^{b} 38. Хорошее предзнаменованіе.

blahorodie (blahorode), eugenia, eugenies. 99^{c} 19 и 99^{c} 20. Благородіе.

blahoslovie (blahozloue), eulogium. 100^{a} 9. Благословеніе.

blahovolie (blahouole), eudochia. 99^{b} 13. Благоволеніе.

blahozvučie (blahozuuce), eufonia. 99^{b} 38. Благозвучіе.

blána (blana), membrana. 199^{c} 35. Плева.

blažu (blasu), beo . ⁝ . rechlo (въ печатномъ экземплярѣ: beo, beatum reddo). 31^{b} 41. Изъ «beatum» поддѣлано такимъ образомъ: изъ *e* сдѣлано *l*, изъ *t*—*s* и надъ *u* выскоблена поперечная черточка (знакъ сокращенія *m*). Ублажаю, прославляю.

blekotný (blecotni), loquax. 181^{c} 25. Болтливый.

blenie (blene), balatus, vox ovium. 29^{a} 7. Въ чешскомъ не употребляется. Блеяніе.

blědý (bledi), delirus, excors. 71^{c} 41 и 107^{c} 50. Въ этомъ значеніи не употребляется.—blědí (bledi), peligni, stulti. 245^{c} 38. Умалишенный.

blíženci (blisenci), gemini. 129^{b} 23. Близнецы.

bobr (bobr), fiber, biber. 115^{b} 32. Бобръ.

bodec (bodecc), clunabulum. 417^{c} 45. Остенъ.

bodr (bodr), promus, promptus. 271^{c} 48. Бодрый.

bóh (boh), Deus. 424^{c} 44. Богъ.

borec (borecc), agonista. 8^{c} 20. Въ чешскомъ не употребляется. Съ русскаго. Борецъ.

bóžě (bose), genium. 433[a] 31. Геній.

bracka (bracka), sistrum. 322[c] 8. Въ чешскомъ не употребляется.—(brahcka), singoz, tintinabulum. 346[b] 51. Брякушка, гремушка.

brada, см. kozie brada.

bratr rodný (bratr rodni), germanus frater. 132[b] 21. Братъ родной.

brav (brau), grex. 137[a] 20. Стадо.

brázda (brazda), sulcus. 331[b] 42. Борозда.

breskev (breskevv), persicum. 251[a] 12. Персикъ.

břězen (brezen), marcium mensem. 195[c] 44. Мартъ.

brieme (breme), onus. 230[c] 28. Бремя.

britva (britua), nouacula. 221[b] 11. Бритва.

broc (brohcs), rubea. 295[c] 29. Крапъ, растенье брускъ.

broň (bron), candidus (equus). 98[c] 21. Бѣлая, сивая лошадь.

brvy (birui), supercilia. 332[b] 37. Брови.

bydlitel (bidlitel), incola. 149[a] 48. Житель.

C.

cebole (cebolle), cepe (въ печатномъ экземплярѣ: cepe louh vocata). 48[c] 28. Уже на простой глазъ видно, что здѣсь выскоблено что-то и вмѣсто подлиннаго вписано неловко ceb, какъ это доказываетъ и цвѣтъ чернилъ. Лукъ.

cebulář (cebular), ceparius, ortulanus. 409[a] 3. Огородникъ разводящій или продающій лукъ.

cědu (cedu), excolo, purgo. 107[c] 46. Не употребляется. Чищу.

cena (cena), apretium, wert. 17[b] 2. Цѣна.

cepy (cepi), tribula, drischil. 352[a] 6. Цѣпы.

ceta (ceta), pecunia. 244[b] 24.—cety (ceti), nummi, nv (?) 223[a] 50. Деньги.

cketa, sketa (cketa), ineptus. 151[b] 17. 18. Трусъ.

cvyk (czuik, cwik), exercitatio. 108[c] 24 и 434[a] 4. Упражненіе.

Č.

čáp (chap), ibis. 145[c] 30. Аистъ.

čápě (chape), ardea auis. 19ª 17. Молодой аистъ.
čaroději (charodegi), magi. 188ᵇ 2. Чародѣи.
čas (csaz), tempus. 157ᵇ 51. Время.
čeleď (celed), familia. 428ᶜ 20. — vše čeleď (wse celed), omnis familia. 229ᶜ 19. Челядь, вся челядь.
čerep (cerep), ostra, testa. 235ª 20. Взято изъ русскаго. Черепъ.
čeridlo (ceridlo), hanula, parva delubra. 434ᶜ 51. Изъ словенскаго čuridlo, čeridlo.
čerpadlo (cerpadlo), antlia kurba. 15ᶜ 31. Черпало, ковшь.
čest' (cest), honor. 143ª 50. Честь.
četa (ceta), turma XXXᵗᵃ milites habet. 356ᶜ 17. Рота.
čieše (cese), pocula. 464ª 33. Чаша.
čieška (cesca), patella. 242ᵇ 7. Чашка.
čistá (cista), casta. 407ª 33. Чистая.
člověčstvie (chlouecstue), humanitas. 435ᶜ 43. Гуманность, человѣчность.
črnidlo (cirnidlo), attramentum, tinte. 24ᶜ 25. Чернило.
črnobýl (cirnobil), artemesia. 21ª 24. Чернобыльникъ.
črnoknižník (cirnoknisnik), nigromanticus. 215ᶜ 31. — črnoknižníci (cirnoknisnici), nigromantici. 188ᵇ 15 и 452ª 4. Чернокнижникъ.
črv (cirw), coccum grece, nos rubrum vel uermiculum dicimus. 418ᵇ 33. Червь.
ctěna (cstena), littera. 179ᵇ 23. Буква.
čupryny (chuprini), caprone, equorum jube in frontem deuexe. 406ᶜ 16. Холки (у лошадей).

D.

daň (dan), tributum. 352ᵇ 22. Дань, подать.
daněk (danek), tragelaphus. 350ᶜ 38. Лань.
ďas (das), genius. 130ª 16. Демонъ.
dásně (dasne), gingiue. 134ª 12. Дёсны.
dci, см. děvana.

dědina (dedina), allodium, territorium. 10[b] 44 и 340[c] 26. Родовое имѣніе, вотчина.

dehet (dehet), pix. 257[b] 46. Деготь.

děloha (deloha), matrix, lehir. 196[c] 5. Матка.

den (den), dies. 425[a] 31. День.

dennice (denice): Aurora est clarescentis dici initium et primus splendor denice, qui grece dicitur ethos (въ печатномъ экземплярѣ: ... splendor aeris, qui...). 26[c] 29. Изъ aeris поддѣлано denice такимъ образомъ: изъ *a* сдѣлано *d*, изъ *r*—*n*, а на мѣсто выскобленнаго, но все таки еще замѣтнаго, *s* написано *ce*. Утренняя звѣзда.

dennice (denice), aurora. 96[b] 29. Утренняя звѣзда,

desietníci (dezzetnici), decuriones. 426[a] 46. Десятники.

dětel (detel), pragma, causa. 262[b] 15. Въ чешскомъ не встрѣчается этого слова нигдѣ. Дѣтель, причина дѣйствующая.

děvana letničina i perunova dci (deuana letnicina ẏ perunoua dci), Diana, latone et iouis filia. 76[c] 5 (подъ текстомъ). Діана, Латоны и Перуна дочь.

děveř (deuer), leuir, mariti frater. 174[c] 18 и 443[a] 41. Деверь. Съ русскаго.

děvice (deuice), parthenos grece, virgo. 241[a] 40. Дѣвица.

děvosnub (devoznub). procax. 269[a] 9. Изъ польскаго: dziewosłąb. Въ чешскомъ нѣтъ такого слова. Сватъ.

diel (del), partem. 241[a] 36. Удѣлъ, часть.

diera (dera), cauerna. 45[c] 44. Дыра,

divizna (diuizna), verbascum. 363[c] 7. Коровякъ, вербишникъ (раст.).

dlaň (dlann), palma. 237[b] 47. Ладонь.

dlh (dilh), debitum. 68[c] 47. Долгъ.

dobytče (dobitce), pecus. 244[b] 50. Скотъ.

dobytek (dobitec), pecudes. 244[c] 3. Скотъ.

domněnie (domene), opiniones. 231[b] 16. Мнѣніе.

domovitý (domouiti), inquilinus, qui eundem colit focum. 440[b] 25. Съ русскаго. Домовитый.

drážní (drazni), incitat. 149^a 24. Дразнитъ.
drebne (drebne), riget, stat rigidus. 292^c 46. Въ чешскомъ не встрѣчается.
drkolie, drkole (dircole), fustis. 432^a 21. Палка, дубина.
drn (dirn), cespes, 134^b 28. Дёрнъ.
drob (drob), exta. 428^a 30. Дробь.
drsná (dirzzna), raucida, rauca. 283^c 2. Хриплый.
družec (drusehc), proximus, affinis. 273^c 44. Дружокъ, пріятель.
drzý (dirzi), audax. 25^a 41. Дерзкій, смѣлый.
dúbrava (dubraua), silva iouis quercum significat. 318^c 14. Дубрава.
duha (duha), iris, arcus celestis. 162^a 11 и 380^b 15. Радуга.
dúška (dusca), thimus, binsuga. 345^a 41. Душица.
dvétělec (duetelec), bicorpor, zvene licham̄. 34^c 9. Двутѣлый.
dvorenín (dworenin), aulicus, houelinc. 26^a 50. Дворянинъ.
dýbri, débri (dibri), valles. 359^b 26. Дебри.

H.

hace (hace), brace vel succinctoria. 250^a 15. Фартукъ, подштанники.
hacník (hacnik), lumbale, bracas modicas coxare. 183^c 13. Бандажистъ.
hadači (hadaci), sortilogi. 188^c 40. Гадатели.
hasapezdník (hazapezdnik), simplege sunt calige ex pellibus facte. 319^b 25. Полусапогъ.
hlad (hlad), fames. 111^a 15. Голодъ.
hlahol (hlahol), sonus. 375^a 43. Звукъ, глаголъ.
hlava (hlaua), nex, occisio. 451^c 24. Голова.
hlemýžď (hlemizd), murex. 211^c 10. Слизень, улитка.
hlezno (hlezno), talus, anchala. 337^c 6. Лодыга.
hluchý (hluchi), surdus. 333^a 20. Глухой.
hodina (hodina), hora. 143^b 21. Часъ.
hodiny (hodini), horologium. 143^b 48. Часы.

holemý (holemi), grandis, magnificus. 136ª 43. Великій, величественный.

holeni (holeni), tybie. 345ᵇ 23. Голени.

horčice (horcice), sinapis. 320ᵇ 30. Горчица.

hosté (hoste), hospitales... perduelles (въ печатномъ экземплярѣ: hospitales hostes perduelles). 435ᶜ 31. Поддѣльная глосса; первоначально было hostes, *s* выскоблено, но слѣды его еще видны. Гости.

hrab (hrab), carpenus, hagenbuche. 43ᶜ 13. Грабина.

hrábě (hrabe), rastros, lingones. 468ᶜ 42. Грабли.

hrabivý (hrabiui), rapax. 401ᶜ 35. Жадный, хищный.

hrád (hrad), grando. 136ᵇ 1, 218ᵇ 36 и 434ᵇ 18. Съ русскаго. Градъ.

hrad ostrožný (hrad oztrosni), arx, altum edificium. 400ᶜ 45. Въ чешскомъ не встрѣчается. Крѣпость.

hradby (hradbi), menia et munitiones. 200ᵇ 22 и 207ª 34. Стѣны, бастіоны.

hrále (hrale), lancea. 442ᵇ 33. Копье.

hranice (hranice), rogi, foci. 294ᵇ 29. Костеръ.

hranostaj (hranostay), mustela. 212ᶜ 2. Горностай.

hřěbí (hrebi), cleros grece, sors. 417ᵇ 7 и 417ᵇ 9. Жребій.

hřědy (hredi), trabes. 350ᵇ 47. Насѣстъ.

hřěz (hrez), lutum. 186ª 9. Miklosich: грѧзь, f. coenum, Не чешское слово, съ русскаго. Грязь.

hriesti (hresti), sepelire est condere corpus. 312ᶜ 32. Съ русскаго грести.

hrivna (hrivna), torques, ornamentum colli. 349ᶜ 40. Браслетъ, запястіе.

hrma (hirma), pubes. 276ª 20. Лобковая кость.

hrot (hrot), cacumen. 37ᶜ 31. Дротъ.

hróza (hroza), horror, pavor. 143ª 46. Ужасъ.

hrozný (hrozni), horrendus. 143ᵇ 30. Ужасный.

hrsť (hirst), manipulum. 193ª 47. Горсть.

hruška (hrusca), pirus. 257ª 50. Груша.

húba (huba), fungus, svam. 124[c] 11. Грибъ.
hubený (hubeni), miser. 205[b] 44. Худой.
hudba (hudba), musica. 212[b] 40. Музыка.
hudci (hudci), musici. 212[b] 40. Музыканты.
húně (hune), gaunaca, causapa, tislach. 128[a] 23. Толстое покрывало.
hurva (hurua), meretrix. 202[a] 12. Курва.
hus (huzz), anser, ganzo. 15[b] 20. Гусь.
húsenice (huzzenice), eruca, grasewrm. 102[a] 48. Гусеница.
húsle (huzle), fides. 116[a] 6. Скрипка.
hýriti (hiriti), delinquere. 424[b] 33. Гулять, распутничать.

Ch.

chlast (chlast), conubii expers, celebs. 408[a] 27. Miklosich: хластъ caelebs. Не чешское слово. Холостой.
chlěb (chleb), panis. 238[a] 44. Хлѣбъ.
chlípa (chlipa), Salacia, dea paganorum quasi maritima. 300[c] 40.
chrabrosť (chrabrost), fortitudo mentis. 120[b] 12. Храбрость.
chrámy (chrami), fana, templa. 111[a] 48, 339[a] 48 и 428[c] 33. Храмы.
chrbet (chirbet), dorsum. 425[b] 40. Хребетъ.
chriepě (chrepe), nares. 214[a] 26, 27. Ноздри.
chrtán (chirtan), fauces. 113[a] 24. Гортань.
chvála (chuala), laus. 171[b] 38. Хвала.
chvorý (chuori), inbecillis. 438[c] 23. Съ русскаго. Хворый.
chvosty (chvosti), caude. 407[b] 42. Хвосты.
chyše (chise), casa. 407[a] 14. Хижина.

I.

i, см. děvana.
iho (iho), iugum seruitutis. 164[b] 22. Иго.
ihra (ihra), ludus. 183[b] 3. Игра.
ihrišče (ihrisce), gimnasium. 133[c] 28. Игрище.
imě (ime), nomen. 219[a] 22. Имя.

izok (izok), Majum mensem. 190ᶜ 33. — (ýzok), Siban, maius. 316ᵇ 37. Май мѣсяцъ.

J.

jablo (iablo), malum. 191ᶜ 43. Яблоко.

jahoda (iahoda), fragmen. 121ᵇ 8. Ягода. — jahody (iahodi), genas, ea pars vultus, que inter auriculus et malus est. 129ᵇ 40. Щеки.

jalovec (ialouecc), iuniperus. 164ᵇ 51. Можжевельникъ.

jáma (iama), fouea. 121ᵃ 22. Яма.

jarobud (iarobud), Demetrius. 76ᵃ 49.

jarý (iari), uehemens. 114ᶜ 14. Ярый.

jasni, см. jeseň.

javor (iauor), acer. 3ᵃ 7. Яворъ: кленъ.

ječmý (iecmi), hordeum. 143ᵇ 24. Ячмень.

jed (ied), uenenum. 361ᶜ 37. Ядъ.

jehlice (iehlice), tremulus, contortus micans. 351ᶜ 21. Иголка.

jelen (ielen), ceruus. 409ᶜ 46. Олень.

jesen (iezzen), fraxinus, asch. 121ᶜ 14. Ясень.

jeseň, jasni (ýassni, ýesen), Isis lingua egiptiorum terra dicitur. 162ᵇ 2.

jesetr (iezzetr), accipenser, genus piscis. 3ᵇ 27. Осетръ.

ješčer (iescer, ýescer), lacertus, ydra, draco. 168ᶜ 14, 380ᵃ 47 и 442ᵃ 26. Ящерица.

ješut (iezzut), inania. 148ᵇ 18. Пустое.

ješutný (ýesutni), vanus. 359ᶜ 40. Пустой.

jezero (iezero), lacus. 169ᵃ 18. Озеро.

jinie (gine), pruina. 274ᵃ 40. Иней.

jircha (gýrcha), aluta, loskhut. 11ᵃ 15. Ирха, оторочка (Даль).

jun (iun), puber... (въ печатномъ экз.: puber iunger). 466ᶜ 35. Видно, что первоначально было «iunger», но *g* и знакъ сокращенія надъ *g* «*er*» выскоблено, слѣды чего еще остались. Возмужалый.

junoše (iunose), adolescens. 387ᵃ 22. Юноша.

jutro (iutro), iuger est quantum par boum potest in die arare. 164^{b} 3. Десятина.

K.

kadere (cadere), crines. 63^{b} 33. Кудри.
kamy (cami), lapis. 169^{c} 45. Камень.
karnáček (carnacek), sindonem greci et latini vocant amictorium leneum femiuarum, quo humeri operiuntur, idem et anale. 320^{c} 11.
kečice (kecsice), cesaries. 410^{a} 24. Полосы длинныя впереди.
kep (kepp), uulua. 433^{c} 9.
klešče (clesce), forceps, zanga. 118^{c} 11. Клѣщи.
kleveta (cleueta), kalumpnia. 165^{c} 20. Сплетни.
kluka, kliuka (cluca), aduncus, hako. 6^{b} 6. — (cluca), vncus, curuus. 373^{b} 19. Крюкъ.
kněz (cnez), princeps. 267^{c} 3. Князь.—kněži (cnezi), principes. 86^{a} 29. Князья.
kniha (cniha), liber. 175^{c} 17. Книга.
knihari (cnihari), librarii. 175^{b} 14. Писцы.
knižný (knisni), scitus. 308^{b} 38. Изъ русскаго принято; въ чешскомъ нѣтъ этого слова. Книжный.
koberec (coberehc), mantilia. 193^{b} 23. — (coberec), tapetum, tebich. 337^{b}45. Коверъ.
koláč (colach), numera, dona. 211^{a} 4. Калачь.
koleno (coleno), genu. 131^{b} 43. Колѣно.
kolesa (colezza), uehiculum, currus. 361^{a} 19. Коляска.
komoň (comon), equus. 426^{c} 48. Конь.
komonničí, см. starosta.
komonníku (komonniku), equiti. 426^{c} 40. Всадникъ.
koň (kon), equus. 426^{c} 48. Конь.
konec (conec), finis. 430^{b} 28. Конецъ.
kony (coni), cantarus, ubi aqua mittitur. 406^{b} 27. Конобъ, коновка.
kopie (cope), lancea. 169^{b} 32. Копье.

kopriva (copriua), cliben. i. urfica. 417^{b} 34. Крапива.
koráb (corab), liburnus, maior navis. 176^{b} 28. Корабль.
korábník (corabnik), faber naualis. 109^{a} 9. Корабельникъ.
korec (corehc), modius. 207^{a} 14. Корецъ (Даль).
korisť (corist), opima, spolia, preda. 231^{a} 47 и 263^{c} 7. Корысть.
kory (cori), radix. 468^{c} 30. Корень.
kotel (cotel), cacabus, tympanum. 37^{c} 15 и 346^{b} 9. Котелъ.
koty (coti), anchora, senkíl. 373^{b} 20. Якорь, котва.
kov (covv), metallum. 203^{a} 10. Металлъ.
kozie brada (cozebrada), sterillum, boccis bart. 328^{c} 35. Козья бородка.
koslec (cozlec), tragos. 351^{a} 19. Козелъ.
krahuji (crahugi), accipitres. 3^{b} 29. Ястребы.
kramář (kramar), institor, negotiator uel mercator. 157^{a} 29. Поддѣлано изъ kramer, вмѣсто выскобленнаго *e* написано *a*. Лавочникъ, торгашь.
kramola (cramola), seditio est dissentio ciuium. 356^{a} 12. Послѣ слова kramola находится еще *ta*, или это начало новаго недописаннаго слова, или это мѣстоимѣніе?! Крамола.
krastavosť (crastauost), ruditas, novitas. 470^{a} 26. Шероховатость.
krčma (kircma), copona, taberna. 422^{a} 6. Корчма.
krčmář (kircmar), kaupo. 167^{b} 51. Корчмарь.
krěha (creha), fictile, fragilitas carnis. 430^{a} 35. Дряхлость.
krídlatec (cridlatec), pegasus, equus neptuni. 245^{a} 23. Крылатый конь.
krín (crin), lilium. 177^{b} 14. Кринъ, лилія.
kroky (croki), sparum est rusticum telum in modum pedis recuruum. 325^{c} 24. Кроквы (Даль).
krtóv vnuk, см. radihosť.
kruh (cruh), circulus, gyrus. 414^{a} 42. Кругъ.
kruši (crussi), fragmenta. 121^{a} 51. Крушья, ломти (Даль).
krušina (crusina), ramnus est genus rubi. 282^{b} 51. Собственно

средневѣковое латинское слово, но фальсификаторъ считалъ его чешскимъ. Кожухъ.

kružidla (crusidla), circines. 413^c 51. Циркули.

kry (cri), sanguis. 301^b 48. Кровь.

krzno (kirzno), clamis, pallium. 416^b 28. Кожухъ.

kúdel (cudel), stuppa canabi. 330^a 2. Кудель.

kuchař (cuchar), cocum. 418^b 47. Поваръ.

kúkol (cucol), lolium, zizania. 181^b 17. Куколь, плевелъ.

kupecstvie (cupecstue), mercatus. 201^b 48. Торговля.

kúpiti (cupiti), emere. 94^a 4. Купить.

kurie noha (curenoha), gallicrus, hanvoz. 127^a 24. Курья нога.

kuropěnie (curopene), gallicinium, galli cantus. 127^a 17 и 432^b 38. пѣніе пѣтуховъ.

kuroptva (curoptua), perdix. 248^a 43. Куропатка.

kúzni (kuzni), machinas, cogitationes malas. 187^b 6. Съ русскаго. Козни.

kvap (quap), pluma. 463^c 20. Пухъ, пушокъ.

květen (queten), florilia, tempus florum. 431^a 18. Май мѣсяцъ.

kyčle (kicle), femora, diech. 114^a 10. Бедра.

kývač (kiwacz), secundus (digitus) salutaris. 79^a 17. Указательный палецъ.

L.

lada (lada), uenus, dea libidinis, cytherea. 363^b 14 и 423^c 5. Лада.

lada (lada), rura, veteres incultos agros dicebant. 296^c 23. Поля.

ladný (ladni), nitens, serenum. 218^b 8. Ладный, хорошій.

láhvice (lahuice), lagena, vas vinarium. 169^a 31. Бутылка.

lajno (laino), cacca, stercus. 37^c 15. Пометъ.

led (led), glacies. 218^b 36. Ледъ.

leden (leden), ianuarius. 436^b 8. Январь.

ledvina (leduina), ren. 289^a 23. Почки.

lěk (lekk), medicina. 197^c 51. Лѣкарство.

lěkař (lecar), medicus. 198^c 2. Врачь.

lěkarstvie (lecarstue), medicina est sciencia curationum. 197ᶜ 49. Врачебное искусство.
lektánie (lectane), titillatio. 347ᵃ 30. Щекотаніе.
lemeš (lemes), dentale est aratri prima pars, vomer. 73ᵇ 39 и 374ᶜ 19. Лемешь, сошникъ (Даль).
leň (len), ignavia, pigricia, inercia. 146ᶜ 7 и 151ᵇ 29. Лѣнь.
lepce (lepce), sorbit. 473ᵃ 51. Лакаетъ.
lěpota (lepota), pulcritudo. 277ᵃ 22. Красота, лѣпота.
letnice (letnice), latone. 171ᵃ 10.
letničina, см. děvana.
lětopisec (letopizzec), historiographus. 142ᵃ 31. Лѣтописецъ.
lětorosl (letorozl), ramale, uirga. 282ᵇ 25. Вѣтвь.
licemĕrníci (licemernici), simulatores, ypocrite. 382ᵇ 15. Лицемѣры.
lichoplěsy (lichoplezi), syrene. 336ᵃ 17. Сирены.
lichota (lichota), malignitas. 191ᵇ 25. Коварство.
lichotný (lichotni), maliciosus. 191ᵇ 37 и 191ᵇ 39. Коварный.
lichý (lichi), malignus. 191ᵇ 30. Лихой, злой.
lis (lizz), torcular. 349ᵇ 38. Прессъ.
liesky (lezki), auellane, haselnuzze. 25ᵇ 5. Лѣсной орѣхъ.
liubí (lubi), amat. 407ᵃ 9. Любитъ.
liuby (lubi), dilectio. 79ᵇ 24. Любовь.
liutice (lutice), furia, dea infernalis. 125ᵃ 19 и 125ᵃ 35.—(lutice), Eumenides. 96ᵇ 44 и 427ᶜ 7.
liutý (luti), ferox. 114ᶜ 14. Лютый.
loket (loket), ulna. 372ᵇ 40. Локоть.
lom (lom), lapicedia. 169ᶜ 33. Каменоломня.
lóno (lono), sinus. 321ᶜ 14. Лоно.
lopata (lopata), pala, scufela. 236ᵃ 43. Лопата.
lovec (lovehc), venator. 361ᶜ 2. Ловецъ, охотникъ.
lože (lose), thalamum. 342ᵃ 38. Ложе.
ložesný (losezni), clinicus 417ᵇ 49. Нѣтъ въ чешскомъ. Въ постели лежащій, больной.
ložnice (losnice), cubiculum. 65ᵃ 4. Спальня.

luh (luh), lucus. 183ª 12.—luhy (luhi), lucos, nemora. 182ᵇ 45. Лугъ, луга.

luk (Lvc), serpillus, herba. 314ᶜ 27. (Краснымъ черниломъ написано). Лукъ.

lukavá (lukaua), falsa sub prodicione. 110ᶜ 34. Съ русскаго. Лукавая.

lúpež (lupes), rapina. 283ª 1. Грабежъ.

lúpežník (lupesnik), pirata. 108ª 43. Разбойникъ, грабитель.

lúže (luse), lacuna, collectio aquarum. 169ª 13. Лужа.

lýko (lico), liber est corticis pars interior, dictus a liberato cortice. 175ᶜ 13. Лыко.

lyžice (lisice), coclear. 418ª 50. Лжица.

lživý (lsiui), mendax. 200ᵇ 3. Лживый.

M.

macecha (macecha), nouerca. 221ᵇ 24. Мачиха.

majčenie (maicene), priapismus est pudendorum extensio. 267ª 49. Не чешское слово.

malek (malekk), quintus (digitus) auricularis. 79ª 23. Мизинецъ.

malí (mali), minuit. 204ᶜ 42. Уменьшаетъ.

máta (mata), menta, 201ª 50. Мята.

matera (matera), matrona. 196ᶜ 22. Мать, пожилая, почтенная женщина.

matuřeju (matureiu), senescunt. 311ᵇ 41. Нѣтъ въ чешскомъ. Старѣютъ.

mazanec (Mazanehc), placenta. 257ᶜ 12. (Краснымъ черниломъ написано). Калачь.

meč (mech), gladius. 134ᵇ 1. Мечъ.—ostrie meče, см. ostrie.

med (med), mel. 199ᵇ 38. Медъ.

měd̆ (med), aes. 389ᶜ 48. Мѣдь.

medovina (medouina), mulsum a melle dictum. 210ᵇ 2. Медовина.

medvědice (medvedice), ursa. 376ª 9. Медвѣдица.

mech (meh), muscus. 212ª 27. Мохъ.

měna (mena), concambium, wehsel. 51^c 35. (Написано подъ текстомъ). Мѣна.
měřu (meru), metior. 203^a 28. Мѣрю.
měsiec (mezzec), mensis. 200^c 12. Мѣсяцъ.
mest (mest), mustum. 212^c 12. Мєстъ.
meze (meze), mese, media. 202^b 18. Межа.—(meze), fines. 430^b 23. Межи.
mezinec (mezinehc), quartus (digitus) anularis. 79^a 20. Безъименный палецъ.
mhla (mhla), nebula. 215^b 19. Мгла.
mieč (mech), pila, rotunditas. 255^c 17. Мячь.
milosrdie (milozzirde), misericordia. 205^c 23. Милосердіе.
miera (mera), mensura. 201^a 30. Мѣра.
mlat (mlat), malleus. 191^b 20. Молотъ.
mléčnice (mlecnice), lacteus circulus. 168^c 43. Млечный путь.
mléko (mleco), lac. 168^b 25. Молоко.
mlň (miln), fulgur. 123^b 34. Молнія.
mol (mol) tinea. 346^b 34. Моль.
mor (mor, morr), pestis. 251^c 16 и 251^c 46. Моръ.
morana (morana), Ecate, triuia vel uocticula, Proserpina. 87^a 49 и 138^c 17. Прозерпина.
more (more), mare, pontus. 194^a 2. Море.—rudé more (rude more), rubrum mare. 195^a 3. Красное море.
morúsi (moruzzi), pilosi a grecis panites, a latinis incubi vocantur. 149^c 43 и 256^a 11. Мары, кикиморы (Даль).
mosazny (mozazni), de auricalco, von messinge. 68^c 35. Изъ жолтой мѣди.
motýl (motil) papilio. 458^b 42. Мотыль.
mozh (mozh), medulla. 199^a 16. Мозгъ. — v mozzě (w mozze), in cerebro. 227^c 47. Въ мозгу.
mračice (mracice), rubus, genus ligni spinosi. 296^a 18. Въ чешскомъ нѣтъ въ другомъ мѣстѣ этого слова. Морошка.
mrchy (mirchi), cadauera. 405^c 12. Трупы.
mršciny (mirscini), rugas, collectiones vestimenti in unum. 296^a

45. Въ другомъ мѣстѣ не встрѣчаемъ нигдѣ этого слова. Съ русскаго. Морщины.

mrtvé (mirtue), sc. môre, mortuum (mare). 195^{a} 14. Мертвое (море).

múdrosť (mudrost), sapiencia. 302^{a} 16. Мудрость.

murín (murin), maurus, mor. 197^{a} 45. Въ чешскомъ только «múřenin». Съ русскаго. Муринъ.

mysl (mizl), mens. 200^{b} 50. Мысль.

myšky (miski), musculi, capita nervorum. 212^{a} 17. Мышки.

mýtař (mitar), thelonearius. 343^{b} 39. Мытарь, таможенный чиновникъ.

mýto (mito), thelinium. 343^{b} 37. Мыто.

mžik (msikk), momentum. 207^{c} 24. Мгновеніе.

N.

nadělíboh (nadeliboh), auitarium. 402^{b} 14. Дари Богъ.

nadobná (nadobna), eleganti forma et corpore pulcra. 277^{a} 30. Красивая.

nadut (nadut), inflatus. 152^{c} 5. Надутъ.

nach (nach), purpura. 278^{b} 38. Пурпуръ, червлень.

náchodem (nachodem), incessu, gressu. 148^{c} 50. Находомъ, нашествіемъ.

nález (nalez), senatus consultus. 220^{c} 17. Рѣшеніе.

nápasť (napast), erumpna. 102^{b} 23. Напасть.

nápor (napor), pulsus. 277^{b} 41. Напоръ.

nástroj (nastroi), instrumentum. 157^{a} 50. Орудіе.

navazač (nauazach), haruspex. 138^{a} 46. Гадатель по внутренностямъ животныхъ.—navazači (nauazaci), aruspices. 106^{c} 23 и 188^{b} 46. Гадатели.

nebe (nebe), ether, himil. 103^{a} 37. Небо.

nebožec (nebosec), misellus, miser. 205^{c} 36. Бѣдняга.

nečestie (neceste), improbitas. 155^{c} 3. Въ чешскомъ не встрѣчается. Нечестіе.

něha (neha), teneritas. 479ª 24. Нѣга (не встрѣчается въ чешскомъ).

nehoda (nehoda), intemperies. 157ᵇ 43. Невзгода, непогода.

něhovati (nehovati), mulcere, molire. 210ª 24. Нѣжить (въ чешскомъ нѣтъ въ другомъ мѣстѣ этого слова).

nejesyt (neiezzit), pelicanus. 245ᶜ 18. Съ русскаго. Неясыть.

němec (nemec), barbarus, tardus, truculentus... immitis (въ печатномъ экземплярѣ: barbarus... truculentus, atrox, immitis). 30ª 51. Поддѣлано изъ atrox: изъ *at* сдѣлано *n*, изъ *r* — *e*, изъ *ox* — *me*, а *c* вновь приписано, и все остальное, что мѣшало, выскоблено. Самая неудачная поддѣлка. Нѣмецъ.

nemluvně (nemluune), infans. 151ᶜ 24. Ребенокъ.

neposeda (nepozeda), turbidus. 356ᵇ 14. Безпокойный, непосѣда.

nestyda (nestida), tercius (digitus) impudicus. 79ª 19. Средній палецъ. Безстыдникъ.

neti (neti), filiola. 116ᵇ 1. Племянница.

netopýri (netopiri). vespertiliones, ydolorum cultores. 365ᶜ 22. Нетопыри.

neučený (neuceni), indoctus. 151ª 9. Неученый.

nevhodie (neuhode), indignatio. 150ᶜ 49. Невзгодье, негодованіе.

nevod (neuod), sagena. 300ᵇ 14. Неводъ.

nit̃ (nit), fila. 116ª 36. Нить.

niva (niua), locus arua. 181ª 31. Нива. — nivy (niui), nouales agri. 221ª 51. Нивы.

noha, см. kurie noha.

nora (nora), specus, 473ᶜ 2. Въ чешскомъ нигдѣ не встрѣчаемъ этого слова. Съ русскаго. Нора.

novinka (nouinca), nouella, nouiter plantata. 221ᵇ 19. Новина, новь.

nozdry (nozdri), nares. 214ª 26, 27. Ноздри.

nravy (nraui), mores. 209ª 37 и 209ª 39. Нравы.

núze (nuze), inopia. 154^c 26. Нужда.
nyšpule (nizpule), mespila. 202^b 32. Кизиль.

O.

obec (obecc), rem publicam. 288^c 36. Община. — (obec), conpascuus ager. 421^b 16. Общинная запашка.
obedraný (obedrani), lacer, lacertus. 168^c 3. Ободранный.
obět (obet), sacrificium. 299^a 10. Жертва.
obezrěniem (obezrenem), obtutu. 453^c 30. Обозрѣніемъ.
obih (obih), abundantia. 384^c 50. Обиліе.
oboz (oboz), castrenses res. 44^b 44. Нѣтъ въ чешскомъ этого слова. Обозъ.
obraz (obraz), idolum. 146^a 15. Образъ. — obrazy (obrazi), nummi, nv (?). 223^a 50. Монеты.
obrědi (obredi), cerimonia. 409^b 16. Обряды.
obruč (obruch), armilla rotunda, bovg. 20^b 27. Обручь.
obušie (obuse), auricule. 44^a 12. Обушіе.
obuzce (obuzce), calumpniator, rapula falsi criminis. 39^c 32. Клеветникъ.
odr (odr), pulpitum, lectum. 466^c 44. Въ этомъ смыслѣ не встрѣчаемъ этого слова нигдѣ. Одръ.
ohar (ohar), fuscum nigrum, aquilum. 125^b 14. Въ чешскомъ нѣтъ этого слова. Вѣроятно съ русскаго. Огаръ, смуглый.
ohniščenín (ohniscenin), libertus, cui post servicium accedit libertas. 176^a 2. Не чешское слово. Огнищанинъ.
okap (ocapp), compluvium, trooph. 54^a 18. Капель.
okop (ocop), uallum, dicitur ipsa munitio. 359^b 47. Окопъ.
okrasy (ocrazi), ornamenta. 456^b 38. Украшенія.
okurka (ocurka), cucumer... h⁹ cucumeris (въ печатномъ экземплярѣ: cucumis et cucumer dicitur hujus cucumeris ut vomis et vomer). 65. Поддѣльная глосса изъ cucumis (?) dicitur: *d* (частью) и *tur* выскоблено. Огурецъ.
olij (olij), oleum. 229^c 23. Масло.
olše (olse), alnus, erlin. 10^b 42. Ольха.

opálka (opalca), capisterium, multer. 41[c] 17. Вѣяло, вѣяльное рѣшето.

opasek (opazek), marsupium, sacculum peccunie. 195[b] 43. Поясъ, кушакъ.

opec, opice (opec, opice), simia. 319[a] 9 и 319[a] 23. «Opec» не употребляется въ чешскомъ. Обезъяна.

oplečie (oplece), armillas ex auro. 400[b] 12. Оплечіе.

opoka (opoca), saxa. 471[c] 21. Опока.

ořěchy (orechi), nuces. 222[b] 10. Орѣхи.

osěnie (ozene), segetes, sata. 303[c] 22. Посѣвъ.

oslopy (ozlopi), vectes dicti, quod manibus uectentur. 360[c] 31. Въ чешскомъ не встрѣчаемъ этого слова, вѣроятно съ русскаго. Ослопъ, ослопина.

osť (ozt), mucro, ferrum. 209[c] 38. Остріе.

ostrabi (oztrabi), restauravit. 291[b] 33. Ободрилъ, возстановилъ.

ostrice, ustrice (ostrice), ostrea. 235[a] 38. Устрица.

ostrie meče (oztre mece), mucro ensis. 209[c] 43. Остріе меча.

ostropest (ostropezd), carduus. 42[c] 23. Остропёстръ.

ostrov (ostrow), insula. 157[b] 11. Островъ.

ostrožný, см. hrad.

osud (osud, ozud), fatum. 113[a] 2 и 113[a] 5. Судьба.

osudie (ozude), lebetas, urnas aureas. 171[c] 25.—(ozude), urna, sepulchrum. 375[c] 45. Сосудъ, урна.

osudný (osudni), fatifer, letifer. 112[c] 31. Роковой.

osvěta (ozueta), claritas. 416[c] 8. Просвѣщеніе.

osy (ozi), vespas, animal exigiuum uolatile. 365[b] 44. Осы.

oščepy (oscepi), jacula, missilia tela. 145[b] 9 и 236[a] 48. Копья.

oškrditi (ozkirditi), pastinare, colere, plantare. 242[a] 25. Обкапывать.

otne, см. riť.

otravú (otrauu), veneno. 361[c] 24. Отравою.

ovady (ouadi), abbanos, cynomia. 22[c] 49. Оводы.

ovce (ouce), ovis. 235[b] 50. Овца.

ovčin (oucin), caule, ouile ouium. 407[c] 9. Овчарня.

oves (ouez), auena. 25[a] 50. Овесъ.
ožeh (oseh), tiburgna, ovincrucc. 345[c] 4. Ожегъ, кочерга.
oženky (osenki), primicie, frugum inicia. 267[b] 31. — (osenki), cerealia arma, instrumenta pistoria vel frumentalia. 409[a] 28. Ожинки.

P.

palec (palecc), pollex primus. 79[a] 15. Палецъ большой.
paličníci (palicsnici), lictores dicuntur, quod fasces uirgarum ligatos ferunt. 443[b] 14. Ликторы.
paměť, см. riť.
paprať (paprat), filicem. 116[a] 51. Папоротникъ.
parize (parize), parizomata, vestis antiquissima hominum fuit. 240[c] 34. Въ чешскомъ не встрѣчается. Платье.
pásek (pazzec), cestus. 410[b] 4. Поясокъ.
pastorek (pastorek), filiaster, stifsun. 116[a] 50. — (pastorek), priuignus. 268[b] 6. Пасынокъ.
pastýř (pastýr), hulcus... (въ печатномъ экземплярѣ: hulcus, pastor). 143[c] 50. Сдѣлано изъ pastor и именно: *o* выскоблено и вновь вписано *ý*.
pav (pavv), pauo. 243[c] 32. Павлинъ.
paz (paz), iunctura tabularum. 441[a] 51. Съ русскаго. Пазъ.
pazderie (pazdere), acus palce. 385[c] 29. Шелуха льна.
pažiť (pasit), cespis. 181[c] 32. Пажить, пажа.
pečera (pecera), antrum, specum. 16[a] 48. Не чешское слово. Съ русскаго. Пещера.
pekař (pecar), pistorem. 418[b] 47. Пекарь.
peklo (peclo), infernus, tartarus. 152[b] 4. Адъ.
pelest (pelest), varius (equus). 98[c] 26. Не чешское слово. Пелесый. — pelestý (pelesti), discolor, mutabilis. 360[a] 14. Пелесый, пестрый.
pelyn (pelin), absinthium, wermuthe. 2[a] 38. Полынь.
peň (pen), truncus. 354[c] 49. Пень, стволъ.
pěnie (pene), modulatio. 207[a] 24. Пѣніе.

peniez (penez), denarius. 73[b] 3. Монета.
pěnkava (pencaua, penkaua), fringellus, fringilla, vinco. 122[b] 27 и 431[c] 15, 16. Зяблпкъ.
perina (perina), plumatium, vederbette. 463[c] 17. Перина.
perla (perla), margarita. 195[a] 36. Жемчужина.
péro (pero), penna. 246[b] 3. Перо.
perun (perun), iupiter. 441[b] 43. Перунъ.
perunova (perunoua), iouis sororem. 441[b] 24. Перунова.—perunova, см. děvana.
pěsň (pesn), melos, dulcis cantilene cantus. 199[c] 18. Пѣснь.
pěšci (pesci), pedites in ludis circensibus. 244[c] 37. Пѣшцы.
pěšina (pesina), trames. 351[a] 46. Тропинка.
pěvci (peuci), lirici, poete dicti. 179[a] 46. Поэты, пѣвцы.
píce (pice), pabulum. 235[c] 51. Пища, кормъ.
píciník (picnik), pabulator. 235[c] 49. Фуражиръ.
pěsť (pest), pugnus. 237[b] 49 и 277[a] 2. Кулакъ.
pij, см. pyj.
pijavice (piyauice), sanguisuga. 301[c] 33. Піявица.
píščel (piscel), psalterion, sambucum grece, latine organum. 275[b] 16. Пищаль.
pivo (piuo), cereuisia. 409[c] 30. Пиво.
pivoně (piuone), peonia. 247[b] 43. Піонія.
pláč (plach), fletus, lactime. 431[a] 10. Плачь.
pláče sě (place se), flet. 289[c] 51. Плачетъ.
plakati sě (placati se), flere. 117[c] 46. Плакать.
plamenník (plamennik), flammiger. 117[c] 13. Въ чешскомъ не встрѣчается это слово. Пламенникъ.
plasy (plazi), tenie, infule. 340[b] 29. Не чешское слово. Полосы, ленты.
plášček (plascek), pretexta. 266[c] 28. Плащь.
plavý (plaui), flauus. 431[a] 5. Темножелтый, плавый.
plaz (plaz), reptile, serpens. 289[c] 46. Пресмыкающееся животное.

plecníci (plecnici), renones sunt uelamina humerum et pectoris. 289ª 33. Въ чешскомъ не встрѣчается это слово.

plěn (plen), exspolia, exuuie. 106ª 36 и 107ª 37. Добыча.

plěník (plenik), manceps. 445ª 47. Не встрѣчается въ чешскомъ. Плѣнникъ.

pletu (pletu), flecto, vlichto. 117ᶜ 31. Плету.

plěsánie (plesane), ovatio, minor triumphus. 235ᵇ 42. Овація, торжество.

plnolunie (pilnolune), quarta plena figura lune. 184ᶜ 27. Полнолуніе.

plot (plot), sepes. 312ᶜ 40. Заборъ.

plsť (pilzt), centon... (въ печатномъ экземплярѣ: filz). 48ᵇ 39. Поддѣльная глосса изъ vilz: изъ *v* сдѣлано *p* и приписано *t* надъ *z*.—(pilst), filtrum, vilz. 116ᵇ 42. Войлокъ, полсть.

plúh (pluh), aratrum. 18ª 24. Плугъ.

plzný (pilzni), frugalis. 431ᶜ 26. Полезный, пользу приносящій.

počitári (pocitari), mathematici. 188ᶜ 26. Счеты ведущіе, математики.

podlomek (podlomek), gemursa sub minimo digito pedis tuberculum. 433ᵇ 4. Трещина.

pódplamenice (podplamenice), colirida, subcinericius panis. 419ᶜ 25. Хлѣбная лепёшка.

podražec (podrasec), titimallum. 347ª 47. Молочай, кирказанъ.

podvaly (poduali), bases. 30ᶜ 26. Подножія, подвалья.

podvazky (poduazki), fasceoli. 112ª 30. Подвязки.

podvod (poduod), impostura, fraus. 148ª 41. Обманъ.

pohoda (pohoda), sudum, serenum. 333ª 50 и 476ª 36. Ясная, хорошая погода.

poklad (poclad), erarium, gazophilatium. 100ᶜ 50 и 128ᵇ 9. Кладъ.

poluču (polucsu), nanciscor, adipiscor. 213ᶜ 10. Съ русскаго. Получу.

pomeč (pomech), pedica, qua pedes ligantur. 245ª 6. Птицеловная сѣть, тайникъ.

pomezie (pomeze), confinium, gereine. 55[c] 38. Граница.
pomiluj (pomilui), miserere. 205[b] 49. Помилуй.
ponebie (ponebe), palatus, gumo. 236[c] 13. Поднёбье.
porvata (poruata), proserpina. 463[c] 33 и 466[c] 26. Прозерпина.
posah (pozah), dotalicium. 85[b] 18. Съ польскаго «posag». Приданое.
poselnice (posselnice), pedissequa, ancilla. 244[c] 49. — (pozzelnice), serua. 315[a] 26. Служанка (на посылкахъ).
poskočníci (pozkocnici), saltatores. 142[a] 43. — (poscocnici), salisatores. 188[c] 45. Въ чешскомъ не употреблялось и не употребляется. Плясуны.
postať (postat), positura. 261[b] 14. Станъ.
postrížiny (postrisini), tonsure. 348[a] 36. Постриженіе, постриги.
pótka (potka), pugna, certamen. 276[c] 31 и 409[b] 49. Сраженіе.
potopa (potopa), diluvium. 79[b] 40. Потопъ.
potupa (potupa), cauillum, cauillatio. 407[c] 8. Позо́ръ, презрѣніе.
pověsť (pouest), fama. 111[a] 1 и 428[c] 7. Молва.
prach (prach), pulvis. 277[c] 29. Прахъ.
prak (prak), funda. 124[b] 1. Праща.
přáslo (prazlo), sepes. 312[c] 40. Прясло.
praščeď (prasced), progenies. 270[c] 26. — (prasced), propago, soboles. 271[a] 48. Потомство, поколѣніе.
praši (prasi), allopicia, grint. 10[c] 2. Короста, кора.
pravda (prauda), fas, lex diuina est. 112[a] 25. Правда.
pravice (prauice), dextra manus. 75[c] 48. Десница.
pravidlo (prauidlo), examussis, rigestap. 107[a] 47. — (prauidlo), norma, thema. 219[c] 9 и 343[b] 46. Правило.
právo (prauo], jus. 112[a] 25. Право.
pravoslavný (prauozlauni), orthodoxus. 233[c] 2. Православный.
pražma (prasma), primicie de mele et frumento. 267[b] 36. Пряжмо.
pře (pre), lis, rixa. 179[b] 7. Споръ, тяжба, пря.
prěměna (premena), metonomia. 203[a] 35. Метонимія.
prěnos (prenozz, prenoz), metaphora. 202[c] 27 и 203[a] 4. Метафора.

prepelice (prepelice), coturnix. 422[b] 5. Въ чешскомъ нѣтъ, а есть křepelice, křepelka. Перепелъ.
prěpěvec (prepeuehc), precentor, qui uocem premittit. 263[a] 23. Запѣвало.
prětvora (pretvora), vinschafa, metamorphosis. 203[a] 12. Превращеніе.
príje (priye), affrodis grece, latine uenus. 8[a] 20, 101[c] 25 и 362 14. Венера.
príjemné (priyemne), amenum. 394[a] 22. Пріятное.
připíjeti (pripiyeti), libare. 175[a] 37. Подъ текстомъ. Пить за кого нибудь.
přislovie (prizloue), proverbia. 273[b] 43. (p̓zloue), adagia. 385[c] 44. Пословицы.
priešera (presera), portentum est, quod subito apparet et aliquid pretendit. 466[a] 20. Чудище.
prišlec (prislec), extraneus, ab alia terra. 428[a] 34. Пришлецъ.
prietel (prietel), fabisor, fautor. 109[a] 17 и 113[a] 43. Пріятель.
priuzný (priuzni), cognatus, agnatus. 391[a] 35 и 419[a] 21. Родственный, родной.
prieval (preual), procella. 269[a] 21. Ливень.
prok (proc), residuus. 290[c] 11. Подъ текстомъ. Нѣтъ въ чешскомъ этого слова. Прочій.
prorok (p̓rok), propheta. 272[b] 24. Пророкъ.
prsteny (pirsteni), sigilla. 318[a] 8. Перстни.
pruhy (pruhi), stigmata ignea, uulnerum signa. 478[a] 8. Рубцы.
prvenec (piruenehc), primogenitus. 267[b] 43. Первенецъ.
prvospie (piruozpe), conticinium. 58[c] 9. Первый сонъ.
prýze (prize), imbrex, ziegal. 147[c] 6. Черепица.
psanec (pzanehc), pulsus, exul. 277[b] 38. Изгнанникъ.
ptakopravce (ptacoprawce), augur. 402[a] 40. — (ptacoprauci), augures. 188[c] 2.—(ptacoprauce), augures. 234[b] 45. Аугуры.
ptence (ptence), pullos, filios auium. 277[a] 32. Птенцы.
pudí (pudi), repudiat. 289[c] 46. Гонитъ.
puchýř (puchir), pus, sanies. 278[c] 10. Нарывъ.

púšč (pusc), desertum. 74^b 18. Пустыня.
púta (puta), compedes. 421^a 6. Оковы, путы.
pyj (pÿ), penes. 246^b 49. Мужскій членъ.
pýr (pir), fauilla est cibus ignis. 113^a 42. Горячая зола.

R.

radihosť vnuk krtóv (radihost wnukk kirtow), mercurius a mercibus est dictus. 447^a 45.
ráj (raÿ), paradisus. 239^a 47 и 458^c 27. Рай.
rak (rac), cancer... forceps (въ печатномъ экземплярѣ: Cancer, naca, forceps). 40^b 27. Поддѣльная глосса изъ naca: изъ *n* сдѣлано *r*, *a* же выскоблено. Ракъ.
raky (raki), tumbe, sepulchra. 355^c 27. Въ чешскомъ нѣтъ. Раки, гробы.
ranúšek (ranusec), manius, pronomen dictum ab eo, quod mane quis initio natus sit. 445^b 36. Раннее дитя, недоносокъ.
řasno (razno), fimbrium. 116^b 46. Бахрома.
řasy (razzi), cilia sunt tegmina oculorum. 412^c 6. Рѣсницы.
řebri (rebri), scale. 305^a 15. Лѣстница.
řěčník (recnikk), retor, orator. 291^c 47. Ораторъ.
řěšeto (reseto), cribrum. 63^c 2. Рѣшето.
riť: v riti otnie paměť (writi otne pamet), pubes, virilia (но относится къ древней глоссѣ: tlaky). 275^c 47. Г. Вртятко старался объяснить это мѣсто въ Sitzungberichte d. k. böhm. Gess. d. W. 1861. II, p. 78.
riza (riza), uestis, peplum. 366^b 25. Риза.
robenec (robenec), puer. 276^b 35. Мальчикъ.
rodná, см. sestra.
rodný, см. братъ.
roháč (rohach), mergus. 202^a 22. Гагара.
roj (roÿ), examen, zvarem. 107^b 3. Рой.
rovy (roui), cloace. 417^c 41. Рвы.
rozhlásí (rozhlassi), increbrescit, fama frequentas. 149^c 25. Разгласитъ.

rozhranie (rozhrane), triuium. 353c 31. Распутіе.
rozkol (roscol), scisma, divisio. 308a 3. Расколъ.
roskoš (rozcos), libido. 176a 28. Удовольствіе.
rozščěp (roscep), scisma, divisio. 308a 3. Расколъ.
rty (rti), labia. 168a 15. Губы.
ručitel (rucitel), satisdator, fideiussor. burgo. 116a 4. Поручитель.
rudé more, см. more.
řujen (ruien), october mensis. 227b 34 и 454a 20. Октябрь мѣсяцъ.
rukojeť (rucoiet), manubrium, hilza. 193b 47 и 445c 27. Рукоятка.
rúno (runo), vellus. 361b 32. Руно.
ryd (rid), singultus, suspiriis uiscerum pulsus. 321a 31. Нѣтъ въ чешскомъ. Рыданіе.
ryh (rih), singultus, ex stomacho fil vel ex frigido bibendo. 321a 35. Рыганіе.
řyk (rik), rugitus ferarum. 296a 50. Ревъ, рыкъ, рычаніе.
rýn (rin), renus fluuius. 289b 11. Рейнъ.
rysk (risc), cursus equestris. 66b 39. Съ русскаго. Рыскъ.
ržáti (rsati), hinnire, stridere. 141a 28. Ржать.

S.

sádra (zadra), gipsum. 134a 18. Гипсъ.
salaše (salase), mappulia, casa pastoralis, gurgustium. 193c 24 и 437c 7. Лачуга, шалашь.
samec, см. straka.
samice, см. straka.
saň (san), hydris, serpens, draco. 144a 30 и 437a 51. — (san), cerberum pagani aiunt infernorum canem tria capita habentem. 409c 22. — sani (sani), tiphones, dracones. 345c 15. Драконъ.
sekyra (zekira), asciola. 401a 8. Топоръ.
sen (zen), sopor. 473a 47. Сонъ.

sesti (zesti), soror. 473[b] 8. Нѣтъ въ чешскомъ такого слова. Сестра.
sestra rodná (zeztra rodna), germana. 132[b] 24.
sík (sik), ficus. 115[c] 13. Въ чешскомъ только фикъ, по этому вѣроятно ошибочно написано *s* вмѣсто *f*. Смоковница.
sikolec (zicolecc), pedo, baculum est curuum. 245[a] 20. Пастушій посохъ.
sirotci (zirotci), orphani. 233[a] 14. Сироты.
sieti (zeti), recia. 257[c] 16. Сѣти.
siv (ziu), glaucus. 134[b] 19. Сивый.—sivé (ziue), glauci (oculi). 134[b] 22. Сивыя (очи).
skládánie (scladane), poema. 464[b] 22. Стихотвореніе.
skop (scop), spado, eunuchus, castratus. 325[c] 23. Въ этомъ смыслѣ не употребляется. Съ русскаго. Скопецъ.
skora (scora), birsa, corium, cutis. 37[c] 3.—(zcora), pellis. 245[c] 45. Въ чешскомъ не употребляется. Скора.
skoták (scotac), bubulcus. 36[c] 49. Скотникъ, пастухъ.
skoty (scoti), iumenta. 164[b] 34. Скоты.
skranec (zcranehc) sertum, corona. 315[a] 15. Въ чешскомъ не употребляется. Вѣнецъ.
skraně (scrane), tympera, loca uicina oculis, circumtimpora. 346[b] 20 и 415[b] 24. Скраніи.
skravaď (scrauad), sarthago. 471[b] 44. Въ чешскомъ не употребляется. Сковорода.
skrehet (screhet), stridor. 329[c] 6. Въ чешскомъ обыкновенно skřehot. Скрежетъ.
skret (scret), demon. 72[c] 38. Домашній божокъ, Домовой. — skreti (scretti), dii penates, dii domestici. 79[a] 49.—(screti), penates intimi et secretales. 170[a] 32 и 246[b] 23. Домовые.
skríně (scrine), cistella, scrinium. 415[c] 29 и 471[c] 39. Шкапъ.
skruši (scrusi), conquassauit, confregit. 54[a] 48. Сокрушилъ.
skrýše (scrise), latebra. 170[c] 8. Скрытое мѣсто, убѣжище.
skula (scula), rima, crepido, scissura. 470[a] 10. Щель, скважина.
skvrna (skwirna), macula. 187[b] 47. Пятно.

slavnosť (zlaunost), sollempnitas. 324^{a} 10. Торжество.
slěp (slep), cecus. 408^{a} 3. Слѣпъ.
slon (zlon), elephas. 92^{b} 5. Слонъ.
slonovina (zlonouina), ebur. 87^{a} 45. Слоновая кость.
slonový (zlonoui), eburneum. 87^{a} 21. Изъ слоновой кости.
slovanská země, см. země
slověnín (zlouenin), Wandalus, Wint. 378^{a} 42. — slověné (zlowene), auarie, winede;. wandali iuxta wandalicum amnem, qui ab extremis gallie erumpit, inhabitasse et extraxisse nomen perhibentur. 25^{a} 17 и 359^{c} 24. Славянинъ.
sluha (zluha), minister, famulus. 204^{c} 8. Слуга.
sluch (zluch), famella. 428^{c} 18. Слухъ.
sluka (zluka), fiscedulla, snepho. 115^{b} 48. Куликъ, бекасъ.
slzy (zilzi), lacrimas. 168^{c} 39. Слезы.
smutná (zmutna), tragedia. 350^{c} 48. Трагедія.
snahú (znahu), conatu, conamine. 218^{b} 7. Усиліемъ.
snacha (snacha), pronuba. 272^{a} 30. Въ чешскомъ не употребляется. Сваха.
sněm (znem), conuentus. 421^{c} 37. Сеймъ.
snieh (sneh), nix. 218^{b} 35. Снѣгъ.
sotu (zotu), pulsum, percusionem. 277^{c} 2. Ударъ.
sova (zoua), strix. 329^{c} 23. Сова.
spolek (zpolek), consortium, gnozschaph. 57^{a} 28. Общество.
sponka (sponca), monile, ornatus mulierum. 448^{b} 18. Запонка.
srače (srace), tunica, uestis antiquissima. 356^{a} 35. Въ чешскомъ нѣтъ такого слова. Сорочка.
sráči (srassi), iuges, auspicium est, cum uinctum iumentum stercus fecit. 441^{a} 41. Испражняющійся.
sram (zram), verecundia, pudor. 364^{a} 21. Съ русскаго. Срамъ.
srbi (zirbi), Sarabaite, proprie currentes vel sibi uiuentes. 302^{b} 31.—(Sirbi). 303^{c} 3. Въ печатномъ экземплярѣ: Sarmentum a serendo dictum id est quasi sirimentum. Хорошо видно, что эта глосса «Sirbi» сдѣлана изъ «Sarmentum»: *a* частью выскоблено, а чтобы между *S* и *a* не оставалось пробѣла,

нижняя часть *S* утолщена, изъ *m* сдѣлано *bi*, при чемъ, разумѣется, нельзя было обойтись безъ почистокъ и онѣ видны, *en* выскоблено, а *tū* оставлено, такъ какъ фальсификаторъ избѣгалъ пробѣловъ, которые бы могли возбудить подозрѣніе читателя. Изъ «dictum» сдѣлано dicti и изъ sirimentum sirbntm.—(zirbi), Sarmathe populi. 471ª 40. Сербы.

srocenie (srocene), factio, conjuratio. 110ª 29. Заговоръ, бунтъ.

srp (zirp), falx, seca, segensa. 110ᶜ 51. Серпъ.

stáda (stada), greges. 434ᵇ 40. Стада.

stan (stan), tentorium. 340ᵇ 34. Палатка.

starosta (ztarosta), prefectus. 264ᵇ 39. Староста. — starosta komonničí (ztarosta comonnichi), prefectus equitum. 264ª 45. Komonničí въ чешскомъ не употребляется. Префектъ кавалерійскій.

stěhu (stehu), figo, stecho. 116ª 26 и 430ᵇ 8. Стегаю.

stěnice, šcenice (scennice), cymex, wantlus. 67ª 18. Клопъ.

stezky (stezki), tramites. 351ª 50. Тропинки. Въ чешскомъ не употребляется.

sti (sti), faui dicti sunt a favendo. 429ª 31. Соты.

stoh (stoh), nubilar, scoph. 452ᵇ 47. Стогъ.

stolec (stolecc), sedes, solium. 311ª 33. Стулъ.

stonožka (stonoska), centupeda, genus animalis. 408ᶜ 32. Стоножка, стоногъ.

stračec sytivratóv syn (ztracec sitiuratovv zin), picus saturni filius. 253ᵇ 11.

straka samec, -ce (ztraka zamec, ce), picus. 253ᵇ 16. Сорока.

strana (strana), tractus, plaga. 350ᶜ 20. Страна.

strázň (strazn), passio. 241ᶜ 40. Страданіе.

strěček (strecek), oestus, animal armorum aculeis permolestum. 228ᵇ 34. Оводъ.

strědozemie (stredozeme), meditullium dicitur non medium terre, sed procul a mari. 446ᶜ 13. Средиземное.

strěla (strela), sagitta. 300ᵇ 26. Стрѣла. — strěl že vrženie

(strel se virsene), radiorum autem ictus. 227^c 26. Стрѣлъ же бросаніе.

strnutie (stirnute), spasmos, tenores. 325^c 26. Остолбленіе, изумленіе.

strojce (stroice), instructor, auctor. 157^a 47. Зачинщикъ.

struha (struha), incilla, fossa. 438^c 42. Ровъ.

struna (struna), fida, chorda in cythara. 430^a 38. Струна.

strýna (strina), tya, amita, basa, soror matris. 344^c 10 и 357^b 19. Стрыня.

stúpa (stupa), tasinarium, stamph. 338^a 42. Ступа.

stvor, skvor (zcuor), osiros rex fuit egipho et interpretatur pauper. 456^c 4. Тварь (?).

súdce (zudce), pretor. 266^c 45. Судья.

sudlice (zudlice), quiris, spizstange. 467^c 25. Острый колъ, копье, сулица.

súdnice (zudnice), pretorium. 266^c 49. Судилище.

súpeř (zuper), adversans. 6^a 27. Противникъ.

súvrať (zuvrat), limen siue margis. 351^a 46. Поворотъ плуга.

svatovit (suatouýtt), Ares bellum... (въ печатномъ экземплярѣ: Ares bellum nuncupatur). 20^a 1. Поддѣльная глосса изъ nuncupatur: то, что мѣшало, выскоблено, изъ nun сдѣлано suat, а изъ cupatur—ouýtt. — (suatouit, zuatouit), Mavors, mavortem poete dicunt martem. 197^a 24 и 446^b 2. Святовитъ, Марсъ.

svekry (zvecri), socrus et socer ita distinguuntur, socerum virum dicimus, socrum feminam. 323^b 6.—(suecri), socrus, socra. 472^c 46. Свекровь, теща.

svěsť (zwezt), glos, uiri soror. 434^a 16. Свояченица.

svět (suet), mundus. 210^c 10. Міръ.

svět (suet), consilium...t consulit (въ печатномъ экземплярѣ: Consilium querit, consulit). 56^c 40. Поддѣльная глосса изъ querit: *q* частью выскоблено и сдѣлано изъ него *s*, изъ *r*—*t*, *i* выскоблено и *t* осталось. — (swet), consilium. 421^b 32. Совѣтъ.

svĕtice (suetice), numenide, dee, sancte. 223[a] 38. Святыя.

svĕtlonoše (zuetlonose), lucifer. 96[b] 29, 30.—(suetlonose), lucifer, iubar. 182[b] 11. Люциферъ. Утренняя звѣзда.

svĕtluše (zuetluse), lucina, dea. 76[c] 10. — (suetluse), lucina. 182[b] 27. Луцина.

svoba (zuoba), feronia, dea paganorum. 429[c] 34. Феронія.

svor (zuor), zodiacus, circulus. 383[a] 44. Въ чешскомъ не встрѣчается въ этомъ значеніи. Зодіакъ.

svory (zuori), poplites, genuum flexura. 258[c] 43. Подколѣнки.

syn, см. stračec.

sytivrat (sýtiwrat), Saturnum pagani illum esse aiunt, qui primus ab olimpo uenit, arma iouis fugiens. 304[b] 4. Въ чешскомъ нигдѣ не встрѣчается. Сатурнъ.

sytivratóv syn, см. stračec.

Š.

šamrha (samirha), trocheus, genus rote ad lusum. 354[b] 7. Кубарь.

ščedně (scedne), parce, honeste, moderate. 240[a] 41. Въ чешскомъ нѣтъ такого слова. Вѣроятно съ польскаго: szczędno. Бережливо.

ščepari (scepari), insitores, pelcer, qui inserunt arbores. 156[c] 25. Прививальщики.

ščerk (scerk), glarea, lapilli parui harene maris mixti vel gleba, scrupo. 434[a] 7 и 471[c] 47. Крупный песокъ, хрящъ.

ščevel (sceuel), rumex, ruf. 470[a] 31. Щавель.

ščirý (sciri), sincerus. 320[b] 44. Искренній.

ščít (scit), scetra, scutum. 306[c] 22. Щитъ.

šelma (selma), pestis. 460[a] 29. Моръ, чума.

šemránie (semrane), crepitus. 63[a] 21. Шумъ.

šetek (setekk), genius, stedegot. 433[b] 13. Домовой.

špína (zpina), squalor, sordes. 154[a] 12. Грязь.

T.

tažе (tase), ducit, trahit. 86[a] 17. Тянетъ, тащитъ.
têmě (teme), sinciput. 320[b] 50. Темя.
teneta (teneta), plage proprie dicuntur funes illi, quibus tenduntur recia circa ymam et summam partem. 257[c] 14. Охотничьи тенета.
teplice (teplice), therme, calida loca .i. balnea, thermarium. 340[c] 40 и 344[b] 19. Теплицы.
tesť (test), socer est, qui filiam dedit. 323[b] 5. Тесть.
těsto (testo), basa, teik, massa. 30[c] 15. Тѣсто.
tešč (tesc), uacua. 359[a] 7. Въ чешскомъ не встрѣчается. Тощій.
tětîvy (tetiuí), nerui. 217[b] 16 и 451[b] 32. Тетивы.
těšké (teske), graue. 434[b] 30. Тяжкое.
tieže (tese), moles, aceruus. 207[b] 10. Тяжесть.
tis (tiss), taxus, uenenosa arbor. 338[b] 9. Тисъ.
tká sě (tcase), pervagatur, peragrat. 251[b] 27. Тчется.
tma (tma), falanx, multitudo militum. 110[b] 13. Тма.
tocenice (tocenice), vitta. 371[c] 45. Повязка.
topeš (topess), topsus, topstein. 349[b] 23. Въ чешскомъ не встрѣчается. Туфъ.
trěba (treba), sacrificium est uictima, et quecunque in ara concremantur, seu proponuntur. 299[a] 3. Въ чешскомъ не встрѣчается. Треба, жертва.
trěnovci (trenouci), molares dentes. 207[a] 46. Въ чешскомъ не употребляется. Коренные зубы.
trénožka (trenoska), tripodes. 353[a] 46. Треногъ.
trepice (trepice), cramula, hahala. 62[c] 31. Въ чешскомъ не употребляется. Трепалка.
tretačka (tretacka), trideus h. e. tertiana febris. 353[c] 6. Трехдневная лихорадка.
trézubec (trezubec), tridens. 352[c] 15. Трезубецъ.
trh (tirh), forum, forum publicum. 120[c] 27 и 431[b] 41. Базаръ, торговая площадь.

tríhlav (trihlavv), triceps, qui habet capita tria capree. 352[b] 40. Треглавый.
trn (tirn), ramnus, spinarum genus. 282[b] 45. Тернъ.
trnie (tirne), spine. 326[b] 7. Терніе.
tryzna (trizna), inferie, placatio inferorum, sacrificia. 152[a] 4 и 439[b] 20. Тризна.
túha (tuha), tedium est angor mentis. 338[b] 29. Туга.
tur (tur), taurus, ur, uris, bubalus. 338[a] 48 и 375[c] 42. Туръ.
tvoridlo (tuoridlo), formula, lecst. 119[c] 46. Сырная форма.
tvrd (tvird), firmamentum, celum. 116[c] 16 и 116[c] 19. Въ чешскомъ не употребляется. Твердь.
týn (tin), sepem, munimentum. 312[c] 37. Тынъ, плетень.

U.

učený (vceni), doctus. 308[b] 38. Ученый.
udatstvo (udatstuo), fortitudo, virtus. 120[b] 7. Удальство.
údy (vdi), artus. 430[a] 7. Члены.
udice (vdice), hamus. 138[a] 17. Удочка.
uhry (vhri), pornigo, vicium porcorum, gulla. 259[b] 24. Угри.
úkol (vcoll), thesis, positio. 344[b] 50. Задача.
ukrutník (vcrutnik, ukrutnik), grassator, latro. 136[b] 18 и 136[b] 20. Неистовый, жестокій человѣкъ.
uloženie (vlosene), depositum. 73[c] 45. Уложеніе, сохраненіе.
úmluva (vmluua), fedus est pax. 113[c] 22 и 429[b] 3. Соглашеніе, договоръ.
umývadlo (vmiuadlo), scifus, in quo manus lavamus. 307[a] 38. Умывальникъ.
únor (vnor), februarius mensis. 113[b] 25 и 429[a] 34. Февраль мѣсяцъ.
úp (vp), gemitus, ululatus. 129[b] 39. Стонъ, плачевный крикъ.
úplavice (vplauice), proluuies uentris. 362[a] 51. Чревное теченіе.
úředník (vrednik), municeps dictus, eo quod munia capiat. 211[a] 25. Чиновникъ.

usnie (vzne), corius ab antiquis masculino genere dicebatur. 422ᵃ 22. Усма, обработанная кожа.

úsvit (usuit), diluculum. 79ᶜ 12. Разсвѣтъ.

útroba (vtroba), precordia sunt loca cordi vicina. 263ᵇ 48 и 466ᵇ 3. Сердце.

úval (vuall), conualis. 421ᶜ 32. Долина.

úvrať (vwrat), versura, anevvante. 365ᵃ 15. Поворотъ плуга.

uzel (vzel), nodus, nexus. 218ᵃ 43. Узелъ.

užasne (usasne), obstupescit. 226ᵃ 26. Ужаснетъ.

úžesť (vsest), angor. 395ᵇ 51. Ужасъ.

V.

v, см. v mozzě, v riti.

vadí sě (uadise), litigat. 180ᵇ 39. Бранится.

váha (waha), lanx, statera. 169ᶜ 23. Поддѣльная глосса изъ waga: *g* частью выскоблено и вписано *h*, при чемъ нужно замѣтить, что *h* соединено здѣсь съ слѣдующей буквой сверху, чего не могло бы быть, если бы это *h* не было поддѣлано. Вѣсы.

vánie (vane), flatus, winde. 117ᵇ 18. Вѣяніе.

varle (varlle), ventriculus. 362ᶜ 7. Поддѣльная глосса изъ «varbe»; хорошо видно, какъ изъ *b* сдѣланы два *ll*.

vatra (vatra), fulmen, dictum a fuluore flame. 123ᶜ 4 и 431ᶜ 46. Съ сербскаго. Въ чешскомъ нѣтъ такого слова. Молнія, огонь.

vaz (vaz), ulmus. 372ᵇ 36 и 372ᵇ 39. Вязъ.

vded (wded), upupa. 375ᵇ 41. Въ чешскомъ нѣтъ. Удодъ.

vdruží sě (wdrusi ze), inserit se. 156ᵇ 31. Вмѣшается.

věc (vehc), res. 290ᵇ 25. Вещь.

věce (vecse), locus conuentui, forum. 120ᶜ 27. Вече.

vědênie (vedene), sciencia. 307ᵃ 7. Свѣдѣніе.

věhlas (vehlass, vehlaz), prudencia. 254ᵇ 3 и 274ᵃ 3. Мудрость.

věhlasný (vehlazni), prudens. 273ᶜ 49. Мудрый.

vějieř (veyer), uentilabrum. 362ᵃ 24. Вѣеръ.

věk (wek), aetas. 390[a] 35. Вѣкъ.
velblúd (velbblud), camelis cam nomen dedit. 406[a] 42. Верблюдъ.
veles (veless), pan, ymago hircina. 237[c] 20 и 238[a] 17. Велесъ.
věnec (wenec), corona... m[9] (въ печатномъ экземплярѣ: coronámus velamus). 61[b] 26. Поддѣльная глосса изъ «coronam[9] uelam[9]»: corona осталось, изъ *m*[9] сдѣлано *w*, *e* же приписано, и изъ *la*, которое частью выскоблено, сдѣлано *c*, *m*[9] осталось и только перечеркнуто. — (venec), dyadema, sertum, corona. 76[b] 17 и 315[a] 15. Вѣнецъ.
věno (veno), dos. 85[b] 18. Вѣно, приданое.
věreje (vereie), janue, ualue. 436[a] 39. Вереи.
ves (vez), vicus. 367[c] 36. Село.
veslář (vezlar), remex dictus, quod remum gerit. 288[c] 3. Гребецъ.
veslo (vezlo), remus, rudir. 288[c] 46. Весло.
vesmír (vezmir), mundus est universitas omnis, que constat in celo et in terra. 210[c] 4. Весь міръ.
vesna (vezna), ver. 339[c] 22.—(vezzna), ver. 363[b] 34. Весна.
věščby (vescbi), uaticinia, poetarum carmina. 360[b] 32. Предсказанія.
věštec (vestec), vates, propheta diuinus. 360[b] 26. Пророкъ, знахарь.
věty (veti), ramis, frondentibus. 282[b] 37. Вѣтви.
věže (vese), turres. 356[c] 38. Башни.
vítěz (vitez), heros, fortis, victor. 140[a] 8 и 367[b] 45. Витязь.
vlchvice (vilchvice), sagapeta (въ печатномъ экземплярѣ: sagapeta vilcfulla). 300[b] 7, 8. Поддѣльная глосса изъ «vilcfulla»: vilc осталось и изъ fulla (vulla) сдѣлано hvice. Волшебница.
vlk (wilk), lupus. 185[b] 33. Волкъ.
vlkodlak (vilcodlac), faunus, pici filius. 113[b] 6. — vlkodlaci (vilkodlaci, vlicodlaci), pilosi, qui grece panites, latine incubi appellantur. 149[c] 47 и 256[a] 18. Оборотень.

vlna (uilna), lana. 169^{b} 25. Шерсть.
vloha (wloha), indolis. 151^{a} 14. Способность, талантъ.
vnuk (vnuk), nepos. 217^{a} 6. Внукъ.—vnuk krtóv, см. radihosť.
vodovod (vodo uod), aqueductus. 66^{b} 40. Водоводъ, водопроводъ.
vojevoda (voieuoda), dux. 267^{c} 9. Воевода. — vojevody (voieuodi), duces. 86^{a} 29. Воеводы.
vól vraný (wrani vol), furuum bouem. 432^{a} 19, 20. Волъ вороной.
vozataj (vozatay), aureax, auriga. 402^{b} 28. Извощикъ.
vrah (wrah), diabolus. 76^{b} 3. Врагъ.
vran (wran), coruus. 61^{c} 43. Воронъ.
vran (wran), mauron (equus), niger. 98^{c} 36. Вороная лошадь.
vraný vól, см. vól.
vrece (wrece), cilicium est uestimentum ex pilis caprarum confectum. 412^{c} 35. Платье изъ козьей шерсти.
vrchy (virchi), kacumina, uertices. 165^{b} 28. Верхи, вершины.
vršiti (virsiti), triturare, conculcare, drischin. 353^{c} 25. Молотить, но въ этомъ значеніи никогда въ чешскомъ его не встрѣчаемъ.
vrv (virvv), resticula, restis. 291^{b} 28. Не чешское слово. Веревка.
vrženie, см. strěl.
vsě čeleď, см. čeleď.
vstavač (wstauach), satyrion, natervorz. 304^{c} 33. Кукушкины слезы.
všedně (wsedne), indies. 150^{c} 19. Ежедневно.
výboj (viboi), excussio). 108^{a} 49. Нападеніе.
výbojník (viboinik), excussor, sicarius, 108^{a} 44. Грабитель.
výkal (vical), spermen, semen. 326^{a} 43. — výkalem (vicalem), spermate, semine, 473^{c} 6. Сѣмя.
výr (wir), bubo. 36^{c} 39.—(vir), bubo. 329^{c} 26. Филинъ.
výti (uiti), gannire. 127^{b} 46. Выть.
vzkriešenie (wzcresene), resurrectio. 291^{b} 46. Воскресеніе.
vzpěši (vzpesi), triptes, species, demonum a uerbo tripo .i. ludo, quia deludunt dormientes. 353^{b} 9.

Z.

záchod (zachod), occasus. 453[c] 43. Закатъ, западъ.
zákona datel' (zakona datel), legislator. 173[a] 26. Законодатель. —zákony (zaconi), leges. 172[c] 1. Законы.
zapuzenie (zapuzene), repudium. 290[a] 2. Отверженіе.
zářuj (zarui), september mensis. 313[a] 15. Сентябрь мѣсяцъ.
závoj (zauoi), velamen. 361[a] 41. Завѣса.
závory (zauori), repagula, hostia. 289[b] 18. Запоры.
zběh (zbeh), perfuga, fluchtiger. 248[c] 36 и 459[c] 15. Бѣглецъ.
zduvaju (zduuaiu), conflo, zesament blaso. 56[a] 19. Сдуваю.
zelva (zelua), nurus, uxor filii. 223[b] 42. Золовка, невѣстка.
země (zeme), telluris, dea terre. 338[c] 33. Земля. — země slovanská (zlouansca zeme), Illirie regio. 154[a] 14. Земля славянская.
zeř (zerr), mania, ab insania et furore uocata. 445[b] 21. Бѣшенство, ярость.
zeť (zet), gener, qui (filiam) duxit. 323[b] 5. Зять.
zmij (zmiy), serpens. 314[b] 14. Змѣй.
znamenie (znamene), omen, augurium. 229[b] 42. — (znamene), homina, auguria, auspicia. 142[b] 46. Знаменіе, предзнаменованіе.
znoj (znoy), aestus, calor. 390[a] 26. Жаръ, зной.
zvyčaj (suicsai), usus. 376[b] 35. Обычай, привычка.

Ž.

žabka (sabca), falcis est, qua arbores amputantur. 110[b] 47. Садовничій ножь.
žabra (sabra), brancia. 36[b] 45. Жабры.
žáby (sabi), rane. 282[c] 7. Лягушка.
žale (sale), nenia, carmina mortuorum, klagesac. 216[c] 20. Печальныя пѣсни, заплачки.
žarovišče (sarovisce), piram, rogam .i. lignorum constructionem, in quo mortui comburuntur. 460[c] 44. Костеръ.

žas (sazz), exthasis. 106[b] 19. Ужасъ.
že, см. střel.
želv (selv, selw), testudo. 341[c] 44 и 342[a] 2. Желвь, черепаха.
žestok (sestoc), furiosus. 125[a] 31. — žestoký (seztoki), crudelis, seuus. 64[b] 42. Изъ русскаго, въ чешскомъ нѣтъ этого слова. Жестокій.
žezi (zezi), sitis. 322[c] 28. Жажда.
ziva (siua). Dea frumenti ceres, sed hoc pagani siua (въ печатномъ экземплярѣ: ...sed hoc pagani aiunt). 68[c] 28. Поддѣльная глосса изъ aiunt: *a* частью выскоблено и сдѣлано изъ него *s*, знакъ сокращенія *n* выскоблено, изъ *t* сдѣлано *a*. — (siua). Diua. dea. siua. imperatrix (въ печатномъ экземплярѣ: Diua. dea siue imperatrix). 83[a] 32. Видно, что изъ siue сдѣлано siua. — (siua), ceres. 409[b] 9. И надпись въ начальной буквѣ *A* на первомъ листѣ: ЄSTAS . SIVA, безъ сомнѣнія, вновь приписана.
živok (siuok), animal. 144[c] 2. Животное.
žizň (sizn), ubertas, habundantia, fecunditas. 360[c] 1. Плодовитость, изобиліе.
žlč (slich), fel, uirus. 113[c] 30. Жёлчь.
žrtva (sirtua), holocaustum, victima. 142[b] 19, 142[b] 23 и 367[b] 35. — žrtvy (sirtui), sacrificia. 211[a] 5. Жертва, жертвы.

Слѣдующихъ глоссъ не находимъ въ «Älteste Denkmäler»: dvorenín, ledvina, pěnkava (431[c] 15, 16), pohoda (333[a] 50), saň (437[a] 51), starosta (264[a] 39), věnec (61[b] 26 въ текстѣ), zběh (248[c] 36).

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

И. И. Срезневскаго.

Словарь Mater verborum Чешскаго музея въ томъ положеніи, въ какомъ стали имъ пользоваться, какъ памятникомъ древности, представляетъ собою новое доказательство необходимости самого внимательнаго палеографическаго разбора всякаго сколько нибудь важнаго памятника прежде чѣмъ его начнутъ употреблять въ дѣло при рѣшеніи или разъясненіи научныхъ задачъ. Чешскими прибавками, находящимися въ этой драгоцѣнной рукописи, пользовались почти всѣ писатели, имѣвшіе нужду въ ихъ показаніяхъ, какъ вѣрныхъ откликахъ то XI—XII, то XII—XIII вѣка въ продолженіи цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ: ими воспользовался и Юнгманъ въ своемъ превосходномъ Словарѣ Чешскомъ и въ Исторіи Чешской литературы, воспользовался и Шафарикъ въ Славянскихъ древностяхъ и другихъ изслѣдованіяхъ, и Палацкій въ Чешской Исторіи, и Воцель въ Правѣкѣ земли Чешской, и Іиречекъ въ своей обработкѣ Чешско-Моравскихъ древностей Славянскаго права, и Шембера въ своемъ трудѣ по Исторіи Чешской литературы, и Ербенъ въ изслѣдованіяхъ по Славянскому язычеству, и т. д. и т. д. Пользовались Чешскими глоссами словаря Mater verborum не только Чешскіе писатели, но и многіе другіе западно-Славянскіе, и Русскіе—или непосредственно, или при посредствѣ показаній и объясненій Чешскихъ изслѣдователей, пользовались

и такіе вожди европейской науки, каковъ былъ Я. Гриммъ. Всѣ пользовались съ полнымъ довѣріемъ—прежде чѣмъ самъ памятникъ былъ разсмотрѣнъ палеографически. Правда, что сомнѣніе въ отношеніи къ неподдѣльности Чешскихъ глоссъ въ Mater verborum и даже рѣшительное признаніе ихъ поддѣльности, по временамъ давали о себѣ знать очень звучнымъ голосомъ; но то и другое было такъ голословно, такъ отзывалось личною непріязнію къ Чешскимъ ученымъ дѣятелямъ, что нисколько не могло само по себѣ ослабить общее уваженіе къ памятнику, защищаемому безусловно между прочимъ и такими дѣятелями, которыхъ нельзя было заподозрить ни въ слабости ума и беспристрастія, ни въ слабости знаній и научной осторожности. Такими знатоками считаемы были всѣми безъ исключенія Шафарикъ и Палацкій: ихъ изданіе Чешскихъ глоссъ, выбранныхъ ими самими изъ Mater verborum, независимо отъ прежняго изданія Ганки, не могло не утвердить за этими глоссами безусловнаго уваженія и довѣренности. Того, что голословно же, безъ всякихъ доказательствъ, говорили о древности Чешскихъ глоссъ въ Mater verborum всѣ, которые ими занимались, никто не замѣчалъ. Можно сказать даже болѣе: считалось совершенно достаточнымъ простое довѣріе къ нимъ, какъ къ несомнѣннымъ. Такъ было до сихъ поръ. Такъ уже не можетъ остаться послѣ того, какъ внимательный и подробный переборъ этихъ глоссъ, сдѣланный А. О. Патерою, станетъ въ рядъ необходимыхъ пособій для ихъ изученія. Будь исполненъ такой трудъ за пятьдесятъ лѣтъ передъ этимъ, и ни одинъ изъ писателей, пользовавшихся Чешскими глоссами въ Mater verborum, ни самъ бы не впалъ, ни другихъ бы не ввелъ въ тѣ жалкія ошибки, которыми не только наполнились многія и многія замѣчательныя произведенія ума и знанія, но овладѣло уже и научное преданіе, перешедшее изъ ученыхъ книгъ въ учебники, въ училища, въ общечитаемыя книги, книжки и листки, всюду, гдѣ не доискиваются прямыхъ источниковъ, питающихъ преданія.

По изслѣдованіямъ А. О. Патеры вышло, что изъ общаго

числа Чешскихъ словъ вписанныхъ въ Mater verborum, только съ небольшимъ четвертую долю, 339, можно считать подлинно древними, а всѣ другія, 950, должны быть разсматриваемы какъ новыя поддѣлки.

Многія изъ этихъ поддѣлокъ можно считать напрасными. Таковы на пр.: dlh длъгъ, dlaň длань, drzý дрьзыи, dúbrava джбрава, hodina година въ значеніи hora часъ, hrst́ гръсть, huba гжба въ значеніи fungus, грибъ, hús гжсь и т. д. Ихъ присутствіе въ такомъ древнемъ памятникѣ ничего не можетъ ни доказать, ни выказать. Многія другія напротивъ, должны были повести и могли бы и далѣе вести къ выясненіямъ того, что безъ нихъ остается неяснымъ, и къ доказательствамъ того, что нуждается въ доказательствахъ.

Не лишнимъ будетъ припомнить, чѣмъ именно обрадовали новонайденныя Чешскія глоссы, когда онѣ вскрылись въ 1827 г. Палацкій высказался при этомъ такъ:

«Народный языкъ есть такъ сказать хранилище народныхъ мыслей; всякое слово есть выраженіе понятія или знанія. Состояніе языка показываетъ слѣдовательно состояніе народной образованности. Вся духовная жизнь народа открывается историку въ словахъ языка, и домыслъ изслѣдователя вникаетъ въ незамѣтныя черты, въ которыхъ, какъ подъ покровомъ, сохранилось воспоминаніе о событіяхъ и перемѣнахъ, нигдѣ незаписанное.

«Всего важнѣе въ этомъ Словарѣ (Mater Verborum) кажутся намъ въ означенномъ отношеніи слова миѳологическія, переводъ именъ боговъ Греческихъ и Римскихъ именами боговъ Славянскихъ. Хотя и замѣтно, что значительное число этихъ именъ прибрано самимъ переводчикомъ, тѣмъ не менѣе этотъ сборникъ все таки доказываетъ, какія божества представляемы были Славянами подъ именами Живы, Велеса, Перуна, Радигоста, Святовида и т. д.

«Важно также знать, какъ именно уже тогда выражаемы были по Чешски разныя отвлеченныя понятія...

«Изслѣдователи Славянскаго языка добудутъ изъ этого Сло-

варя новыя доказательства, что Славянскія нарѣчія въ древности были родственнѣе и ближе одно къ другому, чѣмъ въ наше время, не только въ формѣ, но и въ матеріи. Адмиралъ Шишковъ замѣтилъ, что Краледворская рукопись Русскимъ понятна болѣе, чѣмъ древніе памятники ихъ собственной письменности. Здѣсь тоже находимъ древнія Чешскія слова, какъ на пр.: mhla, watra, žestoký, ssčiry, которыя, будучи давно уже забыты Чехами, доселѣ еще употребляются въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ».

Поддѣльщикъ долженъ былъ понимать все это, чтобы удовлетворить предположеннымъ вопросамъ изслѣдователей. Можно думать, что онъ представлялъ себѣ ихъ любознательность и нужды даже яснѣе, чѣмъ это высказано Палацкимъ.

Такъ между прочимъ онъ внесъ много словъ, относящихся къ Славянскому язычеству.

Вотъ названія боговъ: Bělboh: Бѣлъбогъ — beel, baal, — Děvana Letničina i Perunova dci: Дѣвана Diana Latone et Jovis filia, — Chlipa: Хлипа — Salacia dea paganorum quasi maritima, — Jesen, jasni: Iесень, Ѩсни — Isis lingua egiptiorum terra dicitur, — Krt: Кртъ: см. Radihost, — Lada: Лада — Venus, dea libidinis, cytherea, — Letnice: Лѣтница — Latone: см. Děvana, — Liutice: Лютица — Furia, dea infernalis, — Liutice: Лютицы — Eumenides, — Morana: Морана — Ecate, trivia vel nocticula, Proserpina, — Perun: Перунъ — Jupiter, — Perunova: Перунова — Jovis, см. Děvana, — Porvata: Порвата — Proserpina, — Prije: Приѩ — Affrodis, Venus, — Radihost vnuk Krtóv: Радигостъ внȣкъ Кртовъ — Mercurius a mercibus: см. Krt, — Stvor, Skvor: Створъ, Скворъ — Osyros rex fuit Egipthi, — Svatovit: Свѧтовитъ — Ares, Mavors: Mavortem poete dicunt martem, — Světlusě: Свѣтлуша — Lucina dea, — Svoba: Своба — Feronia, dea paganorum, — Sytivrat: Сытивратъ — Saturnus: Saturnum pagani illum esse ajunt qui primus ab Olimpo uenit arma Jovis fugiens, — Stračec Sytivratov syn — picus Saturni filius, — Tríhlav: Триглавъ — Triceps, qui habet capita tria capree, — Veles: Велесъ — Pan,

ymago hircina, — Živa: Жива — dea frumenti Ceres,—Diva Estas.

Вотъ и еще нѣсколько названій миѳологическаго свойства: Běsi: Бѣси—Demones (běsy—demonibus), — Bože: Божѧ—genium,—D'as: Дѩсъ—genius,—Lichoplésy: Лихоплѧсы—Syrene (есть это слово и въ числѣ засчитанныхъ въ неподложно древнія: Lichoplěsy — Sirenas tres fuisse fingunt и пр.), — Morúsi: Морꙋси—Pilosi a Grecis panites, a Latinis incubi vocantur, —Priešera: Прѣшера—portentum est, quod subito apparet et aliquid pretendit, — Saň: Сань — hydris, serpens draco, — cerberum pagani aiunt infernorum canem,—Sani: Сани—tiphones, dracones, — Skret: Скрѧтъ — demon, — Skreti: Скрѧти — penates,—Stračec: Срачьць—Picus saturni filius,—Světice: Свѧтицѧ — eumenide, dee, sanctae, — Světlonoše: Свѣтлоноша—Lucifer, jubar, — Šetek: Шетъкъ — genius, — Vlkodlak: Влъкодлакъ—faunus, pici filius,—Vlkodlaci: Влъкодлаци — pilosi, panites, incubi, — Vzpěši: Въспѣси (? отъ Въспѣхъ) — triptes, species demonum, qui deludunt dormientes.

Къ тому же кругу выраженій языческихъ представленій относятся слѣдующія названія лицъ:—Črnokniżnik—ci: Чрьнокнижьникъ—ци — nigromanticus—ci, — Hadači: Гадачи — sortilogi,—Navazač—ci: Навѧзачь—ци—haruspex—ices,—Ptakopravci: Пътакоправьци—augures,—Věštec: Вѣщьць —vates, propheta divinus,—Vlchvice: Влъхъвица—sagapeta.

Къ ряду обозначеній дѣйствій языческой обрядности, относятся: Obět: обѣть—sacrificium,—obrědi: обрѧди—cerimonia,—Postrižiny: Пострижины — tonsurae, — Treba: Трѣба—sacrificium est uictima,—Třyzna: Тризна — inferie, placatio inferorum, sacrificia, — Věščby: Вѣщьбы — uaticinia, poetarum carmina, — Žarovišče: Жаровище — piram, rogum in quo mortui comburuntur,—Žrtva: Жрьтва — holocaustum, victima.

Не даромъ заняли свое мѣсто, какое случилось, и нѣкоторыя слова изображающія черты миросозерцанія, таковы:—Mlečnice:

Млѣчьница—lacteus circulus,—Nebe: Небо—ether, himil,—Peklo: Пькло—infernus, tartarus,—Raj: Рай—paradisus,—Svor: Своръ — zodiacus, — Tvrd: Твръдь — firmamentum celum, —Vesmir: Вьсьмиръ — mundus est universitas omnis, que constat in celo et in terra, и пр.

Число словъ для выраженія отвлеченныхъ понятій очень значительно. Не менѣе значительно и число словъ, относящихся къ народному быту, домашнему и общественному. Всѣми такими словами можно было обрадовать изслѣдователей древностей Славянскихъ.

И нѣкоторыми изъ этихъ и другими можно было не менѣе обрадовать и изслѣдователей языка. Такъ на пр. извѣстны слова мати и дъщи, въ именительномъ падежѣ которыхъ скрывается *р* (матер, дъщер), и остается вопросомъ: не было ли когда нибудь и другихъ подобныхъ? Были — отвѣчаютъ глоссы: neti: нети—filiola,—sesti: сести — soror, извѣстное пока только въ формѣ sestra: сестра съ такимъ же окончаніемъ, какъ Чеш. dcera (дочь). Извѣстны слова любъ, црькъ и др., въ именительномъ падежѣ которыхъ скрывается *в* (любъв..., црькъв...): не было ли такихъ словъ и въ древнемъ Чешскомъ? Были — отвѣчаютъ глоссы: kony: коны — cantarus ubi aqua mittitur, — koty: коты—anchora,—kroky: кроки—sparum est rusticum telum in modum pedis recurvum,—kry: кръ—sanguis,—liuby: любъ — dilectio,—raky: ракъ—tumbe,—svekry: свекръ — svecrus, socra. Что въ окончаніи именительнаго падежа ъ могъ скрываться и н въ древнемъ Чешскомъ, глоссы дали доказательства словами: ječmy: ѩчьмы — hordeum, — kamy: камы — lapis, — kory: коры — radix, и т. д.

Вмѣстѣ съ такими замѣтками дано мѣсто и множеству словъ, любопытныхъ по рѣдкости, или же понимавшихся не совершенно ясно, или наконецъ не встрѣчавшихся въ другихъ Чешскихъ памятникахъ и могшихъ служить доказательствами то богатства древняго Чешскаго языка, то связи Чеховъ съ другими Славянами и т. д.

Нельзя при этомъ не обратить вниманія вообще на приготовленность поддѣльщика—не только знаніемъ того, что могло быть особенно занимательнымъ для изслѣдователей, но и знаніемъ особенностей древняго Чешскаго языка и правописанія и умѣньемъ пользоваться своими знаніями, которое должно было быть подкрѣпляемо увѣренностію въ достаточность силъ своихъ, чтобы вся рукопись вмѣстѣ съ приписками считалась памятникомъ начала XII вѣка (какъ въ то время полагали).

Кто же бы могъ быть знатокомъ дѣла, приписавшимъ поддѣланныя глоссы въ Mater verborum? Не могу положительно отвѣчать на этотъ вопросъ, и считаю его сколько нибудь важнымъ не безотносительно, а только въ отношеніи къ опредѣленію времени, когда жилъ и работалъ этотъ замѣчательный поддѣльщикъ, и когда слѣдовательно была возможность сдѣлаться такимъ знатокомъ древностей быта и языка.

Рукопись Mater verborum поступила въ Чешскій музей вмѣстѣ со многими другими изъ библіотеки графа Коловрата позже 1818 года: Добровскій не зналъ ее, когда печаталъ новое изданіе своей Исторіи Чешскаго языка и литературы въ 1817 году. Когда же за рукопись взялся Е. Граффъ, въ надеждѣ найдти въ ней Нѣмецкія глоссы, 1827 г., и когда вмѣстѣ съ нимъ занялись ею Ганка и Палацкій, то Чешскія глоссы, оказывающіяся теперь поддѣланными, въ ней уже были, какъ видно изъ извѣстій о нихъ, помѣщенныхъ въ IV книжкѣ Часописа Чешскаго музея, гдѣ въ доказательство важности этого памятника, значительное число глоссъ приведено Палацкимъ—изъ всей рукописи. Палацкій остановился только на 130 словахъ, но не потому, что только ихъ и нашелъ, а потому, что имѣлъ въ виду указать образцы того, чтò представляютъ глоссы, оговоривъ при этомъ, что полнымъ пересмотромъ рукописи въ отношеніи къ Чешскимъ глоссамъ уже занялся Ганка. Въ образцовыхъ выпискахъ Палацкаго находимъ между прочимъ и такія глоссы, которыя не просто приписаны, а сдѣлались Чешскими при помощи разныхъ подчистокъ и переправокъ того, что было прежде написано, каковы: Sara-

baite zirbi, Seditio cramola, Ceres siua, Consilium suet. Въ 1833 году Ганка издалъ полный списокъ Чешскихъ глоссъ—такъ полный, что въ послѣдствіи, при новомъ ихъ изданіи Шафарикомъ и Палацкимъ въ 1840 г. и при послѣднемъ переборѣ всей рукописи А. О. Патерою, пришлось прибавить сравнительно очень немногое. Изъ этихъ припоминаній можно вывести, что подложныя глоссы внесены до 1827 года, и развѣ только дополнены могли быть въ 1827—1832 гг. Что онѣ не дополнены въ 1827—1832 гг. когда рукописью занимался Ганка, можетъ кажется достаточно доказывать то, что по занимательности рукописи для многихъ, между прочимъ для Добровскаго, Юнгмана, Палацкаго, Челяковскаго и другихъ, и по общительности и бережливости Ганки, она не могла ни быть скрываема, ни быть не особенно оберегаема. Остается слѣдовательно вопросомъ: вписаны ли поддѣльныя глоссы въ 1818—1827 г., когда рукопись была уже въ Музеѣ или же раньше 1818 г., когда она была еще въ библіотекѣ графа Коловрата? Могли быть онѣ вписаны и послѣ 1818 года, и легче чѣмъ прежде, потому что и въ Исторіи Чешскаго языка и литературы Добровскаго и въ первыхъ книжкахъ Starobylých Skládaní Ганки, были сдѣланы указанія особенностей древняго языка и правописанія, могшія облегчить трудъ поддѣльщика; тѣмъ не менѣе умѣнье поддѣлываться подъ древній языкъ и правописаніе показалось ранѣе. Такъ листокъ съ пѣснію о Вышеградѣ (Na ty nasě slunce Vyšehrade tvrd), которая оказалась въ послѣдствіи подложною, былъ извѣстенъ Добровскому и Ганкѣ уже до 1818 года, и Ганка внесъ эту пѣсню уже въ первую книжку Starobylých Skládaní въ 1817 г.*). Какъ написана была до 1818 года поддѣльная пѣсня о Вышеградѣ, такъ до 1818 года могли явиться и поддѣльныя глоссы въ Mater verborum. Если бы впрочемъ и распространить время поддѣлки еще на девять лѣтъ, то все же не многимъ увеличится тотъ давно прошедшій періодъ первыхъ из-

*) Книжка эта была издана уже въ 1818 г. и позже книги Добровскаго, потому что въ ней есть ссылки на печатное изданіе книги Добровскаго.

слѣдованій по древнему Чешскому языку, когда все могло скорѣе мѣшать, чѣмъ помогать ихъ успѣшному ходу.

Нельзя при этомъ не обратить вниманія на тѣ выводы, которые дѣлаемы были о древнемъ Чешскомъ языкѣ около 1818 г. Лучшій сводъ этихъ выводовъ сдѣланъ былъ Ганкою въ Введеніи къ 1-й книжкѣ Starobylých skládání. Ганка пользовался въ немъ тѣмъ, что было подъ рукою и у Добровскаго, и кое-чѣмъ съ бо̀льшимъ вниманіемъ. Оба они извлекали данныя для выводовъ изъ слѣдующихъ памятниковъ: изъ Подлажицкаго синодика 900—1230 гг., изъ двухъ грамотъ XI в. (1057 и 1088 гг.), изъ одной грамоты XII в. (1130 г.), изъ двухъ XIII в. (1225 и 1227 гг.), изъ Легенды о св. Апостолахъ, отнесенной къ XIII в., изъ лѣтописи Козьмы Пражскаго и т. д. Во Введеніи ко 2-й книжкѣ тѣхъ же skládání, вышедшей такъ же въ 1818 г., при пособіи нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ, количество замѣтокъ увеличено. И вотъ что добыто изъ нихъ Ганкою о древнемъ Чешскомъ языкѣ:

— Относительно гласныхъ: — новое ou (au) въ древности было u: (súd: soud, mú milú: mou milou, s krasnú pannú: s krásnou pannou, berú: berou; — новое ej (ey) въ древности было aj: stajný: stejný, najmilejší — nejmilejší, daj: daj, krajčí; — новое i въ древ. было u: liut: lut, cuzi: cizi, piju: piji, tisuc, liutoztivý, jutrní, pisniu, chcu, mocju, kazuce, davajuc, kněziu; — новое e въ древ. было a: Mža: Mže, Lubusa: Libuše, vzpomanu, hladaš, cakati; — новое í въ древ. было ie: viece: více, viera: víra, viem: vím, spieše: spíše; — новое e въ древ. было ě: cělo, vsě, súsěd, o bozě, slovcě, blaznicě.

— Относительно согласныхъ: — до XIII в. не находимъ еще нигдѣ h вмѣсто g: Dragomir, Praga; — когда явилось у Чеховъ и Поляковъ шепелявое ř (что Поляки пишутъ до селѣ rz), трудно отгадать; — вмѣсто нов. str въ древ. было čr: črevice; — вмѣсто нов. šť въ древ. было šč: ščasten, opúščeti, pušč, hušč.

— Въ склоненіи: — употреблялось въ древности двойственное число: chlapy chlapú chlapoma, slově slovú slovoma, ghráče ghračju ghračema, pole polju polema, rybě rybú rybama, kosti kostju

kostma, zemi zemju zemjema, sbožie sbožju sbožjema; прилаг.: pravá pravú pravýma, právě и т. д. božie božju božiema; прич.: bila, bita, dána,—ж.: bile, bitě, dáně; мѣстоим.: na naju náma, va vaju vama;—во множ. ч. имен. муж. на ové, i, ie, e: židové; roci, udi, soci, kolači; židie, liudie, črtie; panoše; родит. на ev: grošev, zlodějev, kolačev; дат. на em и óm: zlodějem, panošem, bratcóm, němcóm.

— Въ спряженіи: настоящее вр. изъявит. 1-го лица един. ч. оканчивалось или на ju, или на iem: biju, hlediu, honiu, volaju, shaněju, pijem, viem, hledicm (и др. при инфин. на ěti; гдѣ 3-е лицо множ. было на ia, а позже на ie: hledia: hledie) *); въ глаг. wěděti 1-е лице един. наст. было wědě: jaz wědě; — прошедшее: bich bichom biste bichu, hnuch hnuchom hnuste, seděch seděchom seděste seděchu, honich honichom, hledach hledachom hledaste hledachu;—во 2-мъ и 3-мъ лицѣ ед. vzlomi, ukroti, poruči, skoči, požehna, káza, skona, pozva, osta, vze, pade, jide, dospě; — еще было въ тѣхъ же лицахъ прошедшаго окончаніе iše, eše, ieše, aše: biše, seděše, honieše, staše;—двойств. число въ муж. родѣ имѣло окончаніе va и ta, а въ жен. и сред. vě и tě, не всегда впрочемъ строго отличались эти родовыя окончанія: jsva — ě, jsta—ě, biva—ě, bita—ě, neseva—ě, neseta—ě, hneva—ě, hneta—ě, hledieva—ě, hledicta—ě, honiva—ě, honita—ě, budeva—ě, budeta—ě, bichva—ě, bista—ě; — supinum (что по Востокову достигательное) строго отличалось отъ инфинитива: jdi brat jidel, šli žat, brali jsú past stád, přijde súdit živých i mrtvych, šli smy se tulat;—transitiv (дѣепрнч.), въ наст. врем. на juc, juce: vstavajuc, prodavajuc, zpievajuce.

Добровскій въ своей Geschichte не далъ такихъ подробностей; но за то отмѣчалъ свои наблюденія изъ каждаго памятника отдѣльно и былъ внимателенъ къ правописанію такъ, что приводилъ всѣ выписки почти всегда буквально вѣрно по подлинникамъ.

*) По Добровскому вмѣсто нов. i или im, было всегда iu: musiu (чит. mušiu), chcziu (чит. chciu), viersiu, praviu, zbaviu (108).

Въ памятникахъ XI в. (1057 и 1088 гг.) онъ замѣтилъ: c = č (otro*c*ě, grrne*c*ne, *c*is, *c*asnici) и k (dussni*c*oma), g = h (bo*g*u, Bo*g*ucea, *g*ostine, *g*rrnecne, *g*lava, Bogdan, Bogumil, na Kaci*g*ore, Lub*g*ost, za*g*radnego), gh = h (Modlibo*gh*), h = ch (Wlah, *h*omuthe, ot*h*odne, w *H*valach), r=ř (b*r*eza, kacigo*r*e), rr=r между согласными (g*rr*necne, g*rr*dost), s = ž (*s*itne, kna*s*a, ci*s*), ss = s (plo*ss*kovicih, dolea*ss*, *ss*vatemu, *ss*e dvema du*ss*nicoma, sswod), sc=šč, нов. št' (*S*cepanu), z=z (*Z*laton, Ro*z*roy) и s (we*z*i).

Въ памятникахъ XII в. (1130, 1175, 1176 и 1179 гг). Добровскій отмѣтилъ: c = č (*C*iec), c = k (*C*amenci), c = c (Lutomericih, Sedlcih, Gradci, jalouica и пр.), cs=č (Salc[s]i, Opoc[s]nae, *C*sazlavi, *C*sta), ch = ch (*Ch*renoni), g = h (Wis*e*grad, *G*radci, Dlygomil, Dul*g*omil, *G*lupen, Ble*g*o), h=ch (Lutomerici*h*, Sedlcih, Hrudimi, Oldrih), ir=r между согласными, il: yl: ly: ul=l между согласными (W*ir*sevicih, P*il*zni, D*ly*gomil: D*ul*gomil), r=ř (Lutome*r*icih, Ku*r*imi, Predbor, Pribizlaus), s=s (Pro*s*ince, *S*edlcih), s=š (Zawi*s*a, Wir*s*evicih), s = ž *S*atc[s]i), ss = š (Su*ss*ina), ss вм. sc = šč (Boi*ss*e), u = v (Jalouica), z = z (Pil*z*ni, *Z*awisa), z = s Bole*z*lavi, *Z*e*z*ema, *Z*obi*z*laus, *Z*lawon, Bogu*z*law, Sdezlaus), zz = s (Sca*zz*law).

Въ памятникахъ XIII в. (1225 и 1227 гг.) Добровскій отмѣтилъ: c=c (Grade*c*, No*c*leh, Pohon*c*e, Pomo*c*ne), g = j (Sto*g*hnev), g=h (*G*radec), h=h (Hroznata, Bohuse, *H*olac, de Za*h*ornic), ir = r между двумя согласными (*H*irdost), r = ř (narez), s=s (*S*toghnev, Ne*s*toyte), s = š (Bohu*s*e), s = ž (Suppani), z=z (*Z*ahornic, Hro*z*nata), z = s (*z*ok, *z*wod, *z*lubni zud), w = v (Po*w*od, *w*iboy, *w*rez), y=j (Nestoyte).

Другіе памятники XIII в., могшіе быть на виду и у другихъ такъ же какъ и у Добровскаго, отличаются отъ прежде имъ разсмотрѣнныхъ такими признаками выговора, что объ нихъ можно здѣсь упомянуть развѣ только потому, что поддѣльщикъ глоссъ въ Mater verborum хорошо понималъ ихъ отличія, и не позволилъ себѣ ими пользоваться. Самое важное отклоненіе отъ утраченныхъ требованій древняго языка выразилось въ правописаніи

прибавкою s послѣ r, выговариваемаго мягко (*r*seczi, zwie*r*si, ne p*r*simie*r*si, mate*r*si, roz*r*siezaty, wie*r*siu и пр.).

Нельзя при этомъ не припомнить, что вся рукопись Mater verborum значительно долго считалась памятникомъ начала XII в. (1102 г.), а не началомъ XIII в. (1202 г.), какъ открылось послѣ. Поддѣльщикъ долженъ бы былъ слѣдовательно держаться тѣхъ данныхъ, которыя были на виду о языкѣ и правописаніи объ XI, много что о XII в.; но онъ ихъ не строго держался, а напротивъ отъ кое-какихъ положительно удалился. Такъ на пр. онъ могъ знать, что въ XI—XII и даже XIII в. употребляли *g*, а не *h*, а *h* писали въ значеніи *ch* (Рус. х), и однако не употребилъ ни разу *g*, а всегда *h* вмѣсто *g*, а звукъ *ch* (Рус. х) выражалъ посредствомъ ch, и разъ только написалъ h вм. ch (meh: мѣхъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ могъ знать, что хотя въ XI—XII в. и даже частію въ XIII вѣкѣ не употреблялось шепелявое r, но зналъ такъ же, что въ XIII в. оно уже выдѣлялось особеннымъ написаніемъ, — и однако ни разу не рѣшился выразить его посредствомъ rs или rz. Могъ онъ такъ же знать, что въ XI—XII в. и даже въ XIII в. мягкія согласныя не требовали за собою измѣненія первоначальнаго a въ e (duše вм. duša), и однако писалъ e, а не a, какъ было болѣе къ стати въ памятникѣ XIII в., не меняя однако *u* на *i* въ соотвѣтственныхъ случаяхъ.

Чутье удивительное. Онъ могъ принять въ руководство для надежнаго управленія своимъ чутьемъ только одно средство: изучить правописаніе тѣхъ Чешскихъ глоссъ въ Mater verborum, которыя были въ рукописи прежде чѣмъ онъ принялся за свое дѣло; но этихъ глоссъ было очень немного, не говоря уже о томъ, что немалаго труда должно было стоить—отыскать ихъ въ огромной рукописи. Къ тому же и ихъ онъ не держался исключительно: кое-чѣмъ не пользуясь, онъ употреблялъ и такіе пріемы правописанія, которымъ образца не было въ тѣхъ глоссахъ.

Чтобы доказать все это яснѣе, считаю нелишнимъ представить обзоръ пріемовъ написанія, употребленныхъ въ поддѣланныхъ глоссахъ сравнительно съ правописаніемъ памятниковъ из-

слѣдованныхъ Добровскимъ и Ганкою до 1818 г. и тѣхъ глоссъ въ Mater verborum, которыя А. О. Патера признал неподдѣльными *).

c (Рус. ц) — c. bitec, cena, cepi, cwik и пр. XI: Casnici. XII. Camenci. XIII. Gradec. M. V. bradavice и пр.
— cc. bodecc, boreсс, ialouecc, obecc, palecc, zicolecc, stolecc, M. V. mrauenecc и пр. (на концѣ, 5 р.).
— cs. vecze (вѣче).
— cz. czwik (1). M. V. skriuanecz (1).
— hc. drusehc, coberehc, corehc, lovehc, mazanehc, mezinehc, prepeuehc, piruenehc, pzanehc, zcranehc, vehc.

č (Рус. ч) — c. celed, cerep, cest, iecmi, kircma, recnik, rucitel и пр. XI. cis, XII. ciec. M. V. cechel, ceresla и пр.
— ch. chap, charodegi, chlouecstue, chuprini, colach, mech, nauazach, obruch, plach, pomech, wstauach. M. V. chubr (1).
— cs. brohcs, czas, cstena, kecsice, palicsnici, polucsu, suiczai. XII. csazlaui. M. V. klokocs (1).
— cz. kíwacz.

e (Сл. а въ мягк. слогахъ)—e. denice, horcice, iehlice, mlecnice, kocsice, obuzce, piyauice, posselnice, scennice, tocenice, trepice, ostre mece, — cebulle, — zeme, — hune, — curenoha, — chise, luse, tese, iunose, wse celed, — priye, — nuze. M. V. sabe, — bradavice, hirdlice, gilce, katirce, clenice, kremenice, krepelice, kirtice, lisice, macobice, nunvice, police, poludnice, prezlice, suinice, tirlice, wlaztouice, sitnice, — postele, vole, zezhule. — kane, cuchine, — olse, wirse, — nuze, pohoze, zaze.

---

*) Указанія памятниковъ отмѣчаю цифрами столѣтій, а глоссы неподдѣльныя буквами M. V. Цифра въ скобкахъ означаетъ количество случаевъ употребленія разсматриваемаго случая правописанія.

h (Рус. г) — h. dehet, duha (XI g: boga, gh: Modlibogh XIII. Gradec). XII. Hroznata. M. V. hlavne, hnoy, hrah, hriua, noh, prah, ztruhar и пр.

ch (Рус. х) — h. meh. XI. Wlah. XII. Sedlcih. M. V. hrah, pilh и только.

— ch. hluchy, chlast, chleb, cuchar и пр. XI. uvalach, chrenoni. M. V. chmelisce, chren, chirt, kruchta, orech и пр.

j (Сл. ꙇ) — i. baie, iablo, laino, vereie, voievoda, viboi, zarui, zauoi и пр. M. V. iatrvenici и пр. (7).

— j. olij, pij. XII. jalouica. M. V. clij (1).

— y. hranostaẏ, ẏassni, ẏessen, ẏesutni, raẏ, roẏ, znoẏ и пр. XIII. nestoyte, wiboy. M. V. hnoẏ, ẏavor (6).

— g. charodegi, gine, gẏrcha, crahugi. XIII. stoghnev. M. V. gilce (3).

k (Рус. к) — c. dobitec, dusca, cleueta, cucol, lecar, pazzec, scotac, screhet и пр. XI. dussnicoma. XII. *C*amenci. M. V. *C*anie, cletce и пр.

— k. hacnik, rik, sik, komon, kramar и пр. M. V. banki, blizkota и пр.

— kk. lekk, malekk, mśikk, wnukk, recnikk, setekk, wnukk (все на концѣ). M. V. bukk (1).

— q. quap, queten (передъ u), quazz (3: все передъ u).

'l' (Сл. лъ, ль) — il. dilh, miln, pilnolune, pilzt, wilk, vilchvice и пр. XII. Pilzni. M. V. pilh, wilchuecc.

— li. vlicodlaci, slich (XII. ly: Dlygomil). M. V. blizkota, vlichvec.

l' (лЬ) — ll. cebolle, varlle. M. V. topoll (gill, tull, till, koll, llabut—въ твердыхъ слогахъ).

ň (нЬ) — nn. dlann, scennice. M. V. dlann.

'r' (Сл. ръ, рь) — ir. birui, cirnidlo, cirnobil, cirw, dirn, kircma, zirp и пр. XIII. hirdost. M. V. birdo, tirlice и пр.

ř (рЬ) — r. hrebi, hredi, hresti, hrivna, kadere. XI. gore.

XII. pribislaus. XIII. narez. M. V. breza, hreben, hriva, kremenice и пр.

— rr. zerr (morr?) (M. V. orr, perre, rrepa (rriz — въ тверд. слогѣ).

s (Рус. с) — s. breskevv, hoste, yesen, nestida, salase, san, slep, stada и пр. XI. Casnici. XII. Sedlcih. XIII. nestoyte. M. V. kosa, lisice, svest и пр.

— ss. bessi, yassni, posselnice, tiss, vehlass и пр. XI. ssvatemi (M. V. нѣтъ).

— z. letorozl, lichoplezi, mozazni, ozlop, ozt, ozud, ozueta и пр. XI. wezi. XII. csazlavi. XIII. zok, zud. M. V. letoz, opazek и пр.

— zz. dezzetnici, huzz, iezzen, letopizzec, mezzec и пр. XII. scazzlav. M. V. klazz, ruzzi, zzled, zzochor (7).

š (Рус. ш) — s. dusca, hrusca, iunose, krusina, reseto и пр. XII. Wisegrad, Zawisa. XIII. Bohuse. M. V. quasu, sidlo, olse (12).

— ss. crussi, topess. XI. dûssnicoma. XII. sussina. M. V. kassel, prassi, vssati (6).

šč (: št', Сл. щ) — sce. ihrisce, iescer, piscel, sarouisce и пр. XI. scepanu. M. V. chmelisce, kalisce, scetini (6).

u (Рус. у) — u. udatstuo, usasne. XI. bogu. M. V. bukk, hruda, iuh, cruchta и пр.

— v. lvc, vceni, vdi и пр. M. V. vborech, vhli, vtek и пр.

v (Рус. в) — u. brau, diuizna, chuala, leduina, lecarstuc, nemluunc. XII. jalouica. M. V. hriua, ẏauor, neuesta, postaua и пр.

— v. chvosti, medvedice, zveczi, tvird и пр. XI. glava, hvalach. XII. csaslavi. XIII. stoghnev. M. V. dratva, hlavne, nevod, vapno и пр.

— vv. breskevv, covv, pavv и пр. въ концѣ слова. M. V. cevv, lovv, krocvvi, vvezlo.

— w. dworenin, kiwacz, wnukk, zwest, swet, waha и

пр. XI. wlah, w Hvalach. XII. Wisegrad, zawisa. XIII. powod. M. V. zwezt, zwirbi, wezlo, wrabicowe и пр.

’ (Сл. ь) — i. dibri, lisice.

— ’ lsiui. M. V. pstruh, stblo.

y (Сл. ъı) — i. bledi, bidlitel, hradbi, hiriti. XIII. wiboy. M. V. kilavec, litki, motika. mito и пр.

— y. pastyr, sytiwrat.

z (Рус. з) — z. brezen, izok, knez, trezubec и пр. XI. zlaton, XII. zawisa. XIII. narez. M. V. zaiecc, zaklad, zrcadlo и пр.

ž (Рус. ж) — s. blasu, bose, chise, lose и пр. XI. čis. XII. selud, serav и пр.

žd’(Сл. жд’) — zd. hlemizd (M. V. hlemisc).

Кромѣ означенныхъ удвоеній буквъ еще есть:

— pp. kepp, okapp. M. V. lepp.

— tt. scretti, suatouytt. M. V. latti, wradittlo (вм. wrattidlo).

Изъ означенныхъ данныхъ видно, что въ поддѣланныхъ глоссахъ, кромѣ такихъ способовъ написанія, которые употреблены и въ другихъ вышеозначенныхъ памятникахъ, взяты въ дѣло: hc какъ простое c (: Рус. ц), cz какъ č (: Рус. ч), i въ значеніи Слав. ь и при другихъ согласныхъ, какъ при l (л) и r (р), y въ значеніи Слав. ъı. Все это однако не нововведеніе, а не рѣдко встрѣчается въ памятникахъ не только конца XIII в. и болѣе позднихъ, которые могли быть извѣстны поддѣлывателю, но и въ древнѣйшихъ, одновременныхъ съ Mater verborum и болѣе раннихъ. Такъ:

— hc = c. 1115 г. Cehckouici, Cohcber, Nechamihc, Goteseuihc, Hochouihc; въ другихъ Satehc.

— cz = č. 1086 г. Raczen, 1220, 1222. Czasta, 1228, Czernogedii, Czernowans, Czaslavv, 1238. Czaslaus, Czaztolaus, 1249. Cziecz, Czakanow laz и пр.

— i = Сл. ѧ. 1052. Blatinice, Mistislaw, 1071. Zidezlavv, 1088. Gruzine wisi, Visemila, 1131. Nemitci, 1176. Misa, 1210. Liztimir, 1223. Miztidruh, 1236. Wissieborius, 1248. Wasiliko и пр.

— y = Сл. ъі. 1052. Dyga, Lyssa, 1126—1247. Kygiow: Kyo, 1159. Lediny, 1160. Kyseleuici, 1205. Bysov, 1215—1222. Bystricie, 1234. Lyssek и пр.

Поддѣлыватель не нашелъ нужнымъ взять изъ Mater verborum слѣдующихъ способовъ написанія:

для č (Рус. ч)—*cst:* kolacst,—*cc:* lucc, osladicc, tlucc,—*s:* slunek.
для k—*ch:* puscha, vborech,—*kc:* kclada,—*ck:* cluneck.
для лъ—*lu:* clunek, cluneck, slunek.
для ръ—*r:* iatrvenici, trpaslek, vetrnik, zrcadlo.
для s (Рус. с)—*sz:* szito,—*szs:* giszskra.
для ž (Рус. ж)—*ss:* sseratek, sserucha, rossen, yess.

Не лишнимъ будетъ означить тѣ слова, которыя записаны въ Mater verborum и въ старыхъ глоссахъ и въ поддѣланныхъ.

dirn (drn) cespes (2 раза) = dirn cespes.
hlemmisc (hlemýžd') ostreum = hlemizd murex.
yauor (javor) platanus = iavor acer.
ẏezero (jezero) stagnum = iezero lacus.
kamen vapenni (kamen vapenný) tofus = cami lapis.
colacst (kolač) crustula panis = colach munera, dona.
korab (koráb) trieris, nauis magna = corab liburnus, major navis (corabnik faber naualis).
krocvvi (krokvi) tigillum, kavo, habitaculum vel tectum, trabes = croki sparum est rusticum telum.
kirzno (krzno) mastruga = kirzno clamis, pallium.
kucol (kúkol) git herba, lolium = cucol lolium, zizania.
lichoplezi (lichoplesi) sirenas tres fuisse fingunt = lichoplezi syrene.
lovv (lov) venatus = (lovehc venator).
meze (meze) collimito,—limitem (2 p.),—porca = meze media.—fines.

mol (mol) roscidum = mol tinea.
mito (mýto) theloneum=mito thelinium (mitar thelonearius).
nevod (nevod) tragum=neuod sagena.
nit (niť) filum = nit fila.
obraz (obraz) moneta=obraz idolum, obrazi nummi.
olse (olše) alnus (2 p.) = olse alnus.
opazek (opasek) crumena, sacculi genus = opazek marsupium, sacculum pecunie.
orech zemzki (ořěch) tuber = orechi nuces.
perre (perie) stipule sunt folia vel pagine... =pero penna.
pleci (pleci) humerum=(plecnici renones sunt uelamina humerum et pectoris).
rak (rak) cancer = rac cancer.
stan (stan) tugurium = stan tentorium.
ztraka (straca) pica = ztraka picus.
stupa (stúpa) tipsanarium = stupa tasinarium.
zwest (svěsť) glos, soror mariti=zwest glos, uiri soror.
vvezlo (veslo) remus = vezlo remus (vezlar remex).
vlichvec (vlchvec) phitones, wilchuecc grincas, taxos=(vilchvice sagapeta).
wirr (výr) bubo = wir bubo.
zemzki (zemský) orech tuber = (zeme telluris,—regio).

Изъ сравненія написанія глоссъ неподдѣльныхъ съ тѣми, которыя признаны поддѣльными, какъ и изъ всего другого, видно что тотъ, кто писалъ эти поддѣльныя глоссы не рабски слѣдовалъ какому бы то ни было случайному образцу, а свободно владѣлъ навыкомъ древняго правописанія, и при томъ не навыкомъ того давняго времени, къ которому относили и до 1827 г. и долго послѣ рукопись Mater verborum, т. е. не конца XI или начала XII вѣка, а болѣе поздняго, когда уже писали h вмѣсто g и е вмѣсто а въ мягкихъ слогахъ.

Ошибками его можно бы считать развѣ только cerep—ostra, testa, вмѣсто crep, и trenovci molares dentes вмѣсто crenovci, гдѣ въ обоихъ случаяхъ подъ *c* должно разумѣть č: črep, črenov-

ci; но и эти ошибки могутъ быть хоть нѣсколько объяснены. Съ написаніемъ cerep нельзя не сравнить въ подлинныхъ глоссахъ написанія cerezla вмѣсто cresla, т. е. črеsla. Если въ этихъ глоссахъ, признанныхъ неподдѣльными, возможно было лишнее е между с и r, то почему же между такими же с и r невозможно было написать такое же е и послѣ? Въ томъ и другомъ случаѣ буква е могла быть вставлена какъ знакъ мягкости всего слога. Такъ можетъ быть и въ грамотѣ 1232 года написано ceren вм. cren, т. е. čren *). Въ нынѣшнемъ Чешскомъ слова эти выговариваются črěn=střen, črep=střep, črеslo=tříslo, съ шепелявымъ ř. Нельзя произнести stříslo, но можно — třen вм. střen, равно какъ středa и třída, střecha и třecha, střemcha и třemcha, střevi и třevi, střevo и třevo, střen и třenový или třenovni zub, иначе třenovec (въ Пражскомъ музеѣ хранятся dva skamenělé třenovce slona u Lisy nalezené), во множ. třenovci. Не могу объяснить себѣ, явилось ли t и st вмѣсто č, когда уже r стали выговаривать шепеляво или же ранѣе, и потому не смѣю рѣшить, по ошибкѣ ли, или неошибочно написано trenovci вмѣсто crenovci, тѣмъ не менѣе не могу не вспомнить, что въ Словенскомъ, гдѣ нѣтъ шепеляваго ř, можетъ быть произнесено и trevica вмѣсто črevica (Deuter. XXV: 9) и trenové zubi вмѣсто črenové zubi (Ioel. I: 6).

Что касается грамматическихъ формъ склоненія и спряженія, то ихъ въ разсматриваемыхъ глоссахъ очень мало, кромѣ именительнаго падежа един. числа. Изъ словъ въ этомъ видѣ замѣчательны только тѣ, которыя отличаются особенными окончаніями: ти—тер (neti=нети, sesti=сести), ы: ъв (coni: конъы, coti: котъы, croki: крокъы, cri: кръы, lubi: любъы, zvekri: свекръы, veti: вѣтъы), ы: ен (jecmi: ѩчмы, cami: камъы, cori: коръы). Это тѣмъ

*) Въ грамотахъ XII — XIII в. нерѣдко употреблено *e* вмѣсто Сл. ь тамъ гдѣ оно невыговаривалось и давало знать о выговорѣ смежныхъ согласныхъ: Certomac. 1223, Derban. 1224 — 1225, Legota = Helgota. 1233 — 1239, Perchyn. 1182, Reueniz. 1253, Serdow. 1251, Tergouo. 1115, Werhozlaus. 1221 — 1249, Zedeslav = Sedeslav. 1172—1197, Zerbech. 1131 и пр. Отмѣтить можно, что и въ Словарѣ Юнгмана занесено нѣсколько словъ гдѣ Сл. рѣ передается какъ ere и между прочими čerevo=střevo, čerešně=střešne, čerenový=crenový=třenovní.

болѣе замѣчательно, что въ подлинныхъ глоссахъ видимъ окончанія ev (mirkev: мръкъвь) и en (kamen: камень, kremen: кремень).—Въ винительномъ единственнаго числа есть pamet; въ родительномъ mece и zacona; въ мѣстномъ u mozze (: въ моззѣ: въ мозгу), u riti; въ дательномъ komonniku; въ творительномъ nachodem, obezrenem, vicalem, otravu (: отравѫ), znahu (: снагѫ).

Именительный множественнаго числа представляется въ разныхъ видахъ. Общее окончаніе муж. рода i (cepi, hudci, chrami, obrazi, poduali, uhri, zaconi и пр.), съ перемѣною k на c (blisenci, cirnoknisnici, dezzetnici, licemernici, ptacoprauci, zirotci, и пр.), ch на š (vzpesi). Это послѣднее измѣненіе какъ будто не выдержано въ словѣ orech — orechi, но слово орѣхъ какъ названіе неодушевленнаго предмета если не должно было, то по крайней мѣрѣ могло имѣть въ именительномъ множественнаго женское окончаніе: орѣхы. Другое окончаніе — e (hoste, slovene). Окончаніе e (: ѧ) взято и для именъ муж. рода жен. окончанія на e вм. a (ptacoprawce). Окончаній именительнаго падежа множ. числа въ женскомъ родѣ принято два: одно i для словъ на a при согласн. твердой (ï = ы) и на Славян. ь (i = и), другое e (= ѧ) для словъ на a при согласной мягкой (chuprini, hodini, hradbi, lichoplezi, ocrazi, poduazki, pruhi, ztezky и пр. — birui, dibri, holeni, krussi, sani, zeti,—hace, hranice, huzle, chrepe, cadere, meze, parize, suetice, teplice, vereie, sale, deuice и пр.). Окончаній того же падежа средняго рода такъ же два: въ твердыхъ окончаніяхъ a (crnidla, stada, teneta, kolesa), въ мягкихъ e (вмѣсто a: prizloue).—Въ винительномъ множественнаго муж. рода на i (вм. ъі: luhi) и на e (вм. ѧ: ptence, baje), женскаго рода на i (вм. ы и и: mirscini, miski, zilzi, kuzni) и на e (вм. ѧ: deuice), сред. рода на e (вм. a послѣ j: ozude). Для родительнаго падежа множественнаго числа только одинъ случай женскаго рода (strel se virsene = стрѣлъ же връженьѥ). Для творительнаго множествен. тоже только одинъ случай мужескаго рода на i (= ы bessi).

Двойственное число оказалось только въ именительномъ на e (= ѣ: siue, dasne, chrepe, klesce, scrane,—dvetelec).

Глаголы встрѣтились въ неопредѣленномъ накл. (hresti, hiriti, cupiti, nehouati, ozkirditi, placati se, pripiyeti, rsati, virsiti, uiti); въ 1-мъ лицѣ един. настоящаго времени на u (= ѫ и ѭ: blazu, cedu, meru, pletu, polucsu, stehu, zduuaiu); въ 3-мъ лицѣ един. наст. на e (drebne, lepce, placese, tase), на i (drazni, lubi, mali, pudi, rozlassi, wdrusi se) и на a (tka se); въ 3-мъ лицѣ множеств. на iu (matureiu); въ 3-мъ лицѣ единств. числа прошедшаго вр. (ostrabi, skrusi, otne = отънѧ: отъѧ); во 2-мъ лицѣ един. числа повелительнаго на i (pomilui, nadeli boh).

Всего этого вмѣстѣ очень немного; но и въ этомъ немногомъ видно знаніе древняго Чешскаго языка, мѣшавшее поддѣльщику дѣлать ошибки—даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда древніе памятники, которые могли быть у него подъ руками, не давали ему ни какихъ указаній, какъ видно изъ вышеприведенныхъ наблюденій Добровскаго и Ганки. Позволяю себѣ думать, что для полнаго избѣжанія ошибокъ поддѣльщику мало было знать древній Чешскій языкъ болѣе, чѣмъ могли знать его тѣ, у которыхъ подъ руками были тогда доступные памятники, но и вообще древній складъ Славянскаго языка. Кто бы ни былъ поддѣльщикъ, а онъ не могъ не быть превосходнымъ знатокомъ древняго Славянскаго языка, какимъ былъ на пр. Добровскій, едва ли даже не смышленѣе его.

Поддѣльщикъ глоссъ выказалъ свое знаніе и въ выборѣ словъ, которыми переводилъ слова Латинскія. Въ выборѣ словъ его руководило не простодушное самомнѣніе, а именно знаніе, покойное, вѣрное самому себѣ и времени, котораго отголоскомъ должно было быть все имъ припоминаемое. Этимъ знаніемъ только и можно было вовлечь въ довѣренность такихъ знатоковъ, какимъ потомъ пришлось работать надъ Mater verborum. Увѣренный въ этомъ, считаю не лишнимъ остановиться на нѣкоторыхъ словахъ, обращавшихъ или теперь обратившихъ на себя вниманіе.

А. О. Патера отмѣтилъ не малое количество словъ, какъ

не принадлежащихъ Чешскому языку и занятыхъ изъ Русскаго и изъ другихъ Славянскихъ нарѣчій. Сдѣлать это, конечно, было такъ легко, что можно даже удивляться умѣренности поддѣльщика, ограничившагося только 70-ю словъ, тогда какъ съ помощью словарей Латинско-Русскихъ, Латинско-Польскихъ и т. д., онъ могъ бы выбрать не 70, а 700, если не 7000. Невольно приходится сомнѣваться, что онъ бралъ въ помощь словари другихъ нарѣчій, и задать вопросъ: Не было ли у него свѣдѣній и о тѣхъ Чешскихъ словахъ, которыя могли быть въ ходу въ древнее время и потомъ были забыты такъ, что ихъ стало можно считать не-Чешскими?

Позволяя себѣ отвѣтить на этотъ вопросъ положительно, представляю нѣкоторыя данныя, наведшія меня на возможность такого отвѣта. При этомъ не лишнимъ будетъ оговориться, что, какъ мнѣ кажется, на каждый памятникъ древняго Чешскаго языка, надо смотрѣть не какъ на памятникъ мѣстнаго Чешскаго нарѣчія, а какъ на явленіе языка общаго Чехо-Славянскаго и что притомъ не надобно забывать, что какъ этотъ языкъ имѣлъ вліяніе на церковный Славянскій, такъ и наоборотъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ словному составу.

— bezslavie ignominia. Слова slava и другія того же корня принадлежатъ Чешскому языку такъ же какъ и другимъ Славянскимъ нарѣчіямъ, съ тѣми же значеніями. Словъ образованныхъ съ помощью предлога bez = безъ такъ же множество. Теперь слово bezslaví вообще не употребительно; но ручаться, что его никогда не было такъ же нельзя, какъ ручаться что и теперь никто изъ Чехо-Славянъ его не употребляетъ и употребить не можетъ.

— bledý delirus, bledí peligni, stulti. Корень этого слова очевидно bled: блѧд: блѫд, который далъ Чешскому языку глаголъ bledu blesti. Прилагат. bledý могло быть образовано такъ же, какъ образовалось blědý: блѣдыи, rudý: рѹдыи и пр.

— blenie balatus — отъ bleti: bleiu, какъ pěnie — отъ pěti peiu.

— borec agonista. Ср. bořič destructor: bořitel, bořiti se corruere, labi, borba. Слово borec: борьць образовалось такъ же какъ hudec: гѫдьць, honec: гоньць, lovec: ловьць и пр.

— bračka sistrum отъ корня брѧк (по ст. Слав. было бы брѧчька), какъ отъ внѹкъ—внѹкъ=vnučka. Выговоръ а вмѣсто ѧ былъ и остается не только за другими мягкими согласными, но и за р, какъ на пр. přadlo, přaslo, třas.

— cědu excolo, purgo—отъ корня цѣд, могшаго дать и первообразный глаголъ cěsti=цѣсти, какъ далъ производный ceditі. Ср. слова cedák, cedník, cedidlo и пр.

— čerep ostra, testa. См. выше.

— čeridlo hamula. Если это то же, что Словенское čeridlo: čuridlo, то едва ли есть о чемъ и задумываться. Кажется впрочемъ, что это одно изъ тѣхъ словъ, надъ которыми стоило бы поработать. Ганка объяснялъ это слово посредствомъ čridlo (Sb. Sl. 371).

— dětel pragma, causa. Срав. metel'=Рус. метель, mejtel: mytel: мытель — баня (J. Kouble Podřečí sever. Čech. Čas. Čes. mus. XXXVIII: 55).

— děver levir было въ древ. Чешскомъ: sw. Cecilia poczie swemu dewerzowi modli hyzditi. Pass. 598 (Sbir. Slow. 320); leuir dewyerz стоитъ и у Роскоханаго (Sb. Sl. 88), и въ Богемаріи (Sb. Sl. 42). Есть и въ новомъ, по крайней мѣрѣ Словенскомъ (G. Palkowitsch Wörterbuch; Šemb. Zakl. Dialekt. 74. Čas. Čes. mus. XXII: I: 206).

— děvosnub procax. Срав. snúbiti, usnúbiti, zasnubiti; posnubye sponsalia у Роскоханаго (Sb. Sl. 103), snubacz parānymphus (Anon. Sb. Sl. 182), snubak procus (у Велеш. Sb. Sl. 146), posnubenie sponsalia (т. ж. 150) и т. д. и děvokradce, děvonasilnik. Какъ děvosnub образованы были въ Чешскомъ многія слова. Выбираю нѣсколько изъ древнихъ словарей: pannicida suknokray (B. 50),—arthanthus konystrass (R. 60), sicarpus konypass (R. 60), meriga drozylap (R. 60), lapparius makoluscz (R. 61), ipomanius konypaz (R. 65), teredo drzyewotocz (R. 68), dactitella

kolowrat (R. 74), pesgaliara matonoh (R. 74), degulius passoryt (R. 79), trapedicus hladynoh (R. 80), colericus suchopel (W. 117), girocellum kolowrat (W. 130), liga motowuz (W. 135), lucitra kratochwil (W. 136) и пр.

— drebne riget. Глаг. drebnúti: Ст. Сл. драбнѫти.

— hrad grando. Удержалось въ Словенскомъ (Палк. W.). Было и въ древ. Чешскомъ: Hrozna jako hradowe (: hradowa). Pass. 446 (Sb. Sl. 303).

— hrez lutum=гразь. Этого слова еще не отмѣтили ни въ Чешскомъ, ни въ Словенскомъ; но отвергнуть, что оно было, нельзя, имѣя въ виду глаголы hreznuti, uhreznuti, hřížiti, pohřižiti, hrúziti и пр.

— hriesti sepelire было въ древ. Чешскомъ: kupichu jedno pole pútnikom hřiesti nesmějiec jich u boží chrám nesti. Pass. 535. Star. Sklad. III. 53; Pole na němž by pútníky hřebli za nia kúpichu. Ius. 421, стр. 148; pohriesti: zda jich pohřesti měji. Spor duše. Vyb. I. 364; zahřiesti: kazachu živy zahriesti. Alex. 448. St. Skl. II. 172. (См. еще Sb. Sl. 214 и 434).

— chlast celebs. Правда, что ни въ одномъ изъ доселѣ прочитанныхъ памятниковъ не найдено это слово въ такомъ значеніи; но это еще не порука, что оно не найдется; а между тѣмъ оно есть въ древнѣйшихъ памятникахъ Старославянскихъ....

— chvorý imbecillis было въ древ. Чешскомъ: strastnye bydliw chwor sie wratyl. Pass. 474. (Sb. Sl. 319); gegye drzewnye krassa biesse sie w chworu postawu promenyla. Pass. 544 (т. ж. 314): въ печатн. тутъ вмѣсто chworu стоитъ dwornu — вѣроятно по опечаткѣ вм. chwornu; člowieček jsem v tělo chvorý. Živ. Jan. Egypt. (Vyb. I. 1167—8).

— knižný scitus: срав. črnoknižnik.

— komonničí starosta prefectus equestris: ср. komoň, komonstvo, komonník.

— ložesný clinicus: срав. télesný.

— lukavá falsa sub prodicione: въ древнемъ Славянскомъ было въ ходу и лѫка какъ δόλος, и лѫкавъій, какъ видимъ въ са-

мыхъ древнихъ памятникахъ: отвергнуть его умѣстность въ древнемъ Чешскомъ такъ же трудно, какъ доказать, что слова chytrý, falešny и т. п. замѣняющія теперь слово lukavý въ Чешскомъ, замѣняли его и въ древности.

— majčenie priapismus...?

— matuřeju senescunt; срав. matorný — maturus: o matorným člověku. Глав. 24 Альберта Вел.

— mračice rubus. Въ нов. Чешскомъ обыкновенная малина называется ostružina, а черная глухая — kupina или černá malina; та и другая называется еще černice. Отвергать, что гдѣ нибудь, можетъ быть, и доселѣ она называется и mračice едва ли можно. Не не къ стати будетъ припомнить, что въ древн. названіяхъ мѣстностей есть и Vrch Malinného (1215 г.), и Černice (1249 г.), и Mračnice (1186 г. и сп. XIII в. грамоты 993 г.). Ганка предполагалъ, что mračice надобно бы читать mratice и сравнивалъ съ Русс. моротка (Sb. Sl. 390): это было слишкомъ смѣло.

— mrščiny—rugas, collectiones vestimenti in unum. Срав. mrštiti—на скоро бросать, набрасывать—отъ корня мрьск.

— murin maurus: такъ и въ Польскомъ и въ Словинскомъ-Хорутанскомъ. Что было это слово и въ древ. Чешскомъ, свидѣтельствуютъ слова, употребленныя въ древ. переводѣ книгъ Ветх. Завѣта: Pokrm liudem murzinowym. Пс. LXIII. 13; stanowisce murzinska. Abbak. III. 7; murzinstwo. Пс. LXVII. 32.

— nečestie improbitas: срав. nečest dedecus, nectný improbus, nečestný (стар.) inhonestus.

— něha teneritas, něhovati mulcere, molire: срав. древ. имена Neg (1052 г.), Negan (1130 г.), Mironega (въ Подлаж. синодикѣ X—XII в.).

— nora specus: срав. nořiti—mergere, nořе=hlubina (obs. Палк. Wört.); въ древ. Чешскомъ unoriti: ne jedná svých slez unoři v svej žalosti i v svém hoři. Aleks. 1891 (St. Skl. II. 238); neb se had k dětem ne vnořil. т. ж. 878 (т. ж. 192); имена мѣстностей: Norica (900, 948, 1184 гг.), Norichovice (1248 г.).

— oboz castrenses res. Въ лѣтописяхъ Гайка и Пелцеля въ подобномъ значеніи употреблено слово obwoz (см. въ Slown. Юнгмана).

— odr lectum; въ нов. Чешскомъ слово это въ ходу съ призвукомъ v: vodr, vodry въ значеніи patro — намостъ въ гумнѣ (Šemb. Zakl. dialek. Č. Sl. 18).

— ohar fuscum, nigrum: то же что Рус. загаръ при глаг. загарать, загорѣть—oharati, ohořeti.

— ohniščenin libertus — отъ ohnišče (fvcus ohnyscze. Nomencl. Sb. Sl. 169): ohnisko focus, foyer, Heerd: срав. Лат. foculare, отъ куда focularius, владѣтель огнища, дома.

— opec, opice simia: окончаніе жен. ice (: ica: ица) прибавлено къ корню op; такъ же могло быть прибавлено и окончаніе муж. ec (: ьць); въ Латин. употреблялось то же не только simia, но и simius; въ Нѣмец. др. affo, какъ и нов. affe — муж. же рода.

— oslopy (?) oslopi (?) vectes dicti quod manibus vectentur: въ Оравѣ есть гора Prislop, въ другомъ мѣстѣ prislopy (м. б.=strminy. Čas. Čes. Mus. XXII: II: 321); въ Сербской землѣ есть такъ же Прѣслопе (на пр. въ одной грамотѣ Стеф. Душана, ок. 1348 г., граница Архангельскаго Призренскаго монастыря проведена между прочимъ «како излазии мегю двѣ главѣ на дѣль. и тѣмьзи дѣломь на Качиноу главоу на прѣслопь како се камывали оу Лѣшевь доль оу лоупежь...» Хрисов. ц. Стеф. Душ. 1862, 22; другія мѣста см. въ Рјечнику Ю. Даничића. II: 502). Отдѣля предлогъ при или прѣ получимъ слопъ, созвучіе стоющее вниманія и разбора.

— paz iunctura tabularum: ср. pazucha, pazouch, paže — между прочимъ и въ томъ значеніи какъ paz (Slow. Юнг.).

— pecera antrum, specum: срав. pec (: пещь), pecka, pecina, pecen и пр.

— pelest, pelestý varius, discolor, mutabilis: ср. pelesta: pelestka — божія коровка, пеструшка.

— plamennik flammiger. Слово plame: plamen дало въ

Чешскомъ много производныхъ: между ними легко могло стать и plamennik. Юнгманъ отмѣтилъ это слово въ Новогодницѣ проф. Хмелы (Noworočenka. 1824 г.) въ значеніи факела; въ Словенскомъ plamenik значитъ хлѣбецъ, спеченый на огнѣ.

— plasy tenie, infule. Въ Чешской землѣ есть мѣстность Plasy, гдѣ былъ монастырь monasterium Plasense; данныя о немъ начинаются съ XII в. (Reg. Boh. et Mor. I. 768).

— plečnici renones, velamina humerum et pectoris. Въ M. V. есть слово oplecie какъ переводъ слова armilla; въ томъ же значеніи принялъ его и Bohemarius (Sb. Sl. 44) и Велешинъ (т. ж. 110); а Роскоханый перевелъ armilla словомъ opleczek (т. ж. 92). Почему же еще одному глоссатору не перевести было reno словомъ plečnik? Ср. др. Рус. оплечие, Серб. оплеће, оплећак.

— plenik manceps. Срав. plen, pleniti, plenení и пр.; plenyenye vastatio употребилъ Роскоханый (Sb. Sl. 83); plen въ значеніи praeda, spolia есть у Ѳом. Штит. (Ob. Věc. 168).

— poluču nanciscor, adipiscor: въ древ. Чешскомъ есть гл. polučiti se: kak poluči se svatý ze zlého. Dalimil. 32; kak sě poluči ty děti. Th. Štit. Nauk. Křest. I. 14.

— posah dotalicium. Въ Земскомъ Устроеніи (Zrizení Zem.) 1530 г. слово это въ такомъ же значеніи употреблено нѣсколько разъ (Юнгм. Slow.). Выговоръ этого слова въ Польскомъ posąg, вм. posięg, можетъ наводить на домыслъ, что въ Польскій оно перешло изъ Чехо-Словенскаго, а не на оборотъ: могло оно быть дома съ а вм. ѧ только тамъ, гдѣ обособленный выговоръ ѧ какъ а соединился еще и съ несмягчаемымъ выговоромъ s: с; срав. sáhati, sáhnúti, sáhání, sáh.

— poskočnici saltatores: срав. skok, poskok—saltus, skočec saltator, skakati, poskakovati salire и пр.

— prok residuus было въ древ. Чешскомъ, какъ показываютъ производныя: prokný, proknie: služba proknie skona. Živ. s. Kat. 1253.

— ryd singultus: срав. rydati, rydaní и пр.; въ знач. prchlivost (Rozb. S. Lit. I. 149).

— rysk cursus equestris: срав. ryšiti—rychle hnáti, rychlý — скорый; — ryčný и ryčnost: žádné nohy ani křídla nemá k ryčnosti=k hbitosti (Rozb. St. lit. 184).

— skop spado, eunuchus: срав. skopit: škopit' (въ Слов.), agnos castrare; skopik agnus vervecinus, skopec vervex.

— skora corium, pellis: срав. skorně (кож. обувь) въ поэмѣ o Ševcich ст. 20—36 (St. Skl. II. 118—119).

— skranec sertum, corona. Не то ли же это слово, что и Нѣм. Kranz. Въ древ. Чешскомъ оно употреблялось безъ s: kranec: sertum kranecz. Voc. Rozkoch. (Sb. Sl. 92), sertum kranecz, kranczl. Lex. Weles. (т. 148).

— skravad' sarthago: срав. skrovadnice — cymbalum: w skrowadnycech. Пс. CL. 5 (Sb. Sl. 254. Rozb. St. Lit. I. 120).

— snaha pronuba. Слово snaha и по Чешски значитъ то же, что Сл. снъха=Рус. сноха; а pronuba есть Рус. сваха, сватья; въ Чешскомъ жен. отъ svat есть svatka и значитъ то же snaha.

— srače tunica=Рус. сорочка; Словен.-Хор. srajca: sračca: древ. Слав. срачица: древ. Сканд. serkr—слово трудное и для этимологовъ.

— sram verecundia, pudor: въ Словен. говорахъ слышно и это существительное и глаголъ sramiti, sramitisa, какъ въ Русскихъ соромъ и соромится; Колларъ употреблялъ слово sramota.

— stezky tramites: въ Чехо-Словенскомъ есть и stezka, и stezička, и stezinka, и stežník (Šemb. Zakl. dial. 28); было и въ древнемъ: semita stezka (Nom. Sb. Sl. 171).

— svor zodiacus, circulus: срав. svor, svorný, svornost.

— ščedně parce, honeste, moderate: срав. въ Lex. Weless. stednost (такъ у Юнгм.): stedrost (такъ въ Sb. Sl. 438); oščádat' se по Ганацки skrbiti s něčím. (Šemb. Zakl. dialekt. 49).

— tešč uacua: срав. tštice (: tštica) vacuitas. (Sb. Sl. 426); čtice srdce, v ctici byti (Thom. Štit. Nauč Křest. 76, 103); tščivy inanis. (Rozb. St. Lit. I. 120); štitroba=čtitroba stomachus jejunus, пустой желудокъ, доселѣ въ народѣ.

— topeš topsus, topstein: сред. Латин. tufus: tophus: tofus: topus, туфъ.

— treba sacrificium. Почти у всѣхъ Славянъ удержалось значеніе слова трѣба: треба, выражающееся въ Русскихъ словахъ потреба, потребность и т. п. Только въ церковномъ языкѣ доселѣ сохраняется древній смыслъ слова трѣба, нѣсколько расширенный. Отрицать, что этотъ смыслъ слова былъ чуждъ какимъ нибудь Славянамъ въ древности едва ли было бы возможно, такъ же какъ и отрицать умѣстность домысла Воцеля, видѣвшаго отголосокъ древнихъ требъ въ разныхъ названіяхъ Чехо-Словенскихъ мѣстностей (Pravěk. Z. Č. 376).

— trepice cramula, hahala: срав. třepiti, třepky: třapky, střapiti, střapkati.

— tvrd' firmamentum: срав. tvrdost' firmamentum: vidiš a ne možeš jieti ob tvrdosti jeho vzkružie. Živ. s. Kat. 1378.

— vatra fulmen: въ Словен. vatra: vatral значитъ пламя, a vatrit' oheň—раздувать пламя (такъ отмѣчено въ моемъ сборномъ словарѣ; срав. Čas. Čes. Mus. XXII: II: 333).

— vršiti triturare, conculcare. Въ древ. Слав. памятникахъ рѣдко встрѣчается слово врьхѫ врѣщи въ значеніи triturare; второобразный же глаголъ врьшѫ врьшити былъ употребляемъ только въ значеніи perficere, какъ и доселѣ въ Русскомъ. Только въ Хорватскомъ и то не вездѣ, вмѣстѣ съ mlatiti говорятъ veršiti=varšiti, такъ же какъ въ Сербскомъ врьху вриjеħи: mlatiti можно только цепами, а veršiti не цепами, а конскими копытами или же ногами, conculcare. Гдѣ оставлялся этотъ пріемъ молоченья, тамъ и самое слово должно было выпадать изъ употребленія; такъ оно могло или, правильнѣе сказать, должно было исчезнуть и въ Чешскомъ.

— vrv—resticula, restis: срав. obrv: obvrv—funiculus въ Пс. CIV. 11 (Rozb. St. Lit. I. 120, Sb. Sl. 235) и vrv zona (Rozb. т. ж.).

— žestok furiosus, crudelis, seuus: срав. названія мѣстностей: Žestoky: Seztoceh, Sestoceh (1115, 1167, 1186 гг.).

Предлагая эти замѣчанія вниманію знатоковъ, позволяю себѣ остаться при увѣренности, что каждый изъ нихъ можетъ только увеличить ихъ своими прибавленіями по источникамъ не только мнѣ неизвѣстнымъ, но и извѣстнымъ.

Если же каждое изъ приведенныхъ выше замѣчаній на сколько нибудь годно для доказательства, что слово, къ которому оно относится, не можетъ быть разсматриваемо какъ невозможное въ древнемъ Чешскомъ языкѣ; если допустить при этомъ возможность найдти эти слова не только въ древнихъ и старинныхъ памятникахъ еще никѣмъ нечитанныхъ, но и въ читанныхъ и даже изданныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ хотя нѣкоторыя и въ живомъ говорѣ народномъ; то надобно допустить и умѣстность общаго вывода — такого: — Кто бы ни былъ составитель глоссъ, оказывающихся поддѣльными, онъ составлялъ ихъ не зря, не съ надеждою, что его незнаніе и легкомысліе никогда не обнаружатся, а вооруженный полнымъ знаніемъ и чутьемъ своего родного языка, немогшими его допустить до ошибокъ, легко подмѣчаемыхъ. Какъ поддѣльщикъ, упрекаемый въ поддѣлкѣ, онъ бы могъ сознательно оправдывать себя передъ обвинителями между прочимъ и такимъ возраженіемъ: — Если вы считаете эти глоссы поддѣланными мною потому, что въ нихъ видите отголоски языка Русскаго, Польскаго, Церковнославянскаго, то считайте же поддѣланными и всѣ другіе древніе памятники Чешской письменности; въ каждомъ изъ нихъ мы можемъ найдти такіе же поводы къ такимъ же сомнѣніямъ въ ихъ подлинности. Такой поддѣльщикъ долженъ былъ понимать и чувствовать, что онъ трудится не для одного часа, не для прельщенія людей малознающихъ, а для долгаго будущаго и для работы судей опасныхъ силою знанія и критическаго размышленія. Теперь, имѣя въ виду выводы подробной и строгой палеографической работы А. О. Патеры, можно отвергать эти глоссы, какъ выдумки поддѣлыцика, негодныя для изслѣдователя, такъ же смѣло, какъ прежде принимали ихъ за цѣнныя открытія и строили на нихъ разныя археологическіе выводы. Не будь сдѣлано что сдѣлано А. О. Патерою, не

было бы и теперь возможности отстраняться отъ данныхъ, даваемыхъ этими глоссами. Именно потому и не было возможности ими не пользоваться, что ничто въ нихъ не навлекало тѣни подозрѣнія.

Таковы эти глоссы не только въ отношеніи къ словамъ, которыя могутъ показаться занятыми изъ другихъ Славянскихъ нарѣчій, но и въ разныхъ другихъ отношеніяхъ, между прочимъ и въ отношеніи къ вѣрованіямъ и обрядамъ язычества, на сколько тѣ и другія могли отразиться въ переводахъ Латинскихъ словъ этого рода Чешскими. И тутъ этого глоссатора уличить въ поддѣлкѣ очень трудно.

Что онъ какъ поддѣльщикъ могъ имѣть въ виду? Конечно, хоть отъ части, нужду объяснить не ясное и дать новыя свѣдѣнія о томъ, что желали бы узнать и чего не знали. Помочь себѣ онъ могъ, даже долженъ былъ своимъ воображеніемъ, но теряя изъ виду или, лучше сказать, внимательно всматриваясь въ тѣ данныя, которыя были у людей ученыхъ, занимавшихся Славянскою миѳологіей, и въ тѣ выводы, къ которымъ они пришли разрабатывая эти данныя, оцѣняя ихъ строго-критически, чтобы какъ нибудь не впасть въ какую нибудь непоправимую ошибку.

Работа была не легкая. Много было подобрано данныхъ и изъ древнихъ сказаній, и изъ народнаго преданія, много было сдѣлано различныхъ толкованій чуть не каждаго изъ этихъ данныхъ; много было надѣлано различныхъ сводныхъ изображеній Славянскаго многобожія. Такъ изъ древнихъ лѣтописцевъ Германскихъ знали:—Витикинда Корбейскаго по изданіямъ Фрехта въ 1532, Рейнекція въ 1577, Мейбомія въ 1621, Лейбница въ 1707 и другимъ,—Дитмара по изданіямъ Рейнекція въ 1580 и 1600, Мадера въ 1667, Лейбница въ 1707,—Адама Бременскаго по изданіямъ Веллея въ 1579, Линденброга въ 1595, 1609 и 1630, Мадера въ 1670,—Гельмольда по изданіямъ Шоркеля въ 1556 и 1573, Рейнекція въ 1581, Бангерта въ 1659, Лейбница въ 1709,—Жизнеописанія Оттона Бамбергскаго по изданіямъ Кани-

зія въ 1602, Гретсера въ 1611, Сурія въ 1608, Іашія въ 1681, Лудвига въ 1718 и др.,—Саксона грамматика по изданіямъ Петра въ 1514, Стефанія въ 1614 и нѣсколькимъ другимъ; изъ собственно Славянскихъ лѣтописцевъ знали Козму Пражскаго по изданіямъ Фрегера въ 1602 и 1607, Менкена въ 1728, Добровскаго въ 1783,—хронику Гайка по изданію 1540, по Нѣмецкому переводу Санделя изд. въ 1596, 1697, 1718, и по Латинскому переводу Добнера изд. въ 1761, — Мартына Галла и Кадлубка, по изданіямъ Ленгниха въ 1749 г. Мицлера въ 1769, а одного Кадлубка по изданіямъ Гербурта въ 1612 и Гюйсена въ 1712; исторію Длугоша по изданіямъ Гербурта въ 1615 и Гюйсена въ 1711; Русскую древнюю лѣтопись знали по извлеченіямъ Герберштейна въ изданіяхъ 1549, 1556, 1557, 1567, 1600, а въ подлинникѣ по изданіямъ Академіи Наукъ, по Нѣмецкому переводу Шерера въ 1774 г. и Шлецера въ 1802 — 9 г. и друг. Къ такимъ источникамъ по Славянскому язычеству причисляли долго и Живописную Хронику Ботона (Cronecken der Saasen), изд. въ 1492 и потомъ Лейбницемъ въ 1711, а въ Нѣмецкомъ переводѣ въ 1589 и 1596, и Прусскія хроники Христіана, Грунау, Дусбурга, и т. д. Невозможнымъ казалось не заглянуть въ Хронику Ботона, потому что тамъ помѣщены не только описанія, но даже изображенія нѣкоторыхъ боговъ Славянскихъ: имъ довѣряли и потому ихъ перерисовывали и переиздавали, какъ сдѣлалъ и ученый Бангертъ въ своемъ изданіи Хроники Гельмольда (1702 г.), снабженномъ многими объясненіями. Въ Прусскихъ хроникахъ находили обильную жатву данныхъ о божествахъ Литовскихъ, которыя казалось нужнымъ не только сравнивать, но и уравнивать со Славянскими и которыми могло быть очень роскошно увеличено незначительное число отмѣченныхъ именами божествъ Славянскихъ... Могли не быть опускаемы изъ виду и такія произведенія, какъ Cronica Polonorum Mathiae de Mechovia, изданныя уже въ 1521 г., A. Guagnini Rerum Polonicarum tomi tres, изд. въ 1585 г., Respublica Bojema à M. P. Stransky, извѣстная съ 1583 г., Sacra Moraviae historia à J. G. Stre-

dowsky, изданная въ 1710 г. и другія подобныя. Всякій, кто пользовался такими разными источниками, по мѣрѣ силъ прибавлялъ къ даннымъ изъ нихъ извлеченнымъ свои поясненія и добавлялъ изъ того, что узнавалъ о народныхъ суевѣріяхъ, или что вычиталъ въ словаряхъ Славянскихъ языковъ, все, что казалось годнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ многоначитанные люди не могли оставить въ покоѣ и разныхъ своихъ знаній по язычеству другихъ народовъ разныхъ временъ, какъ пособій для уясненія своихъ взглядовъ на явленія Славянскаго язычества.

Какъ давно начались эти работы, можно удостовѣриться изъ того, что когда многоученые славянофилы XVII—XVIII вѣка братья Мих. и Авр. Френцели занялись своими диссертаціями одинъ de idolis Slavorum, а другой de diis Soraborum aliorumque Slavorum для второго тома Rerum Lusaticarum, изданныхъ въ 1719 г., то они могли уже имѣть подъ руками значительное количество книгъ, годныхъ какъ пособіе для этой работы, напечатанныхъ между прочимъ и такими людьми, съ которыми можно было входить въ научное состязаніе, не унижая своей ученой важности. Современные сочинители разысканій по Славянской миѳологіи, разсматривавшіе произведенія Френцелей, замѣтили вѣроятно, что это не краснорѣчивыя разглагольствованія на нѣсколькихъ страничкахъ, а сухія и вмѣстѣ съ тѣмъ объемистыя изслѣдованія, занявшія болѣе 160 страницъ въ листъ, т. е. болѣе 300 страницъ обыкновеннаго набора въ 8-у. Особенно замѣчателенъ трудъ Авр. Френцеля (стр. 85 — 236), воспользовавшагося не только источниками и изслѣдованіями по Славянской и Литовской миѳологіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по Греко-римской, но и своими филолого-богословскими знаніями ветхозавѣтной древности. Начавъ общимъ изображеніемъ язычества и языческаго богослуженія Славянъ, онъ перешелъ къ частному перебору каждаго изъ божествъ,—и вотъ какіе у него боги выдѣлились каждый особенною личностью:—Swantevit какъ deus supremus и богъ солнца (стр. 100 — 121), Radegast какъ другой supremus deus, исполнявшій у Славянъ должность Марса (121—

132), Vith: Rugiaevith какъ богъ мести (132—137), Porevith какъ богъ добычь и военныхъ нападеній (137 — 139), Provo какъ богъ суда (139 — 149), Sivva: Zywie какъ богъ жизни (149—156), Porenut какъ богъ зачатій (157—158), Slota baba какъ богиня повиванья (159—162), Ciza какъ богиня кормленья (162—164), Potrimp какъ богъ довольства въ пищѣ и одеждѣ (164—168), Occopirn какъ богъ молніи (169—170), Percun какъ богъ грома и молніи (170—175), Perdoit какъ богъ вѣтра (176—177), Pogoda: Podaga какъ богъ погоды (177—178), Jutrobog какъ богъ зари утренней (178—180), Schvvaixtix: Zvicz какъ богъ свѣта и огня (180 — 184), Vorskait и Schvveitbrat какъ боги скотіи (184—187), Dzievvanna: Dzievonia какъ богиня лѣсовъ и лѣсныхъ звѣрей (187—189), Antymp какъ богъ озеръ, рѣкъ и источниковъ (189 — 191), Pilvit какъ богъ богатствъ (191—192), Pergubri какъ богъ жатвъ (192 — 298), Churcho какъ богъ надѣленія (198—201), Hennil какъ богъ хранитель (202), Trigla какъ богъ неба, земли и ада (203 — 205), Pusceith какъ богъ священныхъ лѣсовъ (206—209), Suitibor: Zuttiber тоже какъ богъ священныхъ лѣсовъ (209—211), Püstric какъ богъ мститель-хранитель богослуженія (211 — 220), Auschvveit какь богъ больныхъ и здоровыхъ (220—221), Marzana: Marzana какъ богиня смерти (222—225), Флинсъ какъ богъ воскрешеній (225—229), Czernebog какъ дьяволъ (229—232), Picollo какъ богъ ада (232—234), Barstucci и Marcopeti какъ духи покровители (234—235), Coltki какъ кобольды (235—236), духъ полудня (236). Изъ этого перечня очевидно, что Френцель, хотя и далъ мѣсто Золотой бабѣ, какъ божеству, имѣвшему право на мѣсто между Славянами, и упомянулъ еще о Новгородскомъ Перунѣ (89), не воспользовался данными о божествахъ Русскихъ Славянъ, отмѣченными въ древней Русской лѣтописи, и вмѣстѣ съ тѣмъ внесъ въ рядъ Славянскихъ довольно многія, обогатившія Литовскую миѳологію. Нельзя упрекнуть Френцеля ни въ томъ ни въ другомъ. Русскихъ боговъ времени Владимира онъ могъ узнать только по именамъ, а ему нужны

были не одни имена, Литовскіе же боги были описываемы и подробно и многократно, и имѣли право стоять между Славянскими не только тогда, но и слишкомъ столѣтіе позже. Какъ бы то ни было, произведеніе Френцеля не могло не быть принято съ особеннымъ уваженіемъ, какъ плодъ огромной начитанности и обширныхъ соображеній, не только современниками, но и послѣдовавшими изслѣдователями — тѣмъ болѣе, что оно подробно указало на множество источниковъ и ученыхъ работъ — по каждому вопросу отдѣльно.

Въ ряду источниковъ, которыми не пользовались братья Френцели, былъ и тотъ, который могъ легко быть образованъ посредствомъ источниковъ, бывшихъ или могшихъ быть у нихъ подъ руками, но въ то время, когда они работали, скрывался гдѣ то въ Нейбранденбургѣ, и открылся ученому свѣту съ начала только въ извѣщеніяхъ (Altonaischer Mercurius. 1768, № 34—44; Nützliche Beiträge zu den Intelligenzen. Neustrelitz. 1768. № 20—23; Gemeinnützliche Aufsätze. Rostock. 1769. № 8—12, 16—17, 18, 21—23, 42—43), а за тѣмъ и въ обширной и роскошно изданной книгѣ, вышедшей со множествомъ изображеній, рѣзанныхъ на мѣди, подъ названіемъ Die gottesdienstlichen Alterthümer der Obotriten aus dem Tempel zu Rethra (Berlin. 1771), книгѣ прославившей суперинтендента А. Г. Маша не менѣе чѣмъ и бывшаго владѣльца Машемъ описанныхъ древностей, пастора Ф. Спонгольца. Славянскимъ миѳологамъ было чему поучиться въ этой книгѣ — не только очень ученой, но и давшей самыя изображенія боговъ, съ руническими надписями на нихъ ихъ именъ, singulis nominibus insculptis — какъ о Славянскихъ идолахъ Ретры сказалъ Титмаръ почти за 700 лѣтъ передъ тѣмъ. Изъ этой книги удостовѣрились, что Славянами чтимы были не только Swantewit, Radegast, Podaga, Perkun: Perkunust, Sieba, Schuaixtix, Zernebocg, но еще и Vodha, Nemisa, Zislbog, Ipabog, Zibog, Asri, Opora, Siecgsa, Kudii, Zirnitra, Лель и Полеть (Lelus und Poletus). Неосторожный Варленскій пасторъ Зензе вздумалъ было усумниться въ подлин-

ности этого открытія и печатно заявить, почему онъ сомнѣвается; но господа Таддель и Генцмеръ его укротили (ссылки выше), а суперинтендентъ Машь окончательно усыпилъ, и надолго, всякую мысль о возможности сомнѣнія. Съ тѣхъ поръ не пользовались книгой Маша развѣ только тѣ, которые не имѣли возможности добыть ее, слѣдовательно во всякомъ случаѣ люди отсталые. Невозможнымъ счелъ не пользоваться ею умный и добродушный д-ръ Антонъ въ своихъ Erste Linien eines Versuches über der alten Slawen Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnsisse (Leipz. 1783); а сурово-самостоятельный Гебгарди въ своей классической Geschichte alter Wendisch-Slawischen Staaten (Halle. 1790 — 1793: 2 т. 4⁰) счелъ даже нужнымъ голословно предпочесть сокровища Спонгольца тому, чѣмъ воспользовался А. Френцель и другіе изъ свѣдѣній о Прусскихъ божествахъ, не замѣтя, что и на этомъ сокровищѣ налегли слѣды этихъ и подобныхъ свѣдѣній. Приводить имена писателей, которые съ семидесятыхъ лѣтъ прошлаго вѣка до недавно-прошедшихъ лѣтъ нашего вѣка пользовались древностями Маша, бесполезно: ихъ число легіонъ. Довольно вспомнить, что Добровскій и Карамзинъ не отвергали ихъ подлинности (о чемъ послѣ), что и Шафарикъ и Лелевель искали и находили въ нихъ доказательства своихъ воззрѣній, а потому и ссылались на нихъ (Шафарикъ на пр. въ изслѣдованіи о podobizně Černoboha w Bamberku Čas. Čes. Mus. XI: 37 и слѣд.; Лелевель между прочимъ въ книгѣ Narody na ziemiach Słowiańskich. 1853: стр. 755 и слѣд. Bałwochwalstwo Słowiańskie). Что касается смѣшенія миѳологіи Славянской съ Прусскою и вообще Литовскою и при томъ безъ всякой критики источниковъ, изъ которыхъ добывались и добываются данныя о Литовскихъ богахъ, то голословное предостереженіе Гебгарди ни сколько не помогло: къ божествамъ отмѣченнымъ Гарткнохомъ прибавились еще въ бо́льшемъ количествѣ тѣ, которыя внесъ Ласицкій въ свою книжку de diis Samogitarum. Не только въ прошломъ вѣкѣ, но и въ нынѣшнемъ нерѣдко дѣлались эти смѣшенія, какъ видно между прочимъ и изъ

сводовъ Нарушевича (Historya narodа Polsk. 1824. I: II: стр. 313—496, Mithyologia Słowiańska) и Ант. Юнгмана (Krok. weřegný spis wsěnaučny II: III: 339 — 392: Obsáh naboženstwj pohanského u Slowanü zwlaště u Čéchü).

Имѣя въ виду объяснить языческія «древности» Ретры, Машь принялъ на себя и другую еще болѣе тяжелую и болѣе важную обязанность—выяснить Славянское многобожіе вообще и между прочимъ такимъ путемъ, котораго вѣрность нельзя было отвергать ни тогда, ни послѣ, путемъ отдѣленія божествъ по народамъ и областямъ. Не ему первому пришла эта мысль; но онъ первый высказалъ ее рѣзко и опредѣлительно. Ставя внѣ областныхъ отличій признаваніе всѣми Славянами того великаго бога, о которомъ говорилъ еще Прокопій, бога боговъ, какъ назвалъ его Гельмольдъ, и принявъ, что и Гельмольду извѣстно было его имя Бѣлбога, какъ бога добра въ противоположность съ богомъ зла Чернобогомъ, Машь нашелъ нужнымъ раздѣлить всѣхъ другихъ боговъ на четыре разряда: 1) главные боги, храмовые, 2) второстепенные боги, 3) домашніе боги, 4) полубоги. У Прусскихъ Славянъ къ главнымъ отнесены имъ: Percunust, Picollo, Potrimpi; къ второстепеннымъ: Curcho, Werzkait, Ischwambrat; къ домашнимъ: Occopirnus, Schweixtix, Avschweitus, Antrimpus, Potrympus, Perdoytus, Pergurbius, Pilvitus, Percunus, Pecullus, Puschkaitus; къ полубогамъ: Berstuen, Marcopesen и Coltki — все по Гарткноху. У Сербовъ Лужицкихъ главными признаны Swantovit и Radegast—по Френцелю; второстепенныхъ и полубоговъ не нашлось; домашнимъ показался Swantibold — по соображенію (§ 38: стр. 31). У Моравань въ число главныхъ вошли Peron: Perun, Radgost: Radedast, Witislaw и Krasopani—по Стредовскому (Sacra Morav. hist. 1810); а остальные, упомянутые Стредовскимъ (стр. 53—56), никуда не отнесены, можетъ быть, по одинаковости съ Чешскими. У Чеховъ какъ главные выдѣлены Peron и Swantewit; второстепенными—небесные: Chasen, Ladon, Zizlila, Marzena, Ziviena, Chrvorz, Zelun, Pohoda, Moksla, Pochwist:

Nehoda, земные: Zel вм. Lel, Poleb вм. Polel, Shetek: Siurzitek вм. Sskržitek, Diblik, подземные: Merot, Rademas, Niera вм. Ninwa, Tasani вм. Tassani, Sudice, Wily, Trzibeck: Trzibog; домашними Climba, Dyrsa, Crasatina, Kyhala и Crosina, — все по Странскому (Respublica Bojema. 1634). Къ чтимымъ Поляками главнымъ отнесены по Гваньини (Descriptio Sarm. 1581) Swantewit: Солнце, Мѣсяцъ, Pogwied, Jessa Jupiter, Lacton Pluto, Nia Ceres, Marzana Venus, Zievonia Diana, Lelus и Poletus Castor и Polux, а по Длугошу (Historia Polon.) Liada Mars, Dzidzielia Venus, Pogoda; къ второстепеннымъ, домашнимъ и полубогамъ — ни одного.

Взглядъ, принятый Машемъ, не могъ не быть усвоенъ: такъ онъ былъ простъ и пригоденъ. Усвоили его и д-ръ Антонъ, и Гебгарди, и другіе, только каждый видоизмѣняя подробности перечета боговъ. Должны были явиться въ ряду другихъ Славянскихъ божествъ и Русскіе. И вотъ на пр. въ какомъ видѣ явились Русскіе боги въ книгѣ Антона: Perun, Wolos, Poswisd oder Wichor, Lado мать des Lelo und Polelo, Kupalo, Koleda, Osljad, Chorscha, Daschba, Striba, Simargl, Makosch (стр. 49 — 50). Источникомъ былъ Anhang къ Нѣмецкому переводу des Nestors (Шерера Des heil. Nestor's älteste Jahrbücher. 1774). Изъ того же источника, только выдѣливъ божества, упомянутыя въ Лѣтописи отъ прибавленныхъ, почерпнулъ и Гебгарди свой отчетъ о Русскомъ язычествѣ (стр. 28). Ни одному изъ такихъ изслѣдователей не могло придти въ голову, что слова Chorscha, Daschba, Striba были въ Лѣтописи въ род. падежѣ Хръса отъ Хърсъ, Дажба отъ Дажбогъ, Стрибa отъ Стрибогъ, что Osljad явился изъ оусъ златъ, что Simargl составился изъ двухъ словъ, поставленныхъ въ Лѣтописи въ род. падежѣ: Сима, Рьгла, и т. д. Принимаемъ былъ какъ свидѣтельство цѣнное Герберштейновъ переводъ мѣста изъ лѣтописи: Volodimerus multa idola Kioviae instituit: primum idolum Perun dictum capite argenteo, caetera lignea erant; alia, Uslad, Corsa, Dasva, Striba, Simaergla, Macosch vocabantur = Володимеръ... постави кумиры на холму внѣ двора

теремнаго. Перуна древяна. а главу его сребрену. а оусъ златъ. Хърса Дажьба и Стрибā. и Симарьгла. и Мокошь.

Въ 1804 году Русскій штабсъ-капитанъ А. Кайсаровъ, по Нѣмецки Andrey von Kayssarov, заявилъ себя какъ представитель знанія Славянской миѳологіи въ книгѣ, имъ изданной въ Геттингенѣ: Versuch einer Slavischen Mythologie in alphabet. Ordnung (по Русски его книга вышла въ 1807 г.). Самъ онъ не хотѣлъ величаться, напротивъ того во введеніи еще болѣе, чѣмъ въ первомъ словѣ названія книги, онъ выразилъ свои малыя притязанія; но какъ Русскій Славянинъ не могъ не быть встрѣченъ любителями съ подобающимъ уваженіемъ. Съ уваженіемъ отнесся о немъ и самъ аббатъ Добровскій, не даромъ считавшійся въ то время лучшимъ знатокомъ Славянства, Славянскихъ древностей и вообще очень ученымъ человѣкомъ (Slavin. Bothschaft aus Böhmen. 1811, по 2-му изд. стр. 263 — 275). То, что высказано Добровскимъ по поводу книги Кайсарова, важнѣе самой книги. Остались у Кайсарова Korsha и Striba, хотя и съ оговоренными Chors и Stribog; остался—Semargl а рядомъ съ нимъ и Simzerla, не пропалъ Oslad: Uslad, не забыты Koliada, Kupalo, Trizna. Добровскій отвергъ изъ сонма боговъ Коляду, Купало и Тризну, сказавъ что это не боги, а торжества; но не отвергнулъ ни Simzerla, ни Услада. Изъ западно-Славянскихъ божествъ получили мѣсто у Кайсарова сравнительно немногія: Bielbog, Czernobog, Crodo, Didilia, Flintz, Jutrabog, Marzana, Nia, Prove: Prono, Posvist, Pogoda, Porenut, Porevit, Radegast, Rugevit, Sevana, Siva, Svetibor, Svetovid, Triglava, Voda — и то не всѣ съ увѣренностью, что были признаваемы Славянами за божества; а одно божество, Crodo, попалось по ошибкѣ изъ Саксонскихъ, какъ не забылъ замѣтить Добровскій. За то въ изобиліи явились Русскіе: Czudo morskoe, Czur, Dedinec, Did, Domovye duchi, Dubynia, Gorynia, Jagababa, Kasczei: Kosczei, Kikimora, Lado, Leschie, Polkan, Rusalki, Volchov, Voloty, Tzar morskoj. Сообщенныя Кайсаровымъ данныя объ этихъ новозаявленныхъ Нѣмецкимъ ученымъ членахъ Славяно-Русскаго многобожія Добров-

скій принялъ къ свѣдѣнію, давъ даже отъ себя кое-какія добавочныя припоминанія. Онъ замѣтилъ еще, что ни Чеш. Zmek, ни Далмат. Vila, ни общіе Славян. Бѣсы не должны бы отсутствовать. Не такимъ добродушнымъ миѳологомъ Добровскій показалъ себя въ отношеніи къ божествамъ, которыя были прежде извѣстны: Дажбогъ показался ему не богомъ, а восклицаніемъ къ богу: gebe Gott; Jutrabog призналъ онъ только именемъ города; Provo или Prono, хотя и указанный Гельмольдомъ, могъ, по его мнѣнію, быть не Славянскимъ; Porenut и Porevit считалъ онъ именами одного божества, и первое — за ошибку писца; Rugevit считалъ Витомъ Ругіи острова; на Золотую бабу смотрѣлъ какъ не на Славянскую; Svetibor зналъ изъ Дитмара какъ святой боръ; Svetovit казался ему такимъ же Витомъ, какъ Porevit и Rugevit.

Критическая статья Добровскаго о книгѣ Кайсарова въ ходѣ воззрѣній на Славянское многобожіе была немаловажнымъ шагомъ: утвердивъ своимъ словомъ многія изъ ея показаній и отвергнувъ кое-что, прежде прославившееся неопровержимымъ, или иначе понявъ кое-что, не такъ понимавшееся, Добровскій содѣйствовалъ хотя нѣсколько — не осмысленію Славянскаго многобожія, а употребленію осмысленныхъ пріемовъ разсмотрѣнія свѣдѣній. Замѣчательно, что, стараясь держаться древнѣйшихъ источниковъ вмѣстѣ съ народными преданіями, онъ не зналъ что̀ дѣлать съ указаніями той древней Русской лѣтописи, которую тогда единодушно и единогласно считали Несторовою, и не разъ задалъ вопросъ: да сказалъ ли это Несторъ? Не прибавка ли это переписчика? Не высказался онъ съ полною довѣренностью и къ такимъ лѣтописцамъ, каковы Гельмольдъ и Саксонъ Грамматикъ; а темныя мѣста сказанія Дитмара оставилъ въ сторонѣ.

Если такой многосторонній ученый и критикъ, какъ Добровскій, могъ считать цѣнными ни на чемъ прочно не основанныя и неправильныя показанія Кайсарова и въ то же время сомнѣваться въ показаніяхъ древнѣйшихъ сказаній, то чего же не могли допускать другіе? И вотъ на пр., не напрасно уважавшійся за большую любознательность и начитанность, митр. Станиславъ

Сестренцевичь - Богушь въ третьемъ томѣ своихъ Recherches historiques sur l'origine des Sarmates, des Esclavons et des Slaves (S. P. B. 1812: 582 — 613) не счелъ неудобнымъ чуть не повторить книгу Кайсарова только съ примѣсью изъ книги Гр. Глинки (Древ. религія Славянъ. Мит. 1804) и кое-чего подобнаги—тоже въ порядкѣ словаря. Остались тутъ Коляда съ Купалой, и Кродо, и Макошь, и Осладъ: Усладъ, и Тризна, и многое другое подобное; явилось для западныхъ изслѣдователей и кое-что новое, какъ на пр. Радомыслъ, который будто бы исполнялъ у Балтійскихъ Славянъ должность Греческой Паллады. Очевидно, Сестренцевичь не читалъ статьи Добровскаго, какъ не читалъ и многаго другого, съ чѣмъ бы ему не мѣшало познакомиться для его Recherches.

Нельзя, конечно, винить его за это: такъ дѣлали и другіе, вѣрнѣе сказать, всѣ. И всякій изъ этихъ всѣхъ невольно повторялъ старыя ошибки, а иной прибавлялъ и свои собственныя. Избѣгнуть ошибокъ, которыхъ и не считали ошибками, было невозможно. Легче было безошибочное показаніе или соображеніе принять за ошибку.

Оставляя въ сторонѣ другихъ писателей, занимавшихся Славянскою миѳологіей и повторявшихъ съ видоизмѣненіями прежде извѣстное, нельзя миновать Карамзина. Тѣмъ, которые могли читать его первый томъ по Русски, былъ онъ доступенъ съ 1816 г.; а читателямъ Нѣмецкимъ съ 1819 г. Его ученая приготовленность и критическая осторожность были скоро поняты; между прочимъ и страницы его расказа, касающіяся миѳологіи Славянской и Русской должны были быть приняты съ уваженіемъ. Карамзинъ повторилъ то, что повторено было много разъ о богѣ боговъ — Бѣлбогѣ, и за тѣмъ остановился на отдѣльныхъ божествахъ, особенно чтимыхъ Балтійскими Славянами. Отмѣчены на Рюгенѣ Святовидъ, Рюгевитъ: Ругевичь, Поревитъ и Поренутъ; въ Рацебургѣ Сива можетъ быть Жива, богиня жизни, та, которая называлась въ Далмаціи Фрихія (Фрея); въ Ретрѣ Радегастъ богъ гостепріимства и разные другіе: — Числобогъ можетъ

быть богъ мѣсяца, Ипабогъ богъ звѣриной ловли, Зибогъ или Зембогъ, котораго обожали въ Богеміи какъ духа земли, Немиза богъ вѣтровъ и воздуха, и кромѣ того принятые—изъ Скандинавіи (Воданъ), изъ Литвы (Перкунъ богъ молніи, Парстуки или Берстуки), изъ Греціи (богъ любви, брачный геній и Осень); въ Юлинѣ Триглавъ, Припекала м. б. богъ любострастія; въ Гавельбергѣ и Волгастѣ Геровитъ или Яровитъ богъ войны; въ Вагріи Прово богъ правосудія и Подага: Погода богъ звѣроловства или же ясныхъ дней; въ Мерзебургѣ Гениль какъ покровитель собственности. Сказанія о богахъ Польскихъ Славянъ, думалъ Карамзинъ, основываются на преданіяхъ и догадкахъ, и въ немногихъ словахъ повторилъ еще разъ повторявшееся прежде. Говоря о Русскихъ богахъ онъ далъ первое мѣсто мироправителю Перуну, за нимъ упомянулъ о Хорсѣ, Дажебогѣ, Стрибогѣ — м. б, богѣ вѣтровъ, Самараглѣ, Мокошѣ, Волосѣ б. скотоводства. Изъ извѣстныхъ по позднимъ сказаніямъ указанъ Ладо, какъ богъ веселія и любви; зачислены въ рядъ боговъ Купало какъ богъ земныхъ плодовъ и Коляда какъ богъ торжества и мира; вспомянуты еще Лѣшіе, Русалки, Домовые и Кикиморы.

Труда Карамзина по Славянскому язычеству нельзя назвать ученымъ изслѣдованіемъ; но упрекнуть его въ незнаніи источниковъ и по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ прежнихъ обработокъ было также нельзя. Онъ долженъ былъ быть уваженъ, — и дѣйствительно пріобрѣлъ уваженіе. Это доказалъ и появившійся въ 1820 году первый томъ довольно обширнаго и замѣчательнаго по содержанію труда Игн. Раковецкаго: Prawda Ruska czyli prawa w. x. Jarosława, tudzież Traktaty z cesarzami Greckimi y z Rygą zawarte, których texta poprzedza Rys historyczny zwyczaiów, religiy, praw y języka dawnych Słowiańskich y Słowiańsko-Ruskich narodów. Этотъ томъ весь посвященъ Rysu historycznému zwyczaiów и пр., а 2-я глава первой обще-Славянской части — очерку Славянскаго язычества. Раковецкій былъ знакомъ съ нѣкоторыми важнѣйшими источниками, съ нѣкоторыми изъ болѣе выдававшихся пособій; но глав-

нымъ не только пособіемъ, а даже источникомъ была Исторія Карамзина. Раковецкій впрочемъ пользовался Карамзинымъ самостоятельно. Всего болѣе замѣчательно, что онъ ограничилъ списокъ боговъ очень немногими именами. Обозначены у него только Перунъ: Перкунъ, Бѣлый богъ и Черный богъ, Святовидъ, Радегастъ, Прове, Ладо, Ко-Лядо, Купало — и только. Трудъ Раковецкаго внушалъ къ себѣ уваженіе; но такая умѣренность едва ли кому могла понравиться.

Въ 1824 году вышелъ первый томъ Historyi Naroda Polskiego А. Нарушевича уже по смерти сочинителя, начавшаго лично изданіе своего труда со второго тома—съ тѣмъ чтобы выдѣлкой начала заняться послѣ, и оставившаго послѣ себя это начало въ двухъ рукописяхъ, нѣсколько отличныхъ одна отъ другой и нѣсколько разъ поправленныхъ. Издатели выбрали изъ обѣихъ рукописей все нужное для пополненія. Значительную долю 3 й части этого тома заняла Mithiologia Słowiańska взятая изъ Пулавской рукописи (стр. 313 — 496). Имя писателя, уже прославившагося своимъ трудомъ, подававшаго надежду на уясненіе неяснаго, и обширность его работы прямо по источникамъ внушили съ перваго раза довѣренность къ этой части его посмертнаго изданія. Всмотрѣвшись въ трудъ можно было увидѣть и обиліе и разнообразіе запаса. Многіе вѣроятно и не желали ничего больше и даже порадовались, что Нарушевичь далъ не систематическое изложеніе Славянской миѳологіи, а обширный объяснительный словарь боговъ, число которыхъ тутъ дошло чуть не до полутораста. Не понравиться могло развѣ то, что списокъ боговъ, уже прежде отмѣченныхъ, все таки былъ неполонъ: такъ нѣтъ въ немъ именъ Ретрскихъ боговъ, описанныхъ Машемъ, и, какъ кажется, только потому, что книги Маша не было у Нарушевича подъ рукою; но недостатокъ этотъ замѣненъ обширнымъ числомъ Литовскихъ, взятыхъ изъ Ласицкаго, и еще нѣсколькими, какъ Фортуна, Ľwarazik, Swięci na Słupach. При томъ въ словарѣ Нарушевича явились и такія ссылки и выписки, которыя ускользали отъ вниманія прежнихъ собирателей, какъ на пр. изъ Хро-

ники Енгельгузена, изданной въ Script. rer. Braunsw. Лейбница и изъ другихъ, тамъ же изданныхъ, изъ Космографій и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ все подчинилось болѣе или менѣе рѣшительному объясненію.

Какъ уважительно могъ быть принятъ миѳологическій словарь Нарушевича, ясно изъ труда, вышедшаго нѣсколько лѣтъ позже изъ подъ рукъ человѣка, заслужившаго въ свое время общее уваженіе, Ант. Юнгмана, подъ названіемъ Kratký obsah náboženstwj pohanského u Slovanů zvlaště u Čechů (Krok. II: III: стр. 339—392). Это тоже миѳологическій словарь—и въ основу его взятъ словарь Нарушевича: нѣтъ многихъ подробностей, тамъ помѣщенныхъ, и нѣкоторыхъ описокъ, туда вкравшихся; но имена взяты почти всѣ (кромѣ семи). Есть подробности, на пр. изъ Respublica Bojema Странскаго, которыхъ нѣтъ у Нарушевича; есть и многія имена, взятыя изъ другихъ источниковъ, къ сожалѣнію вообще почти нигдѣ не указанныхъ. Для наблюдателя хода разработки Славянской миѳологіи важнѣе всего въ этомъ трудѣ дѣятельное желаніе объяснить и имена божествъ и ихъ значеніе. Отъ этого рода работы одинъ шагъ оставался до домысловъ Колара и другихъ поэтовъ-миѳологовъ.

Почти все выше означенное могло быть подъ руками того, кто бы вздумалъ участвовать въ работѣ миѳологовъ поддѣлкою Чешскихъ глоссъ въ Mater verborum — до Карамзина, если бы онъ работалъ до 1818 г., до Юнгмана, если бы работалъ до 1827 г., съ Юнгманомъ, если бы работалъ до 1832 г. Чѣмъ бы меньше было у него пособій, тѣмъ бы онъ больше могъ бояться надѣлать промаховъ; а чѣмъ больше, тѣмъ бы болѣе онъ растерялся въ разнообразіи данныхъ и ихъ объясненій. Не могли не явиться ему вопросы: употреблять ли въ дѣло Прусскія божества, отмѣченныя Гарткнохомъ и принятые многими и многими въ число Славянскихъ? какъ быть съ Ретрскими идолами, будто бы стоявшими вмѣстѣ съ Радегастомъ? Что дѣлать съ Моравскими божествами Стредовскаго и съ Чешскими Странскаго или съ тѣми особенными, о которыхъ говоритъ Гаекъ въ своей Хроникѣ Чешской?

Что дѣлать съ показаніями Польскихъ хроникъ и Русскихъ толкователей? Какой смыслъ дать тѣмъ, которые объяснены были различно? Каждый невѣрный отвѣтъ долженъ былъ повести къ болѣе или менѣе рѣзкой ошибкѣ, которую могутъ съ начала не замѣтить и даже довольно долго не замѣчать, и которая все таки должна наконецъ вскрыться. Какъ стать выше возможности ошибиться? Отвернуться отъ всего, что даетъ наука, тоже нельзя: черезъ это можно впасть въ ошибку еще легче.

И все таки заподозрѣнныя глоссы Mater Verborum показываютъ, что чародѣй смогъ изловчиться такъ, какъ не могъ бы изловчиться ни одинъ изъ извѣстныхъ миѳологовъ его времени.

Нѣтъ въ этихъ глоссахъ ни слѣда Ретрскихъ сокровищь, ни Прусскихъ и Литовскихъ, ни Русскихъ боговъ, ни многихъ изъ Чешскихъ, замѣченныхъ Странскимъ и другими. И есть то, что въ поддѣльщикѣ предполагаетъ не только художественное умѣнье выдѣлять достойное вѣры, но и знаніе времени, подъ которое надобно было поддѣлываться, знаніе пріемовъ, употреблявшихся глоссаторами среднихъ вѣковъ, пріемовъ и теперь еще не вполнѣ объясненныхъ.

Одинъ изъ этихъ пріемовъ, болѣе другихъ распространенный, наставлялъ переводить иноязычныя слова словами своего языка — если можно употребляемыми, если нельзя, то новоскованными, въ томъ и другомъ случаѣ или прямо или объяснительно, не отвергая впрочемъ и употребленія чужихъ словъ, уже вошедшихъ въ употребленіе, въ какомъ нибудь пригодномъ, хотя бы и произвольномъ значеніи. Для примѣра привожу изъ Vocabulari-я Клена Роскоханаго:

littera cztena,—grammatica slowocztena,—color obraza,—loyka rzeczyna,—dyalectica dyworzyeczyna,—retorica mluwokrassa,—harmonia zwuczba,—musica wodohlass, — sophistria chytrna, — aritmetica poczeterna, — geometria zyemomerna, — astronomia hwyezdarzstwo, — teoloya bohomluwa, — teorica

przyhledna,—metaphysica nahrzyerzecz,—phizonomia przyro(do)znama,—phizologia mudrona,—mathematica wtypownera и пр. (Sb. Sl. 83).

Еще примѣръ изъ Bohemari-я для учениковъ въ стихахъ:

Materia sit matera, scita wyed, formaque twarnost.
Figura zposoba, ymagoque obraz...
Dic fore wyetr ventus, sed zywel fore elementum,
Aer sit powyetrzye, flatus duch, vapor para.
Spiramen dychanye, cometa sit tibi zazrak...
Gnarus sit trzpasslek, sed pigmeus pyedzymuzyk,
Acephalus bezhlaw, virago samycze sit,
Sed dices homines psyhlawy caniculares (Sb. Sl. 27, 39).

Чтобы видѣть, какъ это дѣлалось въ приложеніи къ словамъ, относящимся къ язычеству, привожу небольшой выборъ изъ древнихъ словарей и глоссъ, небоящихся никакихъ сомнѣній въ непринадлежности своему времени, и даю этому выбору азбучный порядокъ (главный источникъ Sbirka nejdawnějších slowníkov *).

— asmodeus sskarzedecz. R. 55.
belial zmek. R. 55, B. 27, N. 165.
belzebob obzdecz. R. 55.
cacadaemon dehna. R. 54, B. 27, N. 165. dehnaweyk. N. 157.
chimera chyra. R. 61.
cyclopes hromnyerzy. R. 61.
daemon czirt, czrt N. 157, biess. PS. 223.
dea modla Th. Stit.
diabolus dyabel. B. 97, N. 157.
diana luna. R. 54, B. 27; denicze. N. 157.
draco draksan. PS. 223; gesczer. PS. 238.

---

*) B—Bohemarius, C—Catolicon, N — Nomenclator, Pas — Passional, Ps — Psalterz, R—Rozkochany, W—Weleslawin.

draconius odraczek. R. 69.
gnanus trzpaslik. R. 61, N. 65.
gog, magog pozyra, opystal. R. 61.
grillus dyblyk. R. 55, B. 27, N. 157.
jupiter kralemocz. R. 54, HL. 194.
leviathan dyess. R. 55, B. 27, W. 135, N. 165.
lucifer dennyczye. R. 54, B. 27; swierzednicze. N 157. Aleksdr (V. I. 1140).
mamon bozie. W. 136; vbozie. R. 55, N. 165.
mars smrtonoss. R. 54; smrt. HL. 94.
mercurius dobropan. R. 54, N. 165.
minerva kniehyrada, mudrost. W. 135.
miro dywak. R. 61.
musa wodna. R. 55.
nereides morzup. R. 65.
phantasma przyelud. R. 55, B. 27, N. 157, C. 175; prsieluda dyablowa. Leg. S. Prok.
pigmeus pyedymuzik. R. 61, W. 143.
satan nekossnyk. R. 54, N. 165.
satyrus poluduyczye. R. 61, W, 147, N. 165.
saturnus hladolet. R. 54, N. 165, HL. 194: starec.
sphinx dwvra. R. 61.
suga mora. W. 149.
syrene ochochulc. R. 65, W. 48; chochlul. R. 68.
temeantum wal. W. 151.
titinillus sskrzyetek. R. 55, B. 27, N. 157.
venus chtytel. R. 54, N. 165.
vesperus zwyerzyedlnicze. R. 54, B. 27, W. 153: zwierzedlice.
vesta weyda. Pas. 265.
— augur ptacosnecz. R. 80.
aurispex ptakoledyenecz. R. 80.
demoniacus dyabelnyk. R. 80.
divinatio kuzdelnost. R. 83; vědmo. Th. Štit.

divinator kuzdlecz. R. 79.
dura kuzedlnyczye. R. 80.
idolum modla. W. 131.
incantationes bobonky, čary, kuzla. Th. Štit.
incantator swabenyk. R. 80.
incantatrix sswabyczka. R. 80.
magus ucznan. R. 79; czarodienik, mudrzecz. W. 136.
maga wieda. Alksdr. (Wyb. I. 1084).
nigromanticus czrnoknyr. R. 79.
nigromantia czrnoknyha. R. 85.
phytones czarodyeniczy. R. 79.
phytonissa pohadczyenka. R. 80; czarodyenicze. W. 127.
prestigiatrix mecza. R. 80.
prodigium zazrak. R. 61, W. 146.
saga typa. R. 80.
sortilegus czarodyeynyk. R. 80.
sortilegium czarowanye. R. 83, W. 149.
superstitio nastorna. C. 177; superstitiones bobony. Th. Štit.
venefica travenka. R. 80.

Не къ стати было бы опустить изъ виду тѣ, хотя и немногія, глоссы въ Mater Verborum, которыя остались внѣ подозрѣнія въ поддѣлкѣ:

driades — poludnice.
grypha — noh.
hermaphroditus — námezečnik.
nanus — trpaslek.
phyto — vlchvec.
sirenae — lichoplesy.

Нельзя положительно отвѣтить, какъ давно въ Чешской письменности начался обычай переводить такимъ образомъ слова иноязычныя; но одинаково труденъ и отвѣтъ на вопросъ, когда начали по Чешски переводить какія бы то ни было произведенія иноязыч-

ной письменности. На трудности такихъ отвѣтовъ нельзя опирать предположенія, что попытокъ такого рода во все не было въ первые вѣка развитія Чешской письменности, на пр. въ X, XI, XII вѣкѣ. Скорѣе напротивъ изъ того, что знаемъ о XIII, XIV, XV вѣкѣ, можно заключить, что и изъ произведеній этихъ вѣковъ будутъ добыты со временемъ еще другія данныя въ томъ же родѣ, и что въ произведеніяхъ прежняго времени нашлись бы такія же, если бы только открылись самыя произведенія. Во всякомъ случаѣ въ XIII вѣкѣ означенный пріемъ перевода уже употреблялся.

Кто хотѣлъ бы поддѣлывать что бы то ни было въ кругѣ письменности среднихъ вѣковъ, долженъ былъ проникнуться чутьемъ означеннаго пріема подставленія словъ чужихъ своими. И составитель поддѣльныхъ глоссъ въ Mater verborum это не только зналъ, но и умѣлъ примѣнить къ дѣлу. Даже и въ самомъ трудномъ изъ отдѣловъ словъ, касающемся язычества, эти глоссы показываютъ знаніе и умѣнье составителя, не даромъ дававшее ему право быть считаемымъ современникомъ другого, древняго глоссатора Mater verborum. Представляю переборъ ихъ въ порядкѣ Латинскомъ.

— Ares bellum suatouvŷt. Свидѣтельства разныхъ сказаній XII вѣка достаточно доказываютъ, что язычники Славяне и тогда и раньше обожали Святовида. Глосса только показываетъ, что глоссаторъ понималъ языческое значеніе Святовида иначе, чѣмъ бы можно было ожидать отъ принимавшихся во вниманіе сказаній Гельмольда и Саксона Грамматика и отъ узнавшаго всѣ послѣдовавшія толкованія ученыхъ миѳологовъ.

— Aphrodis graece, latine venus priye. Очевидно, глоссаторъ принялъ слово прия въ томъ же значеніи, какое давалось Германской frea, freya, имя которой дано было и дню пятницѣ, Freytag dies Veneris. Въ первый разъ явилось здѣсь это слово, какъ будто взятое отъ того же корня какъ и

слово приꙗти приꙗѭ (Чеш. přati přeji), приꙗтель (Чеш. přítel) и т. д. которыхъ отдѣльность отъ словъ приѩтьнъıи přijemny и т. д., нужно было объяснять еще очень недавно. Теперь оказалось яснѣе, чѣмъ было послѣ соображеній Гримма (Deut. Mythol. гл. X и XIII), что Фрея и Приꙗ одно и то же слово, только различно произнесенное, происходящее со многими другими разныхъ Индоевропейскихъ языковъ отъ одного и того же корня (Fick. Vergl. Wört. I: 680, II: 410 — 411).

— aruspexs—nauazach, aruspices—nauazaci. Глоссаторъ или не понималъ или не хотѣлъ понимать подлиннаго значенія Лат. слова aruspex: haruspex, переводя его по Чешски словомъ navazač, очевидно, не могшимъ означать гадателя по внутренностямъ. Главное созвучіе этого слова есть w'az: вѧз: ѫз, и оно напоминаетъ о другого рода волхвованіи, о наузахъ, наузникахъ. Этотъ способъ волхвованія былъ извѣстенъ древнимъ Чехамъ, какъ видно изъ выраженія Ѳомы Штитнаго: jedna mimo druhú mistruje svá kúzla, aneb své čary, a vědma jakás a navázy (Obec. věc. Изд. Ерб. 93). Вѣроятно въ такомъ же смыслѣ употреблялъ и Гаекъ слово navázovani: wsselikteraka kauzla zaklinanij czarowanij y nawazowanij. (l. XVI: об.). У Гайка есть и слово navazač: wssecky kauzedlniky a czarodiegniky, hadače y zaklinače, nawazače, ptakoprawce y wiesstce z czeske zemie wypleniti (l. CXXXVII).

— augur ptacoprawce, augures ptacopranci. На древнее употребленіе этого слова нѣтъ указанія, сколько мнѣ извѣстно; но уже Гаекъ употреблялъ его; нельзя не предполагать, что оно употреблялось и раньше его.

— beel, baal ydolum belboh. Славянскаго Бѣлъбога вмѣстѣ съ Чернобогомъ безъ сомнѣнія зналъ Гельмольдъ. Правда, что въ Хроникѣ его есть теперь только второе имя; но это могло сдѣлаться по ошибкѣ переписчика. Никто не отвергалъ и того, что слово Бѣлбогъ было дѣйствительнымъ

названіемъ Славянскаго божества; а въ подтвержденіе этого можно привести нѣсколько Славянскихъ названій мѣстностей (Čas. Čes. M. XXXVII: 28). Ничего этого впрочемъ и не нужно, если глоссаторъ понималъ отдѣльно слова bel и boh, и не думая о Бѣлбогѣ думалъ только осмыслить чужое имя Beel: Baal.

— cerberum pagani aiunt infernorum canem tria capita habentem — san; hydris serpens draco san; tiphones dracones sani. Слово сань употреблялось и въ Старославянскомъ, было и до селѣ остается у Чехо-Славянъ съ разными оттѣнками миѳическаго значенія.

— Ceres fruges, frumentum, vel dea frumenti siua; diua dea siua; estas siua: одно изъ немногихъ названій божествъ, которыя извѣстны и по древнимъ памятникамъ не Чешскимъ. Найденное прежде всего въ Хроникѣ Гельмольда а потомъ отмѣченное и въ другихъ памятникахъ, оно было понимаемо, а потому и читаемо различно: даже Чешскіе ученые читали слово siva, sieva и какъ živa: živena и какъ siva, и какъ siba.

— cytherea, см. venus.

— demon scret; dii penates, dii domestici scretti; penates intimi et secretales. Въ древнихъ словаряхъ словомъ sskrzyetek переведено titinillus. И теперь еще въ воображеніи народа живетъ škřítek, въ Словен. землѣ называемый еще и škrat, škrátek. Для škratka хозяйки кое гдѣ бросаютъ въ огонь куски кушанья во время его приготовленія (Čas. Čes. Mus. XXII: II: 327).

— demones: demonibus bessi. По замѣчанію I. Іиречка у Чеховъ было въ обычаѣ называть дьявола бѣсомъ до XIV в., а уже позже стали предпочитать названіе черта, явившагося уже со времени Далимила. I. Іиречекъ привелъ значительное количество указаній на употребленіе слова běs и běsi изъ разныхъ древнихъ памятниковъ: изъ Псалтыря, Евангелія, Александроиды, Легенды о св. Прокопіи и пр. (Čas.

Čes. Mus. XXXVII: 20—21). Изъ памятниковъ Старославянскихъ и Русскихъ можно вывести подобное же заключеніе.

— diabolus wrah. Глоссаторъ могъ имѣть въ виду и простое значеніе слова διάβολος, и только выразить его по Чешски; могъ имѣть въ виду и особенное христіянское значеніе слова, и тогда онъ могъ желать выразить въ своемъ переводѣ то богословское представленіе дьявола, которое изображало его невидимымъ врагомъ душъ, врагомъ всей вселенной, врагомъ рода человѣческаго, воплощеннымъ зломъ, человѣконенавидцемъ.

— Diana Latonae et Jouis filia deuana letnicina y perunowa dci. Чтобы сдѣлать Děvana изъ Diana нужна ли была глоссатору помощь Стрыйковскаго и его повторителей, создавшихъ ziewonia, или же Стрыйковскому помощь подобнаго глоссатора? это легко можетъ рѣшить соображеніе каждаго размышляющаго человѣка. См. еще Jupiter и Latone.

— Diva, см. ceres.

— (H)ecate triuia vel nocticula, proserpina morana. Геката могла явиться по Славянски въ звукахъ Мораны или Моряны по связи понятій о Гекатѣ и о смерти. Старинныя извѣстія, начиная съ тѣхъ, которымъ далъ мѣсто Длугошъ въ своей Historia Polonica, о божествѣ, носившемъ это имя, не сходятся ни въ произношеніи имени, ни въ его значеніи: по однимъ Marzana или Morzana то же что Церера, по другимъ это Венера, по третьимъ это Marzaua, Morzawa или Marzena и значитъ то же что Mors или Nex; позже писали это слово и Marlawa. А между тѣмъ въ народѣ сохранялось и до селѣ сохраняется преданіе о Моренѣ съ обрядомъ. Такъ въ Хрудимскомъ краѣ въ Чешской землѣ передъ началомъ лѣта въ такъ наз. smrtnu nedĕli (5-е воскр. вел. поста) дѣвушки выносятъ смерть и приносятъ новое лѣто: одѣваютъ соломенное чучело въ женскую одежду, и взявши подъ руки или поднявши на жерди выносятъ изъ

деревни, а потомъ гдѣ нибудь у воды или у оврага раздѣвъ бросаютъ въ воду; затѣмъ ворочаются назадъ съ еловымъ деревцомъ, пестро украшеннымъ лентами и привѣсками, называемымъ маемъ или лѣтомъ, и ходятъ отъ двора къ двору съ пѣснію:

Mořena! Mořena!
Kam si kliče děla?
Děla jsem je, děla
svatýmu Jiři,
aby nam otevřel
do ráje dveři.....

или же съ какою нибудь другою, для этого предназначенною, и за это получаютъ отъ хозяевъ подарки (K. J. Erben. Prostonar. Čes. písně a říkadla. 1864: 57—59). Съ такимъ же или подобнымъ обрядомъ во всей Моравіи поютъ разныя обрядныя пѣсни, поминая въ нихъ Mařenu. Неся ее поютъ:

Nesemy Mařenu,
voleji smaženu,
u vrchu červenu,
u spodku zelenu,
pěkno pěkno poběleni;

а когда принесутъ и разорвутъ:

Už Mařena leži
a zubami škeři.
Ma milá Mařeno,
pro koho s umřela....

Вмѣсто Mařeny или Mořeny поминаютъ и smrt', smrtnicu smrtelničku и т. п. (F. Sušil Móravské nár. písně. 1860: стр. 768—773). Съ такимъ же обрядомъ въ Липтовѣ Словенскія дѣвушки поютъ вынося чучело:

Muriena naša,
kde s prebývala!
V dědinskom dome,
v novej stodole;

или же:

Mamuriena dievka,
kde si prebývala!
Na vyšnom konci,
za Hrnčiarovci;

а ворочаясь:

Vyniesli sme Murienu zo vsi,
priniesli sme máj nový do vsi;

или же какую нибудь другую, изъ назначенныхъ (J. Kollára Narodnié Zpiewanky Slowákŭ w Uhrích. 1834. I: 4. Sborník Slov. nár. piesni povestí и пр. 1870. I: 186 — 188). Что Словаки произносятъ или по крайней мѣрѣ произносили не только Muriena но и Morěna свидѣтельствуетъ Чапловичь (Gemälde von Ungern. 1829. II: 255: Diese Maske nennen sie Morena и пр.), расказывая этотъ обрядъ, какъ онъ производится въ Тренчанскомъ краѣ. О томъ же обычаѣ въ Тренчанскомъ же краѣ сообщилъ еще ранѣе этого Б. Таблицъ (Poezye. Wacow. 1806. I: стр. IX) приведя пѣсню:

Morena, Morena!
Za koho sy umriela?
Ne za nas, ne za nas,
než za ty nevolné kriešt'any.

Нельзя опустить здѣсь свидѣтельства Длугоша, который, хотя и объяснялъ Marzann-у какъ Цереру, тѣмъ не менѣе расотмѣтилъ такъ же обычай выноса ея и поверженія. Расказавъ, что Мечиславъ, по принятіи христіанства, назначилъ 7-е марта ad confringendum abolendumque ea (simu-

lacra) in universis Polonorum regionibus, — и что это было исполнено, прибавилъ: quae deorum et dearum idolorumque confractio et immersio, tunc facta apud nonullas Polonorum villas, simulachris Dziewannae et Marzannae in longo ligno extollentibus et in paludes in dominica quadragesimae laetare projicientibus et demergentibus, representatur, renovatur in hunc diem, nec hujus consuetudinis vetustissimo effectus usque modo apud Polonos defluxit (Hist. II: a, 965: p. 91). За Длугошемъ это свидѣтельство было повторено и другими Польскими историками. Объ обрядѣ Марены въ Силезіи сообщено было довольно обстоятельное свѣдѣніе въ Patriotisches Tageblatt, 1803 г. (Tablyc, Poezye. I: VII—VIII). О самомъ обрядѣ выноса смерти, безъ упоминанія Морены или Мораны, есть такъ же довольно давнія упоминанія. Гаекъ въ Хроникѣ Чешской подъ 965 г. кажется повторилъ сказаніе Длугоша. Дрессеръ (De festis, 1607 г., стр. 62) замѣтилъ, что въ Мейсенѣ дѣвушки совершали такой обрядъ съ пѣснями, и т. д. О такомъ обрядѣ погребенія смерти у Лужицкихъ Сербовъ, Чеховъ и т. д. сообщены разныя подобранныя свѣдѣнія др. Антономъ (Erste Linien e. Versuches. 70—76).

— Eumenides lutice; Furia dea infernalis lutice. Словомъ лютица просто переведено слово furia. Переводчику оставалось только знать, что фуріи назывались и евменидами.

— Faunus, pici filius vilcodlac; pilosi qui grece panites latine incubi appellantur vilcodlaci. О Славянскихъ волколакахъ: волкодлакахъ свѣдѣній древнихъ не сохранилось; но преданія, до селѣ живущія въ народѣ въ разныхъ краяхъ, свидѣтельствуютъ сами собою о древности ихъ. Сохраняются эти преданія и кое-гдѣ въ народѣ Чехо-Славянскомъ. У Словаковъ сохранилась и пѣсня о волкодлакѣ:

Mamka moja mamka, nevola je taká:
chcelas mi dat muža, dalas wlkodlaka и пр.

(Čas. Čes. Mus. VI: 388; Národnié Zpiewanky. I: 11).

— feronia dea paganorum zuoba: чит. svoba: своба, отъ того же корня, какъ свобода и свобьство. Изъ словаря ли Mater verborum, или изъ другого подобнаго сборника, или же наконецъ прямо изъ такого источника, какъ Титъ Ливій, глоссаторъ зналъ, что Феронія почиталась покровительницей освобождаемыхъ, и далъ ей въ Чешскомъ переводѣ приличное переименованіе.

— genium uocabant deum, qui uim obtineret rerum omnium gerendarum bose. Слово bose, вѣроятно, надобно читать божа (сред. рода).

— genius das: читай d'as: d'es. Подъ этимъ названіемъ понимается у всѣхъ Чехо-Славянъ что-то похожее на бѣса; иначе d'ásel: дисьлъ, d'aslík, d'ásek: дисъкъ. Въ древнихъ словаряхъ словомъ этимъ переведено сл. leviathan (serpens tortuosus, per quem diabolus significatur).

— genius stedegot setekk: читай šetek: шатъкъ? По Странскому ssetek lar, по Средовскому ssetek vel sskržitek lar, genius domesticus. Теперь выговаривается šotek, что означаетъ добраго духа. Слово это производятъ отъ šet=šit—старикъ (Čas. Čes. Mus. XXXVII: 263).

— haruspex, см. aruspex.

— hydris serpens san, см. cerberus.

— holocaustum victima sirtua, — sacrificia sirtui: жрьтва, жрьтвы: древнее обще-Славянское слово, перешедшее изъ язычества въ христіанство.

— homina, см. omen.

— incubi, см. faunus.

— inferie placatio inferorum vel obsequie, vel infernalium deorum sacrificia, mortuorum sepulture debite trizna; inferie sacrificia que diis manibus inferebant trizna. Слово тризна: трызна употреблялось въ подобномъ значеніи и въ древней Руси, какъ свидѣтельствуетъ Повѣсть времен. лѣтъ въ расказѣ о древнихъ обычаяхъ Русскихъ Славянъ и потомъ подъ гг. 6453, 6454, 6477; но позже вышло изъ употре-

бленія безслѣдно. Въ Чехо-Славянскомъ не сохранилось такого древняго свидѣтельства о тризнѣ; но за то живутъ слова tryzniti, tryzniti se, tryznovati и т. д., и въ древности слова tryzń и otryzń (Passion. 226, 427, Sb. Sl. 271 и 300). Нельзя отчаяваться, что можетъ встрѣтиться въ какомъ нибудь древнемъ памятникѣ и слово trizna или tryzna именно въ томъ значеніи, какъ употреблялъ глоссаторъ.

— infernus tartarus peclo: читай peklo: пекло. Слово древнее и до сихъ поръ обычное не у однихъ Чеховъ, но и у другихъ Славянъ. Относится ли оно къ временамъ язычества, это особый вопросъ, здѣсь не идущій къ дѣлу, какъ вѣроятно не бывшій на умѣ и у глоссатора.

— Isis lingua egiptiorum terra dicitur yessen, yassni. Читать надобно, вѣроятно jesen, jasny. Отгадать, что глоссаторъ хотѣлъ выразить этою глоссою, не легко; но, кажется, ему не было надобности въ показаніи, которое повторено у Длугоша въ выраженіи: appellabant autem (Poloni) Jovem Jessem lingua sua, у Странскаго въ выраженіи jasen notat, nisi fallor, solem, что у Стредовскаго передѣлалось въ Chason sive Jassen Sol, Phoebus. И это показаніе само по себѣ едва ли можетъ быть разумно истолковано.

— Jupiter Perun. Что Перунъ былъ богопочитаемъ Славянами-язычниками, и именно какъ Юпитеръ-громовержецъ, это едва ли кто захочетъ и сможетъ отрицать. Въ томъ, что глоссаторъ выбралъ для Славянскаго перевода имени Jupiter именно это слово, а не Jesse или Jessen, не Kralomoc, и не Perkun, Perkunust, Peron и т. д., можно видѣть только его умную догадливость или же, пожалуй, и незнаніе другого пригоднаго названія. См. Діана.

— Latona letnice = лѣтница? Составитель глоссы могъ только осмыслить по своему чужое имя, какъ на пр. Роскоханый словомъ chyra хотѣлъ осмыслить слово chimera. Это было ему, можетъ быть, тѣмъ легче, что слово letnice = лѣтницы было издревле употребляемо какъ прозваніе пятидесятницы:

«welika nocz sit tibi pascha, equinoctium wanocze, letnicze pente que coste (Boh. 497. Sb. Sl. 43). См. Diana.

— lucifer zuetlonose, lucifer jubar suetlonose: въ обоихъ случаяхъ свѣтлоноша. Не чего, думаю, останавливаться, на томъ, что Чешское слово есть простой переводъ Латинскаго—въ томъ же родѣ какъ на пр. logica rzeczyna, sophistria chytrna, geometria zyemomerna и т. д.

— Lucina zuetluse, lucina dea suetluse: очевидно свѣтлуша. И это такой же переводъ слова lucina, какъ свѣтлоноша— слова lucifer.

— magi charodegi: читай čaroději: чародѣи. Это древнее Славянское слово, не придуманное, а не совсѣмъ хорошо употребленное Роскоханымъ (sortilegus czarodyeynyk. Sb. Sl. 80) и Велешинымъ (fitones czarodyeniczy, fitonissa czarodyenice, Sb. Sl. 127), хотя Велешинъ зналъ и подлинное значеніе слова (magus czarodienik mudrzecz. Sb. Sl. 136). Слово это было употребляемо Чехами, вѣроятно, и въ живой рѣчи. Такъ на пр. употребилъ его переводчикъ Марка Паола: (Chinhiš... přikaže čaroděníkóm a hvězdařóm svým, aby pověděli uhodnuce kterakej by konec boj měl vzieti (Wyb. z lit. II: 51). Правда, что всѣ приведенные Чешскіе примѣры относятся къ слову чародѣйникъ, а не къ слову чародѣи; но первое есть только послѣдствіе второго, и въ Ст. Слав. явилось позже. Что было у Чеховъ въ обычаѣ и слово čaroděj свидѣтельствуетъ еще производное слово čarodějný, не говоря уже о первообразныхъ čar, čara, čary.

— Mercurius a mercibus est dictus. Radihost wnukk kirtow. Извѣстія Адама Бременскаго, Гельмольда и нѣкоторыхъ другихъ не даютъ возможности сомнѣваться, что Радигостъ (: Redigost, Radigast и т. п.) было названіемъ бога, покланяемаго не только въ Ретрѣ и другихъ городахъ Балтійскихъ Славянъ, но и южнѣе у Сербовъ Саксонскихъ. Чтимъ ли былъ онъ у Чеховъ и Моравянъ и далѣе на востокъ, изъ древнихъ свидѣтельствъ этого не знаемъ; но имена собствен-

ныя мѣстностей, въ которыхъ и теперь еще звучитъ это имя, наводятъ на возможность не отрицать этого: такъ въ Таборскомъ краѣ есть Radihošt', въ Прахинскомъ — Radihostice и Radošt, въ Моравіи гора Radhost, Radošt' и пр. (W. S. Sumlork Staročes. povêsti. II. 1847: 535). Имѣніе Radgosc (: Radgošč: Radhošt') упомянуто въ грам. 1226 г., Redgosc въ грам. 1203, 1226 и др., въ земскихъ доскахъ 1410 г., Radhoštowice въ записи 1389 г. и др. (Regesta Bohem. et Morav. I: 213, 328, Archiv česk. F. Palackého. II: 322). Къ переводу Меркурія именемъ Славянскаго бога Радигоста глоссаторъ прибавилъ еще выраженіе: vnuk Kirtov, и заставилъ призадумываться Славянскихъ миѳологовъ новаго времени. По древнимъ сказаніямъ Меркурій былъ внукомъ Сатурна, сыномъ Юпитера Пика: это зналъ глоссаторъ изъ другого мѣста словаря, гдѣ говорится о Пикѣ (см. Picus), и слѣдовательно не совершенно невѣдомо для себя уравнилъ внука Сатурна съ внукомъ Kirtow-ымъ, если только не ошибся какъ нибудь въ написаніи слова kirt вм. kron (χρόνος). Если не сдѣлалъ онъ этой ошибки, то могъ подъ словомъ Kirt понимать то же, что понимали Саксоны подъ именемъ krodo, (какъ далъ знать Гриммъ (Deut. Myth. гл. XII въ кон.), или затаилъ въ немъ слово cirt (: чертъ), или... или... (См. еще ниже подъ словомъ Saturnus). Въ древнихъ названіяхъ Чешскихъ мѣстностей часто попадается созвучіе krt (Krrti: 1227, Chirti: 1251, Kirtina: 1237, Cretes: Cretez: 1228, 1233, 1239, Podekcretni: 1249, Kretkov: 1175 и пр. (Regesta Boh. et Mor. 155, 332, 337, 380, 430, 453, 575, 592)... Остановиться можно на вопросѣ: какъ это вздумалъ глоссаторъ дать знать о дѣдѣ внука, или о внукѣ своего дѣда? Не трудно это было тому, кто по неволѣ знакомился съ генеалогіей боговъ, кто легко могъ знать о дѣдахъ и внукахъ библейскихъ, кто къ тому по логикѣ своего языка, выразившейся въ словахъ dědina,

dědinnik и пр., могъ даже чувствовать пристрастіе къ дѣдамъ сравнительно съ отцами.

— nenia carmina mortuorum zale: читай žale. Хотѣлъ ли глоссаторъ употребить здѣсь слово жали какъ обусловленное обычаемъ названіе особеннаго рода пѣснопѣній? На этотъ вопросъ отвѣтъ кажется невозможнымъ за недостаткомъ данныхъ. Могъ ли онъ употребить это слово какъ опытъ осмысленнаго перевода Латинскаго слова? Отвѣтъ, кажется долженъ быть несомнѣнно положительный: да, могъ; въ этомъ удостовѣряетъ и существительное жаль, издревле употреблявшееся какъ синонимъ словъ скорбь, горе, и т. д., и глаголъ жалѣти, жалити, жалостити и пр. *).

— nigromanticus cirnoknisnik, nigromantici cirnoknisnici, nicromantici cirnocnisnici. Въ средніе вѣка на западѣ libri necromantici назывались и libri nigri, sacra nigredine colorati, какъ заявилъ уже Марціянъ Капелла, по древне-Нѣмецки swarze buochen (daz wir die glôse suochen in den swarzen buochen. W. Wackernagel. A. deut. Leseb. 443, Trist. 18), по древне-Чешски czernoknyha (см. выше). Самые necromantici назывались nigromantici, что по Чешски такъ же издревле было переведено въ томъ же духѣ: записанное у Роскоханого czrnoknyr вѣроятно явилось какъ нибудь по опискѣ вмѣсто czrnoknyz или czrnoknyznyk. Глоссаторъ, задумавъ дать Чешское объясненіе слову nigromanticus, могъ перевести его только посредствомъ cirnokniznik.

---

*) Не какъ настоящая ненія, но все-таки какъ пѣснь скорби объ утратѣ милаго человѣка, можетъ быть разсматриваема Словацкая пѣсенька (Sb, Sl. n. p. II: I: 29:

Zaspievaj kohútku na zelenom prutku,
žiaden človek ne vie o mojom zármutku.
Žiaden človek ne vie, ani ne uhádne,
za kým moje srdce dobre ne uvadne.
Poduj ty vetríčku, poduj že na skale;
a zdaj že oddaješ z mojho srdca žiale.

— numenide dee sancte suetice. Словомъ svetice: свѧтицѧ глоссаторъ просто перевелъ Латинское sanctae.

— omen augurium znamene, homina auguria znamene. Глоссаторъ или сознательно, или безсознательно понималъ христіянское значеніе слова σημεῖον, signum, и потому только могъ употребить слово znamenie (: знаменинѥ) для объясненія слова omen (срав. на пр. Ст. Слав. бѫдѫть знаменина (σημεῖα) въ слнци и лоунѣ съ Чеш. budú znamení na slunci a na mesíci. Лук. XXI: 25).

— pan ymago hircina veless, pan primus calamo cera coniungere plures instituit, pan curat oues ouium que magister veless. Невольно вспоминается Велесъ богъ скотии древней Русской лѣтописи и Велесовъ внукъ Слова о полку Игоря. Прямого свидѣтельства, что Чехи чтили своего Велеса какъ скотія бога, нѣтъ; но что Велесъ у язычниковъ Чеховъ что-то значилъ, на это есть доказательства—и въ поговоркѣ někam k welesu za moře zaletěti, и въ восклицаніи Tkadlečka XIV вѣка: jaký t' jest čert aneb ký weles aneb ký zmek tě proti mne zbudil (II: 3).

— pegasus equus Neptuni qui fama interpretatur cridlatec. Глоссаторъ зналъ, что пегасъ былъ крылатый конь и далъ объ этомъ знать по Чешски.

— penates, см demon.

— picus saturni filius ztracec sitiuratovv zin. Простой переводъ съ Латинскаго, сдѣланный челевѣкомъ, который находилъ возможнымъ Сатурна подставить Сытивратомъ.

— pilosi a grecis panites a latinis incubi uocantur, quorum forma ab humana effigie incipit sed bestiali extremitate terminatur moruzzi. Если не въ народномъ суевѣріи, то по крайней мѣрѣ въ сказкахъ Чехо-Славянъ доселѣ живетъ morus: morous, съ тѣми же свойствами, какъ у другихъ Славянъ упырь. Есть и пословицы: sužuje lidi jako morous, chodi jako morous (Čelakovski Mudrosloví nar. Slov. ve přislovích, 495; J. Jiřiček Studia. Čas. Čes. M. 1863: 15). Что пони-

мали Чехи въ XVI вѣкѣ подъ морусомъ объяснилъ отъ части І. Штельцаръ въ предисловіи къ своей книгѣ O stvoření světa, гдѣ, припоминая разные невѣжественные поступки священниковъ, поставилъ въ ихъ ряду тѣхъ, которые наставляли народъ, какъ избавлять дитя, чтобы изъ него не сдѣлался morous (Wyb. z. lit. Čes. II: 1643). Срав. Чеш. и Поль. mora: müra, Англо-Сак. moere, Англ. nightmare, Франц. cauchemare, Рус. кикимора, шишимора, и пр.

— piram, rogam in quo mortui comburruntur sarovisce: читай žarovišče: жаровище. Повторю замѣчаніе А. А. Котляревскаго: «Глоссаторъ къ готовому Латинскому тексту только прибавилъ описательное Чешское выраженіе, которое столь же мало указываетъ на языческую древность, какъ и церк. Слав. сл. жаратъкъ, жератъкъ» (Погреб. обыч. Слав. 22). Срав. Чеш. нов. žeřaví, žeřavý, Рус. жаровня и т. д.

— portentum est quod subito appařet et aliquid pretendit presera: чит. priešera: прѣшера, по новому выговору přišera. Слово это вмѣстѣ съ понятіемъ (lemur) было въ ходу въ древнее время и доселѣ сохранилось въ народѣ.

— proserpina poruata: чит. porvatá: порвата. Глоссаторъ зналъ сказку о Прозерпинѣ и перевелъ по Чешски ея Латинское прозваніе rapta.

— sacrificia, см. holocaustum.

— sacrificium est uictima et quecunque in ara concremantur seu proponuntur treba. Какъ мало знали Чехи о значеніи слова treba: трѣба, здѣсь опредѣленномъ, до сороковыхъ годовъ, можно удостовѣриться изъ Словаря Юнгмана. Тогда еще не знали древнихъ церк. Слав. памятниковъ, гдѣ слову этому дано именно это значеніе; а немногіе отмѣченные случаи его употребленія въ православныхъ церковныхъ книгахъ не обращали на себя вниманія. Тѣмъ яснѣе можно было ожидать вниманія къ поводамъ, по которымъ въ Чешской землѣ и сосѣднихъ изъ давна многимъ мѣстностямъ давали имена, напоминающія это слово, каковы: Trebani (до 1003),

Trebenici (съ 1055), Trebesici (съ 1057), Trebina (съ 1061), Trebouane (съ 1086), Trebnussy (съ 1143), Trebecs (съ 1160), Trebaua (съ 1167) и пр. Многія изъ этихъ названій сохранились и доселѣ (Срав. Юнгмана Slovnik IV. 625, Vocel, Pravěk země Čes. 376, Sumlork Staročes. povĕsti II: 132).

— sagapeta vilchvice. Въ древнихъ Старослав. памятникахъ, какъ отмѣтилъ уже только Востоковъ въ своемъ словарѣ, встрѣчается слово влъхва; возможны и слова влъхвьць и влъхвица. Первое изъ этихъ двухъ словъ есть въ незаподозрѣнныхъ глоссахъ въ Mater verborum: wilchuec: vlichvec; такъ же естественно можно было ожидать и vilchvice.

— Salacia dea paganorum quasi maritima chlipa. Глоссаторъ понималъ слово salacia какъ однозначащее со словомъ salacitas, т. е. какъ синонимъ словъ libido, voluptas и т. п. и слову chlipa далъ болѣе частное значеніе, чѣмъ бы можно было, судя по его употребленію въ древности, именно такое, какое Велешинъ далъ слову chlipnost (effrenata libido-mrzka znikla chlipnost. Sb. Sl. 124) и какое выразилось въ глаголѣ chlipati (malý had najviece sipá a chlapě najviece chlipá. Aleksdr. Vyb. I: 1097). Срав. chlipa въ слѣд. выраженіяхъ: Had sie rozhněvav u svej chlipě pusti sie (Basn. XIV v. Čas. Čes. M. III: III: 58); krajci, hudci a pištci své řemeslo ku přielišné chlipě obracují (Th. Štit. Obec. věc. VII).

— Saturnum pagani illum esse aiunt qui primus ab Olimpo uenit arma jouis fogiens sytiwrat. Глоссаторъ предпочелъ особенный переводъ Латинскаго названія бога, такой же своеобразный, каковъ и другой древній hladolet; и это—то же сложное слово, къ сожалѣнію не поддающееся вразумительному разложенію; но глоссаторъ, вѣрно, ему сочувствовалъ, употребивъ его два раза, и въ первый разъ въ формѣ прилагательнаго: picus Saturni filius — sytiuratovv zin ztracec.

Что теперь въ Чешскомъ языкѣ этого слова нѣтъ, это ровно ничего не значитъ: нѣтъ теперь и слова hladolet, и слова starec въ значеніи Сатурна. Думаю, что не могло быть ихъ и въ древности какъ общаго народнаго достоянія, и все-таки это не могло помѣшать явиться имъ въ книгахъ. Считаю не лишнимъ помѣстить здѣсь остроумную догадку А. Н. Веселовскаго, отъ чего могло явиться слово sytivrat: слово saturnus могло быть понято глоссаторомъ какъ satuturnus: sat-turnus и переведено такимъ же сложнымъ — syti—vrat. Отъ себя прибавлю вопросъ: не повторилась ли та же мысль о вращеніи и въ другомъ названіи, данномъ Сатурну глоссаторомъ, въ словѣ kirt? Не взялъ ли онъ это слово отъ того же корня какъ и глаголы крѫтати, крьнѫти: крьтнѫти и пр.

— sortilogi hadaci. Слово hadač: гадачь имѣетъ полное право на уваженіе по древности, по частому его употребленію многими древними писателями (см. въ Slovniku Юнгмана) и по уцѣлѣнію его въ нѣкоторыхъ старинныхъ пѣсняхъ.

— syrene lichoplesi. Въ незаподозрѣнныхъ глоссахъ M. V. употреблено въ такомъ же значеніи это слово lichoplesi: лихопласы.

— tiphones, см. cerberus.

— triceps qui habet capita tria capree trihlavv. Нужно ли было глоссатору имѣть какое нибудь понятіе о Славянскомъ божествѣ Триглавѣ чтобы перевести его прозвищемъ Латинское слово triceps, можетъ рѣшить каждый читатель.

— triptes species demonum a verbo tripo .i. ludo, quia deludunt dormientes vzpesi. Ганка не зналъ, какъ читать это слово въ един. числѣ: uspěch или uspěs; Юнгманъ читалъ uspěch; Шафарикъ съ Палацкимъ опять усумнились, и задали вопросъ, не надобно ли читать uspěši съ предположеніемъ, не взято ли это слово отъ глагола spati; Патера принялъ ихъ чтеніе какъ вѣрное, безъ оговорокъ; но, вѣроятно, не наложилъ запрета на стараніе продолжать догадки. Можетъ

быть, кому нибудь удастся напасть и на болѣе счастливое объясненіе слова.

— vates propheta diuinus vestec: чит. věšt'ec: вѣщьць. Слово древнее, употреблявшееся изъ давна и въ Старославянскомъ, и въ Чешскомъ.

— uaticinia poetarum carmina vescbi: чит. veščby: вѣщьбы. И это слово такое же древнее, какъ věšt'ec: вѣщьць и věštica: вѣщица.

— uenus dea libidinis cytherea lada. Слово lada изъ давна извѣстно Чехамъ въ значеніи красавицы, какъ видно изъ выраженія Далимила: najkrášju ladu vsadichu na kladu (XIII: 8—9); а въ простонародномъ языкѣ значило и значитъ то же, что наше красотка не въ похвальномъ смыслѣ. Въ другихъ Слав. нарѣчіяхъ это слово или употреблялось или еще и осталось такъ же съ образомъ красоты, возбужденія любви. Древніе источники, изъ которыхъ бы видно было, что Славяне язычники чтили богиню Ладу, похожую на Венеру, мнѣ неизвѣстны; но извѣстія М. Мѣховиты исправлявшаго показанія Длугоша или вообще хронографовъ, какъ онъ выразился, не можетъ быть заподозрѣно, а онъ записалъ: Adorabant Ledam matrem Castoris et Pollucis... quod auditur in hodiernam diem a cantantibus uetustissima carmina: Lada Lada Ileli Ileli Poleli cum plausu et crepitu manuum, Ladam (ut ausim ex uiuae uocis oraculo dicere) Ledam vocantes, non Martem, Castorem Leli, Pollucem Poleli (II: 2). Такого же рода припѣвы долго оставались, какъ извѣстно, и у Русскихъ. У Сербовъ доселѣ дѣвушки въ Юрьевъ день ладаютъ (см. Рјчник Караджича). Нельзя, кажется оспаривать, что подобныя ладанья могли быть и у Чеховъ; а пословица, замѣченная Челяковскимъ «Ach Lado Lado, srdce srdci bývá rado» только подтверждаетъ эту возможность (Mudrosl. Slov. 494).

Приводя все отмѣченное къ общему итогу, вижу, что глос-

саторъ былъ очень скупъ на имена боговъ изъ язычества Славянскаго, не щедръ на имена миѳическихъ существъ, живущихъ въ суевѣріи Славянскомъ, сравнительно щедръ на переводы именъ боговъ не-Славянскихъ Чешскими именами, богатъ подборомъ словъ для выраженій суевѣрныхъ дѣйствій и дѣйствующихъ лицъ; держался вообще одного и того же средневѣковаго пріема осмысленія чужого своимъ, но тѣмъ менѣе, чѣмъ менѣе встрѣчалъ надобности пользоваться навыкомъ свободнаго осмысленія звуками своего языка того, что было чуждо его народу.

Изъ единичныхъ боговъ Славянскаго язычества, кромѣ слова богъ въ Belboh, что̀ можно читать и Бѣлбогъ и Белъ богъ, у него явились только

Велесъ — какъ Панъ,
Лада — какъ Венера-Цитерея,
Морана — какъ Геката,
Перунъ — какъ Юпитеръ,
Прія — какъ Венера-Аѳродита,
Радигостъ — какъ Меркурій,
Siva — какъ Церера, diva, aestas,
Свѧтовитъ — какъ Марсъ.

Нельзя отрицать, что Славянскія имена божествъ выбраны вѣрно; вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя отрицать, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ взяты для объясненія Латинскихъ боговъ произвольно. Такъ на пр. для объясненія значенія Меркурія взято имя Радигоста, для объясненія Марса—имя Святовита...

Изъ миѳическихъ существъ, живущихъ или жившихъ въ суевѣріи Славянскомъ, припомянуты

Бѣсы — какъ demones,
Влъко(д)лаци — какъ pilosi,
Дяси — какъ genii,
Моруси — какъ pilosi,
Прѣшера — какъ portentum,

Сани — какъ tiphones, dracones,
Скрети — какъ dii penates,
Шетъци — какъ genii.

Замѣченное выше о Славянскихъ подстановкахъ единичныхъ божествъ Латинскихъ можетъ быть повторено и объ этихъ подстановкахъ, хотя, вообще говоря, эти подстановки болѣе удачны.

Нѣкоторыми изъ этихъ именъ глоссаторъ воспользовался и болѣе свободно, сравнивая ихъ значеніе съ частными представленіями древняго міра: такъ влъкодлакъ пригодился ему для обозначенія Фавна, сань для обозначенія Цербера и пр.

Какъ совершенно свободный осмыслитель языческихъ представленій древняго міра, онъ выказалъ себя въ слѣдующихъ словахъ:

Божѧ = genius, deus,
Врагъ = diabolus,
Дѣвана = Diana,
Кридлатьць = pegasus,
Лихоплѧсы = syrenae,
Лѣтница = Latona,
Лютица = Furia,
Порвата = Proserpina,
Своба = Feronia,
Свѣтлоноша = Lucifer,
Свѣтлуша = Lucina,
Свѧтицѧ = numenidae deae, sanctae,
Страчьць = Picus,
Сытивратъ = Saturnus,
Триглавъ = Triceps,
Хлипа = Salacia,
Uzpesi = triptes.

Куда отнести названія Kirt (Radihost wnukk Kirtow) и Yassni Yesen Isis, не знаю.

Изъ языческихъ дѣйствій обозначены:

вѣщьбы — vaticinia,
жали — nenia,
жрьтва — holocaustum, sacrificia,
знаменик — omen, augurium,
трѣба — sacrificium,
тризна — inferiae.

Изъ лицъ, принимавшихъ такъ или иначе участіе въ такихъ дѣйствіяхъ, обозначены:

влъхвица — sagapeta,
вѣщьць — vates,
гадачи — sortilogi,
навязачь — haruspex,
птакоправьца — augur,
чародѣи — magus,
чрьнокнижьникъ — nigromanticus.

Какіе изъ тѣхъ и другихъ словъ не принадлежали къ кругу понятій и обычаевъ народныхъ, видно изъ того, что прежде было отмѣчено.

Весь подборъ словъ невеликъ; но и въ такомъ небольшомъ подборѣ поддѣльщикъ не только неумѣлый, но и мало-мальски неосторожный, неглубоко проникнувшій въ духъ времени, подъ которое поддѣлывался, легко могъ надѣлать много ошибокъ, особенно довѣряясь всѣми уваженнымъ изслѣдователямъ ему современнымъ и прежнимъ, или даже и такимъ произведеніямъ давняго времени, которыя могли быть почитаемы источниками.

Въ этомъ подборѣ словъ чувствуешь знаніе глоссаторомъ того, что могло быть въ XII—XIII в. въ повѣріи народномъ и въ записяхъ людей знавшихъ Чешское язычество, и чего быть не могло. У него повторилось кое-что и то, что узнали изъ книгъ и изъ народнаго языка, но только кое-что изъ очень многаго, внесеннаго

въ книги и сочтеннаго вѣрнымъ, а потому и переносившагося изъ однихъ книгъ въ другія.

И въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, глядя на заподозрѣнныя глоссы Mater verborum какъ на поддѣлку первой трети XIX вѣка, приходится только удивляться уму, знанію, чутью поддѣльщика, а вмѣстѣ съ тѣмъ удивляться и возможности владѣть такимъ знаніемъ и чутьемъ въ землѣ Чешской въ то время, когда и самые почтенные люди, вожатаи науки и къ нимъ близкіе ими не владѣли.

Тѣмъ не менѣе—если поддѣлка сдѣлана, то значитъ — была возможность достигнуть въ ней кому нибудь того, что по силамъ другихъ было невозможно.

Если же усумниться въ возможности достигнуть какому то неизвѣстному знанія и чутья древности, недоступныхъ самымъ уваженнымъ знатокамъ, то придется и на поддѣлку взглянуть иначе, чѣмъ требуетъ палеографическое изслѣдованіе глоссъ, сдѣланное А. О. Патерою.

Заподозрѣнныя глоссы написаны иначе чѣмъ незаподозрѣнныя и при томъ нѣкоторыя сдѣланы изъ словъ, прежде написанныхъ, подчисткою, передѣлкою буквъ, припискою новыхъ буквъ, и т. п. Это дознано наблюденіями, и должно быть признаваемо вѣрнымъ.

Вѣрно ли въ такой же степени и то, что всѣ глоссы, написанныя иначе, чѣмъ незаподозрѣнныя, написаны въ недавнее время? Это еще вопросъ. Говоритъ объ этихъ глоссахъ, какъ о написанныхъ въ XIX вѣкѣ, не наблюденіе, а предположеніе, явившееся только какъ послѣдствіе подозрѣнія, основаннаго на особенностяхъ почерка, чернила и т. п. Нельзя не желать, чтобы такое предположеніе было обставлено неопровержимыми доказательствами. Съ нимъ соединяется, кажется очень естественно другое предположеніе: если поддѣльщикъ взялъ на себя трудъ надѣлать глоссъ въ рукописи Mater verborum, то едва ли могъ удержаться отъ вожделенія надѣлать разныхъ приписокъ и въ другихъ рукописяхъ, — и потому слѣдуетъ разсмотрѣть рукописи

Чешскаго музея, ища въ нихъ такихъ же поддѣлокъ. Если ихъ нигдѣ не окажется, то убудетъ одно изъ самыхъ вѣскихъ доказательствъ новой поддѣлки. Тѣмъ внимательнѣе надобно будетъ добиваться другихъ доказательствъ.

До тѣхъ же поръ, пока ихъ на лицо нѣтъ, позволительнымъ считаю вопросъ: Не приписаны ли заподозрѣнныя глоссы такъ же въ древнее время, но послѣ первыхъ, незаподазриваемыхъ, тогда еще, когда не было надобности ни въ какихъ особенныхъ знаніяхъ, ни въ какой осторожности?

Если даже и доказано будетъ, что глоссы приписаны въ XIX вѣкѣ, то все еще останется вопросъ: Не списаны ли онѣ съ какого нибудь утраченнаго или скрывающагося древняго памятника — такъ, что вписывавшій ихъ только переписывалъ, и если мудрствовалъ лукаво, то только въ подчисткахъ и въ подправкахъ?

Во всякомъ случаѣ нельзя не быть признательнымъ А. О. Патерѣ за его превосходное изслѣдованіе. Къ чему бы наконецъ ни привели разысканія о Чешскихъ глоссахъ въ М. V., на нихъ уже не будутъ смотрѣть, какъ смотрѣли. Если онѣ и окажутся не недавно сочиненными, а болѣе или менѣе древними, то все-таки годны будутъ не столько для объясненія неяснаго и дополненія неполнаго въ другихъ свѣдѣніяхъ о миросозерцаніи, вѣроученіи и религіозныхъ обрядахъ Чеховъ язычниковъ. сколько для объясненія нѣкоторыхъ знаній и литературныхъ пріемовъ Чешскихъ писателей того древняго времени. Если же онѣ окажутся сочиненными недавно, т. е. не менѣе какъ за пятьдесятъ или шестьдесятъ лѣтъ, то вскроется не менѣе — если даже не болѣе — важное обстоятельство: ясное, неопровержимое указаніе, что одновременно съ Добровскимъ былъ у Чеховъ такой ученый знатокъ древности Чешской и вообще Славянской, который по крайней мѣрѣ о нѣкоторыхъ предметахъ этой древности зналъ болѣе и лучше, изслѣдовалъ и судилъ осторожнѣе самого Добровскаго. Нисколько не унижая достоинства заслугъ знаменитаго слависта, всюду и всѣми одинаково чтимыхъ, надобно будетъ по-

мнить, что одновременно съ силой его учености дѣйствовали въ народѣ Чешскомъ и другія такія же силы, хотя и не такъ счастливо направленныя, но не могшія оставаться безъ всякого добраго вліянія на другихъ дѣятелей, силы болѣе или менѣе самобытныя, неподчинявшіяся современнымъ увлеченіямъ, могшія оцѣнять ихъ по достоинству строгою критикою ума и знанія, богатыя знаніемъ и того, что всякому другому оставалось недоступнымъ.

——

